ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1875.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г., см. ниже.

VESTNIK EVROPY

1875: no. 11

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

ГОДЪ XXXIX. — ТОМЪ CCXXX. — 1/13 НОЯБРЯ, 1875.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ–ПОЛИТИКИ–ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

(168)

ВОСПОМИНАНІЯ
ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СЕРБІИ
въ 1867 году.

Небольшая территорія, около 1000 кв. м., съ населеніемъ немного болѣе одного милліона, носящая въ настоящее время названіе Сербскаго княжества, была свидѣтельницей многихъ историческихъ катастрофъ, имѣвшихъ міровое значеніе. Здѣсь, на берегахъ Савы и Дуная, совершалась борьба древней цивилизаціи съ европейскимъ варварствомъ: германскія и славянскія племена, а потомъ авары и гунны попеременно вторгались въ эту страну, извѣстную тогда подъ именемъ древней Мёзіи, прорывались сквозь цѣпь римскихъ легіоновъ, но, въ концѣ-концовъ, ослабленные физически и нравственно, признавали господство Рима и Византіи. Здѣсь же разыгрался не одинъ актъ изъ борьбы христіанства съ язычествомъ, окончившейся также торжествомъ перваго надъ послѣднимъ. Позже, на развалинахъ дряхлѣющаго классическаго міра, возникаютъ здѣсь новыя государства изъ новыхъ элементовъ, но на старыхъ началахъ. Быстро возвышаются царства Симеона Болгарскаго и Стефана Душана, но также быстро и падаютъ, не успѣвши слить въ одно цѣлое разнородные элементы. Раздираемыя династическо-родовыми разсчетами и потрясаемыя соціально-религіозной разладицей, они оказываются слабыми, чтобы противостоять дикой силѣ азіатскихъ кочевниковъ, воодушевленныхъ религіознымъ фанатизмомъ и успѣвшихъ заручиться плодами арабской и византійской цивилизаціи. На разва-

линахъ христіанскихъ храмовъ и дворцовъ становятся мечети, гаремы, бани, базары...

Коссовская битва, рѣшившая участь Сербскаго царства, была только началомъ цѣлаго ряда войнъ, сопровождавшихся самыми ужасными кровопролитіями и опустошеніями, въ теченіи пяти столѣтій, и мы не можемъ сказать — окончившихся въ наше время. Театромъ этой пятивѣковой войны, прерываемой только болѣе или менѣе продолжительными перемиріями, была опять Сербія—прибрежья Савы и Дуная и долины Моравы, Дрины, Колубары и Тимока. Сава и Дунай составляли вѣчный фронтъ двухъ армій—мусульманской Турціи и христіанской Австро-Венгріи. То первая овладѣвала этимъ фронтомъ и доходила до Вѣны, то вторая проторгалась за него и приближалась къ Стамбулу...

Въ Бѣлградѣ, какъ въ фокусѣ, постоянно сосредоточивались всѣ силы и стремленія борющихся сторонъ; тамъ видны до сихъ поръ слѣды попеременнаго перехода его изъ рукъ въ руки: на глубинѣ трехъ и болѣе саженъ находятся остатки римскихъ построекъ; груды мусору и полуразвалившіяся мечети свидѣтельствуютъ о послѣдующемъ господствѣ турокъ; остатки дворца принца Евгенія и укрѣпленія Лаудана завѣщаны господствомъ Австро-Венгріи; слѣды древняго Сербскаго царства составляютъ только монастыри и храмы, служившіе царямъ станціями и пріютами для отдохновенія, а ихъ преемникамъ, бѣдной сербской райѣ, впослѣдствіи они послужили убѣжищемъ и крѣпостями, изъ которыхъ добыта сербская независимость. Рядомъ съ шанцами Лаудана помѣщаются и окопы Чернаго Георгія.

Въ исторіи этой страны нѣтъ потому почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобія, сопровождаемыя кровавыми сценами; Сербія страдала и отъ турокъ, и отъ христіанъ, иногда вдобавокъ, природныхъ сербовъ. Исторія Сербіи есть исторія ея мученичества...

При всемъ несомнѣнномъ сочувствіи нашего общества къ судьбамъ соплеменныхъ намъ народовъ, мы должны однако сознаться, что такому сочувствію далеко не соотвѣтствуетъ наше знакомство съ ихъ современнымъ положеніемъ и условіями ихъ быта. Еслибы у насъ кто-либо и захотѣлъ поближе познакомиться со страной и народомъ, интересующими въ настоящій моментъ всю Европу, то въ русской литературѣ не найдется почти ничего, кромѣ сочиненій Гильфердинга, который только отчасти знакомитъ насъ съ современною жизнію сербовъ, а за тѣмъ двѣ-три книги, какъ у гг. Майкова и Попова, носятъ на себѣ характеръ спеціально ученаго, историческаго сочиненія. Мы не имѣемъ карты.

Развѣ у кого-нибудь уцѣлѣли почти лубочныя изданія карты Турціи, сдѣланныя съ спекулятивною цѣлью по случаю крымской кампаніи. И теперь, если дѣла продлятся, навѣрное не замедлятъ появиться такія же, которыя бьютъ больше на наглядность, полагаемую въ яркости красокъ и аляповатости.

Другое дѣло—у нѣмцевъ.

Возьмемъ, напримѣръ, хоть Тёммеля «Историческое, политическое и т. д. описаніе Босніи вмѣстѣ съ турецкою Кроаціей, Герцеговиной и Старой Сербіей». Онъ писалъ на основаніи очень многихъ сочинений на разныхъ языкахъ, между которыми стоитъ и русское, «очень важное произведеніе бывшаго русскаго консула въ Сараевѣ, А. Гильфердинга»; тамъ, гдѣ дѣло касается исторіи, онъ заглянулъ въ самые источники; книга эта написана не для ученыхъ спеціалистовъ и не для любителей занимательнаго чтенія, а для людей, желающихъ серьёзно познакомиться съ краемъ. Поэтому его книга, при чрезвычайно сжатомъ объёмѣ (210 стр. in 8°), очень полна и увѣсиста. Послѣ историческаго обозрѣнія каждой страны, онъ даетъ полное описаніе ея топографіи со статистикой; затѣмъ идетъ административное дѣленіе, пространство, населенность, политическія отношенія между собою и къ туркамъ, культура, школа, нравы, образъ жизни, земледѣліе, торговля и т. д. «Сербія» Каница, помимо ея субъективностей, также довольно обстоятельное описаніе Сербскаго княжества. Оно бьетъ, правда, на литературность, но главная задача—удовлетворить извѣстной дѣловой цѣли, а не пустому дилеттанству.

Для насъ современныя событія въ Герцеговинѣ нѣчто нечаянное, не потому, конечно, чтобы ихъ такъ трудно было предвидѣть, а просто потому, что намъ вообще было не до нихъ, и о герцеговинцахъ мы никогда не задумывались; австрійцы же прямо готовились къ этому. Въ прошломъ году одинъ гонведъ, нѣкто А. Теретянскій, издалъ довольно плотную брошюру, подъ заглавіемъ: «Стратегическое положеніе сербо-боснійскаго и болгарскаго военнаго театра по отношенію къ австро-венгерскому государству»; онъ мотивируетъ свое изданіе такимъ образомъ: «такъ какъ все увеличиваются признаки бури, которая рано или поздно должна разрѣшиться надъ Венгріей, то я предпринялъ въ общихъ очеркахъ освѣтить съ военной точки тотъ пунктъ, гдѣ собираются грозовыя тучи, и являюсь теперь передъ публикой съ этимъ скромнымъ трудомъ, который не имѣетъ претензіи на оригинальность, а составляетъ сводъ свѣдѣній изъ тѣхъ книгъ и статей, которыя касаются упомянутыхъ краевъ». Сочиненіе это напеча-

тано въ прошломъ, а написано еще въ 1873 г. Послѣ общаго описанія каждаго края въ отдѣльности, А. Теретянскій указываетъ и оцѣниваетъ его стратегическое значеніе, даетъ цѣлые маршруты, съ расчисленіемъ, сколько до какого мѣста можно сдѣлать переходовъ, какія затрудненія можно встрѣтить въ продовольствіи или смотря по времени года. Онъ принимаетъ въ соображеніе прежніе походы, въ особенности останавливается на войнѣ 1853 и 54 гг. Все сочиненіе проникнуто опредѣленною и нисколько нескрываемою цѣлью указать своимъ всѣ крѣпкіе и слабые пункты въ позиціи Австро-Венгріи по отношенію къ территоріи, занимаемой юго-славянами, и тамъ откровенно высказывается, что ожидается война если не съ турками, то со славянами.

Нѣмцы имѣютъ, наконецъ, превосходную карту Киперта, изд. 1871 г., при составленіи которой онъ руководился не только изданными уже картами отдѣльныхъ частей, но и снимками съ неизданныхъ еще съёмокъ, какъ, напр., карты Сербіи капитана — Йовановича, долины р. Моравы—Алексича, и между прочимъ отъ Штубендорфа, изъ русскаго генеральнаго штаба, ему доставленъ былъ фотографированный снимокъ съ маршрутной карты одного русскаго офицера (собственно, кажется, не русскаго, а хорвата Каталинича).

Видно, что для людей это составляетъ серьёзное дѣло, потому они такъ и стараются о распространеніи не столько чувствъ, сколько свѣдѣній, издаютъ множество книгъ, которыя безъ сомнѣнія не только читаются, но и штудируются.

Впрочемъ, какъ ни мало мы знаемъ вообще о земляхъ юго-славянъ, но Гильфердингъ, знакомитъ насъ съ Босніей и Герцеговиной такъ, какъ ни одно сочиненіе на всѣхъ иностранныхъ языкахъ; слабѣйшую часть составляетъ топографія, но это было не его дѣло. Мы имѣемъ еще описаніе Черногорья г. Попова, который былъ тамъ до 1848 года, Е. Ковалевскаго и, кромѣ того, было нѣсколько журнальныхъ статей. Меньше всѣхъ посчастливилось въ этомъ отношеніи княжеству Сербіи, о которой я знаю только статью В. И. Ламанскаго; но это не описаніе страны и народа, а скорѣе опредѣленіе и оцѣнка направленія ихъ интеллигенціи въ наукѣ, литературѣ и политикѣ.

Въ настоящее время Сербія становится весьма интереснымъ пунктомъ. Она находится болѣе чѣмъ между двухъ огней: она видитъ возставшую братію, которая, возставая, питала надежду, что ея свободные родичи не бросятъ ее на жертву; на ней лежитъ нравственный долгъ помочь своимъ не только ради ихъ,

но ради того, чтобы и самой черезъ то стать прочнѣе и раздвинуть тѣсную рамку, въ которую до сихъ поръ поставлена ея жизнь, какъ государства; а между тѣмъ съ двухъ сторонъ тотчасъ готовы налетѣть на нее Турція и Австрія. Воздержаться и на этотъ разъ, какъ уже случалось не однажды, и снова отказаться на неопредѣленное время отъ выполненія задачи юго-славянскаго Пьемонта! но не вызоветъ ли это домашней революціи? Что тогда? не повлечетъ ли это за собою опять вмѣшательство Австріи и Турціи? Положеніе Сербіи очень трудное; задача правительства разсчитать и взвѣсить всѣ шансы и рѣшиться—*быть или не быть*.

Сербія не одинъ уже разъ попадаетъ въ такое положеніе: одинъ разъ, когда было движеніе въ Герцеговинѣ, когда Лука Вукаловичъ бился на Граховомъ, часть сербовъ княжества кинулась-было туда же; ихъ схватили и засадили въ тюрьму, а перебѣжчиковъ оттуда прогоняли; также поступило сербское правительство, когда было движеніе въ Босніи. То былъ актъ *высокой политики*, которой держалось сербское правительство при покойномъ князѣ Михаилѣ; но эта высокая политика отнимала у Сербіи популярность въ родственныхъ ей краяхъ и вызывала неудовольствіе въ своихъ патріотахъ. Высокая политика эта зашла такъ далеко, что общее неудовольствіе въ краѣ дошло до послѣдняго предѣла, и кризисъ завершился *топчидерской катастрофой*.

Въ настоящее время Сербія находится въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ она была 8 лѣтъ назадъ; но теперь дѣла крупнѣе, положеніе правительства по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ затруднительнѣе; оно слабѣе, но тѣмъ лучше: перемѣна министерства составляла уже уступку требованіямъ края, и въ этой уступкѣ было его спасеніе, а новое министерство вовсе не такъ радикально, какъ многіе думаютъ: всѣ эти личности играли уже роль тотчасъ по убіеніи князя Михаила и тогда не были ни красными, ни крайними, какими представляетъ ихъ себѣ князь; съ тѣхъ поръ эти лица еще больше унялись. Вопросъ только въ томъ, насколько радикальны требованія народа, насколько движеніе въ Герцеговинѣ и Босніи успѣло затронуть сердца и головы въ княжествѣ. Думаю, что это не зашло еще слишкомъ далеко: кромѣ образованной молодежи и людей, кровно связанныхъ съ возставшими краями, мало кто будетъ рваться въ бой. Сербскій народъ теперь не тотъ, какимъ онъ былъ во времена Чернаго-Георгія: онъ тогда не имѣлъ ничего и нужно было добиться чего-нибудь, а терять было нечего; теперь же онъ ус-

пѣлъ обжиться и кое-что понажить, и рисковать тѣмъ, что̀ имѣетъ, охотно не станетъ.

Сужу о настоящемъ по близкому прошлому, свидѣтелемъ котораго мнѣ привелось быть именно при подобномъ же положеніи. Воспоминанія объ этомъ прошломъ, заповдалыя по времени, но весьма аналогическія и вовсе не лишнія, потому что это прошлое мало кому у насъ извѣстно, — я предлагаю нашимъ читателямъ, съ цѣлью дать хоть нѣкоторое понятіе о странѣ и народѣ, играющихъ роль въ событіяхъ дня.

Пишу, не имѣя подъ руками для помощи памяти ни одного лоскутка изъ путевыхъ записокъ и замѣтокъ, которыя по обстоятельствамъ остались въ Сибири. Поэтому представляю только общіе очерки, иногда забываю названіе или не припомню числа. Казалось бы, что при этомъ всѣ мелочи должны совершенно изгладиться изъ памяти и остаться одни крупные черты и факты, а случается наоборотъ: какая-нибудь мелочь, картинка не цѣлаго ландшафта, лицо, ничего не значущій разговоръ—такъ крѣпко засѣли въ памяти, точно сейчасъ вижу или слышу. И вотъ, такую-то мелочь, если она характерна, поневолѣ буду допускать въ разсказѣ и восполнять ею недостатокъ забытыхъ болѣе крупныхъ чертъ.

Говорить о географическомъ положеніи Сербіи, я думаю, будетъ лишнее, такъ какъ всѣ газеты заняты теперь описаніемъ всѣхъ этихъ странъ, дѣлающихся театромъ войны; но не лишнее будетъ, для связи, разсказать, въ какомъ положеніи и настроеніи находилось княжество въ то время, когда я предпринялъ путешествіе.

I.

Въ мартѣ 1867 г. пріѣхалъ я въ Бѣлградъ и поселился въ гостинницѣ «У короны», недалеко отъ Кали-Мейдана—площади, отдѣляющей городъ отъ крѣпости. Домъ, гдѣ была эта гостинница, принадлежалъ Карагеоргіевичу, жившему въ Венгріи въ качествѣ прогнаннаго эксъ-князя. Устройство и порядокъ гостинницы такіе же, какъ во всѣхъ австрійскихъ гостинницахъ: буфетчикъ сербъ изъ *прека*, прислуга—дѣвушки, не получавшія вдобавокъ никакого жалованья, ни содержанія. Домъ большой, хорошій, но бо̀льшую часть времени пустой; кое-когда только заѣзжалъ кто-нибудь переночевать одну ночь, и то потому только, что всѣ другія гостинницы заняты.

Впослѣдствіи мнѣ это объяснилось.

Его избѣгали всѣ именно потому, что онъ принадлежалъ Карагеоргіевичамъ: останавливаться въ этой гостинницѣ — значило поддерживать прогнанную династію и въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствовать противъ династіи господствующей.

А между тѣмъ, пользуясь пустотой, приверженцы Карагеоргіевичей, или, вѣрнѣе, противники Обреновича, въ числѣ которыхъ былъ и хозяинъ гостинницы, собирались тамъ, и за чашами *црнаго (краснаго)* вина, также изъ имѣній Карагеоргіевича, совѣщались о томъ, какъ бы затѣять *буну* (возмущеніе): князя отправить *преко Саве*, министровъ его, конечно, сбросить, на мѣсто засѣсть самимъ, а на княжеское мѣсто посадить сына Карагеоргіевича *Пéра* (Петра).

Въ другихъ мѣстахъ шли совѣщанія по тому же предмету, только въ другомъ родѣ: были люди, которые не хотѣли никого изъ Карагеоргіевичей, а думали установить республику, благо народная *скупштина* есть; она же назначитъ отвѣтственныхъ министровъ, выработаетъ весь порядокъ и вообще вступитъ только во всѣ свои права, которыя оттягали у нея Обреновичи. Были, однако, и еще претенденты прямо на княжеское мѣсто. Партій было много и въ различныхъ сферахъ: въ либеральной, не раздѣляющей никакихъ династическихъ соображеній, въ старой консервативной, вздыхавшей о прежней династіи, въ министерской и эксъ-министерской, въ кружкѣ совершенно отдѣльномъ, готовившемъ создать новую династію; однимъ словомъ, партій и претендентовъ было множество.

Но скоро выдвинулась одна, такъ-называемая либеральная

партія (я говорю—*такъ-называемая*, потому что тутъ были люди крайне консервативнаго закала, а либералы играли роль второстепенную; они даже не дѣйствовали, и привлечены были только какъ люди полезные для увлеченія молодежи, которая могла агитировать въ народѣ), и всѣ остальныя притихли: каждая изъ нихъ сочла болѣе удобнымъ предоставить одной либеральной партіи произвести переворотъ, а потомъ ужъ въ мутной водѣ ловить рыбу, не рискуя предварительно съ своей стороны ничѣмъ. Для этого всѣ они, въ этой активной партіи, постарались имѣть своего человѣка, который ихъ обо всемъ оповѣщалъ, и въ роковой моментъ дѣйствительно всѣ были на своихъ мѣстахъ; но одинъ перехитрилъ всѣхъ, и либералы поплатились тѣмъ, что живьемъ выдали своихъ, которыхъ разстрѣляли—кого на *Карабурнѣ* (за городомъ), кого подъ крѣпостью; и сначала, въ страхѣ іудейскомъ, рады были пристать ко всему, только бы спасти свои кожи, а потомъ, мало-по-малу очнувшись, сочли за лучшее примириться съ настоящимъ положеніемъ и пошли на компромиссъ съ новымъ правительствомъ, чтобы подавить окончательно всѣхъ носившихъ на себѣ печать стараго режима, и добились того только, что тотъ же самый режимъ сталъ проводиться новыми людьми.

Люди истинно либеральные, конечно, скоро поняли свое, можно сказать, глупое положеніе, снова возвратились къ самимъ себѣ, отдались наукѣ, литературѣ, школѣ, молодежи, которую сначала оттолкнули-было отъ себя, и мало-по-малу возстановили свою репутацію въ странѣ, въ народѣ, который одно время вѣрилъ имъ, а потомъ изверился.

Либералы готовили переворотъ или, вѣрнѣе, подготовлялись къ нему, помогая другимъ и не зная вполнѣ, какимъ путемъ онъ будетъ произведенъ; иные изъ нихъ не знали даже, когда это должно произойти: одинъ, напримѣръ, выѣхалъ изъ Бѣлграда какъ разъ наканунѣ катастрофы и, какъ оказалось, ничего не подозрѣвалъ о томъ, что должно было совершиться; искренность его видна въ томъ, что онъ тогда же вернулся назадъ, когда одинъ изъ его близкихъ друзей былъ уже взятъ и вскорѣ послѣ того разстрѣлянъ. Это была какая-то игра въ жмурки: на одномъ изъ совѣщаній было лицо, составлявшее правую руку одного изъ министровъ, котораго рѣшено было убить, и это лицо, когда рѣшался вопросъ о томъ, какъ поступить съ княземъ, говорило:

— Пуля, пуля—одинъ конецъ!—Это лицо осталось не тронутымъ.

Заговоръ такимъ образомъ дѣлался чуть не на улицѣ; о немъ знали

всѣ. Въ иностранныхъ газетахъ были очень прямыя указанія, что Сербія стоитъ наканунѣ переворота. Были, говорятъ, письма къ митрополиту, и онъ представлялъ ихъ князю; письма были и самому князю. Крѣпко вѣруя въ неусыпную бдительность своей полиціи, которая подъ министерствомъ Николы Христича отправляла всевозможныя политическія и общественныя функціи, князь былъ спокоенъ.

Странную смѣсь представляла Сербія, какъ политическій организмъ. Князь, призванный народомъ, преданнымъ ему, какъ сыну народнаго героя, сподвижники котораго не сошли еще въ могилу, не вѣритъ народу, попираетъ его права въ лицѣ скупштины, и окруживъ себя бюрократіею на австрійской закваскѣ, замыкается въ своемъ *конакѣ* (дворцѣ) и остается глухъ и слѣпъ ко всему, что́ дѣлается въ странѣ. Все вниманіе сосредоточено на полиціи и войскѣ. Вся Сербія обратилась въ огромное полицейское управленіе. Всѣ функціи въ ней, не только полицейскія, но судебныя и экономическія, отправлялись окружными начальниками (родъ нашихъ исправниковъ) и *капетанами* (становыми приставами) со стаею жандармовъ и *пандуровъ*, власти которыхъ не было предѣла. По Сербіи шагу нельзя было сдѣлать безъ паспорта, и даже капетанъ, зарвавшійся въ чужой округъ, преслѣдуя воровъ и убійцъ, отрѣшался отъ должности (конечно, онъ былъ уже прежде намѣченъ, какъ неблагонадежный). Каждый поселянинъ, какое бы ни встрѣтилъ новое лицо, требовалъ паспорта, хотя не умѣлъ бы читать. Быстро также развилась страсть къ даванью и полученію векселей: самые мелкіе грошовые счеты дѣлались на бумагѣ; потребность въ письмѣ явилась огромная; а при малораспространенной грамотности явилась масса фальшивыхъ документовъ. Вся Сербія обратилась къ тяжбамъ. Открылось широкое поле для сутягъ. Пользуясь поголовнымъ сутяжничествомъ, чиновники извлекали выгоды, не стѣсняясь самыми безстыдными средствами. Одинъ чиновникъ цѣлое окружье такъ опуталъ, что не осталось ни одного почти селенія, въ которомъ всѣ не были бы въ тяжбѣ между собою, и онъ положительно грабилъ всѣхъ, начиная съ настоятелей монастырей и до послѣдняго бѣдняка, который, чтобы заплатить за тяжбу, долженъ былъ продать послѣднюю козу. Все было въ его рукахъ, и это сходило ему долго, пока онъ не расхвастался, что у него въ рукахъ и министръ Н. Христичъ. Тогда только его отрѣшили и безъ достаточныхъ, впрочемъ, уликъ въ мошенничествахъ засадили въ тюрьму въ Топчидерѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ компанію, чтобы составить заговоръ. Съ поразительнымъ цинизмомъ онъ заявлялъ,

что по совѣсти онъ виноватъ, но по суду съ нимъ поступили беззаконно.

Промышленности въ странѣ никакой, торговля вся основана на торгашествѣ и плутнѣ; то и дѣло злостныя банкротства, земледѣліе упадаетъ, страна наполняется паразитами. Печать задушена. Цензура распространена даже на ороографію. Частное мнѣніе доносится министру и князю, и если оно имъ не по вкусу, сопровождается преслѣдованіемъ. Шпіонство кругомъ. Общественной жизни никакой.

«Скупштина»—законный органъ страны—обратилась въ пустой парадъ, на которомъ дебютировали министры и ихъ клевреты, а остальные члены были безгласными свидѣтелями. «Сербская Омладина», задачу которой составляло объединеніе сербства и нисколько не касалось политическаго строя и соціальныхъ отношеній, заподозрѣна, и ея собраніе, въ Бѣлградѣ, разогнано. Рядомъ съ этимъ совершались колоссальныя кражи и мошенничества въ военномъ министерствѣ, на которомъ, послѣ полиціи, сосредоточено было все вниманіе правительства.

Какой-то общій гнётъ, тяжелое чувство выносилъ всякій, кому въ то время приводилось жить въ Бѣлградѣ и вращаться въ различныхъ сферахъ.

А между тѣмъ, нѣсколько милліоновъ славянскаго населенія ожидало отъ этого юнаго государства своего освобожденія и готово было отдаться ему безъ завѣта и договора. Сербія считалась юго-славянскимъ Пьемонтомъ, и ея правительство прежде всѣхъ чувствовало въ себѣ то же призваніе.

Въ то время, когда я былъ въ Бѣлградѣ, движеніе было въ Болгаріи, или собственно въ Македоніи, но производилось шайками болгарскихъ хайдуковъ, подъ предводительствомъ знаменитыхъ Иля, Панайота, Тоти и др. Потомъ эти герои явились въ Бѣлградъ, гдѣ получали содержаніе отъ правительства и предполагалось, что, когда изъ Сербіи двинутся отряды, они будутъ путеводителями; тамъ же находилась цѣлая болгарская рота, чтобы приготовить изъ нихъ офицеровъ. Проживали агенты отъ болгарскаго комитета. Говорили, что изъ Россіи привезено было оружіе, болѣе 100 или до 200,000 тульскихъ ружей, которыя пошли на передѣлку въ Крагуевацъ, гдѣ на оружейномъ заводѣ шла кипучая работа. Послѣ все это оказалось пуфомъ. Выводились огромные счеты, но дѣлалось мало и плохо. А между тѣмъ, повидимому, Сербія сильно вооружалась. И все это дѣлалось, будто бы, по тайному договору съ Россіей. Русскіе инженеры и артиллеристы пріѣзжали туда, чтобы увидѣть, что́ сдѣлано уже, и что-

бы помочь сербамъ совѣтомъ, знаніемъ и опытностію. Это было всего курьёзнѣе: сербъ былъ въ Парижѣ и Берлинѣ, а тутъ русакъ пріѣзжаетъ обучать его; обидно! Такихъ нежеланныхъ совѣтчиковъ отъ души ненавидѣли и принимали самымъ сквернымъ образомъ, какъ не принимали послѣдняго шваба; а между тѣмъ говорили, что это дѣлается только для вида, чтобы иностранцы не узнали объ интимныхъ отношеніяхъ Сербіи съ Россіей. Не знаю, какъ чувствовали себя наши офицеры, но все это было въ духѣ «великой политики».

И тутъ опять является игра въ жмурки. Очевидно было, что все, чтó ни дѣлается, извѣстно иностраннымъ консуламъ изъ самаго близкаго къ дѣлу источника. Интимныя отношенія у сербскаго правительства были съ Калаемъ, венгерскимъ консуломъ, а также съ французскимъ консуломъ, съ русскимъ же велись какія-то тайныя дѣла только для виду. Все равно какъ для виду только держали и болгарскихъ вождей: имъ говорили, что имъ поручатъ вести отряды противъ турокъ; а туркамъ сообщали, что они нарочно отвлекаютъ ихъ, чтобы дать краю успокоиться. Въ такихъ же ложныхъ ожиданіяхъ, какъ болгары, вращались въ Бѣлградѣ и черногорцы. Придетъ ли кто изъ Старой Сербіи, изъ Македоніи — все это призывается къ Блазнавацу, военному министру, и тотъ развиваетъ передъ ними картину будущаго освобожденія, только нужно, чтобы они уже впередъ присягнули на подданство Сербіи и повременили немного, когда заготовятъ достаточно оружія и боевыхъ снарядовъ, а надъ этимъ работаютъ денно и нощно. Простота вѣрила, и имя Михаила произносилось всюду съ надеждой и благоговѣніемъ. Блазнавацъ рисовался сербскимъ Гарибальди; былъ, конечно, и свой Кавуръ.

Скоро однако эта игра въ жмурки надоѣла всѣмъ. Надоѣли Блазнавацу и черногорцы, и болгары. Сталъ онъ ихъ спроваживать; а болгаръ въ одно прекрасное утро за то, что они не хотѣли исполнять черныхъ работъ и требовали настоящаго ученія, вздули палками. Возмутились несчастные и всѣ сразу двинулись вонъ изъ братскихъ объятій. Агенту ихъ много хлопотъ стóило, чтобы удержать отъ скандала, потому что они готовы были на все: они хотѣли убить Блазнаваца, и хотя бы это имъ не удалось, но тѣмъ не менѣе дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія, чтó между братьями было бы крайне неловко.

Все это однако передъ свѣтомъ было скрыто. За предѣлами Сербіи публика увѣрена была, что Сербія готовится къ бою. Поэтому симпатіи славянъ обращались къ ней. Тогда же явился чехъ Крнка, предлагая свое скорострѣльное ружье, которое при

достаточной скорости отличалось простотою и грубостью механизма, чтó предохраняло его отъ скораго полома и порчи. Его приняли, поводили за носъ, выудили изъ него, чтó было нужно, и отпустили ни съ чѣмъ. Впослѣдствіи туда явился одинъ русскій музыкантъ, дававшій концертъ во дворцѣ абиссинскаго короля, съ предложеніемъ особенной системы ружья, съ помощію котораго одинъ будетъ убивать 500 чел., и турки будутъ непремѣнно прогнаны; тогда нужно будетъ возстановить византійскую имперію съ царемъ изъ русскаго царствующаго дома.

Забрелъ какъ-то русскій офицеръ, чтобы попасть въ волонтеры; натерпѣвшись всякой нужды, онъ радъ-радъ былъ, что его на время прикомандировали на оружейный заводъ въ Крагуевцѣ. Всѣхъ принимали, всѣмъ подавали надежды.

Является туда и еще одинъ соотечественникъ въ началѣ мая: настали жары, а онъ въ ватной шинели съ мѣховымъ воротникомъ; тоже прибылъ искать какого-то дѣла. Но въ это время близились уже къ разрѣшенію дѣла другого рода, въ которыхъ ему было бы неловко, и его постарались выпроводить, чтобъ онъ не попалъ въ какую-нибудь кашу, какъ кура во щи, да еще далъ бы поводъ говорить, что Россія посылала своихъ эмиссаровъ дѣйствовать противъ сербскаго правительства, о чемъ и поговаривали.

Откуда-то явился хорватъ, когда-то участвовавшій въ возстаніи въ Босніи, тоже, видимо, пронюхавшій о какомъ-то дѣлѣ.

Хаживалъ ко мнѣ одинъ отставной *капетанъ* (становой); въ синемъ вицмундирѣ, съ красными кантами и желтыми пуговицами и въ фесѣ на головѣ, и вели мы съ нимъ бесѣду о томъ, какъ бы высвободить нашу славянскую братью изъ-подъ турецкаго ига, и тутъ же сообщалъ, какъ все больше и больше растетъ недовольство въ Сербіи противъ правительства, какъ оно безтактно поступаетъ и у себя дома, и во внѣшней политикѣ. Когда я ему замѣчалъ, что при такомъ положеніи нечего и думать объ освобожденіи турецкихъ славянъ, онъ всегда отвѣчалъ мнѣ съ нѣкоторою запальчивостью: «Ама, вѣруйте ми, битье-то, битье (будетъ)»—но всегда добавлялъ, что прежде должно совершиться еще что-то другое. Это былъ намекъ на переворотъ, котораго всѣ ожидали. Бродя съ нимъ по улицамъ, мы встрѣчали много новыхъ лицъ, съ которыми со всѣми онъ былъ знакомъ и раскланивался. И неудивительно: въ такомъ маленькомъ государствѣ всѣ между собою знакомы. Нѣкоторыхъ онъ называлъ мнѣ по именамъ, видимо, желая обратить мое вниманіе на

нихъ. Много народу съѣзжалось изъ провинціи по разнымъ дѣламъ, но въ сущности всѣхъ привлекало одно какое-то дѣло.

Полиція этого не могла не знать и не замѣчать: она и знала, и замѣчала, но, какъ полагали, ждала, чтобы дѣло довести до конца, дать побольше собраться народу и тогда уже накрыть всѣхъ сразу. Для этого только.

Никола Христичъ, не дозволявшій никому заживаться въ Бѣлградѣ безъ особенной надобности, допустилъ сборище болѣе обыкновеннаго и впередъ торжествовалъ свою побѣду. Онъ сообщилъ свой планъ князю, и тотъ былъ вполнѣ спокоенъ и увѣренъ, и также впередъ торжествовалъ. А между тѣмъ ожиданіе охватывало всѣхъ.

Бывало, чуть услышишь бой барабана не въ урочный часъ, бѣжишь смотрѣть, не произошло ли чего: оказывается, что же: аукціонъ или объявленіе какого-нибудь указа. Часу въ седьмомъ публика всегда собиралась на Врачарѣ противъ инженерныхъ казармъ, тамъ, гдѣ шла дорога въ Топчидеръ, по которой объ эту пору обычно проѣзжалъ князь со своею племянницей, молоденькой, очень красивою дѣвушкой. Публика собиралась не даромъ, а все чего-то поджидала. Ждетъ, бывало, публика часовъ до девяти; выйдутъ трубачи изъ казармъ, къ воротамъ, проиграютъ сначала маршъ «Всадники други», потомъ «Коль славенъ», и за тѣмъ одна труба прокричитъ нѣсколько вызывающихъ звуковъ, пробьетъ барабанъ зорю; все стихнетъ; а публика ждетъ, когда князь проѣдетъ обратно, и разойдется ужъ поздно.

Такъ было въ первыхъ числахъ мая. Зажился я въ Бѣлградѣ, дожидаясь только весны, чтобы пуститься въ глубь страны; въ концѣ апрѣля смѣло уже можно пуститься въ путь, не боясь никакихъ невзгодъ; подождалъ еще дня три, думалъ, что́ будетъ, и наконецъ рѣшился отправиться: и надоѣло отчасти, и нужно же видѣть край и народъ. Наканунѣ простился со своими пріятелями, кото́рымъ невозможно было проводить меня, такъ какъ всѣ они были люди занятые по утрамъ; пришелъ ко мнѣ только мой пріятель старикъ. «Идите съ Богомъ,—говорилъ онъ мнѣ,—здѣсь вы не увидите настоящихъ сербовъ; здѣсь народъ дрянь, трусъ, торгашъ; еслибъ не дѣла, сейчасъ бы отсюда бѣжалъ; здѣсь всякое дѣло тянутъ»—и началъ онъ мнѣ разсказывать о какомъ-то дѣлѣ съ Христичемъ.

— Да вы что мнѣ о Христичѣ говорите; вы мнѣ скажите, когда у васъ будетъ то, чего вы всѣ ждете?

— Ничего не будетъ у насъ, а если и будетъ, то конецъ будетъ скверный. Сонъ мнѣ видѣлся такой, по которому я знаю,

что будетъ скверно. Нынѣшнюю ночь приснилось мнѣ, будто я сижу въ какой-то темной и холодной комнатѣ.

— Ну такъ что-жъ?

— А то, что этотъ же самый сонъ я видѣлъ, когда мы хотѣли прогнать Карагеоргіевича. Дѣло не удалось; наши струсили; меня бросили въ тюрьму; морили девять мѣсяцевъ и приговорили къ смертной казни; а тутъ какъ разъ его и сбросили; опоздай на одинъ день, меня бы не было. А теперь я не надѣюсь ни на кого, ни на что.

— Зачѣмъ же вы идете?

— Э, брате, шта тью! — отвѣтилъ онъ—пожимая плечами, т.-е. не знаю, что̀ отвѣтить: нужно, долженъ.

Поговорили мы съ нимъ о томъ, что не слѣдуетъ вѣрить снамъ; что по сербской пословицѣ «санъ е лажа (ложь), Богъ е истино»; но старикъ мой видимо былъ смущенъ своимъ роковымъ сномъ, который безъ сомнѣнія навѣялъ ему то обстоятельство, что дѣло, которому онъ служилъ, не клеилось, между самими заговорщиками видны были рознь, несогласіе и нерѣшимость. И еще его смущало то обстоятельство, что съ ними замѣшался монахъ.

— Боюсь я этого монаха. Въ немъ капли крови нѣтъ, а говоритъ, такъ пламя мечетъ. Боюсь я его.

Было ли то темное предчувствіе или сознательное предвидѣніе, когда человѣкъ видитъ ложь, но по долгу присяги вѣритъ; потомъ я видѣлъ его уже между подсудимыми; но объ этомъ послѣ.

Я стремился вонъ изъ Бѣлграда, чтобъ видѣть скорѣе край и народъ, чтобъ отдохнуть и освѣжиться послѣ тяжелаго чувства, давившаго каждаго въ Бѣлградѣ.

II.

Около 8-ми ч. утра я былъ уже на пристани, на Савѣ. Движенія было еще мало: два-три *хамала* (носильщики) и *рабаджіи* (возчики кладей) составляли всю почти публику; отправляющихся было не много и еще меньше провожающихъ. Но мой знакомый старикъ въ красномъ фесѣ и свѣтло-синемъ полицейскомъ вицмундирѣ былъ уже тутъ. Оказалось, что онъ пришелъ проводить меня и сказать два-три слова. Видъ его былъ веселый, сіяющій; совсѣмъ не такой, какимъ я его видѣлъ наканунѣ. «Должно быть, видѣлъ хорошій сонъ», подумалъ я про себя.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій мнѣ вполнѣ воспользоваться и насладиться предстоящимъ путешествіемъ, онъ добавилъ: «изъ Шабаца вы не уѣзжайте скоро; тамъ вы услышите нѣчто дивное, и тогда поспѣшите обратно въ Бѣлградъ. Вамъ, какъ наблюдателю, будетъ чтó видѣть и передать своимъ: вы увидите тогда, каковъ сербскій народъ; а вы намъ также будете нужны». Дальнѣйшіе разспросы были бы съ моей стороны нескромностью, и я отправился въ ожиданіи чего-то. Австрійскій пароходъ, помнится, «Делиградъ»,—небольшой и довольно грязный, медленно тащился противъ теченія рѣки, какъ-бы намѣренно давая намъ налюбоваться видомъ Бѣлграда; да и рѣка повилась такъ, что, сколько ни ѣдешь, все возвращаешься къ прежнему мѣсту.

Мутно-зеленоватая Сава, гладкая какъ зеркало, не вошла еще вполнѣ въ свое русло: тамъ осталось отъ разлива длинное озеро, въ видѣ протока; тамъ шелъ заливъ, а мѣстами только-что выступившая изъ-подъ воды почва успѣла уже покрыться яркою, свѣжею зеленью или сплошь, какъ снѣгомъ, укрылась бѣлою звѣздчаткой. Лѣвый (австрійскій) берегъ плоскій, низкій, чрезвычайно пустъ; только вдали кое-гдѣ виднѣется колокольня церкви или по гривѣ тянутся рощи и среди ихъ гдѣ-нибудь чуть замѣтно выдастся деревенька. Бѣлыя чайки вьются надъ нами; а по берегу безпечно бродитъ цапля, лакомясь по мелкому заливу различною водяною снѣдью; завидѣвъ и заслышавъ пароходъ, она отбѣжала отъ берега, поворотилась къ намъ задомъ, подогнула ноги, собираясь летѣть, но пароходъ отвернулъ, и она снова спокойно предалась своему занятію.

Но что за растительность на островахъ?! Они сплошь поросли дубомъ, темная шапка котораго, какъ кудрями, убрана свѣтлою зеленью дикаго винограда, а середина его, сажени на двѣ вышины, залита ярко-пурпуровымъ цвѣтомъ шиповника, который, пробиваясь къ свѣту сквозь гущу его вѣтвей и темной листвы, обсыпалъ его своими цвѣтами. По лугу трава выше колѣна, и съ разноцвѣтнаго ковра его по-временамъ обдаетъ ароматомъ. Жизни только мало. На разстояніи болѣе ста верстъ отъ Бѣлграда до Шабаца только и есть одно мѣстечко Палежъ или Обреновицъ, да еще два-три селеньица; а то все лѣсъ да низменный лугъ. Кое-гдѣ только подъ лѣсомъ попадаются уединенныя полоски посѣвовъ ржи или пшеницы.

Медленно тащится пароходъ. Сколько ни ѣдемъ, а все не можемъ уйти изъ виду Авалы (гора надъ Бѣлградомъ, съ развалиной стараго зáмка наверху); она будто гонится за нами: то

мы видимъ ее справа, то слѣва, то вдругъ она опередила насъ, будто идетъ къ намъ на встрѣчу или мы поворотили къ ней назадъ. Это все дѣлаютъ извилины рѣки.

Общество на пароходѣ немногочисленно и не разнообразно по народностямъ, но костюмы замѣчательны смѣсью общеевропейскаго съ національнымъ. Одинъ въ черномъ сюртукѣ и съ краснымъ фесомъ на головѣ, другой, наоборотъ — въ полномъ сербскомъ костюмѣ, а на головѣ шляпа; буфетчикъ, рыжій еврей, старался изобразить изъ себя мадьяра и серба вмѣстѣ; только турокъ былъ вполнѣ вѣренъ самому себѣ: на бритой головѣ — чалма, широкіе штаны, стянутые у щиколки, мягкіе сапоги и сверху башмаки, въ рукахъ трубка на длинномъ чубукѣ. Сидитъ онъ на кучкѣ своего багажа и товара, покрытыхъ ковромъ, и покуриваетъ трубку на длинномъ чубукѣ, безъ цѣли и безъ смысла поглядывая на рулевого, какъ онъ ворочаетъ колесо, кладя руль направо, налѣво или совсѣмъ на бортъ.

Большая часть публики—торговцы сербскіе, шабачане и лозничане (изъ Лозницы), и турокъ-босниякъ или собственно потурченецъ. Физіономія его не сербская: черные глаза, смотрящіе какъ-то тускло, не то важно, не то безсмысленно; носъ длинный, но плотно прилегающій къ лицу, скулы, нѣсколько больше выдающіяся, чѣмъ у серба, рѣдкіе усы, несмотря на то, что ему далеко за тридцать, длинная шея съ сильно выдающимся кадыкомъ, точно въ этомъ мѣстѣ она изломана. Когда онъ ходитъ но палубѣ, закинувши руки назадъ, и не выпуская ни на минуту чубука, голова у него сильно подается впередъ и держится гордо на изломанной шеѣ, а въ то же время наклоняется вмѣстѣ съ верхнею частью туловища. Особенность образа жизни и привычекъ, конечно, сообщили ему особенную физіономію, такъ что, во что бы вы его ни одѣли, вы сейчасъ признаете въ немъ турка или, по крайней мѣрѣ, не признаете въ немъ серба, какимъ онъ есть по происхожденію. Онъ даже говоритъ по-сербски, а по-турецки знаетъ только сказать привѣтствіе, ругань и кое-какъ молитвы.

— Какой ты турокъ, когда не умѣешь говорить по-турецки? —приставалъ къ нему шабачанинъ.

— Ни самъ рая, есамъ сарафъ, био самъ у Стамбулъ на хаджилуку, а самъ добио цареве фермане [1]), — отвѣтилъ потурченецъ, отчеканивая каждое слово и ударяя себя въ грудь, гдѣ,

[1]) Я не райя, я мѣняло, былъ въ Константинополѣ на богомольѣ и получилъ царскіе указы.

за пазухой на зеленомъ шнуркѣ, держалъ дѣйствительно какую-то бумагу. Это разбогатѣвшій мѣняло изъ Банья-луки, успѣвшій разнаго рода одолженіями расположить въ себѣ мѣстныя власти; затѣмъ онъ отправился въ Константинополь и тамъ исхлопоталъ себѣ право собирать поземельную дань.

Онъ ѣхалъ изъ Константинополя и съ нимъ переводчикъ, плюгавенькій *цинцаръ*, который говоритъ рѣшительно на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ на Балканскомъ полуостровѣ, и не знаетъ самъ, какой онъ народности. Цинцары родомъ бóльшею частію изъ Македоніи, гдѣ смѣшались вмѣстѣ славяне, греки, румыны, албанцы и еще можетъ быть остатокъ какого-нибудь исчезнувшаго народа; бродя по всему полуострову, они чувствуютъ себя вездѣ, какъ дома. Впрочемъ, спеціальность цинцаръ составляетъ содержаніе *механъ* (постоялыхъ дворовъ), и рядомъ съ этимъ уже идутъ всевозможныя другія занятія: торговля, хлѣбопашество, ремесло и т. д. Больше всего они любятъ называть себя эллинами, но, поселившись на постоянное жительство въ Сербіи, охотно превращаются и въ сербовъ.

Бесѣды велись крайне неинтересныя, все вертѣлось на торговлѣ въ самомъ узкомъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ Пештѣ и въ Вѣнѣ, но и тамъ для нихъ весь интересъ сосредоточивался на цѣнахъ различныхъ товаровъ.

Припоминая свои поѣздки, какъ сухопутныя, такъ и на пароходѣ въ предѣлахъ сербскихъ земель, я замѣчаю одну странность: я не встрѣчалъ никогда женщину; видно, что тамъ она крѣпко сидитъ у домашняго очага, отъ котораго боится оторваться, помня еще турецкія времена, когда это было дѣйствительно опасно. Такъ и въ этотъ разъ на пароходѣ не было ни одной женщины, ни дѣтей.

«Поневолѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ», говоритъ русская пословица; такъ и тутъ—поневолѣ приводилось смотрѣть на берега да на воду, когда общества почти не было. Къ сожалѣнію, и мѣстность была крайне однообразна. Впереди на перерѣзъ рѣки шли два хребта: къ сербскому берегу Церъ, къ австрійскому Фрушка-гора, и издали казалось, будто они сливаются, а по мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ, они все раздвигались, и наконецъ мы плывемъ между ними, но берега такъ же плоски, какъ и были. Стали попадаться *байдаки* (плавучія мельницы), какія попадаются на Дунаѣ и Дравѣ, а у насъ на Дону и на Уралѣ. По лѣвую сторону отъ насъ стелется *Мачва*, обширная равнина, на которой больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, сѣется хлѣба, и потому она иначе не называется, какъ *урожайная*

Мачва. Глушь понемногу исчезаетъ; вмѣсто лѣса, вы видите только отдѣльно стоящіе обгорѣлые дубы и между ними всюду засѣянныя поля. Рѣка разбилась на островки, а тамъ показалась темною полосою и стѣна Шабацкой крѣпости: сѣрая, низкая, на низкой мѣстности она совершенно не похожа на крѣпость, да и врядъ-ли можетъ считаться крѣпостью; вдобавокъ она во многихъ мѣстахъ разрушена.

Вотъ вамъ и Шабацъ.

Широкія улицы, чистенькіе домики, множество лавокъ, каменная выбѣленная церковь съ необыкновенно высокимъ шпицемъ, суетня на базарной площади, публика, возсѣдающая на скамеечкахъ передъ кофейнями,—все это вмѣстѣ сообщаетъ весьма живую и веселую физіономію этому окружному городку княжества, имѣющему до $2^1/_2$ тысячъ жителей.

Особенность этого города та, что онъ меньше другихъ смотритъ чисто сербскимъ городомъ; это замѣтно какъ въ его наружномъ видѣ, такъ и въ самой жизни; онъ больше всѣхъ другихъ напоминаетъ собою небольшіе городки или мѣстечки Баната или Срема. Отсутствіе оригинальности въ расположеніи и постройкѣ дѣлаетъ его мало интереснымъ. Пошелъ я въ церковь, гдѣ служба только-что кончилась; священники повели меня въ алтарь показать ризницу, и между прочимъ показали сосудъ, пожертвованный русскимъ купцомъ (чуть ли не изъ Тулы), воздухи, шитыя русской барыней и еще нѣсколько вещей, присланныхъ изъ Россіи. А наконецъ, въ стѣнѣ церкви мѣдная доска съ надписью, въ которой значится, что она построена въ царствованіе такого-то турецкаго султана, при сербскомъ князѣ Милошѣ и подъ покровительствомъ русскаго императора Николая.

Въ Шабацѣ находится епископская каѳедра, въ то время пустая, такъ какъ старый епископъ померъ, а новый еще не былъ назначенъ. Меня повели посмотрѣть его домъ. Домъ оказался запертымъ, а человѣка съ ключомъ не оказалось дома, и потому мнѣ привелось осмотрѣть его наружность, которая не представляла ничего особеннаго: довольно большой, длинный и, кажется, двухъ-этажный каменный домъ, со множествомъ оконъ и съ плоскимъ фасадомъ; вотъ и все тутъ. Но передъ нимъ садъ, составляющій дворъ, и въ немъ, рядомъ съ кустами розъ, я увидѣлъ желтыя гвоздики (шапки), кануперъ, зарю (мобистонъ) и душистые васильки (базилика), которые составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго огорода у малороссіянъ. Откуда такое сходство? занесено ли это духовными лицами, получающими образованіе въ Кіевѣ, или самостоятельная черта сер-

бовъ, указывающая на ихъ родство съ южно-руссами? На другой день мнѣ привелось наблюдать еще нѣкоторыя черты, также напоминающія Малороссію.

Горожане сами собою представляли для меня мало интереса, потому что въ нихъ я видѣлъ копіи бѣлградскихъ горожанъ, съ которыми я уже достаточно познакомился. Поэтому мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть сельскій людъ.

Планъ мой былъ отправиться вверхъ по-надъ Дриной вдоль боснійской границы, потомъ выдти на Ужицу, оттуда перевалить въ долину Моравы и т. д. Но Мачва также отличается особенностями, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, и потому я рѣшился сдѣлать для нея отдѣльную экскурсію; но еще одинъ день остался, чтобы видѣть маневры. Утромъ (помнится, это былъ Николинъ день) была торжественная служба въ единственной церкви, а послѣ обѣдни черезъ городъ потянулось войско съ обозами артиллеріи: это была народная милиція, собравшаяся для обученья. Собрано было тысячъ до 6 милиціи: съ утра по улицамъ двигались отряды изъ различныхъ фезовъ (уѣздовъ) и нельзя было не замѣтить во всѣхъ ихъ рѣзкой разницы, какой трудно было бы ожидать, принимая во вниманіе незначительность района. Нѣкоторые отличались большимъ ростомъ, крѣпкимъ, воинственнымъ видомъ, какъ, напр., съ Поцерья: что ни солдатъ, то *юнакъ*; другіе были гораздо мельче, неуклюжи, такъ и смотрѣли простыми *селяками*. Но всѣ были необыкновенно довольны, отдавались военному обученью съ любовью. Стоя на границѣ Босніи, они всѣ до единаго проникнуты были мыслію объ освобожденіи своей братіи по-ту сторону Дрины. Тутъ случилось нѣсколько босняковъ, бѣдно одѣтыхъ въ истасканныя *гуни* (верхняя одежда) и засаленные фесы, смотрѣвшихъ дѣйствительно какими-то пригнетенными *райями*; ихъ привѣтствовали всѣ, какъ почетныхъ гостей, угощали, водили всюду и, показывая маневры, утѣшали увѣреніями, что не въ дальнемъ будущемъ готовится ихъ освобожденіе. Воодушевленные мыслію о предстоящемъ освобожденіи славянъ изъ-подъ турецкаго гнета, сербы охотно несутъ военную повинность; съ обозомъ какого-нибудь батальона шло множество лишняго народа, приходили даже женщины полюбоваться на своихъ сыновей, мужьевъ или братьевъ. Маневры эти, продолжающіеся дня три (въ промежутокъ времени между окончаніемъ пахаты и началомъ покоса) — не похожи на обычныя военныя ученья, это было какое-то празднество, нѣчто въ родѣ олимпійскихъ игръ древнихъ грековъ. Мѣткость выстрѣловъ артиллеріи была удивительная; но конница была не совсѣмъ подготовлена: одинъ

эскадронъ, встрѣченный выстрѣлами засѣвшаго пѣшаго отряда, весь разсыпался вслѣдствіе того, что лошади испугались, и при этомъ нѣсколько человѣкъ свалилось.

День былъ жаркій; движенія были бѣшеныя; пальба не прерывалась ни на минуту; нельзя было ничего видѣть въ дыму и въ пыли; и, только окончилось дѣло, раздался звукъ *свиралы* (деревянной дудки), и пошло *коло* (пляска). Вечеромъ въ каждой палаткѣ шелъ пиръ: печеная на рожкѣ баранина запивалась вкуснымъ поцерскимъ виномъ, лютая паприка (красный перецъ) служила приправой ко всему: угощеніе это приносилось горожанами. Въ 9 часовъ пробили зорю; кругомъ поставлена цѣпь, и ужъ никто не выйдетъ изъ лагеря и не войдетъ въ него. Я не знаю солдата болѣе веселаго и болѣе исполнительнаго, чѣмъ сербскій солдатъ; его какъ будто самая жизнь дисциплинировала, онъ солдатъ по природѣ, по призванію. Поэтому, вольный и непокорный внѣ строя, сербъ дѣлается безусловно покорнымъ, какъ скоро вы успѣли поставить его въ строй. Этимъ воспользовался Блазнавацъ, какъ военный министръ, во время топчидерской катастрофы: извѣстивши по телеграфу о случившемся, онъ тотчасъ же, не давши народу одуматься, по телеграфу же поставилъ всю Сербію подъ ружье подъ предлогомъ, будто бы угрожаетъ нападеніе со стороны Турціи, и затѣмъ уже могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ. Блазнавацъ былъ истый сербъ; народъ зналъ объ его злоупотребленіяхъ, но любилъ его за его военныя затѣи, мечтая, что онъ изъ Сербіи создастъ такую силу, съ которой можно будетъ цѣлую Турцію разгромить и возсоздать царство Стефана Душана.

Затѣмъ я отправился въ экскурсію вверхъ по Савѣ, въ селеніе Дреновацъ, часахъ въ трехъ отъ Шабаца. Отличная шоссированная дорога; по бокамъ огромныя тутовыя деревья и черешни. Все это насажено по приказанію Милоша, лѣтъ 25 назадъ. По сторонамъ сплошныя нивы: рожь уже выколосилась давно, завязывается даже колосъ у пшеницы, и между нею, по свѣтло-зеленому фону, краснѣютъ цвѣты полевого мака; вездѣ торчатъ обгорѣлые дубы, поднимая къ небу свои черныя, обожженныя вѣтви; иные свалились давно, но хозяинъ поля не заботится убрать ихъ исполинскіе остовы и предпочитаетъ обходить ихъ плугомъ, жертвуя значительною частью годной для пашни земли; видно, что не дорожатъ лѣсомъ и чувствуютъ просторъ. Мѣстами, у обгорѣлаго дерева уцѣлѣлъ одинъ мощный стволъ, и подъ его зеленымъ навѣсомъ теперь покоится пахарь, укрываясь отъ солнца и предаваясь сладкому сну послѣ тяжелой работы. Время было послѣобѣденное и мужчины спали всѣ; даже дѣти угомонились, только

женщины сидѣли, занятыя ручной работой: шили или пряли. Изъ этого можно бы вывести, что женщина не принимаетъ участія въ тяжелой работѣ мужчины и потому не нуждается въ отдыхѣ. Напротивъ, она все время ходила за плугомъ, водя лошадь и держа еще ребенка на рукѣ; потомъ она успѣла сходить въ селеніе, взять обѣдъ и принести на пашню, накормить всѣхъ, уложить ребенка и, когда всѣ успокоились, принялась опять за работу. Мнѣ приводилось встрѣчать на дорогѣ, что женщина идетъ съ ребенкомъ у груди, который привязанъ къ ней полотенцемъ, на головѣ несетъ пищу, и въ то же время на ходу прядетъ, держа гребень съ куделей подъ лѣвой мышкой, а правой вытягивая нить. Когда ѣдетъ на возу, она всегда прядетъ или вяжетъ крючкомъ. Дреноваць — бывшее селеніе изъ числа *ушоренныхъ*, какъ называютъ сербы всѣ селенія, въ которыхъ дома расположены рядами, улицами, вмѣстѣ, а не въ разбросъ, какъ живутъ бо̀льшею частью сербы. *Ушоренныя* села созданы Милошомъ, который вообще любилъ все регулировать; образцомъ ему послужили австрійскія селенія, особенно огромныя селенія въ Банатѣ и Военной Границѣ. Съ тѣхъ поръ сербское правительство постоянно заботится объ томъ, чтобъ какъ-нибудь всѣ селенія *ушорить*, но это мало удается.

Улицы въ Дреновацѣ такія же широкія, какъ въ Шабацѣ, и еще вдобавокъ обсажены деревьями; подъ навѣсами деревьевъ ютятся лавочки съ различными товарами, съ напитками и яствами, стоятъ извощики изъ Баната; мѣстами колодцы съ журавлемъ (очѣпомъ). Отыскиваю священника, чтобы попросить его быть моимъ руководителемъ. Скоро меня довели до *попа Ивки*, который на первый разъ мало похожъ былъ на попа: одѣтъ въ какой-то казакинъ, широкія штаны, башмаки; имѣя на головѣ какую-то сѣрую суконную ермолку, съ короткими волосами, безъ бороды, только съ черными усами, онъ скорѣе похожъ былъ на малороссійскаго казака, чѣмъ на священника. Онъ что-то работалъ и потому костюмъ его былъ принаровленъ къ работѣ. Узнавши, что я русскій путешественникъ, онъ схватилъ меня за обѣ руки, притащилъ къ себѣ, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ.

«Никогда еще я не видѣлъ русскаго»—говорилъ онъ, и смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ сразу просмотрѣть насквозь. Затѣмъ появилось угощеніе, отъ котораго я отказался, объявивши откровенно, что моя цѣль видѣть житье-бытье простого народа и что я намѣренъ пораньше вернуться въ городъ. Онъ понялъ меня и пошелъ только переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ передо мной былъ уже настоящій русскій священникъ:

та же ряса съ болѣе узкими рукавами, и притомъ вся она не такъ широка; подъ низомъ полукафтанье съ широкимъ матеревымъ поясомъ розоваго цвѣта, на головѣ родъ камилавки, только пониже, съ округлою верхушкой и небольшимъ перехватомъ. И пошли мы по селенію. Первое, чтó кидается въ глаза, это вездѣ заборы передъ домами и отсутствіе оконъ на улицу, а если и есть, то съ деревянною рѣшеткой. Можно подумать, что тамъ сильное воровство и даже разбои. Ничего не бывало: теперь въ цѣлой Сербіи миръ и тишина, воровство бываетъ очень рѣдко, вслѣдствіе всеобщаго довольства; бóльшая часть преступленій относятся къ разряду насилій вслѣдствіе запальчивости, ревности или мести, нерѣдки также поджоги вслѣдствіе тѣхъ же побудительныхъ причинъ; разбои и грабежи бываютъ только въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ турецкими землями. А въ такомъ благоустроенномъ селеніи, какъ всѣ селенія по Мачвѣ, не слыхать ни воровства, ни разбоя, и рѣшетки въ окнахъ напоминаютъ только прежнее время, когда было полное господство турокъ и даже до недавняго времени, когда турки держались въ крѣпостяхъ. По той же причинѣ всѣ дома не смѣютъ прямо выступить на улицу и прячутся за заборами, состоящими изъ плахъ, поставленныхъ стоймя плотно одна къ другой, со связями между ними.

Домъ—собственно мазанка. Изъ дерева дѣлается только остовъ: по угламъ и по серединѣ ставятся столбы, которые связываются перекладинами, промежутки между ними крестъ-на-крестъ забираются обтесаннымъ жердникомъ; между ними дѣлается переплетъ изъ тонкихъ тесинокъ или изъ прутьевъ, и все это потомъ замазывается; сверху на стропила кладется рѣшетина, и крыша кроется соломой, преимущественно кукурузной. Крыша эта очень толстая и высокая, такъ что небольшіе домики и амбаришки кажутся совершенно кучами соломы.

Входимъ въ первый попавшійся дворъ. Онъ очень обширный и застроенъ домиками меньшаго размѣра и амбарчиками. Это цѣлый хуторокъ: всего три домика и четыре амбарчика, въ которыхъ также живутъ, не считая амбарчика на столбикахъ для склада провизіи, погреба и построекъ для домашнихъ животныхъ. Входя въ домъ, вы прежде всего попадаете въ обширныя сѣни съ землянымъ поломъ и безъ потолка; влѣво дверь въ комнату, и тутъ же у стѣны очагъ; нѣсколько отступя отъ стѣны, надъ нимъ виситъ цѣпь съ крюкомъ, чтобы навѣшивать котелъ для варева; на немъ же готовится настóящее сербское кушанье—*печене*, по нашему жаркое, которое у нихъ всегда печется на угольяхъ; не-

кутъ такимъ образомъ на рожнѣ цѣлыхъ барановъ и свиней; тутъ же на угольяхъ пекутъ лепешки и хлѣбцы. Изъ жидкихъ кушаній употребляется только *чорба* (родъ похлебки) различныхъ сортовъ, самое названіе которой показываетъ, что она перенята у турокъ; поэтому, печка въ нашемъ смыслѣ у сербовъ не существуетъ. Очагъ же сербскій напоминаетъ огнище у азіатскихъ номадовъ въ ихъ юртахъ и кибиткахъ. Для вывода дыма надъ очагомъ устроена труба, прислоненная къ стѣнѣ. Сплетенная изъ прутьевъ и внутри вымазанная глиной съ коровьимъ пометомъ, она идетъ, конечно, сквозь крышу и тамъ обмазана и снаружи. Совершенно такія же трубы я видѣлъ въ малороссійскихъ хатахъ. Влѣво изъ сѣней, какъ я уже сказалъ, комната: это была обыкновенная комната съ поломъ и вдобавокъ съ печкой, аршина въ полтора вышины, съ топкою изъ сѣней: это также отступленіе отъ чисто сербскаго устройства. Обычно полъ въ сербскихъ домахъ битый изъ глины или кирпичный, и часть только у передней стѣны, въ видѣ эстрады или деревяннаго помоста, поднята вершка на два надъ каменнымъ поломъ—и называется *пăтосъ*. Онъ обыкновенно бываетъ устланъ коврами, сукномъ или войлоками, и кругомъ по стѣнѣ просто подушки, или положенныя на возвышеніи въ родѣ низкихъ лавокъ, и называются *миндерлукъ*—все это турецкое, такъ что утратился изъ мебели столъ, а вмѣсто него употребляется *совра* или *софра*—маленькій столикъ въ родѣ подноса на низенькихъ ножкахъ. Въ описываемой мною комнатѣ видно было австрійское вліяніе: кромѣ печи и мощенаго пола, былъ столъ крашеный, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются нѣмецкими колонистами въ Россіи, нѣсколько стульевъ; на стѣнѣ, сбоку, были изображенія Христа, Божіей Матери и святыхъ на бумагѣ,—произведеніе австрійскихъ дешевыхъ литографій. Передній уголъ былъ совершенно пустъ, но передъ нимъ свѣшивался съ потолка на шнуркѣ голубь, сдѣланный изъ тѣста, съ бумажнымъ хвостомъ и такимъ же хохолкомъ, и тамъ же къ потолку прикрѣплены были пучки васильковъ и шафрана (crocus),—опять непремѣнное убранство передняго угла въ каждой малороссійской хатѣ.

Такимъ образомъ, иконы, занимавшія когда-то передній уголъ, исчезли, и замѣнившія ихъ священныя картины стали сбоку; но уцѣлѣлъ одинъ аттрибутъ, указывающій, что когда-то онъ былъ также убранъ образами, какъ у всего православнаго люда въ Россіи.

Остальные домики въ этомъ же родѣ. Одинъ изъ нихъ былъ пустой, а въ другомъ были маленькія дѣти, двѣ замужнія жен-

щины снохи, одна дѣвушка и старуха. Въ комнатахъ были наставлены прялки, ткацкіе станки, сундуки, висѣли колыбели и разложена была различная домашняя рухлядь. Въ амбарчикахъ находились вся одежда, подушки, шерстяныя лохматыя одѣяла, по-сербски *губеры*. Въ этой семьѣ или скорѣе *домашней общинѣ*, какъ ее называютъ нѣмцы (Hauscommunion), всѣхъ было около 30 душъ, изъ нихъ 17 чел. находились на полевой работѣ. Это и есть сербская *задруга*, въ которой набирается человѣкъ до 40. Прежде она была еще многочисленнѣе, а теперь все упадаетъ и разсыпается. О ней мы поговоримъ послѣ, а теперь походимъ по двору и займемся находящимися передъ нами личностями.

За этимъ дворомъ, на которомъ находились жилыя зданія, идетъ другой, раздѣленный на-двое: въ одной половинѣ помѣщеніе для свиней, въ другой—для рогатаго скота и лошадей; за нимъ еще дворъ или, вѣрнѣе, садъ изъ сливовыхъ деревьевъ, а по серединѣ нѣсколько деревъ тутовыхъ и одно дерево грецкаго орѣха. Послѣднее раскинуло вѣтви свои сажени на 4 въ діаметрѣ, и подъ нимъ-то мы присѣли отдохнуть на скамеечкѣ. Тутъ же неподалеку была *винница*, въ которой хранилась *сливовица* и *ракія*, два напитка, приготовляемые изъ сливы — первый простымъ настоемъ и броженьемъ, второй—перегонкой. Въ другомъ концѣ сада былъ пчельникъ.

Покуда мы сидѣли, явилась дѣвушка съ подносомъ въ рукахъ; на немъ стояли двѣ чашки чернаго кофе, двѣ рюмки янтарной сливовицы и варенье.

Дѣвушка была въ длинной холщевой рубашкѣ, подпоясана широкимъ ремнемъ, по краямъ рукавовъ, по обшивкѣ, вышивка разноцвѣтной бумагой, и также вышиты плеча; волосы заплетены въ одну косу сзади; на ногахъ *опонки* (родъ поршней или башмаковъ изъ мягкой кожи). Украшеній ни на шеѣ, ни на головѣ—никакихъ, необыкновенно просто. Тутъ же стояла старуха въ юбкѣ сверхъ рубашки, и голова повязана бумажнымъ синимъ платкомъ съ концами, пущенными сзади; стояла она, приложивши руку къ щекѣ и разсказывала о своемъ житьѣ, отвѣчая на мои разспросы; священникъ пояснилъ ей, что я братъ-русъ, пришелъ издалека, чтобъ познакомиться съ сербами.

— «Развѣ опять будетъ война съ турками?» спросила старуха. Ей нужно было пояснить, что кромѣ знакомства у меня нѣтъ никакой другой цѣли. Она же съ своей стороны поясняла намъ, что война должна быть, это говорятъ швабы (сербы австрійскіе). И еще есть одна примѣта, что передъ войной всегда являются русскіе съ образами, деревянными чашками и лож-

ками, на высокихъ телѣгахъ и на своихъ лошадяхъ, въ упряжи съ высокими дугами. Это были офени, пріѣзжавшіе къ нимъ, и меня старуха приняла-было за нихъ.

Дѣвушка стояла передъ нами съ порожнимъ подносомъ, дожидая, когда мы кончимъ кофе; она смотрѣла прямо, съ любопытствомъ слушала и разсматривала меня, нисколько не стыдясь и не потупляясь, какъ это дѣлаютъ наши дѣвушки.

Старуха и молодая дѣвушка напоминали мнѣ малороссіянокъ; подлѣ меня сидѣлъ православный священникъ; мы говорили на своемъ родномъ языкѣ; густые листья орѣха какъ шатромъ укрывали насъ отъ жаркаго солнца; наверху раздавались на разные лады крики иволги: во всемъ столько знакомаго, родного, что невольно забываешь, гдѣ находишься.

Долго бы можно было тутъ просидѣть, хорошо бы остаться и пожить, какъ предлагала старуха, отдавая въ мое распоряженіе лучшую *собу* (комнату); но вездѣ жить не достанетъ времени. Путешественникъ не долженъ нигдѣ заживаться, ему нужно больше видѣть. Постоянно нужно дѣлать различіе между путешественникомъ и изслѣдователемъ: первый только намѣчаетъ факты и явленія, тогда какъ изслѣдователь, по его указанію, будетъ ихъ изучать и объяснять.

Осмотрѣлъ я еще церковь и школу. Школа велась порядочно; но ей грозило почему-то закрытіе, потому что хотѣли отнять занимаемый ею домъ, принадлежащій общинѣ; по распоряженію административной власти и противъ желанія общины, его хотѣли обратить въ помѣщеніе капетана. И тутъ та же непріятная нота, стонущая и жалующаяся на стѣсненіе свободы, которая мнѣ такъ надоѣла въ Бѣлградѣ.

Въ 6 часовъ вечера того же дня я былъ опять въ Шабацѣ, гдѣ успѣлъ уже найти прежнихъ знакомыхъ по Бѣлграду и пріобрѣсти новыхъ. Всѣ они наканунѣ были въ очень веселомъ настроеніи, и когда я любовался ихъ народнымъ войскомъ, съ самодовольствомъ и увѣренностью говорили: «это войско должно послужить народному дѣлу, а теперь оно служитъ не ему; какъ знать: не нынче, завтра, можетъ быть побредемъ и за Дрину!» Вечеромъ же засталъ ихъ совсѣмъ другими: они не удерживали меня больше остаться подольше погостить въ Шабацѣ, какъ наканунѣ, молча потягивали черный кофе, курили македонскій табакъ и по временамъ только кто-нибудь отрывисто процѣживалъ сквозь зубы: «рдьаво, брате, рдьаво!» (худо!) На другой день въ 10 часовъ утра я былъ уже на пути. Мой путь былъ къ монастырю Петковицѣ, на склонѣ Церскаго хребта, до котораго,

какъ мнѣ говорили, часа три ходу; но оказалось больше, потому что говорили это люди, которые сами туда не ходили.

Начало пути было по хорошей шоссированной дорогѣ. Кругомъ равнина, усѣянная огромными старыми дубами, между которыми большіе промежутки, занятые посѣвомъ или пущенные подъ лугъ, и при этомъ все пространство обгорожено и разбито на участки. Свободнаго нѣтъ ни клочка земли, вся она присвоена, какъ частная собственность. Огорожа вездѣ состоитъ изъ дубовыхъ плахъ; иной участокъ еще разгороженъ на нѣсколько частей: лугъ отгороженъ отъ усадьбы, поле отгорожено отъ луга; однимъ словомъ, на всемъ пространствѣ вы видите клѣтки и дѣленія, точно гдѣ-нибудь въ серединѣ Европы. А чего стòитъ такая огорожа! Она стóитъ того, что ради нея весь лѣсъ истребленъ, остался только рѣдко—дубъ; лѣсъ въ Сербіи сохранился только въ горахъ, гдѣ нѣтъ жилья и откуда его нельзя вывезти. Въ хозяйственномъ отношеніи это дѣленіе имѣетъ еще ту невыгоду, что каждый хозяинъ долженъ имѣть отдѣльный выгонъ и отдѣльнаго пастуха; въ большихъ зáдругахъ это еще не такъ ощутительно, но въ мелкихъ оно ведетъ къ тому, что они мало-по-малу сокращаютъ хозяйство и въ концѣ-концовъ отдаются мелкой торговлѣ, перебиваясь перекупкой и перепродажей. Такое дѣленіе всей земли совершено было при Милошѣ, и надѣлы производились крайне произвольно, сопровождаясь взяточничествомъ и насиліями. Въ основаніе было положено владѣніе землей при спахіяхъ (турецкихъ помѣщикахъ): земледѣльцы, сидѣвшіе на извѣстномъ спахилукѣ, и платившіе опредѣленную дань за извѣстный участокъ, послѣ прогнанія спахій признаны были владѣльцами того самаго участка; но получили такіе надѣлы и люди, никогда не обработывавшіе земли, отъ которыхъ богачи скупали участки, и такимъ образомъ возникли новые спахилуки, которыми Милошъ надѣлялъ свою родню и своихъ друзей.

Сербія—страна гористая; въ ней есть превосходныя земли, но ихъ немного; онѣ находятся разсѣянно по долинамъ и расширеніямъ ихъ при сліяніи рѣкъ; остальное же пространство занимаютъ горы и узкія, крутыя, ни къ чему негодныя мѣста. Поэтому такой несправедливый, неровный раздѣлъ повелъ къ тому, что хоть кругомъ и приходится на каждую душу не менѣе 20 десятинъ и если отбросить всѣ плохія мѣста, то однихъ удобныхъ земель было бы по 15 десятинъ, а тамъ ужъ есть пролетаріатъ — люди, которымъ не къ чему рукъ приложить; вслѣдствіе этого непомѣрно плодится торгашество, а рядомъ много земель, лежащихъ втунѣ, безъ обработки; цѣны же на землю вы-

соки, потому что владѣльцы не нуждаются въ продажѣ ихъ, хоть сами и не обработываютъ. Я знаю, что сербское правительство очень стѣснялось пріемомъ переселенцевъ изъ Герцеговины, Черногорья и другихъ юго-славянскихъ земель именно вслѣдствіе недостатка свободной земли.

По большой дорогѣ мнѣ привелось идти немного; а тамъ былъ свороть, и вотъ тутъ-то нужно было умѣть напасть на истинный путь. Маленькія селеньица, черезъ которыя я проходилъ, были пусты, потому что всѣ были въ полѣ на работѣ. Вижу впереди идущаго *селяка* (житель села), догоняю его: «Помози Богъ!»—говорю ему я первый. — Богъ ти помого!—«Какосто?» (какъ поживаете?)—Фала Богу! (благодарить Бога) — «Іошъ какосте?» (еще какъ) — Зафалюемъ (благодарю). Акобочъ да? (куда идешь?)—У Петковицу—отвѣчаю, и начинаю разспрашивать о дорогѣ. Растолковалъ онъ мнѣ дорогу и я хотѣлъ было идти, сказавши «съ Богомъ», какъ онъ остановилъ меня вопросомъ: «Што си?»—что ты? т.-е. кто ты таковъ. Объявляю, что—*русъ*. Какой вѣры?—Православной.—«Знаешь *Отче нашъ?*»—Знаю.—«Поговори».—Читаю «Отче нашъ», а онъ уставился въ землю и слушаетъ, взвѣшивая каждое произнесенное мною слово. «Ама добро, брате, читашъ; па ти си србинъ». Начинаю пояснять, что я не сербъ, а русскій, но что русскіе и сербы славяне, люди родственные по языку и одного православнаго исповѣданія.

— Нѣтъ, ты сербинъ, ты этого самъ не знаешь; а вотъ ты хочешь видѣть наши монастыри, такъ когда дойдешь въ Студеницкую лавру, тамъ есть ученые монахи и у нихъ старыя книги, они тебѣ покажутъ, что русскіе всѣ сербы.

Затѣмъ сталъ упрашивать меня вернуться назадъ въ селеніе, къ нему въ гости, чтобъ разспросить, какъ живутъ сербы тамъ, далеко, въ русской странѣ. Но, боясь запоздать и сбиться съ дороги, я отказался отъ такого пріятнаго приглашенія и потянулъ дальше.

Путь былъ дѣйствительно не такой, чтобы можно было запаздывать: передо мной вилась тропинка и представлялось совершенное безлюдье. Направленіе было прямо на полдень; солнце пекло и било прямо въ лицо; pince-nez сваливается съ носа, а безъ него я вижу все въ туманѣ, въ даль же вовсе не вижу; два часа ужъ пополудни, а монастыря все не видать. Жажда нестерпимая; кругомъ ни рѣки, ни ключа. Поднимаюсь въ горы, и тутъ какъ разъ невысокій каменный столбикъ и изъ него по желобку течетъ холодная вода, чистая, вкусная, а подлѣ кустъ розъ. Напился и сталъ разсматривать надпись, которая гласила

въ такомъ родѣ: «помяни душу умершаго такого-то», и больше ничего, ни креста, ни другого какого-нибудь религіознаго знака. Но всякій, безъ сомнѣнія, отъ души не только помянетъ того, кто соорудилъ этотъ памятникъ, но и благословитъ его память. А черезъ нѣсколько саженъ и настоящій надгробный памятникъ, только не такой, какъ у насъ: каменная плита не лежитъ, а поставлена, и на ней съ одной стороны нарисована турецкая, длинная тонкая винтовка, а съ другой — надпись: «такой-то погибъ отъ руки турка соколянина, оставивши плачущихъ братьевъ и малыхъ дѣтей».

Случай этотъ относится къ недавнему времени, когда небольшое укрѣпленіе въ сосѣднемъ лозницкомъ округѣ Соколъ находилось во власти турокъ. Нѣсколько десятковъ турокъ, составлявшихъ гарнизонъ этой крѣпости, не имѣвшіе никакого военнаго значенія, потому что совершенно отрѣзаны отъ сообщенія со своими, служили карой для края, производя въ окрестностяхъ грабежи и убійства, и дѣлая жизнь въ этой окружности небезопасною, а при малѣйшемъ отпорѣ со стороны мѣстныхъ жителей возникали жалобы на неуваженіе со стороны сербовъ трактата и сузеренства турецкаго султана.

Въ настоящее время такою же зацѣпкой служитъ тоже маленькая крѣпостца на берегу Дрины, противъ Малаго Зворника. Не имѣя никакого стратегическаго значенія, этотъ пунктъ даетъ только поводъ къ столкновеніямъ, чтó собственно и нужно для Турціи.

Почтивши память погибшаго отъ руки соколянина и того, во имя котораго холодный ключъ утоляетъ жажду утомленнаго путника, отправляюсь дальше. Тутъ же показалось селеньице, разбросанное у подошвы горы, а дальше виднѣется и монастырь, весь закрытый лѣсомъ, только чуть просвѣчиваютъ стѣны и блеститъ крестъ на церкви.

Селеніе это называется Пряворъ; но это не есть собственное имя; такихъ *пряворовъ* много по Сербіи близъ монастырей: это были монастырскія селенія, обязанныя на него работать и платить ему дань въ различныхъ видахъ. Въ настоящее время это уже кончилось; монастыри однако надѣлены угодьями въ достаточномъ количествѣ, и такъ какъ они всегда помѣщались въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ, то и земли, прилежащія къ нимъ, богатствомъ почвы и разными удобствами отличаются отъ всѣхъ прочихъ земель.

Въ Петковицѣ отъ стараго времени осталась только стѣна вокругъ, да и то наполовину разрушенная, церковь же построена недавно и тутъ же домъ для монаховъ.

Вхожу черезъ калитку; на дворѣ никого; когда-то мощеный, онъ заросъ весь травой: по стѣнѣ поросли деревца и космами свѣшивается плющъ; звонко раздаются мои шаги по каменному двору, но не только никого не видать, не замѣтно даже слѣдовъ человѣка. Однако, покуда я осматривался, подлѣ меня оказался, какъ изъ земли выросъ, монахъ лѣтъ тридцати: русые волосы и борода въ безпорядкѣ, глаза опущены къ землѣ, и какъ-то механически спрашиваетъ, кого мнѣ надо. Въ это время увидѣлъ меня и настоятель обители, отецъ Пантелей, съ которымъ я успѣлъ познакомиться еще въ Бѣлградѣ. Онъ узналъ меня и принялъ въ объятія. Первое, что̀ онъ предложилъ, было — снять сапоги и надѣть мягкія туфли: отказался я на первый разъ, а потомъ, однако, согласился и вполнѣ почувствовалъ всю благодѣтельность такого переобуванья. Это хорошо однако, если вамъ предстоитъ довольно продолжительный отдыхъ, въ противномъ же случаѣ лучше не снимать сапогъ, иначе потомъ ихъ не надѣнешь; вслѣдствіе чего я и отказывался, не зная еще, останусь ли ночевать.

Обстановка жилища игумена была самая обыкновенная для мірского человѣка: столъ съ письменными принадлежностями, какъ въ какой-нибудь мелкой канцеляріи, по обѣ стороны два кресла, старыя, обтянутыя кожей; нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ, диванъ и кровать; въ углу одинъ большой образъ распятаго Христа, налойчикъ, а подлѣ, въ стѣнѣ, шкафчикъ: въ немъ были *тефтере* (приходорасходныя книги и инвентари), которыми отецъ-настоятель очень тяготился; запасъ бумаги и чернилъ, бутылочки съ сливовицей и ракіей и еще кое-какая мелочь. Надъ кроватью висѣла какая-то священная картина и рядомъ пистолетъ.

— Однако, святой отецъ, какъ видно, дѣйствуетъ не однимъ словомъ божіимъ, а иногда прибѣгаетъ и къ орудію смерти,—замѣтилъ я.

Въ отвѣтъ онъ приподнялъ мнѣ подушку и показалъ тамъ револьверъ, а въ углу, какъ оказалось, стояла и винтовка.

Тутъ онъ сталъ пояснять, какъ не безопасно здѣсь положеніе въ виду близости боснійской границы, откуда нерѣдко перебѣгаетъ всякій народъ.

— А главное,—добавилъ онъ,—мы должны быть готовы ко всему: турки ли перешагнутъ къ намъ черезъ Дрину, намъ ли приведется предупредить ихъ—я не отстану: съ крестомъ на груди и съ оружіемъ въ рукахъ долженъ буду идти съ народомъ, и не въ заднихъ рядахъ.

Отецъ Пантелей молодой еще человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, тонкій, чрезвычайно живой и задушевный.

Ихъ всего было два монаха, да еще пришелъ недавно одинъ монахъ изъ Черногорья—старикъ лѣтъ 60-ти, слѣпой на одинъ глазъ, съ густыми черными, съ просѣдью, кудрями. Этотъ человѣкъ былъ весь любовь и кротость; но, несмотря на природную мягкость, и онъ отдавался той же миссіи, проповѣдуя войну за освобожденіе страждущей братіи. Своимъ чередомъ шло угощеніе: ракія, кофе, молоко, сыръ и хлѣбъ были на столѣ, а отъ обѣда я отказался, такъ какъ его нужно было еще готовить и до вечера было недалеко, слѣдовательно, обѣдъ лучше отложить на ужинъ.

Черезъ часъ раздались удары въ висящую деревянную доску (клепало) — это былъ призывъ къ вечернѣ. Пошли въ церковь. Тѣсненькая, темная, образа только въ иконостасѣ; игуменъ пошелъ въ алтарь, остальные двое стали на клиросѣ. Та же служба, какъ и у насъ, совершается на томъ же языкѣ, съ нѣкоторою разницею въ произношеніи и иной напѣвъ. Черногорецъ не обладалъ слухомъ, но имѣлъ сильный, хоть и старчески-хриплый басъ, и никакъ не могъ подладиться къ другому монаху, который твердо держался своего напѣва и выносилъ высокимъ теноромъ; иногда становился на клиросѣ игуменъ, но не могъ поладить ни съ тѣмъ, ни съ другимъ; но это несогласное тріо, потрясавшее воздухъ въ пустой церкви, поднималось подъ своды и раздавалось какъ-будто откуда-то сверху, сливаясь тамъ въ одинъ сильный звукъ, въ которомъ, если не было гармоніи, то слышалось много чувства. Кончилась вечерня, снялъ игуменъ священническое облаченіе, и снова передо мною Пантелей, будущій воинъ, считающій годы и дни, когда можно будетъ взять винтовку и пойти на враговъ своего народа.

Дальнѣйшее знакомство показало, что онъ былъ хорошій хозяинъ: у него было нѣсколько свиней, корова, много куръ и отличный подвалъ, уцѣлѣвшій отъ стараго времени, и въ немъ — не одинъ боченокъ вина.

Ужинъ былъ полный: главнымъ матеріаломъ послужили куры, затѣмъ яйца и свиное мясо. Монахи вкушали все, и круговая чаша не миновала никого.

Послѣ ужина долгая бесѣда все на ту же тэму. Видно, что и въ монастырской кельѣ знали происходившее въ Бѣлградѣ и въ конечномъ результатѣ ожидалось движеніе въ Боснію. Мнѣ казалось, что и черногорецъ попалъ сюда не случайно и что-то обдумывалъ.

П. Ровинскій.

БОГАТЫРСКАЯ ЖЕНА

БЫЛИНА.

I.

Князь Владиміръ стольно-кіевскій
Приглашалъ на пиръ гостей,
Вѣрныхъ слугъ своихъ—дружинниковъ,
Удалыхъ богатырей;

Звалъ ихъ яства ѣсть сахáрныя,
Пить медвяныя питья;
И сходились гости званые,
И бояре, и князья.

Много было ими выпито
Искрометнато вина;
То-и-дѣло осушалися
Чаши полныя до дна.

Обходилъ дружину храбрую
Съ хмѣльной брагой турій рогъ,
Только хмѣль гостей Владиміра
Подъ столы свалить не могъ.

Вотъ, какъ въ-пóлсыта наѣлися
И въ-полпьяна напились,

Гости начали прихвастывать,
Похваляться принялись:

Кто хвалился силой крѣпкою;
Кто несмѣтною казной;
Кто своей утѣхой сладкою—
Богатырскою женой;

Кто товарами заморскими;
Кто испытаннымъ конемъ...
Лишь Данило призадумался,
Наклонившись надъ столомъ.

На пиру великокняжескомъ
Онъ не хвалится ничѣмъ.
И насмѣшливо дружинники
Шепчатъ: «глухъ онъ, али нѣмъ?»

«Ты о чемъ, скажи, задумался?»—
Князь Данилѣ говоритъ:—
Взоръ твой ясный темной думою,
Словно облакомъ, закрытъ.

«Али нѣтъ казны и силушки
У тебя, Данило-свѣтъ?
Платье-ль цвѣтное изношено?
Аль жены-утѣхи нѣтъ?»

Встрепенулся свѣтъ-Денисьевичъ,
Молвилъ князю: «Всѣмъ богатъ;
А своей я темной думушкѣ,
Добрый княже, самъ не радъ.

«На твоемъ пиру, на княжескомъ
Собесѣдникъ я плохой,
И тебѣ я, княже, кланяюсь:
Отпусти меня домой.

«Отчего—и самъ не вѣдаю—
Грусть взяла меня теперь»...
Всталъ Данило, князю-солнышку
Билъ челомъ и вышелъ въ дверь.

II.

И дружинѣ молвилъ ласково
Князь Владиміръ, поклонясь:
«Всѣ вы, други, переженены,
Не женатъ лишь я, вашъ князь.

«Между вами обездоленнымъ
Я хожу холостякомъ,
Помогите же, товарищи,
Мнѣ въ несчастіи такомъ.

«Пріищите мнѣ невѣстушку,
Чтобы ласкова была,
И смышлена въ книжной грамотѣ,
И румяна, и бѣла.

«Чтобъ женой была мнѣ доброю,
Доброй матушкою вамъ;
Чтобъ не стыдно государыней
Звать ее богатырямъ».

Князь умолкъ—и призадумались
Всѣ его богатыри:
Сватомъ быть для князя стольнаго
Трудно, что́ ни говори!

Лишь Мишата не задумался.
«На примѣтѣ есть одна,—
Молвилъ онъ,—лебедка бѣлая,
Богатырская жена.

«То жена Данилы славнаго.
Ужъ куда какъ хороша,
Василиса свѣтъ-Микулишна,
Раскрасавица-душа!

«Ясны очи соколиныя,
Брови соболя чернѣй;
Въ цѣломъ городѣ Черниговѣ
Василисы нѣтъ умнѣй.

«Не уступитъ мужу книжному
Въ русской грамотѣ она,
И пѣтью-четью церковному
Хорошо обучена».

Съ грознымъ гнѣвомъ на Путятича
Князь Владиміръ поглядѣлъ:
«Съ пьяну, что-ль, заговорился ты,
Али въ петлю захотѣлъ?

«Развѣ я лишился разума?
Развѣ звѣрь я, али тать?
Отъ живого мужа можно ли
Мнѣ жену насильно взять?»

Не сробѣлъ Мишата; вкрадчиво
Князю молвилъ онъ въ отвѣтъ:
«Князь! Данило ходитъ пбдъ Богомъ:
Ныньче живъ, а завтра нѣтъ.

«Коль слова мои не пб-сердцу,
То казнить меня вели;
Только прежде поохотиться
Въ лѣсъ Денисьича пошли.

«Въ темныхъ дебряхъ, подъ Черниговомъ,
Звѣря тьма, а лову нѣтъ:
Прикажи поймать Денисьичу
Злого тура на обѣдъ.

«На охотѣ все случается;
Съ дикимъ звѣремъ труденъ бой,
И не взять его охотнику,
Княже, силою одной».

Понялъ князь Владиміръ кіевскій
Смыслъ лукавыхъ этихъ словъ,
И писать къ Данилѣ грамоту
Онъ призвалъ своихъ писцовъ.

Тѣ писцы писали къ витязю,
Чтобы онъ въ лѣсахъ густыхъ

Ради князя поохотился
На звѣрей и птицъ лѣсныхъ;

Поискалъ-бы тура дикаго,
Съ поля взялъ его живьемъ. —
И отправилъ князь Путятича
Съ этой грамотой посломъ.

III.

Въ свѣтломъ теремѣ Даниловомъ,
Призадумавшись, одна,
Подъ окномъ сидитъ красавица,
Богатырская жена.

Мужъ уѣхалъ поохотиться
Въ боръ черниговскій чѣмъ свѣтъ.
Вотъ ужъ время близко къ вечеру,
А Денисьича все нѣтъ.

Скучно ей одной безъ милаго,
Грусть тоска ее томитъ...
Вдругъ услышала: у терема
Раздается стукъ копытъ.

Гость нежданный и непрошенный,
У Даниловыхъ воротъ
Привязавъ коня усталаго,
Скоро къ терему идетъ.

Не спросился слугъ невѣжливый
Володиміровъ посолъ:
Онъ въ свѣтлицу бездокладочно
Съ княжьей грамотой вошелъ.

Василиса гнѣвно встрѣтила
Неучтиваго посла,
И неладнымъ смердомъ княжескимъ,
Разсердившись, назвала.

А Путятичъ молвилъ, до́-земли
Василисѣ поклонясь:
«Не гнѣвися, государыня,
Что вошелъ я, не спросясь.

«Не своей сюда охотою
Я пріѣхалъ: князь велѣлъ.
Въ теремъ твой безъ воли княжеской
Я войти бы не посмѣлъ.

«Къ твоему Данилѣ грамоту
Князь велѣлъ мнѣ отвезти.
Получи; а за невѣжливость,
Государыня, прости».

Василиса закручинилась,
Прочитавъ княжой приказъ;
Побѣлѣли щеки алыя,
Слезы хлынули изъ глазъ.

Поняла она изъ грамоты,
Что недоброе въ ней есть,
Что замыслилъ князь Денисьича
Злою хитростью известь.

Кличетъ слугъ къ себѣ Микулишна
И велитъ сѣдлать коня:
«Снаряжайте, слуги вѣрные,
Къ мужу въ поле вы меня.

«Дайте платье молодецкое,
Принесите лукъ тугой!
Сердце чуетъ горе лютое
И дрожитъ передъ бѣдой»...

И катились слёзы горькія
Крупнымъ градомъ по лицу.
Слуги вѣрные ретиваго
Привели коня къ крыльцу.

На коня она садилася,
Взявъ колчанъ каленыхъ стрѣлъ;

И, едва земли касаяся,
Конь, какъ вихорь, полетѣлъ.

IV.

Надъ собой бѣды не вѣдая,
Рыщетъ въ полѣ богатырь,
Бодрый конь Данилу по полю
Быстро носитъ въ даль и въ ширь.

Настрѣлялъ съ утра Денисьевичъ
Много дичи луговой.
Онъ охотой не натѣшится,
Не спѣшитъ къ женѣ домой.

Вдругъ онъ видитъ: отъ Чернигова
Не орелъ къ нему летитъ, —
Мчится вихремъ добрый молодецъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ.

Закричалъ Данило молодцу,
Мечъ поднявъ надъ головой:
«Стой, удалый добрый молодецъ!
Говори, кто ты такой?

Если другъ, то побратаемся,
Поведемъ любовно рѣчь;
Если недругъ, потягаемся,
У кого тяжеле мечъ».

Говоритъ пріѣзжій молодецъ,
Шапку снявъ съ густыхъ кудрей:
«Не узналъ ты, свѣтъ-Денисьевичъ,
Молодой жены своей!

«Знать, не долго намъ понѣжиться
И въ любви пожить съ тобой.
Перестань охотой тѣшиться,
Поѣзжай скорѣй домой!»

Тутъ прочла ему Микулишна
Володиміровъ ярлыкъ;
Но Данило въ хитрый умыселъ
Князя стольнаго не вникъ.

Отвѣчаетъ онъ съ усмѣшкою
Молодой своей женѣ:
«Вижу я, тебѣ кручинушка
Померещилась во снѣ.

«Гдѣ же видано и слыхано,
Чтобы князь богатыря
За любовь и службу вѣрную
Извести задумалъ зря?

«Лучше въ теремѣ хозяйничай,
Знай домашній обиходъ,
И словами неразумными
Не пугай меня впередъ.

«Я на тура поохотиться
Радъ для князя всей душой;
Только мало стрѣлъ осталося,
А запасныхъ нѣтъ со мной.

«Привези колчанъ мнѣ маленькій,
А большого не бери:
Много стрѣлъ ловцу не надобно,
Мѣтко бьютъ богатыри.»

Говоритъ она: «Со стрѣлами
Я большой колчанъ взяла.
Не сердись: нужна при случаѣ
Въ полѣ лишняя стрѣла.

«Чуетъ горе сердце вѣщее.—
Ты словамъ моимъ повѣрь:
Туръ не страшенъ для охотника,—
Человѣкъ страшнѣй, чѣмъ звѣрь»...

Съ грустью тяжкою Микулишна
Крѣпко мужа обняла,

И вернулася къ Чернигову,
Путь слезами полила.

V.

Рыщетъ витязь день до вечера
По лугамъ и по лѣсамъ;
Звѣря тура круторогаго
Ищетъ онъ и тамъ и сямъ:

Въ буеракахъ и кустарникахъ,
Въ чащахъ дикихъ и густыхъ...
Вотъ ужъ день склонился къ вечеру
И дремучій лѣсъ затихъ.

Но не слышно по окружности
Рева турьяго нигдѣ...
Шепчетъ витязь опечаленный:
Надо-жъ быть такой бѣдѣ!

Онъ прилегъ, ворча, подъ дерево;
Бредитъ туромъ и во снѣ...
Лишь заря блеснула на небѣ,—
Витязь снова на конѣ.

Рыщетъ по лѣсу Денисьевичъ,—
Какъ на грѣхъ удачи нѣтъ!
Не привезть и ныньче витязю
Дичь на княжескій обѣдъ!

Снова день склонился къ вечеру,
Нѣтъ въ лѣсу души живой,
Только рысь порою быстрая
Промелькнетъ вдали стрѣлой;

Только вороны зловѣщіе
Съ крикомъ носятся вверху,
Громко каркая надъ витяземъ:
Быть невзгодѣ! быть грѣху!

Только холодомъ кладбищенскимъ
Вдругъ повѣетъ нетопырь...
Ночи сумрачнѣй, подъ дерево
Легъ могучій богатырь.

Шею вытянувъ упругую,
Конь дыханіемъ своимъ
Грѣетъ добраго хозяина
И печально ржетъ надъ нимъ.

«Чтò ты льнешь ко мнѣ, ласкаешься,
Мой товарищъ боевой?—
Говоритъ ему Денисьевичъ:—
Чтò поникъ ты головой?

«Что своимъ дыханьемъ огненнымъ
Жмешь ты мнѣ лицо и грудь?
Иль боишься звѣря лютаго?
Или чуешь что-нибудь?...»

Конь трясетъ косматой гривой
И копытомъ въ землю бьетъ,
Точно хочетъ что-то вымолвить,—
Только словъ недостаетъ.

Лишь блеснулъ на небѣ розовый
Лучъ зари, предвѣстникъ дня,
Всталъ Данило съ ложа жёсткаго,
Сѣлъ на добраго коня.

Ѣдетъ онъ изъ лѣса темнаго
Въ поле счастья попытать...
Чтò въ дали туманной слышится?
Не идетъ-ли съ юга рать?

Мать сыра-земля колышется
И дремучій боръ дрожитъ;
Словно громъ гремитъ раскатистый,—
Раздается стукъ копытъ.

Сталъ Данило за кустарникомъ,
Видитъ: съ южной стороны

Грозно движутся два всадника,
Словно двѣ большихъ копны.

Что-то будетъ, что-то станется?..
Сердце ёкнуло въ груди...
Видно, пасть въ борьбѣ Денисьичу
Съ тѣмъ, кто ѣдетъ впереди.

Скачетъ конь подъ нимъ, играючи;
Блещетъ золотомъ шеломъ...
И узналъ Данило съ горестью
Брата на̀званнаго въ немъ.

Онъ одѣтъ въ кольчугу крѣпкую,
Тяжела его рука,
И на смертный бой Денисьича
Онъ зоветъ издалека.

Словно соколъ съ чернымъ ворономъ,
Близкой смерти вѣщуномъ,
Онъ съ Алешею Поповичемъ
Мчится по полю вдвоемъ...

Дрогнувъ, слѣзъ съ коня Денисьевичъ, —
Сердце сжала злая боль...
Онъ съ Добрынею Никитичемъ
Побратался для того-ль?..

«Видно, князю я не надобенъ! —
Говоритъ онъ самъ себѣ:—
Но по волѣ князя стольнаго
Не погибну я въ борьбѣ.

«Кровью брата и товарища
Я земли не обагрю,
Для потѣхи княжьей совѣстно
Въ бой вступать богатырю.

«Не убить Добрынѣ молодца
Въ поединкѣ роковомъ!» —
И воткнулъ копье злачёное
Въ землю онъ тупымъ концомъ;

Сбросилъ съ плечъ доспѣхи твердые,
Грудью палъ на остріе —
И пробило молодецкую
Грудь злачёное копье.

Мать сыра-земля зардѣлася,
Теплой кровью полита, —
И душа Данилы чистая
Вышла въ алыя уста.

И когда борцы подъѣхали
Вызывать его на бой, —
Только трупъ одинъ безжизненный
Увидали предъ собой.

VI.

Чтó за праздникъ въ стольномъ Кіевѣ? —
Князь съ дружиной удалой
На помолвку собирается
Къ Василисѣ молодой.

Многоцѣнную жемчужную
Онъ везетъ невѣстѣ нить;
Хочетъ сердце неподкупное
Ожерельями купить.

Веселъ князь Владиміръ кіевскій:
Витязь преданный его
На лугу, въ травѣ некошеной,
Спитъ, не слышитъ ничего.

Праздно вкругъ него валяются
Стрѣлы, мечъ и крѣпкій щитъ;
Добрый конь безсмѣннымъ сторожемъ
Надъ хозяиномъ стоитъ.

Шею гордую, косматую
Опустилъ онъ грустно ницъ

И отъ трупа грознымъ ржаніемъ
Отгоняетъ хищныхъ птицъ...

Василиса убивается
Въ свѣтлой горницѣ своей:
Не видать ей мужа милаго!
Не слыхать его рѣчей!

А Владиміръ по дороженькѣ
На ретивомъ скакунѣ,
Впереди своихъ дружинниковъ,
Мчится къ будущей женѣ.

Грудь высокая волнуется;
Въ жилахъ кровь ключомъ кипитъ;
Къ голубымъ очамъ красавицы
Дума пылкая летитъ...

Чтó стучитъ-гремитъ въ Черниговѣ?
Чтó вздымаетъ пыль столбомъ? —
Поѣздъ свадебный Владиміра
Къ Василисѣ ѣдетъ въ домъ.

И, предчувствуя недоброе,
Слуги въ страхѣ къ ней сошлись;
Говорятъ ей: «Государыня!
Въ платье мужа нарядись!

«Изъ конюшни мужней лучшаго
Скакуна себѣ бери!
За тобой идутъ изъ Кіева
Князь и всѣ богатыри».

Отвѣчаетъ имъ красавица:
«Мнѣ не надобно коня,
Не хочу, чтобъ слуги вѣрные
Пострадали за меня.

«Передъ княземъ неповинна я,
Передъ Богомъ я чиста.
Принимайте-жъ князя съ почестью,
Отворяйте воротá».

Слезы вытерла горючія
Богатырская жена,
И велѣла платья лучшія
Принести къ себѣ она.

Освѣжила въ мыльнѣ чистою
Ключевой водой лицо,
И встрѣчать гостей непрошенныхъ
Смѣло вышла на крыльцо.

Словно дня сіяньемъ ласковымъ
Небо пышно разсвѣло;
Словно утромъ рано нá небо
Солнце ясное взошло;

То не зорюшка румянится,
И не солнышко блеститъ:
Василиса свѣтъ-Микулишна
На крыльцѣ рѣзномъ стоитъ.

Тихо, словно очарованный,
Подошелъ Владиміръ къ ней,
И не можетъ отъ красавицы
Оторвать своихъ очей;

И не можетъ ей разумное
Слово вымолвить въ привѣтъ...
Изойди всю землю русскую,
Въ ней красы подобной нѣтъ!

Низко князю поклонилася
Богатырская жена,
И въ дверяхъ остановилася,
Молчалива и скромна.

Что-жъ въ душѣ у ней таилося,
Князь того не угадалъ,
И въ уста ее сахàрныя
Горячо поцѣловалъ.

И промолвилъ онъ Микулишнѣ:
«Твой супругъ въ лугахъ погибъ,

На охотѣ трудной до-смерти
Дикій туръ его зашибъ.

«Не вернуть намъ къ жизни мертваго,—
Не роняй же горькихъ слезъ:
Я колечко обручальное
Молодой вдовѣ привезъ.

«Жить не слѣдъ тебѣ вдовицею;
Вѣкъ въ кручинѣ горевать,
Красоту свою и молодость
Погубить тебѣ не стать.

«Будь женою мнѣ и матушкой
Для моихъ богатырей,
Одѣвайся въ подвѣнечное
Платье свѣтлое скорѣй.

«Въ путь-дорогу мы отправимся,—
Поѣздъ свадебный готовъ».
Василиса волѣ княжеской
Покорилася безъ словъ;

Нарядилась въ платье цвѣтное
И покрылася фатой,
И въ рукавъ широкій спрятала
Ножъ отточенный, складной.

VII.

Ѣдетъ князь съ невѣстой милою,
Въ стольный городъ свой спѣша.
Все сильнѣй въ немъ кровь волнуется
И горитъ его душа.

Но невесело дружинники—
Молча слѣдуютъ за нимъ;
Опустилъ Добрыня голову,
Тяжкой думою томимъ.

Шепчетъ онъ: «Владиміръ-солнышко!
Въ дѣлѣ зломъ не быть добру!
Не подумавши, затѣяли
Мы неладную игру.

«Все мнѣ братній трупъ мерещится,
Чтȍ неприбранный лежитъ,
Рана страшная, какъ грозное
Око, нȁ небо глядитъ.

«Извели мы ясна-сокола,
Онъ попался въ нашу сѣть;
Но едвали бѣлой лебедью
Намъ удастся завладѣть».

Молча ѣдутъ князь съ невѣстою...
Слышно ржанье въ сторонѣ:
Это конь Даниловъ вѣсточку
Подаетъ его женѣ.

Василиса встрепенулася,
Придержала скакуна
И Владиміру, ласкаючись,
Тихо молвила она:

«Въ чистомъ полѣ ржанье слышится,
Въ небѣ вȍроны кричатъ...
Князь Владиміръ! Я отправлюся
Въ ту сторонку наугадъ.

Видно, тамъ мой мужъ валяется,—
Отпусти меня къ нему,
Я въ послѣдній разъ убитаго
Мужа крѣпко обойму.

«Вдоволь я надъ нимъ наплачуся,
Трупъ слезами орошу.
Если-жъ съ мужемъ не прощуся я,—
Передъ Богомъ согрѣшу»...

Потемнѣлъ Владиміръ-солнышко,
Свѣтлыхъ думъ пропалъ и слѣдъ...

Отказать невѣстѣ—совѣстно;
Отпустить—охоты нѣтъ.

Голова на грудь склонилася,
Шевельнулась совѣсть въ немъ,—
И на просьбу Василисину
Согласился онъ съ трудомъ.

Въ провожатые Микулишнѣ
Далъ онъ двухъ богатырей,—
И помчалася красавица,
Вѣтра вольнаго быстрѣй.

VIII.

Вотъ, въ долинѣ, за кустарникомъ,
Трупъ лежитъ въ травѣ густой,
Точно дерево, разбитое
Безпощадною грозой.

Въ безпорядкѣ кудри черныя
Опустились надъ челомъ;
Истекаетъ кровью алою
Грудь, пробитая копьемъ.

Измѣнила смерть холодная
Красоту его лица,
И раскинуты безсильныя
Руки мощнаго бойца...

И, спрыгнувъ съ коня ретиваго,
Точно первый снѣгъ бѣла,
Безъ рыданій, къ мужу мертвому
Василиса подошла;

И упавъ на грудь Данилову,
Горемычная вдова
Громко вскрикнула: «Злодѣями
Ты убитъ, а я жива!

«Для чего-жъ мнѣ жизнь оставлена,
Если нѣтъ тебя со мной?
Не грѣшно ли мнѣ, не стыдно ли
Быть Владиміра женой?

«И не лучше-ль злому половцу
Мнѣ отдать и жизнь и честь,
Чѣмъ съ убійцей мужа милаго
Цѣлый вѣкъ въ слезахъ провесть?

«Нѣтъ, не лечь на ложе брачное
Опозоренной вдовѣ,
И не быть съ дружиной княжеской
И съ Добрынею въ родствѣ;

«Не носить уборы цѣнные,
Жемчуги и янтари́...
Подойдите и послушайте
Вы меня, богатыри!

«Вы скажите князю стольному,
Чтобъ валяться не далъ намъ
Въ полѣ онъ безъ погребенія,
На съѣденіе звѣрямъ.

«Прикажите, други, плотникамъ
Сколотить намъ гробъ большой,
Чтобъ не тѣсно было милому
Спать со мной въ землѣ сырой».

Такъ сказала имъ Микулишна—
И пробила грудь ножомъ;
Изъ глубокой раны хлынула
Кровь горячая ключемъ.

На груди супруга милаго
Умерла его жена,—
Жизнь безъ слезъ она оставила,
До конца ему вѣрна.

IX.

Грозенъ князь Владиміръ кіевскій
Возвратился въ городъ свой,
Не съ красавицей-княгинею,
А съ глубокою тоской.

Не съ весельемъ князя встрѣтили
Горожане у воротъ;
Пусты улицы широкія,
Точно вымеръ весь народъ.

Надъ богатымъ, славнымъ Кіевомъ
Тишь могильная стоитъ;
Лишь по улицамъ, въ безмолвіи,
Раздается стукъ копытъ.

Грозенъ князь вошелъ въ хоромины;
Молча слуги вслѣдъ идутъ;
И велѣлъ имъ князь Путятича
Привести къ себѣ на судъ.

И, дрожа отъ страха смертнаго,
Сталъ Путятичъ у дверей...
Не для пира-столованія
Князь созвалъ богатырей.

Знать, прошла пора веселая
Шумныхъ княжескихъ потѣхъ:
Смотрятъ сумрачно дружинники,
Стольный князь суровѣй всѣхъ.

Съ гнѣвомъ молвилъ онъ Путятичу:
«Какъ намъ быть съ тобою, сватъ?
Ѣздилъ въ даль я за невѣстою,
А вернулся неженатъ.

«Ты затѣялъ дѣло хитрое,
Да пропалъ задаромъ трудъ:
Идутъ слуги въ Кіевъ съ ношею,
Двухъ покойниковъ несутъ.

«Погубилъ слугу я вѣрнаго—
И остался холостой.
Видно, князю не приходится
Володать чужой женой.

«И не должно князю слушаться
Злыхъ совѣтниковъ своихъ:
Злой слуга змѣи опаснѣе,
На худое дѣло лихъ.

«Мнѣ же рѣчь твоя понравилась;
Эта рѣчь была грѣшна,—
И не смыть теперь мнѣ съ совѣсти
Вѣковѣчнаго пятна.

«Князь Владиміръ стольно-кіевскій
Щедрымъ слылъ до этихъ поръ...
Чѣмъ же мнѣ тебя пожаловать,
Наградить за мой позоръ?

«Всѣ дѣла твои лукавыя
И совѣты были злы,—
И за то, Мишата, жалую
Я тебя котломъ смолы».

И. Суриковъ.

НАСЕЛЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА

и

ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЙ И СОЦІАЛЬНЫЙ СОСТАВЪ

по переписи 1869 года.

Окончаніе.

III *).

Соціальный складъ трудящагося населенія.—Самодѣятельное и несамодѣятельное населеніе по занятіямъ. — Возрастный составъ трудящагося населенія. — Размѣщеніе по домамъ и квартирамъ.

Смотря по тому, бо́льшее или меньшее число несамостоятельныхъ лицъ, о которыхъ приходится заботиться, лежитъ на рукахъ у каждаго самостоятельнаго работника, мы выводимъ заключеніе о степени промышленной силы населенія, независимо отъ другихъ соображеній нравственнаго порядка, какія могутъ быть связаны съ этимъ фактомъ. Чѣмъ меньше, напротивъ, въ извѣстной хозяйственной группѣ лицъ, живущихъ на средства работника — или потому, что ихъ дѣйствительно меньше, или потому, что многіе изъ нихъ должны также работать — тѣмъ хозяйственная сила такой

---

*) См. выше: октябрь, 606 стр.

группы слабѣе. Такова нить, которая должна руководить нами при сопоставленіи цифръ самостоятельнаго и живущаго на его средства населенія. Д-ръ Швабе, редактировавшій изданіе послѣдняго берлинскаго ценза, поэтому позаботился весьма обстоятельно выдѣлить во всѣхъ отрасляхъ занятій это несамостоятельное населеніе, пріурочивъ его, кромѣ того, къ другому весьма важному соціальному факту—степени самостоятельности самодѣятельнаго населенія. Angehörige (для котораго собственно нѣтъ русскаго подходящаго выраженія) распредѣлены не только по возрасту, полу, но и по тому, принадлежатъ ли они къ Arbeitgeber'амъ (хозяевамъ), или Arbeitnehmer'амъ (рабочимъ). Само собою разумѣется, что здѣсь можетъ идти рѣчь только о промышленности и торговлѣ, ибо далѣе, въ либеральныхъ профессіяхъ, можно только различать нанимателей и прислугу. Подобная сводка даетъ возможность сдѣлать много въ высшей степени интересныхъ выводовъ относительно соціальнаго положенія берлинскаго населенія. Отъ сравненія съ Лондономъ мы вынуждены совершенно отказаться, за недостаткомъ матеріаловъ для того въ англійскомъ цензѣ.

Такимъ образомъ, въ Берлинѣ оказывается, что вообще на 100 Selbstthätige (самостоятельно трудящихся) живутъ всего 88,6 Angehörige; слѣдовательно, самостоятельное населеніе на 12% больше, чѣмъ то, которое живетъ на его средства. Очевидно, положеніе болѣе выгодное, чѣмъ, напримѣръ, положеніе парижскаго населенія, гдѣ на 100 самостоятельныхъ приходится только 65 несамостоятельныхъ.

При дальнѣйшемъ анализѣ оказывается, что изъ всѣхъ группъ по занятіямъ въ наивыгоднѣйшемъ положеніи стоятъ: 1) духовенство и 2) общественная служба, гдѣ на 100 самостоятельныхъ приходится 209 несамостоятельныхъ; потомъ слѣдуютъ: 3) гражданская администрація, 192; 4) придворная служба, 177; 5) пром. передвиженія, 173; 6) судебное вѣдомство и адвокатура, 148; 7) торговля, 117; 8) собственники и рентьеры, 112; 9) сельскіе хозяева, 103; 10) занимающіеся воспитаніемъ, 97; 11) науками и искусствами 92; 12) промышл. обработывающая, 90; 13) врачебное пособіе, 83; 14) личныя услуги, 29.

Мы не считаемъ военныхъ (12 на 100), потому что въ этомъ родѣ занятій не можетъ быть рѣчи о заработкѣ для содержанія семьи или близкихъ. Цифры эти едва ли нуждаются въ комментаріяхъ: они суть вмѣстѣ и выводы. Во всѣхъ отрасляхъ производства въ свою очередь проходитъ тотъ фактъ, что бо́льшая зажиточность хозяевъ, сравнительно съ рабочими, даетъ

для нихъ постоянно бо́льшую цифру несамостоятельнаго населенія, на ихъ заботахъ лежащаго:

		На 100 самост. приходятся несамостоятельныхъ.
Промышленность	Хозяева. . . .	236
	Работники. . .	72
Торговля	Хозяева. . . .	210
	Работники. . .	47
Передвиженія. .	Хозяева. . . .	230
	Работники. . .	144

Въ Парижѣ матеріалы не позволяютъ намъ прослѣдить этихъ отношеній по разнымъ группамъ занятій, но въ средней величинѣ тоже на 100 хозяевъ приходится 110 несамостоятельныхъ, на 100 у нихъ служащихъ (администрація) 74, у работниковъ только 58.

Составителямъ петербургскаго свода матеріаловъ, добытыхъ переписью, факты эти казались вѣроятно маловажными, потому что имъ сто́ило бы небольшого труда разработать группу несамостоятельнаго населенія, по тѣмъ же формамъ, по которымъ разработано населеніе самостоятельно трудящееся и, наконецъ, дополнить сдѣланную разверстку по занятіямъ, полу и возрасту данными о семейномъ состояніи обѣихъ соціальныхъ группъ. Данныя бы получились болѣе цѣнныя, чѣмъ, напримѣръ, ни къ чему почти не ведущая сводка по занятіямъ и сословіямъ, занятіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Въ той формѣ, какъ матеріалъ теперь изданъ, онъ даетъ общую цифру несамостоятельныхъ по родовымъ группамъ занятій, по полу и по возрасту,—только.

Прежде нежели сдѣлать изъ него какіе-нибудь выводы необходимо обратить вниманіе на то, что отношеніе несамостоятельнаго населенія къ самостоятельному можетъ служить для измѣренія хозяйственной обезпеченности въ томъ случаѣ, когда населеніе данной мѣстности состоитъ изъ элементовъ преимущественно, если не исключительно, осѣдлыхъ. Берлинская перепись разработана такъ, что въ ней въ каждой небольшой группѣ можно выдѣлить туземное отъ пришлаго, и единственный, хотя большой недостатокъ ея въ этомъ отношеніи тотъ, что́ она разумѣетъ подъ «Zugezogene» всѣхъ не родившихся въ Берлинѣ, хотя бы въ немъ и осѣдлыхъ. Наша перепись не даетъ даже и этого. При большомъ несомнѣнно числѣ жителей Петербурга, приходящихъ сюда только на заработки, имѣющихъ семью на родинѣ, всякое заключеніе объ отношеніи самостоятельнаго и несамостоятельнаго

населенія въ отдѣльныхъ группахъ занятій можетъ быть ошибочно. Необходимо выдѣлить пришлое населеніе. За неимѣніемъ прямыхъ средствъ къ этому, мы позволили себѣ прибѣгнуть къ способу, хотя нѣсколько произвольному, но все же сколько-нибудь ведущему къ цѣли.

Мы имѣемъ указаніе, въ вѣдомости занятій по сословіямъ, данныя о томъ, сколько крестьянъ какой губерніи числится въ томъ или другомъ промыслѣ. Число ихъ значительно, какъ мы увидимъ, въ промышленности сельской, обработывающей, торговой и перевозочной, и ничтожно въ другихъ профессіяхъ. Между ними есть хозяева и рабочіе; послѣднихъ на много, конечно, больше. Рабочіе несомнѣнно въ Петербургѣ неосѣдлы, почти всѣ не имѣютъ съ собою своей семьи, или вообще лицъ на ихъ попеченіи. Конечно, къ нимъ слѣдовало бы присоединить нѣкоторое число мѣщанъ; но объ нихъ не имѣется данныхъ, откуда они. Мы приняли всѣхъ крестьянъ-рабочихъ за пришлыхъ и не имѣющихъ, слѣдовательно, отношенія къ петербургскому несамостоятельному населенію. Получаемая за вычетомъ ихъ цифра самостоятельнаго населенія во всякомъ случаѣ имѣетъ больше права на сравненіе съ цифрою несамостоятельнаго населенія, нежели находимая въ общихъ итогахъ. Что касается до населенія несамостоятельнаго, то въ немъ процентъ пришлаго, такимъ же образомъ выведенный, несравненно меньше. Тогда какъ въ самостоятельно трудящемся населеніи онъ, по родовымъ группамъ, колеблется для м. нас. между 69 и 52, въ женскомъ стоитъ близко къ 25, въ несамостоятельномъ онъ равенъ 17% въ мужскомъ населеніи и 18% въ женскомъ. Но разложить это пришлое несамостоятельное населеніе по занятіямъ невозможно, ибо въ сводѣ оно не разложено по занятіямъ и сословіямъ. Приходится вездѣ несамостоятельное населеніе, въ отношеніи къ самостоятельному, понижать приблизительно на 17%. Впрочемъ, въ относительныхъ цифрахъ разница выходитъ самая незначительная. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ поправокъ получается слѣдующій рядъ отношеній несамостоятельныхъ къ 100 самостоятельнымъ, причемъ занятія расположены въ нисходящемъ порядкѣ по числу несамостоятельныхъ:

1. Придворная служба	159 (159)
2. Общественная служба.	153 (153)
3. Гражданская служба	137 (137)
4. Священнослужители	135 (135)
5. Торговля	123 (65)
6. Сельское хозяйство.	105 (47)
7. Передвиженіе	103 (46)

8. Собственники и рентьеры . . .	103	(103)
9. Судебное вѣдомство и адвокатура.	102	(102)
10. Врачебное пособіе	81	(81)
11. Науки и искусства.	79	(79)
12. Обработывающая промышл. . .	79	(42)
13. Личныя услуги	35	(23)
14. Воспитаніе и образованіе. . . .	34	(34)

Всѣ занятія, кромѣ военныхъ и моряковъ, 70. Въ скобкахъ приведены отношенія, полученныя прямо изъ итоговъ, безъ введенія поправокъ. Разница между обоими рядами тѣмъ больше, чѣмъ больше пришлаго элемента въ общемъ числѣ самостоятельнаго населенія. Предполагаемая же нами величина его равняется для мужского населенія въ пром. передвиженіи 69%, въ сельскомъ хозяйствѣ 66%, торговлѣ 58%, обработывающей промышленности 56%. И въ группѣ личныхъ услугъ 52%; для женскаго—въ личныхъ услугахъ 43%, въ обработывающей и торговой промышленности 27%, передвиженія 4%.

Сравнивая наши отношенія съ берлинскими, мы выводимъ слѣдующія заключенія:

1) У насъ число несамостоятельнаго населенія, по отношенію къ самостоятельному, вообще, болѣе слабо, возьмемъ ли мы всю массу населенія или отдѣльныя его группы, въ неисправленномъ или исправленномъ видѣ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ на 100 самостоятельныхъ приходится 50 несамостоятельныхъ, и за отчисленіемъ пришлаго самостоятельнаго и несамостоятельнаго населенія 70, въ Берлинѣ мы находимъ 88,6. Было бы слишкомъ смѣло заключать отсюда о меньшей хозяйственной силѣ нашего населенія, хотя вѣрность такого вывода весьма вѣроятна; но несомнѣнно, что фактъ самъ по себѣ весьма характеренъ.

Въ Петербургѣ населеніе живетъ преимущественно интересами матеріальными, нравственные бóльшею частію гдѣ-нибудь на сторонѣ, внѣ Петербурга.

2) Хозяйственныя группы въ нисходящемъ порядкѣ располагаются почти одинаково въ Петербургѣ и Берлинѣ, выражая одинъ общій соціальный законъ, по которому чѣмъ болѣе обезпечены матеріальные интересы даннаго класса, тѣмъ бóльшее число несамостоятельныхъ лицъ группируется около работника, образуя съ нимъ одну, такъ сказать, соціальную клѣточку. Менѣе всего обезпеченными въ соціальномъ отношеніи у насъ являются занимающіеся воспитаніемъ и образованіемъ—гораздо менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ (97 на 100 сам. и 34 у насъ): у насъ этотъ классъ стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ (14-мъ, въ Берлинѣ на 10-мъ); выше, на слѣдующемъ мѣстѣ, стоятъ личныя услуги, гдѣ менѣе

всего пришлыхъ элементовъ, потомъ промышленность обработывающая, занимающая совершенно одинаковое мѣсто въ ряду другихъ занятій и въ Берлинѣ, и у насъ (12-е), занимающіеся науками и искусствами (въ Берлинѣ и у насъ 11-е мѣсто), врачебнымъ пособіемъ. Наиболѣе обжившіеся и устроившіеся въ Петербургѣ хозяйственные классы населенія будутъ: принадлежащіе къ придворной службѣ, духовныя лица, занимающіе общественныя должности, чиновники гражданской администраціи, лица, занимающіяся торговлей, перевозочной промышленностью, собственники и рентьеры, лица судебнаго вѣдомства.

Сама по себѣ, однако, цифра несамостоятельнаго населенія имѣетъ еще мало значенія: надобно знать, изъ кого состоитъ это населеніе, какъ оно распредѣляется по полу, возрасту, семейному состоянію. Отвѣты на эти вопросы по русскимъ даннымъ возможны только въ самой общей формѣ, потому что несамостоятельные разложены только въ общемъ итогѣ по возрасту и не разложены вовсе по семейному состоянію; одно только распредѣленіе половъ можетъ быть сдѣлано по родовымъ группамъ занятій.

Половой составъ несамостоятельнаго населенія имѣетъ всегда болѣе или менѣе одинъ характеръ: въ немъ больше гораздо женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Точно также по возрастному составу болѣе всего въ немъ дѣтей и затѣмъ стариковъ; среднее отношеніе дѣтей до рабочаго возраста и стариковъ, перешедшихъ рабочій возрастъ, къ взрослому населенію, опредѣляетъ нормальное отношеніе мужского несамостоятельнаго населенія къ самостоятельному. Судя по таблицѣ г. Буняковскаго, % дѣтей до 15 лѣтъ въ общемъ мужскомъ населеніи равняется 36,3%, стариковъ послѣ 60 лѣтъ 5,4%. Взрослое населеніе можетъ попасть въ разрядъ несамостоятельныхъ: или, если въ немъ есть больные и увѣчные, не могущіе работать, или тунеядцы, живущіе при кормильцахъ и ничего не дѣлающіе, или, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, вслѣдствіе неимѣнія занятій. Понятно также, что чѣмъ болѣе нуждается семья въ поддержкѣ труда своего главы трудомъ еще другихъ членовъ семьи, особенно малолѣтковъ, тѣмъ меньше въ такомъ населеніи будетъ несамостоятельныхъ мужчинъ и тѣмъ меньше дѣтей. Чѣмъ ранѣе истощаетъ свои силы работникъ, тѣмъ раньше онъ поступаетъ въ разрядъ несамостоятельныхъ и ложится на попеченіе семьи.

Съ точки зрѣнія этихъ соображеній разсматриваемое петербургское населеніе представляется намъ въ довольно неблагопріятномъ видѣ.

Во-первыхъ, несамостоятельныхъ мужчинъ въ немъ мало—28°/o противъ 31°/o въ Берлинѣ [1]), и сообразно съ этимъ менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, дѣтей до 14 лѣтъ: 84,2% м. и 35,5% ж., сравнительно съ 91% и 41% въ этомъ послѣднемъ. Во-вторыхъ, возмужалое мужское населеніе въ Петербургѣ представлено сильнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. А именно, на 100 всѣхъ возрастовъ считается м. п.:

	Въ Петербургѣ.	Въ Берлинѣ.
14—20	9,5	6,6
21—30	2,9	2,0
31—40	0,7	0,1
41—50	0,7	0,0

Наконецъ, въ третьихъ, число лицъ старѣе 50-ти лѣтъ въ несамостоятельномъ населеніи тоже болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ:

	Въ Петербургѣ.		Въ Берлинѣ.	
	м.	ж.	м.	ж.
51—60	0,5	5,6	0,0	4,8
61 и выше	1,5	4,7	0,2	2,7

процентовъ всего несамостоятельнаго населенія соотвѣтствующаго пола.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такого, неблагопріятнаго для Петербурга, состава несамостоятельнаго населенія кроется, безъ сомнѣнія, въ слишкомъ раннемъ началѣ трудовой жизни, въ рано начинающейся работѣ дѣтей, этомъ больномъ мѣстѣ всего нашего хозяйственнаго и соціальнаго строя. При отсутствіи законовъ, ограничивающихъ minimum рабочаго возраста, русскій человѣкъ рано вступаетъ на тяжелый путь труда. Петербургскія данныя показываютъ, что дѣтей до 10-ти лѣтъ считается въ числѣ рабочихъ 656 (427 м. и 229 ж.), т.-е. около 1% всѣхъ дѣтей этого ранняго возраста. Петербургскія данныя однако представляютъ положеніе дѣлъ еще въ лучшемъ свѣтѣ, или потому, что оно дѣйствительно лучше, или потому, что возрастъ работающихъ дѣтей увеличенъ хозяевами. Мы всегда были убѣждены, что % дѣтей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ промышленной полосы Россіи, больше петербургскаго, и дѣйствительно, свѣдѣнія, собранныя русскимъ техническимъ обществомъ по этому вопросу, подтвердили такое предположеніе. Съ возрастомъ возрастаетъ и число работающихъ дѣтей, такъ что въ 11—15-

[1]) И здѣсь мы откидываемъ пришлое населеніе, выдѣленное на основаніи вышеизложенныхъ данныхъ.

лѣтнемъ число ихъ доходитъ до 21,795 [1]) (18,056 м. и 3739 ж.), или 52% всѣхъ дѣтей, а за исключеніемъ живущихъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, бо́льшею частью не принадлежащихъ къ петербургскимъ семействамъ, процентъ этотъ дойдетъ до 61! По отношенію къ самодѣятельному населенію дѣти до 15 лѣтъ составляютъ среди мужского населенія 6,9%, среди женскаго 3,6%. Чтобы судить о размѣрахъ эксплуатаціи дѣтскаго труда, выражаемой этими цифрами, сто́итъ сравнить ихъ съ берлинскими. Тамъ насчитывается всего 4186 дѣтей до 14-ти-лѣтняго возраста, считающихся самостоятельно трудящимися [2]), что́ составляетъ, по отношенію къ общему числу дѣтей до этого возраста, 1,4%, у насъ 18,3% или въ 13 разъ больше. Если даже предположить, что всѣ 4186 дѣтей этихъ принадлежатъ къ возрасту 10—14 лѣтъ, то и тогда наше отношеніе будетъ превосходить берлинское (6%) почти въ 9 разъ [3]).

Наиболѣе эксплуатируется дѣтскій трудъ въ промышленности обработывающей, гдѣ мальчики до 15 лѣтъ составляютъ 10,6% рабочихъ, дѣвочки 7,1%; затѣмъ слѣдуетъ торговля 10,2% и 0,8%, перевозочная промышленность 4,8% и 0,2%; наконецъ, личныя услуги—1,8% мальчиковъ и 2,6% дѣвочекъ.

Значеніе приведенныхъ цифръ не умаляется нисколько тѣми фактами, которые раскрываются при ближайшемъ анализѣ данныхъ и которые указываютъ на то, что большинство дѣтей является полу-учениками, полу-работниками въ разныхъ ремеслахъ, а не собственно на фабрикахъ, потому что еще вопросъ, что́ ведетъ, при нашихъ предпринимательскихъ порядкахъ, къ бо́льшему физическому изнуренію и нравственной порчѣ дѣтей—ремесленный или фабричный складъ труда. Свѣдѣнія, собранныя русскимъ техническимъ обществомъ, показали намъ, что дѣти, работающія на фабрикахъ, живутъ бо́льшею частію при родителяхъ; многія изъ нихъ ходятъ въ школу; дѣти же, помѣщенныя въ ученье къ мастерамъ, бо́льшею частью заброшены въ столицу родителями, живущими далеко, заброшены съизмала подъ весьма сомнительное воспитательное вліяніе мастерской. Случаи самоубійствъ отъ жестокаго обращенія хозяевъ съ такими «учени-

---

[1]) За исключеніемъ самостоятельныхъ, живущихъ доходами съ имущества, пенсіею, призрѣваемыхъ, арестантовъ, временно-заѣзжихъ и пр.

[2]) Исключены призрѣваемые, иначе итогъ будетъ 5271.

[3]) Перевѣсъ нашихъ цифръ долженъ быть, собственно говоря, нѣсколько меньше, потому что мы принуждены взять возрастную группу однимъ годомъ больше; но общее значеніе факта и даже его количественное выраженіе мало измѣняются отъ этого.

ками» нерѣдко попадаются въ хроникѣ петербургской жизни: фактъ едва ли возможный на фабрикѣ, хотя мы утверждаемъ это на основаніи личнаго наблюденія, а не статистическаго матеріала, котораго нѣтъ. Наибольшій процентъ мальчиковъ до 15 лѣтъ занятъ въ двухъ отрасляхъ промышленности: въ приготовленіи одежды и въ торговлѣ изъ лавокъ (по $19^1/_2\%$ въ каждой)— главнымъ образомъ въ изготовленіи мужского платья и въ изготовленіи обуви (у портныхъ 33%, у сапожниковъ 55% мальчиковъ, занятыхъ въ этой отрасли) и въ торговлѣ мелочной (мелочныя лавки), бакалейной и напитками (ренсковые погреба). Затѣмъ, 9% мальчиковъ служитъ по трактирнымъ и питейнымъ заведеніямъ; 8% у столяровъ, обойщиковъ и другихъ хозяевъ, занятыхъ по устройству жилищъ; 8% въ изготовленіи металлическихъ издѣлій (отчасти на желѣзно-дорожныхъ и механическихъ заводахъ); 4% на филатурахъ и ткацкихъ фабрикахъ; 4% у булочниковъ, кандитеровъ и пр.; 4% служитъ въ извощикахъ и другихъ промыслахъ, связанныхъ съ перевозкою по сухому пути, наконецъ, 4 же % числится въ личной прислугѣ. Остальные 20% распредѣляются по разнымъ другимъ производствамъ и отраслямъ торговли.

Что касается до дѣвочекъ (до 15 лѣтъ), то сфера ихъ труда гораздо тѣснѣе, чѣмъ сфера труда, открывающаяся мальчикамъ. Двѣ-пятыхъ (40%) дѣвочекъ относится къ категоріи швей, $^2/_5$ къ личной прислугѣ; затѣмъ около 11% на работницъ на фабрикахъ (обработка волокнистыхъ веществъ), 5% работаютъ на табачныхъ фабрикахъ, до 4% служатъ въ прачкахъ. Можетъ быть, ни въ одномъ другомъ фактѣ не выражается такъ рельефно преобладающій ремесленный характеръ петербургской промышленности надъ фабричнымъ, какъ въ приведенномъ распредѣленіи дѣтскаго труда: для ремеслъ онъ является такъ сказать главною школою. Въ Берлинѣ, напримѣръ, изъ небольшого числа дѣтей, которое вообще тамъ считается въ средѣ рабочаго населенія, болѣе половины—68% м. и 58% дѣвочекъ—суть фабричные работники; помѣщенныя же въ ремесленныя заведенія распредѣляются небольшими числами между всѣми промыслами почти равномѣрно, съ небольшимъ преобладаніемъ ихъ между портными, сапожниками, швеями, переплетчиками и проч. Впрочемъ, ничего положительнаго въ этомъ отношеніи сказать нельзя, такъ какъ берлинское изданіе переписи 1871 г., при раскладкѣ Selbstthätige по возрастамъ не дѣлаетъ различія между хозяевами и ихъ работниками.

Конкурренція, которую дѣтскій трудъ представляетъ труду

взрослаго населенія, выражается тѣмъ процентомъ дѣтей, какой находимъ мы въ общемъ итогѣ работниковъ данной промышленной группы. По этому проценту всѣ родовыя группы производствъ располагаются для мужчинъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Переплетное и футлярное	16,1
Торговля въ лавкахъ	15,9
Производство одежды	15,9
Производство инструментовъ	15,6
Трактирный промыселъ	15,0
Устройство жилищъ	12,8
Содержаніе въ чистотѣ одежды	12,2
Пряденіе и тканье	10,5
Производство по продовольствію	9,2
Постройка жилищъ	9,0
Производство металлическихъ издѣлій	8,3
Типографіи, литографіи	6,1
Разносная торговля	4,5
Шорное, сѣдельное и пр. производства изъ кожи	4,2
Извозный промыселъ	3,3
Личная прислуга	1,8
Химическія производства	1,2

Въ отрасляхъ женскаго труда, конкурренція труда малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ работницъ сильнѣе всего въ приготовленіи одежды—10,8% работницъ этого промысла, въ переплетномъ производствѣ—10,7%, въ фабричной обработкѣ волокна —9,7%, въ производствахъ по продовольствію (табачное)—8,4% и въ лавочной торговлѣ—1,3%.

Обращаясь къ величинѣ самодѣятельнаго населенія, перешедшаго за 50-лѣтній возрастъ, мы находимъ, что въ Петербургѣ въ общемъ итогѣ она для обоихъ половъ почти одинакова съ берлинскою: 77% противъ 82% для мужского и 32% противъ 26% для женскаго, за исключеніемъ собственниковъ, рентьеровъ, призрѣваемыхъ и др. лицъ, не живущихъ непосредственными трудовыми силами. Но анализируя отдѣльныя отрасли производствъ, мы замѣчаемъ между Петербургомъ и Берлиномъ значительную разницу. Разница эта выражается въ почти повсемѣстно большемъ % 50-лѣтнихъ и выше работниковъ въ берлинскомъ населеніи, за исключеніемъ области личныхъ услугъ, гдѣ разница значительно въ пользу Петербурга. Такъ, въ обрабатывающей промышленности для мужчинъ мы находимъ у насъ 7%, противъ 9,5% въ Берлинѣ, для торговли 8,8% противъ 11,3%, для передвиженія 9,5% противъ 11,6%. Но еще больше эта разница въ производствахъ не-матеріальныхъ: среди занимающихся

воспитаніемъ и образованіемъ 4,7% противъ 18,5% въ Берлинѣ, занимающихся науками и искусствомъ 10,5% противъ 15,6%, въ гражданской службѣ 12,7% противъ 22,6%. Въ женскомъ населеніи разница не столь значительна и, при небольшой экстенсивности явленій, иногда дѣлается неопредѣленною, причемъ петербургскія отношенія превышаютъ иногда берлинскія.

Приведенные факты составляютъ признаки другихъ фактовъ, имѣющихъ большое значеніе и въ соціальномъ, и въ экономическомъ смыслѣ. Эти послѣдніе факты будутъ тѣ вѣроятныя причины, отъ которыхъ первые зависятъ. Въ производствахъ матеріальныхъ, тамъ въ особенности, гдѣ масса работниковъ участвуетъ механическимъ трудомъ, меньшій % лицъ, перешедшихъ за 50-лѣтній возрастъ, указываетъ на раннее наступленіе упадка физическихъ силъ, требующее постояннаго пополненія рабочаго контингента приливомъ извнѣ силъ свѣжихъ, молодыхъ. Такова въ особенности вся область обработывающихъ производствъ. Въ Петербургѣ не только % работниковъ старѣе 50 лѣтъ въ нихъ меньше, но и въ суммѣ способнаго къ самостоятельному труду населенія этотъ возрастный классъ въ обработывающей промышленности представляется всего 22% противъ 42% въ Берлинѣ для мужчинъ и 9% противъ 14,5% для женщинъ. Другими словами, у насъ только 22% этого возрастнаго класса сохраняютъ способность къ труду, требующему преимущественно сохраненія физическихъ способностей, въ Берлинѣ 42%. Хотя весьма вѣроятно, что высказанныя нами причины имѣютъ значительную долю въ произведеніи приведенныхъ фактовъ, но несомнѣнно и то, что есть еще другое условіе, стоящее съ ними рядомъ. Наше фабричное и отчасти ремесленное населеніе есть въ то же время населеніе крестьянское, не имѣющее осѣдлости въ городахъ; въ города идетъ народъ болѣе молодой, старый уступаетъ ему отхожій промыселъ, и въ суммѣ фабричнаго и ремесленнаго городского населенія % стариковъ долженъ быть вслѣдствіе этого меньше. Но, не зная возрастнаго состава пришлаго рабочаго люда, мы не въ состояніи и измѣрить вліянія этого фактора. Точно то же имѣетъ мѣсто и въ сферѣ труда не-матеріальнаго, съ тою разницей, что пришлый элементъ по численности здѣсь ничтоженъ, и что меньшая численность разсматриваемаго возраста указываетъ еще на то обстоятельство, что общество въ меньшей мѣрѣ пользуется опытностью, знаніемъ людей именно въ тѣхъ производствахъ, гдѣ оно всего дороже: тутъ молодыя силы не всегда суть и наиболѣе производительныя.

Что касается до «личныхъ услугъ», то въ Петербургѣ мы

находимъ въ нихъ гораздо больше представителей стараго населенія, и относительно всего числа лицъ этой профессіи, и относительно всей этой возрастной группы.

	По отношенію къ работникамъ категоріи личныхъ услугъ.		По отношенію ко всему числу 50-тилѣтнихъ и выше.	
	П.	Б.	П.	Б.
М.	13,8%	8,2%	16,8%	4,4%
Ж.	12,2%	4,1%	17,0	3,9%

Фактъ этотъ объясняется для мужчинъ довольно просто тѣмъ, что у насъ въ рубрику службы личной включены сторожа при общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ; но относительно такого большого числа старухъ въ средѣ личной прислуги, какое мы находимъ у насъ, въ матеріалахъ нѣтъ фактовъ для достаточнаго его объясненія.

Какими же средствами живетъ остающаяся не у промысла часть пятидесятилѣтнихъ и болѣе пожилыхъ петержбурцевъ? Тутъ принадлежность тому или другому полу имѣетъ существенное значеніе. Большинство старыхъ мужчинъ, не занятыхъ въ промышленности, живетъ доходами, средствами, нажитыми прежде, пенсіею; большинство же такихъ старыхъ женщинъ остается на попеченіи семьи или общественнаго призрѣнія. Этотъ общій соціальный фактъ въ Петербургѣ не такъ рѣзко выдается, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ. Изъ мужчинъ, перешагнувшихъ за пятый десятокъ и не имѣющихъ промысловаго занятія въ Петербургѣ, 58% живетъ доходами съ имущества и пенсіею—въ Берлинѣ почти 74%; изъ женщинъ той же категоріи на попеченіи семействъ остается у насъ 52,3% и 24% живетъ призрѣніемъ общественнымъ и частнымъ, въ Берлинѣ 77,7% остаются на рукахъ родственниковъ трудящихся и только 7,4% пользуется благотворительностью. Различіе въ этихъ величинахъ можетъ быть объяснено, весьма вѣроятно, исключительнымъ развитіемъ въ нашей столицѣ благотворительныхъ учрежденій и особымъ ихъ характеромъ. Мы вообще мало заботимся о предупрежденіи болѣзненности и нищеты; но много хлопочемъ о леченіи этихъ общественныхъ недуговъ, увеличивая такимъ образомъ населеніе больницъ и богадѣленъ, вмѣсто того, чтобы сокращать его. Особенностями же нашихъ пенсіонныхъ уставовъ можетъ быть объяснена и бóльшая, сравнительно съ берлинскою, цифра пожилыхъ женщинъ, живущихъ пенсіею: она абсолютно и относительно превосходитъ берлинскую—3,754 или 12,8% у насъ и

1,357 или 3,7% въ Берлинѣ (по отношенію къ несамостоятельно-трудящимся женщинамъ, старѣе 50 лѣтъ).

Подъ вліяніемъ изложенныхъ фактовъ, относительно участія труда главнымъ образомъ дѣтей и отчасти стариковъ, слагается своеобразно въ Петербургѣ и процентъ возмужалаго рабочаго населенія. Если справедливо выражать относительнымъ количествомъ этого населенія рабочую силу данной промышленности или данной группы людей, то сравненіе для Петербурга будетъ невыгодно: въ общей массѣ трудящагося населенія у насъ 81,8% муж. и 75,0% женщинъ принадлежатъ съ возрасту 15—50 лѣтнему, въ Берлинѣ 87% и 80%. Частныя отношенія, для отдѣльныхъ промышленныхъ группъ, однако уклоняются иногда значительно отъ этихъ среднихъ. Отрасли, въ которыхъ въ Петербургѣ менѣе возмужалаго населенія, чѣмъ въ Берлинѣ, будутъ, для мужского населенія:

Обработывающая промышленность.	82,3%	(Б. 89,4%)
Торговая промышленность. . . .	81,0 »	(— 87,5 »)
Перевозочная и трактирная . . .	85,6 »	(— 88,0 »)
Личныя услуги	84,4 »	(— 90,4 »)

Въ женскомъ населеніи въ такомъ положеніи стоитъ одна группа личныхъ услугъ 85,3% (Б. 95,1%).

Возмужалый возрастъ въ Петербургѣ представленъ сильнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ въ женскомъ населеніи, занятомъ во всѣхъ матеріальныхъ производствахъ, и въ мужскомъ въ группѣ лицъ, служащихъ и занимающихся воспитаніемъ и образованіемъ [1]). Въ остальныхъ профессіяхъ, въ общихъ итогахъ, возмужалый возрастъ представленъ почти одинаково въ обоихъ сравниваемыхъ населеніяхъ, и формальная причина этого лежитъ въ непримѣнимости къ этимъ отраслямъ занятій труда лицъ другихъ возрастныхъ категорій (главнымъ образомъ дѣтскаго труда). Таковы: науки, литература, искусство, военная служба, адвокатура и пр.

Послѣ возрастнаго состава производительнаго населенія, въ хозяйственно-соціальномъ отношеніи представляется весьма существеннымъ далѣе вопросъ о соотношеніи самостоятельно и

[1]) Женщины возмужалаго возраста:

Промышленность обработывающая .	П. 82%	Б. 75,7%
„ торговая. . . .	„ 82,2	„ 77,6
„ . перевозочная . .	„ 74,6	„ 66,8
Мужчины: воспитаніе и образованіе.	„ 85,1	„ 80,5
„ гражданская служба . .	„ 87,3	„ 77,4

несамостоятельно трудящагося населенія, или, какъ нѣмцы удачно называютъ эти двѣ группы, selbstständig и unselbstständig Ernährende. Различіе это, конечно, имѣетъ мѣсто въ промышленности и торговлѣ, а не въ свободныхъ занятіяхъ, не въ производствѣ услугъ, гдѣ всѣ трудящіеся суть Selbstständige. Выше, говоря о размѣрахъ предпріятій въ разныхъ отрасляхъ промышленности, мы брали за мѣрку число работниковъ, т.-е. unselbstständig Ernährende, къ хозяевамъ, т.-е. къ selbstständig Ernährende. Теперь мы тѣ же цифры должны взять въ общихъ итогахъ по отношенію къ промышленному населенію.

Хозяинъ, самостоятельно кормящій свою семью, есть не только представитель капитала и лицо, несущее рискъ предпріятія, т.-е. не только извѣстный экономическій элементъ въ промышленности, но онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потому самому особый элементъ соціальный. Противополагается ему въ хозяйственномъ и соціальномъ отношеніи наемный исполнитель въ предпріятіи, представитель труда, работникъ. Хозяинъ самостоятеленъ не только въ хозяйственномъ, но и въ соціальномъ отношеніи; онъ не только есть орудіе распредѣленія валовой выручки предпріятія, но и въ извѣстной степени проведенія нравственныхъ и культурныхъ воззрѣній того общественнаго слоя, къ которому принадлежитъ. Чѣмъ менѣе промышленность приближается къ формѣ фабричности, связывающей хозяина и работника одною внѣшнею взаимностью труда и заработной платы, тѣмъ сильнѣе вліяніе хозяина на нравственную природу работника. При ремесленной формѣ промышленности работникъ или живетъ въ семьѣ хозяина, или по крайней мѣрѣ проводитъ въ ней день: въ томъ и другомъ случаѣ представляется множество путей, которыми хозяинъ можетъ вліять на образъ мыслей, нравственныя понятія, даже на религіозныя и политическія убѣжденія работника. Когда предпріятія расширяются, принимаютъ фабричную форму, работникъ и хозяинъ становятся другъ другу все болѣе и болѣе чуждыми, какъ нравственныя единицы: работники образуютъ совершенно самобытный соціальный слой, съ своими воззрѣніями на нравственность, общественныя и политическія отношенія; хозяева составляютъ имущественно обезпеченный классъ, съ консервативными убѣжденіями, работники — необезпеченный или мало обезпеченный матеріально классъ, съ радикальными взглядами на общественные вопросы. При ремесленной формѣ промышленности, къ классу, близкому къ классу хозяевъ предпріятій, должны быть причислены и такъ-называемые «одиночки». Въ хозяйственномъ смыслѣ мы ихъ причисляли къ работникамъ, но въ соціаль-

номъ должны поставить ихъ отдѣльно: у нихъ есть независимое положеніе, они образуютъ своего рода общественныя клѣточки, живутъ особнякомъ, работаютъ на дому, не находятся подъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ семьи того хозяина, на котораго работаютъ. Одиночки, конечно, мыслимы только въ ремеслахъ, въ производствахъ, не нуждающихся въ приложеніи механическихъ двигателей. Едва только производство переходитъ въ фабричную форму, одиночки исчезаютъ. Работа можетъ происходить только въ одномъ общемъ помѣщеніи, подъ общимъ надзоромъ, и работникъ лишается права располагать своимъ временемъ; онъ подчиняется одному общему порядку. При извѣстныхъ размѣрахъ производствъ ремесленнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, и фабричнаго почти всегда возникаетъ, наконецъ, еще одинъ классъ работниковъ — это служащіе, лица, администрирующія предпріятіе, исполняющія по найму одну изъ функцій предпринимательской дѣятельности. Они не могутъ быть приравнены къ хозяевамъ, ибо суть, подобно работникамъ, Arbeitnehmer, не могутъ быть поставлены и въ одну категорію съ работниками, ибо пользуются бо́льшею обезпеченностью и независимостью положенія и болѣе тѣсно, внутренно такъ-сказать, связаны съ интересами хозяевъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ пасчитать пять группъ производителей, представляющихъ различныя ступени соціальной самостоятельности: хозяева, служащіе у нихъ, одиночки, фабричные рабочіе (живущіе артелями или въ наемныхъ углахъ, безъ семьи) и ремесленные рабочіе. Выдѣлить изъ данныхъ, доставляемыхъ переписями, эти классы иногда довольно трудно. Петербургскія данныя прямо, напримѣръ, даютъ цифру хозяевъ, рабочихъ, одиночекъ и административныхъ лицъ; берлинскія даютъ число хозяевъ (Arbeitgeber), служащихъ (Directionspersonal) и рабочихъ (оба послѣдніе класса суть Arbeitnehmer). Въ дополненіе къ этому мы находимъ въ берлинской переписи свѣдѣнія о рабочихъ по образу жизни ихъ, съ раздѣленіемъ на тѣхъ, которые живутъ у хозяевъ, въ собственной квартирѣ, въ меблированныхъ комнатахъ и въ углахъ (Schlafleute), чего нѣтъ въ изданіи петербургской переписи. Но послѣдняго рода данныя въ Берлинѣ относятся ко всѣмъ Arbeitnehmer'амъ, слѣдовательно и къ работникамъ, и къ служащимъ, фабричнымъ и ремесленникамъ. Очевидно, что соображенія относительно рода промысла не могутъ тутъ помочь въ выдѣленіи служащихъ, фабричныхъ, ремесленныхъ рабочихъ и одиночекъ, если таковые вообще имѣются въ Берлинѣ. Сравнительный анализъ соціальныхъ группъ дѣ-

лается невозможнымъ, и мы принуждены ограничиться однимъ обзоромъ петербургскаго населенія и только нѣкоторыми соображеніями сравнительнаго характера.

Промышленное населеніе Петербурга слагается изъ слѣдующихъ элементовъ: 10,6% хозяевъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, 1% служащихъ, 15,5% одиночекъ, 16,0% фабричныхъ рабочихъ и 56,9% ремесленниковъ рабочихъ. Цифра фабричныхъ рабочихъ выведена приблизительно, т.-е. взята цифра рабочихъ тѣхъ отраслей производства, которыя имѣютъ вообще фабричный характеръ. У насъ получилась цифра почти вдвое бо́льшая противъ показанной въ 6-мъ выпускѣ II серіи статистическаго временника; но мы болѣе имѣемъ основанія вѣрить своему вычисленію, давшему 29,583 муж. и 6,347 жен. рабочихъ, чѣмъ цифрѣ 20,600 обоего пола, зная, какъ даются хозяевами фабрикъ показанія о числѣ рабочихъ. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе обезпеченнымъ соціальнымъ положеніемъ и самостоятельностью пользуется немного болѣе 27% промышленнаго населенія.

Должно однако замѣтить, что число лицъ административнаго персонала представляется крайне незначительнымъ, и въ дѣйствительности оно вѣроятно нѣсколько больше; напримѣръ, во всей торговлѣ вовсе не показано въ переписи служащихъ. Но тоже болѣе чѣмъ вѣроятно, что они ничѣмъ не отличаются, въ большинствѣ случаевъ, отъ работниковъ (приказчики и пр.). Вообще, какъ мы замѣтили уже выше, сама хозяйственная жизнь еще мало выработала этотъ особый классъ живущаго трудомъ населенія и не отдѣлила его, кромѣ фабричныхъ производствъ, отъ остальной массы работниковъ. Остальные 73% промышленнаго населенія суть работники. Выдѣлить изъ нихъ представляется возможнымъ, на основаніи данныхъ о населеніи квартиръ (II выпускъ переписи 1869 года), и то приблизительно, слѣдующія группы:

Ремесленные рабочіе, живущіе у хозяевъ промышл. заведеній . . .	34,7%
Фабричные рабочіе, живущіе на фабрикахъ	1,0 »
Рабочіе, живущіе артелями.	3,6 »
Рабочіе, живущіе по квартирамъ и угламъ.	60,7 »

всѣхъ рабочихъ. Отношенія эти вѣрны приблизительно, потому что абсолютныя цифры получены черезъ перемноженіе числа квартиро-хозяевъ (хозяекъ) на среднее число живущихъ у нихъ рабочихъ ихъ же промышленныхъ заведеній; среднее число рабочихъ получалось изъ средняго числа отдѣльныхъ группъ квартиро-

хозяевъ по числу рабочихъ [1]). По отношенію къ соотвѣтствующимъ группамъ получаются такія отношенія:

Изъ всѣхъ рабочихъ ремесленниковъ живетъ у своихъ хозяевъ . .	45,3%
Изъ фабричныхъ рабочихъ живетъ у своихъ хозяевъ	4,6 »
Изъ фабричныхъ [2]) рабочихъ живетъ артелями.	16,3 »
Ремесленные рабочіе, живущіе по квартирамъ и угламъ	54,7 »
Фабричные рабочіе, живущіе такимъ же образомъ.	79,1 »

Итакъ, въ своей жизненной обстановкѣ болѣе или менѣе обезпечены почти половина ремесленныхъ и одна-пятая фабричныхъ рабочихъ, чѣмъ мы однако отнюдь не утверждаемъ, чтобы жизнь у хозяина или въ артели была во всякомъ случаѣ или безусловно лучше, чѣмъ жизнь въ квартирѣ подвальнаго этажа, чердака или угла на заднемъ дворѣ.

Сравненіе сколько-нибудь основательное съ Берлиномъ, мы сказали, невозможно; посмотримъ однако, ка́къ тамъ дробится промышленное населеніе на группы, подобныя нашимъ.

Хозяева составляютъ въ Берлинѣ	16,1%	промышленнаго	населенія,
Административный персоналъ . .	4,5 »	»	»
Рабочіе	79,4 »	»	»
	100,0		

По отношенію къ образу жизни оба послѣдніе класса распредѣляются такимъ образомъ:

Живетъ	у хозяевъ	6,7%
»	въ своей собственной квартирѣ.	33,6 »
»	у родственниковъ	26,6 »
»	въ меблированныхъ комнатахъ .	6,2 »
»	въ углахъ (Schlafleute)	26,9 »

Насколько тутъ сравненіе возможно, мы получаемъ слѣдующіе выводы:

1) Число хозяевъ, слѣдовательно вполнѣ selbständig Ernährenden, въ Берлинѣ въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

2) Рабочихъ, живущихъ у хозяевъ, въ Петербургѣ въ пять и $^{3}/_{10}$ разъ болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ.

3) Если принять хоть нѣкоторое сходство между одиночками и живущими въ собственной квартирѣ рабочими, то берлинская

---

[1]) Напримѣръ, считается 96 квартиро-хозяевъ, у которыхъ живетъ отъ 6 до 7 рабочихъ. Мы помножали 96 на $6^1/_2$ и т. д.

[2]) Предполагая, отчасти произвольно, но все же не безъ основанія, что артелями живутъ рабочіе фабричные.

цифра этихъ послѣднихъ будетъ вдвое почти превосходить относительную цифру нашихъ одиночекъ.

4) Затѣмъ, по чужимъ квартирамъ, меблированнымъ комнатамъ и угламъ въ Берлинѣ живетъ 59,7% рабочихъ (предполагая, что собственно служащіе бо́льшею частью живутъ или у хозяевъ, или въ собственной квартирѣ—введеніе ихъ въ разсчетъ невозможно и должно мало измѣнить отношеніе), въ Петербургѣ—60,7%, т.-е. почти одно и то же относительное число работниковъ.

Общій же выводъ можетъ быть выраженъ слѣдующими положеніями: 1) въ Берлинѣ существуетъ гораздо менѣе соціальной связи между хозяевами и работниками, обусловливаемой сожительствомъ, вслѣдствіе ли стремленія рабочаго населенія къ бо́льшей обособленности, вытекающей изъ бо́льшей обезпеченности, или вслѣдствіе болѣе фабричнаго характера промышленности, или наконецъ вслѣдствіе меньшаго числа учениковъ (малолѣтковъ) въ ремесленныхъ заведеніяхъ и бо̀льшаго числа мѣстныхъ рабочихъ, имѣющихъ въ Берлинѣ осѣдлость помимо помѣщенія при промышленномъ заведеніи. 2) Число лицъ, живущихъ заработками у хозяевъ, но обезпеченныхъ настолько, чтобы жить «домомъ», своей квартирой, гораздо больше въ столицѣ Германіи, чѣмъ въ Петербургѣ. Такое экономическое положеніе обезпечиваетъ, въ свою очередь, легкость перехода изъ состоянія несамостоятельнаго кормильца въ состояніе хозяина.

Все же около 60% производителей-промышленниковъ живетъ и у насъ въ Петербургѣ въ незавидномъ положеніи работниковъ, размѣщенныхъ по разнымъ трущобамъ меблированныхъ комнатъ (понятно, что́ такое рабочія chambres garnies) и угламъ. Ни наша, ни берлинская перепись не даютъ, да и не могутъ дать матеріала для описанія отдѣльно жилищъ рабочаго класса. Однако, на основаніи общихъ данныхъ о размѣщеніи квартиръ и по нимъ жителей, можно въ извѣстной степени судить о томъ, ка́къ этотъ классъ живетъ, зная, что въ удѣлъ ему достаются почти всегда подвалы и верхніе этажи домовъ, преимущественно надворныхъ строеній. Не столько по различію первоначальной регистраціи, сколько по различію въ сводкѣ, обѣ переписи не могутъ быть однако сравниваемы между собою въ деталяхъ.

Въ общемъ видѣ жизнь берлинскаго населенія представляется въ весьма безотрадномъ свѣтѣ. 12,545 человѣкъ живетъ въ помѣщеніяхъ, не только имѣющихъ одну комнату, но комнату безъ печи: это составляетъ 1,6% населенія; въ квартирѣ въ 1 комнату, съ печкой, при неотапливаемыхъ одной-двухъ, живетъ 375,031 чел. или 47,1% населенія, такъ что почти половина населенія

помѣщается въ квартирахъ изъ 1 комнаты. Бо́льшая часть такихъ квартиръ предназначена для жилья—89,7% неотопляемыхъ квартиръ и 83,1% отопляемыхъ. Въ этой квартирѣ въ одну комнату, безъ печки, помѣщается среднимъ числомъ 2,6 чел., а въ отапливаемой 4 чел. Если при этомъ въ квартирѣ производится какой-нибудь промыселъ, то число живущихъ возрастаетъ въ средней величинѣ до 3,4 человѣкъ на нетопленную и 4,3 человѣка на топленную комнату. Обитатели этихъ тѣсныхъ квартиръ большею частью или одиночки ремесленники (но ихъ немного—около 20 т. обоего пола и всѣхъ возрастовъ [1]), или рабочіе ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Этотъ послѣдній классъ составляетъ главный контингентъ и такъ-называемыхъ переполненныхъ квартиръ, т.-е. гдѣ на 1 комнату приходится болѣе 6 живущихъ или на 2 комнаты болѣе 10. Такихъ квартиръ въ Берлинѣ 17% всѣхъ квартиръ, и въ нихъ живетъ 27,5% населенія. Оно состоитъ изъ 81,8% родителей съ дѣтьми и 15,7% ночлежниковъ.

Посмотримъ на ту же картину съ другой точки зрѣнія, такъ какъ обѣ ихъ соединить вмѣстѣ мы не имѣемъ возможности.

85,840 чел. населенія Берлина живетъ въ подвалахъ и 1/4 часть ихъ въ подвалахъ надворныхъ строеній — это 10,8%. Почти половина этихъ 85 т.—мелкіе мастеровые, ремесленники, тутъ же имѣющіе свою мастерскую; другая половина только живетъ въ подвалахъ. На противоположномъ концѣ домовъ выше 4 Träppe, т.-е., считая подвалъ или entresol, въ шестомъ и выше этажѣ, помѣщается еще 63,997 чел. или 8,1% населенія, изъ котораго 6/7 пользуются квартирой только для житья и спанья (zum Wohnen und Schlafen). Къ этимъ двумъ, самымъ невыгоднымъ образомъ поставленнымъ, почти 150 т. (18,9%) населенія слѣдуетъ прибавить еще почти въ такомъ же положеніи находящихся обитателей 5-хъ этажей, въ числѣ 139,684 чел. (17,7%), чтобы дополнить число тѣхъ жителей Берлина, на долю которыхъ выпадаютъ нетопленныя комнаты и душныя, низкія жилища, съ 6-ю и болѣе людьми, живущими въ одной комнатѣ. Эти темныя пятна, которыхъ мы не можемъ, по недостатку матеріала, намѣтить болѣе мелкими чертами, отъ которыхъ они стали бы нѣсколько свѣтлѣе, занимаютъ болѣе трети всего полотна картины.

Петербургъ съ перваго взгляда, кажется, не допускаетъ существованія въ немъ подобныхъ явленій. Раскинулся онъ на 92-хъ

[1]) Большая часть ремесленныхъ заведеній имѣетъ въ Берлинѣ 2—3 комнаты.

кв. верстахъ 8242 домами, такъ что на одинъ домъ приходится около 2300 кв. саженъ пространства [1]) вообще, и около 530 кв. саж. занято собственно домами, въ то время, какъ Берлинъ занимаетъ пространство вдвое меньшее, съ 14,478 домами, на каждый изъ которыхъ приходится только около 800 кв. саженъ общаго пространства. Дома въ Петербургѣ гораздо ниже домовъ Берлина: то, чтó Берлинъ не захватилъ въ ширину, онъ вознаграждаетъ на высотѣ своихъ строеній. Средній домъ Берлина, если его высоту выразить въ этажахъ, и для этажа принять одинъ масштабъ съ Петербургомъ, изобразится вертикальною колонною въ полтора вершка, петербургскій такою же колонною въ вершокъ, и притомъ въ Петербургѣ половина городскихъ частей имѣетъ дома ниже средней высоты, въ Берлинѣ дома ниже средняго мы находимъ только въ 3-хъ частяхъ изъ 16-ти. Казалось бы, въ Петербургѣ народъ живетъ шире, просторнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Но ближайшее изслѣдованіе даваемыхъ статистикою цифръ показываетъ, что тѣснота жизни въ Петербургѣ бóльшая, чѣмъ въ Берлинѣ, приближающемся болѣе Петербурга къ типу большого города по своей внѣшности. Другими словами, Петербургъ имѣетъ общій признакъ городовъ, стоящихъ на переходной ступени отъ провинціальнаго города къ большому.

Не входя въ изслѣдованіе отчего и почему, мы находимъ, что у насъ на 1 домъ приходится 75 человѣкъ жителей, при среднемъ числѣ 10 квартиръ на домъ, въ Берлинѣ 60 человѣкъ, при 12 — 13 квартирахъ. Но происходящую отсюда бóльшую тѣсноту испытываютъ не всѣ классы населенія одинаково. Тутъ, на первый взглядъ, опять средніе итоги могутъ быть обманчивы.

Если взять %-ное отношеніе квартиръ по числу комнатъ, то получимъ слѣдующіе два ряда цифръ:

Квартиры.	Петербургъ.	Берлинъ.
Въ 1 комнату . . .	18,9%	56,1%
» 2 » . . .	16,8%	22,2%
» 3 » . . .	18,2%	10,3%
» 4 » . . .	14,4%	4,7%
» 5—8 » . . .	24,6%	5,2%
» 8 и болѣе . . .	7,1%	1,5%

Всѣ преимущества здѣсь на сторонѣ Петербурга: въ немъ незначительно число квартиръ въ одну комнату и значительно, напротивъ, число большихъ квартиръ. Но разница немного со-

[1]) Безъ водъ въ обоихъ городахъ.

кращается, если принять во вниманіе, что изъ числа квартиръ въ 1 комнату въ Берлинѣ считается болѣе $^1/_3$ такихъ, которыя имѣютъ, кромѣ отапливаемой комнаты, еще одну неотапливаемую, а нѣкоторыя и болѣе одной. Хотя берлинскій климатъ не гарантируетъ большихъ удобствъ жизни въ нетопленной комнатѣ, но въ сущности $^1/_3$,—нѣсколько болѣе квартиръ въ 1 комнату,—имѣютъ все же болѣе одной комнаты въ дѣйствительности. Наши же цифры относятся къ квартирамъ, имѣющимъ дѣйствительно 1, 2 и т. д. комнатъ. Распредѣляя населеніе по классамъ квартиръ, мы получаемъ:

Въ квартирахъ	Изъ общаго числа жителей живетъ: въ Петербургѣ.	въ Берлинѣ.
изъ 1 комнаты . . .	12,2	48,7
» 2 » . . .	15,1	24,9
» 3 » . . .	17,8	11,2
» 4 » . . .	15,0	5,5
» 5—8 » . . .	26,1	6,9
» 8 и болѣе . . .	12,8	2,8

Итакъ, у насъ сравнительно гораздо бо́льшій % населенія живетъ въ просторныхъ квартирахъ. Но сто́итъ только привести въ соотношеніе абсолютныя цифры квартиръ, комнатъ въ нихъ и ихъ обитателей, чтобы всѣ отношенія обратились въ сторону весьма невыгодную для Петербурга. Въ самомъ дѣлѣ:

Квартиры	На 1 квартиру приходится живущихъ въ нихъ: Петерб.	Берл.	На 1 комнату приходится живущихъ въ нихъ: Петерб.	Берл.
Въ 1 комнату . . .	4,5	3,8	4,5	3,7
» 2 » . . .	6,4	4,8	3,2	2,4
» 3 » . . .	6,9	4,8	2,3	1,6
» 4 » . . .	7,3	5,3	1,8	1,3
» 5—8 » . . .	7,5	6,0	1,2	1,0
» 8 и болѣе . . .	13,2	7,9	1,1	0,7

Всѣ слои населенія, начиная отъ комнаты бѣдняка до барской квартиры, живутъ въ Петербургѣ тѣснѣе; но *нравственная* разница тутъ значитъ больше, чѣмъ разница въ ариѳметическихъ величинахъ. Если въ квартирѣ изъ 4-хъ и болѣе комнатъ приходится болѣе обитателей въ отношеніи 10 къ 15, то такое же, даже меньшее, отношеніе гораздо чувствительнѣе для обитателей 1 или 2 комнатъ. Даже не принимая въ разсчетъ этихъ соображеній, мы найдемъ, что если достаточные классы, занимающіе болѣе 5-ти комнатъ на квартиру, живутъ въ Петербургѣ и Берлинѣ, и вездѣ, вѣроятно, одинаково широко, занимая по комнатѣ на человѣка, то средніе и недостаточные классы

населенія живутъ у насъ тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Занимающихъ 2—4 комнаты въ Петербургѣ считается до 295 т. чел. на 126,397 комнатъ — слѣдовательно, 2,3 чел. на 1 комнату; въ Берлинѣ такихъ жителей около 331 т. на 171,894 комнаты, или 1,3 на комнату. Бѣдняковъ, живущихъ въ одной комнатѣ, въ Петербургѣ 75,055 на 16,505 комнатъ или 4,5 на одну; въ Берлинѣ ихъ гораздо больше—387½ т., но они живутъ въ 98 т. комнатъ, не считая неотапливаемыхъ, которыя имѣются и при квартирахъ средняго класса, или по 3,7 на комнату. Контрастъ между довольствомъ и стѣсненнымъ положеніемъ, между роскошью и бѣдною обстановкою у насъ необходимо долженъ быть рѣзче, чѣмъ въ Берлинѣ, причемъ люди средняго состоянія стоятъ ближе къ низшей, чѣмъ къ высшей ступени, по своей житейской обстановкѣ.

Чрезмѣрно населенныя квартиры, гдѣ скучивается болѣе 6-ти человѣкъ въ одной комнатѣ или болѣе 10-ти въ двухъ, имѣются въ Петербургѣ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Берлинѣ: 6168 противъ 30,520, т.-е. такихъ квартиръ у насъ почти въ пять разъ меньше, чѣмъ въ Берлинѣ. Населеніе этихъ квартиръ представляетъ у насъ равнымъ образомъ меньшую, и абсолютную и относительную численность: въ Петербургѣ около 51,300 чел. [1]) или 8,3%, въ Берлинѣ 218,300 или 26,5%. Но разлагая эти величины на ихъ составные элементы, мы встрѣчаемся въ Петербургѣ съ явленіями, которыхъ нѣтъ въ Берлинѣ. Пусть читатель самъ судитъ о смыслѣ ихъ. Вотъ они.

Квартиръ въ одну комнату, гдѣ живетъ:

	Петербургъ.		Берлинъ.	
Отъ 6 до 10 человѣкъ . .	2911	72,4%	28,706	98,7%
» 11 » 20 » . .	849	21,1%	502	1,3%
» 21 » 30 » . .	184	4,6%	—	—
» 31 » 50 » . .	63	1,6%	—	—
» 50 и выше » . .	12	0,3%	—	—
	4019	100	29,208	100

Квартиры въ двѣ комнаты, гдѣ живетъ:

	Петербургъ.		Берлинъ.	
Отъ 10 до 15 человѣкъ . .	1320	61,4%	1277	97,4%
» 16 » 20 » . .	432	20,1%	35	2,6%
» 21 » 30 » . .	280	13,0%	—	—
» 31 » 50 » . .	97	4,5%	—	—
» 50 и выше » . .	20	1,0%	—	—
	2149	100	1312	100

[1]) Прямо этой цифры перепись не даетъ: она вычислена черезъ перемноженія числа квартиръ на среднее число жителей въ нихъ.

Цифры говорятъ сами за себя: такихъ трущобныхъ жилищъ, какія представляются тремя послѣдними рядами квартиръ обѣихъ категорій, въ Берлинѣ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сказали, при одной комнатѣ и при двухъ комнатахъ отапливаемыхъ, есть комнаты неотапливаемыя въ извѣстной части квартиръ (въ 1/2 приблизительно). Вотъ гдѣ настоящій петербургскій квартирный вопросъ.

Петербургскій сводъ представляетъ возможность дать нѣкоторый отвѣтъ на вопросъ, какія это комнаты со скученнымъ населеніемъ? Болѣе 53% квартиръ въ одну комнату съ 6-ю и болѣе человѣкъ населенія имѣютъ только 2 окна, и изъ нихъ почти половина одно окно; изъ квартиръ въ двѣ комнаты съ 10-ю и болѣе человѣкъ жителей 9% имѣютъ 1 и 2 окна и 54% 3 и 4 окна на двѣ комнаты.

Подвальное населеніе Петербурга составляетъ нѣсколько меньшій %, чѣмъ въ Берлинѣ, именно 7,5% (въ Берлинѣ 10,8%); но 33% его живетъ въ одной комнатѣ, съ среднимъ населеніемъ почти въ 5-ть человѣкъ на комнату, и 30% въ двухъ комнатахъ, съ среднимъ населеніемъ въ 7 человѣкъ на квартиру (3 1/2 на комнату); подвальныя однокомнатныя квартиры составляютъ 1/5 часть всѣхъ квартиръ этой категоріи. На пятые этажи петербургскихъ домовъ, которыхъ впрочемъ немного, приходится всего 2% жителей, изъ которыхъ 8% живетъ въ квартирахъ съ 1-й комнатой и съ средней численностью на комнату въ 5 чел., и 17% въ двухъ комнатахъ съ численностью 7,6 чел. на квартиру. Въ четвертыхъ этажахъ, т.-е. послѣднихъ большей части домовъ, живетъ 8% населенія, изъ коихъ 5% въ одной комнатѣ, 9% въ двухъ комнатахъ, съ среднимъ числомъ жильцовъ на комнату 4,6 чел. въ первыхъ и на квартиру въ 6 человѣкъ. Сводя вмѣстѣ эти итоги, получимъ цифру обитателей подваловъ и послѣднихъ этажей въ 106,349 чел. (17,3% населенія), изъ которыхъ 38,015, т.-е. болѣе трети, довольствуются квартирами въ одну-двѣ комнаты, помѣщаясь въ средней величинѣ по 4 человѣка въ комнатѣ. Наши цифры не поддаются сравненію съ прусскими, по совершенному различію въ первоначальной сводкѣ данныхъ; но мы должны еще прибавить, что при несомнѣнно бо́льшей скученности бѣднѣйшихъ классовъ въ маленькихъ помѣщеніяхъ, петербургскія высокія цѣны именно на эти маленькія квартиры, будучи главною причиною самой большой скученности, дѣлаютъ положеніе бѣдняковъ еще тяжелѣе.

По даннымъ, собраннымъ во время переписи, въ Петербургѣ средняя цѣна за комнату, въ квартирахъ, имѣющихъ одну ком-

нату, равнялась 90 р. 57 к. въ годъ, въ квартирахъ, имѣющихъ двѣ комнаты, 75 р. 43 коп.—въ средней 80 р. въ годъ за комнату въ этихъ двухъ категоріяхъ квартиръ. Цѣны, въ разсчетѣ на 1 комнату, самыя дешевыя стоятъ въ квартирахъ въ 4, 5 комнатъ (57 р. съ копейками) и повышаются уже съ квартиръ не менѣе чѣмъ въ шесть комнатъ. Съ тѣхъ поръ цѣны стали еще выше. Дешевыхъ квартиръ въ Петербургѣ несравненно меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія.

Квартиры съ годичною платою въ	Петербургъ. 1869 г.	Берлинъ. 1872 г.
50 р. (тал.) и менѣе	6,8%	21,5%
50 р. (тал.)—100 р. (т.)	16,8%	38,3%

а дорогихъ гораздо болѣе:

болѣе 1000 р. (тал.)	4,1%	1,5%

Если принять въ соображеніе, что обитатели подваловъ и верхнихъ этажей у насъ составляютъ 17% населенія, дешевыя квартиры только 23,6% квартиръ, а въ Берлинѣ хотя тѣ же обитатели составляютъ 36% населенія, но за то дешевыя квартиры составляютъ 60% квартиръ, то едвали можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что бѣдняку въ Петербургѣ жить тяжеле, чѣмъ въ Берлинѣ.

IV.

Женскій трудъ въ Петербургѣ.

Намъ остается очертить, какъ одно цѣлое, еще одинъ фактъ изъ экономической и соціальной жизни Петербурга, о которомъ нѣкоторыя замѣчанія по необходимости нашли себѣ мѣсто выше, а именно женскій трудъ въ его количественныхъ отношеніяхъ.

Перепись 1869 года нашла въ Петербургѣ, кромѣ 1819 заѣзжихъ, 288,000 лицъ женскаго пола, слѣдовательно значительно меньше, чѣмъ мужчинъ (374,248). Это даетъ отношеніе на 100 м. 77 ж.—явленіе, не представляющее ничего особеннаго, кромѣ силы перевѣса численности мужчинъ: оно замѣчается во многихъ городахъ Россіи и западной Европы. Изъ 60 губернскихъ городовъ Европейской Россіи въ 1/2 мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, изъ 584 уѣздныхъ и заштатныхъ, помѣщенныхъ въ Статистическомъ временникѣ, въ 250, и чѣмъ крупнѣе города,

тѣмъ перевѣсъ мужчинъ больше. Въ Пруссіи, въ городахъ болѣе чѣмъ съ 20,000 жителей, тоже на 100 м. 98 ж., въ Берлинѣ такое же соотношеніе численности половъ. Только далѣе на западъ Европы эта характеристическая особенность утрачивается большими городами. Въ Парижѣ, при его 2-милліонномъ населеніи, численность мужчинъ и женщинъ уравнивается почти, а въ Лондонѣ, имѣющемъ около 3 милл. жителей, женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ.

Разлагая 288,000 петербургскихъ женщинъ на составныя элементы, мы находимъ, что около 23% суть дѣти и дѣвушки до 16 лѣтъ; около 30% незамужнія, перешедшія 16-лѣтній возрастъ, 31% замужнія и 15,5% вдовъ, причемъ около $^1/_4$ замужнихъ женщинъ живетъ въ Петербургѣ безъ мужей. Если взять только одно взрослое женское населеніе, то въ немъ будетъ: $^2/_5$ (39%) незамужнихъ, $^2/_5$ (41%) замужнихъ и $^1/_5$ (20%) вдовъ. Сравнительно съ Берлиномъ напр., оказывается, что вообще въ женскомъ населеніи отличительною чертою Петербурга надобно принять большое число вдовъ: въ Берлинѣ ихъ менѣе 11%, у насъ 15,4%; число же замужнихъ и холостыхъ, а равно и дѣтей представляетъ почти одинаковую пропорціональность, однако съ перевѣсомъ Берлина въ послѣднемъ. Но во взросломъ женскомъ населеніи Петербурга вдовы и замужнія, живущія безъ мужей, рѣшительно удерживаютъ за собою относительный перевѣсъ, вслѣдствіе чего дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ въ немъ меньше. Женъ безъ мужей насчитывается въ Петербургѣ около 25% замужнихъ женщинъ, въ Берлинѣ только 3,8% [1]). Большое число вдовъ указываетъ уже само по себѣ на большое число старухъ: къ возрасту старѣе 50 лѣтъ принадлежитъ у насъ почти 19% женскаго населенія, въ Берлинѣ 12%. Сравненіе съ Лондономъ будетъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Дѣтей до 15 лѣтъ	31%	(П. до 16 л. 23%)
Незамужнія старше 15 лѣтъ. .	32%	(П. около 30%)

[1]) Болѣе точныя отношенія будутъ:

	Общее ж. населеніе. П.	Б.	Взрослое ж. насел. П.	Б.
До 16 лѣтъ	22,8	25,4	—	—
Дѣвушки старѣе 16 л. . .	29,8	31,4	39,0	43,5
Замужнія	31,0	31,6	41,0	43,6
Вдовы.	15,4	11,6	20,0	12,9

Одинъ % въ Петербургѣ остается на тѣхъ, коихъ семейное состояніе неопредѣленно.

Замужнія	38%	(П. 31%)
Вдовы	9%	(П. 15,5%)
Женъ безъ мужей	8% замужн.	(П. 25%)

Вліяніе семейственности и осѣдлаго населенія Лондона здѣсь ясно выражается сравнительно съ петербургскимъ, съ бо̀льшимъ неосѣдлымъ элементомъ.

Во взросломъ женскомъ населеніи Лондона вдовъ только 6% (у насъ 20%), замужнихъ 49% (у насъ 41%), незамужнихъ 45% (у насъ 39%).

Вычтя дѣтей (т.-е. до 16 лѣтъ) и старухъ, мы получимъ цифру возмужалаго женскаго населенія, способнаго къ самостоятельной дѣятельности, въ 179 т. человѣкъ (61% ж. пол.), противъ 246 т. въ Берлинѣ (63%) и 782 т. въ Лондонѣ (45%).

Цифра эта составляется, при разложеніи на соціальные свои элементы, изъ слѣдующихъ слагаемыхъ:

Живетъ на средства самостоятельно трудящихся	42,2%
» съ доходовъ отъ имущества	2,2%
» пенсіями	1,3%
» частнымъ и общественнымъ призрѣніемъ	1,2%
Находится въ больницахъ	1,0%
» въ тюрьмахъ	0,1%
Живетъ на неопредѣленныя средства	0,7%
» открыто проституціею	1,0%
» либеральными профессіями	3,2%
» въ личномъ услуженіи	28,5%
» отъ заработковъ въ с.-хоз. промыслѣ	0,2%
» » » въ обработыв. пр.	16,1%
» » » въ торговлѣ	0,7%
» » » въ перевозочной промышл.	1,6%

Изъ этихъ процентныхъ отношеній легко видѣть, что половина взрослыхъ петербургскихъ женщинъ заработываетъ себѣ средства къ жизни, и преимущественно или въ качествѣ прислуги, или въ качествѣ хозяекъ и работницъ въ обработывающей промышленности, и только 42% живетъ насчетъ своихъ мужей, отцовъ и другихъ самостоятельно трудящихся.

Мы говоримъ только 42%, потому что величина эта дѣйствительно незначительна сравнительно съ тою, какую мы находимъ въ другихъ большихъ городахъ. Въ Берлинѣ почти 60% взрослаго женскаго населенія живетъ насчетъ главы семейства, и 41% (противъ 50,3% у насъ) имѣетъ прямые заработки отъ своего труда; въ Лондонѣ 51% взрослаго женскаго населенія не живетъ своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что вообще въ Петербургѣ женскій трудъ имѣетъ болѣе широкое

примѣненіе, чѣмъ въ Берлинѣ и Лондонѣ, и что петербургская женщина живетъ болѣе самостоятельною жизнію. Хорошо это или худо, говоритъ ли это въ пользу, или не въ пользу соціальнаго строя петербургскаго общества—вопросовъ этихъ мы не касаемся и не можемъ касаться, пока не знаемъ, въ какомъ качествѣ женщина является участницей въ общественномъ трудѣ и насколько ея трудъ согласенъ или несогласенъ съ силами женщины и другими цѣлями и задачами дѣятельности женщины. Послѣдующій нашъ анализъ даетъ однако нѣкоторые факты, которые помогутъ читателю получить отвѣтъ, хотя можетъ быть не вполнѣ категорическій на эти вопросы. Естественными участницами въ трудовой дѣятельности являются холостыя взрослыя и вдовы: на первыхъ не лежитъ, въ большинствѣ случаевъ, забота о семьѣ; вторыя, оставаясь главами семьи, часто должны не только заботиться о хозяйствѣ семейномъ, но и искать средствъ для веденія этого хозяйства [1]). Такихъ лицъ насчитывается въ Петербургѣ около 107,000; такъ какъ производительное взрослое женское населеніе составляетъ около 89$^1/_2$ тысячъ, то остается около 18 тысячъ холостыхъ и вдовъ, которыя имѣютъ средства не прибѣгать къ заработкамъ, и даже болѣе, если принять въ соображеніе, что въ состояніи, вынуждающемъ заработокъ, находится значительное число замужнихъ женщинъ. Этотъ излишекъ ненуждающагося въ заработкахъ взрослаго женскаго населенія надъ предполагаемою суммою нуждающагося въ нихъ составляетъ всего 17%; въ Лондонѣ [2]) этотъ излишекъ составляетъ 24%, а въ Берлинѣ [3]) онъ равенъ 41%. Ясно, что экономическое положеніе женщины въ Петербургѣ мало обезпечено, и что нужда есть главная причина большей самодѣятельности ея. Тѣмъ желательнѣе, чтобы сфера труда, ей открытая, была возможно шире.

Та же нужда, ведущая женщину на поле активной хозяйственной жизни, выражается и въ другомъ фактѣ, уже положительно неблагопріятномъ. Я разумѣю дѣтскій трудъ: изъ 64 тысячъ съ небольшимъ дѣвочекъ, не достигшихъ 16 лѣтъ—6$^1/_2$% уже работницы и 87% живетъ на попеченіи семьи [4]), тогда

[1]) Ниже помѣщаемыя сопоставленія цифръ вынуждены отсутствіемъ въ петербургскомъ сводѣ данныхъ о семейномъ положеніи населенія по занятіямъ: пробѣлъ, невознаградимый для разрѣшенія многихъ вопросовъ изъ области женскаго труда.

[2]) Въ Лондонѣ 461 т. незамужнихъ старше 15 л. и 153 т. вдовъ, самостоятельное взрослое женское населеніе 466 т. вмѣстѣ съ non productive class.

[3]) 176,600 незамужнихъ и вдовыхъ и 103,000 взрослыхъ работницъ, изъ которыхъ только 5% замужнихъ, 14% вдовъ и 81% дѣвушекъ старше 16 лѣтъ.

[4]) Кромѣ живущихъ въ закрытыхъ заведеніяхъ.

какъ въ Берлинѣ первая цифра не достигаетъ одного процента, а послѣдняя доходитъ до 99%, и даже въ Лондонѣ только 3% дѣвочекъ, недостигшихъ 15 лѣтъ, уже работаетъ, и 97% живетъ на попеченіи семьи. Переходя за пятьдесятъ лѣтъ, женщина въ Петербургѣ точно также мало находитъ поддержки въ семьѣ: на попеченіи самостоятельно трудящихся остается 35% старыхъ женщинъ, тогда какъ въ Берлинѣ ихъ почти 44%, въ Лондонѣ 60% [1]; и хотя у насъ относительно болѣе 50-лѣтнихъ женщинъ и старѣе живетъ пенсіею или доходами съ имущества (15% сравнительно съ 10% въ Берлинѣ), но за то 17% сравнительно съ 6% составляетъ населеніе богадѣленъ и больницъ и 32% сравнительно съ 21% вынуждены продолжать трудовую жизнь.

Остановимся теперь на той цифрѣ женскаго населенія, которое занимается производствомъ матеріальныхъ цѣнностей и услугъ, и которая выражается въ Петербургѣ $107^1/_2$ тысячами, въ Берлинѣ $114^1/_2$ тысячами, въ Лондонѣ приблизительно 440 тысячами.

Приложеніе женскаго труда во всей этой области гораздо менѣе разнообразно, чѣмъ приложеніе труда мужчины. Недостатокъ физическихъ силъ, существующіе обычаи и законы и пр., мѣшаютъ всестороннему развитію экономической дѣятельности женщины. Но въ Петербургѣ во всякомъ случаѣ промышленная дѣятельность женщины не только сильнѣе, но и разнообразнѣе, и именно въ области такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій, чѣмъ въ Берлинѣ и Германіи вообще. Но все же двѣ сферы хозяйственной дѣятельности являются наиболѣе доступными для женскаго труда — личное услуженіе и обработывающая промышленность, а въ частности производство одежды, содержаніе ея въ чистотѣ и механическая обработка волокна. Въ Петербургѣ 55% производительнаго женскаго населенія принадлежитъ къ классу прислуги, 33% къ обработывающей промышленности, и въ ней 43% приходится на приготовленіе одежды, 33% на промыслы, связанные съ чисткою одежды, и 11% на фабричную обработку волокна—итого 87% на эти три отрасли обработывающей промышленности. То же самое мы видимъ и въ Берлинѣ, съ тою только разницею, что тамъ, вслѣдствіе меньшаго количества прислуги вообще, эта отрасль, наиболѣе сподручная женщинѣ, для

---

[1] Лондонскій процентъ можетъ быть слишкомъ великъ, потому что по матеріаламъ ценза нельзя выдѣлить тѣхъ старухъ, которыя пользуются призрѣніемъ. Притомъ, нельзя было ихъ выдѣлить съ 50-лѣтняго возраста, потому что дѣленія возрастовъ разграничиваются не 0, а 5.

нея менѣе представляетъ помѣщенія, и наибольшій % трудящихся женщинъ приходится на обработывающую промышленность: 48,7%, на прислугу только 42,7%. Затѣмъ, въ самой обработывающей промышленности женскій трудъ еще болѣе концентрируется на производствѣ одежды: имъ занимается 64% женщинъ, затѣмъ слѣдуютъ фабрики и потомъ уже промыслы, касающіеся содержанія въ чистотѣ тѣла и одежды. Самою же рѣзкою отличительною чертою женскаго труда въ Петербургѣ служитъ большой % женщинъ, занятыхъ въ либеральныхъ профессіяхъ: почти втрое относительно болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ: 3,6% противъ 1,3%. Бóльшая часть женщинъ этихъ профессій — 42% посвящаетъ себя высокому призванію воспитанія, 30% уходу за больными и 15% занятію литературой, науками и искусствомъ. Если не считать большого числа женщинъ монашествующихъ и имѣющихъ соотношеніе съ церковнослуженіемъ, которыхъ вообще нѣтъ въ Берлинѣ, то сравнительныя отношенія выйдутъ слѣдующія:

Женщины:	Петербургъ.	Берлинъ.
Занимающіяся воспитаніемъ	47%	54%
» врачебнымъ пособіемъ и уходомъ за больн.	34%	25%
» науками и искусствами	16%	19%
Остальныя профессіи (служба госуд. и пр.).	10,3%	0,2%
	100	100

Итакъ, занятія, сопряженныя съ бóльшею спеціальною подготовкою или съ высшимъ образованіемъ, въ Петербургѣ считаютъ относительно меньше женщинъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Уходъ за больными, должность сидѣлокъ и монашество, если только послѣднее не есть болѣе потребленіе, чѣмъ производство, болѣе доступны женскому призванію, чѣмъ наука, искусство и воспитаніе. Но тѣмъ не менѣе и на этомъ поприщѣ женщина стоитъ у насъ далеко впереди берлинской, если принять въ разсчетъ вообще малое также число мужчинъ, на немъ дѣйствующихъ. На 100 мужчинъ приходится женщинъ:

	Петерб.	Берлинъ.
въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ	31	14
» воспитаніи и образованіи. . .	183	82
То же самое найдемъ и во врачебномъ персоналѣ	89	50
и въ гражданской службѣ	1	0,2

Что касается до прислуги, то здѣсь, напротивъ, въ Берлинѣ женщина рѣшительно подавляетъ конкурренцію мужчины и захватила эту область промышленной дѣятельности въ свои руки: на

100 м. приходится 240 женщинъ въ числѣ прислуги, между тѣмъ какъ у насъ только 180. И тутъ нельзя не обратить вниманія на ту особенность Берлина, проходящую черезъ всѣ сферы женскаго труда, что большинство трудящихся женщинъ принадлежитъ къ самому цвѣтущему возрасту, т.-е. отъ 21 до 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ у насъ всѣ возрастныя группы принимаютъ болѣе равномѣрное участіе въ трудѣ. Для прислуги соотвѣтствующія возрастныя группы представляются въ такихъ % отношеніяхъ къ общей суммѣ:

	до 15	16—20	21—30	31—40	41—50	51—60	60 и выше.
Петербургъ. .	3,6	10,4	33,6	24,5	16,8	8,5	3,6
Берлинъ . . .	0,8	28,4	50,9	11,2	4,6	3,0	1,1

Переходя къ обработывающей промышленности, мы анализируемъ женскій трудъ въ ней нѣсколько подробнѣе. Мы только-что отмѣтили тотъ фактъ, что 2/5 всѣхъ женщинъ, въ ней участвующихъ, занято въ приготовленіи одежды. Съ этой отрасли занятій и начнемъ.

Изъ 15,400 женщинъ этой отрасли болѣе 62% заняты по изготовленію женскаго платья и болѣе 16%—бѣлья, т.-е. болѣе 72% суть швеи (болѣе 12,000); на остальныя производства по части одежды приходится 28%. Опять то же явленіе бо́льшаго разнообразія въ приложеніи женскаго труда: въ Берлинѣ швеи составляютъ почти 88% [1]; на другія производства остаются только 12%. Ремесло швеи женщина начинаетъ рано и кончаетъ поздно: мы находимъ у насъ 6,5% дѣтей до 15 лѣтъ и 8,0% женщинъ старѣе 50; въ Берлинѣ 1,4% и 7,7%. Замѣчательно, что малый процентъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ берлинской промышленности, который слѣдуетъ приписать чисто законодательнымъ мѣрамъ, вліяетъ на усиленный наплывъ работниковъ и работницъ въ непосредственно затѣмъ слѣдующей возрастной группѣ. Это обнаруживается особенно по отношенію къ женщинамъ. Въ общемъ итогѣ трудящагося населенія у насъ, гдѣ мало—и несовершеннолѣтніе составляютъ почти 7% мужчинъ и 3,6% женщинъ, въ возрастѣ 16—20 лѣтъ имѣется только 11,5% мужчинъ и 8,6% женщинъ; въ Берлинѣ же, гдѣ первая группа даетъ 1,2% для обоихъ половъ, въ 15—20 лѣтъ мы находимъ 16,3% мужчинъ и 22% женщинъ, хотя разница можетъ отчасти происходить и отъ неполнаго соотвѣтствія возрастныхъ группъ, что̀ однако не

[1]) 31,000 изъ 36,000. Огромная цифра швей въ Берлинѣ можетъ быть объяснена только сбытомъ ихъ продуктовъ на внѣшніе рынки.

исключаетъ разницы для половъ между ними. Между швеями % женщинъ 15—20-лѣтнихъ въ Берлинѣ вдвое болѣе, чѣмъ у насъ (Берлинъ 27% и Петербургъ 14%); въ 20—30 лѣтъ цифры почти одинаковы (Петербургъ 35,5%, Берлинъ 37,9%); но затѣмъ числа быстро понижаются, и въ Берлинѣ быстрѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Поступая въ ученье часто ранѣе 10 лѣтъ, дѣвочка годамъ къ 15 дѣлается работницею,—и 1/10 часть 30—40 швей остается швеями до конца своей жизни. Изъ производительницъ предметовъ одежды, хозяекъ заведеній 575 (5%), работницъ 6,641 (38%) и одиночекъ 8,352 (57%). Одиночки суть почти исключительно швеи (90%). Интересенъ тотъ фактъ, что число хозяевъ мастерскихъ дамскихъ платьевъ и бѣлошвейнъ почти равно числу хозяекъ. Въ Берлинѣ хозяекъ еще менѣе, всего 1,2%; главная масса состоитъ изъ работницъ—98%; остальные 0,8% приходится на служащихъ, которыя у насъ не показаны отдѣльно.

Вторая главнѣйшая отрасль женскаго труда—содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды. Тутъ главную роль играютъ прачки: 143 хоз., 3,155 раб. и 8,196 одиночекъ (въ %-хъ: 1,2%, 27,4% и 71,4%), всего 98% этой группы. Число прачекъ въ 11 слишкомъ тысячъ для петербургскаго населенія нельзя не назвать чрезмѣрнымъ, производство переполнено ими: Берлинъ, съ населеніемъ гораздо бо̀льшимъ, насчитываетъ только до 5,800 прачекъ. Относительно возрастнаго состава этой группы занятій должно замѣтить, что ни въ одной почти отрасли промышленности нѣтъ столько пожилыхъ и старыхъ женщинъ, какъ между прачками: это занятіе какъ-бы послѣднее убѣжище для женщинъ, прошедшихъ разные роды дѣятельности или вынужденныхъ взяться за работу уже въ томъ возрастѣ, когда привыкать и учиться другой поздно. Обработка волокнистыхъ веществъ, пряденіе, ткачество, набивка и окраска съ другими, второстепенными отраслями этой промышленности, даетъ занятіе 4,275 женщинамъ. Это почти исключительно работницы (хозяекъ 1%) на хлопчатобумажныхъ филатурахъ и ткацкихъ фабрикахъ (73%); особыя, этой промышленности присущія условія, дѣлающія удобнымъ широкое приложеніе вообще дѣтскаго труда, обусловливаютъ особенно большой % малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ работницъ, даже въ Берлинѣ, гдѣ къ возрасту до 15 лѣтъ принадлежитъ ихъ 2,6% (сравнительно съ средней для всѣхъ производствъ въ 1,3%); у насъ отношеніе еще болѣе, конечно, неблагопріятно—почти 10% (сравнительно съ 3,4 въ средней).

Изъ прочихъ отраслей обработывающей промышленности женскій трудъ находитъ еще большое приложеніе на табачныхъ фа-

брикахъ, гдѣ въ Петербургѣ занято 2,089 женщинъ, изъ которыхъ тоже большой % несовершеннолѣтнихъ — 8,5 и почти 51% 15 — 20-лѣтнихъ. Въ другихъ производствахъ женщина мало является въ качествѣ работницы: производство питательныхъ веществъ, обработка металловъ камней, выдѣлка химическихъ продуктовъ, строительное дѣло—все это такіе промыслы, въ которыхъ физическій трудъ женщины почти не прилагается; женщина если берется за эти роды труда, то почти исключительно въ качествѣ предпринимательницы, хозяйки. У насъ, по крайней мѣрѣ изъ данныхъ переписи, не видно, чтобы она являлась въ нихъ въ должностяхъ по управленію чужими предпріятіями, что̀, наоборотъ, въ Берлинѣ мы находимъ во всѣхъ почти поименованныхъ производствахъ, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ.

Было бы въ высшей степени интересно выдѣлить, говоря о женскомъ трудѣ въ Петербургѣ, элементъ осѣдлый отъ пришлаго; но мы уже указали выше, до какой степени вообще по даннымъ нашей переписи трудно это сдѣлать. Единственный критерій для сужденія о величинѣ пришлыхъ элементовъ мы находимъ въ показаніи числа крестьянъ, уроженцевъ другихъ мѣстъ, преимущественно отдаленныхъ отъ Петербурга. Произведя необходимыя вычисленія въ этомъ смыслѣ для женскаго трудящагося населенія, мы получили итоги, показывающіе, что въ средѣ его пришлый элементъ гораздо менѣе силенъ, чѣмъ въ мужскомъ населеніи, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать. Въ обработывающей промышленности въ мужскомъ населеніи смѣло можно сказать, что половина работниковъ — все не-петербургскіе; въ женскомъ немного болѣе 1/4 части—до 27%. Но въ отдѣльныхъ производствахъ колебаніе величины этого наплывного населенія весьма значительно. Болѣе всего мы находимъ его въ фабричныхъ производствахъ: въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, напримѣръ, до 49% (для муж. 68%); затѣмъ въ производствахъ, касающихся пищи и вообще предметовъ продовольствія—34% (муж. 67%), въ производствахъ по содержанію въ чистотѣ тѣла и одежды—31% (для муж. 43%). Во всѣхъ другихъ производствахъ, гдѣ мало приложимъ вообще женскій трудъ и гдѣ онъ входитъ въ видѣ предпринимательскаго труда въ производство— онъ почти нераздѣльно принадлежитъ осѣдлому населенію. Напротивъ, въ классѣ прислуги пришлыя работницы являются опять въ значительномъ числѣ, доходящемъ до 43%, и пришлый элементъ женскій уравнивается почти, въ относительномъ значеніи, съ пришлымъ мужскимъ (до 52%).

Намъ остается охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, женскій трудъ сравнительно съ Берлиномъ еще въ двухъ отрасляхъ промышленности — торговой и перевозочной. Несмотря на всю сподручность торговаго промысла для женщины, чтó и выражается въ довольно значительномъ процентѣ женщинъ торговой профессіи въ Берлинѣ (почти 4%) и въ Лондонѣ (3%), въ Петербургѣ женщина имъ занимается очень мало: процентъ равенъ 2 съ небольшимъ. Притомъ самый характеръ участія женскаго труда таковъ, что 1) большинство изъ нихъ работницы, а не хозяйки, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ, напротивъ, хозяекъ больше, чѣмъ работницъ: у насъ на 1 хозяйку приходится 2 работницы, въ Берлинѣ на 2 хозяекъ 1 работница, и что 2) огромное большинство женщинъ (11 противъ 3) занимается мелочнымъ, разноснымъ торгомъ и торговлею съ ларей, тогда какъ въ Берлинѣ 90% занимается торговлею изъ лавокъ и магазиновъ. Наибольшее число торговокъ-хозяекъ имѣютъ: табачныя лавки, мелочныя, готоваго бѣлья, ткацко-мануфактурныхъ издѣлій, стараго платья—44% всѣхъ хозяекъ, торгующихъ изъ лавокъ; остальныя 56% распредѣляются между 30-ю другими родами лавочной торговли, перечисленными въ петербургскихъ матеріалахъ.

При такихъ скромныхъ областяхъ торговли, доступныхъ женщинѣ, конкурренція мужскому труду съ ея стороны весьма, конечно, слаба (на 100 муж. приходится только около 10 женщинъ), она втрое менѣе, чѣмъ у насъ же, въ обработывающей промышленности вообще, и во столько же разъ слабѣе, чѣмъ конкурренція женскаго труда въ торговлѣ Берлина (на 100 м. 38 ж.).

Въ перевозочной промышленности участіе женскаго труда и само по себѣ, и сравнительно съ трудомъ мужчины, совершенно ничтожно. Представительницы женскаго труда здѣсь—содержательницы извоза. Все же и здѣсь число ихъ значительно относительно больше, чѣмъ въ Берлинѣ. Напротивъ, трактирный промыселъ, содержаніе трактировъ, меблированныхъ квартиръ и пр., исполненіе обязанностей прислуги въ нихъ представляетъ для женщины особенно широкое поприще въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ даже абсолютная цифра ихъ вдвое меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, а относительная менѣе втрое. Отношеніе хозяекъ къ работницамъ у насъ какъ 8 къ 1, въ Берлинѣ какъ 2 къ 1; на 100 мужчинъ, занимающихся въ трактирномъ промыслѣ въ качествѣ хозяевъ, въ Петербургѣ приходится 200 ж., въ Берлинѣ только 28; на 100 работниковъ у насъ 4 работницы, въ Берлинѣ 15. Эти отношенія очень рельефно характеризуютъ зна-

ченіе, какое имѣетъ трактирный промыселъ въ женскомъ трудѣ Петербурга и какого рода этотъ трудъ.

Разлагая на составныя части цифру хозяекъ, мы найдемъ, что 88% ихъ содержитъ квартиры, 3,5% кабаки и портерныя, 2% меблированныя комнаты, 1,3% трактиры и рестораны, остальные 5,2% кухмистерскія, постоялые дворы и съѣстныя лавки. Изъ работницъ почти 60% приходится на трактиры и рестораны, гдѣ онѣ занимаютъ главнымъ образомъ должность судомоекъ и прачекъ.

Въ числѣ заработковъ женщины остается еще одинъ промыселъ, имѣющій если не экономическое, то безспорно большое соціальное значеніе—это проституція. Но данныя, касающіяся его, трудно уловимы вообще и тѣмъ менѣе могутъ быть съ достаточною точностью получены переписью [1]). Въ нее могутъ попасть проститутки явныя, отправляющія открыто свое ремесло, его нескрывающія и его нестыдящіяся. Извѣстно же, что явная проституція составляетъ только незначительную долю тайной, которой обильный контингентъ даютъ швеи, горничныя, жены, бросившія мужей, фабричныя работницы и пр. Эта скрывающаяся проституція не всегда находится въ одинаковомъ отношеніи съ явной, въ зависимости отъ различія въ системѣ врачебно-полицейскихъ мѣръ, относящихся къ проституціи. Отсюда большая несоизмѣримость качества данныхъ для различныхъ государствъ.

Явная проституція измѣряется въ Петербургѣ отношеніемъ 1 на 100 взрослыхъ женщинъ, въ Берлинѣ 1 на 114, въ Парижѣ 1 на 135: но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы проституція въ Парижѣ или Берлинѣ была распространена менѣе, чѣмъ у насъ. По приблизительнымъ вычисленіямъ, тайной проституціей въ Парижѣ занимается 1 изъ 5 взрослыхъ женщинъ, въ Берлинѣ 1 изъ 12. Несравненно болѣе значенія для сравнительнаго изученія имѣютъ данныя о внутреннихъ признакахъ класса проститутокъ, ибо здѣсь есть болѣе основанія предполагать, что извѣстное и неизвѣстное находятся между собою въ постоянномъ соотношеніи. Петербургская перепись даетъ возможность прослѣдить только возрастной составъ проституціи, такъ какъ ни семейное состояніе, ни семейныя отношенія не комбинированы въ ней съ занятіями.

Печальную карьеру проститутки женщина начинаетъ очень рано; но въ Петербургѣ вообще позже все-таки, чѣмъ въ Бер-

---

[1]) Англійскій цензъ, напр., не можетъ вовсе дать цифры проститутокъ.

линѣ: 14—15-лѣтнихъ проститутокъ въ Берлинѣ 2,1% всѣхъ женщинъ этой профессіи, въ Петербургѣ 0,1 и, повидимому, не покидаетъ ее до самыхъ преклонныхъ лѣтъ: проститутокъ старше 40 лѣтъ считается въ Петербургѣ 3,2%, въ Берлинѣ 2,7. Maximum принадлежитъ къ 20—30 годамъ (въ Петербургѣ 61,3%, въ Берлинѣ 61,9%), хотя несомнѣнно, что maximum тайной проституціи приходится на возрастную группу непосредственно предшествующую, ибо явной проституціи обыкновенно предшествуетъ тайная, и явная есть уже по бо́льшей части признакъ безвыходности положенія женщины, занимавшейся развратомъ, или какъ побочнымъ ремесломъ, или просто случайно. Большинство явныхъ проститутокъ Петербурга состоитъ изъ мѣстныхъ элементовъ; пришлый элементъ, несмотря на крайнее разнообразіе свое—нѣтъ товара болѣе интернаціональнаго, чѣмъ женщина — представляется, вѣроятно, никакъ не болѣе, какъ 30%. Въ этомъ отношеніи Петербургъ отсталъ отъ Берлина, гдѣ болѣе 50% проститутокъ суть пришлыя. До какой степени могутъ быть интересны въ отношеніи изученія проституціи статистическія данныя о ней, можно видѣть изъ того, что́ намъ даетъ берлинская статистика. Изъ нея мы узнаемъ, что юныя проститутки по бо́льшей части не имѣютъ даже постояннаго жилья: 50% изъ имѣющихъ менѣе 20-ти лѣтъ суть ночлежницы, или вовсе не имѣютъ пристанища; перейдя за 20 лѣтъ, проститутка получаетъ возможность поселиться въ меблированной квартирѣ (40% этой возрастной группы) и, только перейдя за 30 лѣтъ, имѣетъ средства жить въ собственной квартирѣ (45% этого возраста). Четвертую часть проститутокъ составляютъ разведенныя или бросившія мужей; одна седьмая проститутокъ продолжаетъ заниматься этимъ ремесломъ, имѣя на рукахъ дѣтей. Къ сожалѣнію, Петербургъ не даетъ такого рода матеріаловъ для изученія одного изъ самыхъ интересныхъ моментовъ въ жизни большихъ городовъ.

Мы прослѣдили одна за другою всѣ отрасли женскаго труда, насколько позволяютъ статистическіе матеріалы переписи, и хотѣли бы провести еще параллель между распредѣленіемъ женскаго труда въ Петербургѣ и распредѣленіемъ его въ Лондонѣ, но должны предупредить читателя, что если такое сопоставленіе и возможно, то развѣ въ самыхъ крупныхъ чертахъ. Раздѣленіе труда такъ глубоко проникло даже въ отрасли ремесленной промышленности въ Лондонѣ, что даже соединеніе нѣсколькихъ детальныхъ группъ въ одно цѣлое не даетъ ничего тождественнаго съ какими-нибудь нашими группами. Кромѣ этого

внутренняго отсутствія однородности фактовъ, есть еще цѣлая масса чисто внѣшнихъ затрудненій. Система сводки нашего ценза близко сходится съ берлинскою, которая отчасти служила и образцомъ для нея, и не имѣетъ ничего общаго съ англійскаго. Въ лондонскомъ матеріалѣ не только занятія классифицированы иначе, но цѣлые отдѣлы исчезаютъ въ этой классификаціи. Мы не найдемъ тамъ, напр., весьма интересныхъ для характеристики занятій и соціальнаго строя данныхъ о числѣ живущихъ общественнымъ и частнымъ призрѣніемъ, находящихся въ богадѣльняхъ, тюрьмахъ, больницахъ, закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, лица, не живущія своимъ трудомъ, не распредѣлены по занятіямъ; хозяева не отдѣлены отъ служащихъ и рабочихъ. Въ сводкѣ возрастовъ, какъ мы уже упоминали, возрастные періоды не сходятся ни съ нашими, ни съ берлинскими; нѣтъ комбинаціи занятій съ семейнымъ состояніемъ. Статистики жилищъ и квартиръ вовсе нѣтъ и такъ далѣе.... Понятно, что при такихъ условіяхъ не на чемъ остановиться, или идти съ сравнительнымъ методомъ болѣе вглубь явленій.

Выше была приведена цифра взрослаго женскаго населенія, самостоятельно трудящагося, т.-е. имѣющаго отъ 15 до 55 лѣтъ; получилось около 25% всего женскаго населенія. Въ Петербургѣ процентъ этотъ равенъ 36, а въ Берлинѣ 37. Лондонскій процентъ долженъ казаться тѣмъ ниже, что онъ заключаетъ въ себѣ болѣе широкую возрастную группу, чѣмъ оба другіе; но онъ объясняется отчасти и тѣмъ, что ни Петербургъ, ни Берлинъ не считаютъ въ своемъ женскомъ населеніи столько дѣтей (до 15 лѣтъ): они составляютъ въ Лондонѣ 31% всего женскаго населенія, въ Берлинѣ 26%, въ Петербургѣ 23% (до 16 лѣтъ). Замужнихъ въ Лондонѣ хотя менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, но гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе и по отношенію къ одному взрослому населенію трудящихся женщинъ въ Лондонѣ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, а именно 54% противъ 60%, и почти столько же, какъ въ Берлинѣ (46%), если принять во вниманіе составъ лондонской возрастной группы (до 55 лѣтъ, въ Берлинѣ и у насъ до 50 только).

Профессіональный составъ всѣхъ лондонскихъ трудящихся женщинъ, взятый по родовымъ категоріямъ занятій и сравнительно съ Петербургомъ и Берлиномъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Л.	П.	Б.
Прислуга	49,4%	55%	42,7%
Обработывающая промышл. .	43,0%	33,4%	48,7%

	Л.	П.	Б.
Торговля	2,9%	2,2%	3,8%
Перевозочная пром. съ трактирнымъ промысломъ . . .	2,2%	3,8%	1,4%
Свободныя занятія	2,5%	5,6%	3,4%

Необходимо однако замѣтить, что классъ свободныхъ занятій выходитъ въ Лондонѣ потому значительно меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, что въ него не вошли нѣкоторыя цифры, не выдѣленныя сводомъ ценза, напр. сидѣлки въ больницахъ и больничная прислуга. Во всякомъ случаѣ отъ этой прибавки увеличеніе не могло бы быть настолько значительно, чтобы измѣнить сравнительное значеніе, представляемое свободными занятіями, въ дѣятельной жизни лондонской женщины. На ея долю выпадаетъ всетаки главнымъ образомъ механическій, физическій трудъ.

При небольшомъ количествѣ не-матеріальнаго и не-физическаго труда, находящагося въ ея распоряженіи, дѣятельность лондонской женщины гораздо одностороннѣе и петербургской и берлинской. Почти 72% посвящаютъ свои силы преподаванію и воспитанію, превосходя въ этой профессіи болѣе чѣмъ въ три раза число мужчинъ (на 100 м. 366 ж.). Есть одна цифра дѣятельности для нея болѣе доступная, чѣмъ для петербургской и берлинской—это государственная и общественная служба, которою занято 7%, т.-е. въ 35 разъ больше, чѣмъ Берлинѣ, и въ пять съ половиною больше, чѣмъ у насъ.

Промышленный, въ тѣсномъ смыслѣ, женскій трудъ въ Лондонѣ доступенъ женщинѣ во всѣхъ почти его отрасляхъ. Хотя и тутъ почти половина, 48%, занята въ разныхъ ремеслахъ, по приготовленію одежды, и 18% въ содержаніи ея въ чистотѣ (сравнительно съ 43 и 33 въ Петербургѣ); но за то остальное число распредѣляется ровнѣе по другимъ производствамъ, чѣмъ и у насъ и въ Берлинѣ. Тутъ лондонская, и вообще англійская, женщина отвоевала значительную часть территоріи у мужчины, хотя едвали какое-либо общество можетъ въ этомъ отношеніи ей завидовать. Само собою разумѣется, что главными занятіями женщины, которыя составляютъ какъ-бы ея естественную монополію и оспаривать которыя у нея ни у кого не можетъ быть желанія, остаются въ Лондонѣ тѣ же два — швеи и прачки. Швей въ Лондонѣ болѣе 100 тысячъ, прачекъ, какъ мы сказали уже, около 44 тысячъ, и безъ сомнѣнія масса ихъ—простыя работницы. По отношенію къ трудящемуся населенію это составитъ 34%, въ Берлинѣ 31%, въ Петербургѣ

25%. Но возрастное распредѣленіе обѣихъ группъ, несмотря на различіе въ составѣ лѣтъ въ каждомъ возрастномъ періодѣ, въ Лондонѣ совершенно своеобразно. Между швеями, сравнительно съ Петербургомъ и Берлиномъ, гораздо болѣе пожилыхъ и очень старыхъ женщинъ; за то за ремесло швеи женщина берется тамъ позже, чѣмъ у насъ. Въ возрастѣ отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ у насъ 28% всѣхъ швей, въ Берлинѣ 20,5%, въ Лондонѣ 17%; почти 5% ихъ принадлежитъ къ возрастамъ старѣе 65, тогда какъ у насъ и въ Берлинѣ такого %-та не составляетъ вся возрастная группа отъ 50-ти лѣтъ и выше. Относительное преобладаніе старухъ въ Лондонѣ еще сильнѣе между прачками, въ ущербъ возмужалымъ годамъ. Въ Петербургѣ прачекъ, имѣющихъ болѣе *50*-ти лѣтъ, считается 16%, въ Берлинѣ—22,7% всѣхъ прачекъ, въ Лондонѣ старше *55*-ти лѣтъ—24%. За то въ классѣ домашней прислуги болѣе самыхъ молодыхъ женщинъ, до 20-ти-лѣтняго возраста, особенно если сравнить съ Петербургомъ: вмѣсто 14% петербургскихъ, мы находимъ почти 30%; старухъ въ домашней прислугѣ въ Лондонѣ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, въ отношеніи 9 къ 12. Интересно, что въ молодыхъ годахъ преобладаютъ горничныя, потомъ къ 40—50 годамъ экономки и кухарки, и въ высшихъ возрастахъ судомойки. Безъ сомнѣнія, это выраженіе общаго закона, которому слѣдуетъ въ своей профессіи домашняя прислуга: сначала, пока молодость и силы, женщина идетъ въ горничныя; бóльшая опытность въ домашнемъ хозяйствѣ и спеціальная подготовка дѣлаютъ изъ женщины кухарку и экономку; упадокъ силъ заставляетъ идти въ грязную работу.

Въ отношеніи вообще распредѣленія трудящаго женскаго населенія въ Лондонѣ мы ожидали встрѣтить и дѣйствительно встрѣчаемъ факты, прямо вытекающіе изъ меньшей охраны въ Англіи, со стороны закона, труда малолѣтнихъ. Число дѣвочекъ до 15-ти лѣтъ, въ числѣ работницъ, тамъ конечно меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, но больше гораздо, чѣмъ въ Берлинѣ. Вотъ сравнительное распредѣленіе возрастовъ въ %, въ обработывающей промышленности:

	Лондонъ.		Берлинъ.	Петербургъ.
до 15 лѣтъ. . .	2,3	до 15 лѣтъ. . .	1,6	7,1
15—55 » . . .	81,5	15—50 » . . .	85,7	82,0
55 и выше . . .	16,2	50 и выше . . .	12,7	10,9

Трудно рѣшить, чтò именно обусловливаетъ здѣсь большой % старыхъ женщинъ: долгая ли сохраняемость трудовыхъ спо-

собностей, или совершенная необезпеченность хозяйственная, заставляющая женщину нести тяжелое бремя труда до самой глубокой старости. Въ Лондонѣ около 2% работницъ принадлежитъ къ возрасту болѣе 75-ти лѣтъ. Изъ 5-ти старухъ, перешедшихъ за 55-ть лѣтъ, одна работаетъ въ промыслахъ (не считая прислуги), въ то время, какъ въ Петербургѣ 1 изъ 8, въ Берлинѣ 1 изъ 7, перешедшихъ только 50-ти-лѣтній возрастъ. Нельзя сказать, чтобы положеніе не было тяжелое.

Въ торговой промышленности женскій трудъ въ Лондонѣ совершенно исчезаетъ сравнительно съ мужскомъ (на 100 мужч. 4 женщ.), хотя по отношенію къ женскому труду въ отдѣльности и представляется 3%. Подобно тому, какъ въ Петербургѣ, много женщинъ торговой профессіи занимаются разносным торгомъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько торгуетъ изъ лавокъ. Въ перевозочной промышленности участіе женщины еще слабѣе вообще и еще ничтожнѣе сравнительно съ широкимъ участіемъ въ ней мужчины.

Что касается, наконецъ, до трактирнаго промысла, то Лондонъ представляетъ намъ, подобно Берлину, далеко меньшее участіе въ немъ женщины, чѣмъ въ Петербургѣ. На 100 хозяевъ приходится 52 хозяйки — вдвое почти болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, и въ четыре раза больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Но за то женская прислуга въ трактирахъ, ресторанахъ и пр. въ Лондонѣ весьма значительна и сравнительно съ мужской—на 100 мужч. 33 женщ. (Петербургъ 4, Берлинъ 15), и сравнительно съ числомъ хозяекъ—3 хоз. на 2 работницы (Петербургъ 16:2, Берлинъ 4:2), и прислуга эта почти исключительно состоитъ изъ молодыхъ женщинъ не старѣе 35-ти лѣтъ. Къ возрасту 15—20 лѣтъ принадлежитъ 27% трактирной прислуги, къ 20—25 л. 40% и 25—35 л. 26%, итого 93%. Общее число хозяекъ распадается въ Лондонѣ и Петербургѣ, насколько возможно взять тождественныя группы, на слѣдующія составныя части:

		Лондонъ.	Петерб.
Содержательницы	меблированныхъ комнатъ и кухмистерскихъ.	60%	94%
»	кофеенъ и закусочныхъ	15%	0,5%
»	трактировъ, ресторановъ и гостинницъ. . .	20%	1,5%
»	пивныхъ	5%	4%

Содержаніе меблированныхъ комнатъ и кухмистерскихъ, такимъ образомъ, не только даетъ въ Петербургѣ заработокъ относительно бо́льшему числу женщинъ, но даже абсолютная цифра

ихъ не многимъ менѣе лондонской (3,017, въ Л. 3,818). Подобное предложеніе очевидно предполагаетъ значительной спросъ, источника котораго надобно искать въ случайномъ или временномъ пребываніи значительнагѣ пришлаго населенія и въ слабой домовитости его.

Кончая наше изслѣдованіе, мы не можемъ не пожалѣть, что размѣры и назначеніе журнальной статьи не позволяютъ намъ дать лицамъ, интересующимся подобными изслѣдованіями, сводовъ тѣхъ абсолютныхъ цифръ, которыя послужили основаніемъ для всѣхъ выводовъ. Въ статистической работѣ это, собственно говоря, необходимо: только тогда и можно полагаться на относительныя цифры, когда видишь, изъ какихъ элементовъ сложились абсолютныя, и когда, въ случаѣ сомнѣнія, есть возможность самому провѣрить и итоги, и отношенія. Но основныя цифры, послужившія матеріаломъ для настоящей статьи, заняли бы втрое болѣе мѣста, чѣмъ самая статья.

Ю. Янсонъ.

ЛОРА ЛЕЙ

Баллада Климента Брентано *).

На Рейнѣ, въ Бахарахѣ
Волшебница жила,
Красой своей чудесной,
Сердца къ себѣ влекла.

И многихъ погубила.
Уйти любви сѣтей
Нельзя тому ужъ было,
Кто разъ увлекся ей.

---

*) Въ біографіи Гейне, Адольфа Штродтмана, находятся слѣдующія любопытныя подробности о той же тэмѣ извѣстнаго Гейневскаго стихотворенія: „немногимъ, быть можетъ, извѣстно, что сказаніе о Лорелеѣ не есть „преданье старины глубокой“; происхожденіе его относится не далѣе, какъ къ началу нынѣшняго столѣтія; никто изъ прежнихъ писателей ничего не зналъ о какомъ бы то ни было „культѣ Лоры“ или о коварной нимфѣ Лурлейской скалы близъ Санъ-Гоара, столь опасной для плывшихъ мимо судоходовъ. Къ созданію такого миѳа, развившагося на нашихъ глазахъ, подалъ поводъ Климентъ Брентано, введя во вторую часть своего романа „*Годви*“ (напеч. въ 1802 г.) цѣлую балладу, содержаніе которой—какъ онъ самъ заявляетъ—измышлено имъ самимъ. Въ стихотвореніи этомъ, переведенномъ нами, и рѣчи нѣтъ о сиренѣ или нимфѣ, а говорится о молодой дѣвушкѣ изъ бюргерской семьи, жившей въ Бахарахѣ и обвиненной передъ епископомъ въ чародѣйствѣ, только за то, что многіе влюблялись въ нее за красоту. Названіе „Lorlei“ (Lei значитъ *сланцевый утесъ*) подало Брентано мысль назвать дѣвушку *Лора Лей*. Этого было достаточно для Николая Фогта, помѣшаннаго на Рейнскихъ сагахъ, чтобы сочинить, въ 1811 г., цѣлую исторію: эхо Лурлей—голосъ женщины, очаровывавшей своей красотой всѣхъ, кромѣ того единственнаго лица, кого она сама любила. Съ горя несчастная идетъ

Призвалъ ее епископъ;
Онъ думалъ осудить,
Но самъ красой плѣнился
И долженъ былъ простить.

Растроганный, онъ молвилъ:
— Бѣдняжка, не таись:
Кто колдовать заставилъ
Тебя? мнѣ повинись.

«Отецъ святой! пощады
У васъ я не прошу;
Мнѣ жизнь не въ жизнь: собою
Я гибель приношу.

«Глаза мои — какъ пламя,
И жгутъ сердца людей!
Сожгите же скорѣе,
Колдунью Лору Лей!»

— Нѣтъ, Лора, не могу я
Тебя на смерть обречь!
Скажи: какъ ты съумѣла
Мнѣ въ сердцѣ страсть зажечь?

въ монастырь, но, увидавъ по дорогѣ своего милаго, плывшаго по Рейну, съ отчаянія бросается въ воду. Трое поклонниковъ, провожавшихъ ее, послѣдовали туда же за ней. Вотъ почему передняя скала съ троекратнымъ эхо зовется „Камнемъ трехъ рыцарей". Такимъ образомъ Фогтъ, на основаніи сочиненнаго стихотворенія Брентано, пустилъ въ ходъ мнимое „народное преданіе", которое вскорѣ послужило тэмой для многихъ поэтовъ. Графъ Отто Гейнрихъ фонъ-Лёбенъ первый превратилъ Бахарахскую самоубійцу въ нимфу, которая, сидя на высокой скалѣ, очаровываетъ плывущихъ мимо судоходовъ чудными пѣснями и топитъ ихъ; его стихотвореніе было напечатано въ 1821 г. въ „Urania", подъ заглавіемъ: „Loreley, eine Sage vom Rhein". Гейне воспользовался этою тэмою при сочиненіи своей извѣстной баллады, и придалъ новую и прелестную форму содержанію, плохо изложенному, и замѣнилъ вирши Лёбена безсмертнымъ стихотвореніемъ. Многіе поэты затѣмъ обработывали „сказаніе о Лорелеѣ" каждый на свой ладъ. Эйхендорфъ сдѣлалъ ее лѣсною нимфой. Симрокъ въ ученой аллегоріи превратилъ ее въ музу рейнской области. Гейбель избралъ ее тэмой драматическаго сюжета для опернаго либретто; Германъ Гершъ — для пятиактной трагедіи, а герцогъ Адольфъ Нассаускій задумалъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, воздвигнуть на Лурлейской скалѣ гигантскую статую въ честь „древняго культа Лоры"; модель была уже изготовлена профессоромъ Гопфгартеномъ, когда критика опрокинула все преданіе, доказавъ его поддѣлку подъ старину, — и теперь модель валяется въ дворцовомъ саду Бибериха.

Казнить тебя нѣтъ силы,
Красавица моя!
Вѣдь вмѣстѣ съ этимъ сердце
Свое разбилъ бы я.

«Отецъ святой! не смѣйтесь
Надъ бѣдной сиротой,
Молите лучше Бога,
Чтобъ далъ Онъ мнѣ покой.

«Не жить ужъ мнѣ на свѣтѣ,
Никто мнѣ здѣсь не милъ,
Молить пришла о смерти,
Терпѣть не стало силъ.

«Обманута я другомъ,
Покинулъ онъ меня,
Уѣхалъ на чужбину,
Въ далекіе края.

«Румянцемъ, бѣлизною
И прелестью очей,
Да кроткими рѣчами
Прельщаю я людей.

«А мнѣ самой не легче,
Душа моя болитъ,
Красы моей блистанье
Мнѣ сердце леденитъ.

«Дозвольте-жъ христіанкой
Покинуть здѣшній свѣтъ!
На что мнѣ жизни бремя?
Его со мною нѣтъ!»

Трехъ рыцарей епископъ
Зоветъ и имъ велитъ
Свести ее въ обитель,
А самъ ей говоритъ:

— Молися Богу, Лора,
Въ обители святой,

Черницею готовься
Свершить свой путь земной.

Вотъ рыцари всѣ трое
Садятся на коней,
И ѣдутъ; съ ними, грустно,
Красотка Лора Лей.

«О рыцари! дозвольте
На тотъ утесъ взбѣжать,
Чтобъ милаго мнѣ зàмокъ
Оттуда увидать,

«И съ Рейномъ попрощаться;
А тамъ я удалюсь
Въ обитель, гдѣ черницей
Отъ міра схоронюсь».

Утесъ угрюмъ и мраченъ
И гладокъ, какъ стѣна;
Но легче серны дикой
Взбѣгаетъ вверхъ она.

Глядитъ впередъ и молвитъ:
«Вонъ, лодочка летитъ,
А въ этой лодкѣ, вижу,
Мой милый другъ сидитъ.

«О! сердце какъ забилось!
И жизнь мнѣ вновь красна!»
И съ этимъ словомъ въ воду
Вдругъ бросилась она.

—ДТЪ.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБРАЗОВАННОСТИ.

Сравнительно-историческіе очерки.

При изученіи древнѣйшаго періода нашей литературы и образованности, съ сравнительно-исторической точки зрѣнія, слѣдуетъ остановиться прежде всего на свойствахъ самаго племени и на тѣхъ существенныхъ условіяхъ, въ какія съ самаго начала поставлено было умственное развитіе возникавшаго общества. Итакъ, первыми представляются вопросы объ этнологическомъ появленіи и особенностяхъ народа; во-вторыхъ, объ исторической обстановкѣ національности, которою опредѣлялись источники и размѣры ея умственныхъ пріобрѣтеній.

I. Племя, народность.

Еще недавно, въ періодъ романтическаго возвеличенія народностей, было весьма распространено ученіе, что историческая жизнь народа представляетъ единичное, особное развитіе одного типа, даннаго разъ при самомъ его началѣ и затѣмъ выростающаго въ одномъ неизбѣжномъ направленіи,—какъ произведеніе природы, которое всегда остается самимъ собой, какъ левъ всегда остается львомъ, или дубъ дубомъ. Внѣшніе элементы, входящіе

въ жизнь народа въ теченіе исторіи, не измѣняютъ типа, но поглощаются и ассимилируются имъ, такъ что измѣненіе, хотя и является во внѣшности, не простирается на сущность типа: получаетъ ли народъ религію, онъ пріурочиваетъ ее къ этой сущности; пріобрѣтаетъ ли науку и чужія учрежденія, онъ ихъ передѣлываетъ и усвоиваетъ изъ нихъ лишь то, чтó отвѣчаетъ его характеру. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ трудно было говорить о подобной передѣлкѣ новаго элемента, напр., когда идетъ рѣчь о принятіи христіанства, говорили обыкновенно, что народный характеръ былъ именно таковъ, какой требовался для новой религіи, что этотъ народъ именно и долженъ былъ стать по преимуществу христіанскимъ, и т. п.

Такое ученіе всего чаще бывало и бываетъ кодексомъ національной исключительности. Ссылками на неизмѣнность типа хотятъ дать основаніе національному мистицизму, который въ гордомъ самодовольствѣ считаетъ свою національность вершиной человѣческаго развитія, и пренебрегаетъ чужимъ опытомъ и заслугой, потому что принятіе ихъ или иной разъ подчиненіе имъ считаетъ униженіемъ для національнаго достоинства. Понятно, что такой взглядъ въ практической жизни можетъ приводить къ самому странному пониманію всѣхъ національныхъ отношеній. Но эта фаталистическая неизмѣнность типа отвергается съ самаго начала безпристрастнымъ наблюденіемъ самого историческаго развитія.

Въ данный моментъ, національность безъ сомнѣнія есть опредѣленный типъ, съ отличительными свойствами, въ значительной степени наслѣдственными, родовыми, — но, если только нація имѣла исторію, доступную для наблюденія, — мы увидимъ, что этихъ отличительныхъ свойствъ данной минуты невозможно распространить на цѣлую исторію націи, или даже на какой-либо обширный историческій періодъ. Если народъ не былъ поставленъ въ особыя условія, сохранявшія его бытъ въ однихъ неизмѣнныхъ формахъ; если онъ дѣлалъ какія-нибудь культурныя пріобрѣтенія; особенно же, если онъ обнаруживалъ положительную склонность къ цивилизаціи, и дѣлалъ въ ней успѣхи,—мы непремѣнно увидимъ, что было время, когда его типъ былъ иной, чѣмъ теперь, когда нынѣшнія свойства еще только пріобрѣтались, когда господствовали другія свойства; и будетъ время, когда нынѣшнія свойства смѣнятся другими—по тѣмъ условіямъ развитія, какія окружали прежде этотъ типъ и будутъ окружать его впослѣдствіи. Сравненіе съ произведеніями органической природы только подтвердитъ *измѣняемость* типа. И дѣйствительно, она бываетъ

столь обширна, что начальныя и конечныя ступени развитія на обыкновенный взглядъ представляютъ нерѣдко совершенно разныя формы, единство которыхъ объясняетъ только наука,—именно тѣмъ, что указываетъ промежуточныя ступени.

Очевидно, что полное опредѣленіе національнаго типа не заключается въ одной данной или настоящей его формѣ, а во всемъ его историческомъ развитіи,—въ его пройденныхъ ступеняхъ, пріобрѣтенномъ результатѣ и въ будущихъ возможностяхъ. Къ этимъ послѣднимъ и направляется національный идеалъ,—въ нихъ цѣль сознательныхъ стремленій націи, или стремленій ея наиболѣе развитой доли.

Возможность исторіи заключается въ измѣняемости типа, или въ способности къ усовершенствованію. Историческія требованія совершенно сходятся здѣсь съ естественно-историческими, или антропологическими.

Племя предполагаетъ наслѣдственность, сохраненіе старыхъ качествъ; но измѣняющіяся условія жизни требуютъ отъ всякаго организма, и отъ человѣческаго племени, еще другого свойства—способности приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ, побѣждать трудности, не испытанныя прежде и возникающія, для племени, отъ измѣненій природныхъ и отъ всякихъ историческихъ столкновеній, и находить въ себѣ силу для разрѣшенія новыхъ требованій жизни. Различныя племена, какъ мы видимъ ихъ въ исторіи, въ различной степени одарены этой способностью приспособленія, побѣжденія трудностей, или совершенствованія. Племена, расположенныя больше къ наслѣдственному сохраненію старыхъ свойствъ, мало способныя выдерживать новыя условія, приходятъ въ упадокъ и совсѣмъ погибаютъ, оставляя мѣсто другимъ, болѣе энергическимъ, которымъ и принадлежитъ дальнѣйшее развитіе. Отсюда—дѣленіе племенъ по ихъ способности или неспособности къ цивилизаціи; способность къ развитію становится условіемъ самаго существованія [1]).

---

[1]) Нѣкоторые антропологи утверждали и то, что въ абсолютномъ смыслѣ нельзя говорить объ этой способности или неспособности; что самыя дикія, не-культурныя въ данную минуту племена, способны дойти до болѣе высокихъ ступеней цивилизаціи (какъ американскій негръ выше своихъ африканскихъ единоплеменниковъ; какъ сами нынѣшніе культурные народы вышли изъ первоначально очень дикаго состоянія),—и это есть только дѣло времени,—но въ дѣйствительности бываетъ обыкновенно такъ, что этого времени не остается, что требуется быстрое движеніе развитія, чтобы племя могло уцѣлѣть, а между тѣмъ долгая привычка къ неподвижному традиціонному быту притупляетъ способность къ пріобрѣтенію новыхъ свойствъ. Обыкновенно, это бываетъ встрѣча съ болѣе развитымъ племенемъ, гдѣ борьба не ждетъ. Такъ гибли индійцы въ Америкѣ, туземцы въ Полинезіи или въ Африкѣ. Точно также Европа не будетъ, наконецъ, ждать и съ турками.

Для самихъ культурныхъ племенъ, постоянное совершенствованіе есть необходимое условіе жизни. Все чаще является сознаніе, что для сохраненія пріобрѣтеннаго и для блага будущихъ поколѣній необходимо распространять знанія, поднять весь уровень способностей.

«Цивилизація,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей племенного начала,—есть новое требованіе, наложенное на человѣка теченіемъ событій, подобно тому, какъ въ исторіи геологическихъ измѣненій мы видимъ постоянно новыя требованія, налагаемыя на различныя породы животныхъ. Эти требованія дѣйствуютъ двояко: или они измѣняютъ природныя качества породъ путемъ естественнаго подбора, когда перемѣны происходили довольно медленно, а порода была довольно воспріимчива, или же истребляютъ породы совершенно, когда перемѣны были слишкомъ рѣзки, а порода упорна. Число человѣческихъ породъ, совершенно исчезнувшихъ подъ гнетомъ требованій новой цивилизаціи, служитъ страшнымъ для насъ урокомъ. Я думаю, что ни въ какой періодъ всемірной исторіи не было ни одной породы животныхъ, которая истреблялась бы на такихъ огромныхъ пространствахъ и съ такою изумительною быстротою, какъ дикіе народы... Обитатели обширныхъ странъ были совершенно стерты съ лица земли въ короткое время трехъ столѣтій не столько натискомъ болѣе сильной породы, сколько вліяніемъ цивилизаціи, которая была имъ не по силамъ. Даже и мы, передовые работники въ созиданіи этой цивилизаціи, начинаемъ чувствовать себя неспособными жить въ мирѣ съ нашимъ собственнымъ сознаніемъ. Потребности централизаціи, сообщеній, образованія, требуютъ отъ нашей породы болѣе мозгу и умственныхъ силъ, чѣмъ сколько она имѣетъ. Мы громко жалуемся на недостатокъ болѣе способныхъ людей во всѣхъ сферахъ жизни: ни государственные люди, ни философы, ни ремесленники, ни простые рабочіе не стоятъ на высотѣ тѣхъ многочисленныхъ знаній, которыхъ требуетъ ихъ профессія. Наша широкая цивилизація обнимаетъ множество различныхъ интересовъ, съ которыми государственные люди и философы нашей породы не могутъ справиться... Порода наша изнемогаетъ отъ этихъ требованій, превышающихъ ея силы, и можетъ выродиться подъ ихъ тяжестью...

«Когда трудности борьбы за жизнь не превышаютъ силъ извѣстной породы, тогда онѣ полезны и подкрѣпляютъ ее, — иначе причиняютъ смерть; такъ бѣдныя и тощія растенія влачатъ жалкую жизнь подлѣ линіи лѣтнихъ снѣговъ на Альпахъ, а немного выше совершенно вымираютъ... Намъ нуженъ мозгъ

болѣе развитый для того, чтобы онъ могъ приспособляться къ потребностямъ современной жизни и исполнять свою задачу съ большею легкостью, чѣмъ теперь. Мы могли бы, въ извѣстной мѣрѣ, возвысить природу человѣка до уровня съ новыми потребностями, стѣсняющими его существованіе; мы могли бы также, въ извѣстной мѣрѣ, измѣнить самыя потребности такъ, чтобы онѣ какъ можно менѣе стѣсняли человѣка. Ясно, что нужно стремиться къ тому и другому въ одно время, съ цѣлью поставить природу человѣка и условія его жизни въ самую полную гармонію»... [1]).

Когда вопросъ цивилизаціи и ея требованій ставится такимъ серьёзнымъ образомъ тѣми, кто дѣйствительно были «передовыми работниками въ ея созиданіи», то, кажется, онъ заслуживаетъ по крайней мѣрѣ не меньшаго вниманія у тѣхъ, кто не такъ много участвовалъ въ созиданіи этой цивилизаціи, не такъ много владѣетъ ея пріобрѣтеніями, но подлежитъ во всякомъ случаѣ тѣмъ же требованіямъ.

Разъясненіе того, въ какомъ отношеніи стояло и стоитъ къ цивилизаціи наше племя, есть одна изъ задачъ нашего историческаго изученія, имѣющихъ существенную важность для сознательнаго пониманія нашего общественнаго положенія. Имѣло ли изстари наше племя задатки развитія, какіе отличаютъ племена культурныя; чѣмъ объясняется его удаленіе отъ европейскаго развитія въ средневѣковую эпоху; какой путь необходимъ нашей образованности для истиннаго національнаго блага—все это вопросы глубокой важности и въ чисто научномъ интересѣ и въ практическомъ общественномъ смыслѣ. Наше историческое изученіе, слишкомъ занятое разработкой фактическихъ частностей, кажется, не потеряло бы, если бы посвящало имъ больше вниманія.

Итакъ, въ началѣ историческаго изслѣдованія о судьбѣ нашей образованности является вопросъ о племени, его природныхъ свойствахъ, способности его къ развитію. Разсматривая нашъ національный типъ, нельзя опять принимать его какъ готовый въ какой-нибудь данный моментъ, только съ тѣми свойствами и въ тѣхъ отношеніяхъ, какія онъ тогда имѣлъ или считается имѣвшимъ. Онъ долженъ быть изучаемъ во всей своей исторіи, и исходная точка для его опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые его зачатки, происхожде-

[1]) Фрэнсисъ Гальтонъ, Наслѣдственность таланта. Спб. 1875, стр. 263 и д.

ніе народа, первоначальныя черты его культурнаго характера. Въ новѣйшемъ періодѣ развитія національнаго типа является вопросъ объ его отношеніи къ общечеловѣческой цивилизаціи. Эта цивилизація является критеріемъ, которымъ опредѣляется относительное значеніе національныхъ типовъ, и въ вопросѣ историческаго развитія получаетъ особенную важность отношеніе народа къ началамъ общечеловѣческой цивилизаціи, степень его способности (или его неспособность) усвоивать ее, быть дѣятельнымъ, сознательнымъ ея участникомъ и двигателемъ.

Если бы кто сомнѣвался въ этой способности славянства и въ частности русскаго народа по ихъ прошедшему, не представлявшему, за немногими исключеніями, особеннаго творческаго участія въ европейскомъ развитіи (сомнѣнія этого рода не одинъ разъ высказывались въ европейской литературѣ),—то исторія послѣднихъ столѣтій могла бы достаточно показать, что русское племя, вмѣстѣ съ славянствомъ, призваны быть участниками и дѣятелями общечеловѣческой цивилизаціи. Историческія изслѣдованія новѣйшей науки доказываютъ съ другой стороны, что, по самому племенному происхожденію и свойствамъ, славянское племя есть прямой потомокъ арійской расы, культурной по преимуществу, и находится въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ тѣми европейскими народами, которымъ со временъ классической древности и донынѣ принадлежитъ созданіе общечеловѣческой цивилизаціи.

Новѣйшая наука пришла однако къ послѣднему заключенію очень недавно, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Долгое отдѣленіе славянскаго и особенно русскаго міра отъ западно-европейскаго, національныя враждебныя столкновенія давно заставляли ихъ чуждаться другъ друга; обѣ стороны не признавали между собою ничего общаго. Старая память объ единствѣ ихъ происхожденія затерялась, кажется, еще до начала ихъ извѣстной исторіи. Древній лѣтописецъ, объясняя библейское преданіе и вѣроятно противополагая свой народъ азіатскимъ дикарямъ, причислялъ славянъ къ европейской системѣ народовъ, къ Іафетову племени; но впослѣдствіи, русскіе все больше отдалялись отъ этой системы, забывали Іафетово національное единство и, уже на чисто религіозномъ основаніи, охотнѣе считали себя на (православномъ) Востокѣ и становились враждебно къ (католическому) Западу. Въ свою очередь Западъ, исторія котораго велась въ кругу романо-германскихъ народовъ, не имѣя сношеній съ Россіей, почти забывалъ о ней; узнавалъ ее (особенно съ XVI-го вѣка) какъ вообще узнавали тогда невѣдомыя страны. Россія считалась въ Азіи; такъ какъ она занимала мѣсто древней Скиѳіи и Сарматіи,

на нее отчасти переносилось понятіе объ этихъ странахъ и народахъ, памятное изъ древнихъ писателей; на Россію смотрѣли точно на какое-то гуннское царство, народу ея еще долго приписывалось туранское происхожденіе; когда узнали о ней нѣсколько больше, католическая Европа враждебно смотрѣла на нее какъ на страну схизматическую; Европа ученая видѣла въ ней невѣжественную страну. Немногіе путешественники, разумно смотрѣвшіе на русскій народъ, какъ Герберштейнъ, не могли ослабить предубѣжденія, питаемаго противъ Россіи... Восемнадцатый вѣкъ ввелъ, наконецъ, Россію въ систему европейскихъ государствъ,— но только новѣйшая наука окончательно выяснила тѣснѣйшую племенную связь славянства съ европейскими народами, и раскрытіемъ его исторіи укрѣпила основаніе ихъ нравственной солидарности.

Слабые начатки сравнительнаго языкознанія въ концѣ прошлаго столѣтія уже дали неясное указаніе на это родство.—Прочное установленіе этой науки съ 1830-хъ годовъ поставило внѣ всякаго сомнѣнія это родство, и опредѣлило даже его значительную близость. Знаменитый Боппъ, который былъ истиннымъ основателемъ сравнительнаго языкознанія [1]), указавши единство европейскихъ народовъ въ арійскомъ корнѣ и древнѣйшій арійскій языкъ въ санскритѣ, приходилъ къ заключенію, что славянскій языкъ не только принадлежитъ къ тому же корню, но, изъ европейскихъ, находится въ самомъ близкомъ родствѣ къ санскриту. Рядъ новѣйшихъ филологовъ, совершившихъ трудныя и остроумныя изысканія надъ формами и лексическимъ составомъ языковъ арійскаго корня, старался выяснить самый процессъ, какимъ возникло изъ перваго общаго источника все разнообразіе арійскихъ племенъ и языковъ, и ту послѣдовательность, въ которой шло ихъ постепенное выдѣленіе и образованіе.

Народъ никогда не помнитъ своего возникновенія, которое всегда остается для него или совершенно темно, или теряется въ миѳологическихъ генеалогіяхъ, созданныхъ въ болѣе позднія эпохи, и въ вопросѣ о выдѣленіи и образованіи арійскихъ племенъ и языковъ дѣло шло о такихъ временахъ, которыя не оставили никакихъ памятниковъ или записанныхъ извѣстій,—несмотря на то, новая наука нашла возможнымъ бросить нѣкоторый свѣтъ на эти загадочныя событія: какъ геологія возстановляетъ исторію земли по наслоеніямъ формацій и сохраненнымъ ими органическимъ остаткамъ, такъ языкознаніе умѣло напасть на историче-

[1]) Его „Сравнительная грамматика“ арійскихъ языковъ вышла въ 1833—1842 гг.

скую нить въ тѣхъ остаткахъ древности, которые сохранились въ извѣстныхъ теперь формахъ и наслоеніяхъ языковъ арійскаго племени. Изученіемъ формъ и лексическаго состава языковъ сравнительное языкознаніе доказало прежде всего, что славянское племя принадлежитъ къ той индо-европейской или арійской расѣ, которая, по своимъ умственнымъ дарованіямъ, достигла всемірно-историческаго значенія и является главною двигательною силой современной цивилизаціи. За первымъ общимъ выводомъ слѣдовалъ длинный рядъ замѣчательныхъ трудовъ, по преимуществу нѣмецкихъ, гдѣ реставрація древности поведена была дальше. Положивъ основаніе исторіи языка, наука пыталась возстановить первоначальное культурное состояніе кореннего племени, вѣроятный процессъ развѣтвленія народовъ изъ одного стараго корня, вѣроятный видъ и составъ языковъ, миѳовъ, быта и пр. И до сихъ поръ остается въ этомъ вопросѣ много неяснаго, въ выводахъ ученыхъ много предположительнаго; но во всякомъ случаѣ уже теперь достигнуты результаты, не подлежащіе сомнѣнію, а дальнѣйшія изученія, конечно, должны еще расширить эти результаты. Родиной того пра-языка, отъ котораго произошли языки арійскихъ племенъ, принимается бóльшею частію ученыхъ центральная верхняя Азія, — откуда племена разошлись потомъ, одни на юго-востокъ, въ Индію, другія на западъ; послѣднія стали родоначальниками европейскихъ племенъ. Таковъ выводъ, принимаемый большинствомъ изслѣдователей; но не всѣ, однако, соглашаются признать здѣсь родину арійскихъ племенъ. Не такъ давно было высказано мнѣніе, имѣющее на своей сторонѣ также не одного замѣчательнаго ученаго, — по которому этой родиной была не Индія, а Европа, такъ что славянское племя было бы въ такомъ случаѣ туземнымъ. Англичанинъ Латамъ, высказавшій это мнѣніе въ 50-хъ годахъ, нашелъ союзниковъ въ нѣмецкихъ ученыхъ [1]; они основывали свой взглядъ, главнымъ образомъ, на фактахъ языка, и отчасти на физіологическихъ соображеніяхъ. Именно, сравнивая общій арійскій запасъ словъ, находятъ, что для обозначенія главнѣйшихъ азіатскихъ хищныхъ звѣрей (какъ левъ и тигръ, и также верблюдъ) въ арійскихъ языкахъ нѣтъ одного общаго названія,—что́ должно бы быть, еслибы первоначальный источникъ этихъ языковъ былъ азіатскій; — а съ другой стороны оказывается согласіе въ обозначеніи нѣкоторыхъ родовъ деревьевъ, по преимуществу европейскихъ (какъ береза, букъ, дубъ, и нѣко-

[1]) Какъ Бенфей, Шпигель, Гейгеръ и др.

торые роды хлѣба) и есть указанія на климатическія условія, которыя не совсѣмъ подходятъ къ предполагаемой азіатской родинѣ. Указываютъ кромѣ того на внѣшнія свойства племенъ, господство бѣлокураго типа, который именно и удержался всего яснѣе на европейской родинѣ. Думаютъ наконецъ, что легче предположить одинъ случай выселенія одной группы въ Азію, чѣмъ рядъ выселеній изъ Азіи въ Европу (какъ должно предполагать, принимая родину арійскихъ племенъ въ Азіи).

Послѣдователи господствующаго мнѣнія приводили противъ этого взгляда весьма вѣскія возраженія. Указываютъ, напримѣръ, обстоятельство, не объяснимое при этомъ взглядѣ, именно, что языки старой Индіи и старой Бактріи (санскритъ и зендъ), за которыми всѣ согласно признаютъ наибольшую чистоту и совершенство древнихъ элементовъ, едва ли бы могли сохранить эти качества, еслибы индійцы и иранцы отдѣлились прежде всѣхъ отъ кореннаго племени и сдѣлали далекій путь изъ Европы въ Иранъ и Индію; первобытная форма, наиболѣе чистая и близкая къ древнѣйшему языку, должна была сохраниться и географически всего ближе къ первобытному жилищу племени, и это очевидно говоритъ за Азію, какъ родину арійцевъ. До сихъ поръ это послѣднее мнѣніе имѣетъ за себя гораздо больше доказательствъ.

Чтобы выяснить исходную точку, отъ которой отправлялось дальнѣйшее выдѣленіе племенъ и языковъ, сравнительное языкознаніе старалось опредѣлить языкъ древнѣйшихъ аріевъ. Этого хотѣли достигнуть (конечно, гипотетически) такимъ образомъ, что изъ позднѣйшаго разнообразія отдѣльныхъ языковъ выдѣляли черты, которыя оказывались общи имъ всѣмъ и, слѣдовательно, должны были принадлежать языку основному. Этимъ путемъ, и цѣной усиленныхъ и кропотливыхъ изслѣдованій возстановлены были вѣроятныя грамматическія формы и словарь первобытнаго арійскаго языка,—языка европейскихъ племенъ на ихъ азіатской родинѣ. Словарь, составленный путемъ изученія каждаго отдѣльнаго корня, который оказывался проходившимъ черезъ всѣ индо-европейскіе языки, этотъ словарь долженъ былъ заключать въ себѣ и указанія о степени культуры арійскихъ племенъ въ ту эпоху, когда они еще жили въ своемъ первобытномъ союзѣ. Возстановленный такимъ образомъ арійскій пра-языкъ представляетъ древнѣйшую форму всѣхъ тѣхъ языковъ, какіе изъ него произошли, слѣдовательно, древнѣйшую форму и славянскаго, и германскаго, и греческаго языка и т. д., которыхъ зародыши тогда въ немъ заключались.

Литература вопроса о древне-арійскомъ языкѣ и цивилизаціи уже теперь весьма значительна. Сравнительное изученіе индоевропейскихъ языковъ постоянно приводило изслѣдователей къ вопросу о первоначальномъ источникѣ того или другого корня, и такимъ образомъ мало-по-малу опредѣлялся рядъ древнихъ коренныхъ словъ, извѣстныхъ всѣмъ новѣйшимъ языкамъ и восходившихъ до древне-арійскаго источника. Не входя въ подробности, довольно упомянуть, что главные труды по этой реставраціи древне-арійскаго языка принадлежали Шлейхеру, одному изъ замѣчательнѣйшихъ представителей сравнительнаго языкознанія, который въ особенности примѣнялъ общее изслѣдованіе и къ исторіи славянскихъ нарѣчій. Одна изъ работъ его въ этомъ направленіи явилась на русскомъ языкѣ [1]). Сюда примыкаютъ и труды Курціуса (особенно въ примѣненіи къ исторіи греческаго языка), Гейзе, Штейнталя, Гейгера. Въ связи съ исторіей быта и миѳологіи надъ этимъ же вопросомъ работали много другихъ замѣчательныхъ представителей новой науки, какъ знаменитый Яковъ Гриммъ, Максъ Мюллеръ, Бенфей, Пиктé, А. Кунъ и пр., и пр. Наконецъ, всѣ эти предварительныя изслѣдованія дали возможность обобщенія, которое явилось въ формѣ настоящаго словаря древнѣйшаго арійскаго языка и словаря главныхъ его отраслей въ ихъ древнѣйшей формѣ [2]).

Параллельно съ этимъ шли другія разнообразныя изслѣдованія далекой древности, которыя освѣщали также и древность арійскую и славянскую.

Таковы изслѣдованія о геологическихъ древностяхъ, свидѣтельствующихъ о первобытномъ населеніи Европы, о свайныхъ постройкахъ и т. п.; о такъ-называемомъ «каменномъ», «бронзовомъ» и «желѣзномъ» вѣкѣ, которые уже прямо касаются арійскихъ племенъ Европы [3]). Таковы другія любопытныя изслѣдова-

---

[1]) „Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ", въ Запискахъ Акад. Наукъ, т. VIII, 1865.

[2]) Aug. Fick, „Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache", Gött. 1868. Теперь выходитъ третье, очень распространенное изданіе этого словаря. Тому же автору принадлежитъ изслѣдованіе: „Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europa's", Gött. 1873; о немъ скажемъ далѣе.

[3]) Въ нашей литературѣ по этому предмету есть, кажется, одно только изслѣдованіе г. Котляревскаго: „Металлы и ихъ обработка въ до-историческую эпоху у племенъ индо-европейскихъ" („Древности", труды моск. археологич. общества. М. 1865). Въ славянской (чешской) литературѣ лучшіе труды этого рода принадлежатъ Воцелю. Недавно, одно изъ его археологическихъ сочиненій явилось, въ переводѣ г. Задерацкаго, и на русскомъ языкѣ: „Древнѣйшая бытовая исторія славянъ и чеховъ въ особенности". Кіевъ, 1875.

нія по такъ-называемой матеріальной археологіи, которая съ помощью историческихъ данныхъ и сравнительнаго языкознанія старается возстановить ходъ внѣшней культуры,—какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, г. Генъ въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ о «Культурныхъ растеніяхъ и домашнихъ животныхъ», о «Соли» [1]. Таковы изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ народовъ, археологія миѳовъ, преданій, народной поэзіи, обычнаго права, — та область изысканій, гдѣ геніальнымъ руководителемъ былъ Як. Гриммъ. Наконецъ, изслѣдованія, относящіяся прямо къ славянской древности и языку: труды Шафарика, Палацкаго, Миклошича, главные труды русскихъ славистовъ и археологовъ такъ извѣстны, что нѣтъ надобности особо ихъ указывать.

Обстоятельный обзоръ того, что̀ сдѣлано было до сихъ поръ для объясненія древнѣйшей исторіи славянства, и главные результаты читатель можетъ найти въ книгѣ западно-славянскаго ученаго Крека [2].

Мы укажемъ въ немногихъ словахъ главные выводы, къ которымъ пришли изслѣдованія сравнительной филологіи.

Итакъ, родину древне-арійскаго племени и языка полагаютъ въ Азіи. Система звуковъ этого языка, по общему мнѣнію ученыхъ, была очень проста, но, несмотря на простоту звуковъ, формы языка были очень богаты и ясно образованы [3].

На основаніи реставрированнаго словаря языкознаніе старалось возстановить и степень цивилизаціи первобытнаго народа — трудъ, исполненный величайшаго интереса, потому что никакіе письменные памятники не достигали этой далекой древности [4]. Эти изслѣдованія получаютъ и для насъ ту важность, что культурныя отношенія первобытнаго арійскаго народа представляютъ собой и самую раннюю ступень славянской цивилизаціи—ту ступень, съ которою славяне вышли изъ древне-арійскаго союза, которая и для нихъ, какъ для другихъ европейскихъ племенъ, была исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія.

Эта древне-арійская цивилизація была уже далеко не первобытная. Во-первыхъ, мы находимъ здѣсь уже ясно опредѣленный семейный союзъ, въ которомъ вообще заключается зародышъ об-

---

[1] Первое изъ этихъ сочиненій вышло и на русскомъ языкѣ, Спб. 1872.

[2] „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden". Von Dr. Gregor Krek. Graz, 1874.

[3] Шлейхеръ сдѣлалъ научный tour de force, реставрировавши такимъ образомъ одну басню на древне-арійскомъ языкѣ.

[4] Ср. W. Dw. Whitney, „Language and the Study of Language", 2 ed. Lond. 1868, стр. 205 и д.

щественнаго устройства; этотъ союзъ обнимаетъ не только ближайшихъ членовъ семьи, но и болѣе отдаленное родство; между прочимъ находятъ указанія, что вдова не была осуждаема на смерть, какъ это сдѣлалось потомъ обычаемъ въ Индіи. Слова, обозначавшія родство, вообще съ наивной живописностью передаютъ бытовыя отношенія. Занятіемъ древнѣйшаго племени было скотоводство и очень первобытное земледѣліе съ кочевымъ характеромъ. Главныя изъ домашнихъ животныхъ были уже извѣстны; изъ дикихъ звѣрей есть названія только для немногихъ (какъ волкъ, медвѣдь, заяцъ); и вообще замѣчаютъ, что обыкновенно въ древне-арійскомъ языкѣ можно указать только слова для болѣе мирныхъ занятій, тогда какъ слова для дѣятельности болѣе воинственной принадлежатъ уже позднѣйшимъ поколѣніямъ, тому періоду, когда племена уже отдѣлились отъ корня и вели раздѣльную жизнь. Домашній скотъ составлялъ главное богатство, главную пищу и главное средство для мѣны, вмѣсто неизвѣстныхъ еще денегъ; и любопытно, что по раздѣленіи племенъ, когда нужно было пріискать названія для денегъ, то въ разныхъ языкахъ, уже очень несходныхъ, эти названія опять заимствованы были одинаково отъ скота [1]).

Древнѣйшій арійскій народъ уже имѣлъ понятіе объ общинной связи и о власти, причемъ слово, означавшее первоначально пастуха, въ позднѣйшемъ употребленіи стало означать защитника, наконецъ царя,—какъ у Гомера царь постоянно является какъ «пастухъ народовъ». Для защиты отъ враговъ семьи соединялись подъ начальство одного вождя; оружіемъ были лукъ, копье, щитъ; въ домѣ дверь запиралась такъ, чтобы выдержать нападеніе; для защиты служили и заборы.

Въ числѣ породъ обработываемаго хлѣба былъ несомнѣнно овесъ и вѣроятно рожь, которую умѣли молоть и печь хлѣбъ; пищей служило и мясо домашнихъ животныхъ. Вино было еще неизвѣстно, но былъ какой-то опьяняющій напитокъ, имѣвшій отношеніе къ жертвоприношеніямъ. Было уже умѣнье ткать, плести, шить; извѣстно было изготовленіе простѣйшихъ орудій. Изъ металловъ очень извѣстно было золото, вѣроятно также мѣдь и серебро; но не желѣзо. Языкъ древне-арійцевъ имѣетъ слова для обозначенія разныхъ породъ деревьевъ, разныхъ цвѣтовъ; извѣстно было судоходство, но «море» было неизвѣстно древне-арійцамъ, въ чемъ между прочимъ находятъ новое доказатель-

---

[1]) Извѣстныя слова: лат. pecunia, отъ pecus; нѣм. Schatz; старо-слав. „скотъ" въ смыслѣ денегъ, и т. п.

ство того, что они жили внутри азіатскаго материка. Письма не знали, и оно уже гораздо позднѣе было занято у семитовъ.

Объ умственномъ развитіи арійцевъ можно судить по тому, что въ счетѣ они употребляли уже десятичную систему; числа они знали до ста, и могли считать сотнями. Относительно ихъ понятій въ правѣ трудно сдѣлать какія-нибудь опредѣленія; замѣчаютъ, что у арійскихъ племенъ нѣтъ общаго слова для обозначенія «закона», что слова, выражающія у нихъ это понятіе, имѣли первоначально другое значеніе;—впрочемъ, наше понятіе закона и права слишкомъ отвлеченно для первобытныхъ ступеней цивилизаціи. У древне-арійцевъ положены были и основанія религіи. Божествомъ ихъ было небо, которое представлялось какъ «свѣтящее», и отъ котораго исходилъ и зависѣлъ свѣтъ, теплота и жизнь. Другія явленія природы, благопріятныя и неблагопріятныя, также занимали въ этой религіи свое мѣсто; но сравнительная миѳологія еще не успѣла ясно опредѣлить ихъ значеніе.

На такой, приблизительно, ступени стояло древне-арійское племя въ ту пору, когда еще не выдѣлялись изъ него вѣтви, давшія начало позднѣйшимъ особымъ народамъ. Само собою разумѣется, что эта ступень, уже довольно далекая отъ собственно дикаго быта, не была первою ступенью этого племени; она только первая, до которой достигаютъ преданія языка; на дѣлѣ, и она была уже плодомъ предшествовавшаго развитія—какъ и самый языкъ дошелъ до своей древне-арійской формы только черезъ другія, болѣе первобытныя формы [1]). Но позднія арійскія племена, племена второй формаціи, пережили еще въ общемъ союзѣ древнѣйшую пору цивилизаціи: такимъ образомъ онѣ не знали грубѣйшихъ формъ быта, и начали свою отдѣльную жизнь уже съ извѣстнымъ запасомъ культурныхъ знаній.

Какъ долго древне-арійскій языкъ существовалъ въ этой нераздѣльности,—для рѣшенія этого вопроса сравнительное языкознаніе не имѣетъ пока никакихъ средствъ; оно не можетъ ска-

---

[1]) Всѣ вообще языки дѣлятся (по взгляду, который выставленъ былъ первоначально Фр. Шлегелемъ, но особенно развитъ В. Гумбольдтомъ, Поттомъ и Шлейхеромъ) по морфологическимъ особенностямъ на три группы: односложные, какъ китайскій; сложные или приставочные (agglutinirende); и наконецъ флектирующіе, т.-е. имѣющіе измѣненія формъ. Арійскіе языки принадлежатъ къ послѣдней группѣ, которая представляетъ такимъ образомъ высшую организацію языка. Но ученые съ вѣроятностью думаютъ, что эта форма не всегда принадлежала арійскому языку и что, напротивъ, онъ перешелъ сначала обѣ первыя формы, болѣе первобытныя и грубыя, и затѣмъ уже пріобрѣлъ свою послѣднюю флектирующую организацію, представляющую высшее развитіе языка.

зать, какой періодъ времени требовался для развитія извѣстныхъ формъ языка, какія условія ускоряли или замедляли его и т. д. Но дѣленіе, наконецъ, произошло, по всей вѣроятности такъ, какъ это совершалось впослѣдствіи надъ отдѣльными языками. Въ первоначальномъ языкѣ, какъ въ самомъ племени, начинали появляться мѣстныя отличія, которыя расширялись потомъ въ отдѣльные говоры и нарѣчія, и наконецъ выростали въ совершенно отдѣльные языки,—такъ что различные отдѣлы племени переставали понимать другъ друга. Такое развитіе нарѣчій могло начаться еще на древней родинѣ, но наибольшее раздѣленіе происходило по всей вѣроятности тогда, когда самыя племена разселялись, утверждали жилища въ различной обстановкѣ климата, природы и, слѣдовательно, быта: новыя физическія условія съ теченіемъ времени оказывали вліяніе на самые органы рѣчи, а слѣдовательно на весь фонетическій характеръ языка (такъ вообще европейскіе языки потеряли древнюю арійскую простоту гласныхъ звуковъ, и стали употреблять звуки сложные, двугласные и т. д.); вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись самыя формы, которыя, кромѣ того, забывались, теряли свое прежнее богатство, искажались; старые корни утрачивали свой древній смыслъ и продолжали развиваться съ новыми значеніями; новыя потребности создавали и новыя слова, и т. д.,—такъ что, въ концѣ-концовъ, развитіе звуковое и лексическое получали совсѣмъ иное, отличное направленіе, которое все болѣе и болѣе разобщало племена и нарѣчія между собой, и новые ростки заслонили наконецъ первоначальный корень.

О томъ, въ какой послѣдовательности совершалось выдѣленіе арійскихъ языковъ, существуютъ различныя мнѣнія, которыя одинаково опираются пока только на вѣроятныхъ соображеніяхъ. Вопросъ чрезвычайно трудный, потому что единственнымъ основаніемъ для его рѣшенія остаются опять одни остатки языка, безъ всякой помощи фактической исторіи. Основаніемъ для его приблизительнаго рѣшенія служитъ наблюденіе относительной близости или отдаленности между собою исторически извѣстныхъ языковъ. Напримѣръ, если замѣчается, что славянскій языкъ гораздо ближе къ литовскому, чѣмъ къ греческому, то изъ этого самъ собою представляется выводъ, что славянское племя позднѣе разошлось съ литовскимъ, чѣмъ съ греческимъ, или что въ тѣ времена, когда выдѣлялся греческій языкъ, было еще цѣльное литовско-славянское племя, которое уже только послѣ раздѣлилось опять на литву и славянъ. Но послѣдовательное проведеніе этого пріема представляетъ многоразличныя трудности, до сихъ поръ

не побѣжденныя наукой — потому что во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ арійскихъ языковъ представляется множество случаевъ сходства и несходства, на основаніи которыхъ возможенъ цѣлый рядъ весьма различныхъ комбинацій. Въ настоящее время распространены въ особенности двѣ гипотезы относительно хронологической и генетической послѣдовательности арійскихъ языковъ.

По одной изъ этихъ гипотезъ, о послѣдовательности выдѣленія племенъ можно заключать по сохраненію въ языкѣ первобытныхъ, древнихъ чертъ; такъ что чѣмъ больше языкъ отдѣлившагося народа представляетъ подобныхъ слѣдовъ древности, тѣмъ позднѣе должно было произойти его отдѣленіе отъ корня. Такимъ образомъ прежде всего оказывается преимущество древности за старо-индійскимъ и иранскимъ (азіатскій отдѣлъ) — въ противоположность всѣмъ другимъ арійскимъ языкамъ; далѣе, оказывается относительная древность кельтскаго, италійскаго и греческаго (южно-европейскій отдѣлъ), передъ германскимъ, литовскимъ и славянскимъ (сѣверно-европейскій отдѣлъ), такъ что эти послѣдніе языки стоятъ по древности въ послѣднемъ ряду. Изъ этого заключали, что германо-лето-славянскій, или сѣверно-европейскій отдѣлъ прежде всего выдѣлился изъ общаго союза и предпринялъ свое странствованіе на западъ, за нимъ послѣдовалъ южно-европейскій, а отдѣлъ азіатскій (индо-иранскій) всего дольше остался въ первобытныхъ жилищахъ и сохранилъ всего больше древняго. Но два послѣдніе отдѣла обнаруживаютъ столь ясные слѣды ближайшаго родства, что *до* образованія южно-европейскаго (греко-итало-кельтскаго, или пелазго-кельтскаго) отдѣла предполагаютъ еще азіато-южно-европейскій основной языкъ, изъ котораго образовались упомянутые языки обыкновеннымъ развитіемъ. Затѣмъ, въ неравные періоды времени произошло дальнѣйшее дѣленіе. Изъ азіатскаго основного языка—индійскій и иранскій; изъ южно-европейскаго—греческій и итало-кельтскій, и изъ послѣдняго—италійскій и кельтскій; изъ сѣверно-европейскаго основнаго языка—германскій и славяно-литовскій, и затѣмъ изъ послѣдняго—славянскій (родоначальникъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій) и литовскій. Самые народы расположены географически такимъ образомъ, что чѣмъ западнѣе находится народъ, и, слѣдовательно, чѣмъ дальше отъ древне-арійской родины, тѣмъ меньше языкъ его заключаетъ остатковъ древности, тѣмъ своеобразнѣе вообще его строеніе.

Другая гипотеза ставитъ вопросъ нѣсколько иначе. Она принимаетъ *до* образованія упомянутаго сѣверно-европейскаго отдѣла

(германо-лето-славянскаго) еще одну древнюю ступень — европейскій основной языкъ. По этой гипотезѣ, древне-арійскій раздѣлился первоначально на два главные отдѣла: восточный (азіатскій) и западный (обще-европейскій)—такъ что между европейскими языками предполагается тѣсная связь, и всѣ они вмѣстѣ рѣзко отличаются отъ азіатской (индійско-иранской) группы, какъ особый отдѣлъ, между прочимъ отличенный бо́льшей даровитостью и въ культурномъ отношеніи, — а та азіато-южно-европейская ступень, какая принимается въ первой гипотезѣ, здѣсь совершенно отпадаетъ. Общеевропейскій основной языкъ дѣлится на сѣверный и южный отдѣлъ, и греческій языкъ является между ними какъ посредствующее звено.

Вторая изъ приведенныхъ гипотезъ имѣетъ больше послѣдователей и, быть можетъ, больше научныхъ основаній. Изъ другихъ мнѣній объ этомъ предметѣ замѣтимъ еще два любопытныя по отношенію къ славянству,—во-первыхъ, мнѣніе Боппа, который думалъ, что отдѣленіе лето-славянскаго отъ восточно-арійской отрасли произошло позднѣе, чѣмъ отдѣленіе другихъ европейскихъ языковъ; и во-вторыхъ, недавно высказанное мнѣніе Іог. Шмидта, который, въ противоположность приведеннымъ гипотезамъ, не принимаетъ рѣзко отдѣленныхъ группъ языковъ, а думаетъ напротивъ, что развитіе арійскихъ языковъ шло вообще волнообразными линіями, такъ что языки не разграничивались одинъ отъ другого рѣзкими чертами, а напротивъ, сливались между собою посредствующими звеньями,—такъ что, напр., лето-славянскій языкъ, который изъ европейскихъ языковъ всего ближе къ нѣмецкому, но въ то же время тѣсно связанъ съ восточно-арійскимъ, такимъ образомъ служитъ переходною ступенью отъ нѣмецкаго къ восточно-арійскому, или отъ европейской вѣтви аріевъ къ вѣтви азіатской [1]). Опроверженію этой теоріи посвящена значительная доля упомянутой книги Авг. Фика о прежнемъ единствѣ языка у европейскихъ индо-германцевъ,—гдѣ онъ совершенно отвергаетъ предполагаемую связь лето-славянскаго съ восточно-арійскимъ, и, напротивъ, вполнѣ причисляетъ этотъ языкъ къ европейской группѣ [2]).

---

[1]) Joh. Schmidt, „Die Verwandschaftsverhältnisse der Indo-germanischen Sprachen". Weimar, 1872.

[2]) Но рядомъ съ этими изысканіями, надъ которыми работали главнѣйшіе представители сравнительнаго языкознанія, слѣдуетъ упомянуть и о недовѣрчивомъ взглядѣ Макса Мюллера, который находитъ невозможными эти попытки сравнительнаго языкознанія выводить хронологію и генеалогію языковъ. Его слова могутъ служить

Но какъ бы то ни было, при всемъ различіи мнѣній о томъ, въ какомъ порядкѣ и съ какими особенностями шло выдѣленіе арійскихъ языковъ, изслѣдователи согласны въ томъ, что языки сѣверно-европейскіе — германскій, славянскій и литовскій — составляютъ отдѣльную группу, несомнѣнно и тѣсно родственную. Они указали особенности звуковъ и формъ, которыя отдѣляютъ эту группу отъ остальныхъ, и, принадлежа всѣмъ тремъ названнымъ языкамъ, даютъ возможность предполагать, что существовалъ нѣкогда отдѣльный сѣверно-европейскій языкъ, изъ котораго потомъ развились германскій, литовскій и славянскій. Относительно древне-арійскаго, этотъ сѣверно-европейскій языкъ многое потерялъ, много произвелъ новаго въ звукахъ и формахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и такія черты древности, какія не находятся въ другихъ группахъ. Въ лексическомъ составѣ замѣтно, противъ первоначальной ступени, расширеніе умственнаго горизонта.

Когда началось дѣленіе въ самой группѣ, то первоначально, какъ утверждаютъ очень вѣроятно, она разбилась на два отдѣла — германскій и литовско-славянскій, такъ какъ оба послѣдніе языка

примѣромъ осторожности, которая не оставляетъ однако нѣмецкой филологической науки.

„...Во всѣхъ наукахъ очень важно ставить правильно задачи,—говоритъ онъ.— Исканіе ближайшихъ отношеній между множествомъ независимыхъ діалектовъ, чтобы строить на нихъ историческіе выводы относительно развѣтвленія народовъ, кажется мнѣ, по самой сущности дѣла, безплоднымъ. Мы очень хорошо знали прежде, что всѣ арійскіе діалекты находились въ тѣсномъ родствѣ; теперь, когда собрано множество спеціальныхъ сходствъ между каждыми двумя языками, мы знаемъ, что

Славянскій очень близокъ къ нѣмецкому (Гриммъ, Шлейхеръ)
Нѣмецкій очень близокъ къ кельтскому (Эбель, Лоттнеръ)
Кельтскій очень близокъ къ латинскому (Ньюманъ, Шлейхеръ)
Латинскій очень близокъ къ греческому (Моммзенъ, Курціусъ)
Греческій очень близокъ съ санскритскому (Гроссманъ, Зонне, Кернъ)
Санскритскій очень близокъ къ зендскому (Бюрнуфъ),

не говоря уже о другихъ второстепенныхъ случаяхъ родственности; т.-е., если можно примѣнить здѣсь математическія дѣйствія, мы знаемъ въ концѣ, чтó знали въ началѣ, — что всѣ эти языки очень близки между собою,—и узнали мы только то, что отдѣльные діалекты арійскаго языка не *послѣдовательной очередью* (successive) отдѣлялись одинъ отъ другого, но что они, послѣ долгой общей жизни, медленно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже одновременно, выступали изъ старой родственной связи и получали свою особую національную независимость. Теперь по-крайней-мѣрѣ, это—единственное, чтò можно сказать съ спокойной совѣстью и чтò всего лучше согласуется съ ходомъ развитія другихъ діалектовъ“... (Ueber die Resultate der Sprachwissenschaft, Strassburg, 1872, стр. 20—21).

Нѣкоторые изъ этихъ попытокъ могутъ быть еще рановременны; но общая ихъ возможность одинакова напр. съ возможностью сравнительной миѳологіи, которой и Максъ Мюллеръ не отвергаетъ.

опять представляютъ особенности, имъ одинаково общія и одинаково отличныя отъ германскаго. И здѣсь, какъ прежде, литовско-славянскій въ иныхъ случаяхъ утратилъ древнія черты, въ другихъ, напротивъ, сохранилъ ихъ больше, чѣмъ германскій. Большая близость литовскаго съ славянскимъ указываетъ на продолжительное сосѣдство: и то, и другое извѣстно, на значительномъ пространствѣ времени, и изъ свѣдѣній, записанныхъ исторіей. Но наконецъ разрѣшилась и эта связь, и славянскій языкъ выдѣлился въ особое цѣлое, и въ свою очередь сталъ основнымъ языкомъ для многоразличныхъ нарѣчій, существующихъ въ настоящее время, и нѣсколькихъ другихъ, уже вымершихъ, какъ нарѣчія балтійскія и полабскія.

Вопросъ о мѣстѣ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній въ Европѣ до сихъ поръ представляетъ не мало темнаго. По тому порядку, въ какомъ представляютъ развитіе языковъ, славяне искони должны были находиться ближе къ азіатской родинѣ, чѣмъ германцы, и слѣдовательно на востокъ отъ нихъ. Полагаютъ, что первоначальнымъ гнѣздомъ славянскаго племени была мѣстность между верховьями Дона и Днѣпромъ, и за Днѣпръ къ восточному берегу Балтійскаго моря и къ средней Вислѣ, и на югъ не далѣе Припети. Впослѣдствіи, ихъ разселеніе направилось въ сѣверномъ, южномъ и западномъ направленіяхъ,—въ эпохи, которыя однако очень трудно опредѣлить. На сѣверѣ и востокѣ расположены были финскія племена; на югѣ до Чернаго моря скитались орды не арійскаго происхожденія, которыя вытѣснены были изъ своихъ жилищъ скиѳами и сарматами, послѣдними арійскими пришельцами въ Европѣ [1]).

Когда славянское племя заняло свое мѣсто въ указанной области, рѣшить трудно, почти невозможно, по недостатку какихъ-нибудь положительныхъ историческихъ указаній. Приблизительную эпоху славянскаго поселенія въ Европѣ старались, между прочимъ, опредѣлить и по даннымъ матеріальной археологіи, по изслѣдованіямъ памятниковъ такъ-называемаго «каменнаго» и «бронзоваго» вѣка въ Европѣ, — и хотя эта археологія едва ли имѣетъ до сихъ поръ весь нужный матеріалъ, ученые дѣлали выводъ (согласный, впрочемъ, и съ указаніями исторіи языка),

---

1) Вопросъ о скиѳахъ до послѣдняго времени не пришелъ ни къ какому рѣшительному заключенію; прежніе ученые считали ихъ то монголами, то финнами; славянскіе историки (а также и нѣкоторые русскіе) видѣли въ нихъ, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ихъ отдѣлахъ, — славянъ. Едва ли не болѣе вѣроятно мнѣніе, принимающее скиѳовъ за иранское племя. Но вообще вопросъ требуетъ еще изслѣдованій, и въ историческихъ свидѣтельствахъ и въ археологическихъ памятникахъ.

что славянъ еще не было въ Европѣ въ продолженіе европейскаго бронзоваго періода, что они пришли сюда уже съ знаніемъ металловъ: золота, серебра и мѣди (или бронзы, т.-е. мѣди, смѣшанной съ оловомъ). Желѣзо еще во времена Геродота было извѣстно грекамъ понтійскихъ колоній и ихъ сосѣдямъ, скиѳамъ: у славянъ этотъ металлъ (называемый одинаково по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ) былъ извѣстенъ еще въ періодъ ихъ цѣльнаго союза. Изъ всего этого заключаютъ, что славяне, пришедшіе въ Европу уже съ извѣстной культурой, встрѣтили въ мѣстахъ своего поселенія или пустыню, или племена туземцевъ, употреблявшихъ еще каменныя орудія и поэтому стоявшихъ, вѣроятно, на очень невысокой ступени развитія [1]). Славяне заняли страну, покрытую рѣками и лѣсами, и первоначальная очистка почвы и постепенное расширеніе своей области должны были занять неопредѣленно продолжительное время, въ теченіе котораго славяне могли оставаться скрытыми отъ исторіи.

Хронологическій вопросъ очень трудно рѣшать и по даннымъ языка,—которыя по крайней мѣрѣ даютъ факты для заключеній о состояніи ихъ культуры. Исходнымъ историческимъ пунктомъ, когда славянъ можно считать обитателями указанной мѣстности, полагаютъ время не позже V-го вѣка до Р. Х., и гораздо ранѣе, чѣмъ скиѳы и сарматы заняли берега Понта Эвксинскаго и сосѣднія земли. На основаніи данныхъ, представляемыхъ исторіей языка, думаютъ, что славяне въ это время не только жили здѣсь какъ отдѣльный народъ, выдѣлившійся отъ литвы, но что въ средѣ этого народа уже намѣчено было дѣленіе на тѣ двѣ отрасли (сѣверо-восточно-южную и западную), изъ которыхъ развились потомъ двѣ главныя группы славянскихъ племенъ и нарѣчій.

Мы указывали прежде, какими средствами языкознаніе достигаетъ опредѣленія культурнаго состоянія: это—изученіе лексическаго состава языковъ. Это изученіе было примѣнено и къ древнеславянскому языку. Масса словъ одного корня и образованія, какая встрѣчается въ разныхъ діалектахъ, не допускаетъ возможности случайнаго совпаденія, и необходимо должна быть отнесена къ періоду ихъ общаго союза: эти слова должны, конечно, указывать на существованіе обозначаемыхъ ими предметовъ и понятій въ пору общаго союза. Эти слова—или составляютъ обще-арійское наслѣдіе, и слѣд. указываютъ на ступень развитія, существовавшую еще до образованія отдѣльнаго славянства;—или они являются уже новымъ, спеціально славянскимъ произведеніемъ, и

---

[1]) Котляр., Металлы, стр. 69; Krek, Einleitung, стр. 37—38.

въ такомъ случаѣ обозначаютъ ступень, добытую самимъ племенемъ, и его спеціальную принадлежность; или иногда (относительно этого періода въ немногихъ примѣрахъ) это бываютъ слова, хотя и арійскія, но заимствованныя у другихъ племенъ,— и тогда они указываютъ на внѣшнія вліянія, приносившія новыя понятія; или наконецъ, не маловажнымъ отрицательнымъ указаніемъ бываетъ самое отсутствіе извѣстныхъ словъ, изъ котораго слѣдуетъ и отсутствіе тѣхъ понятій.

Собирая такого рода матеріалъ, находятъ, что славяне были народъ по преимуществу земледѣльческій. У нихъ издавна было распространено скотоводство, больше чѣмъ у родственныхъ имъ германцевъ; любимымъ занятіемъ было разведеніе пчелъ. Объ особенномъ распространеніи земледѣлія свидѣтельствуютъ общеславянскія названія земледѣльческихъ орудій и родовъ хлѣба, какъ «рожь», «пшеница», «ячмень», «овесъ», «просо» [1]; далѣе слова, какъ «жито», обозначающее у разныхъ славянъ именно тотъ сортъ хлѣба, который составляетъ главную пищу; названія огородныхъ растеній; слова—орать, сѣять, косить; серпъ, коса, мотыка, лопата, возъ; гумно, мельница, житница; мясо, молоко, овощъ; яблоко, груша, вишня, слива, орѣхъ. Былъ извѣстенъ особенный опьяняющій напитокъ, былъ «медъ»; но «вино» было заимствовано отъ германцевъ, которые сами узнали его изъ римской Галліи [2]. Изъ названій деревьевъ, общеславян-

---

1) Эти самыя названія—обще-славянскія.

2) Ср. Гена, „Культурныя растенія", стр. 21 и слѣд. Въ томъ же сочиненіи читатель можетъ найти любопытное изслѣдованіе о распространеніи пѣтуха у европейскихъ народовъ (стр. 179—189). Принимая по другимъ фактамъ, что пѣтухъ появился въ Греціи (съ востока) не ранѣе половины VI-го вѣка до Р. Х., авторъ полагаетъ, что къ сѣвернымъ племенамъ онъ перешелъ около V-го столѣтія, и на основаніи этого дѣлаетъ даже историческіе выводы, между прочимъ, и относительно тогдашняго положенія славянства.

Такъ, г. Генъ говоритъ, что около этого времени — „славяне и литовцы должны были уже быть раздѣленными, потому что различно называютъ пѣтуха.

„Славянскій народъ долженъ былъ тогда распадаться, на первоначальной почвѣ, на позднѣйшія группы: сѣверо-восточно-южную и западную, такъ какъ „пѣтелъ" (пѣтухъ) является *только* у первыхъ, kogut, kohut (пѣтухъ) преимущественно у послѣднихъ, между тѣмъ какъ первое слово лишь по значенію (пѣвецъ), но не по этимологіи, сходится съ литовскимъ, а можетъ быть и германскимъ.

„По отдѣленіи своемъ отъ литовцевъ, славяне должны были состоять въ связи, высказывающейся также и въ другихъ признакахъ, съ мидо-персидскими племенами (скиѳами, сарматами, будинами и аланами), что явствуетъ изъ другихъ указаній, такъ какъ обще-славянское „куръ", „кура", есть также и у персовъ: churu, churûh, churûs".

Но хронологическія предположенія автора остаются произвольны, и присутствіе обще-славянскаго слова недостаточно выяснено.

скому языку принадлежать — дубъ, липа, яворъ, букъ, верба, береза и т. п., деревья, принадлежащія именно той полосѣ, гдѣ предполагаются древнѣйшія европейскія жилища славянъ.

Особенное распространеніе земледѣлія показываетъ, что степень культуры общеславянскаго союза была уже довольно значительна, и заключала въ себѣ важное основаніе для дальнѣйшихъ успѣховъ. Когда земледѣліе становится главнымъ занятіемъ, бытъ племени получаетъ бо́льшую прочность, и укрѣпленіе домашнихъ связей ведетъ къ развитію общественнаго союза. На прочную осѣдлость указываетъ обширное число общеславянскихъ словъ для обозначенія «дома», «двора» съ различными принадлежностями постройки, — деревни («весь»). Для защиты служили «городъ», «окопъ»; оружіемъ были лукъ, стрѣлы, мечъ и т. д.

Относительно внутренняго быта племенъ, факты языка указываютъ существованіе той родовой общины, которая извѣстна и по древнѣйшимъ литературнымъ преданіямъ славянства, а также и по живымъ обычаямъ въ нѣкоторыхъ краяхъ славянскаго міра. Это—широко развитый патріархальный бытъ, съ властью главы семейства, или, по его смерти, выбраннаго старшины, съ нераздѣльной собственностью. Съ размноженіемъ общины часть ея выходила въ особое поселеніе, гдѣ возникало тоже устройство, съ новымъ старшиной. Общины назывались по имени родоначальника, или старшины (какимъ былъ или старшій по родству, или наиболѣе способный изъ родичей-общинниковъ),—чѣмъ объясняется безконечное множество мѣстныхъ названій во всемъ славянствѣ, происходящихъ изъ личныхъ именъ; или же по особенностямъ занятаго мѣста. Изъ многихъ общинъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ, составлялось «племя» и по связи съ мѣстностью—«землю» (въ тѣсномъ и болѣе широкомъ смыслѣ); племена образовали «народъ», «языкъ».

При этомъ устройствѣ, исходившемъ изъ патріархальнаго семейнаго начала, обезпечивались личныя права и личная свобода, — но мало обезпечивалась сила цѣлаго народнаго союза. Еще древніе писатели указывали особенную черту славянъ въ томъ, что они не терпятъ господства надъ собой одного человѣка: это было вообще устройство весьма демократическое,—но слишкомъ первобытное, обособленное, что́ и впослѣдствіи создавало между славянами крайнее разъединеніе и препятствовало образованію прочнаго государства.

Но патріархально-общинный бытъ получилъ чрезвычайно обширное развитіе: славянскій языкъ представляетъ до чрезвычайности обильную массу словъ для обозначенія родства — по пря-

мой и боковой линіи и до весьма далекихъ степеней родственности: эти названія показываютъ, что каждому родичу обезпечивалось принадлежавшее ему мѣсто въ родовой общинѣ и утверждалась его ближайшая связь съ общиной. Нѣкоторыя изъ этихъ названій, при измѣненіяхъ быта, вышли изъ употребленія; но все-таки большое число ихъ еще остается въ ходу въ народной жизни [1]).

Обще-славянскія названія существуютъ для простѣйшихъ ремеслъ; для названій одежды—«сукно» (какъ одежда), плащъ, риза, «рубъ»; для принадлежностей стройки и желѣзныхъ орудій—тесать, долото, клещи, сѣкира [2]).

Въ ариѳметическомъ счетѣ, славяне, еще находясь въ союзѣ съ германцами, дошли до «тысячи» (tausend). Ко временамъ славянскаго союза относятся и первыя юридическія опредѣленія, слѣдъ которыхъ остается, во-первыхъ, въ словахъ какъ «право», «правда», «законъ», «судъ»; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ и обычаяхъ юридическаго характера, восходящихъ до обще-славянской древности. Какъ любопытный фактъ — замѣчаютъ въ первобытномъ славянскомъ языкѣ отсутствіе словъ для обозначенія собственности и наслѣдства, въ позднѣйшемъ смыслѣ: ихъ дѣйствительно не было и не могло быть при родовой общинѣ, которая была господствующей формой быта. Наконецъ, религія славянскаго древняго союза была почитаніемъ природы, какъ у всѣхъ арійскихъ племенъ, причемъ явленія небесныя въ особенности поражали воображеніе и вызывали религіозные миѳы и олицетворенія. Славянамъ приписываютъ представленіе о силахъ благопріятныхъ человѣку, для которыхъ было обще-славянское слово «богъ», и неблагопріятныхъ, къ которымъ относилось обще-славянское «бѣсъ», — по введеніи христіанства примѣненное къ діаволу.

Дѣленіе славянскихъ народовъ, какъ полагаютъ, началось еще на ихъ первой европейской родинѣ; т.-е. прежде, чѣмъ началось разселеніе племенъ на югъ и западъ, въ языкѣ уже стало оказываться то различіе, которое впослѣдствіи рѣзко отдѣлило сѣверно-восточно-южную вѣтвь (племена: русское, сербское и болгарское) отъ вѣтви западной (племена: балтійскія, чешское, польское).

---

[1]) Этотъ обычай старины до сихъ поръ крѣпокъ въ русскомъ народѣ, — а въ прошломъ вѣкѣ родство очень считалось и въ высшихъ слояхъ общества.

[2]) Это послѣднее слово считается, впрочемъ, заимствованнымъ у скиѳовъ, какъ и самое желѣзо.

Письменная исторія не достигаетъ до этихъ временъ. Если не относить къ славянамъ нѣкоторыхъ извѣстій Геродота о скиѳахъ (нѣкоторыя племена ихъ казались ученымъ племенами славянскими),—то первыя извѣстія начинаются не ранѣе первыхъ вѣковъ по Р. Х. Но для Плинія или Птолемея славянскія страны были такъ отдаленны, славянскія имена такъ непривычны (и притомъ ихъ такъ мало умѣли тогда передавать), что выводы, извлекаемые изъ ихъ свѣдѣній, остаются слишкомъ мало доказательными. Историки римской имперіи, въ разсказахъ о борьбѣ Рима съ варварами, касаются и племенъ славянскихъ, которыя участвовали и въ нашествіяхъ и пораженіяхъ,—но этимъ историкамъ не было большой заботы различать варварскія народности, и новѣйшіе изслѣдователи съ трудомъ отыскиваютъ у нихъ то, что̀ относилось къ славянству. Первыя опредѣленныя извѣстія начинаются у писателей VI-го вѣка, у грековъ: Прокопія, Агаѳія, Менандра, Маврикія; у латинскихъ писателей, начиная съ Іорнанда. Съ этихъ поръ не прекращаются свѣдѣнія о славянахъ у византійцевъ и лѣтописцевъ западныхъ. Но извѣстія византійцевъ, несмотря на значительное обиліе, далеко не отличаются точностью: греки смотрѣли на славянъ, какъ на варваровъ; презирая ихъ грубость и ненавидя ихъ силу, греческіе писатели, съ классическимъ пренебреженіемъ къ варварскому міру, не посвящали славянамъ настолько вниманія, чтобы ясно различать ихъ народности, — продолжаютъ напр. говорить о «скиѳахъ», когда ихъ давно не было, разумѣя подъ этимъ именемъ и болгаръ, и русскихъ, и другихъ варваровъ, — какъ случится. Ихъ запутанныхъ извѣстій о тогдашнихъ народностяхъ еще доселѣ не разъяснили вполнѣ наши изслѣдователи. Если прибавить къ этому, что бо̀льшею частію свѣдѣнія грековъ о славянахъ (восточныхъ и южныхъ) только случайны и касаются ихъ столкновеній съ Византіей, то понятно, какъ трудно извлечь изъ нихъ что-либо полное о томъ, что̀ совершалось внутри самаго славянскаго міра. Съ принятіемъ христіанства начинается славянская письменность, восточно-южная и западная, и своя исторія. Только съ этимъ наступаетъ для славянства собственно-историческое время.

Теперь полагаютъ, что славянское племя начало дѣлиться на племена и распространяться географически уже съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. Изъ границъ, обозначенныхъ нами прежде, они начинаютъ расширять свою территорію во всѣ стороны, и мало-по-малу разселились отъ Балтійскаго до Чернаго моря, отъ отъ Дона до Карпатъ, до раздѣла Вислы и Одера. Съ своей южной и западной границы они двинулись потомъ и далѣе, въ

предѣлы Римской имперіи и на балтійское поморье... Въ эти вѣка они извѣстны были подъ общими именами сербовъ («споровъ») или венедовъ; позднѣе, въ половинѣ VI-го вѣка, эти названія дополняются новыми: являются имена «славянъ»—для западной вѣтви, «антовъ»—для восточной. Еще позднѣе, имена смѣняются еще разъ: «анты» были забыты; «венеды», въ формѣ вендовъ и виндовъ, «сербы» остаются названіями частныхъ племенъ; общимъ обозначеніемъ всего чаще является имя славянъ. Византійскіе греки уже знаютъ «склавиновъ», болгаръ, сербовъ, знаютъ народъ, называемый «росъ», но продолжаютъ говорить о гуннахъ и тавроскиѳахъ,—разумѣя подъ первыми и болгаръ, и печенѣговъ, подъ вторыми—русскихъ.

Это разнообразіе именъ у иноземныхъ писателей объясняется отчасти путаницей старыхъ названій, иногда только книжныхъ, и настоящихъ племенныхъ именъ, которыя стали входить въ употребленіе, когда стали ближе и извѣстнѣе самыя племена. Въ славянствѣ шелъ тогда процессъ выдѣленія вѣтвей: отдѣлявшіяся племена рѣзче отличаютъ другъ друга, и это различеніе становится замѣтно для иноземцевъ. При этомъ оказывается, что имена, служившія нѣкогда (у иностранныхъ писателей, а иногда, кажется, и у самихъ славянъ) для обозначенія цѣлаго племени, употреблялись теперь для частныхъ отраслей: «венды»—для славянъ лужицкихъ и для хорутанъ; «сербы»—для сербовъ южныхъ и сербовъ лужицкихъ; самое имя славянъ опять специализируется для «словаковъ», «словинцевъ» (хорутанъ) и «словенъ» русскихъ, т.-е. новгородцевъ или сѣверной Руси.

Какъ произошло дѣленіе, какія вѣтви раньше покинули союзъ, остается до сихъ поръ предметомъ споровъ. Думаютъ, что послѣ упомянутаго раздвоенія племени, еще въ прежнихъ жилищахъ общаго союза, раньше другихъ отдѣлилось полабское племя, за нимъ лужицкое или чешское, занявшее около V-го вѣка Богемію, и т. д. Филологическія указанія слишкомъ неясны и спорны; и пока приходится довольствоваться историческимъ фактомъ позднѣйшаго распредѣленія племенъ. Это распредѣленіе уже завершилось къ IX-му вѣку, и географическое положеніе славянъ въ эту пору должно въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовать ихъ послѣдовательному выдѣленію [1]).

---

[1]) Но не можетъ соотвѣтствовать вполнѣ, потому что въ періодъ славянскаго движенія на западъ и югъ происходило не мало перемѣщеній, и многіе изъ первыхъ пришельцевъ погибли въ столкновеніяхъ съ туземцами и въ самомъ началѣ, и впослѣдствіи (какъ балтійское славянство).

Для нашей цѣли нѣтъ надобности слѣдить въ подробностяхъ за этимъ разселеніемъ, достаточно указать общее направленіе движенія. Замѣтимъ, во-первыхъ, что оно находилось въ связи съ тѣмъ громаднымъ движеніемъ народовъ, которое начинается съ первыхъ вѣковъ нашей эры и заканчивается едва въ XIII-мъ столѣтіи нашествіемъ монголовъ. Это было общее движеніе на западъ, охватившее сначала кельтскія и германскія племена, двинувшіяся на Римскую имперію; за ними въ освободившіяся страны направлялось славянство, отчасти искавшее лучшихъ жилищъ, отчасти, вѣроятно, тѣснимое нашествіями готскими, гуннскими, аварскими. За гуннами, аварами двинулись новыя азіатскія орды, мадьярскія, печенѣжскія, половецкія, наконецъ,—татаро-монгольское нашествіе XIII-го вѣка (и пожалуй, послѣднее турецкое нашествіе XV-го вѣка).

Насколько достигають историческія свидѣтельства, и насколько могла освѣтить ихъ критика, первыя движенія славянства на югъ начинаются уже съ конца II-го и съ III-го столѣтія по Р. Х. Сначала въ средѣ другихъ племенъ, потомъ самостоятельными толпами они являются въ Дакіи, на Дунаѣ и за Дунаемъ и здѣсь въ первый разъ сталкиваются съ римлянами. Затѣмъ, въ V, VI и VII-мъ вѣкахъ совершаются новыя нашествія, и славяне окончательно утверждаются въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, доходятъ до Ѳессаліи, Эпира и Пелопоннеза, такъ что греческіе писатели жаловались, что «вся Эллада ославянилась». Конечно, ославянилась только временно, и хотя въ этихъ странахъ осталось много мѣстныхъ славянскихъ названій, но славянское населеніе не удержалось на этомъ крайнемъ пунктѣ, отчасти, можетъ быть, отхлынувши назадъ, отчасти слившись съ туземцами. Въ VII-мъ столѣтіи болгарское нашествіе и выдѣленіе славянскаго племени, принявшаго это имя своихъ завоевателей. Еще ранѣе, начиная съ V-го и окончательно въ первой половинѣ VII-го вѣка, въ нѣсколько пріемовъ, утвердились славяне на западѣ Балканскаго полуострова, въ Иллиріи, Далмаціи. Это были новыя массы сербскаго племени, хорваты и сербы, вышедшіе изъ своихъ старыхъ жилищъ «Бѣлой Хорватіи» (западная часть Галиціи) и «Бѣлой Сербіи» (восточнѣе Б. Хорватіи, при истокахъ Днѣстра и Прута); крайнія поселенія другой славянской отрасли проникли до нынѣшней Каринтіи, Крайна и Тироля и коснулись итальянскихъ предѣловъ.

Другая вѣтвь, двинувшаяся на западъ, заняла, около V-го вѣка по Р. Х., Богемію, Моравію и отдѣльными группами дошла до самой Гельвеціи. Изъ Богеміи и Моравіи разселеніе дви-

нулось къ горной Карпатской странѣ (словаки). Сѣверо-западная вѣтвь, съ IV—V-го вѣка, заняла балтійское поморье, и крайними поселеніями доходила до береговъ Нѣмецкаго моря и Голландіи.

Наконецъ, произошло разселеніе восточнаго славянства, описанное въ извѣстномъ разсказѣ Нестора.

Отсюда начинается жизнь племенъ, записанная исторіей. Въ первые вѣка по разселеніи, они были еще весьма близки другъ къ другу, какъ это обнаруживается между прочимъ въ самыхъ племенныхъ названіяхъ, которыя повторяются одинаково на различныхъ и далекихъ концахъ славянскаго міра, въ обѣихъ различныхъ вѣтвяхъ племени [1]).

Нельзя думать, чтобы сходство этихъ именъ доказывало, что одно племя съ сходнымъ именемъ непремѣнно происходило изъ другого; нѣкоторыя имена, заимствованныя отъ характера населяемой мѣстности (какъ «поляне», «древляне»), легко могли явиться совершенно независимо одно отъ другого; но въ другихъ именахъ сходство едвали случайно и можетъ говорить если не за единство стараго рода, раздѣлившагося и разбросаннаго потомъ вслѣдствіе переселеній, то, по крайней мѣрѣ, за память о старомъ родѣ или за общій складъ языка. Близость племенъ очевидна на другомъ фактѣ—замѣчательной близости тогдашнихъ нарѣчій, какъ они выражаются въ письменныхъ памятникахъ IX—XI вѣка у болгаръ, русскихъ, сербовъ, чеховъ и хорутанъ. При началѣ славянской письменности, эта близость языковъ послужила средствомъ литературнаго общенія, получившимъ важное значеніе въ судьбѣ русской образованности.

Обращаемся къ русскому славянству. Разсказъ Нестора, все еще темный несмотря на всѣ комментаріи, не даетъ ясныхъ указаній о томъ, когда и съ какими обстоятельствами произошло разселеніе русскаго славянства: вѣроятно и самъ онъ не имѣлъ

---

[1]) Выше мы указывали подобное повтореніе въ именахъ цѣлаго славянскаго племени. Такое же повтореніе видимъ и въ названіяхъ частныхъ племенъ.

Такъ, напримѣръ, были:

— Поляне: кіевскіе и польскіе (поляки).

— Хорваты: на Руси (упомянутые Несторомъ); бѣлые хорваты, сербскіе хорваты; хорваты у чеховъ.

— Древляне: русскіе и полабскіе.

— Дулѣбы: русскіе, чешскіе и паннонскіе.

— Дреговичи: русскіе и болгарскіе, и въ Германіи.

— Мораване: въ чешской Моравіи и въ болгарской Моравѣ.

— Смольняне: русскіе и болгарскіе, и т. д. Ср. Дринова, Заселеніе Балк. полуостр. Славянами, М. 1873, стр. 168; Иречка, Slovanské právo etc.

объ этомъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, какія записаны въ лѣтописи. По его представленію, не очень точному и въ которомъ старое преданіе мѣшалось съ новыми книжными соображеніями, родиной славянства былъ «Иллирикъ», угорская и болгарская земля его времени: первымъ появленіемъ славянства по Нестору было то, что они «сѣли по Дунаю»; затѣмъ произошло нашествіе «волоховъ» на этихъ дунайскихъ славянъ, которое и заставило ихъ двинуться на сѣверъ и расселиться между прочимъ по землямъ, которыя стали потомъ русскими землями. Нашествіе «волоховъ», по наиболѣе вѣроятному объясненію этого имени [1]), означаетъ столкновеніе славянъ съ римлянами, воевавшими при императорѣ Траянѣ въ Дакіи, въ населеніи которой славяне составляли значительную долю. Но если у Нестора дѣйствительно разумѣются римляне, то его извѣстіе о расселеніи славянъ отъ ихъ нашествія трудно помирить съ тѣми историческими представленіями, которыя находятъ славянское населеніе въ этомъ краѣ не только ранѣе нашествія «волоховъ», но и въ болѣе раннюю эпоху, во времена Геродотовой Скиѳіи. Славяне, ушедшіе отъ волоховъ, должны уже были встрѣтить на сѣверѣ своихъ соплеменниковъ. Несторъ ничего не говоритъ объ этомъ: но въ другомъ случаѣ самъ предполагаетъ русскихъ славянъ (въ области Новгорода), во время прихода апостола Андрея.

Какъ бы то ни было, къ историческимъ временамъ, племя русскаго славянства раскинулось на огромномъ пространствѣ восточно-европейской равнины, въ мало благопріятномъ сосѣдствѣ финновъ разныхъ племенъ, волжскихъ болгаръ, хазаръ, азіатскихъ кочевниковъ — занимавшихъ сѣверъ, востокъ и отчасти югъ. Возможность культурныхъ сношеній была только на югѣ и западѣ: это были южное славянство и Византія, западное славянство и Скандинавія, предполагаемое отечество варяговъ.

Такимъ образомъ, русскія племена въ самомъ началѣ государственной жизни, съ котораго началось и болѣе сильное культурное движеніе, поставлены были на предѣлахъ европейскихъ аріевъ съ финскими и тюркскими ордами, и если съ юга и запада могли открываться и дѣйствительно открывались благопріятные культурные пути, то по всѣмъ вѣроятіямъ и кочевой юго-востокъ не остался безъ извѣстнаго дѣйствія на складъ народной жизни древней Руси.

---

[1]) Имя „волоховъ" по древнему употребленію, и до сихъ поръ у чеховъ и поляковъ, означаетъ итальянцевъ,—романскій народъ; отсюда же и „валахи" обозначаютъ румуновъ.

Наши историки обыкновенно относили почти все культурное движеніе русскихъ племенъ къ призванію князей и введенію христіанства: князья внесли дѣятельность и единство въ раздѣленную жизнь племенъ; съ ними расширяются промыслы и торговля, начинаются искусства; христіанство, введя грамоту, начало книжную образованность. Справедливо то и другое, но и до этого времени русское славянство вовсе не было въ такомъ первобытномъ состояніи, какъ думаютъ, и извѣстныя культурныя связи существовали гораздо ранѣе основанія варяжскаго государства. Пришедшіе князья (если они пришли въ IX-мъ вѣкѣ) нашли уже города, — и, конечно, гораздо больше, чѣмъ записала ихъ лѣтопись, и вѣроятно уже очень старые, потому что первый лѣтописецъ не помнилъ объ ихъ основаніи [1]). Монетные клады, находимые въ средней и сѣверной Руси, уже отъ VII-го вѣка, указываютъ на торговыя сношенія съ востокомъ, черезъ волжскую Болгарію, и т. п. Если «русскіе, изъ племени славянъ», уже въ IX-мъ вѣкѣ торговали мѣхами въ Азіи, какъ говорятъ о томъ восточные писатели, то, конечно, не приходъ варяговъ породилъ эту торговлю. Когда Святославъ говорилъ о торговлѣ русскихъ въ дунайскомъ Переяславцѣ, то едва ли сомнительно, что и эта торговля была уже старая и извѣстная. На востокѣ древней Руси, еще до призванія князей, русскіе передовые пункты далеко проникли въ финскія земли, напр. Ростовъ, — такъ что если и «меря» участвовала въ призваніи князей, то это могла быть вовсе не чисто финская «меря», а господствовавшее въ ея странѣ русское населеніе.

Факты изъ исторіи языка свидѣтельствуютъ, что культурные инстинкты постоянно поддерживались въ славянскомъ племени, и немаловажные результаты въ этомъ отношеніи пріобрѣтены были еще до основанія русскаго государства и введенія христіанской вѣры.

Славянство вообще встрѣчалось враждебно съ германскими племенами, но, несмотря на то, еще въ такъ-называемыя до-историческія времена между ними былъ обмѣнъ культурныхъ знаній. Слѣдъ его остался въ языкѣ — въ словахъ, заимствованныхъ однимъ народомъ у другого. Заимствованія обличаются обыкновенно, болѣе или менѣе ясно, формами словъ, ихъ положеніемъ въ языкѣ, и слова подобнаго рода остаются любопытными свидѣтельствами объ отдаленныхъ временахъ, отъ которыхъ не сбереглось другой исторической памяти. Такъ, по мнѣнію Гримма,

---

[1]) См. любопытныя изслѣдованія г. Самоквасова, въ книгѣ: „Древніе города Россіи“. Спб. 1873.

германцы заимствовали у славянъ слово «плугъ» и, конечно, самую вещь. Такъ славяне, съ своей стороны, заимствовали у германцевъ другія слова — между прочимъ, нѣсколько словъ, употребленныхъ въ древнемъ переводѣ св. писанія [1]). Появленіе этихъ словъ въ старомъ славянскомъ языкѣ объясняютъ поселеніемъ, на Балканскомъ полуостровѣ, между славянами нѣкоторыхъ нѣмецкихъ племенъ (готовъ), которыя пришли туда, въ теченіе II—V вѣка по Р. X., отчасти вмѣстѣ съ славянами, отчасти и раньше ихъ; съ IV-го вѣка готы были христіанами, имѣли переводъ св. писанія и еще въ IX-мъ вѣкѣ сохраняли здѣсь между славянами свой языкъ и совершали на немъ свое христіанское богослуженіе [2]). Въ болгарскомъ и сербскомъ языкѣ и кромѣ того есть слова нѣмецкаго происхожденія, неизвѣстныя въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и объясняемыя изъ того же источника. По другому указанію, быть можетъ, болѣе справедливому, готскія слова, вошедшія вообще въ славянскій языкъ, происходятъ изъ двухъ разныхъ періодовъ. Одна ихъ часть перешла отъ готовъ къ славянамъ еще *до* начала славянскихъ переселеній на югъ и западъ, во всякомъ случаѣ до Р. X., и сохранилась въ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка, и отчасти въ литовскомъ. Другая часть принадлежитъ собственно старо-болгарскому нарѣчію и вошла въ него тогда, когда предки нынѣшнихъ болгаръ жили еще не на полуостровѣ, а на сѣверѣ отъ Дуная и испытывали политическій перевѣсъ нѣкогда могущественныхъ готовъ, которые около 200 г. по Р. X. двинулись отъ Балтійскаго моря къ Черному: «городъ на Днѣпрѣ» былъ тогда въ теченіе нѣкотораго времени главнымъ городомъ готскихъ владѣтелей [3]).

Надо думать, что эти слова втораго рода, хотя бы и были заимствованы у готовъ однимъ болгарскимъ славянствомъ, не были однако незнакомы и русскому славянству до введенія христіанства при Владимірѣ,—какъ вѣроятно и первое появленіе христіанства, которое предшествовало первымъ князьямъ и уже признано такъ-сказать оффиціально въ договорѣ Олега, происходило не безъ вліянія южно-славянскихъ единоплеменниковъ. Пись-

---

1) Эти слова: „олтарь“ (древне-нѣм. altari; если не прямо отъ латинскаго altare); „постъ“ (др. нѣм. faste); „крамола“ (др. бав. carmula); „букы“ (т.-е. буква, отъ готск. boka, буква и книга); „пѣнязь“ и т. д.

2) Дриновъ, тамъ же, стр. 142 и слѣд. Сл. Бруна, Черноморскіе Готы. Спб. 1874, стр. 17.

3) См. Куника,—Ein Beitrag zur vergleichenden Alterthumskunde des baltischen Volksstammes, въ Mélanges russes, t. IV, 1867, стр. 520.

менность, посредствомъ кирилловской азбуки, положительно должна была предшествовать крещенію Владиміра, — какъ даетъ право заключать самое написаніе договоровъ языческихъ князей съ греками. Въ старой письменности, если не ошибаемся, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы упомянутыя заимствованныя слова при введеніи христіанства были не вразумительны для русскихъ славянъ или требовали толкованія.

Въ преданіяхъ языка,—повидимому, еще временъ общаго славянскаго союза,—находятъ указанія и на встрѣчи славянства съ римлянами. Такъ, извѣстное слово «коляда», названіе славянскаго языческаго праздника (на святки), трудно объяснимое инымъ образомъ, считаютъ за римское «calendae» [1]): это были именно январьскія календы, съ празднованіемъ которыхъ совпадалъ славянскій народный праздникъ. Въ соборныхъ запрещеніяхъ, которыми осуждались римскія святочныя календы, это слово передается по-славянски словомъ «коляда». Но какимъ образомъ могло быть принято латинское названіе на мѣсто туземнаго? Это могло произойти, конечно, только тамъ, гдѣ славяне столкнулись съ римскимъ населеніемъ: для южныхъ славянъ это было возможно на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ они при первыхъ нашествіяхъ еще застали много римскаго; но это могло быть и въ Дакіи, гдѣ славяне въ теченіе нѣкотораго времени не только встрѣчались съ римлянами, но находились подъ ихъ владычествомъ—при Траянѣ [2]).

Эпоха Траяна оставила, повидимому, сильныя впечатлѣнія въ славянскихъ племенахъ. Имя Траяна очень извѣстно въ преданіяхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ—онъ сдѣлался сказочнымъ героемъ, вошелъ въ миѳологію: въ старыхъ памятникахъ имя его ставится на ряду съ языческими божествами русскаго славянства, Перуномъ, Хорсомъ и т. д. Вѣка Трояновы упоминаются въ Словѣ о полку Игоревѣ. Нѣкоторые изъ толкователей этого произведенія затруднялись дать Траяну мѣсто въ русской

---

1) Дриновъ, тамъ же, стр. 75 и слѣд.

2) Распространеніе этого слова другимъ путемъ, какой можно еще предположить, именно переходомъ изъ церковной книги, Кормчей,—трудно принять между прочимъ потому, что мудрено было бы народу усвоить для своего праздника названіе, въ которомъ (въ устахъ духовныхъ) заключалось уже прямое, строгое охужденіе; притомъ слово слишкомъ распространено въ народномъ употребленіи, что̀ затруднительно было бы для чисто книжнаго слова. Узнанное въ быту распространяется легче.

Изъ названій народныхъ праздниковъ, Миклошичъ считаетъ заимствованнымъ (изъ средне-греческаго) и слово „русалья", „русальная недѣля" (Ueber die Rusalien. Wien, 1864); но наши ученые отвергаютъ его производство.

поэмѣ XII-го вѣка; но, кажется, нужно согласиться, что и въ сказочныхъ преданіяхъ, и въ старыхъ памятникахъ, упоминающихъ о русскомъ язычествѣ, и въ Словѣ о полку Игоревѣ идетъ рѣчь именно о римскомъ императорѣ...

Ко временамъ гораздо раньше русскаго христіанства должно принадлежать также и введеніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ, употребленныхъ въ переводѣ Священнаго Писанія, какъ «цесарь», «оцетъ» (acetum, уксусъ), «рака» (лат. arca), «олтарь» (если не взять съ готскаго) и др., которыя могли быть уже нѣсколько знакомы въ народномъ употребленіи раньше, чѣмъ попасть въ книгу. По объясненію, данному еще Шафарикомъ, эти слова должны были быть заимствованы болгарскими славянами у тѣхъ балканскихъ племенъ, которыя больше говорили по-латыни, чѣмъ по-гречески: это были или остатки римскихъ колоній, или ороманенныя туземныя племена полуострова, извѣстныя донынѣ подъ именемъ «влаховъ» [1]). Такимъ образомъ, христіанскія понятія входили въ языкъ ранѣе формальнаго введенія христіанства и должны были облегчать первый трудъ перевода св. Писанія. И вообще, славянскій переводъ Писанія является въ болѣе развитыхъ формахъ языка, чѣмъ было въ готскомъ переводѣ Ульфилы (который впрочемъ на пять вѣковъ раньше славянскаго); въ то время какъ послѣдній нерѣдко пользуется для передачи христіанскихъ понятій прямо терминами языческаго быта, въ славянскомъ переводѣ язычество уже сглажено и являются слова отвлеченнаго характера, не напоминавшія стараго язычества.—Замѣтимъ опять, что и здѣсь въ нашихъ памятникахъ нѣтъ указаній, чтобы подобныя слова требовали комментарій для русскихъ читателей [2]).

Такимъ образомъ, южно-славянское и русское племя искони были открыты для культурныхъ связей съ западными народами, и мы не должны цѣнить этихъ связей слишкомъ низко: если въ результатѣ заимствовались слова, это показываетъ, что происходили бытовыя вліянія. Припомнимъ наконецъ, что южное славянство съ перваго прочнаго утвержденія на балканскомъ полуостровѣ вступило въ отношенія къ Византіи. Правда, эти отношенія до VIII

[1]) Мы упоминали, что въ древнемъ славянскомъ употребленіи имя „Влаховъ" означало римскія или романскія и ороманенныя племена; у византійскихъ историковъ сами болгары называются иногда также „влахами", вѣроятно по сосѣдству и связямъ съ послѣдними.

[2]) См. подробности у Буслаева, О вліяніи христ. на слав. яз. М. 1848, стр. 105 и слѣд.; Бодянскаго, О происх. слав. письменъ, М. 1855, стр. 229 и слѣд.; Дринова, тамъ же, стр. 140—141.

и даже IX-го вѣка очень темны, но появленіе славянина на императорскомъ престолѣ въ VI-мъ вѣкѣ, присутствіе, между другими «варварами», и славянъ въ ряду первыхъ сановниковъ имперіи еще въ эти темные вѣка, даетъ понять, что въ утверждавшемся здѣсь славянскомъ племени византійская цивилизація уже находила воспріимчивую почву. А съ южнымъ славянствомъ русскія племена были ближайшими сосѣдями, и память о сношеніяхъ между ними осталась въ лѣтописномъ преданьѣ о поселеніи Кія на Дунаѣ, гдѣ онъ построилъ свой «Кіевецъ» [1]).

На востокѣ и юго-востокѣ русское племя, единственное изъ славянскихъ, имѣло другую задачу. Остановленное на западѣ крѣпкими славянскими и германскими поселеніями, русское племя имѣло открытое движеніе только на сѣверъ, востокъ и юго-востокъ, гдѣ его сосѣдями были многоразличныя финскія и тюркскія племена. Мало-по-малу русское племя занимало финскія земли, добывая ихъ не столько завоеваніемъ, сколько колонизаціей, не столько истребляя, сколько поглощая и ассимилируя финскія населенія. На югѣ была вѣчная борьба съ мѣнявшимися азіатскими ордами, торками, печенѣгами, половцами, хотя войны перемежались союзами, дружбой и даже родственными связями князей... Эти междуплеменныя отношенія съ азіатскимъ востокомъ продолжаются на все теченіе русской исторіи: можно сказать, они не кончены и теперь; только прежнее наступательное движеніе восточныхъ племенъ давно кончилось, и со времени сверженія татарскаго ига русское племя само движется на востокъ, покоряя и поглощая его народы.

Этотъ процессъ смѣшенія съ финскими и тюркскими племенами и поглощенія ихъ въ русскую народность начался, какъ мы замѣтили, вѣроятно еще задолго до образованія государства. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ возымѣлъ свое вліяніе на народность [2]). Но чѣмъ, и въ какихъ-предѣлахъ обнаружилось это вліяніе?

Очевидно прежде всего, что русская народность оказывала

---

[1]) Слова, заимствованныя славянскимъ языкомъ изъ другихъ, были предметомъ изученія Миклошича: „Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, Wien, 1867. См. также чешскую книгу Маценауэра (Cizi slova etc. Брюннъ, 1870). Миклошичу принадлежатъ и любопытныя изысканія о славянскомъ элементѣ въ чужихъ языкахъ—мадьярскомъ, румунскомъ, албанскомъ, новогреческомъ.

[2]) Одна школа западныхъ писателей пришла, какъ извѣстно, къ цѣлой теоріи о финскомъ или туранскомъ происхожденіи русской народности. Спорить противъ этой теоріи, конечно, безполезно,—потому что въ ней больше высказывалась политическая вражда, чѣмъ этнографическое изслѣдованіе.

въ этихъ встрѣчахъ племенныхъ элементовъ могущественный перевѣсъ. Она брала верхъ до такой степени, что финскія племена исчезали на огромныхъ пространствахъ, принявши русскій бытъ и русскій языкъ; а принятіе языка составляетъ сильнѣйшій признакъ потери прежней народности. Но народность поглощенная оставляетъ однако и свое дѣйствіе. Наши историки уже давно дѣлали предположеніе, что примѣсь финскихъ элементовъ произвела въ сѣверномъ отдѣлѣ русскаго славянства тѣ особенности, которыя отличали потомъ великорусское племя. Примѣсь началась, конечно, съ первыхъ встрѣчъ, когда русскіе стали занимать сѣверо-восточный край, будущія княжества суздальское и владимірское, такъ что начало великорусской особенности относится еще ко временамъ до призванія князей. Съ другой стороны, на югѣ явились обстоятельства, которыя могли видоизмѣнить народный типъ въ иную сторону. На первыхъ порахъ нашей исторіи на сѣверномъ берегу Чернаго и на Азовскомъ морѣ является (кромѣ уличей и тиверцевъ) русскій элементъ, доселѣ составляющій для изслѣдователей мудреную задачу. Это—черноморская Русь. Эта Русь, по всей вѣроятности, играла роль въ тѣхъ богатырско-разбойничьихъ похожденіяхъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ была нижняя Волга, при-кавказскія страны и Черное море. Изъ тѣхъ двухъ отдѣловъ, на какіе дѣлилось населеніе древней Руси, безъ сомнѣнія еще по очень давнему племенному различію («славяне» — въ Новгородѣ, и собственно «Русь» — на югѣ, въ Кіевѣ и проч.), черноморское населеніе причисляется, вѣроятно, къ послѣднему, потому что носитъ названіе Руси; ему вѣроятно и Черное море обязано своимъ именемъ «русскаго моря», которое нерѣдко слышится въ историческихъ памятникахъ.

Этотъ-то край и былъ издавна и до конца среднихъ вѣковъ мѣстомъ постояннаго этнологическаго броженія. Когда арійскія племена прошли здѣсь въ Европу, этимъ же путемъ проходили безконечныя толпы восточныхъ дикарей и кочевниковъ, жили здѣсь въ постоянныхъ набѣгахъ на сосѣдей и междоусобныхъ войнахъ, и исчезали потомъ, уступая мѣсто другимъ ордамъ и т. д. Надо полагать, что въ эти мѣстности издавна направлялось и русское населеніе, и въ этой обстановкѣ пріобрѣло тѣ черты предпріимчиваго удальства, о которыхъ свидѣтельствуютъ напр. упомянутыя военно-разбойничьи похожденія Руси около Кавказа. Лѣтопись неясно даетъ понять, что при Игорѣ здѣсь былъ уже русскій подручный князь; она говоритъ темно о подвигахъ Святослава въ этихъ странахъ (это были страны очень далекія и мало знакомыя для Кіева), больше говоритъ она о Мстиславѣ,—и кажется, что всѣ

эти князья имѣли уже здѣсь подготовленную почву для своихъ подвиговъ. Чѣмъ больше новѣйшія изслѣдованія проникаютъ въ давнюю исторію этого края, тѣмъ все дальше приходится отодвигать этнографическую границу русскаго славянства, еще въ докняжескія времена. Теперь еще невозможно поставить эту границу, но вообще въ Черноморской Руси, обставленной подобными условіями, едва ли не слѣдуетъ видѣть далекихъ предковъ малорусскихъ «черкасъ»,—одинъ изъ элементовъ, полагавшихъ началю южно-русской разновидности нашего племени, съ ея оригинальнымъ типомъ и другими особенностями.

Этотъ вопросъ о происхожденіи двухъ главныхъ отдѣловъ русскаго племени—одинъ изъ любопытнѣйшихъ въ русской этнографіи—до сихъ поръ не находилъ достаточнаго объясненія, какъ вообще вопросъ объ этнологическихъ судьбахъ русской народности. Одинъ изъ нашихъ историковъ, болѣе внимательно изучавшихъ этотъ предметъ, приходилъ къ такому заключенію о послѣднихъ результатахъ отношеній русскаго племени къ финскому, тюркскому и т. д. востоку. «Съ самаго начала русской исторіи,—говоритъ онъ,—среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіатскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой русской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности и славянской и европейской» [1]).

Но, несмотря на то, Ешевскій признаетъ, что племена, поглощенныя русской народностью, слившіяся съ ней, обрусѣвшія, не могли не участвовать въ образованіи типа, который существуетъ теперь на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ. «Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ посторонныхъ примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверо-восточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, особенности, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области суз-

---

1) Ешевскій, „Русская колонизація сѣверо-восточнаго края", въ Соч., т. III, стр. 610.

дальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кіевлянина» и пр. [1]).

Воздѣйствіе поглощенныхъ народностей не подлежитъ сомнѣнію—надобно думать, не только по физическому типу, но и по культурнымъ свойствамъ. Замѣтимъ пока, что поглощаемыя народности или по тому, или по другому изъ этихъ отношеній, а чаще по обоимъ, стояли ниже арійскаго славянства, и, слѣдовательно, результатъ могъ имѣть и свои неблагопріятныя стороны, могъ производить извѣстное пониженіе культурныхъ запросовъ и стремленій.

Мы не будемъ подробно останавливаться на томъ, какую степень развитія представляло русское племя при окончательномъ отдѣленіи отъ другихъ славянскихъ вѣтвей. Безъ сомнѣнія, общеславянскій запасъ цивилизаціи продолжалъ развиваться и укрѣпляться въ обычай,—присутствіе городовъ (до прихода варяговъ) показывало, что родовыя общины уже соединялись въ болѣе крупныя единицы—съ народнымъ правленіемъ, съ первоначальными промыслами и торговлей. Обработка земли—путемъ земледѣльческаго хозяйства, расчищавшаго лѣса и передвигавшагося съ мѣста на мѣсто—постоянно увеличивала земледѣльческую территорію и господство русской народности... Родовая община сохранялась, вѣроятно, во всей силѣ; впослѣдствіи, уже при Ярославѣ, замѣтны признаки ея ослабленія—передъ церковно-государственными порядками.

О древнемъ русскомъ язычествѣ осталось очень немного прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ; и тѣ далеко не ясны и точны—такъ что нѣкоторые изслѣдователи даже подвергали сомнѣнію дѣйствительное существованіе нѣкоторыхъ божествъ, названныхъ въ лѣтописи и другихъ памятникахъ (напр. Мокоши или Волоса). Но недостаточность прямыхъ современныхъ свидѣтельствъ до извѣстной степени вознаграждается той обширной миѳологіей, какая сохранилась въ устныхъ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Мы должны предположить извѣстными главнѣйшія изслѣдованія объ этомъ предметѣ [2]), и хотя обильный матеріалъ преданій все еще требуетъ внимательнаго пересмотра, но уже не подлежитъ сомнѣнію фактъ, на который мы и хотимъ ука-

---

[1]) Тамъ же, стр. 614.

[2]) Труды Срезневскаго, Буслаева, Аѳанасьева, Котляревскаго, Рыбникова, Гильфердинга и пр., и пр.; изданія и толкованія пѣсенъ и другихъ памятниковъ народной словесности.

зать, — именно, тѣснѣйшая связь русскихъ миѳологическихъ преданій, во-первыхъ, съ преданіями всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, во-вторыхъ, съ нѣмецкими и литовскими, въ-третьихъ, съ преданіями арійскихъ народовъ вообще [1]).

Вопросъ о славянскомъ письмѣ до христіанства былъ опять предметомъ многихъ споровъ и еще не рѣшенъ окончательно. Исходнымъ пунктомъ изслѣдованій была знаменитая статья X-го вѣка, «о письменахъ», монаха Храбра. Онъ упоминаетъ о «чертахъ и рѣзахъ» (вырѣзываемыхъ фигурахъ), какіе существовали у славянъ во времена язычества, и упоминаетъ затѣмъ, что, «крестившись», они употребляли греческія и латинскія письмена (еще *до* изобрѣтенія Кирилломъ особой азбуки), — хотя это было очень неустроенно. Уже изъ этого видно, что «черты и рѣзы» никакъ не могли представлять какой-нибудь звуковой азбуки: это были дѣйствительныя черты и условные вырѣзываемые знаки, которые уподобляютъ слоговымъ рунамъ. Въ первый разъ звуковые знаки явились съ «греческими и латинскими» письменами, перенятыми задолго *до* крещенія отъ Кирилла и Меѳодія. Греческія и латинскія письмена употреблялись «многа лѣта», по словамъ монаха Храбра, и только послѣ этихъ многихъ лѣтъ является изобрѣтеніе Кирилла, настоящая, весьма замѣчательная по полнотѣ и правильности, азбука; простыя греческія и латинскія буквы стали вѣроятно употребляться послѣ какихъ-нибудь частныхъ крещеній, бывавшихъ еще до Кирилла и Меѳодія. Вопросъ усложняется еще упоминаніемъ памятниковъ о евангеліи, писанномъ «русскими письменами» и которое Кириллъ видѣлъ въ Корсунѣ, во время путешествія для проповѣди у хазаръ (до изобрѣтенія азбуки); и, наконецъ, еще существованіемъ въ тѣ же древнія времена другой славянской азбуки, глаголической, происхожденіе которой не отыскано до сихъ поръ. По историческимъ извѣстіямъ, южные славяне «писали» договоры еще въ VII-мъ вѣкѣ; русскіе славяне писали ихъ еще до оффиціальнаго введенія христіанства, при Олегѣ. — Слово «писать» принадлежитъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, стало быть, находилось уже въ первоначальномъ обще-славянскомъ языкѣ. Мало того, оно восходитъ даже до арійскихъ корней [2]), но въ своемъ арійскомъ употребленіи означало не писать въ нашемъ смыслѣ слова, а вырѣзывать, украшать, составлять; такъ что относилось

---

[1]) Оставляемъ пока въ сторонѣ восточныя, не-арійскія связи и вліянія, для этой до-исторической эпохи слишкомъ мало опредѣленныя и не легко опредѣлимыя.

[2]) Die ehemalige Spracheinheit, стр. 57.

или къ руническимъ, не звуковымъ, «чертамъ и рѣзамъ» монаха Храбра, или даже къ óбразному письму.

Славянскій бытъ тѣхъ временъ представлялъ чрезвычайно много общаго у всѣхъ племенъ. До сихъ поръ въ разныхъ краяхъ славянства сохранились обычаи старой родовой общины. Въ тѣ времена они были повсюду господствующими. Историки много разсказываютъ о мирныхъ земледѣльческихъ наклонностяхъ славянскаго племени; даже въ тѣ времена, когда какія-то силы двигали славянъ на западъ и югъ, когда они въ особенности совершали свирѣпыя нападенія на византійскую имперію,—онитолько-что отвоевавши себѣ какой-нибудь край, способны были тотчасъ же мѣнять воинственное настроеніе на трудолюбивое земледѣліе. Разсказываютъ также о любви славянъ къ свободѣ,—вслѣдствіе которой они не терпѣли надъ собой власти, — и дѣйствительно, они предпочитали селиться врозь, отдѣльными общинами, безъ подчиненія одному главѣ, устроивая дѣла на народныхъ сходбищахъ, «снемахъ» старшинъ; когда родовыя общины расширялись на обширныя мѣстности и до значительныхъ населеній, онѣ продолжали оставаться раздѣленными единицами. Такъ было и въ русскомъ, и въ сербскомъ, и въ балтійскомъ славянствѣ и проч. Эта любовь къ разъединенію была равносильна нелюбви къ государственности и, слѣдовательно, беззаботности о болѣе широкомъ національномъ интересѣ; общины рѣдко бывали въ мирѣ и согласіи; соединяясь для крупнаго, важнаго дѣла,—каковы были, напр., ихъ нашествія,—они потомъ снова распадались на безсвязныя единицы. Отсюда—давно замѣченное отсутствіе прочныхъ государствъ: правда, византійскіе и германскіе сосѣди дѣлали все, чтобы государства не могли образоваться въ западномъ и южномъ славянствѣ; нашествіе венгровъ внесло еще новую силу, ставшую поперекъ славянству,—но во всякомъ случаѣ слишкомъ продолжительное господство патріархальнаго разъединенія, принадлежавшее характеру самаго славянства, было одной изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ политической слабости—при всей многочисленности племени. Балтійское и полабское славянство подпало нѣмецкому завоеванію, и быстро начало исчезать; Чехія и Польша запутались въ отношеніяхъ къ германской римской имперіи; племена сербское и болгарское не выдержали борьбы съ Византіей и съ турками. Цѣлости русскаго государства между прочимъ помогли внѣшнія причины: географическое отдаленіе (напр., когда Русь нападала на Византію подъ стѣнами самого Константинополя, греческое войско никогда не бывало на русской землѣ; поляки въ старомъ періодѣ доходили, и то съ

русскими князьями, только до Кіева), азіатская дикость юго-восточныхъ кочевниковъ, громадность недоступнаго непріятелю пространства;—но и это государство съ трудомъ выдержало разбродъ удѣльнаго періода и только тяжкими усиліями и пожертвованіями достигло объединенія, потерявъ однако и до настоящей минуты юго-западную вѣтвь подлиннаго русскаго племени.

Приведенныя черты древнѣйшаго періода славянскаго племени представляютъ нѣсколько фактовъ, имѣющихъ весьма существенную важность для сравнительно-историческаго изученія.

Прежде всего, мы видимъ тѣсную родственную связь славянства съ арійскими племенами, и особенно тѣми, которыя въ классической древности и въ новѣйшія времена были главнѣйшими дѣятелями цивилизаціи. Въ различныхъ комбинаціяхъ, которыми ученые старались объяснить послѣдовательное развѣтвленіе арійскаго племени, славянство почти всѣми изыскателями ставится въ ближайшій союзъ съ европейской отраслью. Мы приводили выше одно исключительное мнѣніе (Іог. Шмидта), по которому славянское племя считается промежуточнымъ звеномъ между германскимъ и восточно-арійскимъ; но въ бóльшей части мнѣній, славянство есть вполнѣ членъ семьи европейскихъ аріевъ, и въ частности славянскій языкъ вышелъ изъ того «основного языка» вторичной формаціи, въ которомъ были первоначально слиты элементъ германскій, литовскій и славянскій, или, другими словами, славянское племя развилось изъ той сѣверно-европейской группы, въ которой оно составляло нѣкогда нераздѣльное цѣлое съ литвой и германцами.

Такимъ образомъ, если «національность», «раса» имѣютъ важное значеніе въ исторіи развитія народа (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то указанные несомнѣнные выводы науки не даютъ мѣста ни тѣмъ исключительнымъ теоріямъ, которыя недружелюбно къ намъ выдѣляютъ славянскій міръ въ чужое для Европы явленіе исторіи,—ни тѣмъ нашимъ теоріямъ, которыя говорятъ объ особомъ «греко-славянскомъ» или, вѣрнѣе, «византійско-славянскомъ» мірѣ, недружелюбно къ Европѣ. Если только давать значеніе племенному началу,—очевидно, что невозможно брать это начало въ одинъ произвольно выбранный моментъ и затѣмъ распространять условія этого момента и впередъ, и назадъ, навязывая черты этого момента и будущей исторіи, и прошлымъ вѣкамъ, которые ничего о немъ не знаютъ и не имѣютъ съ нимъ общаго.

Напротивъ, исходная точка историческаго развитія была одна со всѣми арійскими племенами Европы—первоначальныя преданія, культурныя знанія и языкъ, вынесенныя изъ арійской родины, и новый запасъ, вынесенный изъ германо-лето-славянскаго союза. По раздѣленіи этихъ племенъ, исторія, при помощи языкознанія, указываетъ однако между ними продолженіе культурныхъ связей... Степень развитія, существовавшая въ русскомъ славянствѣ передъ основаніемъ государства, по всей вѣроятности была выше, чѣмъ ее обыкновенно полагаютъ: языкъ старо-болгарскій, (будущій церковно-славянскій) уже заключалъ въ себѣ богатый матеріалъ, пользуясь которымъ можно было дать замѣчательный переводъ писанія и вслѣдъ затѣмъ цѣлой духовной литературы, а этотъ языкъ былъ очень близокъ къ старому русскому,—какъ можно судить и изъ того, что старо-болгарскія книги могли уже вскорѣ перейти на Русь и читаться какъ собственныя.

Но были обстоятельства, которыя съ самаго начала замедляли въ славянствѣ, и въ русскомъ племени, быть можетъ, еще болѣе, успѣхи образованности, — и это замедленіе потомъ, другими историческими условіями, усилилось до полнаго разъединенія съ Европой, до возникновенія (и у западныхъ народовъ, и у самихъ русскихъ) мысли объ ихъ коренномъ различіи, наконецъ до антипатіи и вражды между ними и до національной исключительности въ русскомъ обществѣ.

Славянство позднѣе другихъ племенъ является на исторической почвѣ [1]): его историческая жизнь началась позднѣе, и оно тѣмъ самымъ не могло идти въ уровень съ народами, его предварившими. Мы не знаемъ условій, и не имѣемъ понятія объ

---

¹) У насъ нерѣдко говорили и еще говорятъ о славянахъ, и особенно русскихъ, какъ о *молодомъ народѣ*, находя въ этомъ великое преимущество передъ Европой, и сравнивая насъ съ другимъ, будто бы тоже *молодымъ* народомъ — американцами. Мы видѣли, во-первыхъ, какова молодость славянства въ этнологическомъ смыслѣ: она равна нѣмецкой молодости. Во-вторыхъ, молодость историческая въ сущности только обязываетъ къ бóльшей культурной работѣ,—потому что молодой народъ втянутъ исторіей въ трудную конкурренцію со старыми, хорошо въ этомъ смыслѣ вооруженными племенами.

Сравненіе насъ съ Сѣверной Америкой не выдерживаетъ никакой критики, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ и въ данную минуту. По своему общественному характеру, русскій народъ еще не переработалъ первобытныхъ общественныхъ отношеній и во многихъ отношеніяхъ находится еще на патріархальной ступени. Американцы начали свою „молодость“ съ того, до чего дошло европейское развитіе: ихъ общественный характеръ былъ опредѣленъ по лучшимъ задаткамъ общественной свободы, выработаннымъ въ Европѣ, и теоретически, по философіи XVIII-го вѣка. Разница во всемъ бытѣ такъ велика, что „сходство“ можетъ быть отыскано только очень сильнымъ воображеніемъ.

эпохѣ, когда распался германо-лето-славянскій союзъ, но одно географическое разселеніе племенъ, потеря самаго воспоминанія о прежней связи [1]), указываетъ, что отдѣленіе произошло задолго до того, какъ славяне начали называть себя славянами. Ранѣе выдѣлившись, германцы успѣли продвинуться далѣе на западъ, занять болѣе богатыя и удобныя мѣста, и раньше вступили въ прямыя связи съ народами, уже совершившими циклъ античной цивилизаціи, богатыми знаніемъ и искусствами. Смѣшеніе германскихъ племенъ съ римскими или романизированными туземцами западной Европы и оживленіе самихъ романскихъ населеній (lingua romana rustica была, какъ извѣстно, основаніемъ новыхъ романскихъ языковъ) полагало начало новымъ народностямъ, хранившимъ при самомъ возникновеніи римскія преданія,—въ то время, когда славянскія племена жили еще въ полной непосредственности стараго быта. Романо-германская имперія Карла Великаго уже приняла римскій титулъ и мечтала продолжать древнюю имперію. Преданія римской цивилизаціи, на время заглушенныя варварскимъ нашествіемъ, уже вскорѣ стали быстро оживляться и не только содѣйствовали построенію государства, но дали сильный толчокъ умственному движенію. Съ VIII—IX вѣка новая западная Европа начинаетъ исторію своей науки, когда славянство «нуждалось» греческими и латинскими письменами [2]), еще не имѣя своей азбуки.

Таково было относительное положеніе романо-германскаго и славянскаго міра, ко времени перваго образованія русской государственности. Жизнь племени была поглощена образованіемъ національной области, трудомъ колонизаціи, вытѣсненіемъ низшихъ финскихъ племенъ, очисткой и разработкой почвы, защитой отъ дикихъ племенъ юго-восточныхъ... Громадныя пространства, на которыхъ племя было разбросано, дѣлали труднымъ и распространеніе тѣхъ все-таки рѣдкихъ вліяній цивилизаціи, какія могли приходить съ юга и запада. При всей способности къ образованію, даже при положительной даровитости, какая обнаруживается въ различныхъ проявленіяхъ этого племени въ первыя историческія времена, условія были мало благопріятны...

Но не только въ эту пору обнаружилось болѣе позднее выступленіе славянства на историческое поприще. Они и вообще были народъ исторически болѣе новый, у котораго явленія на-

[1]) Имя славянъ („словѣне") происходитъ отъ „слова", и значило: говорящіе понятно, говорящіе съ нами одинаково. „Нѣмцы" были: говорящіе непонятно.

[2]) Выраженіе монаха Храбра.

родной жизни совершались сравнительно позднѣе. Уже весь германо-лето-славянскій союзъ является въ исторіи гораздо позднѣе греко-италійскаго; но и въ своемъ союзѣ славяне шли позднѣе германцевъ—что не трудно прослѣдить во всѣхъ сторонахъ ихъ внутренняго развитія и внѣшняго быта—миѳологіи, общественныхъ учрежденіяхъ, начаткахъ образованности.

У народовъ первобытныхъ все отвлеченное мышленіе заключается въ миѳологіи. Всѣ представленія космогоническія и бытовыя, нравственность, право и обычай отливаются въ миѳологическую форму, единственную, какая бываетъ возможна для первобытныхъ временъ. Сравненія показываютъ, что основныя положенія славянской миѳологіи однородны съ арійскими вообще, и въ частности съ германскими, но несомнѣнно, что славянская миѳологія далеко не успѣла пріобрѣсти такого развитія, какое имѣла германская. Она была довольно богата, какъ можно судить и по тому, что отъ нея сохранилось донынѣ въ народной памяти и обычаѣ, богата поэтическимъ смысломъ, но не создала такой обширной космогоніи и исторіи боговъ, какую мы находимъ въ миѳологіи германской и скандинавской. Въ языческой религіи русскаго славянства не развилось жречества, не было настоящихъ храмовъ,—въ разбросанныхъ поселеніяхъ, роль жреца исполнялъ глава семейства, и только праздники языческаго календаря собирали жителей на «игрища между селами», о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Большее развитіе языческой религіи оказалось только у балтійскаго славянства, вслѣдствіе его особенныхъ условій, когда насильственное введеніе христіанства нѣмецкимъ оружіемъ вызвало сильную языческую реакцію; восточное славянство не имѣетъ ничего подобнаго тѣмъ храмамъ, великолѣпію которыхъ удивлялись нѣмецко-латинскіе историки, оставившіе почти единственныя свидѣтельства о миѳологіи балтійскаго славянства. Нѣкоторые изслѣдователи высказывали мысль, что эта недостаточность развитія языческой миѳологіи у русскаго славянства была скорѣе выигрышемъ, потому что облегчала принятіе христіанства, которому, такимъ образомъ, не приходилось бороться съ врѣпкой языческой системой; но, говоря о миѳологіи, мы говорили только о силѣ развитія въ языческія времена,—что же касается болѣе легкаго введенія христіанства, слѣдуетъ добавить, что это введеніе, какъ оно совершилось при Владимірѣ, не дало полнаго поворота народной мысли и вѣрѣ. Именно, оно не прекратило миѳологическаго періода, который у насъ едва ли не дольше, чѣмъ гдѣ-нибудь, продолжалъ господствовать въ народныхъ массахъ,—съ X-го вѣка измѣнилось только его направ-

леніе, и русскіе духовные учители еще въ XIV-мъ вѣкѣ съ негодованіемъ вооружались противъ народнаго «двоевѣрія», мѣшавшаго христіанство съ язычествомъ, и отдѣльныя жалобы этого времени идутъ до самаго конца стараго періода, до XVII-го вѣка. Особаго рода «двоевѣріе» продолжается и до настоящаго времени.

Старыя національныя преданія не дали у насъ и той пищи для поэтическаго развитія, какъ то было на Западѣ, и въ романскихъ, и въ германскихъ народностяхъ. «Слово о полку Игоревѣ» осталось единственнымъ поэтическимъ памятникомъ, стоящимъ одиноко въ тогдашней письменности. Поэзія національныхъ преданій не развилась—фактъ, значеніе котораго едва ли было до сихъ поръ достаточно оцѣнено.

Съ позднимъ появленіемъ христіанства поздно положены были и начатки образованности. Въ то время, какъ, напр., готы имѣли переводъ писанія еще въ IV-мъ вѣкѣ, въ славянскомъ мірѣ онъ является въ IX-мъ. Мы увидимъ далѣе, что и запоздавшая письменность поставлена была мало благопріятно; вслѣдствіе новыхъ возникшихъ условій, книжная образованность пріобрѣтала все болѣе и болѣе церковный характеръ, болѣе и болѣе исключительный, — такъ что ежели въ X-мъ вѣкѣ было уже значительное разстояніе между нашей и западной письменностью по объему содержанія, то впослѣдствіи это разстояніе не уменьшалось, а только увеличивалось.

Наконецъ, позднѣе развился въ русскомъ славянствѣ и государственный бытъ.

Итакъ, разсматривая первыя начала, съ которыхъ открывается историческое развитіе русской государственности и образованія, мы видимъ народность столь же несомнѣннаго арійскаго корня, какъ другія европейскія племена, народность, вмѣстѣ съ ними сдѣлавшую первые шаги къ цивилизаціи, и всего болѣе близкую къ племени германскому. Но какъ цѣлое славянство, такъ особенно русскій народъ является на историческое поприще, въ среду уже сдѣланныхъ древнею Европой культурныхъ пріобрѣтеній, позднѣе своихъ собратій и географически дальше всѣхъ отъ центровъ цивилизаціи. Это прежде всего помѣшало ему идти рядомъ съ ними: онъ еще переживалъ патріархальныя бытовыя формы, когда Западъ уже началъ пользоваться наслѣдіемъ античной цивилизаціи. Такое положеніе ни мало не было его виной, а дѣломъ историческихъ обстоятельствъ. Мы увидимъ, что первая дѣятельность племени среди этихъ обстоятельствъ обнаруживала много истинной энергіи и культурныхъ задатковъ.

Народъ былъ не только способный къ цивилизаціи, но положительно даровитый и своими нравственными свойствами возбуждавшій сочувствіе даже въ иноплеменныхъ историкахъ (германскихъ и византійскихъ), мало расположенныхъ преувеличивать его достоинства. Но кромѣ указаннаго отдаленія (по хронологіи развитія и географическому положенію) отъ центровъ цивилизаціи, были еще невыгодныя условія, которыя должно было одолѣть славянству. Когда южная и западная отрасли его должны были выдерживать борьбу съ германцами и византійцами, русская отрасль имѣла свои трудныя задачи: занять обширныя земли, которыя представлялись естественной ея областью; переработать патріархальныя начала въ бытъ государственный, и наконецъ спасти свой европейскій характеръ отъ вліяній восточнаго сосѣдства: здѣсь русское племя, съ одной стороны, воспринимало въ себя массу финскихъ туземныхъ элементовъ, съ другой—должно было защищать самое существованіе отъ наплыва дикихъ кочевыхъ народностей, надвигавшихся изъ азіатскихъ степей и извѣстной долей также замѣшавшихся въ русское племя.

Въ первую пору послѣ образованія государства, русская народность энергически выносила эти трудныя условія, далекая отъ болѣе цивилизованнаго міра и предоставленная только самой себѣ. Это было свѣжее начало многотрудной исторической жизни.

А. Пыпинъ.

ТУРКЕСТАНЪ и ТУРКЕСТАНЦЫ

Окончаніе.

III *).

Введенное нами «положеніе» не тронуло у туркестанцевъ народнаго судопроизводства. Учрежденіе должности уѣзднаго судьи, руководствующагося во всемъ тѣми же законами, чтó и наши мировые судьи — не поразило туземцевъ какъ какая-нибудь новость неслыханная и невиданная. Основная идея мирового суда та же, чтó и въ судѣ казіевъ и біевъ: гласность, изустность, характеръ посредничества, третейскаго разбирательства и склоненіе сторонъ къ соглашенію къ миру. Нашъ судья оказался такимъ образомъ знакомымъ народу лицомъ, только съ новою рѣчью и съ новыми законами, болѣе прежнихъ мягкими и справедливыми.

Бóльшая кротость въ отправленіи правосудія, внесенная нами въ бытъ народа, сглаживаетъ понемногу переходъ къ чисто русскому суду и подрываетъ грозную когда-то власть мусульманскаго духовенства, имѣвшаго право изрекать устами казія даже смертные приговоры.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, практиковавшихся здѣсь самымъ роскошнымъ образомъ, — отъ палокъ до отсѣченія руки, — отмѣна смертной казни (туземный способъ состоитъ въ перерѣзаніи горла: преступника рѣжутъ какъ барана, безъ дальнихъ разговоровъ и безъ всякой церемоніи) — рѣзкій переходъ отъ драконовой строгости къ мягкости христіанскаго законодательства — все это нисколько не разнуздало, привыкшаго къ виду крови, на-

*) См. выше: сент., 55; окт., 498 стр.

рода и всѣ опасенія многихъ доморощенныхъ криминалистовъ оказались напрасными. Число преступленій, по сознанію самихъ казіевъ,—а это чего-нибудь стоитъ,—даже уменьшилось противъ времени владычества хановъ, и уменьшилось не на малую долю, а чуть не вчетверо! Если ужъ люди, менѣе всего желавшіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, должны сознаться, что предсказанія ихъ не сбылись, то мы можемъ положиться на ихъ показаніе относительно уменьшенія цифры преступленій.

Впрочемъ, это вовсе не исключительное явленіе и нисколько не относится къ добронравію туземцевъ — то же самое повторялось во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Зимою, когда всѣ работы по хозяйству уже окончены, въ народѣ просыпается страсть къ сутяжничеству: цѣлыми эскадронами тянутся конные истцы въ уѣздное управленіе и къ уѣздному судьѣ. Но не одна страсть къ кляузамъ тянетъ ихъ сюда, не сутяжничество, какъ думаютъ нѣкоторые русскіе, а стремленіе познакомиться съ новымъ закономъ. Наши слѣдственныя и судебныя разбирательства служатъ для народа прекрасными лекціями гражданскаго и уголовнаго права. Издалека, чуть не изъза пятисотъ верстъ плетется другой любопытный, въ свитѣ какого-нибудь истца, единственно чтобы послушать, какъ будутъ разбирать русскіе. Мнѣ кажется, плохо дѣлаютъ тѣ, кто старается отдѣлаться отъ докучающей толпы и выпроводить ее поскорѣе вонъ—это значитъ отказать въ поученіи, отказаться отъ случая бросить нѣсколько здоровыхъ сѣмянъ въ тучную и благодарную почву.

Предоставивъ народу полную свободу выбора своихъ судей, мы не впали на этотъ разъ въ ошибку, давно уже тяготѣющую надъ Оренбургомъ и Сибирью: мы не ввели экзаменованныхъ, или *указныхъ* муллъ. Что за бѣда, что народные судьи будутъ невѣждами въ коранѣ? Намъ нѣтъ никакого резона указывать народу на коранъ, какъ на якорь спасенія—это разъ. Неоффиціальный, негарантированный, какъ знатокъ, казій будетъ даже лучше для дѣла, потому что волей-неволей ему придется руководствоваться не столько закономъ—шаріатомъ, сколько обычаемъ, здравымъ смысломъ и совѣстію, а это, конечно, вдесятеро лучше. Наконецъ, если допустимъ, что выборъ народа былъ неудаченъ и казій плететъ Богъ вѣсть что—это нисколько не повредитъ дѣлу, при возможности аппеляцій, и, конечно, подниметъ значеніе русскаго суда еще и по сравненію съ неудачнымъ казіемъ. Возможность аппеляціи къ русской власти и къ русскому суду, другими словами: возможность непосредственнаго контроля

повела къ болѣе справедливому отношенію народныхъ судей къ тяжущимся. Все чаще и чаще приходится такому судьѣ искать рѣшенія дѣла въ своей совѣсти, въ области безусловной справедливости, а не шаріата, подорваннаго уже силою «русскаго права».

Всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ казіями и біями кураминскими въ 1870 году, было 1213. Больше всего, по обыкновенію, было дѣлъ по долговымъ претензіямъ—а именно: 478. Затѣмъ, слѣдуютъ дѣла по расторженію браковъ—ихъ 229; по кражамъ—185; по тяжбамъ о наслѣдствѣ рѣшено 110; по нарушенію договоровъ о сватовствѣ—84; поземельныхъ споровъ—55; личныхъ оскорбленій—45; потравы хлѣба—22; по убійствамъ—5.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, какимъ авторитетомъ пользуются русскіе и въ особенности *тюри*, т.-е. офицеры и чиновники, въ глазахъ среднеазіатцевъ, которые охотно обращаются къ русскому для третейскаго разбирательства своихъ споровъ. Знаменитый «аксакъ-майоръ», простой рыбакъ, бралъ даже обычный *бйлыкъ* за каждое рѣшенное имъ дѣло.

Къ русскому суду туземцы могутъ обращаться только *до* разбора дѣла у казіевъ или біевъ, а послѣ этого не иначе, какъ съ согласія *обѣихъ* сторонъ. Понятно, что кому выгоднѣе вѣдаться у своего казія или бія, тотъ и не соглашается переносить дѣло къ русскому судьѣ. Кляузникъ всегда предпочтетъ шаріатъ, а случаи, когда обѣ стороны считаютъ себя правыми—непремѣнно, въ концѣ-концовъ, приведутъ ихъ къ судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года. Другой случай, когда дѣло должно поступить непремѣнно къ русскому судьѣ—это, когда истецъ и отвѣтчикъ принадлежатъ къ разнымъ народностямъ: напримѣръ, одинъ изъ нихъ сартъ, а другой киргизъ. Первый долженъ бы судиться у казія, второй у бія; чтобы помирить ихъ интересы—самое лучшее послать ихъ къ русскому судьѣ. Точно также, если между тяжущимися есть русскій, кураминецъ, индіецъ, еврей—дѣло должно идти къ русскому судьѣ.

Незнаніе нашими судьями туземныхъ нарѣчій ведетъ, конечно, къ тому, что участь дѣла въ значительной степени зависитъ отъ вольнонаемнаго переводчика. Переводчики здѣсь большею частію татары,—люди безъ всякаго образованія; все знаніе ихъ ограничивается только грамотностію, умѣньемъ читать и писать, а еще чаще только говорить по-русски и татарски—это такъ-называемые «словесные» переводчики. И такая-то личность играетъ роль непремѣннаго члена русскаго суда. Переводчикъ

дополняетъ судью. Судья въ отсутствіе переводчика остается глухъ и нѣмъ.

Если въ судьи у насъ выбираютъ людей съ оглядкой, то необходимо установить какой-нибудь нравственный цензъ и для переводчиковъ. Судья, которому предоставляется нанимать переводчиковъ отъ себя, на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ему на канцелярію—весьма естественно принужденъ лавировать между двумя обстоятельствами: чтобы это было недорого, и чтобы это было удовлетворительно. Совмѣстить и то и другое почти никогда невозможно.

Представьте же себѣ, что въ судьи у насъ назначаютъ офицеровъ изъ строя, а то и отставныхъ, а если и чиновниковъ, то ничѣмъ не лучше офицеровъ, то-есть безъ всякой юридической подготовки. Дополните такого судью «словеснымъ» татариномъ, и тогда легко будетъ представить себѣ, *какъ* идетъ у нихъ судъ! Пока не введены судебныя палаты, аппелировать приходится въ областное правленіе, а это, во-первыхъ, не *гласное* учрежденіе, во-вторыхъ, находится далеко отъ крайнихъ пунктовъ области (Ташкентъ, напримѣръ, въ доброй тысячѣ верстъ отъ границъ казалинскаго уѣзда), въ-третьихъ, требуетъ *письменныхъ* прошеній, а наконецъ, туземцы не всѣ еще усвоили себѣ значеніе аппеляціи: они думаютъ, что это будетъ *жалоба* на своего судью и что судья будетъ недоволенъ, будетъ мстить, когда нужда приведетъ къ нему снова за какимъ-нибудь дѣломъ.

Этими мотивами объясняется то обстоятельство, что, несмотря на неопытность судей и невѣжество «словесныхъ» переводчиковъ, аппеляцій все-таки было до сихъ поръ сравнительно немного.

Туземцы отлично понимаютъ, *въ комъ* сила, и въ случаѣ нужды отправляются на поклонъ къ «тильмачъ-тюрѣ». Являются на сцену разные *силяу*—подарки, завязывается тамырство—дружба; переводчикъ щеголяетъ и платьемъ и лошадьми.

Нашъ судъ представляется точно какимъ-нибудь элевзинскимъ таинствомъ; судья—это оракулъ, изрекающій по временамъ таинственные «глаголы»; переводчикъ—это жрецъ, вопрошающій оракула, передающій ему молитвы просителей и разъясняющій последнимъ отвѣты оракула. То ли передаетъ жрецъ оракулу, что́ ему сказано истцомъ или отвѣтчикомъ, такъ ли толкуетъ онъ отвѣты оракула —это повѣркѣ никакой не подвергается, и потому естественно, что приговоръ судьи не всегда бываетъ впопадъ.

Наше право представляетъ однако же такую силу, что даже и неумѣлые, даже зловредные слуги подорвать его не могутъ.

Кромѣ судьи, туземцы обращаются нерѣдко и къ уѣздному начальнику. Если онъ не гонитъ ихъ къ судьѣ, если онъ человѣкъ доброжелательный и терпѣливый, то его даже предпочтутъ судьѣ за бо́льшую авторитетность его приговоровъ. Уѣздный начальникъ, сверхъ того, часто разъѣзжаетъ по уѣзду по какимъ-нибудь надобностямъ, а это для просителей весьма важное удобство. Еслибы судья не сидѣлъ сиднемъ въ центральномъ пунктѣ, а разъѣзжалъ періодически и въ назначенное для того время, то это было бы, конечно, еще лучше.

Принимая къ своему разбирательству разныя (конечно, не важныя) дѣла, уѣздный начальникъ врывается, такъ сказать, въ область судьи, а это подчасъ ведетъ къ столкновеніямъ. Но есть одна категорія дѣлъ, которыя до сихъ поръ предоставлены были вѣдѣнію уѣздныхъ начальниковъ — это бракоразводныя. Сторона, недовольная рѣшеніемъ казія или бія, имѣла право обращаться къ русской власти. Судьи назначены были и приступили къ обязанностямъ долго спустя послѣ уѣздныхъ начальниковъ. Кромѣ того, судья долженъ былъ руководствоваться уставами 20 ноября 1864 года, долженъ былъ, такъ сказать, пропагандировать русское право, а ни одна статья этихъ уставовъ не разрѣшаетъ ему расторгать браки; напротивъ, есть статьи, положительно воспрещающія всякія мѣры къ нарушенію святости и неразрывности брака.

Свѣтскій судъ можетъ вмѣшаться между мужемъ и женою только съ измѣненіемъ соотвѣтствующихъ законовъ, а до тѣхъ поръ общество должно довольствоваться простымъ полицейскимъ распоряженіемъ о выдачѣ женѣ отдѣльнаго вида на жительство. Извѣстно, какое участіе въ судьбѣ женъ принимали у насъ шефъ жандармовъ, нѣкоторые генералъ-губернаторы и наконецъ оберъ-полиціймейстеры. Благодаря ихъ заступничеству положеніе многихъ женъ сдѣлалось снноснымъ.

Такой, выработанный нашею житейскою практикой, порядокъ думали ввести и въ русскомъ Туркестанѣ, уѣздный начальникъ получилъ право давать притѣсняемой женѣ отдѣльный видъ. При легкости развода по мусульманскому закону [1]—такой отдѣльный видъ, обыкновенно, принимался народомъ за формальный разводъ; женщина вступала нерѣдко въ новый бракъ и тѣмъ дѣло оканчивалось. Труднѣе было согласить стороны относительно мате-

[1]) Если въ спорѣ или ссорѣ мужъ скажетъ женѣ *теляк* или „ты для меня, какъ спина моей матери“, то между ними все кончено, жить вмѣстѣ они не могутъ, а если помирятся, то должны опять идти къ муллѣ для совершенія новаго брака. *Учъ-теляк*, три раза сказанное, дѣлаетъ новый бракъ невозможнымъ.

ріальнаго вознагражденія. Обычай вносить за жену калымъ и расходы жениха при заключеніи брака значительно усложняли дѣло разными вычисленіями: что стóилъ батманъ риса, употребленный на пловъ гостямъ, чтó могли стоить бараны, халаты и т. д.

Я разскажу здѣсь, какъ велось у насъ, въ Курамѣ, это дѣло.

Начать съ того, что при уѣздномъ управленіи былъ составленъ, такъ-сказать, *постоянный съѣздъ* казіевъ и біевъ. По проекту положенія съѣзды должны были собираться по мѣрѣ надобности, т.-е. по мѣрѣ накопленія аппеляціонныхъ жалобъ на рѣшенія казіевъ и біевъ. Время съѣзда и члены его назначались уѣзднымъ начальникомъ. Такъ какъ съ самаго начала оказалось множество дѣлъ, подлежавшихъ перерѣшенію, и какъ аппеляціи поступали каждый день, то съѣздъ, собранный однажды, не могъ окончить всѣхъ дѣлъ ни къ какому сроку и самъ собою обратился въ *постоянный*. Вышло нѣчто въ родѣ маленькаго сената. Члены, впрочемъ, перемѣнялись поочереди. Первоприсутствующимъ нашего сената былъ назначенъ почтенный старикъ, мулла Назаръ, изъ киргизскихъ біевъ, знавшій довольно изрядно и коранъ. Замѣчательно, что этотъ киргизъ мулла былъ выбранъ въ казіи сартами. Ко всякому рѣшенію *мулла Назаръ* легко подыскивалъ соотвѣтствующую цитату и закрѣплялъ приговоръ буквой шаріата. Если бы представителю русской власти вздумалось назвать бѣлое желтымъ, а потомъ чернымъ, то мулла Назаръ нисколько бы не затруднился доказать по корану, что это не бѣлое, а, слѣдовательно, желтое и наконецъ даже и не желтое, а самое черное! Всякій изъ насъ, кто зналъ секретъ муллы Назара, не могъ при встрѣчѣ съ нимъ сохранять серьёзный видъ. Какъ римскіе авгуры, мы улыбались другъ другу!

Какъ киргизъ, мулла Назаръ былъ не только не фанатикъ, но даже и просто считалъ коранъ годнымъ только для запугиванія профановъ, для приданія себѣ ученаго вида и проч. Мулла сознавалъ безъ всякаго спора, безъ всякаго внушенія, что коранъ, какъ сводъ законовъ, уже устарѣлъ и если былъ когда-нибудь годенъ, то развѣ у арабовъ, а къ здѣшнимъ сартамъ и въ особенности къ киргизамъ — онъ совершенно почти непримѣнимъ. Видя въ русскихъ полную доброжелательность и отдавая нашимъ законамъ должное преимущество, мулла Назаръ всегда старался подводить рѣшенія съѣзда подъ русскія начала.

За нерѣдкими отлучками уѣзднаго начальника, мнѣ, какъ старшему помощнику, часто приходилось присутствовать при

вершеніи бракоразводныхъ дѣлъ. Я именно присутствовалъ или, пожалуй, и предсѣдательствовалъ, но обыкновенно, выяснивъ допросами сторонъ ихъ обоюдныя претензіи и счеты, самое рѣшеніе я представлялъ съѣзду, причемъ высказывалъ и свое мнѣніе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ членахъ съѣзда замѣтно было сочувствіе къ мужу, я доводилъ дѣло до конца и затѣмъ только спрашивалъ мнѣнія членовъ, доказывалъ неправильность ихъ взглядовъ, и когда въ пользу жены составлялось большинство—объявлялъ постановленіе.

Просили о разводѣ всегда женщины—оно и понятно: вѣдь разводъ зависитъ отъ мужа, и если ему въ тягость брачныя узы—онъ самъ и дастъ себѣ разводную. Иногда мужъ и соглашается на разводъ, но требуетъ назадъ калымъ—женщинѣ опять приходится идти въ судъ.

У насъ принято было, что всякая женщина, являясь передъ судомъ, непремѣнно открываетъ лицо. Члены съѣзда не находили въ этомъ ничего оскорбительнаго для женской чести, а мулла Назаръ доказалъ, что въ коранѣ ничего нѣтъ о покрывалахъ [1]), что этотъ обычай введенъ здѣсь насильно какимъ-то завоевателемъ.

Итакъ, мужчины относятся къ открытому на судѣ лицу женщины довольно безразлично. Нельзя того же сказать о самихъ женщинахъ: привычка ли, жеманство, кокетство или и въ самомъ дѣлѣ чувство стыдливости играетъ тутъ роль, но не *всѣ* охотно подчиняются правилу. Упорнѣе всего отстаиваютъ свое покрывало старушки, но когда покрывало будетъ наконецъ снято—громкій хохотъ развеселившихся судей служитъ наградою ея стыдливости.

— Чего боялась?—спрашиваютъ ее. — Слава Богу, мы всѣ остались живы, никто отъ красоты твоей не померъ!

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ я въ сотый разъ пояснялъ, почему мы требуемъ открытаго лица. Члены съѣзда это уже знали, но мнѣ казалось необходимымъ, чтобы и женщина знала: тогда у ней не останется воспоминанія о *ненужномъ* насиліи, да и другимъ она разскажетъ, почему русскій судъ не терпитъ покрывала.

Почему я знаю, что истица, свидѣтельница, отвѣтчица—именно тѣ лица, за кого себя выдаютъ? Развѣ не бывали при-

[1]) Женщины закрываютъ лицо густою, черною волосяной сѣткой и затѣмъ на голову накидываютъ воротникъ халата безъ рукавовъ. Рукава, пожалуй, и есть, но они сшиты вмѣстѣ и болтаются назади, достигая до полу.

мѣры, что подъ женскимъ платьемъ, подъ ея покрываломъ, скрывались и мужчины?

Понятно впрочемъ, что если женщина рѣшилась наконецъ обратиться къ нашему суду — значитъ, ей плохо, значитъ, у *своихъ* она защиты не находитъ. Мужья такъ деспотически и подчасъ такъ жестоко обращаются со своими женами, что я принялъ за правило всегда поддерживать женщину. Скажутъ, что это не безпристрастно, что судья не долженъ руководствоваться предвзятыми взглядами и т. д. Но вѣдь моя поддержка только-что уравновѣшивала шансы, потому что члены съѣзда обыкновенно симпатизировали мужу.

— Какъ пришла къ вамъ баба жаловаться—вы ужъ за нее горой,—замѣтилъ разъ одинъ изъ судей.

— Эльбетте (конечно),—отвѣтилъ я, и разсказалъ побасенку, какъ овца пришла на судъ къ волкамъ. — Кто же ее защититъ здѣсь, если и я буду молчать?

— Такъ-то такъ, да вѣдь этакъ, пожалуй, отъ насъ разбѣгутся всѣ жены!

— А ты обращайся съ женой по-человѣчески — вотъ и не пойдетъ въ судъ. У тебя же три жены, а вѣдь ни одна до сихъ поръ не жаловалась. Хорошій человѣкъ ласковъ и добръ къ женѣ, а дурному не надо давать воли.... Какъ обращаются подчасъ туземцы съ женами можно судить, напримѣръ, хоть изъ того, что девять-десятыхъ жалобъ возникаютъ изъ-за побоевъ. Одна показываетъ разсѣченную серпомъ руку, другая пробитую камнемъ голову, третья натертыя кандалами раны на рукахъ и ногахъ и т. д. Прибавьте къ этому, что одинъ ревнивецъ выжигаетъ раскаленнымъ желѣзомъ дѣтородныя части у двоихъ своихъ женъ; другой совсѣмъ убиваетъ жену за то, что она не такъ нѣжно его любитъ, какъ его покойнаго брата [1]). Ко всему этому надобно вспомнить, что за истязанія, увѣчья и даже за убійство жены туземецъ не несъ почти никакой отвѣтственности. Мнѣ всегда тяжело было отказать женщинѣ въ просьбѣ о разводѣ: я боялся дурныхъ для нея послѣдствій со стороны оскорбленнаго ея жалобою мужа. Въ такихъ случаяхъ я обыкновенно требовалъ письменнаго поручительства старшинъ и родственниковъ мужа, которые обязывались наблюдать за поведеніемъ его въ семьѣ, а за увѣчья и за жизнь жены отвѣчали куномъ. Если

---

[1]) По мусульманскому закону, вдова можетъ выдти только за брата покойнаго мужа или ужъ вовсе не выходить ни за кого.

родственники отказывались ручаться за мужа, то это былъ лучшій для него приговоръ, и жена освобождалась.

Фактъ простыхъ побоевъ, при замкнутости семейнаго быта осѣдлыхъ туземцевъ, рѣдко могъ быть подкрѣпленъ свидѣтельскими показаніями. Если никакихъ слѣдовъ побоевъ не сохранилось, то мужъ обыкновенно отрицалъ этотъ фактъ; сосѣди рѣдко выскажутся не въ пользу мужа, деревенскія власти тоже, и бѣдную женщину приходится возвратить мужу, въ ожиданіи на будущій разъ боевыхъ знаковъ или увѣчья. Когда эти знаки и увѣчья на лицо, когда отрицать факта невозможно—мужъ обыкновенно увѣряетъ, что жена его не слушается, не чинитъ ему халата, не моетъ бѣлья, бранится съ нимъ или заглядывается на чужихъ...

Именно такими доводами оправдывался одинъ сартъ, чуть не убившій жену камнемъ.

— Если твоя лошадь заупрямится, чтò ты съ нею сдѣлаешь?— спрашиваю.

— Стегну нагайкой.

— А не лучше-ли зарѣзать?

— Денегъ стóитъ.

— Ну, а если лошадь лягнетъ?

— А я ее палкой.

— Отчего не серпомъ, не саблей?

— Денегъ стóитъ.

— Итакъ, съ лошадью ты лучше обращаешься, чѣмъ съ женой—жена, значитъ, ничего не стòитъ. Ну, если ты ею не дорожишь — зачѣмъ отказываешь въ разводѣ, зачѣмъ не отпускаешь?

— Да я согласенъ отпустить, только пусть она калымъ возвратитъ.

— Какъ великъ калымъ?

— Сорокъ тиллей деньгами, двѣ лошади хорошихъ, пять халатовъ адрясовыхъ да на угощеніе пошло два батмана бри́нчу (рисъ и шесть барановъ).

Присутствующіе оцѣнили примѣрно лошадей въ 120 р., халаты въ 40 р., рисъ въ 12 р. и барановъ въ 18, а все въ 190 р. Съ сорока тиллями это составляетъ 342 р.

Жена не отрицаетъ того, что она не заботится о мужниной одеждѣ, но оправдывается тѣмъ, что мужъ ее не одѣваетъ, кормитъ какъ собаку, бьетъ, и все изъ-за того, что задумалъ взять еще другую жену.

Жена дѣйствительно была одѣта въ разорванномъ до-нéльзя халатѣ,—но этой вывѣскѣ я уже не вѣрилъ: одна бойкая ста-

руха, жившая не подалеку отъ управленія, снабжала такими халатами всѣхъ просительницъ, въ разсчетѣ разжалобить русскихъ.

Мужъ отвѣтилъ, конечно, что онъ и кормитъ и одѣваетъ жену какъ слѣдуетъ, а такой халатъ, какъ теперь на ней—ему и самому стыдно было бы позволить надѣть, вѣрно, достала у какой-нибудь нищей. Что касается до другой жены, то это его дѣло, и позволенія у первой жены ему спрашивать не приходится.

— Прекрасно, значитъ, ты нарочно мучишь жену, чтобъ заставить ее хлопотать о разводѣ, а самъ думаешь взять съ нея назадъ калымъ и на эти деньги достать новую жену помоложе? Этакъ ты и будешь все мѣнять женъ — за одинъ калымъ перемѣнишь ихъ хоть десять!

Мужъ не могъ удержаться отъ улыбки: такъ ему показалось это заманчиво.

Дѣло казалось мнѣ достаточно яснымъ: мужу приглянулась другая, онъ задумалъ взять ее въ жены. Старая жена отступаетъ на второй планъ и, какъ постылая, не видитъ больше ласки. Она обижена, ревнуетъ и мститъ по-своему: небреженіемъ о хозяйствѣ. Начинаются ссоры, открытая война и побои... Мужу невыгодно отпустить даровую работницу, и развода онъ ей не даетъ. Жена понимаетъ, что ее удерживаютъ только для работы, и рѣшается сложить руки, чтобы потерять цѣну и въ смыслѣ работницы—авось мужъ прогонитъ какъ дармоѣдку! Побои усиливаются. Жена, наконецъ, не въ силахъ терпѣть долѣе и съ помощію родныхъ, тайкомъ, спасается въ Той-Тюбе подъ защиту русскихъ. Ясное дѣло, что возвратить ее мужу—все равно, что отдать на казнь. Я уговариваю упрямаго сарта дать самому разводъ и, въ виду рѣшительнаго отказа, выдаю женщинѣ отдѣльный видъ.

Въ другомъ случаѣ, когда обстоятельства дѣла склонили членовъ съѣзда присудить въ пользу мужа возвращеніе калыма (жена, по сварливости характера, всегда первая начинала ссору, мужъ неистово ее колотилъ), я нашелъ это несправедливымъ. Сварливость жены, по отзыву самого мужа и сосѣдей, проявилась только въ послѣдніе два года. Замужемъ она 15-ть лѣтъ и все время жила съ мужемъ согласно. Работницы у нихъ никогда не было. Я думаю, что бѣдная женщина просто устала. На судѣ она съ воплями и слезами объявляетъ, что къ мужу ни за что не пойдетъ—довольно онъ ее билъ.

Мужъ соглашается отпустить ее, но безъ жены ему никакъ нельзя, а денегъ у него на это нѣтъ, и потому онъ требуетъ возвращенія калыма.

— Ты хочешь, чтобъ жена вмѣсто себя поставила тебѣ другую?

— Зачѣмъ, и самъ найду.

— Хорошо; ты найдешь себѣ другую жену, а взгляни: можетъ ли твоя жена найти себѣ другого мужа? Она уже стара [1]), непосильная работа и нужда сгубили ея красоту прежде времени. Кто ее возьметъ? Будетъ она жить у родныхъ... тамъ работницъ много... она отдохнетъ—вотъ и весь ея барышъ. Откуда ей взять денегъ? Если бы она была помоложе — можетъ быть кто-нибудь и нашелся бы внести за нее твой калымъ, да и то за *женщину*, самъ знаешь, цѣна не та, что за дѣвушку.

— Ну, хорошо, сбавлю, такъ и быть, пять тиллей (19 руб.), —объявляетъ мужъ.

— Сколько же всего тебѣ придется?

— Да вотъ считайте: калыму двадцать тиллей (76 рублей), лошадь, два адрясовыхъ халата и три простыхъ, три барана, батманъ бринчу.

— Хорошо: 76 да 40 — вѣдь лошадь не то, чтобы очень уже хорошая? да 22 за халатъ, да 9 за барановъ, да 6 за рисъ— всего 153 рубля. — Пять тиллей ты сбавляешь — остается 134. Сочтемъ теперь сколько *ты* ей долженъ.

— Я ничего не долженъ.

— Вотъ сейчасъ посмотримъ. Сколько стóитъ нанять работницу на мѣсяцъ?—обратился я къ казіямъ.

— Смотря какая — дешевле пяти кокановъ (коканъ равенъ 20 копейкамъ) нельзя.

— Мнѣ кажется, это вы сказали дешево: вѣдь у насъ простой мердекяръ (чернорабочій) получаетъ въ день не менѣе кокана, значитъ въ мѣсяцъ до 6-ти рублей, а по вашему счету бабѣ придется за весь день только 3 копейки!—Но, хорошо— положимъ и такъ. Въ годъ значитъ 12 рублей.—Ты вѣдь до сихъ поръ не жаловался на лѣность жены?—спросилъ я мужа.

— Да что-жъ—ничего, работала, чтó нужно.

— Я вѣдь знаю, *какъ* у васъ работаетъ женщина: ты толчешься на базарѣ, а пріѣхалъ домой—сейчасъ нá-бокъ, отдыхать отъ великаго труда; жена толчетъ въ ступѣ просо тяжелымъ пестомъ, а ты и не пошелохнешься помочь.

— Мужчинѣ это неприлично.

---

[1]) Дѣвушки выходятъ замужъ нерѣдко 12 — 13-ти лѣтъ. Немудрено, что въ 25 лѣтъ онѣ уже старухи.

— Такъ, вотъ если ужъ считать твою жену *женою*, то какъ *работницѣ* ты долженъ бы ей платить 12 р. въ годъ, а въ 15 лѣтъ это выйдетъ 180 рублей. Скинемъ два года, что ты не доволенъ ею, остается 156 рублей. Молодость ея, красота, которую ты у нея взялъ—это все не въ счетъ. За одну работу ея ты уже долженъ 156 рублей. Она же должна только 134—значитъ за тобой остается еще 22 рубля.

Поручивъ муллѣ Назару покончить дѣло такъ, чтобы женѣ ни въ какомъ случаѣ не пришлось приплатить, я вышелъ на свѣжій воздухъ.

Черезъ полчаса старикъ разыскалъ меня въ саду и показалъ листокъ, покрытый печатями членовъ съѣзда; самая крупная и выше всѣхъ приложенная—это его собственная.

— Десять тиллей рѣшили въ пользу мужа... пусть ему половину калыма вернутъ...—несмѣлымъ голосомъ заговорилъ мулла.

— Дай-ка сюда приговоръ,—протянулъ я руку; пойди теперь въ мехкеме, да и скажи казіямъ, чтобы составили другой—жена не должна платить за свои пятнадцать лѣтъ службы и за побои.

Такъ и сдѣлано.

Были и такіе случаи, что мужъ и самъ не хотѣлъ оставлять у себя жену, за ея благосклонность ко всѣмъ холостымъ, и требовалъ только возврата ему калыма. Если показанія сосѣдей подтверждали доводы мужа, то обыкновенно дѣло рѣшалось въ его пользу, и родственники жены присуждались къ уплатѣ (почти всегда съ разсрочкой) болѣе или менѣе значительной части калыма, смотря по числу прожитыхъ супругами лѣтъ. Чѣмъ дольше *служила* жена, тѣмъ меньше она платитъ мужу при разводѣ.

Разъ въ улицахъ Той-Тюбе съ утра пошла суматоха, слышалась перебранка, шумъ и крики. Прибѣжалъ курбашъ и объявилъ, что народъ волнуется и что дѣло идетъ о какой-то женщинѣ, уведенной ночью изъ сакли мужа русскими...

Обстоятельство не изъ вседневныхъ. Предупредивъ караулъ и казачью сотню, чтобы держали ухо востро, я вышелъ къ толпѣ и вызвалъ обиженныхъ и ихъ свидѣтелей въ мехкеме. Оказалось, что потерпѣвшій—молодой и красивый сартъ, служившій джигитомъ при уѣздномъ начальникѣ. Джигитъ этотъ всего мѣсяцъ какъ женился, и говорили, на красивой дѣвушкѣ. Виновниками всей суматохи оказались два татарина, служившіе вольнонаемными писцами въ уѣздномъ управленіи.

Одинъ изъ этихъ писцовъ титуловался княземъ [1]) и (законно: такъ значилось и въ паспортѣ) получивъ образованіе въ какомъ-то кантонистскомъ батальонѣ, былъ довольно бойкій малый. Этотъ-то князь и наблудилъ. Живя по сосѣдству съ Али-берды (имя джигита), князь видѣлъ черезъ недоконченный заборъ его жену и какъ-то такъ условились. Мужъ рѣдко ночевалъ дома и проводилъ ночи въ чай-ханѣ своего отца. Воротившись ранѣе обыкновеннаго онъ не нашелъ жены, разбудилъ домашнихъ, обыскалъ весь садъ и съ толпою проснувшихся сосѣдей приступилъ къ дому, гдѣ жили татары, но тѣ заперлись. Улучивъ минуту, когда толпа отошла, жена проскользнула въ свою саклю и тамъ сплела исторію: какъ она вышла въ садъ за «дѣломъ», какъ ее подсторожили татары, завязали ротъ и утащили къ себѣ...

Въ разсказѣ не было ничего неправдоподобнаго, а мужу и роднымъ пріятнѣе было вѣрить въ фактъ насилія, чѣмъ обоюднаго согласія...

Татары сознались въ «грѣхѣ», но ни похищенія, ни насилія, по ихъ словамъ, тутъ не было. Надобно было отправиться на мѣсто дѣйствія. Заминать дѣло не было никакого резона, да я и не хотѣлъ, чтобы не прибавить еще раздраженія въ народѣ. Героиня оказалась весьма сконфуженною и путала показанія. Я удалилъ ея мужа и родныхъ, указалъ ей несообразности въ ея разсказѣ (зачѣмъ ночью она выходила за дѣломъ не туда, куда ходитъ днемъ; отчего не крикнула; отчего подъ деревомъ близъ арыка трава сильно примята и тутъ ея шелковый платокъ; зачѣмъ ночью она выходила въ лучшемъ своемъ платьѣ и въ шелковомъ платкѣ и т. п.), обнадежилъ ее, что не дамъ ее въ обиду и, наконецъ, вызвалъ обстоятельный разсказъ всего происшествія.

По ея словамъ, мужъ долго былъ бачей въ разныхъ чайныхъ и въ томъ числѣ у своего отца... Женясь на ней, чтобъ имѣть въ домѣ помощницу для его матери, онъ почти весь день проводитъ на базарѣ, а ночью спитъ въ лавкѣ, балагуритъ съ гостями и вспоминаетъ холостую жизнь... Ей всего пятнадцать лѣтъ, и она желала бы видѣть въ мужѣ поболѣе нѣжности.... Онъ

---

[1]) Въ Казани цѣлая слободка такихъ князей. Въ народѣ слово князь сдѣлалось синонимомъ татарина. Когда хотятъ сдѣлать ему любезность, называютъ княземъ. „Эй князь, что̀ покупаешь?“—Наиболѣе сообразительные изъ нихъ принимали крещеніе, женились на русскихъ купчихахъ и клали основаніе *русскимъ*, уже княжескимъ родамъ.

пропустилъ уже не одну *пятницу* [1])... Быть замужемъ и спать одной ей тяжело...

Вотъ почему она пошла на свиданіе съ сосѣдомъ; да она и совсѣмъ уйдетъ, потому что жить съ мужемъ не хочетъ: бачи никогда не бываютъ хорошими мужьями... Оставалось теперь, чтобы женщина повторила весь разсказъ при судѣ. Для этого ее надобно было изъять изъ семьи мужа, поставить ее внѣ вліянія обиженной стороны. Курбашъ охотно согласился взять женщину къ себѣ на поруки, а я послалъ въ Ташкентъ нарочнаго къ уѣздному начальнику, который прискакалъ немедленно и тотчасъ посадилъ подъ арестъ татарскаго донъ-жуана. На другой день женщина подтвердила всѣ свои показанія и просила развода. Мужъ охотно согласился на это и получилъ, по приговору суда, весь свой калымъ и всѣ свои издержки. Часть этого штрафа долженъ былъ внести злополучный князь, котораго затѣмъ и выпроводили въ Ташкентъ съ джигитомъ. Тѣмъ и кончилось дѣло, грозившее сначала большими непріятностями.

Иногда на судѣ вдругъ, и совершенно случайно, открывались самыя сокровенныя подробности, помимо желанія самихъ сторонъ. Явилась, напримѣръ, очень молодая женщина (лѣтъ пятнадцати), бывшая уже годъ замужемъ, съ жалобой, что мужъ приковываетъ ее къ ножкѣ кровати, когда уходитъ изъ дому. На рукахъ и ногахъ ея дѣйствительно видны слѣды отъ натертыхъ кандалами ранъ. Мужъ оправдывается тѣмъ, что жена безпрестанно отъ него бѣгаетъ, то къ матери, то къ кому-нибудь изъ родныхъ знакомыхъ, иногда и просто прячется въ саду.

Что за причина такого необыкновеннаго отвращенія? Мужъ — статный, красивый и еще молодой человѣкъ, характера повидимому вовсе не суроваго. Сосѣди и старшины отзываются о немъ одобрительно. Жена сознается, что она дѣйствительно бѣгала нѣсколько разъ, но объясняетъ это простымъ нерасположеніемъ. Виноваты, значитъ, обѣ стороны—какъ же рѣшить вопросъ о калымѣ? Мужъ считаетъ себя совершенно правымъ, но не обвиняетъ жену ни въ распутствѣ, ни въ сварливости. Очевидно, что осталось что-то недосказаннымъ. Теряясь въ догадкахъ и безплодныхъ разспросахъ, я однако же освѣдомился на всякій случай: когда жена убѣжала въ первый разъ? Оказалось, что въ первую же ночь...

Одинъ изъ присутствовавшихъ старшинъ замѣтилъ при этомъ,

---

[1]) Если мужъ небрежно исполняетъ свои обязанности, то уже въ пятницу онъ *долженъ* быть исправенъ, а не то жена можетъ жаловаться казію.

что и мать ея, сидѣвшая тутъ же рядомъ съ дочерью, постоянно бѣгала отъ мужей, семь разъ разводилась и теперь замужемъ уже за восьмымъ.

— Да что она?—спросилъ я.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то—сама даже отказывалась отъ брака, да родные уговаривали, а мужья хорошій калымъ давали... сами дураки за нею ухаживали.

— Что такъ?—обратился я къ этой матери.

— Да такъ,—съ улыбкой отвѣчала она.

— Ты не знаешь, чтò за причина?—снова обратился я къ словоохотливому старшинѣ.

— Правду сказать, такъ она только красива, а то не годится...—отвѣтилъ тотъ съ усмѣшкой.—У пятерыхъ мужей она все была дѣвкой, а не бабой,—добавилъ онъ.

Женщина, о которой шла рѣчь, бойко поглядывала на присутствующихъ и весело улыбалась. Она все еще довольно красива и одѣта опрятно и даже нарядно.

— Можетъ быть, и твоя жена *не годится?*—спросилъ я мужа истицы.

Тотъ улыбнулся и взглянулъ на жену. Бѣдная покраснѣла, опустила голову и закрылась длиннымъ рукавомъ рубашки.

Понемногу, слово за словомъ, мужъ разсказалъ, наконецъ, что жена его до сихъ поръ еще дѣвица, что она плачетъ, кричитъ, кусается; что ее бралась *лечить* какая-то знахарка, такъ же, какъ «лечили» ея мать, но что жена все боится «леченія». Дѣло шло, очевидно, о какомъ-то физическомъ недостаткѣ... Я спросилъ мужа: зналъ ли онъ, сказали ли ему родные жены объ ея недостаткѣ?

— Нѣтъ, не зналъ и никто ничего не сказалъ... обманули кругомъ..

Мнѣ казалось справедливымъ рѣшить дѣло въ пользу мужа, который, съ своей точки зрѣнія, купилъ не то, чтò торговалъ, или «за свои гроши, да купилъ себѣ бѣду». Къ тому же еще, жена возвращалась къ своей матери дѣвушкою.

Такъ съѣздъ и постановилъ: мужъ получилъ назадъ калымъ, а издержки его пропали даромъ за то, что онъ надѣвалъ на жену кандалы.

Замѣчательно, что тутъ же нашелся любопытный, который потомъ предложилъ матери внести за нее прежнему мужу калымъ, и на другой или третій день праздновалъ свадьбу... Молодая ушла и отъ этого любителя... Тотъ однакоже не унывалъ, отшучивался, какъ умѣлъ, отъ своихъ пріятелей, и наконецъ,

уговорилъ-таки жену согласиться на какую-ту операцію. Послѣ этого молодые жили уже весьма согласно.

Обычай жениться по наслѣдству, на вдовѣ брата, приводитъ иногда также къ разнымъ семейнымъ несогласіямъ. Мы уже говорили выше, что одинъ такой мужъ убилъ свою, «унаслѣдованную» отъ брата, жену изъ ревности къ покойному. Совершивъ преступленіе, несчастный ревнивецъ бросился бѣжать изъ кибитки (дѣло происходило во время уборки хлѣба); зоркіе сосѣди замѣтили въ этомъ обстоятельствѣ что-то необычайное и навѣдались въ его кибитку, а затѣмъ верхами поскакали за преступникомъ.

Блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ и нервическою дрожью во всемъ тѣлѣ—стоялъ передо мною убійца.

— За чтó ты убилъ жену?

— Это не я.

— Твоя рубашка въ крови, твой серпъ въ крови, кибитка твоя стоитъ отдѣльно и всѣ были на работѣ—ты одинъ ушелъ съ поля и всѣ это видѣли; затѣмъ ты бѣжалъ и прятался отъ людей. Значитъ, это ты...

— Это не я...

— Кто же?

— Не знаю—можетъ быть, шайтанъ.

— Ты ли, шайтанъ ли—мнѣ все равно. Если шайтана не поймаютъ, то отвѣчать будешь одинъ ты.

Убійца нервически улыбнулся и, успокоившись нѣсколько разрѣшеніемъ сѣсть, предложеніемъ стакана воды и вообще ободряющею обстановкой нашего судилища, сталъ понемногу отвѣчать на вопросы: на комъ былъ женатъ, хорошая ли была жена, все ли дѣлала, чтó нужно по хозяйству и т. п. Сосѣди отозвались о преступникѣ, какъ о смирномъ и кроткомъ человѣкѣ. Со времени женитьбы онъ сталъ задумчивъ болѣе обыкновеннаго, но съ женой былъ ласковъ и шума у нихъ никогда не слыхали.

— Вотъ, всѣ твои знакомые отзываются о тебѣ, какъ о хорошемъ человѣкѣ,—обратился я къ преступнику;—теперь я вижу, что тутъ не твоя вина... вижу, что виноватъ одинъ шайтанъ... разскажи же намъ, какъ онъ тебя подвелъ?

— Жена меня не любила, все плакала по братѣ. Чтó я ни дѣлалъ—все не помогало, все она плакала, все вспоминала о прежнемъ мужѣ... Обидно это... Думалъ, думалъ я,—ничего не придумалъ... Смотрю, а на мнѣ кровь... я испугался и побѣжалъ...

— Когда ты воротился съ поля, чтó ты сказалъ женѣ?

— Я просилъ ее не вспоминать мнѣ о братѣ и любить меня хоть немного...

— Что же она?

— Она опять заплакала... Смотрю, а на мнѣ кровь... я испугался и побѣжалъ...

Причина этого несчастія была ясна. Но все же пришлось передать дѣло судебному слѣдователю, и «несчастный» пошелъ въ каторгу.

Женщинамъ бо̀льшею частію не легко переходить по наслѣдству отъ брата къ брату. Если даже о любви не было и помину, чтò при закрытыхъ лицахъ весьма возможно, то все-таки легко могла явиться хоть простая привычка, да, наконецъ, быть вещью, переходить, какъ халатъ, съ одного плеча на другое, служить, какъ лошадь, поочередно всякому, кто взялъ нагайку— все это, конечно, не можетъ пройти безъ протеста, хотя бы и затаеннаго въ глубинѣ души. Менѣе терпѣливыя протестуютъ вслухъ и нерѣдко обращаются къ суду. Разъ мнѣ пришлось разбирать дѣло о насильственномъ совершеніи брака съ такою вдовою. Истица, по обыкновенію, явилась въ отрепьяхъ и жаловалась, что братъ ея покойнаго мужа держалъ ее взаперти, морилъ голодомъ, грозилъ всячески и, наконецъ, принудилъ согласиться на бракъ. Мулла, призванный для этого, зналъ о насиліи, но поддержалъ мужа.

Доказать все это, конечно, было нечѣмъ: и мужъ и мулла увѣряли, что истица сама желала вступить въ бракъ и просила ихъ о томъ. Жена возразила стереотипною фразою, что мужъ ее не кормитъ, не одѣваетъ и въ подтвержденіе сослалась на то, что она «вторая» и потому въ загонѣ; а кромѣ ихъ семья состоитъ еще изъ матери и младшаго брата—всего изъ пяти членовъ, поэтому мужъ не въ силахъ содержать ихъ всѣхъ какъ слѣдуетъ.

Мужъ отвѣтилъ, что все это ложь и что онъ достаточно богатъ, чтобы содержать семью. Это подтвердилъ и аксакалъ.

Со стороны истицы былъ только ея братъ, который, конечно, ее и поддерживалъ. Скромный костюмъ мужа и вообще какой-то угнетенный видъ его давали скорѣе право заключить объ его бѣдности, чѣмъ излишкахъ, но какъ удостовѣриться? Не ѣхать же къ нему въ гости за 70 верстъ. Тутъ мнѣ пришла мысль рѣшить задачу съ опредѣленія цифры дохода мужа.

— Исправно платитъ онъ подати?—спросилъ я аксакала.

— Очень исправно.

— Торговлей не занимается?

— Нѣтъ, только земледѣліемъ.

— Сколько платитъ въ годъ хераджа и танапа? [1])

— Рублей шесть.

— Подать составляетъ одну десятую съ урожая. Если пóдать всего въ *шесть* рублей, значитъ урожай цѣнился въ шестьдесятъ. Итакъ, на шестьдесятъ рублей надобно кормиться пятерымъ, надобно имъ одѣться, да надобно держать лошадь, корову... Большое ли это богатство?

— Пять рублей въ мѣсяцъ, какое же богатство!— воскликнулъ мулла Назаръ.

— Я и самъ полагаю, что тутъ о второй женѣ нечего и думать. Двѣ жены — это роскошь, которую можетъ позволить себѣ только богатый, а на пять рублей и одну-то жену дай Богъ продержать безъ нужды... Поэтому я вѣрю женщинѣ: мужъ дѣйствительно *не можетъ* ее ни кормить, ни одѣвать, какъ слѣдуетъ, а по мусульманскому закону это совершенно достаточно для развода.

— Друстъ (правда),—подтвердилъ мулла Назаръ.

— Получивъ жену по наслѣдству, мужъ не платилъ калыма и потому вопросъ упрощается: счетовъ никакихъ, и отнынѣ жена свободна,—заключилъ я.

Кажется, я исчерпалъ уже всѣ случаи, ведущіе здѣсь къ жалобамъ и разводу. Скажу въ заключеніе, что новый проектъ напрасно изъялъ семейныя дѣла изъ вѣдѣнія уѣздной администраціи. Судья до сихъ поръ весьма рѣдко выѣзжалъ изъ своей резиденціи, тогда какъ уѣздный начальникъ волей-неволей *долженъ* разъѣзжать по уѣзду, а въ семейныхъ распряхъ именно важно, чтобы третейскій судья (настоящая роль уѣзднаго начальника въ этомъ случаѣ) самъ являлся, гдѣ онъ нуженъ, а не ждалъ, когда къ нему пріѣдутъ просители. Женщинѣ уйти отъ деспота-мужа да еще за двѣсти-триста верстъ — дѣло трудное, и я увѣренъ, что, съ передачей бракоразводныхъ дѣлъ вѣдѣнію уѣздныхъ судей, число самыхъ дѣлъ уменьшится и, значитъ, уменьшится и благотворное вліяніе русскихъ на семейный бытъ туземцевъ, на положеніе женщины и смягченіе нравовъ.

Составителями проекта, конечно, руководило желаніе провести до конца идею о раздѣленіи судебной и административной вла-

---

[1]) *Хераджъ*—десятое зерно зерноваго хлѣба (пшеница, рисъ, горохъ и т. д.); *танапъ*—десятая часть остальныхъ произрастеній, не сыпучихъ, напримѣръ, арбузы, виноградъ, хлопокъ, табакъ и т. д.

стей; но вѣдь это — послѣднее слово цивилизаціи, а здѣсь мы едва только заикнулись на первомъ!

Именно, заикнулись...

Говорятъ въ отвѣтъ, что судьямъ будетъ поставлено въ непремѣнную обязанность: разъѣзжать по уѣздамъ въ назначенные сроки. Это, конечно, было бы хорошо, но едва ли будетъ въ точности исполняться.

Если боятся, что уѣздные начальники, какъ не-юристы, будутъ судить вкривь и вкось, каждый молодецъ на свой образецъ, то вѣдь и судьи туркестанскаго края почти всѣ изъ фронта или изъ чиновниковъ, никогда прежде не мечтавшихъ о судейской карьерѣ, никогда не подозрѣвавшихъ, что они тоже юристы!

При третейскомъ разбирательствѣ нужны главнымъ образомъ здравый смыслъ и добросовѣстность. Если этихъ качествъ не замѣчаютъ въ уѣздныхъ начальникахъ, то зачѣмъ ихъ терпятъ на службѣ? Третейскимъ судьей можетъ быть каждый, къ кому обратятся стороны, и я полагалъ бы нисколько не вреднымъ, чтобы семейныя распри могли улаживать не только судьи, но также и администрація. Вѣдь на обязанности послѣдней лежитъ *предупрежденіе* преступленій, а что же это, какъ не предупрежденіе, если я отниму у палача его жертву?

Много кровавыхъ трагедій можетъ остановить власть, являющаяся во-время. Я полагалъ бы даже, что нѣкоторую дозу отвѣтственности за каждое несчастіе долженъ бы нести аульный старшина у киргизовъ и аксакалъ у сартовъ. Въ деревнѣ каждому извѣстно, кто какъ живетъ, какъ обращается съ женой. Старшина долженъ принимать мѣры противъ несчастій, долженъ увѣдомлять волостного о жестокомъ обращеніи мужей, долженъ содѣйствовать женѣ, желающей принести жалобу на мужа, долженъ покровительствовать ей. Когда такой порядокъ установится, когда къ нему привыкнутъ, тогда станетъ безразлично, уѣздный ли начальникъ, судья ли или даже его письмоводитель будутъ вершить бракоразводныя дѣла. Надо полагать, что и самыхъ дѣлъ возникать будетъ мало, потому что узда, наложенная на мужей возможностію потерять и жену и свои деньги, конечно, заставитъ ихъ быть справедливѣе къ женамъ, а женщина понемногу сброситъ съ себя цѣпи рабства.

Чтобы народъ видѣлъ въ нашемъ судѣ дѣйствительно судъ скорый, какъ уже видитъ въ немъ судъ правый и милостивый — надобно имѣть побольше органовъ суда въ уѣздахъ. Здѣшніе уѣзды не то, что въ европейской Россіи, а пожалуй будутъ и вчетверо больше. Если еще принять въ соображеніе, что судопроизводство

затрудняется необходимостью вести каждое дѣло на двухъ языкахъ, что по меньшей мѣрѣ требуетъ *вдвое болѣе* времени, то недостаточность одного судьи на уѣздъ будетъ очевидна.

Что же сказать о такомъ ненормальномъ явленіи, какъ *общій судья* для города Ташкента и для Кураминскаго уѣзда? Судебный слѣдователь также общій. Обиліе занятій по городу ведетъ къ тому, что слѣдователя иногда ничѣмъ не вызовешь на производство слѣдствія, и дѣло, «не терпящее отлагательства», съ горячими слѣдами и т. д., *откладывается* въ долгій ящикъ и *стынетъ* вмѣстѣ съ довѣріемъ къ нашей энергіи...

Кромѣ того, одна пересылка свидѣтелей, а также отвѣтчиковъ съ окраинъ уѣзда въ Ташкентъ—стóитъ и времени, и денегъ, и немалой переписки, и нарядовъ войскъ въ конвой (къ арестованнымъ отвѣтчикамъ). Отдаленность резиденціи русскаго судьи заставляетъ стороны обращаться къ своимъ біямъ и казіямъ, значеніе, вліяніе которыхъ и замѣтно, въ особенности на окраинахъ. Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности народныхъ судей расширяется здѣсь въ ущербъ значенію и вліянію русскаго права. Главное условіе судопроизводства — простота и незатѣйливость обрядовъ, а слѣдовательно и скорость. Хитрая процедура и разныя инстанціи способны охладить къ суду даже и не такихъ первобытныхъ людей, какъ туземцы. Безпрестанная пересылка тяжущихся отъ одного лица къ другому, при разстояніяхъ, мало располагающихъ къ прогулкѣ, поневолѣ заставитъ народъ предпочесть свой домашній судъ, несмотря даже на нѣкоторые его недостатки.

Главную заботу уѣздной администраціи составляетъ пока сборъ податей, затѣмъ «отписка» по входящимъ нумерамъ, и наконецъ тишина и спокойствіе въ народѣ. Благосостояніе народа, нужды его—послѣднее, о чемъ здѣсь думаютъ.

Безнедоимочный и своевременный сборъ податей—это «злоба дня» и мѣрило степени годности уѣзднаго начальника. Не мудрено поэтому, что это дѣло стоитъ на первомъ планѣ. Система податей—въ видѣ процента съ дохода, а не съ капитала — въ сущности весьма справедлива (и большой капиталъ можетъ не давать никакого дохода,—какъ, напримѣръ не дѣйствующая фабрика), но когда дѣло идетъ о доходѣ съ земледѣлія, то вопросъ значительно усложняется.

Какъ опредѣлить раньше уборки хлѣба десятую часть урожая? Надобно, во-первыхъ, знать: сколько засѣяно земли, какимъ продуктомъ, сколько пошло зерна на посѣвъ, а во-вторыхъ, какъ

хороши всходы, полонъ ли колосъ, можно ли ожидать до уборки особенной засухи. Чтобы по урожаю опредѣлить доходъ, надобно еще вычесть расходы по обработкѣ земли, сообразить, какъ хорошъ урожай во всемъ краѣ и какія могутъ быть, поэтому, цѣны. Сборщики податей изъ туземцевъ едва въ состояніи справиться и съ одною какою-нибудь частью этой обширной задачи. Вычислить площадь даннаго участка не всегда подъ силу и знающему топографу, а тутъ еще поля разбиты на такія неправильныя клѣтки, треугольники, трапеціи, что, какъ говорится, «чортъ ногу сломитъ». Плановъ никакихъ, времени для оцѣнки урожая и раскладки податей сообразно съ нимъ весьма мало, участки сборщиковъ велики—чтó тутъ дѣлать?

А глазомѣръ на что?

Такъ «на глазъ» опредѣляются площади обработанной земли, на глазъ же прикидывается урожай, на глазъ вычисляется доходъ, на глазъ назначается цифра хераджа и танапа!

Сборщики всегда жили хорошо, благодаря глазомѣру: сколько именно слѣдуетъ сдать въ казну,—они отлично умѣли прикинуть на глазъ.

Для отчетности, вмѣстѣ съ деньгами, представлялась обыкновенно длинная хартія, изъ склеенныхъ въ видѣ ленты, листовъ бумаги: это былъ списокъ земледѣльцевъ, противъ каждаго изъ которыхъ представлялось число обработанныхъ имъ танаповъ земли и количество внесенной имъ подати. Разсказываютъ, что пока хартія переходила, бывало, по инстанціямъ изъ рукъ въ руки, то кто-нибудь и удосужится вырѣзать въ серединѣ нѣсколько листовъ, затѣмъ склеитъ концы и передаетъ «сокращенную» хартію слѣдующему... Казна, послѣ этой стрижки, конечно, получала «нѣсколько» менѣе. Не знаю, насколько этотъ разсказъ достовѣренъ, но, принимая во вниманіе, что хартіи писались на туземныхъ нарѣчіяхъ, что переводить ихъ было некому, значитъ и контролировать не было возможности,—принимая все это во вниманіе, невольно повѣришь правдоподобному разсказу. Тутъ еще на подкрѣпленіе являются такія цифры, какъ 82 тысячи, внесенныя кураминцами въ 1867 году, то-есть *до* реформы и 224 тысячи, внесенныя въ 1868, *послѣ* ея. Какъ же собирались деньги, какъ сдавались и полностію ли,—поневолѣ возьметъ раздумье.

Теперь сборы сдѣлались *окладными*: каждая волость знаетъ, сколько она должна доставить. До организаціи же все зависѣло отъ сборщика: онъ представлялъ только то *меньшее*, чего ужъ не могъ не представить. Значитъ, если начальникъ былъ строже,

требовательнѣе, сердитѣе—то сборы возрастали, а нѣтъ, то и держались на минимумѣ. Сами туземцы удивлялись нашему неумѣнью брать все, чтó слѣдовало: Ташкентъ при бекахъ, говорятъ, давалъ чуть не вдесятеро больше, чѣмъ при Сѣровѣ [1])... Для надзора за сборщиками въ кураминскомъ уѣздѣ была принята слѣдующая мѣра: члены одной думы посылались въ районъ другой, а члены этой въ районъ третьей, такъ что обмана тутъ не происходило, обманъ былъ затрудненъ. Члены разъѣзжали по чужимъ волостямъ, гдѣ они нисколько не заинтересованы потворствовать ради будущихъ выборовъ и подмѣчали неправильности раскладки, утайку податей и пр.

Съ этою же цѣлью посылались и джигиты, служившіе по найму при уѣздномъ начальникѣ. Казалось бы, что за находка служить за 20 рублей на всемъ своемъ, да еще коннымъ? А между тѣмъ охотниковъ являлось много и за цѣну въ половину меньшую: весь секретъ въ томъ, что джигитъ, такъ сказать, «чиновникъ особыхъ порученій» и въ своемъ муравейникѣ пріобрѣтаетъ значеніе. Посланный съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ уѣзднаго начальника, джигитъ вездѣ почетный гость, разспросамъ нѣтъ конца, угощеніямъ тоже. Хорошо исполненное порученіе приноситъ халатъ, денежную награду, а тамъ, впереди, мерещатся: почетные халаты съ галунами, медаль въ петлицу, медаль на шею... вотъ и «почетный туземецъ»!

Быть честнымъ, хоть на первое время, гораздо выгоднѣе, чѣмъ плутовать. Это отлично подмѣтили туземцы, и пользуются случаями отличиться. Многіе изъ насъ, по законно пріобрѣтенной недовѣрчивости, никакъ не могутъ допустить мысли, чтобы человѣкъ, получающій ничтожное вознагражденіе, устоялъ отъ соблазна. Можно ли нанять честнаго человѣка въ конные разсыльные за 20 рублей?

Да, можно. Джигитъ идетъ не за 20 р., а за маленькій почетъ и за большія надежды. Плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ—плохъ тотъ джигитъ, который не надѣется быть волостнымъ! Нѣсколько примѣровъ уже есть, что джигиты дѣлались членами думы и волостными, а шагнуть «изъ ничего въ люди»—хоть кого заставитъ поразмыслить. Всѣ преступники—плохіе счетчики: не разочтетъ всѣхъ шансовъ и бухнетъ. Честнымъ быть не только спокойнѣе, но и выгоднѣе. Порядочный джигитъ поступаетъ съ разсчетомъ, и глядишь, не ошибся.

Такихъ джигитовъ уѣздный начальникъ держалъ шесть, полу-

[1]) Знаменитый по иканскому дѣлу офицеръ уральскаго войска.

чая на нихъ и отъ казны (въ общей суммѣ на канцелярію) и отъ хозяйственныхъ управленій. Два джигита назначались къ старшему помощнику. Каждый волостной получалъ деньги на двухъ джигитовъ, изъ нихъ одинъ командировался черезъ два мѣсяца въ третій къ уѣздному начальнику. Значитъ, треть года джигитъ волостного въ отсутствіи. Изъ 28 волостей ежемѣсячно доставлялся, значитъ, контингентъ въ 9 джигитовъ, смѣнявшихъ предшествовавшую серію.

Полицейскій надзоръ въ большихъ селеніяхъ поручался такъ-называемымъ *курбашамъ*, имѣвшимъ также по два джигита. Курбаши поставлены были: въ Той-Тюбе, въ Бискентѣ, въ старомъ Ташкентѣ и въ старомъ Чиназѣ.

На канцелярскіе расходы отпускается въ мѣсяцъ 66 р. 66 к. Переписка же доходитъ теперь до четырехъ тысячъ исходящихъ нумеровъ въ годъ. Цифра росла прогрессивно: въ 1868 году входящихъ нумеровъ было 1,487, исходящихъ 1,597, а въ 1869 —первыхъ было 1,940, а вторыхъ—2,160. Прибавьте къ этому веденіе журналовъ, отчетности и т. п., то окажется, что менѣе трехъ писцовъ держать нельзя. Затруднительность имѣть вообще что-либо порядочное, да еще на мизерныя средства, которыми располагаетъ уѣздный начальникъ—ставятъ канцелярію подъ часъ въ весьма непріятное положеніе, и дѣлопроизводство, конечно, должно прихрамывать.

Всѣ управленія наперерывъ стараются сманить одно отъ другого порядочнаго писца. Сманить можно, конечно, увеличеніемъ жалованья, и вотъ нѣкоторые ташкентскіе писцы получаютъ до 35 р. въ мѣсяцъ. Другіе, служа гдѣ-нибудь въ казенномъ управленіи (штабъ, интендантство и т. п.), ходятъ еще «на вечернія занятія» въ какую-нибудь палату и за это получаютъ до 25-ти рублей. Понятно, что съ богатыми палатами уѣздный начальникъ тягаться не можетъ и потому поневолѣ довольствуется «бракомъ» — какими-нибудь запивохами. Такой молодецъ занимается, конечно, періодически: день работаетъ—день *боленъ*.

Въ виду такого порядка вещей является необходимость увеличить сумму, отпускаемую на канцелярскіе расходы. Казенные писаря и безъ того отнимаютъ у государства множество рукъ, и потому желать ихъ для уѣздныхъ управленій едва ли слѣдуетъ.

На пониженіе цѣнъ можетъ, конечно, вліять и болѣе правильное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ; но это правильное отношеніе само собою не явится, потому что на писарское амплуа въ такую даль никто добромъ не поѣдетъ. Здѣсь

было бы для всѣхъ безразлично: добромъ ли, зломъ ли приведенъ сюда человѣкъ—лишь бы работалъ исправно.

Для простой ссылки на житье туркестанскій край совершенно удобенъ. Спросъ на писцовъ, прислугу, мастеровыхъ—обезпечиваетъ порядочному ссыльному вѣрный кусокъ хлѣба. Мало ли какія обстоятельства стащатъ человѣка съ прямого пути. Новая обстановка, новые люди, которые не знаютъ, да и не интересуются знать его прошедшее—все это въ состояніи поставить на ноги потерпѣвшаго крушеніе чиновника, свихнувшагося мастерового и прочихъ.

Въ обществѣ впрочемъ привыкли смотрѣть на Тащкентъ (въ смыслѣ нарицательномъ), какъ на мѣсто ссылки, но это – другое дѣло. Разныя «непокорныя дѣти» посылаются сюда отцами «на исправленіе». Запутавшіеся въ сѣтяхъ собственныхъ векселей, разные «несостоятельные офицеры» обрекаютъ себя на добровольное изгнаніе, отправляясь въ ссылку въ Ташкентъ же. Семейныя неудачи, «несчастіе въ товарищахъ» (понимайте: остракизмъ)—все это такъ и тянетъ въ Ташкентъ!

Насколько «исправляются» непокорныя дѣти, пусть скажутъ отцы. Мы не станемъ перечислять всѣхъ бѣдныхъ «дѣтей», заплатившихъ жизнью за это исправленіе, но предостережемъ отцовъ отъ такой мѣры.

Люди, не способные къ труду, не пріученные къ нему, люди привыкшіе къ «компаніи», промотавшіе на своемъ вѣку не одну тысячу маменькиныхъ денегъ—такіе люди въ Ташкентѣ не исправляются. Правда, расходы ихъ значительно сокращаются, но единственно потому, что шампанское замѣняется спиртомъ.

Зато кто труда не боится, а главное *не стыдится*, тотъ легко найдетъ здѣсь работу. Кто не слышалъ въ Ташкентѣ объ извощикѣ съ титуломъ барона?..

Мы знаемъ теперь средства уѣзднаго начальника по отношенію къ сборамъ податей, поддержанія порядка и «отписки». Пусть не думаютъ, что «отписка»—вздоръ, что дѣльному человѣку некогда тратить время на «казенную литературу». У насъ были такіе уѣздные начальники, которые пробовали отмалчиваться, но это удавалось только сначала — теперь всѣ неопустительно «спускаютъ» нумера:—отвѣтилъ, и правъ.

Посмотримъ же, какъ приходится *управлять* уѣздомъ нынѣшнему начальнику.

Территоріи уѣздовъ большею частью громадны. Кураминскій уѣздъ не изъ самыхъ крупныхъ, а въ немъ 520 квадр. миль! Для наглядности укажемъ только, что московская губернія только

немногимъ больше — въ ней 596 кв. миль. Тульская имѣетъ 552 кв. м. Эстляндская меньше Курамы на 165 кв. м. Каждая изъ польскихъ губерній если не на треть, то въ половину меньше. О мелкихъ княжествахъ и герцогствахъ Германіи нечего и говорить. Даже Баденъ, Гессенъ, Мекленбургъ, Ольденбургъ, наконецъ Саксонія и Виртембергъ и тѣ меньше Курамы. Сравнить же сколько *тамъ* чиновниковъ заправляютъ дѣломъ и сколько здѣсь!

Даже и по числу жителей кураминскій уѣздъ сильнѣе многихъ финляндскихъ губерній, а между тѣмъ весь губернаторъ помѣщается здѣсь въ какомъ-нибудь майорѣ! Обширность территоріи дѣлаетъ непосредственный личный надзоръ при помощи объѣздовъ почти невозможнымъ: за разъѣздами пришлось бы бросить все остальное. Разъѣзды, кромѣ того, влекутъ за собою неодолимые для небогатаго человѣка расходы: не говоря о прогонныхъ деньгахъ (да на почтовыхъ уѣзда и не объѣдешь) еще приходится содержать неизбѣжную свиту изъ джигитовъ и должностныхъ, сопутствующихъ по ихъ участкамъ, наконецъ расплачиваться за встрѣчи и угощенія, дарить халаты наиболѣе усердствующимъ и проч.

Не уступая нѣмецкимъ королевствамъ по величинѣ территоріи, туркестанскіе уѣзды управляются администраціей едва соотвѣтствующей, по составу ея и содержанію, большому русскому селу. Уѣздный начальникъ, старшій помощникъ, младшій изъ туземцевъ и, пожалуй, еще письмоводитель—вотъ и всѣ.

Уѣздные начальники получаютъ содержаніе совершенно недостаточное, въ виду расходовъ, сопряженныхъ съ должностью. Жалованья и столовыхъ по тысячѣ, разъѣздныхъ 500, экстраординарныхъ 600. Всего 3100. Кураминскому хуже всѣхъ: куда бы начальство ни выѣхало, откуда бы ни пріѣхало—провожать его и угощать на станціяхъ придется ему, такъ какъ Ташкентъ лежитъ внутри кураминскаго уѣзда. Конечно, годъ на годъ не приходится, но двѣ встрѣчи вещь обыкновенная; а если принять во вниманіе вошедшую въ обычай торжественность встрѣчъ —тріумфальныя арки, пушечную пальбу, «приглашеніе» народовъ къ личному участію и роскошныя угощенія — то взвѣсить расходы будетъ не трудно. Надобно еще сказать, что уѣздный начальникъ встрѣчаетъ всегда на границѣ уѣзда,—понятно, что угощеніе среди степи, въ необитаемомъ пунктѣ, требуетъ еще болѣе расходовъ вслѣдствіе необходимости везти все издалека. Наконецъ, не было до сихъ поръ примѣра, чтобы ожидаемый пріѣхалъ въ назначенный имъ самимъ день. Разныя серьёзныя

обстоятельства всегда задержать выѣздъ до «счастливаго» дня. Летучка за летучкой [1]) бѣгутъ по тракту, разнося «фальшивыя тревоги». Обѣдъ приготовленъ, столъ накрытъ, всѣ въ парадной формѣ, ждутъ не дождутся. Но вотъ видна пыль... Бѣжитъ летучка... «Остались ночевать въ городѣ». Что-жъ, господа, надо порѣшить обѣдъ — не держать же его два дня, приглашаетъ уѣздный начальникъ, прикидывая въ умѣ: во сколько же обойдется встрѣча?

Иногда такихъ «встрѣчныхъ» обѣдовъ приходится порѣшить не два, не три—встрѣча-то и станетъ въ копейку.

О народѣ, «приглашенномъ» встрѣтить начальство за десятки верстъ отъ своихъ жилищъ — и говорить нечего. Ташкентцы до сихъ поръ помнятъ одну встрѣчу въ 1869 году. Прождавъ цѣлую недѣлю и не имѣя возможности уѣхать назадъ, люди сильно нуждались въ самомъ необходимомъ. Начальникъ города не догадался организовать правильный подвозъ съѣстныхъ припасовъ, которые страшно вздорожали. Пришлось довольствоваться дынями, арбузами... — явилась дизентерія, произошло нѣсколько смертныхъ случаевъ.

— Это все отъ дынь,—успокоивается попечительный начальникъ. Къ довершенію всего халаты, взятые многими на прокатъ для встрѣчи, порядкомъ поистрепались и за нихъ пришлось расплачиваться. Лавочники тоже считали себя въ убыткѣ за время отсутствія на пикникѣ... Говорили еще, что аксакалы, на которыхъ возложено было *приглашать* народъ, съумѣли соединить пріятное съ полезнымъ, и потому участниками встрѣчи оказались преимущественно люди не особенно богатые... Такъ ужъ вышло.

Уѣздному начальнику отпускается 600 р. на угощеніе туземцевъ и на подарки имъ. Извѣстно, какое угощеніе: чай, пловъ, сласти. Но и на это всегда найдется много охотниковъ, въ особенности у *хакима*. И домашнимъ пріятно похвастаться: «очень ужъ просилъ полковникъ—надо было зайти».

Сначала наши хакимы горячо принялись «угощать» туземцевъ, но, обжегшись на первыхъ же порахъ—притихли. Теперь кромѣ чаю, да и то не каждый разъ, туземецъ уже не дождется, а между тѣмъ ежемѣсячно въ контрольную палату посылается свидѣтельство о томъ, что: «на угощеніе туземцевъ употреблено столько-то, на подарки—столько-то, а всего 50 рублей», то-есть какъ разъ мѣсячная сумма.

На угощеніе туземцевъ получаютъ и губернаторы и генералъ-

[1]) Такъ перевели казаки слово *эстафета*—характерно и удачно.

губернаторъ, получаютъ также помѣсячно и также должны посылать счеты въ контроль.

Очевидно, что это совершенно ненужная формальность, а между тѣмъ всякому понятно чувство, съ которымъ подписываютъ эти лица свои счеты. Все это слѣдовало бы отмѣнить. Деньги не расходуются иногда нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ, а потомъ сразу уйдутъ на какое-нибудь торжество.

Какъ бы то ни было, а матеріальное благосостояніе уѣздныхъ начальниковъ не изъ блестящихъ. Не въ этомъ ли искать объясненія того факта, что многіе изъ нихъ уходили, какъ говорится, «со скандаломъ»?

Если уѣздный начальникъ поставленъ въ грустную необходимость бороться съ нуждой, если его преслѣдуетъ подавляющая мысль о томъ, какъ бы свести концы съ концами, какъ бы урѣзать фалды, чтобъ вышли рукава—не ждите отъ него ни особой энергіи, ни особой любви къ дѣлу, потому что эти двѣ вещи, т.-е. энергія и любовь къ дѣлу влекутъ за собою лишніе расходы, а на это капиталовъ не хватаетъ. Благоразуміе и простая выкладка на счетахъ заставятъ хоть кого поприжаться и, вмѣсто самостоятельнаго администратора, выйдетъ простой чиновникъ, болѣе или менѣе удачно отписывающійся по входящимъ нумерамъ!

Если всякая жалоба, всякій уголовный случай, прежде перехода къ судьѣ или судебному слѣдователю, должны быть достаточно разъяснены, достаточно разслѣдованы уѣздною администраціею, то она должна имѣть къ тому всѣ средства. Нельзя остаться при томъ личномъ составѣ, какой существуетъ въ настоящее время. Если быстрота дѣйствій можетъ цѣниться гдѣ-нибудь, то ужъ конечно здѣсь, гдѣ каждый проказникъ въ состояніи уйти отъ глаза и руки администраціи въ одинъ день—благо есть хорошій конь и степь по сосѣдству.

Быстрота и разстояніе—два начала несовмѣстныя. Онѣ обратно пропорціональны: чѣмъ меньше разстояніе, тѣмъ быстрѣе его пройдешь. Отсюда: чѣмъ меньше уѣздъ, тѣмъ дѣйствительнѣе надзоръ, тѣмъ легче управленіе, тѣмъ замѣтнѣе дѣятельность власти, тѣмъ быстрѣе исполняются распоряженія, тѣмъ сильнѣе вліяніе администраціи—значитъ тѣмъ лучше.

Если по какимъ бы то ни было причинамъ невозможно перекроить уѣзды, образовать нѣсколько новыхъ, то остается только одно средство: раздѣлить уѣзды на участки или станы. Становой приставъ вовсе не дурное изобрѣтеніе, и если теперь это слово рѣжетъ ухо, то единственно вслѣдствіе неудачной практики древ-

нихъ становыхъ. Но вѣдь на Руси и всѣ низшія административныя, судебныя и фискальныя должности—обыкновенно опошливались вслѣдствіе мизернаго казеннаго содержанія и ненасытимой потребности «жевать». Приказный, подъячій, цѣловальникъ сдѣлались синонимами грабителя и бранными словами.

Понятное дѣло, что при нѣкоторой щедрости въ содержаніи, при должномъ вниманіи къ службѣ—всегда можно привлечь къ дѣлу порядочныхъ людей. Громкія фразы о «безкорыстномъ служеніи государственнымъ цѣлямъ», о безнравственности самой мысли о вознагражденіи, пропорціональному количеству труда—мнѣ приводилось слышать только отъ людей, получающихъ большое содержаніе или живущихъ «воспоминаніями» о своемъ доблестномъ завѣдываніи казеннымъ хозяйствомъ, о своихъ полкахъ и т. д.

Положимъ однакоже, что новое вино не захочетъ вливаться въ старые сосуды, что не найдется людей, согласныхъ носить кличку становыхъ—замѣните ее исправниками, участковыми. Опасеніе это, конечно, вздорное, и я привелъ его, только чтобъ не выкинуть слова изъ пѣсни.

Кураминскій уѣздъ можно бы было раздѣлить по его арычнымъ системамъ на станы: ангреновскій, чирчикскій и карасуйскій. Приставовъ пришлось бы назначить только двухъ, потому что чирчикскимъ могъ бы завѣдывать теперешній старшій помощникъ.

Содержаніе становымъ можно бы назначить по 1200 р., да 200 р. на разъѣзды, 300 р. на переводчика и 500 р. на канцелярію, всего одному 2200 р., а двумъ 4,400 р. Старшему помощнику, какъ начальнику канцеляріи уѣзднаго начальника, можно дать только на переводчика 300, да разъѣздныхъ 400, (онъ завѣдываетъ уѣздомъ въ отсутствіе уѣзднаго начальника), что съ получаемыми имъ 1500 рублями составитъ 2200. Всего потребуется 5100 р. новаго расхода, который конечно не можетъ быть сочтенъ непроизводительнымъ, въ виду достиженія болѣе основательнаго знакомства съ населеніемъ, болѣе бдительнаго надзора за сборщиками податей, за благочиніемъ и порядкомъ. Расходъ этотъ, конечно, окупится не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи: близкій и, слѣдовательно, болѣе дѣйствительный надзоръ за правильною раскладкою и сборомъ податей—непремѣнно выразится соотвѣтствующимъ плюсомъ.

Необходимость этой реформы была заявлена мною еще въ 1870 году въ «общихъ видахъ и предположеніяхъ» касательно уѣзда. Меня утѣшаетъ теперь мысль, что не я одинъ пришелъ

къ высказаннымъ выводамъ: коммиссіи, разработывавшія новый проектъ положенія, нашли нужнымъ ввести раздѣленіе уѣздовъ на участки, общество любителей естествознанія (въ Москвѣ) представило проектъ образцовыхъ фермъ и мастерскихъ при нихъ, на началахъ, общихъ съ моими. Что касается до необходимости мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, то заявленія объ этомъ я встрѣчалъ нѣсколько разъ въ печати.

Исходя изъ той мысли, что администрація не должна ограничиваться ролью только сборщика податей и полицейскаго надзирателя, но должна принять на себя и роль проводника цивилизаціи, я считалъ необходимымъ совершенствовать всѣ отрасли народнаго хозяйства, промышленности и быта. Для этого необходимо отказаться хоть на время отъ старой финансовой политики: собирать съ народа какъ можно больше и возвращать ему какъ можно меньше. Надобно освоиться съ истиной, что безъ обновленія и усовершенствованія *источниковъ* дохода, мы всегда будемъ собирать гроши тамъ, гдѣ легко могли бы найти рубль. Грошъ, кинутый въ почву сегодня—дастъ завтра же рубль барыша.

Для улучшенія земледѣлія и хозяйства придется прежде всего ввести улучшенныя орудія, испытавъ предварительно, какія наиболѣе удовлетворяютъ мѣстнымъ условіямъ? Для этихъ опытовъ, а также для примѣра, необходимо учредить нѣсколько образцовыхъ фермъ и садовъ. Эти фермы и сады послужатъ школами, гдѣ воспитается поколѣніе агрономовъ. Ремесленныя и механическія мастерскія, гдѣ бы можно было исправлять или даже и дѣлать новыя земледѣльческія орудія по выписаннымъ изъ европейской Россіи образцамъ—поставятъ дѣло на твердую почву. Изъ орудій могли бы быть полезными: плуги, бороны, земледробилки, сѣялки, грабли; изъ машинъ: жатвенныя, молотильныя, вѣялки, соломорѣзки, зернодробилки, переносныя мельницы, гидравлическіе прессы, джины для очистки хлопка и пр.

Жителямъ должно быть предоставлено право брать на прокатъ орудія и машины за самую умѣренную плату, обезпечивающую только ремонтъ и процентъ погашенія.

При фермахъ и механическихъ заведеніяхъ должны быть устроены ремесленныя школы, преимущественно для русскихъ дѣтей.

Что касается до фабрикъ, то это самое выгодное предпріятіе, какое только можно придумать. Въ то же время это единственное пока средство вести борьбу съ англійскими фабрикатами, водворяемыми нами самими при посредствѣ безпошлиннаго кавказскаго транзита отъ Поти черезъ Тифлисъ и Баку на Астрабадъ.

Удешевить собственные товары можно, во-первыхъ, удешевленіемъ провоза—для чего нужна желѣзная дорога; во-вторыхъ, учрежденіемъ фабрикъ на мѣстѣ. Желѣзная дорога хотя и составляетъ общее желаніе, но едва ли осуществится ранѣе десяти лѣтъ, да и тогда не подорветъ мѣстныхъ фабрикъ.

Люди, смотрящіе на среднеазіатскую Россію, какъ на русскую колонію, хотятъ, чтобы и все общество раздѣляло ихъ древнія колоніальныя теоріи: Туркестанскій край пусть доставляетъ Россіи хлопокъ, шелкъ и вообще сырье, а Россія будетъ все это выдѣлывать на своихъ фабрикахъ и посылать назадъ.

Мы смотримъ на Туркестанскій край, какъ на часть Россіи, имѣющую такое же право на попеченіе о себѣ, какъ и воронежская губернія. Разъ, что признали край русскимъ, надобно и заботиться о немъ, какъ о Россіи. Пасынковъ не должно быть въ государствѣ, которое хочетъ быть сильнымъ. Къ сожалѣнію, эти старыя истины нуждаются еще въ повтореніи, такъ какъ значеніе ихъ не всѣми сознается.

Въ чемъ же выгода русскаго Туркестана? Высылать ли все сырье въ европейскую Россію, или обработывать часть его на мѣстѣ?

Кажется, не трудно рѣшить этотъ вопросъ: отсылать свой шелкъ въ видѣ грены, въ видѣ яичекъ шелкопряда и въ видѣ тканей—разница; отдавать цѣлый караванъ хлопка, чтобы получить обратно только одинъ тюкъ его въ видѣ дорогого ситца—не особенно выгодно; отдавать цѣлаго быка, чтобы получить назадъ одинъ выдѣланный хвостъ—тоже не весьма лестно.

Да, наконецъ, съ чего взяли, что «русскія» фабрики потерпятъ отъ конкурренціи «азіатскихъ»?

Россія получаетъ до 3-хъ милліоновъ пудовъ хлопка, изъ нихъ только 800 тысячъ чрезъ азіатскую границу. Въ ней 68 бумагопрядилень, 1657 бумаготкацкихъ фабрикъ и 133 ситценабивныхъ; на всѣхъ ихъ работаетъ до 140,000 рабочихъ. Сумма производства этихъ фабрикъ равнялась въ 1868 году 121.674,000 рублямъ. Провозъ хлопка по европейской границѣ въ 1867 году равнялся 38 милліонамъ рублей, а въ 1871 году—48 милліонамъ рублей. Пряжи привезено было въ 1867 г. на 4.743,000 р., а въ 1871 на 8.291,000 р. Весьма вѣроятно, что и сумма производства въ 1871 году повысилась до 160 милліоновъ. Въ Азію же отпущено бумажныхъ издѣлій всего на 1.438,000 р. Ясно поэтому, что какихъ-нибудь двѣ-три ташкентскихъ фабрики не подорвутъ 160-ти-милліоннаго производства, которое вдобавокъ даетъ въ Азію менѣе одной сотой.

Самые дешевые русскіе ситцы съ провозомъ обходятся на-

столько дорого, что масса туземцевъ не въ состояніи покупать ихъ и довольствуется домашними тканями, весьма грубыми.

Базары Бухары переполнены англійскими товарами, проникающими сюда чрезъ Кавказъ, Каспій, Астрабадъ и Мешедъ. Аршиномъ мы не завоюемъ рынка—только непосредственное занятіе страны можетъ обезпечить нашей торговлѣ среднеазіатскій рынокъ, но и тутъ англійскіе товары уступятъ развѣ только репрессивнымъ мѣрамъ. Ожидать же, что туземцы будутъ предпочитать наши, болѣе дорогіе товары, изъ одной любезности, конечно, нельзя. Значитъ, контрабанда будетъ сильная.

Придется сознаться, что единственное средство помочь горю—заключается въ учрежденіи своихъ фабрикъ. Слѣдовало бы начать съ простой бязи или маты [1]), конечно, болѣе широкой, чѣмъ туземная, затѣмъ кисея, дешевенькіе ситцы, миткаль, а тамъ, пожалуй, полушелковыя ткани, канаусъ, сукно. Полезно также было бы устроить чугунно-литейные заводы, стеариновый, мыловаренные, сахарный и т. д.

Литейное дѣло здѣсь существуетъ, и довольно сносное, только въ малыхъ размѣрахъ. Впрочемъ, для госпитальной церкви отлитъ однимъ туземцемъ даже мѣдный колоколъ—и довольно изрядно. Свѣчи и сахаръ достигаютъ иногда неслыханной въ Россіи цѣны: 50 коп. за фунтъ свѣчей и до рубля за фунтъ сахару. Поэтому фабрикантъ убытку не понесетъ. Кажется, въ Ташкентѣ образовалось уже товарищество для устройства бумагопрядильни и ткацкой. Отъ души желаемъ успѣха.

О школахъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ; заключимъ вопросомъ о другомъ воспитательномъ учрежденіи: о театрѣ. Туземцы все свое свободное время проводятъ на базарахъ, на улицахъ, занимаясь прогулкой, разговорами или созерцаніемъ; страсть къ новостямъ, къ зрѣлищамъ чисто аѳинская. Мы говорили уже, къ чему приводитъ эта страсть при неимѣніи театровъ, цирковъ или вообще чего-нибудь путнаго.

Театръ могъ бы облагородить эту страсть и дать ей хорошее направленіе; достаточно было бы дать хотя одинъ образецъ европейской народной сцены, а затѣмъ, при любви туземцевъ къ зрѣлищамъ, нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ народнаго театра и въ благотворномъ вліяніи его на нравы мѣстныхъ жителей.

М. Терентьевъ.

---

[1]) Матою называется не ткань, а кусокъ въ извѣстное число аршинъ. „Дай мнѣ мату бязи"—все равно что: дай кусокъ бязи. Русскіе не разобрали сначала, да такъ и называли самую ткань.

СЕЛЬЦО МАЛИНОВКА

ПОВѢСТЬ.

Утро было ясное. Въ воздухѣ стоялъ запахъ отъ молодыхъ листьевъ и черемухи. Изъ свѣжей, зеленой глубины лѣса раздавался голосъ кукушки; далеко гдѣ-то слышенъ былъ крикъ журавлей. Весна была въ полномъ блескѣ.

По извилистой, проселочной дорогѣ шла дѣвушка лѣтъ девятнадцати; она была не велика ростомъ, въ простомъ, ситцевомъ, вновь вымытомъ платьѣ; бѣлокурые ея волосы съ легкимъ рыжимъ оттѣнкомъ, въ двѣ косы, висѣли вдоль спины; глаза у нея были сѣрые, и точно будто отъ удивленія она ихъ открывала слишкомъ кругло; носъ довольно толстый, немного вздернутый; она далеко не была красива, однако всякій счелъ бы ее за красавицу, кто встрѣтилъ бы ее среди этой обновленной, могучей природы; румянецъ свѣжо игралъ сквозь ея тонкую бѣлую кожу, она смотрѣла открыто и счастливо; казалось, будто весенній день и молодая дѣвушка пополняли другъ друга. Она сама чувствовала, что все вокругъ нея—родное ей; ей казалось, будто природа и она—одно и то же, что она понимаетъ радость встрепенувшихся лѣсовъ и полей, что они радуются и зеленѣютъ только для нея; журавлиный крикъ и кукушка—все раздовалось внутри ея, и сердце у ней радостно билось въ отвѣтъ; она шла скорымъ шагомъ и сама себѣ улыбалась.

Дорога огибала поле и проходила черезъ рѣденькую березовую рощицу; неожиданно близко гдѣ-то закуковала другая кукушка. Молодой дѣвушкѣ вдругъ стало весело, радостно почему-то; она вскрикнула и пустилась бѣгомъ по дорогѣ! —

большая соломенная шляпа свалилась ей на спину, ситцевое платье шуршало; прошлогодніе листья бѣжали за ней по дорогѣ; кукушка испуганно полетѣла прочь изъ рощи; большой черный жукъ, спокойно перебиравшійся черезъ колею, остановился въ недоумѣніи и долго послѣ все стоялъ неподвижно.

Дѣвушка бѣжала, бѣжала, одной рукой прижимая къ себѣ пучокъ черемухи, другой придерживая платье; и рощицу оставила она за собой и небольшой лугъ; передъ ней сквозь низенькіе кусты блеснула на солнцѣ рѣчка, а за рѣчкой въ густой зелени мелькнула красная крыша, глянуло и окошко между вѣтокъ. Пробѣжавъ черезъ старый почернѣвшій мостокъ, дѣвушка остановилась и съ усиліемъ перевела духъ.

«Анна Сергѣевна!» —раздался за ней молодой мужской голосъ; она обернулась; къ ней шелъ изъ кустовъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, большой ростомъ, неловко шагая по кочкамъ, будто непривычно еще ему было справляться съ длинными ногами; лицо у него было красивое, полумужское, полуребяческое; на верхней губѣ пробивались усики; темнорусые, густые волосы вились; на немъ была не то блуза, не то рубашка изъ толстаго суроваго полотна, слабо придержанная низко-спущеннымъ кожанымъ кушакомъ, такіе же суровые шаровары, засунутые въ высокіе сапоги, и поношенная соломенная шляпа; на плечѣ онъ несъ ружье.

— А я гляжу, кто это бѣжитъ! — говорилъ онъ, приближаясь:—здравствуйте, Анна Сергѣевна.

— Она улыбнулась и протянула ему руку.

Здравствуйте, Илюша; что̀ это вы, на охотѣ были? Какъ можно объ эту пору? Вѣдь птицы гнѣзда вьютъ?

Илюша махнулъ рукой.

— Большой бѣды имъ отъ меня не будетъ! — сказалъ онъ: плохо стрѣляю, даже обидно!

Самая нехорошая пора была для мальчика; онъ былъ, что называется: ни рыба, ни мясо! самъ онъ не зналъ, что̀ онъ, ребенокъ ли, молодой ли человѣкъ!—«Тьфу ты!»—думалъ онъ про себя часто:—«какъ скверно! самъ не знаю какъ говорить, какъ взрослый что̀ ли, или нѣтъ!» И говорилъ-то онъ разными голосами: то у него выходило нѣсколько словъ басомъ, то онъ взвизгивалъ какъ дѣвочка; конфузился очень, и старался казаться развязнымъ, и не удавалось, и все выходило неловко!—«Скверно!» повторялъ онъ про себя, въ видѣ утѣшенія, что по крайности хоть самъ передъ собой сознаетъ, что дѣлаетъ неловкости, а не одни посторонніе замѣчаютъ.

— Вы гдѣ были?—спросилъ онъ.

— Я пошла такъ, куда глаза глядятъ; сначала нашла въ въ рощѣ черемухи, наломала; наша почти отцвѣла.

Они пошли рядомъ.

— Какъ сегодня хорошо пахнетъ!—заговорила дѣвушка, вдыхая воздухъ.

— Да это отъ вашего букета,—пропищалъ Илюша.

— Ну, чтó у васъ новенькаго?—спросила она, нюхая черемуху:—я давно вѣдь ужъ васъ не видала.

Илюша слегка покраснѣлъ и постарался ущипнуть усы.

— Я не знаю чтò вамъ разсказать; у насъ кажется все по старому! Маменька возится со скотницами; жаловалась нынче утромъ, что телятникъ обманулъ ее, дешево телятъ взялъ, папенька цѣлый день на пашнѣ.

— А вы на пашню ходите?

— Нѣтъ; я все больше съ ружьемъ по лѣсамъ хожу.

— Про графское семейство не слыхать.

— Папенька получаетъ письма; нынѣшній годъ опять велѣли варить варенье, опять начнутся хлопоты у маменьки.

— Да она развѣ все сама варитъ?

— Нѣтъ, ей матушка съ дочерью помогали, да это помощь небольшая.—Вотъ вамъ однако новость, Анна Сергѣевна: къ батюшкѣ жильца ждутъ!

— Право? Кто онъ такой?

— Не знаю. Изъ Москвы кто-то.

Они между тѣмъ подошли вдоль частокола къ кресту, служащему калиткой.

— Вы зайдете къ намъ, Илюша?—спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчалъ онъ торопливо:—я ужъ и такъ давно изъ дому.

— А то войдите, милости просимъ; впрочемъ, какъ угодно; до свиданья.

Она подала ему руку, потомъ повернула крестъ, вошла въ садъ, и громко затянувъ:

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту...

скрылась за большимъ кустомъ сирени, облитымъ еще не распустившимися цвѣточками.

Садъ былъ не великъ, всего одна дорожка полукругомъ шла передъ домомъ вдоль забора; но чего-чего, въ этомъ саду не было понемногу! Три большія темныя ели росли направо у самаго дома, и березы тутъ были, и липовая аллея шла вдоль

частокола до самой дороги; сирень и жимолость разрослась ужъ черезчуръ. Направо отъ дома были гряды со всякими ягодами; а среди густой, разнообразной зелени, выглядывалъ веселенькій деревянный домикъ съ мезониномъ и красной крышей, точно спѣлое яблоко въ вѣткахъ. И домикъ, и зелень, и ели, и крупные розовые піоны — все отражалось въ маленькомъ, чистомъ прудикѣ, полномъ по самые края, занимавшемъ все пространство между узенькимъ балкончикомъ и дорожкой, огибавшей садъ.

Свѣтлое платье молодой дѣвушки мелькнуло въ аллеѣ, отразилось въ прудикѣ и зашуршало по ступенькамъ балкона.

— Тётя!—крикнула она на порогѣ.

— Ого!—отвѣчалъ мягкій, старческій голосъ.

Въ дверяхъ, ведущихъ въ столовую, показалась женщина лѣтъ пятидесяти, кругленькая, въ темномъ холстинковомъ платьѣ и въ простомъ бѣломъ чепчикѣ. Вся она была добрая, и ея мягкія руки съ золотымъ обручальнымъ кольцомъ, глубоко врѣзавшимся въ растолстѣвшій палецъ, и бѣлое, покрытое мелкими морщинами, лицо, и живые сѣренькіе глазки безъ бровей и рѣсницъ, и гладко причесанные сѣдые волосы, и бородавка, съ волосиками на подбородкѣ,—все въ ней выражало доброту, и, казалось, было необходимой принадлежностью этой доброты. Съ перваго раза, увидавъ Пелагею Матвѣевну, нельзя было сомнѣваться въ двухъ ея свойствахъ: въ добротѣ и въ томъ, что она кому-нибудь на свѣтѣ приходилась теткой: ужъ такое у ней было лицо!

— Ухъ! какой букетъ! — воскликнула она: — а я безъ тебя вѣдь опять журила Авдѣя! Напился пьянъ вчера вечеромъ! Бѣдная Мышка опять безъ корма въ конюшнѣ стоитъ!

— Тётя, да вы его хоть браните, хоть нѣтъ, онъ опять завтра напьется! Вы вѣдь у меня браниться не умѣете!—прибавила дѣвушка, ласкаясь къ теткѣ.

— Кошечка ты моя! Нѣтъ, я его порядкомъ однако сегодня пожурила. Нельзя же! Добро бы у насъ много людей, а то вѣдь по настоящему онъ одинъ, а Прохорычъ что̀ за сторожъ!

— Да. Кто хочетъ, тотъ и обкрадывай насъ, — замѣтила Анюта, устанавливая свой букетъ въ рукомойникѣ и, видимо, не думая о томъ, что̀ говорила.

— Полно вздоръ говорить, Анюта; кому охота насъ обкрадывать! Господь милостивъ! А мнѣ старика жаль, ему бы на покой пора, а онъ служи.

Пелагея Матвѣевна ушла куда-то по хозяйству, а Анюта сѣла на кресло и долго любовалась на свой букетъ; имъ однимъ только и нарушалась нѣсколько чопорность маленькой гостиной.

Какъ только помнила себя Анюта, ничего въ этой гостинной не перемѣнилось. Жесткій, неудобный диванъ, кресла, покрытыя бѣлыми чехлами, стояли симметрично, будто на размѣренномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ простѣнкахъ, на узенькихъ подзеркальникахъ, передъ узенькими зеркалами, стояли, подъ стеклянными колпаками, узенькія золоченыя вазы съ букетами неестественно сдѣланныхъ, поблекшихъ отъ времени цвѣтовъ. Надъ диваномъ, противъ балконной двери, висѣло затянутое *кисейкой* отъ мухъ, такое наклоненное зеркало, что въ него видѣнъ былъ только одинъ полъ да ноги проходящихъ по комнатѣ. Въ углу, на тумбѣ, тоже подъ стеклявнымъ колпакомъ, стояли бронзовые часы, изображающіе двухъ молодыхъ дѣвушекъ, пришедшихъ за водой къ фонтану; сколько лѣтъ уже никто не снималъ колпака съ часовъ, сколько лѣтъ лежали двѣ мертвыя мухи на бронзовой поверхности воды, никому не было извѣстно. Пелагея Матвѣевна и Анюта никогда не сидѣли въ гостиной; какъ-то разъ Анюта вздумала снять чехлы, принесла на столъ книгу, рабочій ящикъ, «чтобы по крайней мѣрѣ видно было,—говорила она,—что люди живутъ»; Пелагея Матвѣевна озабоченно, но молча слѣдила за ея движеніями. На другой день, когда Анюта вошла, къ удивленію ея, чехлы были надѣты, рабочаго ящика и книгъ не было болѣе,—она позвала дѣвушку.

— Кто это прибралъ здѣсь, Паша?—спросила она.

— Это мнѣ, барышня, тетенька велѣли: потѣшилась, говорятъ, Анна Сергѣевна, и будетъ! А мнѣ, говорятъ, ужъ черезъчуръ не нравятся эти новые порядки! Точно, говорятъ, будто не узнаю я своей гостинной.

Анюта только пожала плечами, и не смѣла болѣе настаивать; только одно она ввела, чтобы лѣтомъ всегда букетъ стоялъ на столѣ.

За то, что̀ за дѣвичій безпорядокъ царствовалъ въ комнатѣ Анюты! Въ какой часъ ни войди, чего-чего не было разбросано въ ней! Иной разъ пристыдитъ ее тетка: «убери ты свой *мусоръ*, птичка моя!» И все Анютѣ некогда убрать свой мусоръ. На столѣ были двѣ-три книги, начатая работа, какія-то ленты, голубой кушакъ; тутъ же стояла банка съ цвѣтами; на комодѣ, кромѣ фарфоровой чернильницы, изображающей пастушка, облокотившагося на пень, куда вливались чернила, было цѣлое собраніе камушковъ всякихъ цвѣтовъ и формъ. На стѣнѣ висѣлъ дагерротипный портретъ матери Анюты, когда она была невѣстой. Родителей своихъ Анюта не помнила, тетка взяла ее къ себѣ двухъ лѣтъ, послѣ ихъ смерти.

Единственное окно комнаты выходило на востокъ, изъ него было видно далеко; подъ окномъ былъ маленькій огородъ, потомъ заборъ, лугъ, пересѣкаемый серебристой, извилистой лентой рѣки, далѣе, темная полоса лѣса на горизонтѣ, а за лѣсомъ, когда заходящее солнце ударяло въ ту сторону, горѣлъ, какъ свѣчка, крестъ на церкви села Троицкаго, за четыре версты отъ Малиновки. Кругомъ окна вился плющъ; тутъ же висѣла пустая клѣтка, въ ней прежде былъ чижикъ, но кошка Мазурка унесла его: это было сильное горе, еще свѣжее въ памяти Анюты.

Часовъ около четырехъ, Пелагея Матвѣевна съ племянницей только-что сѣли чай пить передъ огромнымъ самоваромъ, съ крышкой на бекрень, когда въ гостинной раздались чьи-то шаги, а вслѣдъ за этимъ въ дверяхъ показался длинный, сконфуженный Илюша.

— А-а!—запѣла Пелагея Матвѣевна, увидавъ его:—добро пожаловать! Милости просимъ. Чего хотите?

Илюша неловко подошелъ, вертя въ рукахъ свою старую соломенную шляпу, и краснѣя все болѣе и болѣе.

— Покорно благодарю, — сказалъ онъ, взглядывая то на Анюту, то на самоваръ, почему-то:—я только собственно по дѣлу къ вамъ, Анна Сергѣевна; принесъ я вамъ тутъ... принесъ чижичка.

Незамысловатое, кажется, было дѣло, принести и подарить чижика, а какъ долго рѣшался Илюша на этотъ подвигъ, болѣе недѣли уже онъ избѣгалъ встрѣчи съ Анютой изъ-за этого обстоятельства; наконецъ утромъ того дня, увидавъ ее въ полѣ, онъ вдругъ рѣшился заговорить съ нею и тутъ же далъ себѣ слово, что передъ вечеромъ, во что бы то ни стало, чижикъ будетъ ея, тѣмъ болѣе, что на другой день Троицынъ день и храмовой праздникъ, значитъ, уже избѣжать Анюты нельзя. Какъ ни старался вообще Илюша, никакъ онъ не могъ вполнѣ скрыть отъ Анюты съ нѣкоторыхъ поръ своего волненія при ней; онъ безпрестанно дѣлалъ неловкости, конфузился; хотѣлось ему узнать, замѣчаетъ ли она, что при ней онъ самъ не свой, что она занимаетъ такое большое мѣсто въ его умѣ, хотѣлось знать и страшно было, да и какъ узнать? Она все такая же была съ нимъ, какъ всегда, привѣтливая и ласковая.

— Какой вы добрый, Илюша!—говорила Анюта, возвращаясь изъ своей комнаты:—такъ у меня стало весело теперь.

«Что бы такое ей отвѣчать?» подумалъ Илюша: «что она добрѣе меня, что ли? Нѣтъ, не ловко!» — и онъ не сказалъ ничего.

— Прощайте, — будто рѣшилъ онъ вдругъ и подошелъ къ Пелагеѣ Матвѣевнѣ.

— Ахъ батюшки! какъ скоро! Что такое случилось? — возразила старушка, утирая платкомъ свое мягкое, раскраснѣвшееся отъ чаю лицо: — куда вы торопитесь?

— Всенощная сегодня у насъ. Вы будете у всенощной?

— Нѣтъ, некогда; завтра, дастъ Богъ, у обѣдни будемъ.

Анюта улыбнулась Илюшѣ, онъ неловко поклонился, опять почувствовалъ, что надо бы сказать что-нибудь, все-таки ничего не сказалъ, и наконецъ вздохнулъ свободнѣе на балконѣ.

Разъ десять въ теченіе вечера Анюта ходила посмотрѣть на своего чижика; она радовалась ему какъ ребенокъ; да въ сущности, что же она и была какъ не ребенокъ? Врядъ ли когда-нибудь немного серьёзная мысль останавливалась въ ея головѣ. Она была однако далеко не глупа, и считалась даже первой ученицей въ пансіонѣ, въ Москвѣ, гдѣ кончила свое воспитаніе за два года передъ тѣмъ; но Анюта не принадлежала къ числу тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя въ ея года и даже раньше, находясь, какъ она, въ неблагопріятной для развитія обстановкѣ, чувствуютъ, что есть жизнь иная, иное — широкое, открытое для всѣхъ поприще; которыя не ждутъ, чтобы обстоятельства повернулись для нихъ иначе, и нетерпѣливо переносятъ иго и рвутся, стремятся къ чему-то смутному. Анюта не дожила еще ни до какой тревожной эпохи, неизбѣжной въ жизни всякой молодой дѣвушки, неглупой и живой; жизнь текла однообразно и тихо, и Анюта принимала ее такъ, какъ она слагалась, не желая, и не ожидая никакой перемѣны. Никакое движеніе общественное не достигало до Малиновки. Въ Троицкомъ кое-кто читалъ газеты, но они и туда доходили изъ пятыхъ-шестыхъ рукъ, и даже важныя событія внѣшняго міра узнавались черезъ мѣсяцъ или полтора. Анюта привезла съ собой изъ пансіона нѣсколько книгъ, ихъ она знала почти наизусть, а другихъ негдѣ было достать. Она никогда не скучала, ее интересовали самыя ничтожныя событія каждодневной жизни; длинны казались ей только иногда зимніе вечера, но часть зимъ она проводила въ Троицкомъ у священника, съ дочерью котораго была дружна съ дѣтства. Эта пріятельница ея, Маша, была однихъ лѣтъ съ нею, бойкая, черноглазая дѣвушка, принадлежащая уже къ новому поколѣнію поповскихъ дочекъ; она не ходила растрепанная и въ грязномъ платьѣ по буднямъ, не мыла половъ, и не

стряпала, писала чистымъ почеркомъ, интересовалась модой, и съ жадностью читала все, чтó попадалось ей въ руки, особенно если это былъ, какъ она говорила, «раманъ»; она была единственная дочь отца Василія. Отецъ Василій радовался дружбѣ своей дочери съ *барышней*, какъ всѣ называли Анюту въ Троицкомъ:—«дѣвица прекрасная, благоразумная», говаривалъ онъ про нея; но съ возвращенія ея изъ пансіона онъ запретилъ Машѣ говорить ей *ты:*—«все-таки барышня,—разсуждалъ онъ,—можетъ выдти за кого-нибудь знатнаго, и тогда легко случиться непріятности».

На другое утро, въ девять часовъ, передъ крыльцомъ стояла старая пролетка безъ верху, на круглыхъ рессорахъ. Авдѣй сидѣлъ на козлахъ, сгорбившись въ ожиданіи господъ, и курилъ коротенькую трубку; ветхій его армякъ изъ сѣрой нанки, съ темной заплатой на лѣвомъ локтѣ, былъ подпоясанъ ради праздника ярко-лиловымъ шерстянымъ кушакомъ; изъ ворота армяка, чуть не до ушей, поднимался воротъ кумачной рубашки, застегнутый множествомъ бѣленькихъ пуговокъ; картузъ на немъ былъ новый; зеленыя шерстяныя перчатки заткнуты за кушакъ.

Мышка, лошадка старая, но такая же кругленькая и добрая, какъ ея госпожа, совсѣмъ бѣлая, стояла какъ вкопаная, по временамъ только подергивая кожу на бокъ отъ мухъ, или отмахиваясь хвостомъ. Наконецъ, обѣ барыни вышли на крыльцо: Пелагея Матвѣевна въ старомодной шляпѣ, изъ-подъ которой виденъ былъ бѣлый чепчикъ, и въ свѣтло сѣромъ шелковомъ платьѣ, Анюта въ бѣломъ кисейномъ, и съ огромнымъ букетомъ черемухи въ рукахъ. Такъ и пригнулась на одну сторону пролетка на своихъ круглыхъ рессорахъ, когда ступила Пелагея Матвѣевна на высокую подножку; сѣла и Анюта. Авдѣй не спѣша прибралъ трубку за пазуху; Паша сбѣжала съ крыльца и торопливо подоткнула платье Анюты, чтобы не попало въ колесо.

— Готовы; съ Богомъ! трогай, Авдѣй!—произнесла Пелагея Матвѣевна, крестясь одной рукой, а другой держась за кушакъ кучера. Авдѣй тронулъ вожжой гладкую спину Мышки, и старушка усердно пустилась мелкой рысцой по знакомой дорогѣ, а рессоры между тѣмъ потрескивали какимъ-то, имъ однимъ свойственнымъ, звукомъ, высоко подбрасывая пролетку на малѣйшемъ толчкѣ.

— Осторожнѣе, Авдѣюшка! Охъ, не торопись голубчикъ!—безпрестанно повторяла Пелагея Матвѣевна, не выпуская кушака Авдѣя:—успѣемъ еще! некуда торопиться!

Не доѣзжая полверсты до Троицкаго, пришлось ѣхать шагомъ; дорога вся была усыпана народомъ. Безпрестанно приходилось Авдѣю останавливать Мышку. — «Берегись! эй, ты, молодчикъ! Посторонись, ба-ушка! Ой, лебедка, задавлю! Пошли вы, чего средь дороги встали! Нешто не видите, господа ѣдутъ!» —кричалъ онъ то ласково, то грубо, смотря по тому, относилась ли рѣчь къ разряженнымъ бабамъ и дѣвкамъ, шедшимъ по двѣ, по три, и за громкимъ говоромъ не слыхавшимъ пролетки; или къ цѣлой кучѣ босыхъ мальчишекъ въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубашкахъ, съ намоченными квасомъ головами, или къ нарядному парню въ красной рубахѣ, въ накинутомъ на плечи армякѣ, и ухарски нá сторону надвинутой шапкѣ съ павлиными перьями, приплясывавшему на пути подъ звуки гармоніи.

— Народъ православный въ церковь идетъ, а онъ, ишь-ты, ужъ пляску затѣялъ!—замѣтилъ сквозь зубы Авдѣй.

— Ты бы, въ самомъ дѣлѣ, къ обѣдни сходилъ!—обратилась Пелагея Матвѣевна къ парню:—день великъ, напляшешься!

— Небось, и въ церковь поспѣемъ!—отвѣчалъ парень, кивнувъ головой.

И вся эта пестрая, движущаяся толпа разступалась передъ бѣленькой, толстой лошадкой, а между тѣмъ дѣвушки и парни толкали другъ друга, указывая на Анюту, и дѣлая вслухъ замѣчанія.

— Ай да барышня! Какая бѣ-ѣ-ленькая!—слышалось въ толпѣ.

— А черемухи-то, черемухи! Словно вѣникъ!—замѣтилъ кто-то.

Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ длинныя парусинныя палатки; и лакомства и краснаго товару, и бусъ и всякихъ бездѣлушекъ было вдоволь, но передъ этими лавками покупателей еще не было; далѣе двѣ-три бабы разсматривали глиняную посуду, разложенную на травѣ, и громко бранились съ купцомъ; мужики прицѣнялись по-чёмъ косы, лопаты, грабли; тутъ же рыжій мальчишка какимъ-то раздваивающимся звукомъ наигрывалъ все ту же трель на дудкѣ; ближе къ церкви народъ толпился еще болѣе, пахло ржанымъ хлѣбомъ и сапогами. На каменныхъ ступеняхъ сидѣло трое слѣпыхъ; они держали въ рукахъ деревянныя чашечки для подачи, медленно качаясь взадъ и впередъ, однообразнымъ тономъ воспѣвая страданія Велисарія, а когда мѣдная копейка звучала въ чашечкѣ, они перебивали свое пѣнье и на тотъ же протяжный напѣвъ желали добраго здоровья благодѣтелямъ, а родителямъ царствія небеснаго. Около ограды расположилось отдѣльными кучами множество бабъ, старыхъ и молодыхъ; кто ужъ орѣхи щелкалъ, кто лепешку ѣлъ, и всѣ во

весь голосъ сообщали свои бѣды и интересы, или спорили, тыкая другъ друга пальцами, не обращая вниманіе на громко по временамъ доносившееся до нихъ церковное пѣніе.

Обѣдня уже началась, когда удалось Пелагеѣ Матвѣевнѣ съ племянницей пробраться до середины церкви; духота была ужасная! Маша издали кивнула головой, показывая, что, молъ, здѣсь просторнѣе, но Пелагея Матвѣевна отчаянно развела руками въ знакъ того, что двинуться нельзя. Иконостасъ былъ весь въ зелени, въ березкахъ; старый дьяконъ былъ извѣстенъ въ околоткѣ своимъ сильнымъ басомъ; на клиросѣ собралось столько охотниковъ, что едва можно имъ было поднять руку, чтобы перекреститься; пѣли они, какъ водится всегда по праздникамъ въ сельскихъ церквахъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова, особенно одинъ чей-то голосъ смѣлѣе всѣхъ выкрикивалъ и выдѣлывалъ такія замысловатыя штуки, что другіе недоумѣвали и ужъ думать не могли поспѣть за нимъ.

Наконецъ обѣдня отошла и молебенъ тоже; заколыхался, посыпалъ народъ вонъ изъ церкви, и пестрой лентой сталъ расходиться въ разныя стороны.

— Идите къ намъ чай пить?—шепнула Маша на ухо Анютѣ, проходя возлѣ нея.

— Идемъ, идемъ!

— Приходите поскорѣй, пожалуйста.

— А что, чижикъ здоровъ?—спросилъ тоже шопотомъ Илюша, подходя.

— Здоровъ, веселенькій такой!

За Илюшей подошелъ маленькій, живой старичокъ, бывшій почтмейстеръ уѣзднаго города.

— А вы все хорошѣете, Анна Сергѣевна! просто настоящій розанчикъ-цвѣтокъ!—замѣтилъ онъ хриплымъ голосомъ, проходя мимо.

— Пойдемъ-ка, пройдемся по ярмаркѣ,—предложила Пелагея Матвѣевна своей раскраснѣвшейся племянницѣ, — пока не такъ тѣсно, мнѣ надо посмотрѣть, нѣтъ ли банокъ подъ соленье.

Онѣ вышли на площадь; народу подбавилось порядкомъ; посерединѣ нѣсколько дѣвушекъ и парней уже поговаривали о хороводѣ; встрѣчались мужики уже нѣсколько нетвердо стоявшіе на ногахъ, и черезчуръ низко кланявшіеся господамъ.

Долго выбирала Пелагея Матвѣевна свои банки, наконецъ закупила она все, и велѣла принести къ батюшкѣ.

Только-что вступили онѣ на крыльцо священникова дома, какъ къ нимъ на встрѣчу выбѣжала Маша: — «Ахъ! какъ вы

долго! Да гдѣ же это вы были?—Анюта голубушка!—шепнула она впопыхахъ:—къ намъ вчера пріѣхалъ жилецъ! сказали—студентъ, я думала *хорошенькій* будетъ, а онъ такой!—она сдѣлала презрительный жестъ—даже и на молодого человѣка ничѣмъ не походитъ!»

Онѣ вошли. Гостей собралось порядочно въ маленькой комнатѣ, все больше мужчины; кромѣ Пелагеи Матвѣевны и Анюты, гостья была только одна. Илюшина мать, Мавра Осиповна, сухая, желтая, маленькая женщина, лѣтъ сорока, съ озабоченнымъ, исключительно хозяйственнымъ выраженіемъ лица; возлѣ нея, въ креслахъ помѣстился мужъ ея, Тимоѳей Харитоновичъ, настоящій образчикъ русскаго управляющаго. Возлѣ печки на стулѣ сидѣлъ Илюша, а по приходѣ Анюты онъ всталъ, и ужъ не зналъ, какъ ему опять сѣсть; наконецъ рѣшился, и такъ неожиданно скоро опустился на свой стулъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ взглянули на него.—Тутъ же былъ становой приставъ, всегда любезный съ дамами, и почти всегда пьяный при исполненіи должности,—и маленькій живой почтмейстеръ, и церковный староста, толстый, богатый троицкій купецъ. Матушка сидѣла у стола передъ огромнымъ самоваромъ, на которомъ стоялъ чайникъ формы крымскаго яблока, съ большимъ, аляповато-нарисованнымъ розаномъ, и раскладывала салфеточки на подносѣ. На противоположномъ концѣ комнаты стоялъ, облокотившись на комодъ, новый жилецъ, и, не вмѣшиваясь въ разговоръ, нѣсколько исподлобья, но съ любопытствомъ смотрѣлъ на всѣхъ.

При появленіи Пелагеи Матвѣевны всѣ встали.

— Милости прошу!—говорила попадья, отодвигая столъ отъ дивана,—вотъ сюда пожалуйте, около Мавры Осиповны. А вотъ, позвольте познакомить съ новымъ гостемъ: Дмитрій Иванычъ Косыревъ.—Анюта посмотрѣла на *новаго гостя*. Правда, что слово *хорошенькій* не шло къ этому крупному, тяжелому человѣку, но не особенно дуренъ показался онъ ей; у него были густые, темные волосы, изрядная бородка немного свѣтлѣе волосъ, умные, серьёзные глаза; голосъ у него былъ не особенно пріятный, но особенно внушительный. Ему было двадцать-шесть лѣтъ, но онъ казался старше. Онъ только-что кончилъ медицинскій курсъ въ московскомъ университетѣ.—Для той роли, которой ожидала отъ него Маша, онъ рѣшительно не годился. Видно было, что всѣ шуточки, намеки, маленькія уловки, на которыя горазды барышни вообще, а уѣздныя въ особенности, не только пропадутъ даромъ съ нимъ, но что онъ, чего добраго, спроситъ объ-

ясненія въ нихъ.—Медвѣдь!—надо было ожидать, что отзовется всякая о немъ.

Пришелъ батюшка, подали чай, и разговоръ, долго не клеившійся, пошелъ на ладъ. Анюта подзывала Илюшу; становой вполголоса говорилъ съ Машей, а она посмѣивалась все чему-то. Батюшка съ Дмитріемъ Ивановичемъ разговорились о нововведеніяхъ, о нуждахъ крестьянъ, о земствѣ, о школахъ; Пелагея Матвѣевна горячо, тономъ знатока, увѣряла попадью и Мавру Осиповну, что лучше огурцы солить безъ чесноку.

Время шло незамѣтно, Пелагея Матвѣевна поднялась; звали ее остаться обѣдать, да она не захотѣла:—«не люблю, чтобы меня въ праздникъ долго дома не было,—объяснила она,—помилуй Богъ что случится! До бѣды не долго! Да мой кучеръ любитъ лишнюю рюмочку выпить, ужъ доѣхать лучше, пока не разобрало его!»

Дѣйствительно, отъ Авдѣя ужъ пахло виномъ, но онъ сидѣлъ еще бодро на козлахъ, и Пелагея Матвѣевна съ племянницей спокойно доѣхали до Малиновки.

Весь вечеръ слышны были, то вдали, то вблизи, смѣхъ и пѣсни, часто голоса были не твердые. Пелагеѣ Матвѣевнѣ не сидѣлось на мѣстѣ:—«Ужъ какъ я за это праздники не люблю!—говорила она,—прости меня Господи, что я такъ про праздники выразилась! Все душа не на мѣстѣ!»

Около одиннадцати часовъ вечера, Анюта уже свѣчку погасила и находилась въ томъ состояніи, близкомъ отъ сна, когда мысли и чувства начинаютъ, хотя не смѣло еще, пользоваться своимъ отпускомъ, какъ вдругъ внезапный лай Бушуя, дворовой собаки, подъ самымъ окномъ, заставилъ ее вздрогнуть; она немного приподнялась и стала прислушиваться; лай удалялся, потомъ Бушуй опять пробѣжалъ подъ окномъ, опять удалился, никакъ не рѣшаясь угомониться; Анютѣ показалось, что кто-то осторожно прошелъ по корридору, потомъ какая-то дверь тихонько скрипнула.

«Ужъ не тётя ли ходитъ?» подумала она,—«надо-бы встать, посмотрѣть!» но глаза у ней такъ и слипались, непреодолимая лѣнь овладѣла ею; тутъ Прокорычъ на дворѣ сталъ звать Бушуя, потомъ застучалъ въ доску, все стихло, и Анюта заснула.

На слѣдующее утро она, по обыкновенію, встала не поздно, но тётка ея все-таки успѣла уже напиться чаю.

— Ты слышала тревогу вчера вечеромъ, моя птичка? — спросила она.

— Точно, мнѣ показалось, будто чьи-то шаги въ корридорѣ! Что такое было?

— Это я вздумала прогуляться, вообрази!

— Зачѣмъ?

— Бушуйка залаяла; ну, ты сама знаешь, мнѣ все кажется, воръ заберется, особливо въ праздникъ, помилуй Богъ, не трезвый человѣкъ, да и огня я боюсь! Я подождала, не застучитъ ли Прохорычъ въ доску—нѣтъ; чего мудренаго, думаю, заснулъ старикъ, а тутъ и обкрадывай, кто хочешь! Я поскорѣй туфли на босу ногу, куцавейку надѣла, и отправилась, да боялась очень тебя разбудить, полъ въ сѣняхъ скрипитъ; выхожу на крыльцо, зову Прохорыча, не откликается, я въ кухню...

— Тётя! какъ это вы не побоялись?

— Что-жъ прикажешь дѣлать!

— А Паша?

— Зачѣмъ Пашу будить, она и такъ день-деньской набѣгается! Ну, подхожу я къ кухнѣ, а на крыльцѣ сидитъ Прохорычъ, да такъ-то спитъ! я его разбудила, насилу добудилась, да и жаль, правду сказать, старика! Какъ онъ въ доску застучалъ, Бушуйка успокоилась, я и легла; да вотъ непріятно, насморкъ у меня сдѣлался!

— Хорошо, что только насморкъ; не мудрено и хуже простудиться! Вѣдь ночи теперь холодныя!

Къ вечеру, часовъ въ пять, явился Илюша; они наканунѣ условились съ Анютой куда-то далеко сходить посмотрѣть, не расцвѣли ли незабудки. — Возвращайся скорѣй,—просила Пелагея Матвѣевна,—меня что-то поламываетъ, должно быть не отъ насморку ли; я пожалуй, не дожидая тебя, напьюсь чаю, да лягу въ постель!

— Если хотите, я дома останусь,—предложила Анюта, надѣвая между тѣмъ шляпу.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—возразила тетка,—ну, вотъ это не люблю! нé-зачѣмъ тебѣ дома оставаться, да небось идти хочется; не предлагала бы лучше! Ступай, да только возвращайся поскорѣй!

Они пустились въ путь; Анютѣ было досадно и на слова тётки, и на себя; но скоро это впечатлѣніе изгладилось; Илюша тоже разошелся болѣе обыкновеннаго, смѣшилъ ее своими разсказами, сообщилъ ей свои планы на счетъ какой-то славной карьеры; они шли скоро, однако было почти совсѣмъ темно, когда они возвратились. Паша встрѣтила Анюту въ гостинной и сказала ей, что тетка легла и зоветъ ее къ себѣ. Анюта вошла.

Пелагея Матвѣевна въ кровати; среди множества подушечекъ и подушекъ, изъ-за огромнаго пуховика, видна была только ея голова въ ночномъ чепчикѣ.

— Какъ вы себя чувствуете, тётя?—спросила Анюта, подходя.

— Теперь ничего, и насморкъ поменьше, согрѣлась въ постели. А ты весело погуляла?

— Очень весело, только незабудокъ не нашли.

— Рано незабудкамъ. Ну, прощай, спать хочется.

Анюта наклонилась къ тёткѣ, она высвободила руку изъ подъ одѣяла, перекрестила ее и поцѣловала.

Анюта ушла къ себѣ и пока раздѣвалась, ей вспомнились смѣшныя выходки Илюши, и она заснула еще подъ веселымъ впечатлѣніемъ своей прогулки.

Не было еще шести часовъ утра, какъ дверь Анютиной комнаты тихонько отворилась; Анюта приподняла голову и взглянула сонными глазами:

— Чтó ты, Паша?—спросила она.

— Барышня, тетенька нездоровы,—отвѣчала она шопотомъ,—всю ночь у нихъ жаръ былъ, я и не ложилась.

Анюта вскочила съ постели.

— Какъ-же ты меня не разбудила — сказала она съ упрекомъ, и начала кое-какъ одѣваться второпяхъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Онѣ строго запретили говорить вамъ, я-было нѣсколько разъ хотѣла; да теперь онѣ точно въ забытьи...

Анюта вышла изъ своей комнаты, прошла черезъ корридоръ; въ окно прямо ударяли лучи восходящаго солнца, обливая совсѣмъ незнакомымъ ей, какимъ-то странно-чистымъ, свѣжимъ свѣтомъ шкафъ съ посудой и никогда неупотребляемый старинный самоваръ на шкафѣ. Осторожно отворила она дверь къ теткѣ.

— Кто это?—спросила Пелагея Матвѣевна отрывистымъ голосомъ; слышно было, что въ горлѣ у ней пересохло.

— Это я, тётя,—отвѣчала Анюта тихо, подходя къ постели.

— Воды!

Въ комнатѣ было темно, ставни были закрыты, лампадка, догорая, вспыхивала; Анюта то видѣла лицо Пелагеи Матвѣевны, лежащей съ закрытыми глазами, и столикъ возлѣ постели, то не могла различить почти ничего; она ощупью нашла стаканъ съ водой, покрытый бумажкой, и подала его больной. Пелагея Матвѣевна взяла горячей рукой, жадно отпила глотка три, потомъ голова ея упала опять на подушку и она сказала немного спокойнѣе:

— Господи Іисусе! какъ горитъ! Иди спать, мой ангелъ!

Анюта ничего не отвѣчала, ноги у ней подкашивались, она сѣла на стулъ. Пелагея Матвѣевна никогда не была нездорова, да Анютѣ вообще никогда еще въ жизни не приходилось видѣть больную; она не могла отдать себѣ отчета, что́ такое? что́ слѣдуетъ дѣлать? такъ *это* называется болѣзнью? Да полно, тётка ли ея тутъ лежитъ? Можетъ быть, это все ей только кажется? Можетъ быть, кто-нибудь ей скажетъ: вы ошибаетесь, ваша жизнь течетъ какъ обыкновенно! И зачѣмъ темно такъ въ комнатѣ? Развѣ сегодня не такой день, какъ всѣ дни? Развѣ такъ непремѣнно слѣдовало, чтобы было сегодня?

— Горчичникъ!—проговорила Пелагея Матвѣевна.

Анюта обернулась къ Пашѣ:

— Горчичникъ,—повторила она.

Паша подошла къ ней:

— У насъ въ домѣ, барышня, нѣтъ горчицы.

— Что́ же дѣлать? Боже мой!

— Развѣ нѣтъ ли у матушки? Не послать ли Авдѣя верхомъ?

— Пошли, пошли поскорѣе!

— Что́ вы говорите?—спросила тѣмъ же отрывистымъ голосомъ Пелагея Матвѣевна.

— Ничего, тётя, ничего.

Жаръ все усиливался; Пелагея Матвѣевна металась, безпрестанно просила пить, не узнавала Анюту, и звала ее. Анютѣ было страшно; судорожно сжавъ руки, она стояла у кровати и безсмысленно глядѣла на тётку.

«Отчего она мечется», думала она, «отчего она такая странная?» Ей хотѣлось броситься къ ней и умолять ее перестать метаться; ей хотѣлось начать утро снова, начать его, какъ всегда; она не рѣшалась отвѣчать на короткіе, несвязные вопросы тётки.

Прошелъ долгій, безконечный, мучительный часъ. На дворѣ раздался лошадиный топотъ; Паша вышла, и минуту спустя въ комнату вошелъ батюшкинъ жилецъ.

Анюта не удивилась ему, но ей почему-то стало менѣе страшно. Дмитрій Ивановичъ подошелъ къ кровати, не обращая вниманія на Анюту, пощупалъ пульсъ больной, провелъ рукой по ея лбу, наклонился, послушалъ, какъ она дышетъ; потомъ онъ обернулся, сдѣлалъ знакъ Анютѣ, чтобы она шла за нимъ, и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

У двери стояла Паша.

— Не отходите отъ нея,—приказалъ онъ,—пить много не давайте, я сейчасъ приду.

Изъ корридора дверь была отворена въ гостинную, она казалась еще пустѣе и чопорнѣе обыкновеннаго при этомъ утреннемъ освѣщеніи и при этой обстановкѣ.

Дмитрій Ивановичъ вошелъ и затворилъ дверь за собой; онъ казался спокойнымъ, однако лицо его не только было серьёзно, но почти благоговѣйно; Анютѣ это выраженіе показалось какимъ-то страшнымъ предзнаменованіемъ, она отчаянно взглянула на него.

— Ваша тётушка сильно простужена,—сказалъ онъ.

Анюта все глядѣла ему въ глаза, будто не понимая его словъ.

— Она рѣдко, вѣрно, бываетъ больна?—спросилъ Косыревъ.

— Никогда!—произнесла она какъ-то безъ голосу.

На лицѣ Косырева выраженіе нѣсколько измѣнилось, онъ со вниманіемъ посмотрѣлъ на Анюту.

— Я надѣюсь, что ея нездоровье обойдется безъ особенно серьёзныхъ послѣдствій,—сказалъ онъ,—но, повторяю, она сильно простудилась; лучше времени не терять; я привезъ съ собой лекарство и горчицы, дайте мнѣ ложку и какой-нибудь лоскутокъ стараго бѣлья.

Анюта не двигалась съ мѣста; вдругъ она закрыла лицо руками, опустилась на стулъ и глухо зарыдала. Косыревъ посмотрѣлъ кругомъ, вышелъ въ столовую, отворилъ шкафъ, налилъ воды въ стаканъ, и принесъ Анютѣ.

— Выпейте,—почти приказалъ онъ, и принялся вынимать изъ кармановъ сткляночки и бумажки съ лекарствомъ. Анюта хлебнула воды раза два, потомъ опять закрыла лицо рукой. Дмитрій Ивановичъ взялъ ея платокъ, налилъ на него воды, намочилъ ей лобъ и подалъ стаканъ:

— Будьте благоразумны; вы нужны при вашей тётушкѣ. Прикажите самоваръ поставить,—прибавилъ онъ,—ей надо липоваго чаю.

Анюта вытерла глаза, встала и пошла къ двери; но тутъ она остановилась и, обернувшись къ Косыреву, спросила нетвердымъ голосомъ:

— Она... она останется жива?

Онъ поднялъ голову, но не взглянулъ на нее.

— Надѣюсь, что болѣзнь не приметъ очень серьёзнаго оборота,—отвѣчалъ онъ,—вы мнѣ поможете ходить за ней.

Анюта тихонько вышла въ столовую, отворила окно, выходившее противъ самой кухни, и позвала Авдотью, только-что шедшую доить коровъ:

— Авдотья, поставь самоваръ, голубушка, какъ можно скорѣе. Тётенька очень нездорова,—прибавила она будто нé-хотя.

Авдотья бросила подойникъ на траву и всплеснула руками:

— Господи Іисусе Христе! что-жъ это съ ними?—вскрикнула она.

— Простудилась. Авдотьюшка, милая, поскорѣй!

— Сейчасъ, сейчасъ будетъ готово, барышня. Мати Пресвятая Богородица!—бормотала она, качая головой и вбѣгая на крыльцо кухни.

Анюта возвратилась въ гостинную, Косыревъ дѣлалъ горчичникъ. Молча приготовилъ онъ все, чтó нужно было, примочку для головы, чай, питье; Анюта старалась помогать ему, и тоже молча, какъ-то боязливо взглядывала иногда на него, будто хотѣлось ей прочесть на его лицѣ то, чтó онъ думалъ. Жаръ у больной не уменьшался, она болѣе не бредила, но только охала и металась. Анюта не отходила отъ нее, мѣняла ей компрессы на головѣ, подавала пить.

Около половины дня, Косыревъ подошелъ къ Анютѣ и сказалъ ей, что Паша замѣнитъ ея мѣсто, а она пусть выйдетъ въ другія комнаты. Анюта, не разсуждая, послушалась; онъ вышелъ за ней въ гостинную.

— Вы еще ничего не ѣли,—сказалъ онъ,—я приказалъ поставить самоваръ, я тоже немного голоденъ.

— Мнѣ не хочется.

Косыревъ посмотрѣлъ на нее, она была очень блѣдна.

— У васъ ничего не болитъ?—спросилъ онъ.

— Ничего.

— Вы спали ночью?

Анюта быстро отвернула голову, чтобы скрыть накопившіяся у ней въ глазахъ слезы.

— Спала,—сказала она, проведя рукой по щекѣ,—меня Паша утромъ только разбудила.

Косыревъ подошелъ къ балконной двери и отворилъ ее.

— Выйдите-ка сюда,—сказалъ онъ,—какой воздухъ!

Маленькій малиновскій садъ былъ переполненъ пѣніемъ птичекъ; въ сиреневомъ кустѣ перекликались два зяблика; въ аллеѣ настойчиво кричалъ кончикъ; передъ балкономъ Авдѣй подкапивалъ траву между піоновъ, пахло землей и свѣжей травой.

Анюта глубоко вдохнула въ себя весенній воздухъ и уставивъ взглядъ въ даль, задумалась. Дмитрій Ивановичъ оставилъ ее на

балконѣ и тихонько пошелъ въ комнату больной. Когда онъ возвратился, самоваръ кипѣлъ въ столовой, на балконѣ Анюты не было; онъ сошелъ въ садъ, обошелъ кругомъ по дорожкѣ и увидалъ свѣтлое платье на скамейкѣ; Анюта сидѣла подперши лицо обѣими руками, она утромъ не успѣла причесаться; густыя, но грубыя пряди волосъ ея кое-какъ были увернуты кругомъ маленькой, круглой головы. Она была блѣдна; съ утра выраженіе лица ея успѣло измѣниться, на немъ видно было какое-то сдержанное безпокойство, Анюта точно постарѣла, глаза у нея впали.

Дмитрій Ивановичъ сѣлъ возлѣ нея, и прутикомъ принялся чертить что-то на пескѣ; Анюта будто не замѣтила его; минуть пять просидѣли они такъ, потомъ Анюта подняла голову и спросила:

— Вы были у ней сейчасъ?

— Былъ, она спокойна, и жару менѣе; я думаю, она заснетъ, не надо къ ней входить пока.

Анюта опять приняла прежнее положеніе и погрузилась въ свою думу. Косыревъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на свой прутикъ, почесалъ бороду и опять посмотрѣлъ на Анюту.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ онъ неожиданно, и принялся усерднѣе прежняго чертить по песку; она слегка вздрогнула, отняла руки отъ лица и выпрямилась.

— Не знаю! то-есть, нѣтъ! неправда! знаю! Я думала что я виновата въ томъ, что она больна.

— Почему?

— Потому что я полѣнилась встать третьяго дня ночью, когда я услыхала, что ходятъ въ корридорѣ; а потомъ вчера не слѣдовало...

Анюта вдругъ покраснѣла и замолчала.

— Чего не слѣдовало?—спросилъ Дмитрій Ивановичъ, продолжая чертить по песку.

Анюта сорвала свѣженькій, еще весь въ складочкахъ листикъ отъ липы и взяла его въ ротъ.

— Не слѣдовало мнѣ уходить изъ дому, она уже была нездорова.

Оба помолчали; Дмитрій Ивановичъ вдругъ поднялъ голову и взглянулъ такъ прямо ей въ глаза, что она опустила ихъ и опять покраснѣла.

— Анна Сергѣевна! вы всегда такъ себя мучите?—спросилъ онъ свойственнымъ ему короткимъ и какъ-то мужественно-внушительнымъ манеромъ.

— Мнѣ не приходилось этого замѣчать, — отвѣчала она серьёзно, — вообще... какъ вамъ сказать? — я какъ-то до сихъ поръ никогда не думала о себѣ, — не думала, что̀ я дѣлаю... что̀ со мной дѣлается.

— Такъ—не надо; вы не обдумывали своихъ дѣйствій?

— Нѣтъ.

— А надо думать, и поступать какъ можно лучше,—сказалъ Косыревъ, не глядя болѣе на нее,—по крайнему разумѣнію; ну, а если вопреки нашей волѣ выйдетъ не хорошо, нé-зачѣмъ мучить себя, видно такъ слѣдуетъ: если знаешь, что самъ виноватъ, что же дѣлать! Былого не воротишь, пусть будетъ урокъ на будущее. Пойдемте чай пить,—прибавилъ онъ вставая.

Передъ вечеромъ пришла Маша изъ Троицкаго; ея приходъ сильно обрадовалъ Анюту, и вмѣстѣ съ тѣмъ она только тутъ будто ясно поняла, что̀ случилось; ей показалась такъ далеко уже отъ нея та эпоха ея прежней жизни, въ которой она видѣла эту Машу.

Пелагея Матвѣевна все была въ одномъ положеніи, она не узнавала никого, не говорила, только по временамъ слабо просила пить. Анюта и Паша смѣнялись при ней; Косыревъ почти не отходилъ отъ ея постели. Грустна была Малиновка. Въ домѣ было тихо, всѣ ходили на цыпочкахъ, говорили шопотомъ; одни стѣнные часы стучали по прежнему однообразно, но какъ-то громче и настойчивѣе обыкновеннаго, будто хотѣли сказать: намъ однимъ свобода! мы можемъ громко говорить! Въ корридорѣ пахло уксусомъ. Въ столовой никто не прибралъ посуду послѣ давно отпитаго чая.

Въ девять часовъ Косыревъ вышелъ изъ комнаты Пелагеи Матвѣевны и у двери встрѣтилъ Анюту:

— Я къ вамъ шелъ, — сказалъ онъ,—хотѣлъ посовѣтовать вамъ пойти лечь; я останусь при вашей тётушкѣ на ночь.

— Ахъ, нѣтъ! — воскликнула Анюта умоляющимъ голосомъ, и, будто не надѣясь умолить, прибавила тише: — позвольте мнѣ просидѣть у ней; я вѣдь здорова, вѣдь я спала ту ночь, у меня ничего не болитъ, я буду сидѣть въ креслахъ!

Дмитрій Ивановичъ выслушалъ ее.

— Не слѣдуетъ,—сказалъ онъ твердо...—вы будете свѣжѣе завтра; а ночью уснете и не услышите, если ей чего понадобится. Я пришлю къ вамъ Пашу рано утромъ.

Анюта молча опустила голову.

— Пораньше, пожалуйста,—попросила она.

Косыревъ подалъ ей руку.

— Лягте, пожалуйста, тотчасъ же и постарайтесь заснуть.

Анюта тихимъ шагомъ пошла въ свою комнату, но, не раздѣваясь, отворила окно и сѣла, облокотясь на него. Наступилъ вечеръ, тихій, теплый весенній вечеръ; въ лощинѣ поднимался бѣлый туманъ, гдѣ-то выла собака; въ Троицкомъ церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ, легкій дребезжащій звукъ долетѣлъ до нея и замеръ; за нимъ второй ударъ.

«Вотъ день, — думала Анюта,—прошелъ день, и какой! А вчера было совсѣмъ другое! Отчего я не могла предвидѣть, что̀ сегодня будетъ? А *теперь* что̀ будетъ?» — точно камень лежала тоска у ней на сердцѣ. — Вотъ она идетъ эта неизвѣстная, ничѣмъ неотвратимая будущность! И неужели ей, молодой, сидѣть такъ, и ждать какъ она идетъ, несмотря на свой избытокъ силъ и здоровья; да еще и чувствовать себя виновной? «И зачѣмъ это я такъ сдѣлала, — думала она: — ужъ видно дурно ей было, что она захотѣла лечь, и какъ это я не догадалась, что она хуже себя чувствуетъ, чѣмъ хочетъ показать! и очень нужно было идти за три версты, и незабудокъ-то нѣтъ. Кабы меня за это наказалъ кто-нибудь! побранилъ бы! Ну, я сама себя накажу! Да ка̀къ наказать! Чего лишить себя? У насъ сегодня вторникъ; до будущаго вторника я не сорву ни одного цвѣтка! вотъ мнѣ наказаніе! пусть ничего въ комнатахъ не будетъ! пусть не на что мнѣ будетъ любоваться!»

Туманъ бѣлый все выше и выше поднимался, шире и шире обхватывалъ лощину; летучая мышь пролетѣла мимо самаго окна...

«Что онъ за человѣкъ, этотъ Дмитрій Ивановичъ, —думала Анюта,—добрый онъ, кажется, такой, а говоритъ такъ отрывисто, будто даже грубо, и почему мнѣ страшно его? Первый день онъ здѣсь, и когда что̀ скажетъ, какъ хочешь, а надо его слушаться!»—Свѣжо становилось; Анюта затворила окно, спустила только платье и какъ была одѣтая, такъ и легла на постель.

Въ концѣ недѣли Пелагеѣ Матвѣевнѣ стало лучше; крѣпкое, здоровое сложеніе ея взяло-таки верхъ, несмотря на годы, и вмѣсто горячки или тифа, какъ можно было ожидать, ее продержалъ только жаръ съ легкимъ бредомъ не много болѣе двухъ сутокъ; за то послѣ этого она стала такъ слаба, что рукой едва двинуть могла.

Въ теченіе этой недѣли, Дмитрій Ивановичъ не отходилъ отъ нея; онъ уѣзжалъ изъ Малиновки домой отдохнуть часа на два въ день и возвращался опять къ больной. Въ домѣ онъ сталъ

свой человѣкъ; впрочемъ, нигдѣ онъ не былъ долго чужимъ. Анюта не много робѣла при немъ; это и было естественно: она чувствовала постоянно, будто Косыревъ, хотя и былъ чужой для нея, однако понималъ ея мысли и побужденія почему-то, и слѣдилъ за ней, а самъ бо́льшею частью молчалъ. Ей иногда становилось обидно, что она не могла противиться его волѣ, даже въ бездѣлицахъ; какъ ни противорѣчила она ему, какъ ни старалась поставить на своемъ, все выходило по его волѣ, и безъ споровъ, даже почти безъ разсужденій.

Разъ, передъ вечеромъ, Пелагея Матвѣевна спала; Паша сидѣла у нея; Анюта вынесла стулъ на балкончикъ и шила. Косыревъ еще утромъ ушелъ въ Троицкое и сказалъ, что придетъ ночевать при больной въ послѣдній разъ. Солнце почти уже скрылось за деревьями, послѣдніе косые лучи догорали, просвѣчивая между стволовъ елей; въ прудикѣ играла рыба, поминутно всплескивая и оставляя за собой широкіе, постепенно исчезающіе круги на водѣ. Около креста, у забора, показалась истасканная соло́менная шляпа Илюши; мальчикъ прошелъ черезъ садъ, и, увидавъ Анюту, которая, не замѣчая его, продолжала шить, по своему обыкновенію смутился; однако онъ поднялъ шляпу, и, стараясь преодолѣть робость, произнесъ, остановившись у ступенекъ:

— Здравствуйте-съ!

Анюта вздрогнула и подняла голову.

— Ахъ, Илюша! это вы? Какъ вы тихо подошли, я и не слыхала!

— Я васъ испугалъ?

Онъ взошелъ на балкончикъ и пожалъ протянутую ему руку съ наперсткомъ.

— Нѣтъ, не испугали! Только я занялась работой, не слыхала, какъ вы подошли.

— Какъ здоровье Пелагеи Матвѣевны?

— Слава Богу, полегче; спасибо вотъ Дмитрію Ивановичу! Кабы не онъ, не знаю, что́ бы съ нами было!

По лицу Илюши скользнуло какое-то неуловимое выраженіе.

— Не повѣрите, какъ онъ за тётенькой ухаживалъ! — продолжала она:—точно родной, право!

Илюша, ничего не отвѣчая, подпрыгнулъ, чтобы сѣсть на высокія перила балкона.

Анюта опять наклонилась надъ работой.

— Что это вы насъ давно не навѣщали, Илюша?

Илюша покраснѣлъ.

— А?—продолжала Анюта, вдѣвая иголку.

— Я думалъ, вамъ не до меня будетъ, Анна Сергѣевна; а про васъ я слышалъ отъ Марьи Васильевны: каждый день ходилъ на Поповку навѣдываться.

Они оба помолчали.

— Чтó, онъ придетъ къ вамъ опять сегодня? — спросилъ вдругъ Илюша, повидимому, продолжая вслухъ свою мысль.

— Кто? Дмитрій Ивановичъ? придетъ. А что?

— Ничего. Вы его полюбили?

Анюта въ свою очередь немного покраснѣла.

— Странный вопросъ! А вы?

Илюша какъ-то неопредѣленно прошипѣлъ сквозь зубы:

— Ш-ш-ш! вотъ уже!

— Отчего же?

— Да чтó въ немъ хорошаго? Помилуйте! Богъ знаетъ чтó онъ про себя воображаетъ! Вотъ вы хоть спросите у Марьи Васильевны, она вамъ то же скажетъ. Смотритъ на насъ на всѣхъ свысока, не подходи! Если бы онъ когда со мной, напримѣръ, благоволилъ заговорить, кажется бы...... Да я не знаю чтó скорѣе можетъ случиться, чѣмъ это! — Да Богъ съ нимъ! мнѣ все равно! Только зачѣмъ онъ пріѣхалъ, безъ него лучше было!—Да и чтó *я*-то ему сдѣлалъ? Строго такъ на меня смотритъ!

Анюта засмѣялась.

— Полноте, Илюша; это вы такъ себѣ воображаете; я васъ увѣряю, что напротивъ...

Она не договорила: по дорожкѣ шелъ Дмитрій Ивановичъ, не спѣша, не много разваливаясь, какъ всегда; въ рукѣ онъ бережно держалъ двѣ-три вѣточки розоваго шиповника. «Лёгокъ на поминѣ», произнесъ Илюша сквозь зубы; Косыревъ, все такъ же не спѣша, поднялся по ступенькамъ, которыя скрипнули подъ нимъ, подалъ шиповникъ Анютѣ, коротко прибавивъ: — «вы говорили, что любите. Только три цвѣточка и распустились пока»,—потомъ обратился къ Илюшѣ, и протянулъ ему руку: — «здравствуйте», сказалъ онъ, выговаривая это слово по свойственной ему привычкѣ особенно отчетливо, не пропуская ни одной буквы; — «что скажете»? Илюша небрежно поклонился; какъ настоящій ребенокъ, ему хотѣлось показать Дмитрію Ивановичу, что онъ для него ровно ничего не значитъ.— Анюта съ радостнымъ восклицаніемъ взяла шиповникъ и понюхала: «а мое обѣщаніе не любоваться на цвѣты до вторника»? —мнила она вдругъ, и смутилась; лицо ея приняло серьёзное

выраженіе, она съ какимъ-то страхомъ взглянула на шиповникъ и положила его возлѣ себя на столикъ.

— Однако тепло,—замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ, проведя пальцами въ волосахъ,—чудный вечеръ!

Илюша взялъ свою шляпу.

— Вы домой торопитесь, или я васъ спугнулъ? — спросилъ Косыревъ, и, не дождавшись его отвѣта, обратился къ Анютѣ:— что она, какова?

— Не знаю; теперь спитъ; послѣ обѣда слаба была, я ваши капли давала.

Косыревъ вошелъ въ домъ.

— Прощайте, Анна Сергѣевна,—обратился къ ней Илюша; онъ съ трудомъ сдерживалъ свою злобу на Дмитрія Ивановича.

— Куда вы, въ самомъ дѣлѣ торопитесь, Илюша? Вѣдь не поздно.—Отчего же вы его такъ не взлюбили?—прибавила она вполголоса.

— Не взлюбилъ!—повторилъ только Илюша, поклонился и ушелъ.—«Медвѣдь проклятый!—бормоталъ онъ, шагая по дорогѣ, — туда-же цвѣточковъ принесъ!» Анюта встала, взяла шиповникъ и задумалась:—«и какъ глупо было давать это обѣщаніе! Будто оно могло принести пользу тётѣ! Куда дѣвать эти цвѣты теперь?—Чтò за вздоръ!—рѣшила она, встряхнувъ головой,—да и не я ихъ сорвала»! Она налила воды въ стаканъ, и поставила шиповникъ на столѣ въ гостинной.

На слѣдующее утро, выходя изъ своей комнаты, она встрѣтила Пашу въ корридорѣ.

— Какова тётя? — спросила она.

— Не хороша, барышня, что-то жаръ опять сдѣлался; Дмитрій Ивановичъ всю ночь уксусъ прикладывали.

Анюта бросилась-было по корридору, но Паша остановила ее, сказавъ, что теперь поуспокоилось, и больная и Дмитрій Ивановичъ спятъ. Анюта вошла въ гостинную, и взглядъ ея упалъ на шиповникъ.

— «Вотъ оно, неисполненное обѣщаніе, отзывается!—мелькнуло у ней въ головѣ: — да вѣдь это выходитъ суевѣріе, больше ничего!» — Она подошла къ балконной двери, отворила ее, прошла по саду, возвратилась, взяла работу, и сѣла у порога. Странное дѣло! какъ она ни старалась не глядѣть на букетъ, она не могла ни на минуту забыть, что онъ тутъ, въ гостинной, на столѣ; она старалась думать о другомъ, старалась уговаривать

себя,—ничего не помогало! Наконецъ она не вытерпѣла, встала, почти съ озлобленіемъ взяла стаканъ и выплеснула воду съ цвѣтами съ балкона, въ уголокъ между домомъ и кадкой, подставленной подъ жолобомъ; будто тяжесть какая скатилась у ней съ сердца. Только-что усѣлась она опять за работу, какъ вошелъ Дмитрій Ивановичъ.

— Нехорошая ночь была?—обратилась Анюта къ Косыреву.

— Да, жаръ дѣйствительно опять былъ, но за то теперь ей гораздо лучше; къ утру она очень хорошо спала; прикажите куринаго бульону сдѣлать.

Анюта пошла въ кухню, потомъ заглянула къ тёткѣ: блѣдное, осунувшееся, но все такое же доброе лицо ея, съ бородавкой на подбородкѣ, едва видно было въ глубинѣ подушекъ и пуховиковъ всѣхъ величинъ.

Пелагеѣ Матвѣевнѣ было замѣтно лучше, она говорила громче, и попросила поскорѣе чего-нибудь ѣсть. Посидѣвъ нѣкоторое время у больной, Анюта вышла въ гостинную; Дмитрій Ивановичъ читалъ, сидя на диванѣ.

— Я васъ только ждалъ,—сказалъ онъ, вставая:—я отправлюсь домой на сегодня; мнѣ, слава Богу, нечего болѣе дѣлать при вашей тётушкѣ; завтра побываю въ теченіе дня.

Онъ взялъ шляпу; они вышли вмѣстѣ на балконъ и, разговаривая, тихонько дошли по саду до калитки.

— Не забудьте 10 капель на ночь, — докончилъ Косыревъ, повертывая крестъ.

— Не забуду; вы завтра придете?

— Приду.

— А шиповникъ жаль, что выбросили,—сказалъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ, не взглянувъ на нее: — если вамъ было непріятно, вы бы не брали вчера, было бы и лучше и проще.—Я думалъ, вы не *такая*, Анна Сергѣевна! прощайте.

Онъ поднялъ шляпу и, все-таки не взглянувъ на нее, пошелъ по дорогѣ.

При словѣ «шиповникъ» Анюта раскрыла губы, да такъ и осталась неподвижной; темный румянецъ покрылъ ея лицо, уши, даже и шею; она не нашлась что̀ ей сказать, а когда опомнилась, Дмитрій Ивановичъ былъ уже далеко; ей стало такъ досадно, неловко, обидно, что даже слезы брызнули у ней изъ глазъ; она замахнулась и изъ всѣхъ силъ ударила кулакомъ по столбу калитки. Тихими шагами, потирая изрѣдка и дуя на раскраснѣвшійся кулакъ, пошла она по дорожкѣ къ дому; въ головѣ у нея бродили какія-то незнакомыя ей мысли.

Весь слѣдующій день Анюта была, что́ называется, не въ своей тарелкѣ; погода была пасмурная, шелъ мелкій, настойчивый дождичекъ, точно осенью; утро провела она у тётки, Дмитрій Ивановичъ не приходилъ, время тянулось однообразно, ей становилось все болѣе и болѣе досадно; она не хорошо понимала мысль Дмитрія Ивановича, не могла себѣ объяснить, въ чемъ собственно состояло недоразумѣніе, и именно это-то и было такъ неловко.

Далеко за полдень дверь на крыльцѣ скрипнула; въ то же мгновеніе, не отдавая себѣ отчета, что́ она дѣлаетъ, Анюта бѣгомъ бросилась въ свою комнату и заперлась. Она слышала, какъ Дмитрій Ивановичъ вошелъ къ Пелагеѣ Матвѣевнѣ, потомъ, минутъ черезъ двадцать, вышелъ и спросилъ, гдѣ Анна Сергѣевна.

— «Глупость! вздоръ! малодушіе!—повторила Анюта сама себѣ,— и что за бѣда, что́ бы онъ ни подумалъ! — Непростительно глупо!»—повторяла она, поправляя волосы передъ зеркаломъ, а сердце, между тѣмъ, такъ и билось у нея!

Въ эту минуту Паша постучала у двери.

— Иду сейчасъ!—крикнула Анюта, и вся красная вышла въ корридоръ; дверь въ гостинную была отворена.

Дмитрій Ивановичъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. Онъ протянулъ руку Анютѣ, и, какъ ей показалось, не посмотрѣлъ на нее.

— Кажется, можно поздравить съ рѣшительнымъ выздоравливаніемъ,—сказалъ онъ:—она ночь хорошо провела?

— Два раза просыпалась только.

— Ну, и слава Богу!

Анюта безъ всякой видимой причины подошла къ окну и стала смотрѣть.

— Сыро;—замѣтилъ коротко Дмитрій Ивановичъ.

— Да, дождь все идетъ, теперь на долго! на лужахъ пузыри дѣлаются!

— Ну-съ, прощайте!

Анюта обернулась.

— Вы уходите?

Косыревъ со вниманіемъ застегивалъ до верху сюртукъ.

— Некогда! я думаю, завтра я не попаду сюда; въ случаѣ чего особеннаго, пришлите Авдѣя.

— Хорошо, благодарю васъ.

Онъ ушелъ, а Анюта все стояла неподвижно среди гостинной, глядя въ полъ.

— «Еще хуже стало!» — думала она, и раздосадованная, совсѣмъ уже въ дурномъ расположеніи духа, вошла къ тёткѣ. Какъ нарочно Пелагея Матвѣевна, противъ своего обыкновенія, тоже была всѣмъ недовольна; то бульонъ былъ солонъ, то опять жидокъ, то холоденъ, то Анюта неловко пить подала, все пролилось на бѣлье, весь воротъ намокъ. На лицѣ Анюты было выраженіе холодной, сдержанной досады; крѣпко стиснутыя губы изрѣдка пропускали отрывистое слово, когда надо было что-нибудь приказать; это такъ было непохоже на ея обыкновенную ласковую и веселую рѣчь, что Паша нѣсколько разъ съ удивленіемъ взглядывала на нее, а вечеромъ, подогрѣвая въ кухнѣ котлетку для больной, она даже замѣтила вслухъ:

— Барышня что-то нынче больно не въ духѣ.

— О-о?! — произнесла Авдотья, остановившись у плиты, и посмотрѣвъ на Пашу; она подперла подбородокъ обнаженной до локтя, вымазанной тѣстомъ, рукой: — что же это такое съ ними?

— Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчала презрительно Паша, вѣроятно найдя, что *бабѣ* не слѣдовало обращать вниманіе на случайно вслухъ высказавшееся замѣчаніе: — нешто наше дѣло разбирать господъ!

Прошла недѣля, и другая. Пелагея Матвѣевна совсѣмъ оправилась, окрѣпла; по цѣлымъ днямъ сидѣла она на балконѣ, надъ которымъ устроили парусинный навѣсъ, въ родѣ маркизы; настало настоящее лѣто, кончался іюнь. — Дмитрій Ивановичъ заходилъ иногда, въ Малиновку, но рѣдко; Анютѣ казалось, что съ самой исторіи шиповника онъ не былъ болѣе совсѣмъ такимъ, какимъ бывалъ прежде; дѣйствительно, онъ обращался съ ней церемонно, а когда они сидѣли втроемъ, то бо́льшей частью разговаривалъ съ Пелагеей Матвѣевной. Послѣ своего выздоровленія, Пелагея Матвѣевна нашла перемѣну въ племянницѣ. Она казалась ей задумчивой, часто бывала не въ духѣ, похудѣла. — «Бѣдняжка моя! — думала она, — какъ она измучилась, ухаживая за мной, за старухой»!

Дни шли за днями, и Анюта не становилась разговорчивѣе, а раза два она даже довольно грубо отвѣчала на какое-то замѣчаніе тётки. Пелагея Матвѣевна не разсердилась на нее, но стала безпокоиться: — «съ измалѣтства никогда не бывало этого! —думала одна, глядя ей вслѣдъ: — что-то въ ней есть недоброе! помилуй ее Господи!»

Въ Петровъ-день Маша звала Анюту къ себѣ; съ болѣзни

тётки она не была въ Троицкомъ; Анюта почему-то долго отговаривалась, но наконецъ согласилась; послѣ обѣдни она усадила тётку въ пролеточку, повторила Авдѣю, чтобы онъ ѣхалъ осторожнѣе домой, а сама отправилась съ Машей на Поповку.

День стоялъ душный, жаркій, къ вечеру нашли тучи и разразилась такая страшная гроза съ ливнемъ, что и думать нельзя было Анютѣ идти домой; долго толковали о томъ что̀ дѣлать, какъ быть, и рѣшили, что Пелагея Матвѣевна и ждать племянницу не станетъ въ такую погоду, а пусть она переночуетъ, а утромъ на другой день онѣ съ Машей отправятся въ Малиновку пѣшкомъ. Маша уступила свою постель Анютѣ, и притащила себѣ тюфякъ на полъ.

Поздно улеглись онѣ и погасили свѣчку, но имъ не спалось обѣимъ; молнія ежеминутно бросала быстрый бѣлый свѣтъ въ узенькую комнатку, освѣщала горшки гераніума на окнѣ, въ безпорядкѣ сваленныя на стулѣ платья обѣихъ дѣвушекъ и висѣвшій на стѣнѣ портретъ Машинаго дѣда, писанный масляными красками маляромъ, когда-то перекрашивавшимъ церковь. Громъ, нѣсколько ослабѣвшій вечеромъ, гремѣлъ опять чаще и сильнѣе. Дождь стучалъ въ стекла, и вода съ шумомъ лилась на землю изъ переполнившейся кадки.

— Анюта! а Анюта!—произнесла Маша полушопотомъ.

— Что?

— Вы не спите?

— Нѣтъ, а что?

— Экая гроза!

— Да! точно опять ближе стала.

Онѣ помолчали немного.

— Вамъ спать не хочется?—спросила Маша.

— Нѣтъ, не хочется.

— И мнѣ не хочется—рѣшила Маша, сбрасывая съ себя одѣяло; она привстала и сѣла на своемъ тюфякѣ.

— Анюта, вы не разсердитесь, если я вамъ скажу одну вещь?

— Что такое?

— Вы не разсердитесь?

— Ну, говорите!

— Вѣдь вы въ Дмитрія Ивановича влюблены!

Анюту такъ и передернуло; она рада была, что темно было въ комнатѣ.

— Что-жъ вы не отвѣчаете? Развѣ неправда?

— Вздоръ какой!

— Нѣтъ не вздоръ, а влюблены, ужъ я сейчасъ вижу! И похудѣли, и по глазамъ видно.

— Ну, а вы за то въ Илюшу!

Маша разсмѣялась.

— Въ этакого мальчишку-то! Развѣ можно! Да у Илюши кто въ головѣ сидитъ? — Вы же! — А чтб я вамъ разскажу! Онъ Дмитрія Ивановича какъ ненавидитъ! Ревнуетъ! Намедни я ему что-то сказала про него, такъ, знаете, подразнить! Какъ онъ разсердится!! Батюшки мои!!—и при воспоминаніи объ этомъ Маша опять засмѣялась.

— Тише! матушка услышитъ!

— Да какъ хотите, и я, правду сказать, не особенно Дмитрія Ивановича *обожаю!*—зашептала опять Маша:—чтб въ немъ хорошаго? Смотритъ такой букой, едва слово когда скажетъ; этакъ поговорить съ нимъ, посмѣяться никогда нельзя; такъ на тебя взглянетъ! Да я его просто напросто боюсь!—А чтб, онъ у васъ какъ? Такой же?

Въ эту минуту молнія сверкнула ярче прежняго и тотчасъ почти вслѣдъ за ней громъ ударилъ съ такой силой, что окна задребезжали; обѣ дѣвушки перекрестились, за стѣной батюшка кашлянулъ.—Анюта была рада, что ударъ грома избавилъ ее отъ отвѣта на вопросъ Маши; вообще, весь этотъ разговоръ ей не нравился, ей почему-то было неловко и точно обидно.

— Анюта, вамъ не страшно? — спросила Маша, трясясь отъ холода и страха.

— Нѣтъ, только за тетиньку страшно: она грозы боится, я думаю всю ночь проходитъ пб дому, лампадки вездѣ затеплитъ.

Онѣ опять замолчали.

— Анюта! — заговорила Маша тихонько.

— Чтб?

— Кромѣ шутокъ, голубушка, не сердитесь, милая, скажите правду истинную: онъ вамъ нравится?

— Да.

Маша не ожидала такого рѣшительнаго и скораго отвѣта; она быстро представила себѣ Дмитрія Ивановича, такимъ, какъ онъ вечеромъ сидѣлъ у самовара, живо увидала передъ глазами его серьёзное, задумчивое, ей казалось, даже строгое лицо, съ коротенькой, темной бородкой: неужели этотъ человѣкъ *могъ* нравиться?

— Что-жъ однако вамъ въ немъ нравится? — спросила она съ разстановкой.

— Я не знаю, Маша, какъ вамъ сказать!

Анютѣ представился тотъ же Дмитрій Ивановичъ, сидящій у стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и она подумала, что странно однако, чтобы кому-нибудь могло это серьёзное, умное лицо, не нравиться!

— Если хотите, и я его немножко боюсь,—сказала Анюта, —но вмѣстѣ... Ужъ какъ онъ за тётей ухаживалъ!

— А вы за него замужъ пойдете?

— Полноте, Маша, полноте! Грѣхъ вамъ просто!—Да онъ и не думаетъ объ этомъ! Я ему совсѣмъ не нравлюсь! — Ей припомнилась почему-то исторія съ шиповникомъ, и забытая досада точно вынырнула изъ какого-то угла головы.

— Ну, я не знаю, нравитесь ли или нѣтъ,—замѣтила Маша, Богъ ихъ знаетъ, мужчинъ! Не разберешь!—А гроза точно̀ утихаетъ!

— Кажется, утихаетъ; два часа пробило, слышали?

— Да. Спать надо.

Маша юркнула подъ одѣяло и крѣпко зажмурила глаза.

— Покойной ночи, я сейчасъ засну.

— Спите,—отвѣчала Анюта, и перевернулась къ стѣнѣ.

Не прошло пяти минутъ, какъ ровное, продолжительное дыханіе Маши дѣйствительно оправдало ея слова; Анюта долго не могла заснуть; она перевертывалась то на одну, то на другую сторону, слушала отдалявшіеся раскаты грома, слушала, какъ вода слабѣе барабанила по жолобу; смотрѣла, какъ уже рѣдко сверкающая молнія освѣщала гераніумъ, портретъ батюшки и спящую Машу, а въ окнѣ далеко виднѣющійся черной полосой лѣсъ и, мокрую извилистую дорогу; она думала то о тёткѣ, какъ она, бѣдная, вѣрно стала успокоиваться теперь и улеглась, то о себѣ и о разговорѣ съ Машей, и она чувствовала, какъ кровь приливала у ней къ щекамъ! Наконецъ, пробило три часа, и она заснула.

На другое утро молодыя дѣвушки встали обѣ рано; солнце такъ и свѣтило, такъ и смѣялось въ освѣжившейся природѣ, въ мокрыхъ листьяхъ деревьевъ, въ лужицахъ, въ рѣчкѣ.

Въ одну минуту онѣ одѣлись и, пока самоваръ не кипѣлъ еще, отправились погулять въ садъ. У самаго окна были устроены качели.

— Давайте-ка!—предложила Маша, и обѣ со смѣхомъ вспрыгнули на доску:—выше, Анюта, выше! Не бойтесь, крѣпко!—кричала Маша, задыхаясь и, сгибая колѣни, изъ всей силы старалась выше толкнуть доску; обѣ онѣ раскраснѣлись, платья ихъ

надувались отъ быстраго движенія, качели громко скрипѣли, будто умоляя о пощадѣ.

— Голубушки, какъ высоко! — крикнула матушка въ окно, ради Христа, осторожнѣе! Маша, а ты поди-ка сюда, мнѣ тебя нужно.

Онѣ пріостановили качели, Маша на лету спрыгнула съ доски и убѣжала въ домъ. Доска подалась въ сторону, потомъ мало-по-малу приняла обычное плавное движеніе. Анюта стояла, держась обѣими руками за веревки, тихо покачиваясь взадъ и впередъ, и забылась. Подставки тихо поскрипывали, а въ густомъ кустѣ бузины весело, громко свистѣла иволга.

— Богъ его знаетъ!—думала Анюта,—а вѣдь Маша угадала, должно быть! Эхъ! какъ иволга свиститъ!—такъ вотъ оно что̀? Вотъ оно! Да, люблю! Вонъ она опять свиститъ... Боже мой! какъ душа полна! Да, люблю! просто люблю!

— О чемъ это вы задумались?—спросилъ совершенно возлѣ нея голосъ Дмитрія Ивановича. Анюта обернула къ нему свое красное, улыбающееся лицо и оживленные глаза:

— Да такъ!—отвѣчала она и немного толкнула доску,—о томъ и о семъ!

— Гмъ! о томъ и о семъ!—А какова гроза была?

— Страшная! Какой дождь лилъ!

— Вы боитесь грозы?

— Нѣтъ! тётенька боится.

Они замолчали, а иволга опять засвистала въ бузинѣ.

— А вотъ, говорятъ, если крещенскую свѣчу зажечь, такъ громъ не упадетъ,—сказала Анюта.

— Вы вѣрите этому, Анна Сергѣевна?

— И вѣрю, и нѣтъ.

— Я думаю, что свѣча не при чемъ тутъ...

— Правда.

— Вы примѣтамъ вообще вѣрите?

— Инымъ, кажется, вѣрю,—отвѣчала Анюта, задумавшись,— да, вѣрю,—повторила она. — Дмитрій Ивановичъ! — сказала она вдругъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ обратившись къ Косыреву, который стоялъ, поднявъ одну ногу на доску качелей,—помните шиповникъ? вѣдь это было суевѣріе!

И она въ нѣсколькихъ словахъ разсказала ему все, что̀ было. Онъ выслушалъ ее и задумался.

— Отчего вы мнѣ этого тогда не сказали?—спросилъ онъ.

— Не знаю, мнѣ какъ-то стыдно было!

Изъ-за забора показалось въ эту минуту нѣсколько мужи-

ковъ; на плечахъ они несли косы, которыя ярко сверкали на солнцѣ, а у пояса, въ жестяномъ ящичкѣ, гремѣло у нихъ точило. Всѣ они поклонились Косыреву.

— Чтó хозяйка, какова?—спросилъ онъ, останавливая одного изъ мужиковъ.

— Дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать, батюшка, совсѣмъ здорова,—отвѣчалъ мужикъ, кланяясь.

— Ну, слава Богу! только смотри, чтобы она много не работала, а то опять захвораетъ!

— Какъ можно, батюшка! Помилуй Господи!

Мужикъ надѣлъ картузъ и тяжело побѣжалъ за другими, звонко побрякивая точиломъ.

— Вотъ жизнь-то бѣдныхъ нашихъ крестьянокъ! Просто не понятно, какъ могутъ онѣ ее переносить! — замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ: — вы, Анна Сергѣевна, вблизи знаете жизнь въ деревняхъ?

— Не могу сказать, чтобы вблизи; какъ-то рѣдко случалось мнѣ говорить съ ними.

— Но вы, однако, постоянно жили въ деревнѣ?

— Да, только четыре года я была въ Москвѣ, въ пансіонѣ.

— И неужели васъ никогда не интересовало посмотрѣть нѣсколько поближе крестьянскій бытъ, ознакомиться съ нимъ?

— Не знаю... нѣтъ!

— Вы не подумали, что можете имъ быть полезны?

Анюта спустила одну ногу съ доски, и, припрыгнувъ нѣсколько разъ на ней, соскочила на землю.

— Какую же могу *я* принести пользу? вотъ *вы* докторъ, я понимаю!

— Самоваръ давно кипитъ!—крикнула Маша въ окно.

Они оба вошли въ гостинную; всѣ уже сидѣли за налитыми чашками, тутъ былъ и Илюша. На Дмитрія Ивановича нашелъ какой-то рѣдкій стихъ, онъ разговаривалъ, даже шутилъ и смѣшилъ общество.

Послѣ чаю Анюта собралась домой, Илюша вызвался проводить обѣихъ дѣвушекъ; онѣ надѣли шляпы и вышли; на крыльцѣ сидѣлъ Дмитрій Ивановичъ, тоже въ шляпѣ и съ палкой въ рукахъ.

— Вы меня примете въ свое общество?—спросилъ онъ, вставая со скамейки. Маша съ насмѣшливымъ удивленіемъ посмотрѣла на него, потомъ на Анюту, Илюша до крови прикусилъ губу, одна Анюта весело и непритворно сказала:

— Милости просимъ!

Они пошли.

Дорога была не широкая; въ иныхъ мѣстахъ еще не скошенная, мокрая, высокая трава стояла по обѣимъ сторонамъ; чтобы не замочить платье, Анюта пропустила Машу впередъ и пошла за ней посреди дороги. Она не слушала разговора ея съ Илюшей, она вся предалась живымъ, новымъ ощущеніямъ. Ей было хорошо! Не много позади шелъ Дмитрій Ивановичъ; она знала, что онъ близко отъ нея, слышала его шаги, и знала, что именно и поэтому ей легко и весело. Уже давно сильное, но неопредѣленное въ ней чувство стало ясно ей только въ это утро. «Такъ вотъ оно! Вотъ оно что!» — все повторяла она сама себѣ. Въ ней было такъ полно, что душило ее! Радостно, свѣжо сказывалась ей любовь въ первый разъ, въ это чудное, лѣтнее утро! Она свѣтилась, пѣла въ ней, именно такъ, какъ блестѣло солнце, какъ раздавалась пѣснь жаворонка, то звонкая, переливистая, то исчезающая въ синевѣ неба!

Косыревъ докурилъ папироску и поравнялся съ ней.

— Что за день! — сказалъ онъ, — какъ гроза очистила воздухъ!

Анюта ничего не отвѣчала; ей казалось, что если она откроетъ ротъ, то не совладаетъ съ своимъ голосомъ, — вскрикнетъ или запоетъ. Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Вы много читаете?—спросилъ Косыревъ.

Анюта перевела духъ.

— Вовсе почти не читаю, нéгдѣ книгъ достать.

— Чтò же вы дѣлаете?

— Какъ вамъ сказать, — отвѣчала Анюта шутливо, — это трудно опредѣлить; шью, гуляю, разговариваю, ѣмъ.

— Больше ничего?

— А что же еще?

— И такъ вы проведете всю жизнь?

— Какъ?

— Будете шить, гулять, разговаривать, ѣсть?

— Какъ же мнѣ иначе провести жизнь? — спросила Анюта серьёзно.

— Послушайте, еслибы въ концѣ вашей жизни у васъ ктонибудь спросилъ, на чтó вы употребляли жизнь, силы, здоровье, вы бы отвѣчали также: шила, разговаривала, гуляла?

Анюта шла, опустивъ голову.

— Я никогда объ этомъ не думала,—сказала она тихо.

— Вы вѣрно думаете, съ какого права я говорю такъ съ вами, Анна Сергѣевна, — сказалъ Косыревъ; но вамъ бы жизнь

представлялась иная, свѣтлѣе, шире еще, еслибы вы поняли ее, поняли *себя*. Вы не сердитесь на меня?

— Ахъ, нѣтъ! полноте, пожалуйста не думайте этого! Мнѣ такъ странно! Вы какъ-то все говорите такое новое, точно новую комнату отпираете.

Косыревъ слегка улыбнулся.

— Ни отъ кого я ничего такого не слыхала, никогда мнѣ въ голову ничего не приходило. Да кто можетъ меня здѣсь научить, какъ иначе употреблять жизнь? А вѣдь правда! Послушаешь васъ, такъ хочется взяться за что нибудь! Вотъ я давича тоже думала.

— Чтó думали?

— Вы говорили про мужиковъ; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, живешь тутъ и не знаешь даже, чтó кругомъ дѣлается. Да чѣмъ *мнѣ*-то имъ быть полезной? Дмитрій Ивановичъ, ну, чтó же мнѣ для нихъ сдѣлать?

— Мало ли чтò? Знаете, много можно имъ сдѣлать добра, хоть добрымъ словомъ. Въ вашей жизни доброе слово сказать легко, вѣдь вы живете свободная, счастливая, но только бѣда въ томъ, что живете день за день, не оглядываясь кругомъ и на себя.

— Илья Тимофѣевичъ! много вы рыбы наудили нынче утромъ? —обратился Косыревъ къ Илюшѣ, повидимому, намѣренно рѣзко обрывая направленіе разговора.

— Штукъ десять мелочи,—отвѣчалъ Илюша довольно грубо, и опять заговорилъ съ Машей.

Косыревъ засмѣялся.

— Вы не знаете, за чтò я ему такъ не нравлюсь? — спросилъ онъ.

Анюта вдругъ вспыхнула.

— Не знаю.

— Онъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ равнодушенъ къ вамъ? Я не ошибаюсь?

— Можетъ быть. Вонъ, посмотрите, тётя къ намъ навстрѣчу идетъ!

Поздно вечеромъ, того же дня, солнце давно уже исчезло, темная твердь небесная вся покрылась звѣздами; Пелагея Матвѣевна сидѣла на балконѣ, Анюта вполовину лежала на верхнихъ ступенькахъ; въ канавѣ, возлѣ садика, перекатами выквакивали хоромъ лягушки, въ лугу все еще трещалъ сверчокъ, да-

леко въ деревнѣ слышалось хороводное пѣнье. И тётка и племянница молчали.

— Тётя, что вы думаете о Дмитріѣ Ивановичѣ? — спросила неожиданно Анюта.

— Дмитрій Ивановичъ?—Ничего; человѣкъ, кажется, хорошій, *солидный*. Что тебѣ вздумалось, душа моя?

— Да такъ, тётя, я такого никогда не видала.

— Много ли ты людей на своемъ вѣку видала? Человѣкъ онъ, какъ всѣ, только немножко гордъ, я думаю, да себѣ на умѣ, я этого не люблю. Впрочемъ, грѣхъ мнѣ на него говорить: кабы не онъ, можетъ быть я теперь въ могилѣ бы лежала.

Онѣ опять замолчали, и хороводъ примолкъ; одинъ сверчокъ съ новой силой затрещалъ въ темной, теплой ночи.

— А чѣмъ онъ по-твоему не такой, какъ другіе?—заговорила Пелагея Матвѣевна.

— Сама не знаю, онъ все такое новое говоритъ!

— Что новое?

— Про все, про меня, про людей. Онъ, должно быть, очень уменъ.

И сверчокъ замолкъ, и лягушки квакать устали, по небу пролетѣла яркая звѣздочка и потухла.

— Погасла,—проговорила Анюта.

Старушка не слыхала ее, у ней въ мысляхъ блеснула тоже звѣздочка, и надъ ней она задумалась.

Опять по прежнему тихо потекло время въ Малиновкѣ, на посторонній взглядъ ничего не измѣнилось: Паша въ дѣвичьей все такъ же шила, мурлыча какую-то пѣсню; Авдотья развѣшивала на веревкахъ пестрыя рубахи Авдѣя и ситцевыя платья Анюты; Прохорычъ ворчалъ, задавая кормъ коровамъ, только передъ домомъ, вмѣсто піоновъ, зацвѣлъ макъ всѣхъ цвѣтовъ, да въ деревьяхъ птички вывели молодыхъ. Съ виду все та же была Малиновка, а внутри между тѣмъ много перемѣнилось. Пелагея Матвѣевна поняла теперь, о чемъ задумывалась ея племянница и боязливо слѣдила за ней, не говоря однако съ ней ни о чемъ. Для Анюты открылась новая жизнь, или, какъ она выразилась сама, Дмитрій Ивановичъ ей отперъ новую комнату, но только первый день этой новой жизни прожила она радостно; вслѣдъ за этимъ потянулся цѣлый рядъ дней, дѣйствительно новыхъ, но, переживая ихъ, она пожалѣла о своей прежней беззаботной жизни. Она слишкомъ мало привыкла разбирать себя, свои мысли, чтобы

ясно и теперь отдавать себѣ отчетъ въ нихъ; только одно знала она, что ей почему-то не нравилось болѣе прежнее житье, почему-то стало тѣсно въ Малиновкѣ, и Авдотья казалась ей глупѣе прежняго, и въ первый разъ только она замѣтила, что у двери изъ корридора въ столовую, вмѣсто отломанной ручки, привязана веревочка. Съ горячо любимой ею тёткой ей было скучно сидѣть, и стара она была, другого вѣка совсѣмъ, и разговоръ съ нею не клеился, не о чемъ говорить имъ было. Маша и Илюша давно не бывали въ Малиновкѣ. Тѣ свѣтлые, сіяющіе дни, въ которые Дмитрій Ивановичъ заходилъ, случались довольно рѣдко, пролетали они для Анюты быстро, въ какомъ-то чаду, а послѣ нихъ становилось еще хуже. «Зачѣмъ это я такъ сказала ему!» думала она непремѣнно всякій разъ, перебирая весь разговоръ, всякое обстоятельство: «и забыла сказать, что̀ хотѣла, и говорилось у меня все что-то не то, да я и сама не знаю, что̀ я говорила, такъ это все вышло неловко! Хоть бы онъ поскорѣе опять пришелъ, я ужъ буду по-спокойнѣе». И опять все то же выходило.

Разъ какъ-то, въ жаркій іюльскій день, Анюта сидѣла, развалившись на диванѣ въ своей комнатѣ, для свѣжести засучивъ рука повыше, и лѣниво глядѣла въ отворенное окно; птицы и звѣри, и вся природа, казалось, боялись пошевельнуться отъ жары; вдали, надъ лугомъ, воздухъ даже зыблился около кустовъ, солнце палило безъ пощады, пахло гарью, нигдѣ не слышно было ни одного звука, только кузнечики трещали десятками въ коротенькой, скошенной, горячей травѣ. Вдругъ въ окнѣ, въ самомъ лучѣ солнца, зажужжала какая-то толстая муха, то почти неподвижно держалась она на одномъ мѣстѣ, неуловимо-скоро шевеля крылышками, то бросалась въ сторону, то опять пріостанавливалась, будто въ нерѣшимости, влетѣть ли ей въ комнату или нѣтъ. «И какъ ей не жарко жужжать»,—думала Анюта, утираясь платкомъ:—и что̀ ей надо. Если она влетитъ въ комнату, значитъ, онъ меня не любитъ, а улетитъ прочь, такъ любитъ». Муха описала кругъ въ воздухѣ и съ громкимъ жужжаніемъ скрылась за окномъ. «Любитъ!—подумала Анюта, улыбнувшись:—онъ бы сказалъ, что это примѣта. А на самомъ дѣлѣ, любитъ ли онъ меня? Кто его знаетъ? Дѣвичья, говорятъ, душа потёмки; правда, можетъ быть, да вѣдь у него не дѣвичья; значитъ, всякая душа, какая бы она ни была—все потёмки!»

Въ началѣ августа собралось большое общество за грибами вечеромъ: и старый, и малый отправился, и троицкіе всѣ, не выключая Дмитрія Ивановича, и Пелагея Матвѣевна пошла съ племянницей. Спокойный сосновый лѣсъ огласился смѣхомъ, говоромъ, ауканьемъ по всѣмъ концамъ.

— Папаша, не подходите ко мнѣ, дáвите только! — кричала Маша, вошедшая *въ азартъ*, какъ говорила про нее Пелагея Матвѣевна.

— Илюша, батюшка, глядите-ка, глядите, какая пропасть ихъ!

— Голубчикъ,—обратилась Пелагея Матвѣевна къ Илюшѣ: — не разберу я, поганка ли вонъ подъ кустикомъ или рыжикъ, бѣлѣется что-то, а напрасно нагибаться не хочется, спинѣ больно!

Батюшка подвязалъ рясу пояскомъ, сдвинулъ шляпу на затылокъ, рукава булавками закололь, забылъ все, и подвигался, не оглядываясь никуда, отъ одного гриба къ другому, разговаривая вполголоса самъ съ собой,—онъ былъ страстный охотникъ искать грибы.

— Ишь ты, крошка! куда спрятался! — тихонько разсуждалъ онъ, нагибаясь за рыжикомъ:—небось! Не миновать и тебѣ! Э-э! а большого-то я и не видалъ! Экій богатырь какой, здоровый!

Косыревъ подошелъ къ Анютѣ:

— У васъ есть корзинка? — спросилъ онъ.

— Есть.

— Возьмите въ нее мой вкладъ, два всего нашелъ. Да и у васъ, я вижу, немного. Мы съ вами видно не годимся грибы искать. Вотъ тѣ, другое дѣло! Корзинки полныя!

— Посмотрите, Дмитрій Ивановичъ, какого вы раздавили!

— Что же дѣлать!.. Ау! — отвѣчалъ Косыревъ на голосъ Маши:—авось не заблудимся... Мы съ Ильей Тимофѣевичемъ помирились, — продолжалъ онъ: — весь вечеръ вчера разсуждали! Онъ докторомъ хочетъ быть — вообразите!

— Вотъ какъ, это—новое у него желаніе явилось! Да еще перемѣнитъ нѣсколько разъ, онъ такой непостоянный. А славный мальчикъ, не правда ли?

— Непостоянный, дѣйствительно! Они съ Марьей Васильевной очень сошлись послѣднее время,—прибавилъ Косыревъ, улыбаясь:—вы ревнуете, Анна Сергѣевна?

Анюта засмѣялась.

— Э, нѣтъ! Да мы съ нимъ теперь, должно быть, тоже скоро совсѣмъ будемъ по прежнему, просто добрыми друзьями, а то

послѣднее время точно черная кошка между нами пробѣжала. Ребячество, а непріятно, тѣмъ болѣе, что я немножко виноватой себя чувствовала.

— Отчего?

— Я несовсѣмъ честно поступила.

— Въ чемъ?

Отъ Дмитрія Ивановича нельзя было отдѣлаться, не высказавъ всего.

— Какъ вамъ сказать! Я прежде такъ, для забавы, немножко... Я не знаю, кáкъ бы объяснить, я дѣлала видъ будто и не замѣчаю, что онъ такъ ко мнѣ расположенъ, и подзадоривала его, а потомъ, какъ надоѣло, и бросила его, не стала почти говорить съ нимъ.—Анюта нагнулась, чтобы поднять грибъ.—Теперь онъ утѣшился,—прибавила она, улыбнувшись: — имъ съ Машей весело, а мнѣ все-таки не хотѣлось остаться точно будто во враждѣ съ нимъ, и не стóило того изъ-за глупости.

Дмитрій Ивановичъ все шелъ и задумывался: не сравнивалъ ли онъ эту чистосердечную исповѣдь съ нѣкоторыми разговорами, случайно слышанными имъ между Машей и Илюшей?

— Такъ вотъ мы съ нимъ до поздней ночи толковали, — сказалъ онъ:—а вы чтó вчера вечеромъ дѣлали?

— Чтó я дѣлала? Погодите, вспомню! Ахъ, да! сидѣла на балконѣ и думала, и о чемъ думала-то: я хотѣла спросить у васъ, вотъ вы все противъ суевѣрія говорите; ну, а какъ вы объясните, чтó со мной было вчера вечеромъ: нашла вдругъ на меня тоска, безъ всякой причины, и не то, что тоска, хуже тоски, просто точно предчувствіе какое; будто вотъ несчастіе сейчасъ какое случится, я просто спать лечь не рѣшалась, такъ и прошло тоже безъ причины.

Дмитрій Ивановичъ задумался.

— Вообще трудно опредѣлить, чему можно вѣрить такому, чему нельзя; нѣтъ сомнѣнія, что иныя чувства такого рода существуютъ, а откуда они берутся—Богъ вѣсть, только предаваться-то имъ не надо. И предчувствія иногда оправдываются, только не всегда и даже рѣдко; зачѣмъ намъ мучиться понапрасну, впередъ? Намъ не дано знать будущее, и навѣрно это къ лучшему.

— Такъ что-жъ это у меня было?

— Знаете ли, какъ я себѣ объясню такую безпричинную тоску?

— Какъ?

— Это можетъ быть просто, помимо нашей воли являющееся

сознаніе, что въ будущемъ не можетъ наша жизнь пройти совершенно безъ всякаго горя.

— Такъ все же оно предчувствіе, значитъ?

— Если хотите: да и нѣтъ. Не ожиданіе чего-нибудь близкаго, опредѣленнаго, а такъ, неминуемыхъ, многихъ, можетъ быть и дальнихъ, темныхъ полосъ. Вѣдь никакая жизнь безъ нихъ не протечетъ!

— Объ этомъ такъ страшно подумать!

— Э, нѣтъ! Не страшно! Жизнь такъ хороша, такъ богата задатками счастья для всякаго, кто знаетъ, гдѣ ихъ искать и найти, что темныя полосы, какъ тѣнь на рисункѣ, кладутся для того только, чтобы свѣтъ рѣзче выдавался; безъ нихъ было бы не хорошо.

Они вышли на опушку лѣса; солнце садилось; рыхлыя, золотистыя, розовыя облака столпились вокругъ него, напоминая своей формой не то громаднаго какого-то мохнатаго звѣря, не то скачущую амазонку съ широко раскинутымъ платьемъ. Оба молча смотрѣли на чудную картину; въ полѣ заливался жаворонокъ, вдали, въ деревнѣ, слышно было мычанье загоняемаго стада, лай собакъ, крики дѣтей. Свѣтъ болѣе и болѣе потухалъ, облака блѣднѣли.

— Я завтра уѣзжаю,—сказалъ вдругъ Косыревъ.

— Куда? — спросила Анюта, испуганно обернувшись къ нему.

— Въ Москву.

— На долго?

— Не знаю, смотря по дѣламъ.

Послѣдній лучъ исчезъ въ эту минуту, облака приняли сѣровато-лиловый оттѣнокъ, вмѣсто амазонки сдѣлалась какая-то странная, неопредѣленная форма. Ауканье послышалось вдали, потомъ стало приближаться.

— Вамъ дорога налѣво, — сказалъ Косыревъ, — а въ Троицкое направо. Прощайте.

Анюта молча протянула ему руку, онъ ее взялъ и удержалъ въ своей.

— Анна Сергѣевна! Пожелайте, чтобы моя поѣздка въ Москву удалась: вотъ, въ силу пожеланій отъ души, я вѣрю! — сказалъ, онъ улыбаясь.

— Желаю, Дмитрій Ивановичъ, дай Богъ вамъ!

— Благодарю васъ. Прощайте, повторилъ онъ, крѣпко сжавъ ея руку, и такимъ взволнованнымъ голосомъ, что Анюта взглянула

на него, ихъ глаза встрѣтились; у Анюты точно перевернулось сердце, но въ ту же минуту Косаревъ отвернулся и пошелъ на встрѣчу обществу.

«Какъ онъ странно посмотрѣлъ на меня,—думала Анюта, молча идя по дорогѣ рядомъ съ тёткой:—вотъ мое солнце завтра закатится, а потомъ осень, и увижу ли я его еще когда-нибудь; Богъ знаетъ!»—Она остановилась будто-бы поглядѣть на закатъ, и обернулась въ ту сторону, куда пошли троицкіе; далеко, по ту сторону лощины, по косогору, поднимались всѣ тѣсной кучкой; шаговъ десять за ними, поодаль, стоялъ Дмитрій Ивановичъ; ясно видно было всю его крупную фигуру, и соломенную шляпу; онъ стоялъ, опершись одной рукой на трость, и глядѣлъ назадъ по дорогѣ.

— Анюта, что-жъ ты остановилась, — крикнула Пелагея Матвѣевна.

Анюта еще разъ, мысленно, простилась съ стоявшимъ тамъ далеко на дорогѣ, и пошла за тёткой.—«Какъ сейчасъ близко былъ: вотъ эту руку онъ пожалъ,—думала она, глядя на свою правую руку:—дай Богъ ему того, чтó онъ желаетъ!—«Прощайте, Анна Сергѣевна», почему-то повторила она.

— Хошь бы работу въ руки взяла, подѣлала бы что-нибудь, душа моя,—говорила Пелагея Матвѣевна Анютѣ дня два спустя послѣ прогулки въ лѣсу.—Немудрено, что скучаешь, день-деньской безъ работы сидя!

— У меня нѣтъ работы.

— Ну, начни себѣ; затѣй что-нибудь.

— Охоты нѣтъ, тётя.

Пелагея Матвѣевна посмотрѣла на Анюту и увидѣла ея красные, заплаканные глаза; сердце у нея такъ и покатилось.

— Охъ, дитя мое; настрадаешься глядя на тебя, право! Совсѣмъ ты у меня другая стала. Коли горе у тебя какое, сказала бы мнѣ, легче бы стало! я бы, можетъ, и помочь могла.

— Анюта улыбнулась.—Не поможете, тётя!

— Не могу помочь? что-жъ это такое? Богъ съ тобой, мой ангелъ!

Анюта не отвѣчала.

— И не говори, душа моя! я знаю!—Не хитра, а понять это и у меня разуму хватитъ! Не добрый онъ человѣкъ; сбилъ онъ тебя совсѣмъ съ толку!—прибавила она.—Прости Господи!

Видитъ Богъ, что я вѣкъ за него молиться буду, за тó, что онъ меня спасъ, да ходилъ за мной, какъ сынъ родной, а только не думала я, чтобы...

Анюта, вся красная, съ широко-открытыми глазами, стояла передъ ней:

— Не говорите ни слова про него! — перебила она, — вы не знаете его, и не можете его знать! онъ такой человѣкъ...—слезы задушили ее, она закрыла лицо руками и убѣжала въ свою комнату.

Всю ту ночь Пелагея Матвѣевна глазъ не закрывала; пока Анюта росла, много ей было заботъ, но такъ тяжело еще никогда ей не было; перевертывала, пережевывала все въ своей незамысловатой головѣ старушка, и все не могла придумать, чтó ей дѣлать: и неблагодарной-то ей не хотѣлось быть съ Дмитріемъ Ивановичемъ, и за племянницу страшно было. Вторые пѣтухи пропѣли, а Пелагея Матвѣевна и не думала еще спать.—«Чѣмъ свѣтъ,—наконецъ рѣшила она,—велю Авдѣю пролетку заложить и съѣзжу, съ батюшкой посовѣтуюсь; все-таки она ему и дочь духовная, и *его* онъ знаетъ, авось добрый совѣтъ подастъ». Такъ на этомъ рѣшеніи и соснула она немножко, когда ужъ свѣтло было...

— Не повѣрите до чего я измучилась, батюшка,—говорила на другое утро Пелагея Матвѣевна, утирая платкомъ глаза,—просто ночи не сплю.—А когда вы его обратно ждете?

— Самъ не знаю, онъ говорилъ, что воротится черезъ два-три дня.

Пелагея Матвѣевна встала.

— Поуспокоили вы меня немножко, спасибо вамъ, батюшка, —сказала она, подставляя свою пухлую руку съ обручальнымъ кольцомъ подъ благословеніе отца Василія; они оба вышли на крыльцо; Пелагея Матвѣевна сѣла въ свою, будтó повѣшенную на круглыхъ рессорахъ, пролеточку и, еще разъ простившись и поблагодаривъ священника, велѣла трогать осторожнѣе.

Въ то же утро Анюта шла тихонько по дорожкѣ въ саду; ей было грустно, пусто и тоскливо. «Да, дѣйствительно пожалуй съ толку сбилъ!—думала она про себя:—зачѣмъ онъ потревожилъ мою прежнюю жизнь?—зачѣмъ показалъ, что этого всего недостаточно; зачѣмъ заставилъ желать жить иначе, когда нéкому показать мнѣ, *какъ* жить иначе? Зачѣмъ взбаломутилъ меня, и теперь я останусь одинокая среди людей, которые объ этомъ новомъ взглядѣ не скажутъ мнѣ ни слова, и съ которыми однако *до него* мнѣ было хорошо и спокойно жить?»—Какъ нарочно

передъ ней все летала какая-то маленькая птичка: то сядетъ на кустъ, покачается, чирикнетъ, то вспорхнетъ и полетитъ; но Анюта и не замѣтила ее, она даже не видала нити муравьевъ, протянувшейся черезъ дорожку, и прямо ступила въ нее.

Вдругъ, среди своихъ размышленій, Анюта подняла голову и увидала у креста, у забора, доброе, смуглое лицо Дмитрія Ивановича; невольное восклицаніе вырвалось у нея. Косыревъ вошелъ и весело поздоровался съ ней.

— Такъ радъ, что скоро удалось все обдѣлать и воротиться, —сказалъ онъ:—въ городѣ такая духота и пыль!

— Что же, хорошо дѣла окончили?

— Хорошо. Теперь я могу сказать, какія это дѣла были. Меня письмомъ потребовали въ Москву съ предложеніемъ мѣста; вотъ я тамъ побывалъ, и все покончилъ: съ 1-го октября поступаю; дѣла порядочно будетъ; ну, да я работы не боюсь!—прибавилъ онъ, какъ-то особенно весело улыбнувшись.

Анюта шла серьёзно, глядя передъ собой. По краямъ дорожки росло множество крупной ромашки, она въ разсѣянности нагнулась и сорвала одну изъ нихъ.

— Вы знаете, какъ по нимъ гадаютъ?—спросилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Какъ? т.-е. да или нѣтъ?

Анюта посмотрѣла на него: лицо его вдругъ приняло то самое серьёзное, почти благоговѣйное выраженіе, которое она уже видѣла разъ, тогда, когда онъ объявилъ ей, что тётка ея сильно больна, и ей опять стало страшно чего-то.

— Нѣтъ, не только «да» или «нѣтъ» говорится,—отвѣчалъ Косыревъ, какъ-то странно слишкомъ серьёзно относясь къ тому, что̀ говорилъ,—говорится что-то другое.

Въ это время Пелагея Матвѣевна сидѣла у отворенной балконной двери и вязала чулокъ. Разговоръ съ батюшкой все припоминался ей, и все-таки заботливо ей было. «Такой онъ умный человѣкъ,—думала она,—кажется, совсѣмъ къ намъ не подходитъ. Мнѣ-то съ нимъ иной разъ и заговорить неловко! Что́ ему до меня, до простой! А она у меня умница выросла! Обо всемъ разсудитъ!» Старушка мысленно перенеслась въ дальнее, давно прошедшее время! Сидитъ она, семнадцатилѣтняя дѣвушка въ простенькой чистенькой горенкѣ за пяльцами, и ей тоже, какъ Анютѣ въ послѣднее время, что-то грезится все новое, небывалое, а мать бранитъ, что шитье не такъ аккуратно у нея выходитъ, какъ всегда; и много думушекъ дѣвичьихъ она зашиваетъ въ своихъ пяльцахъ, и вдругъ входитъ отецъ ея и весело такъ, громко го-

ворить ей:—«а ну-ка, Поля, вставай-ка, дочь моя! Вотъ Лука Семенычъ пришелъ, знаешь ли, по какому дѣлу? Согласна ты за него замужъ идти?

Она встаетъ изъ-за пялецъ и, низко опустивъ закраснѣвшееся лицо, говоритъ, что коли любъ родителямъ женихъ ея, такъ и она согласна. Вспомнила Пелагея Матвѣевна, что въ этотъ день въ первый разъ обмѣнялась она двумя-тремя словами съ своимъ женихомъ, подумала, что простой человѣкъ былъ Лука Семенычъ, а хорошій и добрый мужъ былъ онъ ей до самой своей смерти: «Анютѣ ужъ не такого надо! Она-бы съ нимъ счастлива не была!» пришло ей въ голову; она поняла, что Анюта не удовольствовалась бы ея скромнымъ, тихимъ удѣломъ: «не моего вѣку ужъ она!» подумала старушка, вздохнула и только тутъ замѣтила, что чулокъ соскользнулъ къ ея ногамъ и руки лежатъ безъ работы на колѣняхъ.

По ступенькамъ взошла Анюта, держа Дмитрія Ивановича одной рукой за руку.

— Ахъ, батюшка! вы воротились, а я и не знала!—сказала старушка, и не успѣла досказать, чтò хотѣла; Анюта закинула ей на шею свободную руку, не выпуская другой Дмитрія Ивановича.

— Тётя, вы теперь простите меня!—проговорила она, утыкая лицо въ плечо старушки.

Вся преобразилась Малиновка! просто дымъ коромысломъ стоялъ! такихъ сборовъ, приготовленій, такой суеты еще не видывалъ скромный домикъ съ мезониномъ! Всѣ торопились.

Свадьбу назначили въ началѣ сентября, и тотчасъ же послѣ молодые должны были уѣхать въ рязанскую губернію, навѣстить стариковъ Косыревыхъ, а потомъ и устроиться; поселиться имъ надо было въ Москвѣ до 1-го октября.

Въ дѣвичьей шили приданое, и какъ отворяли дверь туда, такъ до самой гостинной отрывками доносилась пѣсня дѣвушекъ:

Какъ два голубя на шкапѣ...

выводила запѣвало; а иногда кто-нибудь входилъ въ комнату съ полными руками, и въ широко-растворившуюся дверь вылетала пѣсня:

Свѣтъ нашъ, Анна Сергѣевна,
По комнатѣ ходитъ,
По за-а-лѣ гуляетъ!

Унизаны бѣлыя ручки
Разными перстнями,
Убраная головушка
Разными вещами!

Громче всѣхъ отдѣлялся голосъ Маши:

— Просто угорѣмши я, ей-богу; съ утра до вечера не пимши, не ѣмши!—говорила она, а между тѣмъ ни за что не хотѣла допустить, чтобы приданое шили безъ слѣдовавшихъ при томъ пѣсней, и сама постоянно участвовала въ хорѣ.—Одна у насъ барышня,—объясняла она,—добро бы ихъ много! а то выдадимъ Анну Сергѣевну и баста! больше нѣкого, такъ *хушь* ее-то по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ, по православному обычаю соберемъ.

Доброе, веселое лицо Пелагеи Матвѣевны поспѣвало ободрить всѣхъ: и швей въ дѣвичьей, и стряпухъ въ кухнѣ, и изрѣдка скромно заглядывало въ тотъ уголъ гостинной, гдѣ всего чаще, какъ она говорила: «пріютились мои-то два голубя!» Когда никто не могъ видѣть старушку, она оглядывалась кругомъ, нѣтъ ли кого, крестилась, на-скоро утирала платкомъ глаза, а при комъ-нибудь была опять весела и шутила.

Къ свадьбѣ ожидали порядочно гостей, кое-какихъ дальнихъ родственницъ Анюты, и со стороны Косырева родныхъ. Часть ихъ предполагалось помѣстить въ Троицкомъ, у батюшки, а двумъ-тремъ изъ почетныхъ думали предложить остановиться въ Малиновкѣ. Вѣсть о свадьбѣ Анюты скорехонько пронеслась по околотку и всѣ ей порадовались: Косырева всѣ успѣли полюбить.

Маша, какъ слѣдовало, весело поздравила Анюту и обняла ее, но на душѣ у ней было немножко пасмурно; она не ревновала, а завидовала своей пріятельницѣ; Илюша хорошъ былъ такъ, для забавы, а настоящаго жениха гдѣ было найти въ Троицкомъ? Ждать заѣзжаго какого-нибудь приходилось, какъ Дмитрій Ивановичъ? Такъ это и посѣдѣешь, а не дождешься! Между тѣмъ и отъѣздъ Анюты огорчалъ ее.

— Попируемъ на вашей свадьбѣ, и полно!—говорила она Дмитрію Ивановичу.—Тихо здѣсь станетъ, просто скука смертная. Все равно, что живую меня зароютъ, право!

Илюша принарядился, чтобы придти поздравить малиновскихъ жительницъ; ему немножко было неловко съ Анютой; онъ догадывался, что она знала про его мимолетную страсть и про его непостоянство; вмѣсто заклятаго врага Дмитрія Ивановича, какимъ онъ былъ сначала, онъ сталъ просто поклонникомъ его; онъ старался, въ чемъ могъ, подражать ему, и даже перенялъ

его походку. Съ помолвки Анюты, Илюша сталъ еще нѣжнѣе ухаживать за Машей; она обходилась съ нимъ довольно грубо, особенно когда онъ слишкомъ приставалъ къ ней и надоѣдалъ. Косыревъ просилъ Илюшу быть у него шаферомъ.

Дѣвичникъ прошелъ спокойно, гостей никого еще не пріѣхало, ихъ ожидали въ самый день свадьбы; были одни только *свои*, т.-е. троицкіе.

— Вотъ мы и засидѣлись,—заговорила матушка къ концу вечера,—вамъ на покой пора, да и хлопотъ еще всякихъ наберется. Кто это тамъ въ корридорѣ?—продолжала она, прислушиваясь.

Въ корридорѣ слышны были сдержанные голоса, и дверь въ сѣни поскрипывала; въ столовую какъ-то особенно осторожно и несмѣло вошла Паша и остановилась у порога, тряся плечами отъ смѣха и закрывая рукой лицо.

— Барышня!—едва могла она проговорить.

— Что такое?

— Да тутъ, барышня, пришли.

— Кто пришелъ?

— Деревенскія дѣвушки величать васъ пришли!—высказала наконецъ Паша и окончательно расхохоталась.

— Величать насъ? Какъ же сдѣлать, тётя?

Косыревъ всталъ.

— Ихъ надо позвать въ столовую, неправда ли, тётушка?—обратился онъ къ Пелагеѣ Матвѣевнѣ.

Пелагеѣ Матвѣевнѣ отъ всей суеты и отъ волненій не переставало быть жарко, лицо у нея было темно-красное, мокрое почти съ самаго дня помолвки Анюты, а ужъ въ этотъ вечеръ, она и чепчикъ развязала, и носового платка изъ рукъ не выпускала.

— Ахъ, какъ же это такъ! У меня вымыли полы, затопчутъ!—заговорила она торопливо, утерла лицо, закинула назадъ завязки чепчика и махнула рукой.—Ну, пожалуй, пускай войдутъ! Введи ихъ, Паша.

Шопотъ, хихиканье за дверью усилилось, затопали грубыми башмаками; Паша отворила обѣ половинки двери, и въ столовую вошло человѣкъ восемь молодицъ и дѣвушекъ; переднія были повязаны платками, въ желтыхъ и синихъ корсеткахъ; за ними нѣкоторыя въ накинутыхъ на плечи тулупахъ; впереди бабъ втѣснилось-было два-три мальчика, стуча огромными сапогами, но ихъ кто-то грубо потащилъ назадъ, и они, едва удерживаясь на кованныхъ подошвахъ, со стукомъ скрылись за бабами. Наконецъ,

все присмирѣло, и одинъ пискливый, сдавленный бабій голосъ началъ:

А по са-а-дику, садику,
По зелену виноградику...

и остальные голоса подхватили:

Тутъ-а ходилъ-гулялъ молодецъ,
Что Митрій-то свѣтъ-Ивановичъ,
Онъ-а чесалъ свои русыя кудри,
Чесалъ ку-у-дри, приговаривалъ:
Прилегайте кудри русыя
Ко моей-ли буйной головушкѣ,
Привыкай-ка, свѣтъ мой Аннушка,
Привыкай-ка, свѣтъ Сергѣевна,
Ко моему-ли уму-разуму
Да ко ндраву молодецкому.
Ужъ и мнѣ-ли красной дѣвицѣ
За досаду рѣчь казалася,
Привыкать мнѣ не хотѣлося...

— Нѣтъ, не казалось за досаду, — замѣтила тихо Анюта Дмитрію Ивановичу.

Онъ улыбнулся ей, взялъ ее за руку и подошелъ съ нею къ бабамъ.

— Спасибо вамъ, — сказалъ онъ, и подалъ бумажку запѣвалу. — Вы за наше здоровье чаю выпейте.

— Дай Богъ на здоровье! Дай Господи много лѣтъ! Покорнѣйше благодаримъ! — заговорили всѣ бабы разомъ; два-три мальчика опять выглянули изъ-за двери, бабы поклонились въ поясъ, и Паша, утомленная смѣхомъ, который не переставалъ трясти ее во все время, пока бабы пѣли, затворила обѣ половинки двери.

— Что далъ? По полтинѣ? Нешто такъ выходитъ? Ишь-ты, вѣдь, не шутка! Что далъ-то? Ты дѣли поровну! — шептали и говорили бабы, толкаясь на крыльцѣ, и, выходя со двора, онѣ опять затянули:

По са-а-дику, садику...

Часы въ столовой шипѣли, шипѣли и, наконецъ, пробили одиннадцать, а Косыревъ съ Анютой все еще сидѣли на балконѣ. Ночь была тихая, теплая, рѣдкая ночь въ сентябрѣ; звѣздочки блестѣли, моргали множествомъ глазокъ надъ тихой, уснувшей, на нѣсколько часовъ только успокоившейся Малиновкой.

Дмитрій Ивановичъ прислушался къ бою часовъ и всталъ:

— Пора мнѣ ѣхать, — сказалъ онъ, — пора отдохнуть; намъ

обоимъ предстоитъ дальній путь завтра; простимся въ послѣдній разъ.

— Въ послѣдній, — повторила Анюта, вставая, и окинула взглядомъ маленькій садикъ, прудикъ, въ которомъ отражались звѣзды, и балкончикъ, и все это мѣсто, въ которомъ она беззаботно провела жизнь, и столько передумала въ послѣдніе мѣсяцы.

— Дмитрій, какъ еще недавно я васъ вовсе не знала, вѣдь это странно подумать; а съ тѣхъ поръ какъ вы къ намъ заглянули, какъ все перемѣнилось! И еслибы теперь я не ѣхала съ вами, вы бы меня здѣсь оставили, я не знаю какъ я стала бы жить, чтó со мною было бы? Какъ бы я справилась одна съ разными новыми мыслями?

— Этого никогда не могло бы быть, — отвѣчалъ Косыревъ, приподнимая опустившуюся ей на лобъ прядь волосъ; онъ посмотрѣлъ на эту круглую маленькую голову, на большіе глаза, съ такимъ довѣріемъ глядѣвшіе на него, на толстыя грубыя косы, въ безпорядкѣ приколотыя на головѣ, и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Вы не боитесь ѣхать одни ночью?

— Не въ первый разъ,—отвѣчалъ онъ.

Они вмѣстѣ сошли съ балкона, и молча прошли по саду на ту сторону дома. У березы стояла телѣжка; старой батюшкиной лошади послѣднее время пришлось часто ждать именно у этой березы; она сначала иногда усиленно махала головой, пробовала грызть кору, слѣдъ ея зубовъ виднѣнъ былъ на березѣ, потомъ она привыкла и спокойно дремала въ ожиданіи жениха.

Косыревъ подошелъ къ ней и началъ отвязывать ее.

— Ничего не разберу, кáкъ тутъ Авдѣй упуталъ ремень,— сказалъ онъ:—Анюта, вотъ вамъ спички, посвѣтите-ка мнѣ.

Анюта зажгла спичку и поднесла къ березѣ; среди темной ночи странно освѣтилась рыжая морда лошади, черный ремень, обернутый кругомъ изгложеннаго, обросшаго мхомъ ствола березы, и темная голова Косырева въ соломенной шляпѣ. Спичка догорала. Дмитрій Ивановичъ вынулъ изъ кармана ножикъ, разогнулъ его и отрѣзалъ ремень.

— Глупо трудиться надъ пустяками, — сказалъ онъ, — не стóитъ того, да и завтра не понадобится болѣе.

Заугливщійся кончикъ спички упалъ изъ рукъ Анюты, и темнота стала опять ровная вездѣ...

Долго стояла Анюта на крыльцѣ и все прислушивалась къ жесткому, деревянному звуку телѣжки, замиравшему вдали.

Смутно было у ней на душѣ; ея внутреннее расположенiе не шло къ тихой, совсѣмъ тихой ночи; она старалась вдохнуть въ себя спокойствiе окружавшей ее природы, и не могла. То ей казалось, что счастье ея слишкомъ полно, и ей становилось какъ-то жутко, будто оно не могло такъ продолжаться; то грустно ей было уѣзжать изъ Малиновки, грустно оставлять тётку совсѣмъ одну; она попрекала себя, что послѣднее время отдалилась отъ нея, и такъ невозвратно далека казалась ей вся ея прошедшая дѣвичья жизнь, и такъ смутно-таинственна и серьёзна будущность.

Она вздохнула и взошла домой; ощупью она заперла балконъ и подошла къ неплотно-притворенной двери Пелагеи Матвѣевны.

— Войди, голубокъ, я не сплю.

По голосу Пелагеи Матвѣевны слышно было, что сонъ еще далекъ отъ нея. Анюта подошла къ кровати.

— Поздно, птичка моя!.. Чтó, проводила его?

— Проводила.

— А я улеглась, не дожидаясь тебя: очень устала.

— Да, я думаю, тётя, столько хлопотъ я вамъ надѣлала.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не знаешь, отчего я устала,—перебила ее старушка.

— Отчего?

Пелагея Матвѣевна засмѣялась сама надъ собой, своимъ тихимъ, беззвучнымъ смѣхомъ, съ трудомъ высвободила руку съ платкомъ и утерла слезу.

— Смѣйся надо мной, душа моя,—сказала она,—а чтó прикажешь дѣлать? Ты знаешь, у насъ мало кроватей для гостей; мы съ Пашей вздумали подмостки громоздить разныя; я побоялась, что не крѣпко будетъ. Ну, посуди сама: вдругъ кто въ первый разъ у насъ, и провалится! Захотѣлось мнѣ самой попробовать, крѣпко ли, да на одной я и провалилась. Вотъ какой непрiятный случай! Хорошо, что не изъ чужихъ кто! теперь мы веревками подвязали крѣпко!

Анюта съ испугомъ глядѣла на тетку.

— Да вы знаете, тётя, какъ ушибиться могли,—сказала она наконецъ.

— Я осторожно, Анюта,—объяснила скромно Пелагея Матвѣевна, будто нѣсколько сконфуженная и желая извиниться,—да и не высоко было.

— Какiя вы у меня бѣдовыя! Чуть не доглядишь, тётя, вы и спалите.—Да чего Паша смотрѣла?—продолжала Анюта.

— Она про это не знаетъ,—заступилась Пелагея Матвѣевна,— я ее нарочно на то время выслала за нитками.

Анюта наклонилась надъ постелью и поцѣловала руку у тётки; старушка пригнула ее къ себѣ, крѣпко прижалась губами ко лбу племянницы и перекрестила ее.

— Спи спокойно, голубокъ мой, почивай, моя птичка... «Послѣднюю ночьку подъ моей крышкой», хотѣла она было сказать, но почувствовала, что не сможетъ выговорить.

Анюта еще разъ поцѣловала ее и пошла къ себѣ. Въ ея комнаткѣ тихо было. Передъ образами теплилась лампадка, какъ наканунѣ большого праздника, и блѣдно освѣщала столы, стулья, покрытые разными уложенными и разложенными вещами; у окна, на гвоздикѣ, висѣло бѣлое кисейное подвѣнечное платье.

Анюта остановилась среди комнаты; скрестивъ руки на груди и опустивъ голову, она долго стояла, не шевелясь...

Ольга Шелешовская.

ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ
ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et C-ie. 1875. Tomes I-XIV.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Проведенный въ Парижѣ, на свободѣ—новый 1853—годъ начался для Прудона недовольствомъ на результатъ процесса, затѣяннаго имъ съ однимъ безансонскимъ книгопродавцемъ: процессъ онъ проигралъ, и разражается противъ магистратуры въ письмахъ, отъ 1-го января, къ Морису и доктору Маге. А въ этомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ абсолютно правъ. Книгопродавецъ скупилъ, проданное Прудономъ на вѣсъ, сочиненіе изъ перваго періода его писательства, и сталъ его продавать вопреки желанію автора. *Формально* онъ оказался, конечно, правымъ, и Прудонъ напрасно горячился изъ-за того, что будто его «грабятъ!» Третье письмо, отправленное 1-го же января, къ Мадьè-Монжó имѣетъ болѣе общій характеръ. Въ немъ Прудонъ съ новой силой высказывается противъ всѣхъ идоловъ якобинскаго демократизма, и въ особенности противъ народныхъ *массъ*. Онъ рѣшительно ничего не хочетъ ждать отъ нихъ, не хочетъ обращаться и къ ихъ суду, считая ихъ «поконченными» путемъ «противорѣчій» и

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; іюль, 33; авг. 523; сент. 113; окт. 530 стр.

«самоубійства». Его логика не останавливается ни предъ какой горькой истиной. «Тираннія существуетъ,—говоритъ онъ,—кто же ее создалъ? Вы мнѣ доказываете, что—преднамѣренный убійца 2-го декабря. Вовсе нѣтъ! Создала ее подлость всего того, чему мы служили, чему мы льстили, чтó мы обожали подъ именемъ буржуазіи, народа, пролетаріата и проч». Послѣ такого *паденія* искусственно-созданныхъ демократическихъ идеаловъ, Прудонъ считаетъ себя свободнымъ отъ всякаго преклоненія передъ ними, не признаетъ иного закона, кромѣ собственной совѣсти; а на все остальное «плюетъ и топчетъ его ногами»—до тѣхъ поръ, пока оно не искупитъ своего паденія. Переходя къ личнымъ интересамъ, онъ объясняетъ мотивъ отказа въ разрѣшеніи двухнедѣльнаго *обозрѣнія* тѣмъ, что Мопá не прощаетъ ему письма къ Луи-Наполеону, по которому брошюра о государственномъ переворотѣ была освобождена изъ-подъ ареста. Такія непріятности, въ связи съ мрачнымъ поворотомъ внутренней политики къ іезуитскому абсолютизму, вызываютъ въ Прудонѣ горькое раздраженіе, довольно ярко противорѣчащее его недавнему философскому *объективизму*. Онъ бросаетъ перчатку своимъ согражданамъ:

«Мы съ вами разошлись! — восклицаетъ онъ, полный внутренняго пыла. — Я достаточно поработалъ: монархія, церковь, капиталъ знаютъ, кто я такой. Не боюсь я того, что потомство упрекнетъ меня въ непониманіи хода революціи и контръ-революціи; оно отмститъ вамъ за меня; и, читая мои сарказмы, обращенные на людей этой революціи, оно скажетъ, что я храбро выполнилъ мой долгъ. И другіе, не хуже меня, рисковали для революціи тюрьмой и смертью; но никто изъ нихъ не выдерживалъ такого потока всемірной клеветы, никто, подобно мнѣ, не приносилъ въ жертву своего характера, репутаціи, добраго имени, достоинства».

А такъ какъ полиція не дозволяетъ ему возобновить дѣятельность публициста, имѣющаго свой журналъ, онъ собирается уйти снова въ критическіе труды. Друзьямъ же эмигрантамъ онъ объявляетъ, въ этомъ же самомъ письмѣ, что они могутъ вернуться *безъ условій;* но предупреждаетъ ихъ, что во Франціи они будутъ играть роль нуля.

Къ тому же Мадье-Монжó написано и короткое письмо, отъ 4-го января, съ такими же безотрадными соображеніями по внутренней и внѣшней политикѣ. Черезъ два дня, Прудонъ составляетъ для пріятеля своего X*** письмо къ министру Персиньи по дѣлу о концессіи желѣзной дороги, куда онъ съ охотой желалъ

бы присоединиться; а отъ 7-го января обращается съ длиннѣйшимъ письмомъ къ принцу Наполеону. Это посланіе передадимъ мы въ болѣе подробномъ извлеченіи. Мотивировано письмо признательностью за ходатайство принца, благодаря которому пріятель Прудона, «гражданинъ» Тессьé дю-Мотэ («le *citoyen* Tessié du Motay», какъ онъ его называетъ въ письмѣ), заочно осужденный, могъ вернуться въ Парижъ. Принцъ собственноручно выразилъ желаніе, въ письмѣ къ какому-то третьему лицу, чтобы Прудонъ былъ тотчасъ же извѣщенъ объ удачномъ исходѣ его ходатайства. «Это письмо, принцъ,—говоритъ Прудонъ,—счелъ я своею собственностью, и *сохраняю его съ гордостью*». Такое вступленіе уже отзывается фальшивой нотой. Въ дальнѣйшемъ его содержаніи найдется не мало столь же фальшивыхъ нотъ, показывающихъ, что Прудонъ не только по вопросу брака и женщины остался крестьяниномъ изъ Франшъ-Контé, но и наполеоновскую легенду не подвергалъ должной критикѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ письма мы находимъ фразы и возгласы на счетъ Наполеона I-го, совершенно неприличные для такого ума и такой трезвой натуры, какіе были у Прудона. Ему ли было говорить вещи, въ родѣ «la gloire de votre nom», обращаясь къ тому, кого прозвали *Plon-Plon?* Ему ли было преклоняться передъ пустой и нравственно-постыдной славой Наполеона I-го? Мыслителю и патріоту, какъ Прудонъ, нечего было ожидать появленія въ свѣтъ сочиненій, въ родѣ «Исторіи Наполеона I-го» Ланфрé, чтобы создать себѣ трезвый, а стало быть, и безпощадный взглядъ на этого картоннаго героя французскаго шовинизма, которому нѣтъ, и не можетъ быть, оправданія предъ судомъ человѣческимъ! За фразой «la gloire de votre nom» идетъ фраза: «l'honneur de votre maison», кажущаяся почти цинической послѣ переворота 2-го декабря, какъ бы Прудонъ ни смотрѣлъ на это событіе. И о какой же «чести» могъ онъ говорить съ «принцемъ», который, вопреки своимъ quasi-демократическимъ убѣжденіямъ, помирился съ фактомъ измѣны республикѣ, и преспокойно сталъ проѣдать и проживать содержаніе, назначенное ему изъ народныхъ денегъ великодушнымъ кузеномъ?..

Трудно схватить главную, руководящую идею этого многолистнаго посланія. Личныя изліянія (а ихъ-то бы, всего менѣе, желательно было видѣть) перемѣшаны съ общими взглядами, сгруппированными около того довода, что императоръ долженъ стряхнуть съ себя іезуитско-роялистскія вліянія. Прудонъ точно нарочно избираетъ такое лицо, какъ принцъ Наполеонъ, чтобы высказать о своемъ внутреннемъ состояніи вещи, какія ему при-

лично было бы говорить только испытанному единомышленнику. Спору нѣтъ, онъ и тутъ вполнѣ вѣренъ себѣ; но «изліянія» получаютъ все-таки характеръ жалобы, имѣющей цѣлью: найти поддержку въ кузенѣ императора, подкуривая его лживому радикализму:

«Да, принцъ,—объявляетъ Прудонъ,—въ первый разъ, въ послѣднія пять лѣтъ, я почувствовалъ, что трушу. Когда я былъ трибуномъ-новичкомъ, я выдержалъ анаѳему цѣлаго собранія; я пошелъ на хулу страны моей за то, что̀ считалъ истиной; даже сидя въ заперти, я не боялся гнѣва правительства и прокуратуры. Тогда существовала все-таки борьба; мы — радикалы, хоть одной ногой стояли на почвѣ конституціи; ничего еще не было рѣшено противъ республики, противъ революціи. Теперь же, даже при терпимости главы государства, даже съ гарантіей его слова, я не могу считать себя безопаснымъ. Въ виду противо-революціоннаго движенія буржуазіи, монархистовъ и духовныхъ, организованнаго, вотъ уже тринадцать мѣсяцевъ, вокругъ и подъ прикрытіемъ президента и императора; въ виду того круга измѣнъ, который оцѣпилъ его, точно какая крѣпость—я слишкомъ хорошо предвижу, какимъ взрывамъ ярости подвергался бы я при одинокомъ и несвоевременномъ протестѣ: оставшись живымъ въ битвѣ идей, я не чувствую въ себѣ довольно духу, чтобы сдѣлаться жертвой анахронизма. Хищный звѣрь тогда только и становится всего ужаснѣе, когда онъ защищаетъ свою добычу. А теперь: республика, революція, прогрессъ, свобода, и, говоря совсѣмъ на чистоту, имперія и императоръ,—все это стало жертвой нашихъ вѣчныхъ враговъ». Поэтому, парадоксально заключаетъ Прудонъ, и не слѣдуетъ бороться съ торжествующимъ реакціоннымъ движеніемъ; а надо дожидаться сложа руки прибытія Генриха V-го!......

Точно также и по вопросамъ внѣшней политики мы наталкиваемся на взгляды, желанія и сѣтованія, черезчуръ отзывающіеся традиціями первой имперіи. Прудонъ точно не можетъ помириться съ трактатами 1815 года, забывая, что величіе Франціи, за періодъ первой имперіи, сидѣло все на солдатскомъ захватѣ и насиліи. Внутри Франціи онъ указываетъ принцу Наполеону на заговоръ старыхъ партій, опутавшій новаго императора. Роялисты смотрѣли и смотрятъ на Луи-Бонапарта какъ на второго Монка. Духовенство ненавидитъ его. Чиновники на три-четверти — ждутъ Шамбора. Перечисляя всѣ эти факты, Прудонъ, если не выказываетъ себя настоящимъ бонапартистомъ,

то принимаетъ тонъ приверженца, желающаго направить Наполеона III на настоящій правительственный путь, пользуясь случаемъ, представившимся ему въ видѣ quasi-радикальнаго кузена.... Про себя лично и свое дальнѣйшее поведеніе Прудонъ говоритъ, еще разъ, что онъ рѣшился молчать, выжидая лучшихъ временъ, и собирается, прося у принца аудіенціи, потолковать съ нимъ на тэмы своего посланія. Восклицаніе, заканчивающее письмо и обращенное къ принцу: «хорошо, еслибы вы меня на столько же обезопасили, насколько я вамъ насказалъ тревожныхъ вещей!»... —показываетъ отчасти, что Прудонъ желалъ заручиться поддержкой принца Наполеона, и смотрѣлъ на него гораздо серьёзнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Аудіенція дѣйствительно состоялась, что̂ мы узнаёмъ изъ письма къ Матéю, отъ 13 января. Прудонъ сообщаетъ, что сынъ Жерома, наслѣдникъ престола (тогда Наполеонъ III былъ еще холостъ), «раздѣляетъ вполнѣ всѣ эти идеи насчетъ заговора, явнаго или тайнаго, среди котораго живетъ императоръ». Хотя Прудонъ и старается увѣрить пріятеля, что самъ онъ, со времени провозглашенія имперіи, дѣлается все спокойнѣе и спокойнѣе, но ему однакожъ пришла мысль: издавать на пріятельскую подписку свое *Revue* за границей; и онъ съ охотой бы перебрался въ Женеву, еслибы у него было вѣрнаго заработка, въ годъ, тысячи въ четыре, и даже въ *три* франковъ. Принцъ Наполеонъ подтвердилъ ему то, что въ разрѣшеніи журнала ему отказали по проискамъ духовенства. И потерю своего процесса съ книгопродавцемъ объясняетъ онъ тѣмъ же вліяніемъ: «между мною и попами (prêtraille) война—на жизнь и смерть. Они вѣдь будутъ травить меня повсюду, отнимая у меня работу, кусокъ хлѣба, всѣ мои естественныя, гражданскія и политическія права, наускивая на меня власти, всякую сволочь и ханжей. Я знаю ихъ подпольные ковы; поэтому-то мнѣ и хотѣлось бы перебраться въ Женеву.

«Но если только они не пустятъ въ ходъ убійства, посредствомъ желѣза или яда, разомъ прекращающаго борьбу—я не уступлю; и предсказываю вамъ: они погибнутъ!»

Длинное преніе о 2-мъ декабрѣ, какое привелось Прудону вести съ Шарлемъ Эдмономъ, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, возобновилось опять въ письмѣ, отъ 13 января, къ Марку Дюфрéссу. Основную мысль Прудоновой брошюры Маркъ Дюфрèссъ выразилъ такою фразой: «*L. N.* (т.-е. Луи-Наполеонъ) *est l'agent fatal de la Révolution.*» Противъ подобнаго толкованія Прудонъ энергически протестуетъ... Онъ хотѣлъ лишь сказать и доказать, что «Луи-Наполеонъ принужденъ, въ силу исторической необхо-

димости событій и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, рискуя иначе погибнуть—служить революціи». Ему нисколько нежелательно было впадать въ фатализмъ, въ родѣ того, въ какомъ упрекаютъ Кузена, Тьера и другихъ: онъ оправдалъ бы такимъ путемъ и самое преступленіе 2-го декабря. Онъ старался доказать, во-первыхъ, указаніемъ на общество, а во-вторыхъ, напоминаніемъ историческихъ антецеденцій, a): *въ принципѣ*, что всякое историческое событіе, хорошее или дурное, вытекаетъ не изъ случайной, а изъ существенной исторической предпосылки; b) *фактически*, что прогрессъ послѣднихъ трехъ вѣковъ, въ силу экономическихъ потребностей, сдѣлалъ революцію настоятельною и заставилъ самихъ властолюбцевъ служить ей или погибать. На самый же актъ 2-го декабря слѣдуетъ смотрѣть двояко: какъ на паденіе извѣстнаго политическаго строя, и какъ на дерзкую узурпацію, которая, однакоже, не была бы исполнима, еслибъ Франція не находилась въ такомъ подавленномъ состояніи, еслибъ идеи деспотизма не наполняли головы всѣхъ, подъ различными именами. Съ такой точки зрѣнія смотритъ Прудонъ и на изданія, въ родѣ «Napoléon le Petit»—Виктора Гюго: въ нихъ авторы обрушиваются на одного *случайнаго* виновника 2-го декабря, не объясняя нисколько: *почему* онъ могъ успѣть...

«Не впадая, слѣдовательно, въ фатализмъ — оправдывается Прудонъ передъ пріятелемъ—я показываю, съ очевидностью, какой никто еще не достигалъ, что общество, подчиненное непреложнымъ законамъ, можетъ все-таки быть отведено въ сторону отъ своей предопредѣленной судьбы въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, создавъ себѣ призрачную организацію, ложныя идеи, пустые интересы, даетъ случайно явившейся партіи или человѣку возможность обратить противъ самого себя этотъ порочный организмъ, эти ложныя идеи, эти неправедные интересы.

«Нѣтъ, любезный другъ, я вовсе не хотѣлъ прельщать Бонапарта и привлекать его къ себѣ: отдѣлайтесь вы, на мой счетъ, отъ этого нелѣпаго мнѣнія; еще менѣе задавался я маккіавелическою мыслью: доводить его до самоубійства, ставя его на огненную почву революціи; а главное:—я отрицаю ту идею, будто я хотѣлъ возвеличить его, во имя ли неспособности республиканцевъ, во имя ли его успѣха.

«Всѣ мои слова (какъ легко мнѣ показать) протестуютъ противъ такихъ гипотезъ.

«Я просто-напросто сказалъ: ходъ вещей такъ сложился во Франціи, что отнынѣ экономическая революція — неизбѣжна, и

что всѣ власти, которыя пожелаютъ воспрепятствовать ей—погибнутъ. Это—первый пунктъ.

«Въ то же время, соціальный строй до такой степени противенъ свободѣ, а господствующіе предразсудки такъ хорошо направлены къ нарушенію права и закона, что какъ только представился узурпаторъ въ родѣ Луи-Наполеона, случай 2-го декабря непремѣнно долженъ былъ удасться».

И опять Прудонъ повторяетъ то положеніе, что всякое историческое событіе имѣетъ въ предшествующемъ состояніи общества свою существенную (essentielle) причину. Онъ хочетъ, въ дальнѣйшихъ доводахъ, убѣдить пріятеля, что ему нельзя же было въ брошюрѣ, предназначенной для свободнаго обращенія въ публикѣ, сказать, что «соціальная революція была бы въ настоящую минуту безъ основы, еслибы состояніе общества не сдѣлало возможнымъ удачу какого-нибудь Луи-Наполеона». Выразивъ въ такихъ словахъ тайную идею своей брошюры, Прудонъ спрашиваетъ Дюфрécса: «могъ ли я это сказать?» И вслѣдъ затѣмъ онъ проситъ его хорошенько растолковать все это общимъ друзьямъ, не считающимъ вовсе общественнаго строя Франціи такимъ сквернымъ и не вѣрящимъ въ логику событій. О себѣ и своихъ личныхъ дѣлахъ Прудонъ говоритъ, въ концѣ письма, нѣсколько отвлеченно: по всей вѣроятности онъ разумѣетъ планы по дѣловой карьерѣ, которыми онъ въ это время былъ занятъ.

Въ тотъ же день, 13-го января, написавъ такое большое письмо М. Дюфрéссу, Прудонъ даетъ подробныя инструкціи Матéю, по своему процессу въ Безансонѣ. Онъ самъ хочетъ составить для аппеляціи цѣлый *мемуаръ*, съ цѣлью показать, какъ тогдашняя магистратура поддѣлывалась къ клерикальной партіи. Въ текущей политикѣ (о чемъ онъ говоритъ и въ этомъ дѣловомъ письмѣ) Прудонъ продолжаетъ видѣть рѣзкій поворотъ къ роялизму, въ лицѣ Генриха V-го. Ему одинаково противны и происки іезуитовъ съ легитимистами, и выходки революціонныхъ вожаковъ, въ родѣ Ледрю-Роллена, Кошута и Маццини. Злобно остритъ онъ надъ ихъ самомнѣніемъ и неспособностью, и кончаетъ возгласомъ: «Ces hommes me sont odieux, vous dis-je».

Среди всѣхъ своихъ дѣловыхъ заботъ и сношеній Прудонъ принялся опять за теоретическіе труды, о чемъ онъ извѣщаетъ Шарля Белэ, отъ 23-го февраля, стало быть, уже черезъ сорокъ дней: «если мое сочиненіе, совершенно философскаго содержанія, — поясняетъ онъ, — пройдетъ, вопреки попамъ, я могу посмотрѣть на себя, какъ на человѣка, въ извѣстной степени, заново воскресшаго для литературной жизни, самой отрадной и

привольной, хотя и менѣе выгодной для меня». Ему же сообщаетъ онъ, что совсѣмъ-было перебрался на новую квартиру въ *Rue Saint-Jacques*; но хозяинъ, узнавъ кто онъ, отказался отъ контракта и заплатилъ неустойку: «не правда ли, забавно было бы,—спрашиваетъ Прудонъ,—еслибы домовладѣльцы стали мнѣ мстить, выгоняя меня на улицу?»

Проходитъ опять слишкомъ три недѣли безъ писемъ. Отъ 17-го марта сохранилось коротенькое письмецо къ нѣкоему Одé (Hodé), гдѣ Прудонъ говоритъ, что писалъ своему пріятелю Пильсу, недѣлю передъ тѣмъ: письма этого нѣтъ въ собраніи; по всей вѣроятности, и другія затерялись, хотя въ это время онъ врядъ ли много переписывался: онъ страшно работалъ, и по составленію дѣловыхъ «мемуаровъ», и по теоретическимъ сочиненіямъ. За Пильса онъ хлопоталъ съ неустанной энергіей и добился-таки того, что, при поддержкѣ принца Наполеона, перевели его изъ крѣпости *Belle-Isle* въ парижскую тюрьму *St.-Pélagie*, гдѣ ему дали отдѣльную комнату. Дѣловая «записка», которою Прудонъ былъ всего сильнѣе занятъ, писалась имъ по концессіи желѣзной дороги изъ Безансона въ Мюльгаузенъ. Капиталъ былъ найденъ, весь иностранный; компанія просила только 3%-ной гарантіи; но министръ Мань не пропустилъ этого дѣла, и попытка Прудона сдѣлаться практикомъ—опять не удалась. Онъ мечталъ, еслибы предпріятіе это состоялось, получить отъ концессіонера 500,000 франковъ на возобновленіе своего «Народнаго банка». Между апрѣлемъ и маемъ—опять большой перерывъ въ перепискѣ, на цѣлыхъ 26 дней, и въ письмѣ отъ 24-го мая мы узнаемъ, что Прудонъ, перебравшись на новую квартиру (гдѣ онъ только по поводу новой беременности своей жены нанялъ ей няньку), продолжаетъ работать цѣлые дни, и жалуется на то, что его время разорвано на клочки. Онъ ужъ и то сократилъ до-нельзя переписку и личныя свиданія, сдѣлался «суровъ и жестокъ», а все-таки много времени уходитъ у него даромъ. Въ припискѣ онъ объявляетъ, что у него за-разъ пишутся «пять или шесть различныхъ сочиненій».

За своихъ друзей—политическихъ заключенныхъ—онъ продолжаетъ энергически хлопотать. Но онъ желаетъ (и говоритъ это въ письмѣ къ Hodé, отъ 25-го мая), чтобы тѣ, кто уже получилъ облегченіе своей участи, а именно: Пильсъ, Ланглуа и Вотье, хоть сколько-нибудь поддержали его, написали бы благодарственное письмо къ принцу Наполеону и въ немъ замолвили бы слово о несчастномъ пріятелѣ Пайà, который все еще томился внѣ Парижа. При этомъ Прудонъ уличаетъ тѣхъ гос-

подъ изъ политическихъ заключенныхъ, которые хитрятъ и двоедушничаютъ въ дѣлѣ улучшенія судьбы своей. Тайно они очень добиваются облегченій, но когда имъ удастся что-нибудь, они играютъ роль людей, только пассивно относящихся къ мѣрамъ послабленія. Прудону больше и не хочется, чтобы они пользовались его дружескими хлопотами, а потомъ отворачивались отъ него и кричали, что онъ заискиваетъ у властей!

II.

Свои новые труды Прудонъ не считаетъ въ безопасности отъ нападеній цензуры и прокурорскаго надзора. И только-что онъ приступилъ къ одному изъ этихъ изданій, какъ разразился надъ его головой скандалъ, изъ котораго враги его пожелали сдѣлать нѣчто очень позорное для его добраго имени. Прудонъ, какъ извѣстно, женился на простой парижской работницѣ. Какъ намъ разсказывало одно лицо, бывшее съ нимъ въ очень близкихъ сношеніяхъ, знакомство его съ будущей женой произошло чуть ли не на улицѣ, и онъ вплоть до брака врядъ ли зналъ лично своего тестя. По крайней мѣрѣ, тесть *не зналъ* за *кого* онъ выдаетъ дочь, и даже не совсѣмъ твердъ былъ въ произношеніи его имени, называя его не Пр*у*донъ, а Пр*ю*донъ. Тесть этотъ былъ изъ самыхъ малограмотныхъ «разночинцевъ», какъ у насъ выражаются; въ молодости онъ попался за что-то по подозрѣнію въ бонапартизмѣ, но себя считалъ преданнымъ легитимистомъ и находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ агентами Шамбора. По бѣдности, и пользуясь обычаемъ французскаго попрошайничанья, онъ задумалъ обратиться за пособіемъ къ самому Шамбору и попросилъ зятя своего, Прудона, сочинить ему черновую петицію. Прудонъ написалъ ее. Открываютъ потомъ одинъ изъ первыхъ «заговоровъ», до которыхъ такъ падка была бонапартова полиція, такъ-называемый: «Complot de *Vincennes* ou de la *Ligue fédérale*». Къ нему припутываютъ и *Пьегара* (Piégard)—тестя Прудона. Въ его бумагахъ нашли черновую петицію къ Шамбору, писанную рукой Прудона. На этомъ фактѣ императорскій прокуроръ, разумѣется, остановился, и судъ приговорилъ старика къ *двухлѣтнему тюремному заключенію*. Но этого мало. На судебныхъ засѣданіяхъ не только адвокаты другихъ обвиненныхъ, но и прокуроръ даютъ понять, что Пьегаръ былъ старый пошлякъ, служившій «и нашимъ и вашимъ», болѣе того: шпіонъ и «agent provocateur». Легко сообразить, какіе толки пошли во-

кругъ репутаціи Прудона. Не только всѣ противники его идей, но и ближайшіе единомышленники пришли въ волненіе. Фактъ петиціи былъ несомнѣненъ; текстъ черновой—также въ рукахъ обвинительной власти. Какъ бомба, разразился этотъ скандалъ надъ Прудономъ. Сначала, въ письмѣ отъ 14-го августа, къ Буттвилю, онъ довольно спокойно пишетъ объ этой исторіи. Скорбя о томъ, что онъ самъ сдѣлался «палачомъ своего *отца*» (такъ онъ называетъ тестя), Прудонъ въ то же время выставляетъ его, какъ врага бонапартовой «расы», въ лицѣ котораго покарали и его самого. Однако, тотчасъ же пишетъ онъ отвѣтъ въ журналы: «*Presse*», «*Estafette*», «*Siécle*» и другіе, и проситъ Буттвиля похлопотать объ его напечатаніи. Прудонъ считаетъ свой отзывъ въ журналы «подавляющимъ» (écrasante), и кончаетъ письмо, утѣшая себя тѣмъ, что процессъ показалъ его бѣдность, его женитьбу на безприданницѣ-работницѣ и тотъ ужасъ, «который внушаетъ ему и старая, и новая императорская тираннія». Но уже въ слѣдующемъ письмѣ къ Шарлю Эдмону (безъ числа), Прудонъ предается взрыву досады, которому предшествовало мучительное душевное состояніе. Онъ такъ его описываетъ:

«... Я былъ въ волненіи, заставившемъ жену мою и трепетать, и плакать. И вдругъ я вскричалъ: *какимъ образомъ могъ я все это надѣлать?* (т.-е. составить для тестя подобную петицію). Я старался подыскать *разумную* причину, побудившую меня дѣйствовать, и не находилъ ея. И вдругъ слова моей жены дали мнѣ ключъ для этой ужасной загадки: *вы не хотѣли*, сказала она мнѣ, *огорчить отказомъ моего отца, и я помню, что вы при этомъ громко хохотали!*»

Мимоходомъ обратимъ вниманіе на то, что жена Прудона говоритъ ему «вы». Этотъ оттѣнокъ супружескихъ отношеній, весьма обычный въ аристократическомъ свѣтѣ—у такого человѣка, какъ Прудонъ, показываетъ бытовую суровость *мужа*, которой онъ до конца своей жизни остался вѣренъ.

Послѣ того, разсказываетъ Прудонъ, прочтя въ журналѣ самую петицію, онъ нашелъ, что она просто-на-просто *пародія* (une charge), которую тесть его, конечно, не понялъ. Въ ней нарочно наставлено было Богъ - знаетъ что въ стилѣ публичныхъ писарей, а къ редакціи Прудона старикъ Пьéгаръ прибавилъ еще кое-что отъ себя безграмотнымъ и смѣшнымъ языкомъ. Но такое объясненіе «загадки» не могло же быть сообщено публикѣ. Прудону хочется, чтобы мистификація и тестя и полиціи была только слегка задѣта на засѣданіи аппеляціоннаго суда. Пока, онъ относительно спокоенъ, потому что еще не видитъ въ этомъ

дѣлѣ ничего иного, кромѣ «клеветы» и «злодѣйства» со стороны прокурорскаго надзора. Записка къ Шарлю Эдмону, отъ 22-го августа, ясно указываетъ на это. Но въ слѣдующемъ, по порядку, письмѣ къ доктору Кретену (безъ числа) мы уже узнаемъ главную причину грязныхъ толковъ, опутавшихъ Прудона. Онъ наконецъ добился отъ пріятелей настоящаго объясненія: Пьегара не только судебныя власти, но и люди Прудонова кружка считали шпіономъ. И являлся вопросъ: зналъ ли про то самъ Прудонъ, помогая тестю въ его обращеніяхъ къ покровителямъ? Толковали на ту тэму, что настоящее прошеніе, написанное Пьегаромъ, «ясно выражало то, что петиція (редактированная Прудономъ) говорила въ частныхъ выраженіяхъ». Прудонъ добылъ себѣ это подлинное прошеніе, которое совсѣмъ и не приводилось на засѣданіи, и находитъ, что еслибъ онъ самъ его написалъ, *то гордился бы имъ.* Онъ хочетъ составить, на эту тэму, цѣлый мемуаръ: до того его взволновала сплетня, заходившая вокругъ него. Самъ онъ сознается, что ужасно страдалъ и мучился цѣлую недѣлю и готовъ бы былъ, со сраму, покончить съ собой, еслибъ онъ, дѣйствительно, помогъ своимъ перомъ старому шпіону и даже сочувствовалъ отчасти его анти-бонапартизму. Ожидая того, что аппеляціонный судъ подтвердитъ приговоръ суда первой инстанціи, Прудонъ спрашиваетъ пріятеля: «развѣ я чрезъ это окажусь подлецомъ?» Люди его кружка совѣтуютъ ему отказаться отъ всякой солидарности съ тестемъ; но онъ не хочетъ этого: онъ желаетъ бороться, во что бы то ни стало.

Посреди такой интимной катастрофы, Прудонъ остается все тѣмъ же человѣкомъ принципа и въ дѣлѣ, гдѣ бы каждый на его мѣстѣ поступилъ иначе. Мы знаемъ, что онъ хлопоталъ о концессіи желѣзной дороги для компаніи англійскихъ капиталистовъ. Правительство дало ее Перейрѣ. Министръ финансовъ Мань и самъ Перейра нашли, что Прудону слѣдуетъ заплатить 40,000 фр.—такъ-называемаго «отступного». Хлопоталъ Прудонъ съ своимъ пріятелемъ М***, которому онъ и пишетъ, отъ 23-го августа, что, на свою долю, *не принимаетъ такого вознагражденія:*

«Я принялъ участіе въ хлопотахъ и съ цѣлью *политическою*, и въ интересѣ принципа. Принципъ этотъ: конкурренція, которую я желалъ возбудить между желѣзными путями, вѣтвью отъ Безансона до Мюльгаузена. Императоръ рѣшилъ иначе; мнѣ нечего брать вознагражденія за принципъ. *Деньги и идея—двѣ несоизмѣримыя величины*».

Какъ въ практическомъ дѣлѣ, такъ и въ философско-соціаль-

ныхъ воззрѣніяхъ, онъ не перестаетъ стоять на той же высотѣ, раздираемый интимными непріятностями. Письмо къ Труссару отъ 31-го августа, написано черезъ недѣлю, а оно посвящено чисто-теоретическому интересу. Прудонъ говоритъ въ немъ о небольшомъ этюдѣ этого Труссара на тэму «Варѳоломеевской ночи» и упрекаетъ автора въ томъ, что тотъ сваливаетъ злодѣйства фанатизма на отдѣльныя личности, а папу и католичество выгораживаетъ, между тѣмъ какъ слѣдуетъ доказать совсѣмъ противное. Такъ же энергически, какъ и прежде, возстаетъ Прудонъ противъ фальшивой теоріи *паденія* и *вырожденія* націй.

Предоставимъ ему самому защищать свои доводы, въ извлеченіи они бы много потеряли:

«Вы кажется не вѣрите,—спрашиваетъ онъ Труссара,—что наша несчастная страна поднимается; чувство обиды, нанесенной ей и отъ которой она безнаказанно страдаетъ, отнимаетъ у васъ всякую надежду на политическое и соціальное пробужденіе. Вы выражаетесь по этому поводу общими мѣстами, столь распространенными со временъ Соломона: о *старости*, *паденіи*, *вырожденіи* народовъ; точно будто этотъ школьный тезисъ—пунктъ вѣроученія! Позвольте же мнѣ высказать вамъ здѣсь всю мою мысль; я имѣю на это право, ибо такія разсужденія огорчаютъ меня.

«Отставляю къ сторонѣ общій вопросъ развитія и *паденія* народовъ, пó которому я исповѣдую мнѣнія, діаметрально-противоположныя вашимъ; но они находятся еще въ состояніи парадокса, почему и потребовали бы цѣлой диссертаціи, и слишкомъ далеко завели бы меня. Ограничусь нашей теперешней Франціей.

«Неужели вы думаете, что эта нація, настолько полная пыла и жизненности въ 1847 г., вдругъ и во всемъ измѣнилась въ *шесть лѣтъ?* Неужели вы думаете, что націи измѣняются больше людей? Думаете ли вы, выражаясь à la-Сійесъ, что мы уже не тѝ сегодня, чѣмъ были вчера? Скажу еще положительнѣе, еще конкретнѣе: думаете ли вы, что настоящій порядокъ дѣйствительно — реальный и законный продуктъ Франціи съ 1789 по 1852?.. Что эта *идея* (онъ говоритъ о тогдашнемъ бонапартовомъ режимѣ) вышла вдругъ изъ ея мозга, что она (т.-е. идея) — дочь ея души, историческій исходъ ея предшествующаго движенія. Развѣ эта *имперія*, подновленная изъ *старой*, похожа, въ нашихъ глазахъ, на XIX-й вѣкъ, т.-е. развѣ она либеральна, соціалистична, съ философскимъ направленіемъ, съ экономическими принципами; европейская она, французская?.. Развѣ все это держится за что-нибудь, идетъ куда-нибудь, выра-

жаетъ собою какую-нибудь мораль, доктрину или судьбу? Очевидно —нѣтъ: одной лишь постановкой такихъ вопросовъ видишь, чувствуешь, судишь, говоришь себѣ тотчасъ же, что мы находимся въ невозможномъ, въ нелѣпомъ!..

«Какъ же мы попали во все это? Вотъ что̀ нужно изучать вмѣсто того, чтобы предаваться всегда вреднымъ сѣтованіямъ.

«Надо мужественно сознаться въ одной вещи: мы были обмануты ложной доктриной, демократической доктриной правительства массы (multitude). Тѣ, кто довелъ насъ до того состоянія, въ какомъ мы находимся—мнимые поборники логики... доставившіе намъ сразу десять милліоновъ избирателей, имѣвшихъ такой именно уровень развитія (на три-четверти своего состава), какъ древне-римскій плебсъ.

«Однимъ словомъ, мы—жертвы *утопіи*. Вмѣсто того, чтобы двигаться прогрессивно, мы продѣлывали въ 1848 г. абсолютные принципы: мы приняли въ буквальномъ смыслѣ, какъ безусловную истину *a priori*, догматъ *народоправства* (souveraineté du peuple), и пришли съ этимъ народоправствомъ къ тому же результату, къ какому пришли, когда-то, греческіе и римскіе города: къ *тиранніи*, къ *имперіи*».

Временное торжество Бонапарта Прудонъ объясняетъ доводами, уже намъ извѣстными. Онъ не отрицаетъ того, что второя имперія можетъ продержаться нѣкоторое время: «*стоитъ только ей*, подчеркиваетъ онъ, *идти по теченію идей и обстоятельствъ*»; но главное условіе, по его мнѣнію,—чтобы правительство Бонапарта удержалось: надо ему способствовать тому, что̀ онъ хотѣлъ задержать, т.-е. перестать быть самимъ собою.

«Раньше четверти вѣка,—предсказываетъ Прудонъ,—сдѣлаются вульгарными истинами, быть можетъ даже совершившимися фактами: преобразованіе собственности, уничтоженіе торговаго процента, ренты, паденіе финансоваго феодализма и замѣна его системой рабочихъ обществъ и т. д. и т. д. Экономистъ, особливо тотъ, кто стоитъ посрединѣ, видитъ уже теперь эти вещи; онъ уже осязаетъ ихъ, онъ вычисляетъ ихъ ходъ и прогрессъ; онъ считаетъ, опредѣляетъ, обозначаетъ всѣ отношенія, систематизирующія движеніе и дѣлающія его съ каждымъ днемъ все непреоборимѣе. Тутъ-то и есть нарожденіе настоящей Франціи, нарожденіе, которое должно было совершиться при какомъ угодно общественномъ нарядѣ: республикѣ, имперіи, монархіи, даже анархіи, нарожденіе, удивляющее міръ, приводящее его въ изумленіе».

Вотъ на это-то и возлагаетъ Прудонъ свои надежды, прибав-

ляя, что подъ «сапогомъ» императора лежитъ теперь старая Францiя, которой ему совсѣмъ не жаль.

«Францiя не знаетъ себя, кончаетъ онъ, она потеряла сознанiе своихъ собственныхъ отправленiй (opération), но въ концѣ-концовъ, она *дѣйствуетъ*, и вскорѣ это будетъ видно вопреки растратамъ общественныхъ суммъ, ажiотажу, громаднымъ подачкамъ, скандаламъ; она дѣйствуетъ, говорю я, сообразно своему достоинству.

«Я же, поглощенный моими любимыми занятiями, держусь въ сторонѣ и наблюдаю. Перехожу я, по-очередно, отъ исторiи къ экономiи, отъ экономiи къ филологiи; то я собираю матерiалы и довольствуюсь классификацiей ихъ; то я занимаюсь построенiемъ идей, которыя поднимаются, потихоньку отъ людей, изъ того вихря, гдѣ волнуется будущность. Увѣренность моя въ революцiи поддерживаетъ во мнѣ ясность мысли; а отъ времени до времени я развлекаюсь, мечтая о тѣхъ *случайностяхъ*, которыя могутъ ускорить общую эмансипацiю. Не думаю я, чтобы можно было дѣлать что-либо иное... Я самъ завоевалъ себѣ свободу; работаю я для одной лишь свободы другихъ: ея недостаетъ для моего счастiя...»

Исторiя или, лучше сказать, сплетня о шпiонствѣ Прудонова тестя все еще не улеглась, хотя Прудонъ и говоритъ Альфреду Даримону, въ письмѣ отъ 29-го августа, что она «est enfin coulée à fond». Тутъ же онъ признаетъ тотъ фактъ, что Пьегаръ *донесъ* на заговоръ, испугавшись за свою безопасность. Прудонъ оправдываетъ его мотивы, но слишкомъ кратко и неубѣдительно. На сцену выступаетъ его упорство, его нежеланiе отказаться отъ всякой солидарности съ человѣкомъ,—и не на прокурорскiй взглядъ,—не стоющимъ того, чтобы изъ за-него такъ волновались. Мы видимъ, что Прудонъ пишетъ новое объяснительное письмо въ редакцiю газетъ и проситъ Даримона, запиской отъ 30-го августа, разнести его въ «*Débats*», «*Presse*», «*Estafette*» и т. д.; а на другой день, послѣ неудачной попытки напечатать письмо, высказывается все тому же Даримону, какъ огорчаютъ его «вытянутыя лица» прiятелей по поводу всей этой исторiи. Онъ долженъ опять оправдываться, доказывая, что его участiе въ петицiи Пьегара ничего не значитъ въ смыслѣ факта *публичной* жизни; а для его *частной* жизни все дѣло сводится къ «политической шалости» (*polissonnerie politique*). Тѣмъ не менѣе онъ страшно волнуется и заклинаетъ друзей показать ему гдѣ же та *пропасть*, то *преступленiе*, какiя хотятъ сдѣлать изъ «невинной вещи». Онъ умоляетъ ихъ: говорить яснѣе, говорить во что бы то ни стало! Даже типографъ отказался печатать

его новую брошюру, и Прудонъ видитъ въ этомъ дѣйствіе клеветы. «И вы думаете,—спрашиваетъ онъ чуть не съ яростью,—что я не поднимусь!.. О!.. Надо же мнѣ добиться возможности говорить. А мнѣ нечего маскировать: *публичная жизнь, частная жизнь*—все будетъ перебрано. Я не могу быть побитъ на собственной почвѣ».

Къ довершенію этихъ непріятностей, Прудонъ получилъ ругательное письмо отъ того дѣльца, съ которымъ онъ хлопоталъ о концессіи, за отказъ воспользоваться отступнымъ въ 40,000 франковъ. На ту же тэму принужденъ онъ былъ писать и объяснительное письмо принцу Наполеону, отъ 7-го сентября. Въ немъ мы находимъ рѣзкую логику гражданской честности, которой врядъ ли кто изъ сверстниковъ Прудона владѣлъ въ такой же степени.

Теоретическая переписка съ Труссаромъ продолжалась, своимъ чередомъ, и нельзя не удивляться искренности Прудона, съ какой онъ отдавался разработкѣ дорогихъ для него идей, даже посреди тревожнѣйшихъ испытаній интимной жизни. Въ корреспондентѣ своемъ Прудонъ нашелъ идеалиста, доказывавшаго ему, что извѣстный матеріальный прогрессъ не прибавляетъ ничего къ нравственному достоинству націи. Прудонъ возражаетъ, говоря, что онъ никогда и не утверждалъ противнаго:

«Я протестую,—восклицаетъ онъ,—противъ каждаго наведенія, какое вы, въ этомъ смыслѣ, могли бы сдѣлать противъ меня; какъ и вы, я смотрю на матеріальныя преимущества, какъ на ничтожество, если они не *предписаны* принципами чести и справедливости; какъ и вы, я протестую противъ всякаго раскола, какого желали бы добиться въ обществѣ, а слѣдовательно противъ всякаго помысла о стачкѣ между *благосостояніемъ* и *добродѣтелью.*

«Хорошо понявъ это и установивъ соглашеніе между нами по этому пункту, остается узнать: что̀ я разумѣю подъ успѣхами, добытыми въ экономической области за послѣдніе два года, когда я привожу доказательства жизненности нашей націи...

«Вотъ уже два года, какъ я предаюсь совершенно-спеціальнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, составляющимъ необходимое дополненіе моихъ этюдовъ по экономіи и философіи. Я захотѣлъ прослѣдить поближе, по фактамъ, что̀ называютъ *упадкомъ* (décadence) народовъ: упадокъ римлянъ, грековъ, египтянъ и проч. и проч. У какого же народа не было своего *упадка!*»..

«Пожалуйста, государь мой, избавьте меня, на этотъ разъ, отъ подробностей; вы ихъ со временемъ найдете въ сочиненіи

ad hoc—но все это была школьная болтовня, вызванная слишкомъ легкой аналогіей между жизнью недѣлимаго и развитіемъ націй. Я нашелъ народы, которые могли быть истреблены мечомъ, нашествіемъ, разгромомъ, чумой и т. д.; и отрицаю формально противъ Монтескьё, Боссюэ и т. д. *упадокъ* какого бы то ни было народа. Я утверждаю, что самое это слово — *упадокъ*, въ примѣненіи его къ обществу, по сравненію съ явленіями индивидуальной жизни, болѣе чѣмъ неудобно: оно лживо, оно обозначаетъ нѣчто невозможное и нелѣпое. Я докажу это вполнѣ убѣдительно, не посредствомъ *философіи* исторіи, а съ помощью только *исторіи*, сведенной на самую высшую ея простоту; я покажу это, говорю я, на примѣрѣ восточныхъ народовъ, египтянъ, грековъ, римлянъ,—всѣхъ народовъ, однимъ словомъ, которые, какъ обыкновенно утверждаютъ, *выродились* и подъ конецъ исчезли.

«Выводъ изъ этого принципа—продолжаетъ Прудонъ — настолько важнаго, какъ вы видите, что онъ ведетъ за собою цѣлый переворотъ въ преподаваніи исторіи, — тотъ, въ отношеніи напр. Франціи, что настоящее поколѣніе лучше, вообще говоря, чѣмъ поколѣніе реставраціи и первой имперіи, лучше генераціи 89 и 93 годовъ, лучше той, что̀ была при Людовикѣ XIV. И я могу, сдается мнѣ, доказать это не анекдотами, а, поймите меня хорошенько—*исторіей*».

Прудонъ не можетъ принять упрека, бросаемаго французской націи въ безнравственности за текущую политику, все потому же, что онъ считаетъ «логику событій» сильнѣе воли народа и общества, которые смотрятъ на вторую имперію, какъ на *несчастіе*, какъ на *оскорбленіе*, а вовсе не какъ на собственное *злодѣйство*, совершенное съ намѣреннымъ попираніемъ всякой нравственности.

«Нужно ли мнѣ,—спрашиваетъ онъ,—напоминать такому уму, какъ вашъ, что все это — вовсе не *оптимизмъ*? Нужно ли мнѣ говорить, что эти могучіе законы исторіи, вносящіе ясность въ мою душу, не только не служатъ оправданію, извиненію или смягченію злодѣйствъ тиранніи, но представляютъ собою ихъ высшій приговоръ; развѣ не ясно, что если тираннія въ чемъ можетъ найти себѣ извиненіе, то именно во всѣхъ этихъ теоріяхъ упадка и самопроизвольнаго извращенія народовъ, позволяющихъ говорить слабодушнымъ: властелинъ, въ концѣ-концовъ, есть выраженіе той страны, которая его терпитъ; эти теоріи создаютъ, такимъ образомъ, своего рода законность деспотизму изъ мнимаго вырожденія націй.

«Да, повторяю я, общество, само по себѣ, вещь несоврати-

мая и неподверженная порчѣ; общество постоянно движется впередъ. Можно его убить, убивая его составные члены; можно ослабить его, опустошая и терроризируя; можно замедлить его ходъ, отнимая у него лучшую часть (его «аристократію», прибавляетъ Прудонъ), которой оно живетъ и сводя его къ недвижному праху *массы*. Само по себѣ, оно всегда подвигается впередъ, всегда находится въ возбужденіи; оно, по существу своему, бодро и чисто; трусость, испорченность—его противоположности, т.-е. то, что составляетъ противо-общество (non-société). Поэтому-то тотъ, кто растлѣваетъ его, оскорбляетъ или мѣшаетъ ему—виновенъ въ неискупаемомъ преступленіи.

«Неужели вы находите, что французское общество испорчено потому только, что вы видите въ немъ множество испорченныхъ людей? Еще разъ замѣчу, что такъ разсуждать, значитъ: переносить на соціальный организмъ сужденіе, примѣнимое лишь къ отдѣльнымъ личностямъ. Чтобы вы сразу поняли хорошо мою мысль, я скажу, что общество можетъ быть очень крѣпко, а масса личностей, составляющихъ его — испорчена, и, наоборотъ, что избранное меньшинство добродѣтельныхъ людей можетъ составлять общество, лишенное силы и достоинства.

«Итакъ, я заново ставлю мой вопросъ: развѣ Франція слабѣе, чѣмъ въ предшествующія эпохи? Развѣ у насъ нѣтъ 37-ми милліоновъ жителей на 27,000 квадратныхъ льё? Развѣ нами не правитъ принципъ 89-го года? Развѣ вы не видите, какъ деспотизмъ каждый день наталкивается на невозможное, отмѣняетъ свои мѣры, извиняется въ своемъ поведеніи и проч.? Избранная часть общества развѣ вымерла? Остается ли непонятой новая мысль? Не покоряетъ ли она и тѣхъ, кто хотѣлъ бы ее изгнать? Сколько бы я могъ привести вещей, показывающихъ, какъ эти люди безсильны, какія они терпятъ пораженія!.. На кредитъ нашего общества можно вписать даже то лицемѣріе, какое господствуетъ теперь; всѣ эти слова: *религія, порядокъ, собственность* и т. д., которыми вооружились, чтобы напасть на революцію—что же они, если не иносказательное признаніе всѣми началъ справедливости и морали?»

Заключенія свои Прудонъ формулируетъ такъ:

«Я отрицаю, въ принципѣ, *упадокъ* народовъ.

«Я утверждаю, фактически, внутренній (immanent) прогрессъ, интеллигенцію и высокую нравственность Франціи, даже—и въ особенности—въ настоящую минуту.

«Я заключаю—для будущаго—объ удвоенномъ вліяніи нашего отечества на земной шаръ и о невозможности, въ какую

поставлено наше *фатальное* правительство,—поддерживать долго затѣянное имъ дѣло грубаго насилія, которое удалось ему при невѣжествѣ массъ и недоразумѣніяхъ партій».

III.

Подробности домашней жизни находимъ мы всегда въ письмахъ Прудона къ доктору Магé. Такъ и на этотъ разъ, въ письмѣ отъ 16-го сентября, разсказываетъ Прудонъ про рожденіе третьей своей дочери Стефаніи,—про серьёзныя непріятности по издательскимъ дѣламъ и про исторію тестя. Надѣется онъ также получить нѣсколько акцій отъ братьевъ Готьѐ въ случаѣ успѣха какого-то крупнаго предпріятія. О своемъ отказѣ принять отступное въ 40,000 франк. Прудонъ говоритъ все съ той же простотой, и дѣлаетъ такого рода признаніе:

«Въ первый разъ подвергся я денежному искушенію: долженъ я однако прибавить, что со мной поступили съ добрымъ намѣреніемъ и деликатностью». Другому пріятелю, Сюшѐ, отъ 22-го сентября, Прудонъ сообщаетъ опять исторію Пьегара, видимо скрывая все то, что́ было въ ней непріятнаго для него лично. Про свое участіе въ петиціи онъ совершенно умалчиваетъ и старается выставить Пьегара не только порядочнымъ человѣкомъ, но и жертвою своихъ убѣжденій, что̀ отзывается уже чѣмъ-то, совсѣмъ не-прудоновскимъ!

Серьёзная послѣ-родовая болѣзнь жены заставила его бояться за свою семейную жизнь: онъ разбираетъ перспективу вдовства съ тремя дочерьми въ письмѣ отъ 25-го сентября къ Матéю. Тѣ строки, гдѣ Прудонъ говоритъ про это, показываютъ, что въ немъ, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ супружества, не было нѣжной привязанности къ женѣ. Ему жаль было бы *не ее*, а *своего* одиночества съ обузой дѣтей на рукахъ; его смущаетъ исключительно домъ безъ хозяйки, а не душевное горе, соединенное съ потерей любимаго существа; повторимъ уже сказанное нами: во всемъ этомъ Прудонъ остался, до смерти своей, суровымъ безансонскимъ мужикомъ. Онъ надѣется, судя по тому же письму къ Матéю, приготовить къ печати, въ теченіе 1854 года, два первыхъ тома той «Всемірной исторіи», о которой онъ не разъ упоминалъ въ пріятельской перепискѣ. Текущая политика раздражаетъ его, и главное его стремленіе въ ту минуту:—удалиться въ философскую иронію, которая и «утѣшаетъ и мститъ».

Мы уже познакомились съ характеромъ его историко-философскихъ писемъ къ Труссару. Третье письмо такого же содержанія (помѣченное 27 сентября) адрессовано какому-то X***; но подъ этимъ X — мъ нельзя не признать все того же Труссара, такъ какъ письмо отъ 27-го сентября представляетъ собою несомнѣнное продолженіе двухъ разобранныхъ нами посланій. Оно еще обширнѣе по объему, и равняется маленькой брошюрѣ или очень большому газетному фельетону.

Прудонъ начинаетъ съ того, что называетъ своего корреспондента: «monsieur et ami» и заявляетъ, что раздѣляющій ихъ вопросъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Корреспондентъ (и тутъ уже очевидно, что онъ — Труссаръ) соглашается съ Прудономъ, что общество (французское)—вещь, не подлежащая порчѣ, и что оно, такъ или иначе, движется впередъ. Расколъ мнѣній заключается между ними лишь въ томъ, что корреспондентъ Прудона спрашиваетъ: «Франція, дѣлаясь лучше, съ *объективной точки зрѣнія*, становится ли лучше *по существу* (virtuellement)?» На это Прудонъ отвѣчаетъ, что, во-первыхъ, терминъ «virtuel» слишкомъ общъ и неопредѣленъ; во-вторыхъ, что признаніе общества неподлежащимъ порчѣ есть уже, само собою, признаніе той «общественной добродѣтели», о которой хлопочетъ его корреспондентъ. Въ сущности, они оба согласны въ главной идеѣ органическаго развитія общества, а старая пѣсня о *паденіи* и *возвышеніи* народовъ есть только — вопіющее противорѣчіе этой научной идеѣ. Замѣчательно, *какъ* Прудонъ формулируетъ свой личный протестъ противъ обычнаго у историковъ и публицистовъ пріема: приводить «аналогіи» и сравненія откуда ни попало, и давать имъ право гражданства въ соціологическихъ вопросахъ.

«Основа вашихъ критическихъ замѣчаній,—пишетъ онъ къ X***,—опять-таки *аналогія* между недѣлимымъ и обществомъ; а такое уподобленіе (assimilation)—невозможно, діаметрально противоположно природѣ вещей. Конечно, можетъ случиться въ обществѣ, что всѣ недѣлимые, составляющіе его, испытываютъ въ данный моментъ общее чувство утомленія, эпикурейства, фанатизма, или испуга; тогда происходитъ, въ силу этого обобщеннаго личнаго чувства, извѣстное рѣшеніе, извѣстный общественный актъ, болѣе или менѣе удачный, нравственный и достойный почтенія. Подобные факты не рѣдки, и я вовсе не думаю отрицать ихъ. Знаменитая паника въ іюнѣ 89 года и въ февралѣ 92-го—служитъ имъ примѣромъ. Но такія движенія, сами по себѣ, весьма скоропреходящи; они вовсе не составляютъ соціальныхъ проявле-

ній (manifestations); они просто пертурбаціи, вызванныя въ обществѣ личными вліяніями, которыя (т.-е. пертурбаціи) убили бы и общество, еслибы онѣ могли сдѣлаться постоянными и преобладающими».

И вслѣдъ затѣмъ Прудонъ приводитъ два большихъ историческихъ примѣра: *Франція послѣ Наполеона* и *Римъ послѣ Юлія Цезаря*, и еще разъ резюмируетъ свой общій взглядъ на прогрессивное движеніе французскаго общества:

«Нѣтъ ни порчи, ни вырожденія во французскомъ обществѣ; только можно сказать, что въ минуту рѣшительнаго преобразованія (métamorphose) оно испугалось и раздѣлилось; а благодаря этому страху, этому раздѣленію, самая безнравственная его часть, въ смыслѣ личностей, составляющихъ націю, овладѣла властью и гнететъ общество.

«Французское общество, такъ могуче развитое по своему составу (son économie), можетъ ли оно быть принесено въ жертву новымъ императоромъ, подобно тому, какъ римское общество было заклано (immolée) Цезаремъ? Тутъ весь вопросъ.

«На что́ я отвѣчаю:

«Да, еслибъ у Наполеона были, какъ у Цезаря, въ распоряженіи, для того, чтобы кормить чернь и поддерживать буржуазный пролетаріатъ, тѣ два великихъ средства: дань покореннаго міра и трудъ рабовъ».

Но такъ какъ у него нѣтъ ни того, ни другого, то Прудонъ и заключаетъ, что временный захватъ власти и не имѣетъ никакого рокового значенія для французской націи, какъ органическаго соціальнаго тѣла.

«Однимъ словомъ, — кончаетъ Прудонъ, — за исключеніемъ внѣшнихъ причинъ: войны, нашествія, избіеній, рабскаго плѣненія, увода, чумы и т. п., которыя могутъ измѣнить и погубить цивилизацію, общая органическая причина, измѣняющая общества и вносящая въ нихъ порчу, приводящая ихъ къ тому, что́ мы называемъ *упадкомъ*, это — *a priori*: смѣшеніе соціальной воли съ *всеобщей подачей голосовъ* и замѣна послѣдняго первой».

«Все равно, ка́къ происходитъ всеобщая подача голосовъ, т.-е. личная идея (individualiste), принятая большинствомъ народа, тайно или формально. Коль скоро она дѣлается закономъ націи, неминуемо должно произойти то, что соціальная воля будетъ попорчена (viciée) въ своихъ законныхъ проявленіяхъ и мало-по-малу уничтожена. Такъ оно и бываетъ, когда народъ беретъ дѣйствіе массой за соціальное дѣйствіе, а подчиненную одноформенность за органическое единство; монархическое, дик-

таторское или тріумфаторское обаяніе за богатство, величіе и славу; а кончаетъ онъ, беря себѣ *пріемника* (dépositaire) своей мысли и своей власти, уничтоженіемъ собственнаго организма и превращаясь, какъ выражался Наполеонъ, въ состояніе праха (à l'état de poussière).

«Эта участь всякой *демократіи* и выпадала на долю всѣмъ народамъ древности: *дѣло было неизбѣжно*. Духъ побѣды и грабежа и учрежденіе рабства составляли основу политики въ этихъ, страстью жившихъ обществахъ (passionelles); почему въ концѣ каждаго историческаго хода (évolution) и получалось истребленіе однихъ войной и захватомъ (incorporation), распаденіе другихъ посредствомъ цезаризма.

«Въ настоящее время такой исходъ уже невозможенъ; положеніе цивилизованныхъ націй не позволяетъ уже ни эксплуатаціи побѣжденныхъ расъ, на потребу какой-либо одной, ни возврата къ древнему рабству. Поэтому-то соціальный организмъ и сдѣлался не подлежащимъ порчѣ; онъ сталъ сильнѣе всякихъ плебисцитовъ и всякихъ голосованій; и каждое правительство, позволяющее себѣ деспотическіе пріемы, заранѣе осуждено долго не продержаться.

«Общество не можетъ жить безъ труда, а трудъ безъ раздѣленія; раздѣленіе же труда предполагаетъ обмѣнъ, кредитъ и проч., и проч. Экономическій организмъ убиваетъ военный и духовный деспотизмъ. Общество этимъ-то и заявляетъ свою бодрость; вскорѣ оно само убѣдится въ ней; тогда исчезнутъ навсегда униженія, навлеченныя на него *всеобщимъ предразсудкомъ* —индивидуализмомъ, восхваляемымъ, какъ общій мотивъ. Тогда трусы, измѣнившіе въ трудное время всяческаго мрака, вернутся къ сознанію чести и къ чувству свободы, и мало-по-малу появится и *добродѣтель* массъ, доведенная до уровня общественной силы».

Такимъ образомъ, Прудонъ остается въ этихъ обобщеніяхъ вѣренъ основному соціологическому взгляду, который въ его устахъ вдвойнѣ знаменателенъ: онъ не былъ никогда прямымъ послѣдователемъ положительной доктрины, и, несмотря на то, выработалъ себѣ чисто-научный образъ мышленія по вопросамъ историко-философскаго интереса.

Въ этотъ періодъ своего мышленія Прудонъ составилъ небольшой этюдъ, подъ заглавіемъ: «Программа по философіи прогресса» (Philosophie du progrès. *Programme*). Его издатели — братья Гарнье—отказались выпустить эту вещь въ Парижѣ; она появилась въ Брюсселѣ; но французскія власти не допустили ее

въ продажу. Прудонъ обращается съ жалобой и за категорическимъ отвѣтомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Но какъ первое письмо отъ 20-го октября, такъ и второе, болѣе обширное и настоятельное, отъ 14-го ноября, остались безъ отвѣта. Читая эти посланія, трудно не пожалѣть логики и гражданской прямоты Прудона въ подобныхъ обращеніяхъ къ доблестнымъ сподвижникамъ Наполеона III.

Свой этюдъ, изданный въ Бельгіи, Прудонъ доставилъ старинному земляку — профессору философіи Тиссо́, и пишетъ ему по этому поводу:

«Мои предшествующія изданія должны быть разсматриваемы какъ монографіи, критики, опыты: теперь слѣдуетъ повалить уже достаточно подрытое зданіе и дать общій взглядъ на новую постройку. Вотъ, къ такому-то революціонному дѣлу я и приступаю нынче.

«Подъ *новой постройкой*—вы хорошо это поймете—я разумѣю нововведенія въ политикѣ, философіи и т. д.; всегда лишь измѣненія вида идей, какія принимались прежде, скажу больше, по необходимости принимались. Всякая обновляющая доктрина, не устанавливающаяся *исторически*, ничего не сто́итъ, и даже обманываетъ своимъ именемъ; она вовсе не новая, а хуже старой, или же она—утопія».

«Вы мнѣ скажете: въ какой степени я заслуживаю быть помѣщеннымъ въ нова́торы такого рода.

«Во всякомъ же случаѣ, смѣю сказать впередъ, что моя теорія нравственности или мои *этическіе* принципы, равно какъ мои принципы по философіи, исторіи, доставляютъ мнѣ, въ настоящую минуту, случай нанести католицизму самый ужасный ударъ, какой когда-либо ему наносили...

«Бѣда лишь въ томъ, что какъ бы мы—философы—ни работали, во имя свободы, позади насъ стоитъ партія такъ-называемыхъ либераловъ и республиканцевъ, занятыхъ заковываніемъ тѣхъ цѣпей, которыя мы разбиваемъ — во имя народоправства. Когда мы избавимся отъ этой якобинщины (de cette jacobinière)!»

Въ успѣхѣ своего послѣдняго этюда Прудонъ сомнѣвается, судя по письму къ Шарлю Эдмону, отъ 2-го ноября, гдѣ онъ говоритъ, что съ разныхъ сторонъ ему дѣлаются возраженія и замѣчанія, заставляющія его думать, что онъ «сдѣлалъ самую неисправимую неловкость въ жизни». На главное же замѣчаніе о недостаточности доказательствъ соціальнаго *прогресса*, Прудонъ отвѣчаетъ:

«*Прогрессъ* есть форма соціальнаго движенія, совершенно

также какъ эллипсисъ есть форма движенія земли; и если я выбралъ это слово для заглавія моей программы, вмѣсто слова: *движеніе*, болѣе общаго, то потому, что я не хотѣлъ вовсе брать такого заглавія, которое назвали бы, пожалуй, *принципомъ*, а желалъ обозначить лишь капитальный вопросъ, рѣшительную распланировку котораго я и продолжаю».

И теоретическому корреспонденту своему Труссару пишетъ Прудонъ на тэму брошюры о прогрессѣ, отъ 4-го ноября. Весьма характерно также слѣдующее мѣсто изъ письма къ Тиссó, отъ 22-го докабря, если его сопоставить съ тѣмъ, что онъ не такъ давно говорилъ про Огюста Конта, какъ основателя школы и создателя *гуманитарной* религіи:

«Истина, въ которую я вѣрую, мнѣ еще неизвѣстна, и я всегда ее буду искать; я говорю, что она подвижна и ускользаетъ постоянно; и тѣмъ труднѣе схватить ее, чѣмъ больше желаніе поскорѣе установить ее. Это-то и мѣшаетъ мнѣ назваться *позитивистомъ*. Слово это я бы считалъ самымъ нелѣпымъ (sot) въ философіи, *еслибъ я не чувствовалъ такого почтенія къ творцу его;* но я еще менѣе *мистикъ*, такъ какъ *истина*, существованіе которой я утверждаю, какъ *реальность* — для меня существенно подвижна, видима, осязаема. Точно также и въ смыслѣ воспріятія она есть: представленіе, формула, законъ, число, мѣра и т. д.— все вещи, какъ мнѣ кажется, радикально противоположныя мистицизму.

«Наконецъ,—и это для меня главное,—я полагаю (affirme) *человѣчество*, какъ *высшее существо*... Кто взвѣситъ это положеніе, и повѣритъ тому, что я понимаю размѣръ, важность и глубину его; кто пойметъ, что девятнадцатый вѣкъ призванъ къ тому, чтобы замѣнять въ укладѣ человѣчества (dans le gouvernement de l'humanité) теологическія и политическія начала экономическими и соціальными принципами, тотъ воздастъ должное моему намѣренію, и, вмѣсто нападокъ на изложеніе и литературную отдѣлку, обратитъ главное вниманіе на цѣль».

Противорѣчіе, указанное нами, какъ нельзя лучше объясняется самимъ Прудономъ въ томъ письмѣ къ Труссару, о которомъ мы сейчасъ упомянули:

«Продолжайте сообщать мнѣ,—пишетъ онъ ему,—ваши превосходныя и дружескія замѣчанія. Увы! я не *ученый*, мнѣ нечего стыдиться этого; и потомъ — я всегда, несмотря на мои почти сорокъ-пять лѣтъ, такъ страстенъ, такъ увлекаюсь и сердцемъ и воображеніемъ, что часто не нападаю на истину иначе, какъ въ видѣ фантазіи, самой прекрасной изъ всѣхъ возможныхъ.

Во мнѣ сужденіе почти-что равняется вкусу! Посудите же, какимъ опасностямъ подвергаюсь я, когда говорю о *философіи*».

Изъ этого самоосужденія надо, конечно, кое-что поубавить; но несомнѣнно, что мыслительный аппаратъ Прудона находился всегда подъ вліяніемъ его рьянаго темперамента. Надо ему отдать ту справедливость, что онъ и не выдавалъ никогда своихъ воззрѣній, принциповъ, обобщеній за нѣчто окончательное, за *систему*.

Къ концу 1853 года настроеніе его сдѣлалось довольно тревожнымъ; онъ видѣлъ, что власти всячески отнимаютъ у него кусокъ хлѣба. Не только брошюра его о прогрессѣ не была впущена во Францію, но и книжка, написанная имъ *анонимно* по заказу издателя: «Руководство для биржевого спекулянта», потому лишь не была задержана, что нельзя было формально придраться къ *имени* автора. Онъ серьёзно ищетъ мѣсто приказчика въ 3000—4000 франковъ жáлованья. Не мудрено, что при его постоянной нуждѣ онъ приглашаетъ пріятеля, Шарля Эдмона, встрѣчать новый 1854-ый годъ за обѣдомъ по 2 франка съ «головы».

Д—въ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

ВЪ

АНГЛІИ

I.

Подобно тому, какъ рядомъ съ политической исторіей существуетъ исторія цивилизаціи, на ряду съ хроникою современныхъ политическихъ и экономическихъ фактовъ могла бы существовать фельетонная исторія современнаго общества. Въ воззрѣніяхъ и нравахъ общества каждой страны происходитъ постепенное видоизмѣненіе, которое находится въ прямой связи съ измѣненіями политическими и экономическими. Понять, въ чемъ состоитъ сущность видоизмѣненія въ данномъ обществѣ, откуда исходитъ и куда ведетъ это видоизмѣненіе—вотъ необходимое условіе для фельетониста, который хочетъ возвыситься надъ простымъ репортерствомъ объ увеселеніяхъ. Но даже и въ обыкновенныхъ газетныхъ фельетонахъ, будь они театральные и художественные или «общіе еженедѣльные» (существующіе теперь только въ русской прессѣ), проявляется, иногда безсознательно для самихъ авторовъ, точка зрѣнія, которую мы назвали бы «философско-исторической», еслибы названіе это не было слишкомъ притязательно для этюдовъ, причисляемыхъ къ «жанру», а не къ исторической живописи, хотя иногда по смыслу своему они прямо относятся къ послѣдней. Въ обществахъ европейскаго континента видоизмѣненіе воззрѣній и нравовъ идетъ быстрѣе, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ политическія перемѣны на континентѣ рѣзче и неожиданнѣе. Для каждаго изъ континентальныхъ обществъ можно на-

звать два-три основныхъ историческихъ или экономическихъ факта за послѣднее двадцатилѣтіе, которые дали обществу новое направленіе, какъ-бы заслонили собою для него всю предшествующую исторію и представили собою ту исходную точку, отъ которой отправляется общественное мнѣніе, ту точку, отъ которой оно идетъ впередъ и съ которой оно смотритъ на путь, передъ нимъ лежащій, и на всѣ предметы, представляющіеся на этомъ пути. Такія «основныя» событія у насъ — освобожденіе крестьянъ, вообще реформы и прочее; въ Германіи—объединеніе, побѣда надъ французами и экономическій кризисъ; во Франціи — экономическое развитіе при второй имперіи, паденіе этого правленія, пораженіе и упадокъ могущества страны, неустойчивость и неполнота возстановленной свободы; въ Италіи—освобожденіе отъ ига, объединеніе народа и огромное увеличеніе налоговъ. Таковы факты, которые мы назвали «основными» для фельетонной исторіи современности. Затѣмъ, дѣло общественнаго бытописателя въ каждой отдѣльной странѣ выяснить себѣ, какъ отозвались эти факты на настроеніи и бытѣ общества, подмѣтить черты видоизмѣненія и, по совокупности ихъ, подвесть его подъ точное опредѣленіе.

Къ сожалѣнію, интересная область фельетонной исторіи современности, въ которой можно бы найти столько поучительнаго не только для простыхъ смертныхъ, но даже и для государственныхъ людей, «дѣлающихъ большую исторію», весьма мало разработывается. Можно даже сказать, что въ систематической связи, съ точными наблюденіями и положительными опредѣленіями, то-есть съ договариваніемъ «послѣднихъ словъ», она, по крайней мѣрѣ—на мѣстѣ, не разработывается нигдѣ. Есть нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, попытокъ очертить физіономію даннаго общества въ настоящій моментъ, разъяснить и опредѣлить переживаемое имъ видоизмѣненіе, но всѣ эти попытки сдѣланы не членами наблюдаемаго общества, а иностранцами. Притомъ всѣ онѣ весьма неполны въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, года два тому назадъ, въ аугсбургской «Всеобщей Газетѣ» помѣщенъ былъ рядъ этюдовъ подъ заглавіемъ «Франція и французы», въ которыхъ было много дѣльнаго; но этюды эти относились къ Франціи и французамъ до погрома 1870 г., стало быть, къ фельетонной исторіи современности не принадлежали. О современной Россіи есть нѣсколько иностранныхъ сочиненій, въ которыхъ встрѣчаются и попытки характеристики русскаго общества въ данный моментъ, съ тѣмъ видоизмѣненіемъ воззрѣній и общественныхъ нравовъ, какое обусловилось основными событіями двадцатилѣтія. Но такъ какъ Европа не знала русскаго обще-

ства, какимъ оно было и до этого видоизмѣненія, то естественно, что въ этихъ сочиненіяхъ—за исключеніемъ, впрочемъ, одной нѣмецкой книги о «русскомъ обществѣ», вышедшей два года тому назадъ—задачи смѣшиваются и авторы передаютъ, какъ новое для своихъ читателей, много такого, что само по себѣ очень старо. Въ «Кёльнской Газетѣ» въ настоящее время печатается рядъ статей «Изъ Америки», довольно близко подходящихъ къ рамкамъ фельетонной исторіи современности, а именно описывающихъ тѣ измѣненія въ воззрѣніяхъ, бытѣ и нравахъ, какія произведены въ обществѣ великой сѣверо-американской республики тамошними основными событіями современности—покореніемъ возставшаго юга и освобожденіемъ рабовъ, безграничнымъ господствомъ одной партіи и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ къ Тихому океану. Но при всемъ знакомствѣ съ наблюдаемою страной, автору этихъ статей недостаетъ и дарованія и умѣнья систематически расположить матеріалъ, такъ что многое повторяется, и въ объясненіяхъ остается много пробѣловъ.

Почему область эта такъ мало разработывается и почему на цѣльные этюды о данномъ обществѣ собираются только иностранцы? Это можно объяснить неблагодарностью подобной задачи лично для автора, который бы ее предпринялъ. По самой сущности бытописательнаго этюда, онъ содержалъ бы въ себѣ много общеизвѣстнаго въ томъ обществѣ, которому этюдъ былъ бы посвященъ; новы были бы въ дѣйствительности только освѣщеніе и выводы. Но выводы эти по необходимости опирались бы только на общихъ чертахъ и не годились бы для политической цѣли, по кажущейся ихъ бездоказательности. Затѣмъ, при отсутствіи этого главнаго двигателя современной печати, оставалась бы одна приманка—литературный успѣхъ. Но чѣмъ безпристрастнѣе и откровеннѣе была бы оцѣнка авторомъ того общества, въ которомъ онъ живетъ, тѣмъ менѣе вѣроятностей, что она понравилась бы этому обществу. Благодаря пресловутому «національному принципу», наше время есть время шовинизма по преимуществу. Хотя нравоописательное направленіе преобладаетъ въ литературѣ, но писатели ограничиваются выборомъ одного какого-нибудь соціальнаго явленія, одной общественной группы и еще придаютъ своимъ наблюденіямъ форму комедіи или романа. Такая рѣзкая откровенность, какая мѣстами встрѣчается у Гейне о нѣмцахъ или у Курьѐ и даже у Рейбо о французахъ, положительно немыслимы въ наше время.

Англійское общество, какъ и континентальныя, не можетъ похвалиться собственными хроникерами своего современнаго быта

и духа. Попытки прямо очертить физіономію, духъ и обычаи англійскаго общества также сдѣланы не самими англичанами, но иностранцами. Такъ, книга Эскироса объ англійской жизни представляетъ довольно вѣрный и ясный снимокъ, а книга Тэна о томъ же предметѣ заключаетъ остроумную, мѣстами весьма мѣткую характеристику воззрѣній англійскаго общества. Но ни та, ни другая не излагаютъ современнаго видоизмѣненія его жизни. Книга Эскироса только констатируетъ факты, не наблюдая тѣхъ теченій, которыя ведутъ къ ихъ измѣненію, а книга Тэна характеризуетъ англійскую жизнь не по отношенію къ ней самой, какъ она была прежде, но по отношенію къ жизни континентальной и преимущественно французской. Оттого у Тэна въ видѣ отличительныхъ чертъ англійскихъ воззрѣній и обычаевъ указаны и такія, которыя общи всѣмъ протестантскимъ обществамъ, и такія, которыя общи Англіи съ Сѣверною Америкою. Сверхъ того, очерки названныхъ французскихъ писателей написаны лѣтъ около пятнадцати тому назадъ (хотя книга Тэна издана уже послѣ войны 1870—71 гг.), стало быть, современными ихъ считать нельзя.

Но за то сама беллетристика въ Англіи можетъ служить пособіемъ для изслѣдованія общественныхъ воззрѣній и нравовъ, а также и видоизмѣненій въ нихъ,—гораздо болѣе, чѣмъ беллетристика въ иныхъ странахъ по отношенію къ обществамъ тѣхъ странъ. Беллетристику вообще по ея направленіямъ мы можемъ раздѣлить на три рода: на тенденціозную, фантастическую и чисто описательную (избѣгаемъ слова «реалистскую», такъ какъ оно употребляется въ двухъ акцепціяхъ и потому сбивчиво). Само собою разумѣется, что писателю необыкновенно-даровитому, геніальному, дается при вполнѣ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности создать нѣчто въ одно время и глубоко-тенденціозное и художественное. Дѣйствіе такихъ беллетристическихъ произведеній бываетъ неотразимо. У такого художника дѣйствительность бываетъ схвачена такъ, что она сама высказываетъ его мысль. Таковы: Теккерей, Гоголь, Тургеневъ. Диккенсъ умѣлъ совмѣщать и описательность, и тенденціозность и фантастичность, хотя въ каждомъ его произведеніи все-таки преобладаетъ одно изъ этихъ направленій, иногда въ ущербъ правдѣ, иногда въ ущербъ ясности и доказательности мысли. Но такихъ писателей, которымъ удалось соединить два направленія, мы и должны причислять къ обоимъ, сохраняя затѣмъ все-таки право дѣлить всю беллетристику на три рода. Затѣмъ англійская беллетристика за послѣдніе полвѣка отличалась отъ континентальной меж-

ду прочимъ тѣмъ, что въ ней произведеній описательныхъ было несравненно больше, чѣмъ въ беллетристикѣ континентальной, въ которой большинство романовъ писалось подъ вліяніемъ или тенденціи, или чистой фантазіи, то-есть одного эстетическаго произвола. Писатель съ огромнымъ дарованіемъ, Бальзакъ, прямо избравшій себѣ задачею обрисовать современное ему французское общество, выводившій въ большинствѣ своихъ романовъ лица или одни и тѣ же, или находившіяся въ опредѣленномъ отношеніи къ героямъ другихъ его произведеній, нарисовавшій цѣлую галлерею портретовъ изъ даннаго общества—его-то именно и не изобразилъ. Серьёзно онъ занимался только изслѣдованіемъ психическихъ движеній человѣка вообще, а въ остальномъ давалъ полную волю своей художнической фантазіи. Его анатомическая лекція всегда тонкая работа; но субъекты его лежатъ на столѣ, обнаженные. Онъ могъ одѣть ихъ въ любыя платья, заставить ихъ дѣйствовать въ любой странѣ, и все-таки физіологическіе законы, въ нихъ дѣйствующіе и имъ наблюдаемые, не составляли бы принадлежности ни мѣста, ни времени. Внѣ наблюденій психическихъ движеній Бальзакомъ руководила только чисто-эстетическая преокупація, и онъ давалъ полный произволъ фантазіи [1]. Жоржъ - Зандъ — писательница тенденціозная и фантастическая вмѣстѣ, также какъ и Эженъ Сю. Дюма старшій и младшій оба писатели чисто-фантастическіе, хотя и весьма непохожіе другъ на друга; оба рисуютъ произвольные типы, иногда весьма эффектные. Изъ нѣмцовъ Ауэрбахъ, Гуцковъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ или тенденціозны или фантастичны; мы разумѣемъ фантастичность въ смыслѣ изображенія типовъ, созданныхъ одной фантазіею художника [2].

О русскихъ беллетристахъ упоминать не будемъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для подтвержденія, что у континентальныхъ писателей преобладаютъ тенденціозность и фантастичность, а не описательность. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда континентальные писатели задаются мыслью просто изобразить условія быта, особенности воззрѣній и нравовъ, они избираютъ для этого обыкновенно какой-нибудь малоизвѣстный міръ или мірокъ: деревню, маленькій провинціальный

---

[1]) Опредѣленія въ литературѣ имѣютъ исключеніе, какъ и въ грамматикѣ; такъ Eugénie Grandet и César Birotteau—два романа Бальзака, въ которыхъ преобладаетъ описательность.

[2]) Относительно деревенскихъ разсказовъ Ауэрбаха и Soll und Haben Фрейтага надо сдѣлать ту же оговорку, которая сдѣлана выше о двухъ романахъ Бальзака.

городъ или какія-нибудь положенія и профессіи, отличающіеся чѣмъ-либо оригинальнымъ. Они какъ будто отказываются черпать матеріалы изъ широкаго теченія той рѣки, которая представляется собирательнымъ умомъ всей націи, той рѣки, которой теченіе, какъ бы мирно и обыденно оно ни казалось, опредѣляетъ между тѣмъ въ дѣйствительности дальнѣйшую судьбу всего народа. Англійскіе беллетристы, въ послѣ-байроновскій періодъ, наоборотъ, ничѣмъ такъ часто и обстоятельно не занимались, какъ изображеніемъ обыденной жизни англійскаго образованнаго общества—everyday english life.

Такое различіе было вовсе не случайно, оно имѣло свои опредѣленныя причины. Издавна свободное, англійское общество было довольно. Оно любило смотрѣть въ зеркало само на себя и требовало отъ зеркала только вѣрности. Оно не ждало отъ беллетриста ни утѣшенія въ испытаніяхъ, ни выраженія въ поэтическихъ образахъ его тайныхъ, загнанныхъ, преслѣдуемыхъ стремленій. Ему не нужно было ни иносказаній, ни призывовъ къ борьбѣ — въ такой мѣрѣ, какъ континентальнымъ обществамъ. Образованное общество, обезпеченное капиталомъ или высокимъ заработкомъ, въ Англіи никогда не засыпало окончательно «сномъ сытой коровы», по выраженію одного изъ нашихъ критиковъ. Надъ общимъ уровнемъ оно видѣло остатки древнихъ привилегій, подлежавшихъ устраненію, въ себѣ самомъ сознавало болѣе или менѣе—слабости, мѣшавшія устраненію такихъ привилегій; подъ общимъ своимъ уровнемъ, оно видѣло массу народа, мало образованную и необразованную, вовсе необезпеченную и лишенную политическаго права; на глубинѣ — оно угадывало множество совершенно безправныхъ, лишенныхъ и пропитанія, и даже человѣческихъ понятій—людей, цѣлое сословіе жертвъ громадной борьбы за существованіе. Но, завоевавъ себѣ само свое благосостояніе, всѣ свои права и улучшенія, оно относилось къ существующей долѣ зла спокойно, имѣя полное довѣріе къ своимъ силамъ достигнуть постепенно, благодаря свободѣ, всѣхъ улучшеній, какія окажутся возможны. Вотъ почему, хотя сатира Тэккерея и Диккенса и тенденціозность ихъ обоихъ имѣли и причину быть, и мѣсто въ сознаніи общества, но оно все-таки не было въ такомъ положеніи, чтобы надъ умомъ его вѣчно тяготѣли мысли о безотрадности жизни и о необходимости борьбы. Англійское общество все-таки было довольно собою и имѣло достаточно причинъ любоваться своей обыденной жизнью, интересоваться тѣми второстепенными теченіями, которыя проявлялись въ разныхъ ея областяхъ. Дѣятельность парламентская, торговая, мануфактурная,

землевладѣльческая, земская, въ Англіи произвела результаты болѣе крупные, чѣмъ гдѣ-либо, результаты колоссальные. Какъ же было не любоваться той обыденной жизнью, которая производила результаты столь необыкновенные! Съ другой стороны, почти два столѣтія внутренняго мира, спокойнаго теченія впередъ, подъ напоромъ могущественнаго общественнаго мнѣнія, создавали въ воззрѣніяхъ, а затѣмъ и въ нравахъ англійскаго общества такую цѣльность, какой не замѣчалось ни въ одномъ изъ континентальныхъ обществъ, разбитыхъ на группы, даже на единицы, въ виду почти всякаго вопроса, будь онъ политическій, философскій, экономическій или соціальный. Династическія партіи исчезли, партія радикаловъ, въ смыслѣ континентальномъ, политически не существовала. Однимъ словомъ, общество не было раздѣляемо и волнуемо партіями, желающими переворота. Оппозиція превратилась въ «оппозицію его величества», и предводитель ея считался всегда властью, признанно правительствомъ. Но это еще не все. Сфера политическая, руководящая страною, была немногочисленна. Люди, изъ которыхъ состояло политическое сословіе въ Англіи еще въ весьма недавнее время, были болѣе или менѣе всѣ люди богатые, прошедшіе однѣ и тѣ же школы, имѣвшіе и средства и привычки почти одинаковыя. Обществу не было причины предаваться мечтаніямъ, за отсутствіемъ удовлетворяющей дѣйствительности, политической метафизикѣ—за отсутствіемъ политической работы. Все дѣло законодательства и управленія было безспорно въ рукахъ образованнѣйшей части общества, а этотъ руководящій классъ, немногочисленный и однородный, соединяя въ своихъ рукахъ всѣ средства вліянія, всякую силу, создавалъ для всего народа законы не только въ смыслѣ юридическомъ, но и въ смыслѣ нравственномъ: онъ сообщалъ всему обществу свои идеалы, свои взгляды на всѣ проявленія не только общественной жизни, но даже домашняго быта. Послѣдствіемъ того была совершенная цѣльность въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ всѣхъ слоевъ англійскаго сколько-нибудь образованнаго общества. Средства, чтобы дѣйствовать и жить такъ или иначе, были различны, но идеалъ дѣятельности и образа жизни былъ у всѣхъ одинъ и тотъ же. Англичанину не было нужды размышлять, какъ бы онъ устроилъ свою жизнь, еслибы у него были средства жить выше уровня обыкновеннаго рабочаго.

У всѣхъ англичанъ былъ одинъ идеалъ общественнаго положенія и одна программа домашняго комфорта; затѣмъ каждый старался приблизиться къ этому идеалу и осуществлять для себя эту программу по мѣрѣ личныхъ силъ и средствъ. Англійскія воз-

зрѣнія на жизнь и англійская манера жить представляли нѣчто вполнѣ опредѣленное, окончательно установившееся, и считались внѣ всякаго сомнѣнія и спора лучшими. При такой опредѣленности и цѣльности воззрѣній, молодому человѣку въ Англіи не приходилось доходить до всего собственнымъ умомъ, начиная ab ovo, придумывать для собственнаго обихода особое міросозерцаніе — какъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ никакихъ собирательныхъ воззрѣній не установилось—или выбирать для себя одно изъ готовыхъ міросозерцаній—какъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ въ воздухѣ носятся нѣсколько различныхъ, взаимно-враждебныхъ коллективныхъ взглядовъ на задачу и всего общества, и единичнаго человѣка.

Самый выборъ между политическими программами двухъ главныхъ партій для бо́льшей части молодыхъ людей высшаго класса рѣшался просто наслѣдственностью: члены nobility и gentry родились торіями или вигами. Такимъ образомъ, молодые люди, освобожденные отъ необходимости выработывать себѣ совершенно самостоятельныя личныя убѣжденія, прямо отдавались практической дѣятельности, вступали въ «борьбу жизни», стараясь завоевать себѣ такое положеніе, чтобы по возможности приблизиться къ общему идеалу и осуществить возможно полнѣе для себя общую программу.

Указывая на эту отличительную черту англійскаго общества, мы вовсе не намѣрены представлять ее образцовою и видѣть въ ней,—какъ то дѣлаютъ иные, — источникъ великихъ успѣховъ, достигнутыхъ Великобританіею. Во всякомъ случаѣ черта эта не можетъ служить образцомъ для подражанія, такъ какъ характеръ націи гораздо болѣе создается исторіею, нежели самъ создаетъ ее. Опредѣленность и цѣльность общественныхъ воззрѣній безспорно являются въ отдѣльной націи, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ великой силою, потому что она производитъ увѣренность въ себѣ, постоянство въ намѣреніяхъ, логическую выдержку въ дѣйствіяхъ. Но успѣхъ зависитъ не отъ одной этой силы, а еще отъ свойства самыхъ цѣлей, для которыхъ она употребляется. Твердость и цѣльность воззрѣній въ англійскомъ обществѣ имѣли и невыгодную сторону. Они поддерживали массу предразсудковъ, весьма замедляли улучшенія въ разныхъ сферахъ гражданской жизни, изгоняли самый принципъ свободы почти изъ всѣхъ областей быта, за исключеніемъ области чисто-политической, которая вся основалась и разработалась на этомъ живительномъ принципѣ, а потому и служила въ Англіи источникомъ всякаго свѣта и единственнымъ проводникомъ улучшеній. Сферы церкви, суда,

школы, администраціи упорствовали въ рутинѣ, обусловленной именно твердостью, цѣльностью сложившихся воззрѣній и обычаевъ. Парламентъ давалъ починъ къ улучшеніямъ во всѣхъ этихъ сферахъ, парламентъ и печать, то-есть двѣ силы, исходившія изъ принципа свободы.

Та же самая отличительная черта англійскаго общества, обусловливала въ немъ такое нравственное однообразіе, которое не было благопріятно успѣхамъ умственнаго развитія и производило ту скуку, которою томились всѣ англичане, почему-либо ставшіе внѣ общихъ воззрѣній и общихъ вкусовъ. Тираннія непреложныхъ условій, связывавшихъ каждый шагъ человѣка, казалась имъ невыносимою; чѣмъ глубже было общее убѣжденіе въ важности каждаго изъ этихъ условій, тѣмъ глупѣе они казались нѣкоторымъ, немногимъ людямъ независимаго склада мышленія, тѣмъ несноснѣе былъ для этихъ людей деспотизмъ этой своего рода китайщины. Самъ байронизмъ—сверхъ своего обще-культурнаго, такъ сказать міроваго значенія—спеціально въ Англіи имѣлъ еще значеніе протеста противъ этой «китайщины».

Все предыдущее объясняетъ намъ, почему въ Англіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ, беллетристика имѣла характеръ описательный. Здѣсь, въ англійскомъ обществѣ, самоувѣренномъ и самодовольномъ, была и охота любоваться собою, черпать, какъ мы выразились выше, «изъ широкой рѣки, которая представляется собирательнымъ умомъ всей націи», и удобство черпать изъ нея готовые, реальные типы и положенія, потому что это была въ самомъ дѣлѣ великая рѣка, всѣмъ любезная, всѣхъ привлекавшая и удовлетворявшая, и одна отражавшая въ себѣ всю Англію, не то—что въ иныхъ странахъ, гдѣ на каждую общественную группу приходится свой ручеекъ, а, пожалуй, на каждаго человѣка своя лужица, не отражающая ничего, кромѣ его собственной физіономіи. Естественно, что въ такихъ странахъ художникъ произвольно выбиралъ себѣ журчанье любого фонтана или гладкую поверхность любого пруда, и расцвѣчивалъ ихъ прихотливыми красками своей фантазіи. Континентальный беллетристъ въ большинствѣ случаевъ былъ пейзажистъ или жанристъ, смотря потому, какая склонность въ немъ преобладала — къ свободной эстетической фантазіи или къ тенденціозности. Въ англійской беллетристикѣ художникъ описательной школы былъ все-таки историческимъ живописцемъ, потому что не сочинялъ и не выбиралъ произвольно своего матеріала, но описывалъ могущественную дѣятельность жизни цѣлой націи. Даже тогда, когда жизнь эта изображалась у него въ десяткѣ фигуръ и въ рамкѣ одной семейной жизни, въ его

картинѣ все-таки былъ историческій элементъ, какъ живописецъ на полотнѣ нѣсколькими, иногда второстепенными фигурами изображаетъ намъ цѣлый эпизодъ исторіи.

Итакъ, англійская беллетристика, по преобладанію въ ней характера описательнаго, по точности, правдѣ ея картинъ и по тому общему значенію, какое этимъ изображеніямъ принадлежало, вслѣдствіе цѣльности англійскихъ воззрѣній и обычаевъ, можетъ представить весьма цѣнное пособіе при изученіи тѣхъ медленныхъ, но неизбѣжныхъ теченій, постепенныхъ видоизмѣненій, которыя происходятъ и въ англійскомъ обществѣ. Спеціальные хроникеры современныхъ теченій въ настроеніи общества и фельетонные историки такихъ теченій въ разные періоды здѣсь менѣе нужны, чѣмъ во всякой другой литературѣ; для уразумѣнія этихъ теченій въ Англіи даже мемуары менѣе необходимы, чѣмъ въ другихъ странахъ. Сама беллетристика по реальности своей, по вѣрности съ общественной жизнью, можетъ служить для исторической характеристики. Сравните Англію двадцатыхъ годовъ, какъ она отзывается въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Тэккерея, и Англію между реформами 1832 и 1867 гг., какъ она изображается у безчисленныхъ романистовъ того періода, и вы замѣтите уже значительное, хотя и постепенное, медленное видоизмѣненіе. Руководящій классъ расширился; вмѣсто «верхнихъ десяти тысячъ», преобладаніе въ странѣ перешло уже къ «верхнимъ ста-тысячамъ», изъ нобиліарно-аристократической, Англія превратилась въ смѣшанно-аристократическую, въ общество, управляемое союзомъ аристократій родовой и денежной. Первая реформа дала капиталу бóльшій доступъ къ политическому вліянію, а громадное развитіе торговли и промышленности создало такую колоссальную силу капиталовъ, что самое значеніе родовой аристократіи и ея привилегій могли сохраниться только путемъ союза политическаго и соціальнаго съ этой сравнительно-новой силой. Лордство осталось, потому что нашло поддержку въ сословіи промышленныхъ богачей и подъ условіемъ принимать ихъ въ свою среду. Вмѣстѣ съ усиліемъ значенія класса, опирающагося на движимый капиталъ, получилъ нѣкоторое значеніе и классъ, опирающійся на высокіе заработки, на большой профессіональный доходъ, дававшій возможность юристамъ, инженерамъ, даже врачамъ являться соискателями на парламентскія мѣстá въ большихъ городахъ, которымъ реформа предоставила бóльшее число представителей въ нижней палатѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ нижняя палата перестала наполняться почти исключительно кандидатами, избранными подъ вліяніемъ крупной землевладѣльческой собственности, значеніе этой палаты еще

возросло противъ прежняго, возросло такъ, что первенство палаты пэровъ превратилось въ чистую фикцію. Безсиліе, обнаруженное пэрами въ сопротивленіи великимъ реформамъ, уронило ихъ значеніе. Хотя при открытіи и закрытіи сессіи члены общинъ должны являться въ палату лордовъ, а не наоборотъ, и являются тамъ безъ шляпъ, но это собственно и есть все, что осталось отъ первенства верхней палаты надъ нижнею. Значеніе послѣдней возрасло до того, что вліятельнѣйшіе государственные люди стали отказываться отъ награды пэрствомъ, для того, чтобы сохранить свои мѣста въ собраніи державномъ, а не быть замкнутыми въ орнаментальный архивъ.

Соотвѣтственно всему этому произошли измѣненія и въ общественномъ настроеніи, въ воззрѣніяхъ, нравахъ и обычаяхъ, не столь быстрыя, какія бываютъ въ иныхъ странахъ, конечно, но тѣмъ не менѣе весьма замѣтныя. Прежній аристократическій идеалъ джентльмэна, имѣвшій въ себѣ нѣкоторый оттѣнокъ дикости, допускавшій необузданность страстей, нѣкоторое пренебреженіе ко всему не родовитому, нѣкоторый цинизмъ въ удовольствіяхъ и языкѣ, любовь къ приключеніямъ, даже къ нѣкоторой оригинальности, лишь бы безукоризненно соблюдалась свѣтскость, весь этотъ типъ, представлявшій смѣсь давнихъ преданій воинственнаго, рыцарскаго, увѣреннаго въ своемъ господствѣ класса, съ духомъ отрицанія, навѣяннымъ французскою революціею и съ оттѣнкомъ байронизма—долженъ былъ постепенно видоизмѣниться, приближаясь къ идеаламъ, свойственнымъ буржуазіи, хотя бы самой богатой: умѣренности, точности, трезвости. Поединки и ночныя уличныя похожденія молодыхъ лордовъ подъ веселую руку,—подъ дѣйствіемъ буржуазной струи въ общественномъ мнѣніи, оказались shocking и должны были исчезнуть. Лорды бѣдные стали считать не только возможнымъ гоняться за купеческими придаными, но стали признавать эту погоню закономъ своей природы, обязанностью, единственнымъ исходомъ, такъ какъ подъ наплывомъ буржуазныхъ идей лордъ бѣдный превратился въ общественномъ мнѣніи въ какого-то самозванца, въ человѣка, стоящаго ниже всякаго скромнаго, но солиднаго торговца.

Но воззрѣнія буржуазной среды, получившей власть, не только разбавили собою и видоизмѣнили понятія нобиліарныя; въ свою очередь они окрасились послѣдними. Слово «дворянинъ», gentleman, превратившееся въ общее достояніе достаточныхъ классовъ, само уже показываетъ однако, что буржуазія не замѣнила прежняго идеала совершенно новымъ, выкроеннымъ на какой-нибудь коммерческій аршинъ, но усвоила себѣ прежній идеалъ, нѣсколько

переработавъ его. Всѣ «сто тысячъ», принявшія власть отъ прежнихъ «десяти тысячъ», стали жить одинаково. Высшимъ общественнымъ положеніемъ осталось и во мнѣніи новаго общества положеніе землевладѣльца, высшимъ отличіемъ—званіе члена парламента, высшимъ украшеніемъ—родовой титулъ. Громадная сила капиталовъ, наживаемыхъ англійскою торговлей и промышленностью, нахлынула на земельное владѣніе, стараясь пріобрѣсть своимъ владѣльцамъ «мѣстную почву», «резиденцію въ графствѣ» и всѣ связанныя съ тѣмъ общественныя преимущества. Отъ этого земля возросла въ цѣнѣ такъ, что новые пріобрѣтатели помѣщали въ нее свой капиталъ на два процента, а если считать особыя издержки «на представительство», обусловленныя сельскою резиденціею, то земельная собственность нерѣдко обращалась новымъ пріобрѣтателямъ въ убытокъ. Но за то она вводила ихъ въ кругъ gentry, давала имъ вліяніе въ цѣломъ околоткѣ, доступъ къ власти мировыхъ судей и т. д., участіе въ охотахъ на лисицу, и на второмъ, третьемъ поколѣніи, благодаря родственнымъ связямъ, превращала ихъ въ настоящее туземное gentry, хотя и недавняго происхожденія. Богатая буржуазія усвоила себѣ аристократическіе обычаи представленія ко двору, полевого спорта, картинныхъ галлерей и, вмѣсто любимаго нѣкогда портвейна, стала пить послѣ обѣда бордоское вино, указанный аристократіею claret; наиболѣе же существенное пріобрѣтеніе, сдѣланное буржуазіею отъ этого вступленія ея въ господствующій классъ, состояло, конечно, въ высшемъ воспитаніи дѣтей.—Результатъ отъ этого смѣшенія получился весьма благопріятный. Образовалось многочисленное общество, оживленное духомъ бодрости и свѣжести, свойственной классамъ, которыхъ значеніе находится въ періодѣ роста, просвѣщенное, дѣятельное, съ трезвой мыслью и трезвыми привычками жизни, общество, вслѣдствіе своей цѣльности, строго наблюдавшее за своими членами, каравшее остракизмомъ всякое рѣзкое нарушеніе его законовъ и допускавшее разборчиво, не вдругъ, не безъ справокъ и наблюденія, новыхъ членовъ въ свою среду. Намъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ представить нашимъ читателямъ обзоръ произведеній одного изъ лучшихъ, безпристрастнѣйшихъ и точнѣйшихъ бытописателей этого общества—Антони Троллопа, и по поводу этого писателя бросить бѣглый взглядъ на физіономію того общества, которое онъ съ такой любовью и вмѣстѣ добросовѣстностью изображалъ въ разныхъ его слояхъ, и преимущественно въ сферахъ землевладѣльцевъ, духовенства, администраціи и либеральныхъ профессій. Троллопъ, безъ сомнѣнія, полнѣйшій хроникеръ той

обыденной англійской жизни, которая сама наиболѣе интересовала англійское общество до послѣдняго времени. Но имя хроникеровъ ея—легіонъ. Общій запросъ былъ именно на сцены изъ everyday english life, и всѣ современные англійскіе беллетристы испробовали свои силы на этомъ сюжетѣ, хотя Диккенсъ и Бульверъ избирали и иныя области для своего творчества. Особенно независимъ, всецѣло преданъ эстетической свободѣ былъ Бульверъ, который перебиралъ всякіе сюжеты—отъ историческихъ въ тѣсномъ смыслѣ до метафизическо-фантастическихъ.

II.

Но законъ постепеннаго видоизмѣненія не переставалъ дѣйствовать; за однимъ видоизмѣненіемъ должно было начаться другое. Какъ ни было англійское общество довольно собою и сколько ни имѣло оно справедливыхъ причинъ быть собой довольнымъ, оно не могло остаться навсегда въ одномъ фазисѣ развитія. За послѣдніе годы англійская беллетристика какъ будто начинаетъ терять компасъ. Изображеніе обыденной англійской жизни, повидимому, уже не удовлетворяетъ общество, потому ли, что въ немъ возникаютъ новыя теченія, или потому, что сама эта жизнь измѣняется, и изображеніе ея по прежнимъ шаблонамъ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вѣрнѣе, что въ англійской жизни начинаетъ утрачиваться отличавшая ее доселѣ цѣльность. Беллетристика стала выходить изъ рамки, въ которой она преимущественно держалась съ сороковыхъ годовъ. Замѣчательно, что Тэккерей, Диккенсъ и Бульверъ, несмотря на все обаяніе своихъ талантовъ и на большое вліяніе, которое первые двое оказали на общество, остались безъ послѣдователей, остались единичными явленіями. Второстепенные и третьестепенные беллетристы, которыхъ имя легіонъ, и которые были главными поставщиками ежедневнаго чтенія и главными представителями вкуса «верхнихъ ста тысячъ», преимущественно работали въ одной рамкѣ, занимались изображеніемъ обыденной жизни достаточныхъ англійскихъ классовъ. Но по мѣрѣ того, какъ численность достаточныхъ классовъ увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ возрастали заработки и значеніе либеральныхъ профессій, и возвышался уровень образованности въ средѣ фермеровъ и высшей категоріи городскихъ рабочихъ, а затѣмъ новая избирательная реформа призвала къ участію въ политической жизни новые многочисленные классы населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, громадное повсемѣстное

развитіе сообщеній сдѣлало поѣздки на континентъ доступными множеству людей изъ такихъ слоевъ общества, которые прежде не могли и мечтать о томъ и пребывали въ самомъ удивительномъ невѣжествѣ и самыхъ узкихъ предразсудкахъ на счетъ всего иностраннаго, по мѣрѣ того, какъ совершались всѣ эти измѣненія, — цѣльность англійской жизни не могла не утрачиваться. Понятія должны были расшириться и демократизироваться. Милліонъ болѣе или менѣе достаточныхъ и образованныхъ людей, тотъ «верхній милліонъ», къ которому переходитъ политическая власть, который является теперь наслѣдникомъ «верхнихъ ста тысячъ», не можетъ, уже по самой своей численности и разнообразію положеній, сохранить прежней цѣльности въ понятіяхъ и обычаяхъ. Неизбѣжно долженъ былъ явиться разбродъ, и текущая беллетристика должна была отразить этотъ разбродъ въ себѣ. Мы еще возвратимся къ характеристикѣ этого оборота, замѣчаемаго въ современной англійской жизни, но прежде укажемъ признаки разброда въ новѣйшей англійской беллетристикѣ.

Она, какъ мы уже сказали, какъ-бы потеряла компасъ. Нѣкоторые писатели все еще продолжаютъ работать по прежнимъ шаблонамъ, описывать богатыхъ сквайровъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и рѣшительнымъ вліяніемъ въ своихъ округахъ, банкировъ и негоціантовъ, этихъ «князей» промышленности и торговли, царящихъ въ зáмкахъ XIX-го вѣка, то-есть въ фабричныхъ твердыняхъ изъ кирпича, не штукатуренныхъ, но окрашенныхъ дымомъ, который придаетъ имъ колоритъ своего рода мрачнаго величія, подобнаго тому, какое древнимъ зáмкамъ придали вѣковой мохъ и вѣковая плѣсень;—изображаютъ могучихъ фабрикантовъ, снабжающихъ своими издѣліями весь свѣтъ и гордыхъ тѣми высокими башнями, надъ которыми развѣваются по вѣтру хотя не флаги, видавшіе крестовые походы и битву при Гастингсѣ, но не менѣе гордыя знамена современнаго могущества — колоссальные столбы дыма неимовѣрной по силѣ, исполинской по легіонамъ рабочихъ фабрикаціи; рисуютъ строгихъ честностью и гордыхъ нравомъ банкировъ и негоціантовъ въ ихъ мрачныхъ, но также нелишенныхъ величія конторахъ въ Сити, вмѣщающихъ тайны громадныхъ, всесвѣтныхъ оборотовъ за своей скромной наружностью, за окнами изъ матоваго стекла въ половину рамы, и лакированной дверью съ львиной лапой изъ чугуна въ видѣ молотка и скромной надписью одной фамиліи и К° на бронзовой дощечкѣ;—описываютъ, какъ тѣ и другіе джентльмэны, весьма похожіе по наружностя и нравамъ, весьма часто воспитанные въ тѣхъ же школахъ, возвращаются

домой съ поля, съ завода или изъ Сити, утомленные бременемъ своихъ личныхъ дѣлъ, за которыми вечеромъ для нихъ будутъ слѣдовать дѣла по управленію страною, моются и переодѣваются во фраки къ своему домашнему обѣду, за которымъ ихъ встрѣтятъ, декольте и въ перчаткахъ, ихъ супруги, полныя сознанія своего величія, и прелестныя миссъ Арабеллы, Лидіи, Віолетты, Эсѳири, въ самомъ дѣлѣ прелестныя и образованныя лучше, чѣмъ бываютъ образованы дѣвушки въ какой-либо другой странѣ Европы. Затѣмъ, разсказываютъ любовныя дѣла, то-есть виды на бракъ этихъ миссъ Арабеллъ, Лидій и такъ далѣе, въ чемъ и состоитъ завязка и развязка романа. Замѣтимъ, что эти богатыя дѣвицы, несмотря на различіе происхожденія въ смыслѣ геральдическомъ, весьма похожи другъ на дружку. Давно прошло и даже исчезло изъ памяти то время, когда дѣвицы богатой англійской буржуазіи отличались отъ дочерей аристократіи въ воспитаніи и выдержкѣ. Давно тѣ и другія равняются во всевозможныхъ accomplishments, имѣютъ не только хорошее общее образованіе, но еще читаютъ Данта и Шиллера въ подлинникѣ, не говоря о французскихъ писателяхъ, которые рекомендуются имъ «съ разборомъ»; рисуютъ акварели, блистаютъ за роялемъ и игрой, и пѣніемъ, а иногда и за арфой; отправляются—когда живутъ въ Лондонѣ—около пяти часовъ въ Гайдъ-Паркъ, гдѣ садятся на чистокровныхъ hacks и скачутъ по Rotten-Row, со старичкомъ-папашей, большими и малыми братцами и знакомыми кавалерами, съ рѣдкимъ цвѣткомъ въ петлѣ жакета, въ то время, какъ цѣлая армія мамашъ, замѣчательно-здоровыхъ на видъ, съ головными уборами и лентами нѣсколько яркаго и преувеличеннаго свойства, тихо катается въ длинныхъ рядахъ колясокъ, съ напудренными кучерами и лакеями, выставляющими въ штиблетахъ разныхъ цвѣтовъ болѣе или менѣе жирныя икры.

Въ то время, какъ нѣкоторые писатели — число ихъ все уменьшается—продолжаютъ описывать эту жизнь и видѣть главный интересъ именно въ ней, другіе беллетристы—и число этихъ увеличивается—бросаются въ разныя стороны, въ усиліи найти что-нибудь болѣе новое и, по возможности, оригинальное. Видно, что въ читающей публикѣ предъявляются уже и иныя требованія, что есть не мало такихъ читателей, отъ которыхъ книгопродавцы не разъ слышали: опять то же самое, вѣдь это надоѣло; какое намъ дѣло до богачей... или нѣчто въ этомъ родѣ, а книгопродавцы, натурально, передали такія слова своимъ постояннымъ беллетристамъ. И вотъ, беллетристы пускаются въ поиски за новыми сферами для романовъ. Самый простой пріемъ,

къ которому они стали прибѣгать, это—перенесеніе мѣста дѣйствія изъ Англіи за границу, или въ англійскія колоніи. Другіе избираютъ новое поле, опускаясь въ низшіе слои народа, въ крестьянскій или рабочій міръ, третьи остаются въ прежней сферѣ, но не занимаются описаніемъ ея обыденной жизни, а задаются проведеніемъ какой-нибудь общественной идеи, напр., о расширеніи гражданскихъ правъ женщинъ, или о необходимости бо́льшаго контроля за домами умалишенныхъ; четвертые, наконецъ, хотятъ занять новыхъ своихъ читателей просто необыкновенностью описываемыхъ фактовъ, впадаютъ въ дѣланный, искусственный слогъ, въ разныя невѣроятности, однимъ словомъ, отбрасываютъ то условіе, которое было лучшимъ свойствомъ строго-описательной англійской школы—трезвость языка и соблюденіе правды въ характерахъ и положеніяхъ.

Такъ какъ главный фактъ въ той перемѣнѣ, которая совершается въ англійскомъ обществѣ, есть именно постепенная демократизація его, то—самой вѣрной по отношенію къ дѣствительности—точкой отправленія для поисковъ беллетриста за новыми сферами было, конечно, спуститься нѣсколько ниже прежняго уровня, уйти въ буржуазію менѣе достаточную, и въ массу народа, и, оставаясь описательнымъ, перенесть свои наблюденія туда. Такъ и сдѣлалъ наиболѣе талантливый изъ новѣйшихъ англійскихъ беллетристовъ—Джорджъ Элліотъ. Рамкой для романа его «Adam Bede» послужила именно рабочая среда; да и вообще Элліотъ даже и тогда, когда онъ бралъ себѣ тэмою бытъ духовенства—Scenes of clerical life—то-есть бралъ тэму, много разработанную Троллопомъ и другими наблюдателями достаточнаго, средняго общества, все-таки предпочтительно изображалъ въ связи съ этой тэмой бытъ мелкой буржуазіи. Въ романѣ «Felix Holt» Элліотъ даже попробовалъ нарисовать типъ «новаго человѣка», истиннаго радикала, пожалуй нѣчто въ родѣ англійскаго Базарова. Задача эта выполнена въ беллетристическомъ отношеніи успѣшно, благодаря искусству Элліота придавать рельефность чертамъ не особенно крупнымъ. Но въ отношеніи публицистическомъ, если допустить, что авторъ имѣлъ въ виду тенденцію, нельзя сказать, чтобы вопросъ о «новомъ человѣкѣ» былъ разрѣшенъ Элліотомъ удовлетворительно. Феликсъ Гольтъ въ радикализмѣ своихъ воззрѣній на жизнь и на отношенія между людьми далеко отстаетъ отъ тѣхъ «новыхъ людей», которыхъ пробуютъ создавать русскіе романисты. Существенныя черты его—прямота характера и нѣкоторый стоицизмъ, проявляющійся тѣмъ, что онъ сперва не рѣшается предложить дѣвушкѣ раздѣлить съ нимъ его бѣдную, трудовую жизнь, но кончаетъ, впро-

чемъ, тѣмъ, что соединяется съ нею бракомъ; въ довершеніе различія съ отечественными романами, въ которыхъ выводятся на сцену «новые люди», у Эллiота развязка—чтó называется—самая благонамѣренная, такъ что на послѣдней страницѣ появляется даже маленькій Феликсъ Гольтъ—дитя счастливаго во всѣхъ отношеніяхъ брака. Что касается политическихъ воззрѣній этого «истиннаго радикала», то они не могли не показаться слишкомъ узкими послѣдователямъ радикальныхъ теорій, существующихъ на континентѣ. Положительныхъ идеаловъ онъ не высказалъ, не заявилъ, какія новыя правà долженъ получить англійскій народъ, а между тѣмъ указалъ предѣлъ, за которымъ, по его мнѣнію, требованія новыхъ правъ были бы нераціональны; высказался прямо противъ всеобщаго избирательства и ежегоднаго переизбранія членовъ палаты общинъ, доказывая, что пока просвѣщеніе не дало массѣ средствъ дѣйствовать сознательно, всеобщее избирательство повело бы только къ усиленію вліянія на выборы особаго рода избирательныхъ агентовъ, которые берутся за избраніе, какъ за подрядъ и, благодаря своему искусству и тѣмъ средствамъ, которыя пускаются ими въ ходъ, могутъ успѣшно провесть всякаго кандидата, независимо отъ тѣхъ политическихъ идей, какія онъ представляетъ. Многіе изъ читавшихъ этотъ романъ Эллiота, на континентѣ и въ Америкѣ, вѣроятно сказали себѣ, что его герой-радикалъ «слишкомъ мелко плаваетъ». Сверхъ того, въ самомъ пріемѣ автора видно неискреннее отношеніе къ той задачѣ, за которую онъ взялся. Дѣло въ томъ, что онъ не вывелъ на сцену радикала современнаго, но нарочно перенесъ дѣйствіе въ давнее время, во время, еще близкое къ первой избирательной реформѣ, и такимъ образомъ увернулся отъ необходимости высказать опредѣлительно свои взгляды на современность. Онъ хотѣлъ очертить новый типъ, типъ человѣка протестующаго противъ преобладанія достаточныхъ классовъ, но поставилъ его не среди настоящихъ, а среди прошедшихъ, отчасти уже измѣнившихся условій. Въ этомъ нельзя не видѣть неискренности. Но романъ, по рисовкѣ характеровъ и въ особенности по изложенію разныхъ шарлатанскихъ пріемовъ, сопровождающихъ выборы, вышелъ все-таки весьма удаченъ, какъ почти все, чтó написано Эллiотомъ. Онъ не выказалъ никакихъ опредѣленныхъ стремленій, но обнаружилъ — въ романѣ, о которомъ сейчасъ упомянуто еще болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ — стремленіе выдти изъ сферы обыденной жизни богатыхъ классовъ, потребность современной англійской беллетристики открыть «новые горизонты».

Мы взяли для перваго примѣра — Элліота, талантъ первостепенный, писателя, котораго считаютъ преемникомъ Теккерэя и Диккенса, и должны были признать, что хотя поиски за новыми сферами начаты имъ были совершенно вѣрно, согласно съ преобладающею чертою перемѣны, происходящей въ англійскомъ обществѣ, а именно—съ демократизаціею его, но что этимъ пока и ограничивается заслуга Элліота. Писатель, который намѣренно выступилъ изъ заколдованной сферы богатаго, довольнаго условіями жизни и довольнаго собою общества, который хочетъ проложить новые пути, опускаясь ниже, въ слои общества обдѣленные и потому не вполнѣ довольные и даже совсѣмъ недовольные, въ массу, которая пріобрѣтаетъ теперь никогда не принадлежавшее ей вліяніе на ходъ дѣлъ и значеніе въ сознаніи политическихъ руководителей страны, — такой писатель имѣетъ предъ собой задачу болѣе обширную, чѣмъ одинъ, хотя бы изумительно-вѣрный анализъ частностей и одна рисовка невиданныхъ еще оригиналовъ. Онъ долженъ дать понять, куда направлены умственныя стремленія этой массы въ ея собирательномъ видѣ; онъ долженъ показать въ своихъ картинахъ безсиліе и безплодность и, наконецъ, равнодушіе, которыя одолѣли въ настоящее время вождей тѣхъ политическихъ партій, какія мы знали въ Англіи доселѣ, партій аристократіи и богатой буржуазіи, и рядомъ съ этимъ многозначительнымъ явленіемъ указать намъ въ новыхъ типахъ сколько-нибудь опредѣленныя стремленія силъ свѣжихъ, уже вторгающихся и въ политическую область, и въ область обычая и вкуса. Этой задачи Элліотъ доселѣ не выполнилъ.

Но обратимся теперь къ писателямъ менѣе сильнаго дарованія, менѣе стѣсненнымъ художническимъ вдохновеніемъ, менѣе богатымъ внутренней поэзіею, чѣмъ Элліотъ. Всѣ эти драгоцѣнныя качества дѣлаютъ писателя менѣе способнымъ служить флюгеромъ, подчиняющимся дующему въ данный моментъ вѣтру. Чѣмъ больше вѣсу имѣетъ умственная индивидуальность беллетриста, тѣмъ онъ. можетъ быть независимѣе отъ вкуса, отъ моды, отъ запроса. Но вотъ, возьмемъ миссъ Брэддонъ, которую можно признать самой модной писательницей послѣдняго десятилѣтія. Ея талантъ несомнѣненъ, но онъ не такого свойства, чтобы стѣснять ее въ удовлетвореніи запроса, какъ онъ есть. У нея довольно ума и наблюдательности, но преобладающія особенности ея таланта — говоря старымъ языкомъ — чисто «внѣшняго» свойства: умѣнье подстрекнуть любопытство читателя и затѣмъ поддерживать это любопытство живостью разсказа и такими перипетіями, что самый серьёзный человѣкъ, если

только онъ случайно приблизился къ концу романа позднимъ вечеромъ, способенъ зачитаться имъ до глубокой ночи; лишь бы узнать въ чемъ, наконецъ, тутъ дѣло. Замѣчательно при этомъ, что пріемъ, употребляемый этой писательницею, весьма однообразенъ. Первый, прочтенный всей Европой романъ ея, «Lady Audley's Secret», открылъ ей самой секретъ этого пріема. Съ тѣхъ поръ, почти во всѣхъ ея романахъ, которыхъ насчитывается около двадцати, почти всегда разыгрывается какой-нибудь «секретъ», какая-нибудь тайна. Но при всемъ однообразіи пріема, и хотя даже тайна иногда сквозитъ наружу съ первыхъ главъ, читатель увлекается бойкостью разсказа, а иногда и мастерской рисовкой характеровъ. Несмотря на безсодержательность ея романовъ, миссъ Брэддонъ все-таки весьма замѣтный талантъ. Она въ своемъ родѣ англійскій Дюма́. Будь и въ настоящее время въ Англіи запросъ исключительно на english everyday life, миссъ Брэддонъ благополучно продолжала бы рисовать занимательныя картинки изъ жизни сквайровъ, банкировъ и т. д., хотя и съ такими пикантностями, какъ, напримѣръ, побѣгъ богатой дѣвицы съ грумомъ, кража духовнаго завѣщанія, убійства и тому подобное. Всѣ эти ужасы благополучно совершались бы въ Англіи, и въ той же средѣ. Что миссъ Брэддонъ и теперь была бы не прочь оставаться именно въ этой средѣ — доказывается ея романомъ «Куй желѣзо, пока горячо» (Taken at the flood), который печатался, одновременно съ оригиналомъ, въ переводѣ «Вѣстника Европы». За то уже, если миссъ Брэддонъ вышла изъ обычной доселѣ колеи и пустилась въ поиски за «новыми сферами», то можно съ достовѣрностью заключать по одному этому признаку, что запросъ въ читающей публикѣ въ послѣднее время измѣнился. Писатели, подобные миссъ Брэддонъ, не представляютъ собою мысли общества; они способны только подчиниться его вкусамъ. Въ ней не могла выразиться логически перемѣна, происходящая въ обществѣ, какъ эта перемѣна выразилась въ Элліотѣ, который, уступая будто-бы внутреннему убѣжденію, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, только представляя собою историческую потребность, ушелъ внизъ, въ слои, впервые возникающіе къ политической жизни. Миссъ Брэддонъ могла только понять, что во вкусахъ происходитъ перемѣна, что измѣнился запросъ, и постаралась удовлетворить новому запросу чисто-внѣшнимъ образомъ.

Работая неутомимо, эта писательница за самые послѣдніе годы успѣла написать нѣсколько романовъ. Два изъ нихъ рѣзко отличаются нѣкоторыми особенностями отъ ея прежнихъ произведеній. Таковъ романъ «Robert Ainsleigh». Во-первыхъ, дѣй-

ствіе помѣщено въ прошлое столѣтіе; во-вторыхъ, половина его происходитъ въ Остъ-Индіи; въ-третьихъ—герой (разсказъ ведется въ первомъ лицѣ) серьёзнѣйшимъ образомъ описываетъ ходъ завоеванія Остъ-Индіи, положеніе дѣлъ остъ-индской компаніи, ея политику въ отношеніи мѣстныхъ раджей, изображаетъ намъ типы туземныхъ богатырей-защитниковъ независимости Индостана, войну въ Индіи съ французами и т. п. Однимъ словомъ, на одну половину—Скоттъ, на другую половину—Куперъ и еще, такъ-сказать, на третью половину—все-таки миссъ Брэддонъ, но въ какомъ обезображенномъ видѣ! Неизбѣжный «секретъ» есть; тотъ элементъ, который англичане зовутъ sensational, доведенъ даже до крайности, такъ какъ героя насильно захватываютъ въ рекруты и онъ, въ бою съ французами—въ Индіи—узнаетъ своего отца, сподвижника послѣдняго изъ Стюартовъ! Но самая обстановка до такой степени необычайна, что обычные сюрпризы, являясь вдобавокъ къ ней, становятся уже положительно trop fort. Самый языкъ—дѣланный; авторъ усиливается подражать языку мемуаровъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ исчезли всѣ хорошія качества писательницы. Миссъ Брэддонъ хотя и напоминаетъ Дюма̀ по бойкости дѣйствія и занимательности, и не особенно трезва въ вымыслѣ, но доселѣ была гораздо трезвѣе, правдивѣе Дюма̀ въ рисовкѣ характеровъ. Но, спрашивается, какая же правдивость можетъ быть соблюдена, когда приходится рисовать типы махараджей прошлаго столѣтія? Даже занимательность исчезла: весь индійскій эпизодъ, вся эта политика, войны и «мѣстный колоритъ», на которые потрачена значительная часть романа, дѣлаютъ его въ высшей степени скучнымъ, именно потому, что они приплетены только для искусственнаго возбужденія интереса. Еще поразительнѣе средство, употребленное тѣмъ же авторомъ, съ той же цѣлью, въ романѣ «Lucius Davoren». Романъ этотъ начинается прологомъ, котораго дѣйствіе происходитъ въ снѣжныхъ пустыняхъ той части британской Америки, которая лежитъ къ западу отъ Каменистыхъ горъ, то-есть въ сосѣдствѣ съ нѣкогда русскою Америкою. Изъ пяти человѣкъ, которые выводятся въ этой своего рода увертюрѣ будущности, одинъ съѣдаетъ другого, а третій убиваетъ перваго за это. Такой поступокъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что какъ убившій, такъ и убитый прежде утѣшали своихъ товарищей бѣдствія, играя на скрипкѣ Амати концерты Беріо и сонаты Гайдна, сидя въ срубѣ, окруженномъ снѣгами и почти умирая съ голоду! Вотъ до какихъ крайностей можетъ доводить беллетриста желаніе во что бы то

ни стало возбудить интересъ посредствомъ картинъ еще невиданныхъ.

Миссъ Брэддонъ, впрочемъ, не всегда и въ послѣднихъ своихъ романахъ прибѣгаетъ къ столь крайнимъ средствамъ. Такъ, въ романѣ «A Strange World» новость благоразумно ограничена тѣмъ, что бо́льшая часть разсказа посвящена міру актеровъ и описанію фермы, на которой происходятъ необыкновенныя приключенія, хотя впрочемъ есть и за̀мокъ, принадлежащій владѣльцу, убившему своего родственника. Въ числѣ послѣднихъ романовъ этой писательницы, кромѣ уже названнаго выше «Taken at the flood», есть еще одинъ, въ которомъ нѣтъ даже ничего новаго, и потому-то эти два романа и есть лучшіе изъ послѣднихъ произведеній этого автора, особенно «Strangers and Pilgrims», въ которомъ миссъ Брэддонъ, отбросивъ заботу объ искусственномъ возбужденіи интереса разными новостями, могла заняться рисовкою характеровъ съ прежней рельефностью и достаточной трезвостью.

Уилльямъ Блэкъ — другой занимательный романистъ. Изъ прежнихъ его произведеній, романъ «In silk attire», не представляя ничего особеннаго, читался съ интересомъ. Но особенную извѣстность получило новое произведеніе, явившееся два года тому назадъ — «A princess of Thule». Мысль его заключается въ томъ, что дѣвушка, воспитанная на свободѣ, въ глуши, на маленькомъ островѣ Гебридской группы, не можетъ привыкнуть къ условіямъ свѣтской жизни въ Лондонѣ—мысль неглубокая. Для изложенія ея, очевидно, не сто́ило писать романа, и если онъ былъ написанъ, то разумѣется для того, чтобы удовлетворить потребности англійской публики въ картинахъ, по возможности совершенно новыхъ, невиданныхъ. Сущность тутъ въ оригинальной обстановкѣ: отецъ героини, нѣчто въ родѣ фермера, называется королемъ своего островка и дочь его — принцесса; жители этого королевства и самъ король говорятъ то на кельтскомъ нарѣчіи, то шотландскимъ говоромъ, съ произношеніемъ довольно близкимъ къ тому, какое приписываютъ англійскіе романисты нѣмцамъ и евреямъ, когда они изображаютъ нѣмецкое произношеніе англійскаго языка. Фактъ, что романъ этотъ имѣлъ успѣхъ, служитъ только признакомъ измѣненія во вкусахъ англійскихъ читателей: ихъ уже не удовлетворяетъ вѣчное зеркало ихъ обыденной жизни, въ которое они прежде такъ любовались сами собою. Рядомъ съ названнымъ романомъ Блэка мы можемъ поставить «Off the Skelligs», Жана Ингелоу, романъ, также имѣвшій нѣкоторый успѣхъ именно по оригинальности обстановки дѣй-

ствія и написанный именно въ надеждѣ понравиться читателямъ новостью обстановки. Ингелоу не послалъ своихъ героевъ въ Остъ-Индію или Канаду, не помѣстилъ ихъ королями на неизвѣстномъ островѣ, но за то заставилъ ихъ въ продолженіи цѣлаго перваго тома плавать на бригѣ, принадлежащемъ одному изъ нихъ, спасать экипажъ другого судна отъ пожара и разсуждать о богословскихъ предметахъ.

III.

Обратимся къ Уильки Коллинсу. Вотъ еще хорошій примѣръ для указанія той же перемѣны. Коллинсъ прежде заботился исключительно о занимательности дѣйствія. Сотрудничество его съ Диккенсомъ въ журналѣ «All the Year Round» не сообщили ему малѣйшей искры Диккенсовой задушевности и богатства фантазіи; онъ оставался среднимъ, хотя и весьма извѣстнымъ беллетристомъ, и шелъ по общей колеѣ, не мудрствуя лукаво. Вдругъ Уильки Коллинсъ началъ дѣлаться тенденціознымъ. Мы нисколько не намѣрены разсматривать здѣсь преимущества разныхъ направленій въ беллетристикѣ. Мы только констатируемъ фактъ, что Коллинсъ до романа «Man and Wife» тенденціознымъ не былъ, а начиная съ этого романа сдѣлался тенденціознымъ, потому что и на немъ сказалась потребность открывать «новые пути» для англійской беллетристики. Тенденціозность у него явилась новою приправой, для возбужденія вкуса. Само собою разумѣется, что мы не могли бы сказать этого о всякомъ романистѣ, который вводитъ въ свои созданія общественную идею. Невозможно бы, напримѣръ, сказать это о Жоржъ-Сандѣ. У него все пропитано идеею, онъ весь воодушевленъ ею, и съ самыхъ первыхъ произведеній Ж. Санда было совершенно несомнѣнно, что онъ писалъ именно для идеи, которая его одушевляла, которой онъ былъ всецѣло преданъ. Но о Коллинсѣ мы можемъ сказать то, что́ сказали: что у него тенденціозность —только приправа, что онъ взялся за проведеніе общественныхъ идей точно такъ, какъ миссъ Брэддонъ взялась за остъ-индскую или канадскую обстановку, а именно изъ побужденія придать своимъ произведеніямъ интересъ новизны. У Коллинса въ двухъ новѣйшихъ романахъ («Man and Wife» и «The Law and the Lady») «пришпилена» къ дѣйствію идея о необходимости измѣненій въ пользу женщины—англійскихъ гражданскихъ законовъ. Но идея эта именно только «пришпилена» къ дѣйствію, а истин-

ное значеніе этихъ романовъ то же самое, какъ и прежнихъ романовъ Коллинса; они, какъ и романы Брэддонъ, прежде всего —sensational, то-есть написаны просто съ цѣлью занять читателя необыкновенными приключеніями, короче, они—сказки. Изъ двухъ сейчасъ названныхъ романовъ Коллинса достаточно будетъ остановиться на первомъ—на «Man and Wife».

Стремленіе къ отмѣнѣ законодательныхъ ограниченій, тяготѣющихъ на цѣлой половинѣ человѣческаго рода, достойно всякаго уваженія и сочувствія. Но для того, чтобы служить такому дѣлу, нельзя вводить его защиту въ какой-нибудь разсказъ такъ себѣ, между прочимъ, и тутъ же, рядомъ, высказывать убѣжденія, діаметрально противоположныя основной идеѣ. Между тѣмъ, такъ именно поступилъ въ этомъ романѣ Коллинсъ. Въ своемъ предисловіи онъ высказывалъ, что цѣль его—указать на необходимость пересмотра законовъ о брачномъ союзѣ, дѣйствующихъ въ Англіи, и между прочимъ — спеціально, съ цѣлью дать замужнимъ женщинамъ права по распоряженію принадлежащимъ имъ имуществомъ. Безвыходность прежняго положенія для женщины, при особенно тяжкихъ условіяхъ, высказывается у него убійствомъ мужа женою. Этотъ романъ былъ написанъ въ то время, когда вопросъ о нѣкоторомъ обезпеченіи имущественныхъ правъ замужнихъ женщинъ былъ уже возбужденъ въ парламентѣ; съ тѣхъ поръ состоялся уже въ этомъ отношеніи новый законъ. Цѣль во всякомъ случаѣ большая и, казалось бы, всѣхъ силъ таланта Коллинса едва ли могло бы хватить—не въ одномъ только, но и во всѣхъ послѣдующихъ романахъ, — чтобы выяснить одну такую мысль. Между тѣмъ у Коллинса эта мысль играетъ въ романѣ роль второстепенную; исторія женщины, находящейся въ безвыходномъ положеніи, у него только эпизодъ. Мысль эта показалась ему, повидимому, совершенно недостаточною, чтобы въ самомъ дѣлѣ посвятить романъ ей. Онъ ввелъ въ него еще другую, тоже «общественную идею», идею о вредномъ вліяніи гимнастики, спорта и вообще развитія физическаго воспитанія на англійское общество. Намъ могутъ сказать, что романъ можетъ быть построенъ и на двухъ «общественныхъ идеяхъ», какъ фуга или любой музыкальный нумеръ строится на развитіи двухъ мелодій; что авторъ долженъ быть совершенно воленъ въ этомъ. Положимъ, такъ; положимъ, что авторъ былъ воленъ признать недостаточною для философіи своего романа одну такую идею, какъ расширеніе правъ женщины, хотя прежде Коллинсъ обходился и безъ одной «общественной идеи», безъ всякой философіи, будучи откровенно тѣмъ, чѣмъ создала его природа

—сказочникомъ. Но возможно ли вѣрить, что Коллинсъ захотѣлъ въ самомъ дѣлѣ служить идеѣ, когда онъ тутъ же прямо ей противорѣчитъ. Въ предисловіи онъ говоритъ: «настоящій разсказъ въ одномъ отношеніи отличается отъ прежнихъ разсказовъ того же автора: на этотъ разъ вымыселъ основанъ на фактахъ и имѣетъ цѣлью оказать посильное содѣйствіе къ ускоренію отмѣны нѣкоторыхъ злоупотребленій, слишкомъ долго остававшихся безъ противодѣйствія; что касается настоящаго возмутительнаго (scandalous) положенія брачныхъ законовъ въ соединенномъ королевствѣ, не можетъ быть спора»... Иными словами, Коллинсъ предувѣдомлялъ читателей, что на этотъ разъ онъ имѣлъ цѣлью не сочинять только сказку, подобную прежнимъ его сказкамъ, но указать на общественное злоупотребленіе и требовать бо́льшаго обезпеченія правъ для женщины. Между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ романа находится слѣдующій взглядъ на женщину, принадлежащій не кому-либо изъ дѣйствующихъ лицъ, но самому автору, и прелестный въ устахъ защитника расширенія правъ женщины: «какъ бы настойчиво новѣйшіе теоретики ни отрицали это, тѣмъ не менѣе несомнѣнна истина, что естественное положеніе (condition) для женщины есть—найти себѣ въ мужчинѣ господина (a master). Взгляните въ лицо такой женщины, которая не находится въ прямой зависимости отъ какого-либо мужчины, и столь же несомнѣнно, какъ солнце въ безоблачномъ небѣ—вы увидите женщину, которая лишена счастія (is not happy). Не имѣть господина—вотъ для нихъ главный, хотя и неизвѣстный недостатокъ; имѣть господина, вотъ—несознательно для нихъ самихъ—*единственное возможное* пополненіе ихъ жизни». Спрашивается, при подобномъ убѣжденіи, какой же могло имѣть смыслъ требовать для женщинъ расширенія правъ и спеціально правъ, ограждающихъ ихъ отъ воли ихъ господъ, и направленныхъ къ тому, чтобы мужъ господиномъ не былъ?

Этотъ взглядъ, наивно высказанный новымъ приверженцемъ правъ женщинъ, заставляетъ насъ сомнѣваться, чтобы онъ искренно придавалъ серьёзное значеніе той идеѣ, за проведеніе которой взялся, а второстепенное мѣсто, отведенное этой «идеѣ» въ романѣ, заставляетъ насъ сказать, что Коллинсъ употребилъ ее просто какъ приправу къ сказкѣ, для бо́льшаго возбужденія интереса, безъ всякаго серьёзнаго намѣренія. Онъ повелъ читателей къ «идеѣ», какъ миссъ Брэддонъ повела ихъ въ Остъ-Индію, для новинки, для отысканія новыхъ сюжетовъ; онъ заставилъ между прочимъ женщину задушить своего мужа вовсе не для того, чтобы доказать безвыходность ея положенія, но просто по-

тому, что ему хотѣлось изобразить любопытный способъ удушенія: пьяный мужъ спитъ въ комнатѣ, запертой извнутри на ключъ, головой къ перегородкѣ; въ этой перегородкѣ жена продѣлала раньше отверстіе, заклеенное обоями; когда онъ заснулъ, она просунула мокрое полотенцо и покрыла имъ плотно его лицо; будучи мертвецки пьянъ, онъ тотчасъ задохнулся. Мы убѣждены, что Коллинсу въ душѣ больше всего хотѣлось именно разсказать этотъ «новый пріемъ», а «новая идея» и «безвыходность» тутъ были приплетены просто для лучшаго уснащенія разсказа.

А въ самомъ дѣлѣ, шуму надѣлали все-таки приплетенныя къ нему идеи — признакъ, что англійское общество сильно тронулось въ своемъ прежнемъ спокойномъ самодовольствѣ. Другая «идея» — о вредномъ вліяніи гимнастики и спорта на нравы, нисколько не вяжется съ первою, а между тѣмъ также произвела впечатлѣніе, пожалуй еще болѣе первой, такъ что даже нельзя сказать достовѣрно, какъ преимущественно представляется «Man and Wife» Коллинса въ воспоминаніи англійскихъ читателей: въ связи съ женскимъ вопросомъ или въ связи съ гимнастикой. Что касается этого «вопроса», то-есть о вліяніи гимнастики и полевыхъ спортовъ на англійское воспитаніе, то самъ по себѣ едва ли онъ можетъ имѣть то значеніе, которое ему приписано Коллинсомъ, хотя вопросъ этотъ подалъ ему поводъ къ обрисовкѣ новаго типа — образованнаго атлета, который вышелъ удачнымъ и представляетъ единственный рельефный очеркъ въ этомъ романѣ. Несомнѣнно, что въ англійскомъ характерѣ есть элементъ грубости, но весьма сомнительно, чтобы грубость эта зависѣла отъ развитія атлетическихъ упражненій въ послѣднемъ поколѣніи, какъ утверждаетъ Коллинсъ. Это послѣднее обстоятельство можетъ содѣйствовать грубости только въ томъ смыслѣ, что тѣлесныя упражненія и вообще спортъ отнимаютъ у молодыхъ англичанъ время, которое могло бы быть посвящено литературѣ и изящнымъ искусствамъ. Молодой нѣмецъ и французъ изъ достаточныхъ классовъ, вообще говоря, болѣе интересуются театромъ, беллетристикою и музыкою, чѣмъ молодой англичанинъ, для котораго идеалъ развлеченія есть лошадь, лодка, удочка, ружье, такъ что самое слово «забава» — sport — получило въ Англіи спеціальное значеніе. Но корни относительной грубости въ характерѣ лежатъ гораздо глубже. Суровость климата, свойство пищи и напитковъ, отсутствіе поэтическаго элемента въ богослуженіи и доведенная до крайности конкурренція въ борьбѣ за пропитаніе или за положеніе въ странѣ, гдѣ всѣ карьеры переполнены — вотъ причины

общія, дѣйствующія какъ на низшіе, такъ и на высшіе классы и обусловливающія нѣкоторую нравственную суровость. Затѣмъ, національный характеръ, мало общительный, удаленіе дѣтей въ «дѣтскую» въ значительной степени лишаютъ отца вліянія на нравственную формацію дѣтей, что для мальчиковъ имѣетъ огромное значеніе, пріучая ихъ съ весьма раннихъ лѣтъ видѣть въ отцѣ только начальство; говоря про отца, молодые англичане даже и называютъ его шутливо «the governor», какъ нѣмцы— «der Alte»; наконецъ—преобладаніе въ низшихъ и среднихъ школахъ тѣлесныхъ наказаній и службы младшихъ учениковъ старшимъ, съ широкимъ просторомъ для расправы между учениками—вотъ условія, которыя спеціально въ достаточныхъ классахъ содѣйствуютъ нѣкоторой грубости характера. Условія эти создаютъ крѣпкую волю и развиваютъ въ молодомъ человѣкѣ самостоятельность; но всякая добродѣтель, какъ говорится, имѣетъ и соотвѣтствующій ей недостатокъ, имѣетъ свой drawback. Въ одномъ полѣ растутъ такія сорныя травы, а другому соотвѣтствуютъ иные плевелы, и естественно, что силѣ воли и независимости характера соотвѣтствуетъ особый недостатокъ, который именно и есть рѣзкость, грубость.

Впрочемъ, для насъ важнѣе обратить вниманіе на самый тотъ фактъ, что такой писатель, какъ Коллинсъ, писатель, который не способенъ бы былъ пойти противъ общаго теченія, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ оставалось общимъ, еслибы оно не начинало разбиваться на различные заводья и токи, — рѣшился отнестись критически къ жизни образованныхъ, достаточныхъ классовъ въ Англіи и указывать этому обществу, доселѣ столь довольному собой, на присутствіе въ немъ даже элементовъ дикости. Дикій, нравственно-запущенный человѣкъ считался въ Англіи исключительной принадлежностью такъ-называемыхъ «подонковъ городской черни»; онъ получилъ особую кличку современнаго дикаго—the Rough. Но Коллинсъ рѣшился указывать обществу, что въ немъ самомъ есть дикіе, roughs, одѣтые самымъ приличнымъ образомъ. «The Rough», съ чистой кожею и въ хорошемъ сюртукѣ на плечахъ, легко можетъ быть находимъ на различныхъ ступеняхъ англійскаго общества, въ среднихъ и высшихъ классахъ», говоритъ Коллинсъ, и затѣмъ ссылается на примѣры разныхъ «скандаловъ», произведенныхъ англійскими офицерами, студентами, даже купцами, посѣтителями лондонской биржи, незадолго до появленія его романа, и отмѣченныхъ газетами. Къ роману приложены соотвѣтствующія ссылки на газеты. Но этотъ запасъ фактовъ крайне недостаточенъ и неубѣдителенъ; скандалы, подобные тѣмъ, на какіе сослался Кол-

линсъ, во-первыхъ, бывали въ Англіи всегда (въ самой выпискѣ изъ «Times» о скандалѣ въ оксфордскомъ университетѣ прямо упоминалось о *традиціи* скандаловъ въ годовой университетскій праздникъ); во-вторыхъ, бываютъ вездѣ, и видѣть въ нихъ послѣдствіе вреднаго вліянія гимнастики и спорта на англійскіе нравы можетъ только такой близорукій мыслитель, каковъ Коллинсъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вообще взялся быть мыслителемъ. Но для цѣли настоящаго очерка немаловаженъ тотъ фактъ, что Коллинсъ рѣшился относиться отрицательно къ прежнему идеалу англійской жизни и указывать достаточнымъ классамъ на присущій имъ самимъ элементъ «дикости». Это уже—явный признакъ поворота въ литературѣ, а стало быть и въ воззрѣніяхъ самого общества.

Надо указать еще на одинъ новѣйшій романъ того же писателя, вышедшій въ 1873 году—«The New Magdalen». Въ немъ Коллинсъ, отыскивая «новыя сферы», касается именно такой, въ которую англійская беллетристика доселѣ не опускалась, и берется за проведеніе такой общественной идеи, которой проведеніе въ англійской беллетристикѣ еще весьма недавно было бы просто невозможно, до такой степени она показалась бы shocking. «Новая Магдалина», которая называетъ себя Мёрси Меррикъ,—одна изъ жертвъ уличнаго разврата въ Лондонѣ,—попадаетъ въ особый пріютъ, назначенный для спасенія такихъ женщинъ, и потомъ не можетъ удержаться ни на одномъ мѣстѣ; вездѣ обнаруживается, что она — изъ пріюта; прочіе слуги не хотятъ служить съ нею, хозяева ей отказываютъ, несмотря на то, что она безукоризненно ведетъ себя и что самое паденіе ея совершилось безъ ея вины. Она поступаетъ сестрою милосердія въ французскую армію во время войны 1870 года, и ей представляется случай присвоить себѣ бумаги одной англичанки изъ хорошаго семейства, которую она считаетъ убитою, во время бомбардировки французскихъ бараковъ нѣмцами. Прежніе опыты показали ей, что для нея нѣтъ спасенія отъ прошлаго, что она осуждена вѣчно влачить его за собой, какъ ядро, къ которому приковываются каторжники во Франціи. Искушеніе освободиться отъ этого страшнаго ярма, безъ вреда для кого-либо, такъ какъ она убѣждается, что у убитой соотечественницы даже нѣтъ родственниковъ, слишкомъ сильно. Она присвоиваетъ себѣ бумаги убитой, возвращается въ Англію, поступаетъ компаньонкою въ богатый домъ, пріобрѣтаетъ привязанность хозяйки, которая начинаетъ смотрѣть на нее какъ на свою дочь, и любовь достойнаго молодого человѣка. Но затѣмъ въ домъ является мнимо-убитая англичанка и происходятъ

раздирательныя сцены, весьма драматично написанныя. Авторъ въ концѣ рѣшается предоставить Мёрси Меррикъ, бывшей проституткѣ, побѣду надъ ея соперницей, добродѣтельной дѣвушкой, которая оказывается слишкомъ исполненною узкихъ предразсудковъ и британскаго чванства чистотою крови. Мёрси, искупленная страданіями и любовью, выходитъ замужъ за любимаго человѣка. Но такъ какъ общество не соглашается принять ее въ свою среду, то мужъ уѣзжаетъ съ нею въ одну изъ англійскихъ колоній, причемъ оказывается, что авторъ сочувствуетъ Мёрси и относится несочувственно къ безпощадной исключительности англійскаго общества.

Если такой романъ могъ появиться въ современной англійской беллетристикѣ и имѣть успѣхъ, то уже нѣтъ возможности сомнѣваться въ важномъ измѣненіи, происходящемъ на нашихъ глазахъ въ воззрѣніяхъ и вкусахъ англійскаго общества. Разумѣется, Коллинсъ избралъ даже и этотъ сюжетъ и эту соціальную идею болѣе какъ романистъ, ищущій новыхъ путей и новыхъ сферъ, однимъ словомъ, новинки для удовлетворенія измѣняющагося вкуса читателей, нежели какъ мыслитель, преданный идеямъ соціальнаго перерожденія. Идея этого романа нова только въ англійской беллетристикѣ. Коллинсъ вывелъ ее съ той же главной цѣлью, съ какой помѣстилъ въ началѣ дѣйствія сцену изъ франко-германской войны, желая дать что-нибудь пикантное новостью и современностью. Но что̀ сказать о массѣ англійскихъ читателей такого романа? Не они ли въ еще недавніе годы едвали не огуломъ осуждали всю современную французскую беллетристику какъ «неприличную», improper, ссылаясь притомъ именно на мысль объ «искупленіи падшей женщины любовью», мысль которая проводилась столь часто французскими авторами, начиная отъ В. Гюго́ и А. Дюма́-сына до беллетристовъ-сотрудниковъ «Figaro», что сдѣлалась до нѣкоторой степени «общимъ мѣстомъ» французской беллетристики. Но что̀ же такое «New Magdalen», какъ не эта именно, наиболѣе опасная и безнравственная, по мнѣнію прежнихъ англичанъ, мысль—искупленіе падшей женщины, мысль «Marion Delorme» и «Dame aux Camélias»? Замѣтимъ, что В. Гюго̀ и Дюма̀-сынъ уморили своихъ героинь, не рѣшась осуществить для нихъ счастливой доли, а Коллинсъ преспокойно выдалъ свою героиню замужъ за отличнаго человѣка, какъ настоящій практическій британецъ: ужъ если есть искупленіе, то почему же и не поощрить его наградой? Вотъ признакъ, что «континентальныя идеи» уже не встрѣчаютъ въ Англіи прочнаго отпора въ цѣльности установившихся воззрѣній

общества; что цѣльность эта исчезаетъ, причемъ однимъ изъ главныхъ факторовъ такого измѣненія является именно сближеніе англичанъ съ континентальными обществами и постепенное усвоеніе ими континентальныхъ воззрѣній.

Мы не хотимъ сказать, что всѣ слои англійскаго общества въ настоящее время уже такъ измѣнились, что готовы были бы отнестись сочувственно къ Мёрси Меррикъ, хотя бы въ романѣ, а тѣмъ болѣе и въ жизни. Но мы говоримъ, что самый составъ англійскаго общества значительно измѣнился въ теченіе какого-нибудь десятилѣтія, что въ него вошли новые элементы, нарушившіе прежнюю цѣльность воззрѣній. Само собою разумѣется, что поколѣнія не перевоспитываются и что въ настоящее время еще весьма сильны въ нѣкоторыхъ кругахъ прежнія воззрѣнія, хотя уже и не господствуютъ безусловно, внѣ всякаго спора и отрицанія. Иначе и быть не можетъ, да и беллетристика показываетъ это. Даже тѣ авторы, которые ищутъ новыхъ путей, порою и теперь возвращаются на путь старый; мы показали это примѣромъ миссъ Брэддонъ. Но есть писатели, которые измѣненію не подверглись, не погнались за новостью, остались въ новыхъ своихъ произведеніяхъ тѣмъ, чѣмъ были прежде. Таковы, чтобы не говорить безъ примѣровъ, миссисъ Крэкъ (миссъ Мёлокъ, болѣе извѣстная подъ именемъ «автора романа «Джонъ Галифаксъ, джентльмэнъ»), и Чарльсъ Ридъ. Миссисъ Крэкъ остается въ прежней сферѣ обыденной жизни достаточнаго англійскаго общества и среди цѣльности прежнихъ воззрѣній («The Woman's Kingdom», «A Brave Lady», «My Mother and J»). Чарльсъ Ридъ остается прежнимъ любителемъ эксцентрическихъ сценъ и адвокатомъ такихъ спеціальныхъ идей, какъ усиленіе контроля за домами умалишенныхъ и обнаруженіе шарлатанства въ медицинѣ («Hard Cash», «Put Yourself in his place», «Terrible Temptation», «A Simpleton»). Изъ старыхъ и новыхъ писателей, остающихся вѣрными прежней средѣ и прежней комфортабельной ясности и цѣлости воззрѣній, можно еще указать на миссисъ Вудъ («The Master of Greylands»—занимательный романъ совершенно въ старомъ вкусѣ, съ прибавленіемъ превращенія почтеннаго сквайра въ контрабандиста), на талантливыхъ Уайта-Мельвилля («Uncle John») и Джемса Пэна («Walter's Word», гдѣ, впрочемъ, есть уступка новости — введеніе сициліанскихъ бандитовъ въ исторію англійскаго семейства). Для примѣра мы указываемъ только новѣйшія произведенія каждаго автора. Повторимъ: и «прежній товаръ» еще спрашивается, — это естественно. Но важно не то: важно, что есть сильный запросъ на товаръ по

возможности новый, на новыя сцены, новые сюжеты и даже новыя воззрѣнія.

Приведемъ еще въ свидѣтели двухъ старыхъ писателей—Бульвера и Дизраэли, въ ихъ послѣднихъ романахъ. Романъ Бульвера «Kenelm Chillingley» вышелъ года два тому назадъ. Онъ самъ по себѣ не представлялъ ничего новаго. Сила творчества, богатство поэзіи, чисто-эстетическая свобода въ очертаніи сценъ и типовъ,—всѣ эти свойства Бульвера проявились и въ этомъ романѣ съ достаточнымъ блескомъ. Но въ романѣ этомъ все-таки есть одна особенность. Писатель, бывшій моднымъ въ то время, когда Тэккерей былъ писателемъ начинающимъ, Бульверъ чувствовалъ себя отживающимъ и одинокимъ среди современнаго измѣненія понятій и нравовъ, и въ этомъ послѣднемъ произведеніи онъ, какъ-бы наканунѣ смерти, излилъ свое сѣтованіе, свою жалобу на это измѣненіе. Недовольство Бульвера новыми условіями жизни и новыми воззрѣніями неоднократно выражается имъ въ послѣднемъ романѣ и чувствуется въ каждой строкѣ, даже тамъ, гдѣ онъ и не упоминаетъ о немъ. Все новое, чѣмъ былъ недоволенъ Бульверъ, что̀ казалось ему чуждымъ, можетъ быть характеризовано однимъ словомъ: демократизація. Постепенная демократизація, въ которой распускаются черты прежняго англійскаго общества — вотъ что̀ болѣзненно поражало умиравшаго романиста давней эпохи, и хотя онъ готовъ былъ признать нѣкоторыя улучшенія, введенныя перемѣной, ему больно было видѣть, что родной ему типъ англійскаго джентльмэна исчезаетъ. Другой писатель, начавшій свою карьеру въ ту же давнюю эпоху, Дизраэли былъ чистымъ эстетикомъ, фантазистомъ, какъ и Бульверъ, но въ послѣднемъ своемъ произведеніи «Lothair» уже прямо подвергся духу времени: написалъ его на данный живой фактъ, изобразилъ въ немъ одно изъ теченій современной англійской жизни—усиленіе католичества, теченіе, которое и само по себѣ отчасти зависитъ отъ ослабленія прежней цѣльности и всеобщности воззрѣній образованнаго общества въ Англіи.

Въ общемъ итогѣ нельзя сказать, что раздробленіе прежняго англійскаго міросозерцанія, насколько оно отразилось доселѣ на беллетристикѣ, принесло ей пользу. Въ отношеніи литературнаго достоинства, прежніе романы вообще были лучше нынѣшнихъ, и изъ новыхъ вообще лучше тѣ, которые написаны по старому, и это естественно. За старою школой стоитъ сила—ясный и твердый циклъ нравственныхъ и общественныхъ понятій, установившійся въ теченіе жизни двухъ поколѣній. Единичнымъ же новаторамъ—потому что новой школы еще нѣтъ, да и быть не можетъ,

пока не получились опредѣленные кристаллы отъ процесса, совершающагося въ обществѣ — приходится избирать задачу и рѣшать ее собственными силами, обновлять и картину, и манеру ея отдѣлки. Только весьма крупному таланту посильно такое дѣло: проложеніе новыхъ путей. И вотъ новое стремленіе произвело пока одинъ крупный талантъ: дало англійской беллетристикѣ одно цѣнное пріобрѣтеніе, именно талантъ Джорджа Элліота. За то сколько безтолковости, фальши и безвкусія произвело ослабленіе прежнихъ основъ и исканіе новыхъ интересовъ и новыхъ пріемовъ! Мы уже указывали на примѣрѣ самаго популярнаго изъ современныхъ англійскихъ романистовъ — миссъ Брэддонъ, какъ вредно отозвалось на среднихъ талантахъ безусловное стремленіе къ новшеству. Но укажемъ еще на примѣръ одного писателя, едва ли не самаго моднаго въ настоящее время. Мы говоримъ о романистѣ, пишущемъ подъ псевдонимомъ Ouida. Вотъ замѣчательный примѣръ писателя, который не хочетъ пользоваться тѣмъ, что̀ ему дала природа, и стремится къ тому, чего ему природа не дала. Онъ обладаетъ большой способностью передавать колоритно и вѣрно то, что̀ ему случилось наблюдать; а наблюдалъ онъ жизнь богатыхъ классовъ въ Англіи весьма много, изучилъ ее во всѣхъ отрасляхъ. Напримѣръ, портреты англійскихъ конногвардейцевъ, изображеніе борьбы человѣка недостаточнаго съ затрудненіями, какія ему представляетъ обстановка, требующая ежегоднаго расхода въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей— прелестны по анализу, по очевидной правдѣ; разговоры о лошадяхъ и вся обстановка скачекъ въ романѣ «Under two Flags» обличаютъ основательное изученіе обширнаго предмета для того, чтобы написать двѣ-три главы. Самый языкъ фешенебльныхъ юношей между собой, эти фамильярныя сокращенія рѣчи, эта смѣсь slang'а съ философіею своего рода,—необыкновенно живы, взяты прямо съ натуры. При такихъ свойствахъ, еслибы этотъ авторъ захотѣлъ изображать, по старому, жизнь богатыхъ классовъ, безъ претензій на проложеніе новыхъ путей, безъ стремленія къ созданію цѣлыхъ поэмъ, богатыхъ фантазіею, онъ былъ бы однимъ изъ виднѣйшихъ среднихъ писателей прежней школы.

Но видно силенъ запросъ на новость, когда писатель рѣшается для удовлетворенія его работать прямо наперекоръ своему таланту. Фантазія его бѣдна, силы творчества онъ не имѣетъ; вся сила его въ описаніи того, что̀ онъ наблюдалъ. Между тѣмъ онъ бросается именно въ фантазіи самаго необузданнаго свойства, переноситъ дѣйствіе въ чужія страны, въ исключительныя условія, полагаетъ богатство воображенія въ насильствен-

номъ созданіи самыхъ необыкновенныхъ картинъ, а силу мышленія въ самомъ тривіальномъ «причитываніи» надъ страданіями своихъ героевъ; литературный блескъ въ противнѣйшемъ дѣланномъ, высокопарномъ языкѣ, какъ будто нарочно передразнивая первую манеру Бульвера, которому могло прощаться многое, потому что онъ былъ поэтъ въ душѣ, поэтъ, котораго воображеніе и въ сотой долѣ превосходило все, что́ только можетъ, надрываясь, сочинить Ouida. Скучнѣе, искусственнѣе по вымыслу и противнѣе по языку, чѣмъ романъ «Chandos» трудно себѣ представить. Но вотъ что́ всего замѣчательнѣе: романы Ouida имѣютъ успѣхъ. Судя по этому, вкусъ англійской публики положительно пришелъ въ какое-то хаотическое состояніе. Впрочемъ, сто́итъ взглянуть на то, ка́къ относится англійская критика къ произведеніямъ Ouida. Критика сохранила еще настолько остатка прежней трезвости, что въ романахъ Ouida ее поражаетъ невѣроятность нѣкоторыхъ событій; она подсмѣивается надъ такими казусами, что изнѣженные, нѣсколько байроновскіе герои этого романиста, даже истомленные кутежомъ или болѣзнью, опрокидываютъ и подбрасываютъ на воздухъ самыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ злодѣевъ. Но критику не возмущаетъ, повидимому, вся фальшивость направленія этого писателя, то прискорбное пренебреженіе, какое онъ обнаруживаетъ къ своему таланту, и то злоупотребленіе, какое онъ совершаетъ надъ сферами искусства, несродными, недостижимыми для его таланта.

Англійская публика, повидимому, спрашиваетъ болѣе всего именно *новости*, какая бы она ни была. Ка́къ объяснить иначе тотъ фактъ, что въ одно время съ невѣроятностями миссъ Брэддонъ имѣютъ успѣхъ серьёзные этюды Элліота; что рядомъ съ нелѣпостями и искусственностью Ouida, имѣли успѣхъ, напримѣръ, такіе скромные, трезвые, свободные отъ всякихъ прикрасъ, очерки школьной жизни и крестьянскаго быта, какіе мы находимъ въ небольшомъ произведеніи неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ «Johnny Ludlow»? Разбродъ понятій и стремленіе болѣе всего къ новизнѣ объясняютъ и такой фактъ, какъ появленіе въ новѣйшей англійской беллетристикѣ особой группы юмористовъ-забавниковъ «во что бы то ни стало» и безъ всякой цѣли, а также другой фактъ — успѣха въ Англіи новыхъ беллетристовъ американскихъ. Во главѣ юмористовъ-забавниковъ стоитъ Бѣрнандъ, очень остроумный и совершенно оригинальный фельетонистъ «Пончa», которому принадлежало бы мѣсто весьма видное, еслибы онъ самъ не нисходилъ въ нѣкоторыхъ своихъ ве-

щахъ до безсмысленнаго фарса, и—гораздо ниже его—нѣсколько спеціальныхъ «забавниковъ», которые разработываютъ область идіотизмовъ «языка, мимоходомъ затронутую Тэккереемъ въ его «James de la Pluche» (Записки лакея); изъ этихъ забавниковъ мы назовемъ популярнѣйшаго—Скетчли («Mrs. Brown», «The Brown Papers» и т. д.). Упомянувъ объ американскихъ писателяхъ, имѣющихъ успѣхъ въ Англіи, мы разумѣли не Бичеръ-Стоу, которая относится ко временамъ давнимъ и обязана была своимъ успѣхомъ великому человѣческому интересу освобожденія рабовъ, и не поэта Лонгфелло, который къ нашему очерку не относится, но, напримѣръ, Бретъ-Гарта въ его прозаическихъ вещахъ («The Roaring Camp», и т. д.). У Бретъ-Гарта есть несомнѣнный талантъ, но онъ далеко не заслуживаетъ того почетнаго мѣста, какое ему теперь отводится: весь секретъ особаго его успѣха—въ новости его картинъ.

Одинъ изъ характеристическихъ признаковъ новыхъ теченій въ жизни и воззрѣніяхъ англійскаго общества можно указать въ возникающемъ отрицаніи спорта. Правда, это отрицаніе, по крайней мѣрѣ насколько оно касается спорта—par excellence, доселѣ представляется въ Англіи чѣмъ-то въ родѣ нигилизма. Но уже одинъ тотъ фактъ, что подобное отрицаніе могло проявиться, свидѣтельствуетъ о томъ, какія бреши понадѣлало новое время въ прежней цитадели англійскихъ воззрѣній. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить молодыхъ людей, которые почитаютъ всякую борьбу пѣтуховъ и травлю крысъ—положительно неприличными; нѣкоторые новаторы рѣшаются сказать, что стрѣльба въ летъ по голубямъ (pigeon-shooting) на призы, аристократическое удовольствіе, для котораго существуютъ особые клубы, и даже умерщвленіе сотнями фазановъ (pheasant-shooting) въ аристократическихъ паркахъ, гдѣ эта птица нарочно разводится для охоты (какъ, впрочемъ, и лисицы, олени и зайцы)—суть удовольствія глупыя. Но теперь есть въ Англіи нигилисты еще болѣе крайніе, такіе, которые посягаютъ даже на охоту за лисицей (hunting), то-есть на тотъ «мужественный спортъ», который есть душа сельской жизни богатыхъ классовъ, и на самыя скачки, это «славное, національное учрежденіе Великобританіи». Нигилисты дерзаютъ ставить вопросъ, не должны ли общества покровительства животныхъ принять подъ свою защиту лисицъ и даже скаковыхъ лошадей? Само собою разумѣется, что такія притязанія, направленныя къ разрушенію нѣкоторыхъ коренныхъ основъ англійской жизни, до сихъ поръ вызываютъ еще возгласы презрѣнія и негодованія. Но замѣчательно и то, что такія притязанія заявляются.

Лѣтъ двадцать тому назадъ это было бы положительно невозможно.

Собираясь однажды въ Ипсомъ, взглянуть на знаменитѣйшую въ мірѣ скачку въ такъ-называемый Derby-day, мы упомянули о томъ въ разговорѣ съ виднымъ представителемъ новыхъ идей въ Великобританіи.—«Представьте, я ни разу тамъ не былъ», сказалъ онъ.—«А сегодня мы были въ Тоуэрѣ».—«Вотъ и въ Тоуэрѣ мнѣ никогда не случилось быть», сказалъ нашъ собесѣдникъ. Выражаясь словами Данта: allora intesi e certo fui,—тогда мы уразумѣли и получили увѣренность, что по-истинѣ многое измѣнилось въ современной Великобританіи, когда возможны подобные факты. Посѣтить не разъ далекія страны и не видать ни разу ни дёрби, ни Тоуэра! Вѣдь послѣ этого можно ожидать, что скоро не останется и слѣдовъ отъ той Англіи, которой самая сущность, по континентальнымъ понятіямъ, заключалась въ боѣ пѣтуковъ, кулачныхъ бояхъ, процессіи лондонскаго лорда-мэра, охотѣ на лисицу, парикахъ судей и спикера общинъ, «шерстяномъ мѣшкѣ» лорда-канцлера, сожженіи куклы Гея Фоукса, лондонской башнѣ (Тоуэрѣ), шотландскихъ бракахъ въ Gretna-Green у кузнеца, веденіи жены съ веревкой на шеѣ для продажи на рынокъ и въ плёмъ-пуддингѣ. Какъ любилъ Тэккерей это континентальное понятіе объ Англіи! А между тѣмъ, по лѣтамъ, онъ могъ бы дожить самъ до исчезновенія даже на континентѣ этого представленія о Великобританіи. Бой пѣтуховъ и кулачные бои исчезли, надъ процессіею лорда-мэра смѣются, сожженіе Фоукса дѣлается только уличными мальчишками въ самомъ «мескинномъ» видѣ, о Тоуэрѣ никто не говоритъ, никто имъ не гордится, браки въ Gretna-Green остались только въ самыхъ старыхъ романахъ; правда, парики еще сохранились, сохранились скачки и охота на лисицу. Но и на эти остатки посягаетъ уже безбожный радикализмъ, и самые защитники ихъ какъ-то затрудняются повторять завѣтныя слова о «great national institution» и «manly sports».

IV.

Краснорѣчивымъ, задушевнымъ защитникомъ спорта въ полемикѣ, занимавшей англійскую журналистику, долженъ былъ выступить и выступилъ Антони Троллопъ, этотъ правдивѣйшій и многосторонній наблюдатель и бытописатель «обыденной англійской жизни», когда она еще текла невозмутимо и неоспоримо

среди твердыхъ береговъ цѣльныхъ, установившихся воззрѣній прежняго англійскаго общества.—Здѣсь читатель вправѣ спросить, отчего же мы не коснулись въ этомъ очеркѣ Троллопа, чей примѣръ и чье свидѣтельство по данному вопросу могутъ быть важнѣе всякаго иного примѣра и иного свидѣтельства, такъ какъ мы сами когда-то представляли очеркъ прежней «англійской жизни» по романамъ Троллопа? Измѣнился ли онъ самъ, и если остался вѣренъ себѣ, то не сказалъ ли онъ чего-либо о перемѣнѣ, происходящей въ той жизни, которую онъ изображалъ съ такой любовью?

Троллопа мы приберегли для конца именно потому, что его примѣръ и свидѣтельство въ занимающемъ насъ вопросѣ имѣютъ особое значеніе. Теперь скажемъ, что Троллопъ въ послѣдніе годы писалъ мало. Въ томъ, что́ имъ написано новаго, мы встрѣчаемъ того же милаго и правдиваго Троллопа, какимъ онъ былъ всегда, но нѣкоторыя уступки новизнѣ, если хотите, сдѣлалъ и онъ. Такъ, онъ написалъ повѣсть «The Golden Lion of Granpere», которой дѣйствіе происходитъ *не въ Англіи*, что́ совершенно чуждо прежней его сферѣ. Въ одномъ изъ новыхъ его романовъ, «Lady Anna», дочь графа выходитъ замужъ—странно сказать—за портного, съ полнымъ одобреніемъ автора. Портной этотъ, къ довершенію ужаса, завзятый радикалъ. Но это не помѣшало автору отнестись къ выводимому имъ типу съ полнымъ уваженіемъ, хотя въ характеристикѣ его проглядываетъ порою несочувствіе автора. Такъ, портной настаиваетъ, чтобы все состояніе его жены находилось въ полномъ его распоряженіи, и авторъ иронически замѣчаетъ по этому поводу: «если хотите найти человѣка съ здравыми убѣжденіями въ семейной власти и правахъ мужа (какъ главы семейства), непремѣнно возьмите радикала». Но независимо отъ такой «новости», какъ подобный бракъ, ни въ настроеніи Троллопа, ни въ его манерѣ писать не произошло никакой перемѣны. Какъ литераторъ, онъ остался вѣренъ себѣ. За то недавно онъ выступилъ съ новымъ произведеніемъ, большимъ романомъ, который особенно интересенъ съ нашей точки зрѣнія именно потому, что посвященъ тому самому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ. «The Way we live now»—«Какъ мы живемъ теперь»,—вотъ заглавіе этого послѣдняго произведенія Троллопа. И вотъ, въ немъ-то наиболѣе многосторонній и самый правдивый бытописатель англійскаго общества даетъ свидѣтельство, что въ условіяхъ жизни этого общества, его нравахъ и воззрѣніяхъ въ послѣднее время произошли весьма замѣтныя измѣненія.

Въ настоящую минуту мы коснемся здѣсь только нѣкоторыхъ примѣровъ новыхъ явленій, выведенныхъ въ романѣ [1]). Главнымъ лицомъ является капиталистъ съ иностраннымъ именемъ, явившійся неизвѣстно откуда, но сдѣлавшійся однимъ изъ царей лондонской биржи; происхожденіе и прошлое его совершенно неизвѣстны, но ходятъ неясные слухи о некрасивыхъ дѣлахъ его на континентѣ, особенно въ Парижѣ. Все это не мѣшаетъ англійскому обществу, нѣкогда столь разборчиво и неохотно принимавшему въ свою среду новыхъ людей, даже съ совершенно яснымъ и безукоризненнымъ прошедшимъ—увиваться около этого спекулянта, добиваться, какъ милости, приглашеній къ нему въ домъ. Положимъ, еще во время сезона въ Лондонѣ такой человѣкъ могъ бы и въ прежнее время какъ-нибудь втереться въ нѣкоторые дома, хотя, конечно, свѣтъ не пошелъ бы къ нему въ домъ, не призналъ бы его семейства. Но теперь его принимаютъ даже въ зáмкахъ, то-есть тамъ, гдѣ наиболѣе высказывалась исключительность. Что же касается жизни въ Лондонѣ, то тамъ къ нему въ домъ являются герцогини, министры и даже принцы королевскаго дома. Секретъ въ томъ, что у герцогинь есть братья, младшіе сыновья и племянники, которымъ наслѣдственное аристократическое богатство не можетъ удѣлить средствъ, достаточныхъ для того, чтобы жить такъ, какъ имъ жить слѣдуетъ. А неизвѣстный спекулянтъ даетъ мѣста въ компаніяхъ и пристраиваетъ вокругъ себя цѣлыя семейства аристократическихъ паразитовъ. Потомъ, нѣтъ такого аристократическаго семейства, въ которомъ бы, въ силу майората, нѣкоторые молодые люди не были обречены самымъ своимъ рожденіемъ, во что бы то ни стало, жениться на деньгахъ. Вслѣдствіе этого матери и тетки сближаются съ двусмысленнымъ милліонеромъ, чтобы завладѣть его дочерью, каждая для своего сынка или племянничка. Троллопъ выводитъ однако и такого «истиннаго» сквайра, джентльмэна стараго времени, который не поддается новымъ взглядамъ, считаетъ неприличнымъ водить знакомство съ человѣкомъ худой славы потому только, что онъ — милліонеръ. Но на этомъ же сквайрѣ авторъ показываетъ одну изъ причинъ ослабленія прежняго духа общества, распаденія прежняго кодекса его воззрѣній. Вѣрнѣйшей хранительницей, истиннымъ брустверомъ этого духа и этихъ воззрѣній въ Англіи была среда наслѣдственнаго помѣстнаго сословія, среда сквайровъ. Но вслѣдствіе громаднаго накопленія капиталовъ промышленностью и спекуляціей, эта среда, если даже она и сохранила

[1]) Въ ближайшей книгѣ журнала будетъ помѣщенъ подробный анализъ этого романа.

прежнія свои средства, стала казаться бѣдною; промышленные тузы совершенно затемняютъ ее не только въ Лондонѣ, но и въ самыхъ графствахъ, пріобрѣтая тамъ имѣнія, гдѣ и живутъ съ роскошью, о которой сквайры не могутъ и думать. Что касается аристократіи, то значительное число ея членовъ прямо живутъ насчетъ спекулянтовъ, добиваются, какъ милости, акцій и мѣстъ въ компаніяхъ, а тѣмъ болѣе приданаго за дочерьми, «у которыхъ ноги все-таки не такъ громадны, какъ состояніе».

Другая область, которой касается Троллопъ, это сфера литературнаго «humbug» и «puffing», то-есть недобросовѣстнаго созданія печатью репутацій людямъ и предпріятіямъ. Естественно, что съ демократизаціею общества печати представляется болѣе возможности *дѣлать* общественное мнѣніе, когда руководящій классъ менѣе избранно-образованъ, чѣмъ прежде, когда печать только *воспринимала* и представляла общественное мнѣніе. Эти два вида вліянія печати весьма различны, и само собой разумѣется, что первому изъ нихъ должна соотвѣтствовать нѣкоторая деморализація печати. Лучшими примѣрами для обоихъ этихъ видовъ вліянія печати могутъ служить печать въ прежней Англіи и печать въ нынѣшней Америкѣ (Соед. Штатахъ). Въ романѣ Троллопа есть и картина хода спекулятивнаго предпріятія и типы спекулянтовъ, начиная съ аристократа, который думаетъ, что онъ можетъ составить постоянный доходъ, регулярно покупая одну бумагу дешево и продавая дорого, и кончая настоящимъ сѣвероамериканцемъ, который пускаетъ въ Англіи предпріятіе желѣзной дороги въ Мексику. Нѣкоторыя черты романа, очевидно, взяты изъ самой близкой современности. Такъ, въ нынѣшнемъ году надѣлало много шума парламентское изслѣдованіе злоупотребленій на лондонской биржѣ съ желѣзно-дорожными займами республикъ испанской Америки, и замѣтимъ, что однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и крупныхъ виновниковъ въ этихъ колоссальныхъ надувательствахъ былъ Чарльсъ Лефевръ, лондонскій банкиръ, съ французскимъ именемъ и даже французъ по происхожденію, какъ спекулянтъ у Троллопа.

Новѣйшій романъ Троллопа «Какъ мы живемъ теперь», дѣйствительно обнаруживаетъ ослабленіе замкнутости, значительное уменьшеніе нравственной требовательности, смѣшеніе граней, однимъ словомъ, нѣкоторое relaxation въ прежнихъ условіяхъ быта англійскаго общества, и намекаетъ на нѣкоторыя причины этого явленія. Но изучать всѣ причины, сводить ихъ въ систему и изслѣдовать всѣ ихъ главныя проявленія, конечно—не дѣло романиста. Онъ только намекаетъ на то, что̀ долженъ высказать и

объяснить публицистъ. Мы не имѣемъ претензіи исполнить здѣсь эту задачу, которая потребовала бы историческаго и статистическаго обзора развитія англійской жизни за послѣднее двадцатилѣтіе. Мы оговорились впередъ, что беремся только за этюдъ съ характеромъ очерка, а не научнаго изслѣдованія. Мы хотѣли показать на англійской беллетристикѣ то интересное явленіе, что прежняя англійская жизнь съ ея цѣльностью воззрѣній постепенно исчезаетъ и осуждена на полную переработку новыми теченіями. Избирательная реформа 1867 года создала такое условіе, которое перенесетъ центръ власти въ странѣ гораздо ближе къ почвѣ, передастъ власть изъ рукъ «ста тысячъ» въ руки «милліона», а руководящій классъ, состоящій изъ милліона, не можетъ сохранять той цѣльности воззрѣній, какая была возможна для класса менѣе многочисленнаго, котораго члены были поставлены въ болѣе равныя условія. За переработкою воззрѣній аристократическихъ въ воззрѣнія аристократическо-буржуазныя, которая была послѣдствіемъ первой реформы, должна теперь послѣдовать переработка этихъ воззрѣній въ новыя—демократическія. Каковы они будутъ въ Англіи—излишне предугадывать. Одно уже можно сказать теперь, что воззрѣнія въ значительной степени разъединятся по общественнымъ слоямъ и группамъ; цѣльность исчезнетъ, малыя коллективныя единицы пріобрѣтутъ самостоятельные взгляды на лучшія условія жизни, однимъ словомъ, англійское общество сблизится—съ континентальнымъ.

Л. Полонскій.

ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ

въ

СИБИРИ

I.

Наличное число ссыльнаго населенія.

Въ виду совершающейся тюремно-уголовной реформы и вліянія на нее вопроса о ссылкѣ, мы попытались собрать наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о современномъ положеніи и жизни ссыльныхъ въ Сибири, съ цѣлью дать болѣе полный матеріалъ и облегчить самый трудъ реформирующимъ. Вызваны къ этому мы были тѣмъ побужденіемъ, что не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи ссылки, о точномъ числѣ ссыльныхъ, находящихся въ Сибири, ихъ занятіяхъ, нравственности и вліяніи на страну, подкрѣпленныхъ достовѣрными фактами и статистическими данными, мы едва ли можемъ сдѣлать какое-нибудь вѣрное сужденіе, а тѣмъ болѣе произнести приговоръ этому наказанію. Занимаясь этимъ вопросомъ, мы пришли къ убѣжденію, что всѣ существовавшія до сихъ поръ недоразумѣнія, сомнѣнія и споры о значеніи нашей ссылки, происходятъ только отъ недостаточнаго знакомства съ дѣйствительностью.

Безотносительно ко всякому выводу, какой бы ни истекалъ изъ этихъ данныхъ, мы рѣшились сгруппировать всѣ наличныя свѣдѣнія, какія могли добыть объ этомъ наказаніи за самое позднее

время, поставить ихъ на самую убѣдительную и прочную почву цифровыхъ данныхъ, опубликованныхъ фактовъ, уголовной практики и мѣстныхъ свѣдѣній, руководствуясь преимущественно оффиціальными отчетами и свѣдѣніями. Второе,—мы задались цѣлью выдѣлить все то гадательное и ложное, которое входило въ число обольщеній о значеніи этого наказанія. Въ-третьихъ,—указать на пробѣлы тѣхъ свѣдѣній, которыя до сего времени не собирались, но которыя должны были служить существенной частью для того, чтобы имѣть хоть какое-нибудь о ней понятіе. Въ заключеніе, мы поставили себѣ задачею руководствоваться не частными случаями, а суммою данныхъ и статистическихъ цифръ, чтобы свести ихъ къ одному выводу и получить понятіе о цѣлой совокупности системы.

О количествѣ и самомъ состояніи нашей ссылки обыкновенно до сихъ поръ судили по числу высылаемыхъ ежегодно въ Сибирь преступниковъ; единственныя свѣдѣнія, которыя мы могли получать о нихъ — это вѣдомости Приказа о ссыльныхъ, удостовѣряющія, сколько прошло уголовныхъ преступниковъ черезъ рубежъ Россіи въ Сибирь. Цифры ежегодно отправляющихся въ Сибирь ссыльныхъ казались намъ довольно внушительными, чтобы сдѣлать заключеніе о довольно видномъ значеніи ссылки въ дѣлѣ колонизаціонномъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ число ссыльныхъ доходитъ до 16,000 въ годъ—контингентъ довольно значительный. Прежде ссылка равнялась отъ 6000 до 9000. Это дало поводъ заключить, что съ начала нынѣшняго столѣтія, лѣтъ въ 50 слишкомъ, ссылка дала Сибири полмилліона народа. По естественному приросту она должна была образовать въ этотъ періодъ болѣе одного милліона жителей; такой контингентъ лицъ не могъ остаться безъ пользы для малонаселенной Сибири. Далѣе, мы думали, что населеніе это должно было внести извѣстный трудъ въ край и содѣйствовать его экономическому преуспѣянію. Ссыльные естественно должны были населять его и обзаводиться здѣсь хозяйствомъ; такимъ образомъ, ссылка, исключая изъ общества вреднаго члена, дѣлала изъ преступника честнаго и благонадежнаго работника. Избавляя одну страну отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ, устрашая другихъ силою кары и угрозою депортацій, мы давали другому краю новую кровь, трудовыя силы, и самое зло, такъ сказать, претворяли въ добро на другой почвѣ. Вслѣдъ за высылкой за Уралъ, мы были убѣждены, что все наличное населеніе ссыльныхъ находится на лицо, обзавелось хозяйствомъ, семьею, крѣпко водворилось здѣсь и благополучно производитъ потомство. Вотъ тѣ заключенія, которыя могли быть сдѣланы на

счетъ нашей ссылки и которыя дѣйствительно были сдѣланы. Все это давало поводъ заключить объ особенныхъ преимуществахъ этого наказанія и той пользы, какую приносило оно Россіи. Наказаніе это считалось, такимъ образомъ, караніемъ и исправленіемъ, очищеніемъ общества отъ дурныхъ элементовъ и полезной колонизаціей новаго края. Оно удовлетворяло и суровыхъ криминалистовъ и представителей исправительнаго принципа, наконецъ, гуманистовъ, предпочитавшихъ его душной тюрьмѣ, такъ какъ здѣсь ссыльные несутъ наказаніе и работаютъ на чистомъ воздухѣ. Оно обольщало даже утопистовъ, желавшихъ наказаніе сдѣлать совсѣмъ нечувствительнымъ. Казалось бы, что соединеніе уже столь противоположныхъ свойствъ въ сущности и на дѣлѣ, вытѣснявшихъ другъ друга въ самомъ принципѣ, могло бы зародить нѣкоторыя сомнѣнія въ его дѣйствительности и осуществимости, но на самомъ дѣлѣ оно содѣйствовало обольщенію, соединило около себя только массу защитниковъ ссылки и усыпило общество. Вслѣдъ за успокоеніемъ, что мы имѣемъ полмилліона ссыльнаго населенія за Ураломъ, мы уже не заботились справляться о томъ, насколько находится въ наличности это населеніе, чѣмъ оно занимается и какова судьба его. Только при началѣ тюремно-ссыльной реформы и послѣ удостовѣренія писателей и этнографовъ, побывавшихъ въ Сибири, какъ, напримѣръ, Достоевскаго, Львова, Максимова, Д. Завалишина, Ровинскаго и другихъ, мы узнали, что жизнь ссыльныхъ и «несчастныхъ» въ Сибири далеко не находится въ удовлетворительномъ состояніи. Отдѣльныя картины нашей каторги и ссылки, а также частныя описанія ея безнадежнаго положенія въ Сибири не могли, однако, удовлетворить насъ вполнѣ. При началѣ реформы естественъ былъ вопросъ о состояніи ссылки въ цѣлой ея совокупности и на основаніи самыхъ достовѣрныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимаясь за реформу, нужно было себѣ выяснить, что реформировать и почему реформировать?.. Къ сожалѣнію, такихъ-то данныхъ и недоставало до послѣдняго времени. Желая отчасти пополнить этотъ пробѣлъ, мы взялись за статистическое изслѣдованіе нашей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тѣмъ недостаткомъ свѣдѣній, какой имѣется по этому предмету, и были поставлены въ затрудненіе отыскать самые источники, изъ которыхъ могли бы ими пользоваться.

Единственныя свѣдѣнія, которыми у насъ привыкли руководствоваться, — это только цифры Приказа о ссыльныхъ, дающія знать, сколько уголовныхъ преступниковъ прошло черезъ рубежъ

Урала изъ Россіи въ Сибирь. За этимъ рубежомъ, спустя моментъ перехода, какъ о числѣ, такъ и о положеніи ссыльныхъ мы уже не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; самыя вѣдомости Приказа о ссыльныхъ — о количествѣ ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разработываемы и публикуемы вплоть до изслѣдованія г. Анучина, кончившагося, къ сожалѣнію, 1846-мъ годомъ [1]). О числѣ ссыльныхъ, проходившихъ въ Сибирь, мы знаемъ точно только то, что съ 1827 по 1846 годъ прошло въ Сибирь 150,755 человѣкъ. Въ началѣ столѣтія, съ 1807 по 1812 г., ссылалось не болѣе 2035 чел. въ годъ. Съ 1817 года ссылка увеличивается на 3100; въ 1823 году она равняется 6667 чел., но въ 1824 —26 г. поднимается до 11,116 чел.; затѣмъ, съ 1826 г. упавъ на 7987, возрастаетъ уже болѣе равномѣрно, доходя постепенно до 8, 9, 11,000, и, наконецъ, къ 1874 году—до 16,000. Въ послѣднюю навигацію (1874), съ 5 мая до 30 сентября, черезъ Томскъ прошло въ числѣ партій и отправлено на пароходахъ ссыльныхъ: 1220 разряда каторжныхъ, 2343 поселенцевъ, 1358 водворяемыхъ рабочихъ, 1694 административныхъ ссыльныхъ, 110 по 31 ст. Улож. о Наказ. и пересыльныхъ 241. Женъ и взрослыхъ дѣтей за преступниками 1080; дѣтей моложе 15 лѣтъ 1269. Итого: 9245. Сверхъ того, съ 1-го мая по 1-е октября отправлено изъ Тюмени пѣшимъ порядкомъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей 7644; всего, такимъ образомъ, прошло черезъ Томскъ изъ Россіи въ Сибирь 16,889 ссыльныхъ, съ сопровождающими ихъ семействами. Изъ этихъ цифръ видно, что ссылка въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и особенно въ ея первую четверть, далеко не была такъ значительна, какъ то ей приписываютъ. Она поднялась сильно съ 1824 по 1826 годъ—до 11,000, но затѣмъ быстро сократилась, вслѣдствіе учрежденій въ Россіи арестантскихъ ротъ. Цифра ея возрастаетъ до 9000 только въ десятилѣтіе съ 1850 г. по 1860 г., поэтому брать круглымъ числомъ по 9000 за первое полустолѣтіе рѣшительно нѣтъ никакой возможности, и цифра полумиліона должна быть перенесена: она не столько охватываетъ предшествовавшій періодъ, сколько позднѣйшій съ послѣдними 20-ю годами, на которые приходится около 275,000. Одно неоспоримо, что ссылка у насъ ростетъ неимовѣрно, и трудно предвидѣть ей предѣлы, до которыхъ мо-

---

[1]) Должно пожалѣть, что трудъ г. Анучина, во 2-й своей части изслѣдованій гораздо позднѣйшихъ и гораздо интереснѣйшихъ для исторіи ссылки, до сихъ поръ не могъ появиться.

жетъ она разростись. Мы пользовались ссылкой, ни мало не стѣсняясь, въ видахъ карательныхъ, какъ и предупредительныхъ, въ формѣ уголовной, какъ и административной. По вычисленію г. Анучина, въ 20 лѣтъ, съ 1826 по 1846 г., болѣе половины ссылки приходится на лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ (79,909). Позднѣе на одинъ Амуръ прошло 12 штрафныхъ солдатъ. Кромѣ того, масса людей высылается по приговорамъ сельскихъ обществъ, для поощренія чего въ послѣднее время ассигнуются значительныя суммы всѣми земствами. Изъ этого видно, что ссылка, какъ наказаніе, практиковалась у насъ, во многихъ случаяхъ, за неимѣніемъ тюремъ, арестантскихъ ротъ, рабочихъ домовъ, и создала обширный параллелизмъ въ уголовномъ кодексѣ. Ссылка по суду до послѣдняго времени играетъ меньшую роль, чѣмъ ссылка административная въ Сибирь. Такъ, въ навигацію 1875 г. сосланныхъ по суду прошло черезъ границу Сибири 4907, сосланныхъ же административнымъ порядкомъ 9378. Такимъ образомъ, число арестантовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь по распоряженію правительственныхъ властей и по приговорамъ обществъ, въ значительной степени превышаетъ число преступниковъ по суду, а именно: изъ привилегированнаго сословія сосланныхъ по суду было $31^1/_3\%$, административныхъ $68^2/_3\%$, простого званія по суду 39%, административнымъ порядкомъ 61%. Такимъ образомъ, ссылка должна разсматриваться у насъ какъ мѣра предупредительная и какъ замѣна массы другихъ наказаній, очень незначительныхъ по сущности, и еще какъ мѣра колонизаціонная, необыкновенно широко примѣнимая во всѣхъ случаяхъ.

Итакъ, допуская, что ссылка наша съ послѣдними годами обнимаетъ около полумилліона людей (мы также охотно готовы были бы допустить, что она обнимаетъ и милліонъ), намъ остается спросить, гдѣ эти полмилліона народа, насколько они сохранились и каково ихъ приращеніе въ Сибири. Это для насъ будетъ, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе цифры высланныхъ. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно важно становится знать, сколько находится наличнымъ числомъ всѣхъ ссыльныхъ, переселенныхъ и водворенныхъ въ Сибири. Къ сожалѣнію нашему, мы нашли менѣе всего объясненій по этой части въ нашей оффиціальной статистикѣ. Нѣкоторые увѣряютъ, что число приписанныхъ ссыльныхъ въ Сибири, числящихся по оффиціальнымъ отчетамъ, ровно 202,854 человѣка. Насколько вѣрна эта цифра, мы не беремся судить, принявъ за основаніе самостоятельныя изысканія. Цифра приписанныхъ ссыльныхъ однако можетъ быть измѣрена по свѣ-

дѣніямъ Приказовъ о ссыльныхъ, распредѣляющихъ ихъ на мѣсто поселенія, и по губернскимъ отчетамъ. Изъ губернскихъ отчетовъ за 1873 годъ видно, что на каждую изъ четырехъ главныхъ сибирскихъ губерній числилось ссыльныхъ поселенцевъ отъ 40 до 50,000 человѣкъ; въ иркутской губерніи считалось до 1873 года 40,000 человѣкъ [1]). Въ томской губерніи по губернаторскимъ отчетамъ 50,000 человѣкъ; въ забайкальской области за 1870 и 1872 г. ссыльныхъ числилось 21,335; въ якутской области 2987 [2]). Такимъ образомъ, на всѣ губерніи Сибири съ областями и Амурскимъ краемъ можно считать числящихся водворенными на поселеніе до 209,000 человѣкъ и прибывающихъ ежегодно на губернію около 3000 [3]). Замѣтимъ кстати, что свѣдѣнія эти крайне противорѣчивы и неопредѣленны; но самое важное то, что число людей, считающихся по оффиціальнымъ спискамъ, далеко не составляетъ число дѣйствительно на лицо существующаго населенія. Многіе частные изслѣдователи, какъ Пейзенъ, д-ръ Ширекъ, производившій исчисленіе приписаннымъ поселенцамъ въ верхоленскомъ округѣ, доказали, что на лицо ссыльныхъ можетъ считаться едва 1/5 часть. Теперь это подтверждается и другими оффиціальными данными, по отношенію къ цѣлымъ губерніямъ. Уже въ 1872 г. во время статистической переписи иркутской губерніи оказался недочетъ въ 15,987 душъ. Это объяснено было тѣмъ, что въ оффиціальныя свѣдѣнія вносилось всюду все населеніе, приписанное къ извѣстному участку, а въ статистическую перепись попало лишь одно наличное населеніе. Убыль, по мнѣнію статистическаго комитета, произошла оттого, что масса лицъ находится въ безвѣстной отлучкѣ съ мѣста причисленія, и что эти отлучки падаютъ исключительно на 40,000 ссыльнаго населенія (Пам. кн. ирк. губерніи 1873 года, XI). Позднѣйшія оффиціальныя данныя еще болѣе разъяснили дѣло. Подворная опись по иркутской губерніи ясно опредѣлила громадный недочетъ ссыльно-поселенцевъ противъ числившихся по спискамъ. Начальникъ иркутской губерніи, генералъ Шалашниковъ, лично убѣдился, что на лицо ихъ едва 1/5 часть на мѣстѣ; затѣмъ столько же уволены на заработки, а бо́льшая половина въ бѣгахъ и неизвѣстной отлучкѣ, нерѣдко со дня прихода своего въ участокъ. Для болѣе точной повѣрки были командированы, наконецъ, особые чиновники въ

---

1) Памятная книжка иркутской губерніи на 1873 г., стр. XI.

2) Восточная Сибирь, Календарь 1875 г., стр. 136, 137.

3) Въ 1873 году въ енисейскую губернію въ теченіе года прибыло ссыльныхъ 2619. Въ томскую губернію 2234 человѣка.

три округа, нижнеудскій, балаганскій и иркутскій, которые донесли, что въ этихъ волостяхъ *«нѣтъ болѣе двухъ третей ссыльныхъ»*. Изъ 10,378 душъ, приписанныхъ и числящихся въ волостяхъ, оказалось въ наличности только 1994 души обоего пола, 2476 уволены на заработки, а остальные 5561 человѣкъ въ бѣгахъ. Другія свѣдѣнія подтверждаютъ, что на 45,000 приблизительно ссыльнаго населенія только тысячъ 14 живетъ въ мѣстахъ причисленія, около 10,000 находятся на промыслахъ и заработкахъ, остальные въ безвѣстной отлучкѣ. Есть волости, какъ Мандзурская, въ которой изъ 2400 причисленныхъ поселенцевъ живетъ только 300, но указываются примѣры, когда и вмѣсто 5 и 7000 въ волости приписанныхъ ссыльныхъ очутится 200 и 300, какъ видно изъ отзывовъ мѣстнаго начальства о положеніи ссыльныхъ и ихъ отлучкахъ; то же подтверждается и во всей Сибири, хотя подобной повѣрки, какъ въ иркутской губерніи, нигдѣ еще въ точности не производилось.

Все это приводитъ къ заключенію, что наличное ссыльное населеніе въ Сибири составляетъ громадную разницу съ числомъ высланныхъ сюда и числомъ приписанныхъ по волостямъ. Мы видимъ, что, кромѣ числа вымирающихъ по дорогѣ, бѣгущихъ съ пути, оно уменьшается противъ приписки немедленно по прибытіи отъ какихъ-то причинъ на $^2/_3$ и даже $^4/_5$. Такимъ образомъ, изъ 200,000 мы вправѣ считать наличными едва 40 и 60,000 остающихся въ мѣстахъ ссылки, а вмѣсто указываемыхъ 500,000 ссыльныхъ во весь періодъ и милліона, выросшаго путемъ нарожденія, которыхъ мы предполагали обогатившими Сибирь, намъ представляется 400,000 потеряннаго и неизвѣстно куда дѣвшагося народа, умершаго или погибшаго въ бѣгахъ. Картина совершенно обратная и крайне неутѣшительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться преувеличенной, то, во всякомъ случаѣ, недочетъ цѣлыми десятками тысячъ, который нынѣ является доказаннымъ, не можетъ не заслужить вниманія.

Увеличеніе населенія Сибири путемъ ссылки было крайне ничтожно, какъ указываютъ факты. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что до настоящаго столѣтія и вплоть до двадцатыхъ годовъ, ссылка была ничтожна по численности. Второе—безпорядками этой ссылки, самымъ составомъ, возрастомъ и отношеніемъ между полами въ средѣ ссыльныхъ, которые нимало не способствовали плодовитости, размноженію и приросту населенія въ Сибири. Наконецъ, пропорціей ссыльнаго люда къ числу другихъ жителей Сибири, какъ прежде, такъ и нынѣ. Уже Сперанскій,

въѣхавъ въ Сибирь и собравъ всѣ свѣдѣнія о составѣ и количествѣ ссыльнаго населенія, дѣлаетъ слѣдующія открытія въ одномъ изъ своихъ писемъ: «не думай и не позволяй себѣ думать,—пишетъ онъ,—чтобы Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ, ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 21 т. въ годъ, и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу» [1]). Сперанскій, кажется, заключилъ поэтому о ничтожной преступности въ Россіи. Таблицы, изданныя г. Анучинымъ, подтвердили эту ничтожность ссылки въ прежнее время. Эти же таблицы указали на составъ ссыльныхъ по возрастамъ и поламъ. Средняя продолжительность жизни поселенцевъ въ Сибири не могла быть болѣе десяти лѣтъ, такъ какъ всѣ они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами [3]). Затѣмъ, самая пропорція ссыльныхъ женщинъ не соотвѣтствовала мужскому населенію, такъ какъ ссыльныя женщины составляли $^1/_6$ часть, если 18 женщинъ приходилось на 100 мужчинъ и $^1/_8$ часть ихъ была старѣе 40 лѣтъ [3]). Притомъ, самый характеръ женскаго населенія, какъ мы укажемъ ниже, далеко не былъ благонадеженъ и благопріятенъ бракамъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ о пересылкѣ за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщинъ проходило съ ссыльными партіями чрезъ Тюмень $^1/_{11}$, $^1/_{10}$, $^1/_8$ и $^1/_7$ на число мужчинъ [4]). Ссыльные рѣдко обзаводились семействомъ въ Сибири. Существующія изслѣдованія указываютъ, что ссыльное населеніе въ Сибири рѣшительно не увеличилось; такъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ г. Гагемейстеръ въ статистическомъ обозрѣніи Сибири, предпринятомъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ.

О существующемъ распредѣленіи контингента ссыльныхъ и ихъ отношеніи къ числу мѣстнаго населенія можно имѣть нѣкоторыя позднѣйшія свѣдѣнія по губерніямъ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ томской губерніи, изд. центральнаго статистическаго комитета за 1868 г., приводятся слѣдующія, довольно

---

[1]) Ист. свѣд. о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибири, Вагина. 1872. Т. I, стр. 76 и 77.

[2]) Анучинъ. „Матеріалы для угол. стат. Россіи". Тобольскъ, ч. 1, стр. 44.

[3]) Анучинъ. „Матеріалы для уголов. статист. Россіи". Ч. 1.

[4]) Табл. прик. о ссыльныхъ, опублик. въ № 171, 1875 г. „Голоса".

полныя цифры о числѣ и составѣ ссыльныхъ въ губерніи. Каторжныхъ, приписанныхъ на поселеніе, водворенныхъ на льготѣ, въ цехѣ слугъ, съ женщинами и дѣтьми, числилось всего 34,915 человѣкъ; изъ нихъ было 21,622 м. п. и 13,293 ж. п. Изъ подробной таблицы въ спискахъ видно, что собственно ссыльные составляютъ 77,1%, ихъ дѣти 21,4%, и по волѣ пришедшіе съ ссыльными женщины и дѣти 1,5% всѣхъ ссыльныхъ. На 100 д. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., въ частности на 100 д. муж. пола собственно ссыльныхъ по 53,3 женщинъ; на 100 мальчиковъ 88,1 дѣвочекъ. *Изъ общаго числа ссыльныхъ наибольшую категорію составляютъ дряхлые*, именно 42,4%, приписные 27,1% и поселенцы 5,3%. Распредѣленіе по округамъ является далеко неравномѣрнымъ, особенно въ томской губерніи; въ округахъ: томскомъ ихъ 51,4%, изъ числа распредѣленныхъ въ губерніяхъ, т.-е. болѣе половины; въ маріинскомъ—28,2%; въ каинскомъ—19,7%; въ прочихъ округахъ 0,7%; въ барнаульскомъ горномъ округѣ за то нѣтъ ни одного ссыльнаго. На число всѣхъ жителей губерніи приходится ссыльныхъ по округамъ: въ томскомъ по 12,6 души на 100 обоего пола, общаго населенія; въ маріинскомъ—19,3 и въ каинскомъ 7,8 на 100 [1]).

О распредѣленіи ссыльныхъ и числѣ ихъ въ иркутской губерніи даютъ понятіе послѣднія свѣдѣнія иркутск. статистическаго комитета за 1873 годъ. На 100 жителей общаго населенія губерній, взятыхъ въ каждомъ округѣ особо, приходится ссыльныхъ, считая всѣхъ приписанныхъ на поселеніе въ губерніи: въ иркутскомъ 15,3%; изъ этого числа женщинъ только 47%; въ балаганскомъ 9,1%, изъ этого числа женщинъ 1,6%; въ нижнеудинскомъ 15,5%, женщинъ 4%; верхоленскомъ 4,3%, женщинъ 1%; киренскомъ—3,6%, женщинъ 0,7%. Вообще ссыльные составляютъ 10,7% изъ 100% общаго числа жителей губерніи, изъ коихъ 7,8% муж. и 2,9% женщинъ [2]). Изъ этого распредѣленія видно, что губернія, наиболѣе наполненная ссыльными, содержитъ все-таки довольно ничтожный контингентъ по отношенію ко всему другому населенію. Надобно помнить притомъ, что это далеко не наличное число ссыльныхъ, а только фиктивный maximum, числящійся по спискамъ. На каждую изъ сибирскихъ губерній приходится ссыльныхъ, какъ видно по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ:

---

[1]) Списки населен. мѣстъ, изд. центр. стат. комит., т. LX, томск. губ. 1868 г.
[2]) Памятная книжка ирк. Губ., изд. статист. комит. 1878 г., стр. XII.

Въ тобольской	губ.	на	1.806,848	жит.	50,000	ссыльныхъ,	то-есть	4,6%
» томской	»	»	838,756	»	50,000	»	»	6,0%
» енисейской	»	»	372,862	»	45,000	»	»	12,00%
» иркутской	»	»	378,244	»	40,000	»	»	10,5%
» забайкальской обл.		»	430,780	»	21,335	»	»	4,9%
» якутской	»	»	231,977	»	2,987	»	»	1,2%

На всю Сибирь, такимъ образомъ, можно положить 209,322 ссыльныхъ, а на все находящееся свободное русское населеніе 6,2%. Распредѣленіе ссыльныхъ не равномѣрно, какъ по губерніямъ, такъ и по округамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они скучены до чрезвычайности; въ каинскомъ и маріинскомъ округахъ томской губерніи они составляютъ почти 1/6 населенія и могутъ ввести въ заблужденіе о значеніи ссылки въ Сибири; за то въ иныхъ округахъ ихъ нѣтъ совершенно, точно также, какъ и въ цѣлыхъ областяхъ, такъ, напримѣръ, въ Семипалатинскѣ, въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ краѣ, въ Акмолинской области и т. п.

Точныхъ свѣдѣній о приростѣ ссыльныхъ путемъ браковъ и рожденій рѣшительно не собиралось до сего времени, поэтому о потомствѣ ссыльныхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но судя по причинамъ, препятствовавшимъ размноженію и потомству ссыльныхъ, можно заключить, что приростъ этотъ былъ ничтоженъ. А причинъ, препятствующихъ плодовитости, было множество, какъ-то: 1) преобладаніе между ссыльными холостыхъ, остающихся таковыми на цѣлую жизнь; 2) поздній возрастъ; 3) преобладаніе между ссыльными дряхлыхъ и старыхъ, въ огромномъ процентѣ, какъ показываетъ томская губернія; 4) запрещеніе бродягамъ вступать въ бракъ первыя 5 лѣтъ; 5) затрудненіе браковъ для каторжныхъ; 6) разрывъ браковъ при отправкѣ въ Сибирь; 7) нерасположеніе ссыльныхъ изъ бродягъ къ семейной жизни; 8) нерасположеніе туземцевъ заключать браки съ ссыльными; 9) преобладаніе въ ссыльномъ населеніи проституціи, развитіе болѣзней, сифилиса и многое другое. Всѣ эти причины составляли издавна препятствіе размноженію ссыльнопоселенцевъ и парализовали его. Поэтому, всѣ изслѣдователи приходили къ заключенію, что приростъ здѣсь былъ незначительный [1]). За то есть неопровержимыя свидѣтельства преобладающей смертности между ссыльными. Смертность эта огромна до послѣдняго времени и начинается во время пересылки; пересыльные арес-

---

[1]) Къ этому выводу пришелъ въ „Статистическомъ обозрѣніи Сибири" г. Гагемейстеръ и изслѣдователь сибирской колонизаціи г. Пейзенъ. Медленный ростъ сибирскаго населенія, достигающій нынѣ 3.500,000, показываетъ одну прибыль путемъ рожденій, свободнаго населенія и полное безучастіе ссылки.

танты заболѣваютъ въ партіяхъ и нерѣдко на дорогѣ ихъ поражаютъ цѣлыя эпидеміи. Въ 1873 г. еще доносило енисейское начальство, что между арестантами появился такой тифъ, что больницы были переполнены, больные заражали конвой, врачей и окружныхъ арестантовъ, больныхъ было 1156 чел. и умерло въ одной больницѣ 109 чел. Далѣе идетъ смертность ссыльныхъ въ ссылкѣ, подъ вліяніемъ бѣдственныхъ условій быта на сибирскихъ пріискахъ, гдѣ смертность болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, рядъ скоропостижныхъ смертей, которыя на ссыльныхъ выпадаютъ по преимуществу, и наконецъ, погибель во время бѣговъ и исчезновеніе людей въ неизвѣстности во время бѣгствъ и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется въ Сибири: пропалъ, такъ пропалъ! но въ концѣ огромный дефицитъ ссыльнаго населенія ясно показываетъ, какъ велики подобныя потери людей. Что касается ѣдущихъ за ссыльными женщинъ и дѣтей, то объ нихъ извѣстно и выяснено только два факта. Между женщинами замѣчается нравственное паденіе вслѣдствіе пребыванія въ партіяхъ, и въ Сибирь онѣ являются неспособными къ семейной жизни; что касается дѣтей, то они поражаютъ смертностью въ пути; недавно изъ Москвы еще отправлялись арестантскія дѣти, зараженныя корью, и разносили эпидемію [1]. При отсутствіи медицинской помощи на баржахъ и пароходахъ, на этапахъ и во время пѣшеходнаго странствія по Сибири, *смертность эта постигла половину всѣхъ дѣтей.* Нечего говорить, что подобныя условія никогда не способствовали сохраненію и цѣлости даже существующихъ ссыльныхъ семействъ.

Все это даетъ намъ поводъ предположить скорѣе о вымираніи ссыльныхъ, чѣмъ объ ихъ приростѣ, что́ подтверждается вполнѣ недочетомъ числящагося по спискамъ населенія, котораго вмѣсто прибыли оказывается на $^4/_5$ менѣе. Всякое предположеніе объ ихъ семейственномъ приращеніи привело бы иначе насъ къ заключенію, что они въ объемѣ $^4/_5$ всего числа исчезли куда-то съ женами и дѣтьми.

---

[1] Извѣстіе изъ Тюмени. „Голосъ", № 283, 1874 г.

II.

Бытъ сибирскихъ ссыльныхъ.

Обратимся теперь къ самому положенію и жизни ссыльныхъ въ Сибири, которые лучше всего откроютъ намъ современное состояніе ссылки и дадутъ понятіе о значеніи этого наказанія, какъ оно проявляется въ дѣйствительности.

Неутѣшительное и бѣдственное положеніе ссыльныхъ давно уже свидѣтельствуются многими изслѣдователями; намъ остается остановиться на самыхъ позднѣйшихъ и—какъ менѣе всего оспоримыхъ—оффиціальныхъ донесеніяхъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ быта ссыльныхъ мы сочли нужнымъ представить извлеченіе изъ отчета о бытѣ ссыльныхъ иркутской губерніи, доставленнаго ревизоромъ иркутскихъ поселеній. Записка эта касается современнаго положенія ссыльныхъ въ волостяхъ и степени ихъ зажиточности и осѣдлости въ мѣстѣ приписки. Всѣхъ ссыльно-поселенцевъ въ экономическомъ отношеніи иркутскій ревизоръ дѣлитъ на два главныхъ разряда: «*домовладѣльцевъ*» и «*бездомовныхъ*». Изъ *домовладѣльцевъ* одни занимаются *хлѣбопашествомъ*, другіе *ремеслами* и т. п. *Вторая* категорія бездомовныхъ *бобылей* находится въ *сельскихъ работникахъ* у крестьянъ на сроки или поденно, наконецъ занимается ремеслами, и *третья* категорія—*нищенствующіе*. Домовладѣльцевъ вообще очень мало, пишетъ ревизоръ; такъ, напримѣръ—въ кимельмейской волости изъ 496 ссыльныхъ, проживающихъ въ мѣстахъ причисленія, насчитывается лишь только 109 домохозяевъ; изъ нихъ только 59 сами хозяева-хлѣбопашцы, остальные живутъ въ работникахъ. *Большая часть домовъ лачуги*, разваливающіяся отъ времени; хлѣбопашество производится въ чрезвычайно маломъ размѣрѣ, много-много, если поселенецъ засѣваетъ 4 десят. (надо замѣтить, что при сибирскомъ хозяйсвѣ крестьяне засѣваютъ вдвое и втрое болѣе), т.-е. столько, сколько нужно для прокормленія его съ семействомъ; избытка хлѣба для продажи почти не бываетъ. Рѣдко у кого можно найти нѣсколько штукъ рогатаго скота: большая часть имѣетъ по одной лошади и коровѣ, но есть и такіе, которые и того не имѣютъ, а нанимаютъ лошадей у крестьянъ на время полевыхъ работъ. Вообще, положеніе поселенцевъ-хозяевъ далеко не удовлетворительно, притомъ многіе изъ нихъ имѣютъ большія семейства, по 5 и болѣе человѣкъ дѣтей. Рѣдкія исключенія зажиточности представляютъ или поселенцы,

бывшіе долго кабачниками, или вынесшіе чтó съ пріисковъ. Поселенцевъ-работниковъ въ описываемой волости было 236 человѣкъ, и изъ нихъ 200 человѣкъ живетъ срочно у крестьянъ, остальные нанимаются временно на разныя работы и идутъ въ пастухи, сторожа и проч. Эти послѣднія обязанности исполняютъ старые и болѣзненные люди, неспособные къ тяжелому труду. Изъ числа 236 чел. работниковъ только 15 имѣютъ кое-какіе дома. Обыкновенно хорошій работникъ въ этой мѣстности получаетъ въ годъ 70 р. и, кромѣ того, обувь и верхнюю одежду; но хорошихъ работниковъ-поселенцевъ очень мало, и бóльшая часть изъ нихъ люди пожилые, слабосильные, потратившіе свои силы въ острогахъ и по большой сибирской дорогѣ. Поэтому и оцѣнка труда ихъ очень низкая: многіе изъ нихъ получаютъ не болѣе 30 рублей въ годъ, другіе еще менѣе. Нѣкоторые выговариваютъ у хозяевъ себѣ присѣвокъ, т.-е. обсѣмененіе съ четверть десятины земли сѣменами хозяина. Если положеніе поселенцевъ-домохозяевъ не удовлетворительно, сообщаетъ ревизоръ, то *положеніе работниковъ-поселенцевъ* можно назвать *бѣдственнымъ*. Проходятъ годы тяжкаго безпрерывнаго труда, а онъ, работникъ, не сберегъ самъ ни копѣйки изъ получаемой платы; притомъ это обусловливается способностью сибирскаго крестьянина кабалить работника. Такой закабаленный безправенъ; работникъ получаетъ деньги въ праздники отъ хозяина «на пропой» и ежегодно находится *въ долгу*. Поэтому большинство предпочитаетъ быть поденщиками, хотя заработокъ ихъ ничтоженъ: рублей 50 въ годъ, чтò едва хватаетъ на прокормленіе. Ремесленники въ волости имѣютъ слѣдующій заработокъ: деревенскій портной 30 коп. въ день, на хозяйскихъ харчахъ,—сапожникъ 30 коп., кузнецъ, плотникъ и столяръ выработываютъ даже болѣе рубля въ день, повидимому достаточно; но, во-первыхъ, работа бываетъ не постоянная, случаются долгіе перерывы по недостатку заказчиковъ; во-вторыхъ, ремесленники бóльшею частью пьяницы, поэтому и ихъ бытъ неудовлетворителенъ. Другіе же, какъ, напр., пастухи, караульные сторожа, получаютъ вознагражденіе еле-достаточное на пропитаніе, а нѣкоторые живутъ изъ одного хлѣба. Наконецъ, въ каждой волости находится нѣсколько десятковъ положительно неспособныхъ ни къ какому труду, это—старики, дряхлые, немощные, калѣки, напр. слѣпые, хромые, разбитые параличомъ, они терпятъ и холодъ и голодъ—*холодъ* потому, что лѣтомъ и зимой ходятъ въ однихъ изорванныхъ лохмотьяхъ, а *голодъ*,—когда болѣзнь, сильный морозъ принудятъ ихъ сидѣть въ избѣ, лишен-

ныхъ возможности собрать христовымъ именемъ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Все это относится, однако, до положенія поселенцевъ, обжившихся въ Сибири, осѣвшихъ и составляющихъ культурный классъ. Это, конечно, меньшинство поселенцевъ. Еще интереснѣе замѣчанія иркутскаго ревизора о поселенцахъ льготныхъ и только-что приписанныхъ; онъ приводитъ просто цифры ихъ пребыванія на лицо, которыя служатъ достаточной характеристикой этихъ людей. На выдержку взяты 1869 и 1870 годы: всѣхъ вновь причисленныхъ въ эти годы къ описываемой волости поселенцевъ было 555 человѣкъ, изъ нихъ уволено по билетамъ на золотые промыслы и другія работы 193 чел., живутъ на мѣстѣ, причислены—125, умерло 12 и *въ неизвѣстной отлучкѣ* 225 человѣкъ; слѣдовательно, изъ всего числа поступившихъ только *одна четвертая часть проживаетъ въ мѣстахъ водворенія, и половина почти неизвѣстно гдѣ находится*. Всѣхъ же ссыльныхъ находится въ отлучкѣ въ упомянутой волости 645 человѣкъ. Самовольныя отлучки, по мнѣнію иркутскаго ревизора, объясняются происхожденіемъ приписанныхъ ссыльныхъ. Указанные 555 человѣкъ ссыльныхъ происходили: 21 изъ рядовыхъ, сосланныхъ за неоднократные побѣги изъ службы, 8 киргизовъ, 9 изъ крестьянъ, а остальные всѣ *бродяги*, судимые и сосланные за бродяжество. Таковъ контингентъ, изъ котораго предполагалось сдѣлать осѣдлое населеніе въ Сибири. Замѣтимъ кстати, что, по преступленіямъ, ссылаемые за бродяжество составляютъ главный контингентъ ссылки; такъ, въ 20 лѣтъ въ Сибирь было сослано 48,556 бродягъ, что̀ составляетъ $^2/_3$ всего числа преступниковъ (Анучинъ). По свидѣтельству иркутскаго ревизора ссыльныхъ, бродяги, происходящіе бо̀льшею частію изъ бѣглыхъ солдатъ, скрывающихъ свое прежнее происхожденіе, и изъ ссыльныхъ, возвращенныхъ снова въ Сибирь, представляютъ по преимуществу нравственно испорченныхъ людей. Ко всякому даже малѣйшему труду они чувствуютъ отвращеніе; какъ наблюдатель, авторъ записки свидѣтельствуетъ, что подобные бродяги, содержась въ тюрьмѣ, прятались подъ нарами, какъ дѣти, чтобъ не выдти почистить дворъ. Для бродяги, вкусившаго всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо̀ тяжело приняться за топоръ, соху, борону, поэтому большая часть бродягъ скорѣе нанимается на золотые промыслы, прельщаясь задатками и разгульной жизнью; но на промыслахъ надо работать, и бродяга бѣжитъ съ пріисковъ бо̀льшею частію даже во время слѣдованія туда, пропивши и задатокъ и одежду нанимателя. Не являясь на мѣсто причи-

сленія изъ боязни быть возвращеннымъ на пріиски для отработки задатка, онъ уходитъ въ бѣга, бродитъ по Сибири искать легкихъ средствъ наживы, и тамъ, гдѣ подобные бродяги появились, начинаются кражи, грабежи и разбои. Допытываясь о причинахъ бродяжничества, свидѣтель удостовѣряетъ, что не разъ слышалъ разсужденіе бродяги, что «жить на одномъ мѣстѣ ему тоскливо», да и не къ чему «особенно привязываться къ мѣсту»; вѣдь онъ хотя и «безшабашная» голова, да одна, поэтому не для чего ему и трудиться; онъ «несчастный», обреченъ самою судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь гдѣ-либо въ захолустьяхъ Сибири. И дѣйствительно, большая часть поселенцевъ, происходящихъ изъ бродягъ, ведетъ безобразную жизнь; къ тому же первыя пять лѣтъ по прибытіи въ Сибирь имъ запрещено вступать въ бракъ самимъ закономъ (650 ст. Уст. о пасп. и бѣглыхъ).

Къ довершенію картины положенія ссыльныхъ ревизоръ поселеній рисуетъ намъ отношенія туземцевъ и крестьянъ къ ссыльному населенію. Онъ говоритъ, что поселенцы жаловались на стѣсненіе, причиняемое имъ крестьянами и на недружелюбныя отношенія къ нимъ. Ревизоромъ приводится по этому поводу въ примѣръ нѣсколько разобранныхъ имъ жалобъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне довольно пристрастны въ жизни къ поселенцамъ. Бывшій крестьянскій голова выстроилъ конюшни, примкнувъ ихъ къ поселенческой избушкѣ, и не обратилъ вниманія на его жалобы, что ссыльный будетъ жить какъ кротъ въ темнотѣ. Когда поселенецъ обратился къ крестьянскому сходу, то, вмѣсто удовлетворенія, получилъ предложеніе перенести домъ на другое мѣсто. Другой крестьянинъ вывезъ себѣ изъ лѣса приготовленное поселенцемъ «дранье» (тесъ), воспользовавшись неопытностью ссыльнаго, не сдѣлавшаго на драньѣ условленныхъ знаковъ по мѣстному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили ихъ сборомъ, такъ-называемымъ рекрутскимъ. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ предъявляли претензіи, что они не избавлены отъ постоя въ домахъ ихъ проходящихъ рекрутскихъ партій и несутъ эту повинность наравнѣ съ крестьянами и т. п.

Вообще, чуть не повсемѣстно, прибавляетъ ревизоръ, поселенцы жалуются на стѣсненія въ надѣлѣ пахатной землею и сѣнокосами, чѣмъ и объясняютъ свое нерасположеніе къ хлѣбопашеству. Они говорили, что имъ отводятъ лѣсную чащу или землю кочковатую, требующую неимовѣрныхъ усилій для обработки, вслѣдствіе чего большая часть ссыльныхъ нанимаетъ гото-

вую уже, расчищенную землю, а между тѣмъ въ распоряженіи почти каждаго сельскаго общества находятся огромныя залежи разработанной земли, никѣмъ не занятой, остающейся послѣ смерти владѣльцевъ или по другому случаю безъ употребленія. Считая подобную землю своею собственностью, крестьяне предполагають лучше отдавать землю въ наймы за деньги, чѣмъ надѣлять безплатно поселенцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссыльные жалуются также на принужденіе ихъ къ отбыванію повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльныхъ, поселенцы въ видѣ льготъ избавляются отъ этихъ повинностей до приписки ихъ къ обществу. Всѣ жалобы поселенцевъ, обращаемыя къ крестьянскимъ сходамъ и къ сельскимъ властямъ, оказывалось, остаются безъ послѣдствій или рѣшаются не въ ихъ пользу.

Вообще, крестьяне относятся къ поселенцамъ враждебно, пишетъ ревизоръ: какъ только поселенецъ поправитъ свое состояніе, они начинаютъ завидовать ему, или чаще, подозрѣвать его. Говорятъ обыкновенно, что поселенецъ кого-нибудь ограбилъ, нажилъ деньги фальшивыми бумажками, и ищутъ разные способы разорить его. Поселенцу представляется одинъ выходъ—кабальнаго труда у крестьянина, и трудъ этотъ, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина въ сельскую расправу остаются безъ удовлетворенія, а при жалобахъ хозяина— поселенца обвинятъ, хотя бы онъ былъ правъ. Сверхъ того, хозяева-крестьяне расправляются часто съ работниками собственноручно. Аппеляціи для поселенца нѣтъ. У крестьянъ сложилась поговорка: «варнаку,—какъ называютъ крестьяне ссыльнаго согражданина, ругаясь и шутя,—вѣры нѣтъ».

Приводимыя печальныя отношенія къ ссыльнымъ, раскрываемыя лицомъ вполнѣ достовѣрнымъ, показываютъ намъ, во-первыхъ, прежде всего, что происхожденіе ссыльныхъ нимало не забывается въ новой мѣстности и въ новомъ обществѣ, какъ предполагала цѣль этого наказанія, и какъ были увѣрены теоретики до сего времени. Примѣръ отношенія къ ссыльнымъ въ Сибири могъ быть объясненъ однимъ продуктомъ грубости нашего крестьянства. Но такое же недружелюбное отношеніе къ ссыльнымъ проявлялось и въ другихъ несравненно болѣе развитыхъ обществахъ, какъ, напр., въ Австраліи, изъ одного уже смѣшенія элементовъ общества честныхъ гражданъ съ людьми, заклейменными закономъ, опозоренными, да вдобавокъ и на самомъ дѣлѣ сомнительнаго нравственнаго характера. Если подобное предубѣжденіе возникло въ Сибири, въ средѣ крестьянства, не могшаго по своему неразвитію понимать, что уравненіе и сожительство съ ссыльными

не безчестить ихъ, то оно показываетъ, что здѣсь были болѣе ощутительныя и дѣйствительныя причины. Одинъ составъ уже преступниковъ указываетъ на ихъ сомнительныя нравственныя достоинства, къ которымъ крестьянство не могло проникнуться уваженіемъ и признать ихъ за одинаковыхъ себѣ согражданъ. Поведеніе ссыльныхъ въ Сибири, ихъ побѣги, преступленія и средства наживы вдобавокъ также не показывали ихъ благонадежности. Все это заставило въ общемъ установиться такому взгляду среди мѣстнаго крестьянства, который прямо вынесенъ былъ изъ опытовъ, и потому самое предубѣжденіе имѣло нѣкоторое основаніе. Въ заключеніе, трудно было бы отъ одного сибирскаго крестьянства требовать особенно возвышенныхъ, гуманныхъ отношеній къ преступнику и забвенія всего его прошлаго, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и съ этимъ же клеймомъ приписывала къ крестьянскому обществу. Но въ жосткости этихъ отношеній была и не одна тенденціозная сторона: горечь ихъ увеличивалась тѣмъ, что мѣстное сибирское крестьянство несетъ съ-издавна огромныя траты, повинности и тяжести, налагаемыя ссылкой, которыя не можетъ не чувствовать; онѣ заключались въ подводныхъ, различныхъ земскихъ повинностяхъ по препровожденію ссыльныхъ, по содержанію въ волости до устройства ихъ; въ оплачиваніи ихъ содержанія въ больницахъ, въ различныхъ хлопотахъ при приселеніи ссыльнаго; при огражденіи своего имущества и интересовъ отъ подобнаго пришлаго и незнакомаго населенія, надо сознаться, все-таки не совсѣмъ безопаснаго; при всѣхъ этихъ налогахъ, обремененіяхъ, и заботахъ, налагаемыхъ ссылкою, крестьянство не могло остаться къ ссылкѣ хладнокровнымъ, а къ самому ссыльному дружелюбнымъ. Утвердившіяся въ средѣ крестьянства предубѣжденія и враждебныя отношенія вообще къ ссыльному не могли не отражаться въ частностяхъ, безъ сомнѣнія, многими несправедливостями—это обусловливалось въ общемъ убытками и затратами крестьянскихъ обществъ, стремившихся выместить чѣмъ-нибудь на ссыльномъ, какъ и безправнымъ положеніемъ послѣдняго, представлявшимъ просторъ и возможность его стѣсненія. Вслѣдствіе этого, воззрѣніе на ссыльныхъ установилось въ крестьянствѣ почти враждебное, но явилось и другое зло: отсутствіе прочнаго положенія у ссыльнаго, отсутствіе всякаго имущества и его безправное положеніе, обусловливаемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, создали для него такое зависимое положеніе въ дѣлѣ изысканія труда, которое повело прямо къ кабалѣ. Ссыльный, даже при желаніи заняться трудомъ, ставится въ необходимость соглашаться на всѣ условія крестьянина.

Условія эти крайне невыгодны: ссыльный не имѣетъ никакихъ гарантій, что трудъ его оплатится. Въ самыхъ обидахъ, наносимыхъ хозяиномъ, онъ не можетъ найти управы. Все это не столько поощряетъ его, сколько отвращаетъ окончательно отъ труда и побуждаетъ къ бродяжеству. Оставляя деревни старожиловъ, ссыльные отправляются искать по Сибири болѣе выгоднаго заработка; поэтому они стремятся массами на пріиски, гдѣ, однако, встрѣчаютъ тотъ же кабальный трудъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Положеніе это рисуется слѣдующими чертами у автора «Списковъ населенныхъ мѣстъ въ томской губерніи»:

«Ссыльные, не имѣющіе осѣдлости, составляютъ большинство, они живутъ преимущественно въ работникахъ у старожиловъ, или переходятъ для работъ изъ одной деревни въ другую; но самая главная ихъ масса нанимается ежегодно на золотые пріиски. Результатомъ подобной жизни людей этого разряда бываетъ по бóльшей части крайняя нищета и преступность. Въ большинствѣ случаевъ это происходитъ отъ разгульной бездѣятельной жизни самихъ поселенцевъ, но частью же отъ равнодушія и даже нѣкотораго презрѣнія къ нимъ старожиловъ, которые не называютъ ихъ иначе, какъ «варнакъ», техническое слово, выражающее мошенникъ. Главной ловушкой для ссыльныхъ служатъ золотые пріиски, привлекающіе ихъ тѣмъ, что, проработавъ менѣе полугода, можно возвратиться съ деньгами, тѣмъ болѣе, что задатки даются впередъ весьма хорошіе. Однако же, заработки кончаются почти всегда тѣмъ, что ссыльный не только не приноситъ съ собой денегъ, но даже не имѣетъ возможности возвратиться въ мѣсто своей приписки. Наемъ въ работники къ старожиламъ не менѣе гибеленъ для ссыльныхъ. Старожилы, задатками и обѣщаніемъ устроить со временемъ жизнь ссыльнаго, удерживаютъ его годъ-за-годъ только до тѣхъ поръ, пока ссыльный имѣетъ силы работать; по истощеніи же силъ, отказываютъ такому работнику, не только не устроивъ его будущности, но даже иногда не заплативъ слѣдуемыхъ денегъ» [1]).

Кабальныя отношенія и несправедливость къ поселенческому труду, такимъ образомъ, вошли въ обыкновеніе въ Сибири во всѣхъ отрасляхъ занятій. Довершеніемъ характеристики быта ссыльныхъ по губерніямъ и ихъ положенія могутъ служить отзывы мѣстныхъ губернаторовъ въ ихъ ежегодныхъ отчетахъ. Начальникъ томской губерніи въ 1873 году доносилъ, напримѣръ, слѣдую-

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Р. И., изд. цент. статистич. комит. Т. LX, томск. губ., 1868 г., стр. LXXVI.

щее: «всѣхъ ссыльныхъ въ губерніи находится 50,000. Экономическій бытъ ссыльныхъ не измѣнился и по прежнему находится въ жалкомъ положеніи. Большая часть этихъ людей, отвыкнувъ отъ трудовой жизни, по прибытіи на мѣсто ссылки не имѣетъ осѣдлости и ведетъ жизнь почти бродячую. Осѣдлость пріобрѣтаютъ тѣ только изъ нихъ, которые приходятъ сюда съ семействами и приносятъ съ собой матеріальныя средства для первоначальнаго домообзаводства. Отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію хотя и не враждебное, но тѣмъ не менѣе всякій сибирякъ смотритъ недовѣрчиво на ссыльнаго, а ссыльный на сибиряка, и оба они не долюбливаютъ другъ друга».

Въ заключеніе, томскій губернаторъ характеризуетъ особенный наплывъ ссыльныхъ въ округахъ и обремененіе ими волостей. При скопленіи ссыльныхъ послѣдствіемъ является то, что многіе ссыльные при недостаткѣ заработковъ впадаютъ въ новое преступленіе и дѣлаются никуда негодными членами общества; поэтому начальникъ края находилъ бы нужнымъ пріостановить на десять лѣтъ снабженіе губерніи ссыльными.

Вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ занималъ постоянно высшее начальство, которымъ по соглашенію съ мѣстнымъ принимались различныя мѣры къ прочному водворенію ихъ на мѣстахъ поселенія. Енисейскій губернаторъ пишетъ: «устроивались казенныя поселенія изъ ссыльныхъ, выдавались и до сихъ поръ выдаются возвратныя и безвозвратныя пособія; были устроиваемы дома и цехи слугъ, ходатайствуется о разрѣшеніи ссыльнымъ пріобрѣтать недвижимое имущество», но всѣ принимавшіяся мѣры не привели къ ожидаемой цѣли и вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ. Въ настоящее время, путемъ различныхъ запросовъ лицами, хорошо знакомыми съ бытомъ ссыльныхъ и ихъ отношеніемъ къ коренному поселенію, добыты только свѣдѣнія, подкрѣпленныя цифровыми данными, которыя свидѣтельствуютъ, что коренное населеніе, какъ сельское, такъ и городское, страдаютъ отъ постояннаго наплыва ссыльныхъ, несетъ за нихъ тягости, а взамѣнъ не получаетъ ничего, кромѣ массы преступленій и заботъ о поддержаніи существованія, уже неспособныхъ ни къ какимъ работамъ по изнуренію, старости и т. п. Изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ «Народная нравственность», очевидно, что громадный процентъ преступленій падаетъ на ссыльныхъ, къ тому же, самыхъ важныхъ, въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе, и нравственность населенія, среди котораго они живутъ. Безъ всякаго участія ссыльныхъ, это населеніе, вслѣдствіе преступности ихъ, по необходимости несетъ обя-

занность устраивать и поддерживать волостныя и сельскія тюрьмы, разыскивать повсюду арестантовъ, держать надъ ними караулъ, отбывать этапную повинность, наряжать облавы, понятыхъ и т. д. Кромѣ того, бóльшая половина дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ суть дѣла по завѣдыванію ссыльно-поселенцами, а расходы на содержаніе этихъ управленій, простирающіеся до весьма значительной цифры, лежатъ исключительно на крестьянахъ. Наконецъ, поселенцы, признанные неспособными къ пропитанію себя, хотя и получаютъ ежегодно пособіе изъ поселенческаго капитала въ размѣрѣ 19 р. 13 к. на душу, все-таки остаются на попеченіи крестьянъ, такъ какъ за невозможностью существовать на полученное пособіе обращаются къ нищенству. Такимъ образомъ поселенцы, съ самаго вступленія въ Сибирь, еще полные силъ, въ рѣдкихъ случаяхъ обращаются къ труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояніе, а по бóльшей части поддерживаютъ свое существованіе работой случайной, неопредѣленной, переходя съ мѣста на мѣсто, чтó пріучаетъ ихъ къ бродяжничеству, или же нанимаются на золотые промыслы, заработываютъ тамъ хорошія деньги, но употребляютъ ихъ, по окончаніи операціи, на пьянство, разгульную жизнь, снова нанимаются и остаются на промыслахъ до старости или полнаго упадка физическихъ силъ отъ изнурительной работы. Съ наступленіемъ же этихъ періодовъ расходятся по деревнямъ и селеніямъ для нищенства».

Иркутскій губернаторъ, въ тѣхъ же отчетахъ, приводилъ, что положеніе ссыльныхъ находится неустроеннымъ до послѣдняго времени. Положеніе поселенцевъ, какъ по значительности числа ихъ, такъ и по разбросанности и по затруднительности регулированія этой бродячей массы, представляетъ болѣе трудности и часто совсѣмъ лишаетъ администрацію возможности принять какія-либо мѣры къ улучшенію быта этой части населенія, тѣмъ болѣе, что и средства администраціи крайне ограниченны.

Еще болѣе безутѣшнымъ представляется положеніе ссыльныхъ въ якутской области, по отчету ея начальника. Ссыльно-поселенцы якутской области въ селеніяхъ никакого хозяйства не имѣютъ; незнакомые съ образомъ жизни якутовъ и языкомъ ихъ, они никакъ не могутъ сжиться съ ними, и потому при первомъ случаѣ уходятъ на пріиски олекминскаго и киренскаго округовъ. Большинство изъ нихъ—бездомовныхъ, нисколько не заботится объ обезпеченіи своей будущности, и заработки пропадаютъ немедленно въ кабакахъ. Въ деревню они возвращаются послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, истощенные физически, увѣчные и дряхлые, гдѣ живутъ скитальчествомъ и подаяніемъ. Съ 1873 г. прибыло на поселе-

ніе въ область 115 скопцовъ и 584 человѣка башкиръ, но устройство ихъ невозможно, такъ какъ башкиры не имѣютъ собственныхъ средствъ на устройство. Они претерпѣваютъ во всемъ недостатокъ; скопцы также бѣдствуютъ. Сверхъ того, — якутскій начальникъ просилъ о прекращеніи ссылки старыхъ и дряхлыхъ сектантовъ, богадѣленъ для которыхъ нѣтъ достаточно, а содержаніе ихъ для правительства дорого (36 р. 50 к.). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ отчетовъ мѣстнаго сибирскаго начальства оказывается, что бытъ ссыльныхъ находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Большинство ссыльныхъ не находится на лицо: значительная часть изъ нихъ не имѣетъ никакого имущества и домообзаведенія, ведетъ бродячую жизнь, условія труда дурны и стѣснительны, средства обезпеченія скудны; даже у приписанныхъ и осѣдлыхъ ссыльно-поселенцевъ преимущественно господствуетъ бѣдность и нужда. Бѣдственное положеніе ссыльныхъ, обреченныхъ въ большинствѣ на бродяжничество и нищенство, свидѣтельствуется въ заключеніе накопляющимися на нихъ недоимками. По оффиціальнымъ отчетамъ означено, что въ томской губерніи недоимка на ссыльныхъ простирается до 41,015 рублей. Въ енисейской губерніи всего недоимки считалось въ 1873 г. 655,872 р. Большая часть недоимки считается на ссыльно-поселенцахъ и крестьянахъ изъ поселенцевъ, какъ выражается отчетъ. Въ иркутской губерніи только въ четырехъ волостяхъ за ссыльными числилось въ 1873 г. недоимокъ 20,783 р. Недоимки эти обусловливались тѣмъ, что ссыльные не имѣли собственности и никакихъ средствъ обзавестись хозяйствомъ, присутствіемъ дряхлыхъ и старыхъ, приписанныхъ къ обществамъ, отсутствіемъ ссыльныхъ въ неизвѣстной отлучкѣ и въ заключеніе отказомъ крестьянскихъ обществъ принимать эту недоимку на свой счетъ, такъ какъ приписка совершается безъ согласія общества. Но кромѣ податныхъ недоимокъ несостоятельность ссыльныхъ характеризуется хлѣбными долгами и ссудами изъ хлѣбныхъ капиталовъ. Хлѣбной недоимки на поселенцахъ иркутской губерніи вѣдѣнія экспедиціи о ссыльныхъ числилось 2256 р., тогда какъ на крестьянахъ только 940 р.; на ссыльныхъ болѣе, чѣмъ на инородцахъ (Памятн. книжк. иркут. губ. 1865 г.). Все это доказываетъ, что наши ссыльные во все время пребыванія въ Сибири обречены на бѣдственное существованіе. Понятно, что при такихъ условіяхъ никогда не было достижимо и исправленіе; напротивъ, должны были проявиться результаты обратные.

Намъ остается прибавить, что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіяся мѣры и попытки улучшенія быта ссыльныхъ, начиная

съ организаціи ихъ по деревнямъ въ 1809 г. и кончая проектами Сперанскаго и уставомъ о ссыльныхъ, не привели ни къ чему.

Мѣстная администрація никогда не въ силахъ была справиться съ массой присылаемыхъ ссыльныхъ и была занята исключительно только разсылкою и распредѣленіемъ ихъ по деревнямъ. Въ этомъ состоитъ роль ея до послѣдняго времени. Годъ отъ году увеличивающаяся ссылка принесла только безпорядокъ. Печальный бытъ ссыльныхъ остается все тотъ же, что̀ и сообщается въ ежегодныхъ отчетахъ.

III.

Нищенство, бродяжество и побѣги ссыльныхъ.

Дурныя матеріальныя условія жизни ссыльныхъ поселенцевъ создали изъ нихъ пролетаріатъ, который породилъ и многія другія явленія въ Сибири, а именно: нищенство, бродяжество и побѣги ссыльныхъ. Что касается нищенства поселенцевъ, то оно является обыденнымъ и обыкновеннымъ, которому уже никто не удивляется.

Масса дряхлыхъ и неспособныхъ ссыльныхъ содержится самимъ правительствомъ на казенномъ вспомоществованіи и въ богадѣльняхъ. Недостатокъ этихъ богадѣленъ однако постоянно вызываетъ жалобы мѣстнаго начальства, бо̀льшая часть нищенствующихъ живетъ насчетъ селъ и городовъ. Нѣкоторые города жалуются на обремененіе ихъ нищенствомъ; такъ, въ 1870 г. въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣчаемъ «мысли объ уничтоженіи бродяжества и нищихъ въ городѣ»; статья жалуется на скопленіе нищихъ, бродягъ и высчитываетъ тѣ суммы, которыя несетъ мѣстная благотворительность. Полагая самую умѣренную сумму по копѣйкѣ съ каждаго дома на нищихъ, и то образуется сумма въ 8000 р., но въ нѣкоторыхъ домахъ выходитъ до 10 руб. и болѣе въ годъ, пишетъ авторъ. Изъ нищихъ встрѣчаются и мелкіе воришки, причиняющіе ущербъ жителямъ; затѣмъ между ними находится масса дѣтей безъ призрѣнія. Факты эти привели мѣстнаго изслѣдователя къ мысли объ основаніи цѣлаго нищенскаго учрежденія и рабочаго дома, куда соединить всѣхъ нищенствующихъ ссыльныхъ, такъ какъ это было бы дешевле для города и полезнѣе для нравственности самихъ нищихъ («Томск. Губ. Вѣд.» 1870 г. № 20). Это показываетъ, что даже мѣстное общество, при безпорядочности нашей

ссылки, начало приходить въ мысли объ устройствѣ какого-нибудь исправительнаго заведенія (своего рода пенитенціарнаго заведенія) для блуждающихъ ссыльныхъ. Бродяжество и нищенство по деревнямъ, конечно, менѣе подлежатъ учету, но несомнѣнно, что содержаніе массы нищенствующихъ сводится къ значительнымъ пожертвованіямъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне для проходящихъ поселенцевъ строятъ и отводятъ особыя избы и содержатъ на свой счетъ проходящихъ ссыльныхъ, нерѣдко снабжая ихъ въ первое время и домашними принадлежностями. Проходящіе бѣглые, до 30-ти тысячъ въ годъ, исключительно ложатся на счетъ крестьянъ. Количество этого бродяжества, судя по отлучкамъ ссыльныхъ изъ волостей, засвидѣтельствованныхъ оффиціальными данными, огромно. По паспортнымъ книгамъ иркутской губерніи выдано было поселенцамъ видовъ для отлучекъ 9195, но масса поселенцевъ уходитъ безъ всякихъ паспортовъ или, взявъ ихъ только на первое время для отлучки, совершенно исчезаетъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же неестественныхъ условій, въ средѣ ссыльныхъ рождаются побѣги; побѣги эти идутъ съ каторги и съ поселенія; причинами ихъ являются, какъ доказано, для каторжныхъ—дурныя условія на каторгѣ, отсутствіе строго устроенныхъ мѣстъ заключенія, отсутствіе всякаго надзора и безнадежность самихъ каторжныхъ достигнуть когда-либо лучшаго положенія. Что касается до бѣгствъ ссыльно-поселенцевъ, то они обусловлены отчасти контингентомъ преступниковъ, изъ которыхъ присылается большинство уже готовыхъ бродягъ и людей неспособныхъ къ труду, дурными матеріальными условіями, встрѣчаемыми тотчасъ на мѣстѣ поселенія, отсутствіемъ всякаго имущества и связей въ мѣстѣ поселенія, невыгодными и несправедливыми отношеніями кабальнаго наемнаго труда, полной безправностью ссыльнаго въ мѣстѣ поселенія, дающею поводъ его притѣснять, безнадежностью ссыльнаго при безсрочной ссылкѣ и тоской по родинѣ. Бѣгства изъ Сибири начинаются уже изъ ссыльныхъ партій и съ дороги. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству военнаго министерства извѣстно, что при пѣшей пересылкѣ всегда оказывалось 15% бѣглыхъ на 120,000 передвижныхъ арестантовъ. Переходъ отъ бродяжества къ бѣгству у ссыльно-поселенцевъ является естественнымъ; для ссыльно-поселенца малѣйшій поводъ даетъ случай къ бѣгству; нанимающіеся на пріиски бѣгутъ съ нихъ и не возвращаются въ мѣста приписки изъ опасенія быть высланными назадъ, и это ихъ разомъ дѣлаетъ бѣглыми. Значительная часть ссыльныхъ не знаетъ что̀ дѣлать въ Сибири, и по привычкѣ къ скитальчеству, наконецъ подъ вліяніемъ чувства,

влекущихъ ихъ, естественно стремятся въ Россію. Бѣгство поселенцевъ, не имѣющихъ никакихъ препятствій, гораздо значительнѣе даже бѣгства каторжныхъ. Есть доказательства, что изъ одной губерніи, енисейской, въ три года ушло въ бѣга до 6000 поселенцевъ. Весь недосчитываемый статистическими переписями по волостямъ контингентъ приписанныхъ ссыльныхъ, равный 4/5, долженъ считаться въ большинствѣ на долю бѣглыхъ. Какъ мы приводили, по послѣдней повѣркѣ въ четырехъ иркутскихъ волостяхъ изъ 10,378 душъ числится 5651 въ бѣгахъ, кромѣ уволенныхъ на заработки. Въ манзуровской волости той же губерніи изъ 2400 приписанныхъ поселенцевъ только 300 живетъ на мѣстахъ причисленія, до 500 человѣкъ на золотыхъ промыслахъ и частныхъ работахъ, а остальные 1600 человѣкъ въ неизвѣстной отлучкѣ, т.-е. въ бѣгахъ. Мѣстами на 5000 поселенцевъ приходится только 300 въ наличности. Судя по этимъ исчисленіямъ по волостямъ, нужно положить почти половинное число на каждую губернію ссыльныхъ отсутствующихъ. На нѣкоторыя губерніи число это доходило до 20,000, а на весь контингентъ ссыльныхъ въ Сибири до 100,000. Число это было бы ужасно для бѣглыхъ, еслибы оно не заключало въ себѣ безвѣстно пропавшихъ въ бѣгахъ и погибшихъ; доказанъ и извѣстенъ, кромѣ того, тотъ фактъ, что масса бѣглыхъ убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лѣсамъ, ихъ просто стрѣляли какъ звѣря. Это дало поводъ одному изъ наблюдателей сибирской жизни замѣтить даже, что если бы крестьяне не уничтожали бѣглыхъ, то съ ними едва-ли Сибирь могла бы справиться (Д. Завалишинъ, письма о Сибири, «Моск. Вѣд.» 1865 г.) Погибель, самая страшная, массы людей такимъ путемъ заслуживаетъ вниманія даже болѣе, чѣмъ усиленная смертность ссыльныхъ. Исчисленіе бродягъ показываетъ приблизительно, что число пропавшихъ безъ вѣсти, т.-е. погибшихъ въ лѣсахъ, должно считать до 2/3. Такимъ образомъ на существующій въ живыхъ и постоянно передвигающійся контингентъ бѣглыхъ приходится положить не менѣе 30,000—40,000 [1]). Число пойманныхъ ссыльныхъ въ Сибири и въ Россіи могло бы дать нѣкоторое понятіе о всемъ количествѣ побѣговъ, но, къ сожалѣнію, данныя эти не вездѣ извѣстны, отчетности имъ не велось и они не сведены ни къ какому общему итогу. Что касается Сибири, то собраніе этихъ

[1]) Это подтверждается и многими другими данными: отзывами и свѣдѣніями, добытыми нами въ Сибири при этнографическомъ изслѣдованіи распредѣленія сибирскаго бродяжества (см. Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, Ядринцева).

свѣдѣній затруднялось тѣмъ, что ссыльные бѣглые судились различными вѣдомствами, а именно: гражданскими судами, судомъ военнымъ, гдѣ побѣги сопряжены были съ значительными преступленіями, наконецъ полицейскими управленіями, которыя исключительно разбирали бродягъ. Поэтому число бѣглыхъ не вошло ни въ однѣ судебныя вѣдомости, не вошло оно и въ какіе бы то ни было статистическіе отчеты. Значительная часть бѣгло-каторжныхъ просто высылалась назадъ на заводы. Однако значительность бѣгствъ изъ Сибири свидѣтельствуется тѣмъ, что съ 1827 по 1846 г. въ числѣ ссыльныхъ въ Сибирь, по свѣдѣніямъ тобольскаго Приказа, означено было 18,328 возвращенныхъ сибирскихъ бѣглыхъ. По отчетамъ, опубликованнымъ г. Максимовымъ изъ вѣдомостей сибирскихъ заводовъ видно, что со всѣхъ заводовъ каждое десятилѣтіе бѣжало 12,929 человѣкъ, ловили же и возвращали ихъ только 2730 чел. Въ девять лѣтъ въ Сибири было поймано 13,788 бродягъ мужчинъ и 3528 женщинъ. Бѣгства изъ Сибири не прекращаются и до послѣдняго времени. Къ 1-му января 1859 г. считалось во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ не возвращенныхъ изъ бѣговъ ссыльно-каторжныхъ 3104 и 508 горныхъ служителей. Въ бѣгахъ оказывалось, такимъ образомъ, 24% всѣхъ ссыльныхъ. По свѣдѣніямъ 1869, 1870 и 1871 гг., представленнымъ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ Власову при ревизіи сибирской каторги видно, что съ кары нерчинскихъ пріисковъ изъ числа 7462 чел. бѣжало 1016. Вообще съ Амура, съ Сахалина, съ Забайкальскихъ каторжныхъ работъ за это время изъ 10,228 каторжныхъ бѣжало 1430 чел. Процентъ бѣглыхъ мѣстами доходитъ до 50%.

По имѣющейся оффиціальной таблицѣ иркутскаго солевареннаго завода за нѣсколько лѣтъ, которую мы могли добыть, видно, что съ 1860 по 1870 на 2999 рабочихъ процентъ бѣглыхъ равняется ежегодно:

Въ	1860	25 %
»	1861	9 »
»	1862	18½ »
»	1863	28½ »
»	1864	32½ »
»	1865	32½ »
»	1866	90½ »
»	1867	53½ »
»	1868	37½ »
»	1869	45 »
»	1870	41 »

Такимъ образомъ, можно убѣдиться, что были годы, когда съ иркутскаго соловареннаго завода уходили изъ 100 человѣкъ 90!

Причины побѣговъ съ каторги до сихъ поръ не устранены и находятся въ связи съ ея недостатками и неустройствами, на что ссылаются мѣстныя власти. Послѣднія свѣдѣнія о положеніи каторги, заимствованныя нами изъ оффиціальныхъ отчетовъ, рисуютъ слѣдующую картину. Въ 1873 году, на нерчинскихъ рудникахъ было 2758 ссыльно-каторжныхъ; бо́льшая часть ихъ употреблялась на золотые промыслы кабинета. Ссыльно-каторжные только испытуемые содержатся въ тюрьмахъ, а разряда исправляющихся, по неимѣнію помѣщеній, живутъ внѣ тюремъ, въ собственныхъ домахъ и по квартирамъ у другихъ ссыльныхъ и обывателей. Зданія, въ которыхъ содержатся каторжные, ветхи и тѣсны; та же тѣснота въ казармахъ конвоя, которая не даетъ возможности держать три смѣны. Больные преступники помѣщаются въ зданіи, которое находится въ разрушенномъ состояніи; вслѣдствіе такого положенія тюремъ приступлено было къ выводу изъ карійскихъ промысловъ «богадѣльщихъ» въ числѣ 300 человѣкъ. Бѣжало съ заводовъ ссыльно-каторжныхъ въ этомъ году 585 человѣкъ, а возвращено изъ бѣговъ 28. Кромѣ того, въ забайкальской области взято 372 бродяги. Въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50 преступленій.

Въ иркутской губерніи ссыльно-каторжныхъ въ 1873 году считалось 1867. Они содержались въ солеваренныхъ заводахъ, иркутскомъ и усть-кутскомъ, желѣзно-дѣлательномъ николаевскомъ и частію въ вновь строющейся александровской центральной тюрьмѣ (бывшемъ винокуренномъ заводѣ). Въ этой тюрьмѣ помѣщено въ концѣ 1873 года 384 челов. об. п. Каторжные содержатся частью въ квартирахъ, частью въ казармахъ по неимѣнію тюремъ, вслѣдствіе чего побѣги значительны. Въ 1873 году изъ иркутскаго солеваренаго завода бѣжало 231 человѣкъ, а изъ александровской тюрьмы — 16 человѣкъ. Въ 1872 году изъ усть-кутскаго изъ 110 человѣкъ бѣжало 56.

О содержаніи ссыльныхъ на Сахалинѣ мы имѣемъ свѣдѣнія по отчетамъ г. Власова, извѣстнымъ многимъ; но вотъ послѣднія публикуемыя свѣдѣнія о тяжкихъ условіяхъ тамъ. Журналъ «Здоровье» сообщаетъ слѣдующія подробности о Корсаковскомъ постѣ на островѣ Сахалинѣ: «по оффиціальному отзыву отъ завѣдывающаго ссыльно-каторжными, помѣщеніе для нихъ весьма неудовлетворительно. Когда вы подходите къ острожному дому, то васъ поражаетъ угрюмость и непривѣтливость зданія, притомъ зданіе видимо разрушается. По фасаду на южную сторону, онъ

имѣетъ длины 65 футовъ; входъ въ него съ сѣверной стороны. Прежде всего вступаешь въ небольшой холодный корридоръ, а направо и налѣво находятся общія мужскія камеры, съ трехъ сторонъ которыхъ построены нары, шириною 5 фут., а высотою 2 фута. Посреди комнаты, поддерживаемой двумя столбами, стоитъ ушатъ съ водой. Надъ нарами протянуты веревки, гдѣ просушиваютъ свое платье ссыльно-каторжные. Высота комнаты 11 футовъ, а сама она почти квадратная, въ длину и въ ширину около 26 фут. Свѣту относительно величины комнаты весьма мало; это помѣщеніе, имѣющее 21 кубическую сажень вмѣстимости, назначено для 40 или для 49 ночующихъ человѣкъ, которымъ не всегда хватаетъ мѣста на нарахъ и нѣкоторые изъ нихъ въ такомъ случаѣ должны спать подъ нарами. Въ этомъ помѣщеніи холодно. Воздухъ промзглый, напоминающій воздухъ анатомическаго института, и когда мнѣ приходилось среди полночи бывать здѣсь вмѣстѣ съ начальникомъ сахалинскаго отряда, то онъ положительно не могъ выносить этого воздуха. Немудрено, при тѣснотѣ помѣщенія, достигнуть такихъ качествъ воздуха, когда среди комнаты стоитъ безъ всякихъ предосторожностей параша съ нечистотами, награждая усталыхъ отъ работы и сонныхъ заключенныхъ своимъ зловоніемъ. Въ другомъ помѣщеніи, по лѣвую сторону, имѣющемъ такіе же размѣры, ночуетъ отъ 20 до 30 ссыльно-каторжныхъ, да караулъ человѣкъ въ 20 солдатъ; тутъ же помѣщается и гауптвахта въ видѣ темныхъ кануръ. Можетъ быть, для ссыльно-каторжныхъ такая стѣснительная обстановка допускается, какъ мѣра наказанія; но караулъ солдатъ тутъ же не причемъ, и за что онъ долженъ испытывать такое наказаніе —неизвѣстно.

«Въ женскомъ отдѣленіи ссыльно-каторжныя женщины еще больше стѣснены, да вдобавокъ здѣсь висятъ дѣтскія люльки и тутъ же сушатъ пеленки. Въ три года умерло отъ чахотки 15 ссыльно-каторжныхъ, смерть которыхъ, можно сказать прямо, произошла отъ отвратительнаго помѣщенія. Если, какъ слышно, съ навигаціей 1875 г. прибудутъ черезъ Суэзъ новыя партіи ссыльно-каторжныхъ, то въ посту Корсаковскомъ, при теперешнемъ помѣщеніи ссыльно-каторжныхъ, можно ожидать повальнаго развитія тифозныхъ болѣзней. Для леченія же ссыльно-каторжныхъ сюда присланы изъ Николаевска испорченные медикаменты, а въ травахъ и корняхъ были черви. Отношеніе между заболѣвшими ссыльно-каторжными къ общему числу ихъ было въ 1874 г. какъ 227.2 : 100, т.-е. каждый заболѣвалъ болѣе, чѣмъ два раза въ годъ; отношеніе умершихъ къ общему числу какъ 11.7:

100, т.-е. при такихъ условіяхъ теперешнее ссыльно-каторжное населеніе должно вымереть въ $8^1/_2$ лѣтъ!»

Такимъ образомъ, тяжкія условія каторги при безпорядочномъ и неустроенномъ состояніи естественно вызвали побѣги. Въ прежнее время это было столь привычное явленіе, что начальникъ завода при пріемѣ партіи выкрикивалъ: «кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣмъ!» Каторжнымъ предоставлялось на волю оставаться на заводѣ или уходить немедленно. Одежда же, которую не брали бѣглые во избѣжаніе преслѣдованій, представляла выгодную экономію начальству. Начальство знало, что все равно каторжныхъ не удержишь,—результатомъ явилось, что нѣтъ такого опытнаго каторжнаго или бродяги, который не былъ бы увѣренъ, что онъ уйдетъ съ сибирской каторги. Въ послѣднее время это заявляется гласными процессами. Корреспондентъ одной газеты передаетъ (1875 г.) о слѣдующей сценѣ, происходившей 23 января въ ярославскомъ окружномъ судѣ, при объявленіи въ окончательной формѣ рѣшенія суда бѣглому каторжнику Гарному (онъ же Гармановъ). Эффектно звеня цѣпями и поглаживая свою бородку, онъ спокойно выслушалъ судебный приговоръ, обрекавшій его на каторжную работу въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и одного мѣсяца, и на семьдесятъ-одинъ ударъ плетьми. Когда былъ объявленъ этотъ приговоръ, Гарный, до того времени молчавшій, оперся на рѣшетку и повторилъ:

— Семьдесятъ одна плеть! Двѣнадцать лѣтъ съ мѣсяцемъ въ каторгѣ! Многонько-съ, господа судьи! Строгонько-съ!

Ему велѣли молчать; но Гарный, очевидно, рисуясь передъ публикой, произнесъ слѣдующій протестъ противъ судебнаго рѣшенія:

— Вѣдь, пожалуй, и лошадь не вынесетъ 71 удара! И зачѣмъ меня осудили къ нечеткѣ? Почему не 70 плетей? Лучше бы ужъ дали круглое число, 75, да ровно на 12 лѣтъ или на 13 годковъ въ каторгѣ быть приказали... Ну, ужъ судъ! Господа судьи были строги, а господа присяжные спали.

Гарный освѣдомился, кто исполнялъ обязанность старшины, и далъ обѣщаніе когда-нибудь покороче познакомиться съ нимъ. Такое обѣщаніе смутило многихъ присяжныхъ, вовсе не желавшихъ воспользоваться знакомствомъ съ головорѣзомъ, который далѣе потребовалъ возвращенія ему разныхъ отобранныхъ у него вещей и денегъ.

Предсѣдательствовавшій, г. Волковъ, объяснилъ дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровіе и полное достоинство, подобаю-

щее суду, что вещи и деньги пойдутъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Гарный, выслушавъ этотъ законный отвѣтъ, воскликнулъ:

— Ну, судъ! У вора деньги воруютъ!.. Ну, да ничего: пусть мои денежки полежатъ здѣсь въ сохранности, по крайней мѣрѣ проценты накопятся. *Я вѣдь возвращусь сюда и получу капиталъ съ процентами...*

Бродяжничество въ Сибири до послѣдняго времени не уменьшается. Въ одной томской губерніи поймано бродягъ:

Въ 1870	году	1600
» 1871	»	904
» 1872	»	662
» 1873	»	703

Въ Забайкальѣ до 500 человѣкъ и т. д.

Это показываетъ, что бѣгство и бродяжество ссыльныхъ и каторжныхъ продолжаетъ существовать въ Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопросъ объ этомъ и принятыя въ послѣдніе годы въ Восточной Сибири особенныя преслѣдованія бѣглыхъ. Даже самый Сахалинъ не гарантируетъ отъ бѣгства, такъ какъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ видно, что съ поста Дуэ, съ 1869 по 1871 г., бѣжало до 60 каторжныхъ, черезъ проливъ поймано изъ нихъ 27, 8 убито при поимкѣ, а 25 такъ и исчезли. Одинъ изъ нашихъ бѣглыхъ каторжныхъ на Сахалинѣ перерѣзалъ цѣлое японское семейство. Все это приводитъ къ заключенію, что побѣги эти не могутъ быть устранены при настоящей формѣ и положеніи ссылки. Постройка каторжныхъ тюремъ не прекратитъ бродяжничества и побѣговъ ссыльно-поселенцевъ, не могущихъ примириться съ ссылкою. Мѣстныя условія Сибири только благопріятствуютъ этому: обширныя пространства, невозможность услѣдить за ссыльными, покровительство и пристанодержательство бродягамъ со стороны другихъ ссыльныхъ, составляющихъ осѣдлое населеніе, наконецъ, терпимость и боязнь со стороны крестьянъ, обусловленная ихъ собственными интересами, не начинать войны съ ссыльнымъ бродячимъ элементомъ, изъ опасенія мести поджогами, которыми угрожаютъ ссыльные, въ случаѣ ихъ поимки; въ заключеніе, администрація въ Сибири, какъ сама сознается, не обладаетъ достаточными средствами и силами бороться съ этимъ явленіемъ, а тѣмъ менѣе прекратить его. Сибирскія тюрьмы по тракту до того наполняются иногда бродягами, что мѣстное начальство отказывается помѣщать ихъ и дается увѣдомленіе волостнымъ властямъ оффиціально «прекратить преслѣ-

дованіе бродягъ». Томскій губернаторъ сдѣлалъ однажды около города облаву, и въ одно утро было взято 800 человѣкъ. Такія облавы на бѣглыхъ, какъ на волковъ, устроиваются во всѣхъ сибирскихъ городахъ. Около нѣкоторыхъ деревень Сибири зимуютъ по 2 и по 3 т. скопившихся этихъ странниковъ; въ сибирскихъ тюрьмахъ сосредоточивается временами по 1000 и 1500 бѣглыхъ бродягъ. Въ екатеринбургскомъ зàмкѣ недавно встрѣчалось по 300 задержанныхъ бродягъ изъ ссыльныхъ, возвращающихся въ Россію. Бѣглые изъ Сибири попадаются во всѣхъ городахъ Россіи и въ Петербургѣ. Съ 1867 г. по 1873 годъ, по свѣдѣніямъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера было задержано въ Петербургѣ 8015 бродягъ, 145 бѣглыхъ и 276 дезертировъ—таково распространеніе изъ Сибири бродяжества. Нечего говорить, что оно не можетъ быть устранено частными мѣрами. Оно находится въ связи съ неудовлетворительною системою. Нѣкоторые, объясняя бродяжество, какъ явленіе мирное, находятъ его не столь опаснымъ, какъ другіе; но это, во-первыхъ, не подтверждается, ибо преступленія бродягъ значительны; а второе, во всякомъ случаѣ, условія жизни, сопровождаемыя бродяжествомъ, и результатъ его — острогъ, плети или гибель, едвали могутъ считаться нормальными, и самое явленіе желательнымъ для кого-либо. Достаточно для того разсмотрѣть ближе самыя преступленія бродягъ; мы увидимъ при этомъ, какое они оказываютъ вліяніе на общій уровень нравственности.

Н. Ядринцевъ.

СМОЛЕНСКОЕ ЗЕМСТВО

По поводу вопроса объ упадкѣ благосостоянія Смоленской губерніи.

Если вопросъ о положеніи сельскаго хозяйства, о бытѣ сельскихъ обывателей и о мѣрахъ, необходимыхъ для улучшенія того и другого, представляетъ, въ настоящее время, первостепенную важность для всей Россіи—то тѣмъ важнѣе онъ для мѣстностей, которыя вслѣдствіе скудости почвы страдаютъ отъ частыхъ неурожаевъ, гдѣ жители не имѣютъ заработковъ вслѣдствіе слабаго развитія фабричной дѣятельности и отсутствія промысловъ, и гдѣ, слѣдовательно, невыгодныя стороны нашей сельской жизни и хозяйства отзываются гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, надѣленныхъ болѣе благопріятными условіями. По той же причинѣ и самый вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства и быта сельскихъ сословій нуждается не только въ общей постановкѣ, но и, главнѣйшимъ образомъ, въ разработкѣ и изученіи по частямъ тѣхъ мѣстныхъ, часто исключительныхъ, условій, среди которыхъ приходится жить и хозяйничать сельскому люду. Нельзя также не признать, что, кромѣ общихъ мѣропріятій, кромѣ улучшенія общихъ условій сельской жизни и движенія законодательства въ этомъ направленіи, возможны и необходимы частныя мѣры, способныя устранить причины упадка и разстройства отдѣльныхъ мѣстностей.

Изученіе положенія и условій сельскаго хозяйства въ Россіи поставлено на очередь самимъ правительствомъ. Докладъ Высочайше утвержденной коммиссіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства представилъ общій очеркъ настоящаго состоянія сельскаго хозяйства въ Россіи; но этого еще далеко недостаточно: чтобы вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства сталъ на болѣе твердую практи-

ческую почву, необходимо, чтобы земства, съ своей стороны, занялись изученіемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій хозяйства; указали какъ общія, такъ и частныя причины его упадка и изыскали мѣры для ихъ устраненія. Хотя подобныя изслѣдованія составляютъ одну изъ высшихъ задачъ земства, въ кругъ обязанностей котораго положеніе о земскихъ учрежденіяхъ включило:—„представленіе, чрезъ губернское начальство, высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и пользъ губерніи или уѣзда и ходатайство по симъ предметамъ" (§ 2, ст. XII, Полож. о Земскихъ Учрежд.),—тѣмъ не менѣе намъ неизвѣстно, чтобы какое-либо земство, за исключеніемъ смоленскаго, предприняло подобнаго рода изслѣдованія.

Смоленская губернія, за которой уже издавна упрочилась репутація одной изъ бѣднѣйшихъ губерній Россіи, несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей, которыя болѣе другихъ нуждаются въ частныхъ мѣрахъ для устраненія причинъ все болѣе и болѣе увеличивающагося обѣднѣнія. Голодъ 1867 года и послѣдующіе неурожайные годы сдѣлали положеніе ея жителей настолько бѣдственнымъ и тяжелымъ, что само правительство, видя страшное накопленіе недоимокъ, снарядило особую коммиссію для изученія на мѣстѣ экономическаго положенія крестьянъ; съ другой стороны, смоленское земство, утомленное постоянными заботами пріискивать средства для прокормленія голодающаго населенія, поставило своей задачей изыскать коренныя мѣры къ улучшенію быта губерніи. Труды правительственной коммиссіи, пріѣзжавшей въ 1870 году въ смоленскую губернію, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Гирса, не были обнародованы, и только нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ встрѣчаются въ матеріалахъ, приложенныхъ къ докладу Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи; практическимъ послѣдствіемъ ея дѣятельности, можно думать, были чисто частныя мѣры — разсрочка недоимокъ и отсрочка въ уплатѣ выкупныхъ платежей для нѣкоторыхъ крестьянъ только западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи. Земство, проработавъ два года, также окончило свою задачу, причемъ окончательные результаты его изслѣдованій мы находимъ въ журналахъ чрезвычайнаго губернскаго собранія, бывшаго въ февралѣ и мартѣ 1874 года.

Тому обстоятельству, что земство окончило свой трудъ уже спустя нѣсколько времени послѣ обнародованія доклада сельско-хозяйственной коммиссіи, мы придаемъ особую важность. Извѣстно, что въ отношеніи трудовъ коммиссіи былъ высказанъ тотъ упрекъ, что собранныя ею свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ отличаются крайней отрывочностью, часто несогласованы между собою, и потому не мо-

гутъ дать прочныхъ выводовъ для рѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса, и что соображенія и заключенія коммиссіи совершенно общаго свойства и скорѣе имѣютъ цѣлью обратить вниманіе правительства на ту или другую сторону сельскаго хозяйства, чѣмъ предрѣшить тѣ или другія мѣры окончательно. Смоленское земство, напротивъ, сразу стало на практическую почву и занялось отысканіемъ коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи. Сопоставляя труды коммиссіи и земства, мы вправѣ были ожидать, что работа земства будетъ важнымъ матеріаломъ для критической оцѣнки и повѣрки свѣдѣній коммиссіи и живой иллюстраціей въ отношеніи условій сельско-хозяйственнаго быта жителей смоленской губерніи, и что данныя, добытыя земствомъ, дадутъ возможность разрѣшить и осуществить тѣ безспорно-полезныя мѣропріятія, которыя правительственная коммиссія едва могла намѣтить. Къ сожалѣнію, наши надежды не оправдались: земство также не подготовило твердой почвы для своихъ изслѣдованій; оно даже не потрудилось изучить тѣ условія, среди которыхъ приходится жить и вести хозяйство сельскому населенію, и—что́ гораздо хуже—старалось объяснить многія неудовлетворительныя стороны сельскаго быта губерніи съ той исключительной точки зрѣнія, которая рѣшительно не можетъ способствовать безпристрастному рѣшенію вопроса.

Однако, какъ бы то ни было, смоленское земство было первымъ, которому пришлось практически заняться вопросомъ объ улучшеніи мѣстныхъ условій сельскаго хозяйства и быта сельскихъ обывателей, и это первенство досталось ему, къ сожалѣнію, не потому, что его представители готовы считать себя передовыми по своей интеллигенціи, по способности къ обсужденію вопросовъ высшаго свойства, а потому, что жители смоленской губерніи стоятъ впереди другихъ по своей бѣдности, по скудости своей почвы, по количеству своихъ недоимокъ и вообще по невыгоднымъ сторонамъ своего экономическаго быта, и что они передовые изъ числа тѣхъ, которые нуждаются въ исключительныхъ мѣрахъ помощи и спасенія. Все это придаетъ труду земства, несмотря на его недостатки, настолько важное значеніе, что мы рѣшились посвятить настоящую статью, какъ вообще вопросу объ упадкѣ благосостоянія смоленской губерніи, такъ въ частности—разбору тѣхъ заключеній, къ которымъ пришло земство по этому предмету.

I.

Реформа 19 февраля 1861 года была такимъ важнымъ фактомъ въ экономической жизни Россіи, настолько измѣнила весь строй этой жизни и условія быта сельскихъ жителей, что судить о настоящемъ положеніи смоленской губерніи можно только сравнивъ это настоящее со временемъ, предшествовавшимъ реформѣ; тогда только будутъ ясны и осязательны результаты, которые дала реформа для экономическаго развитія губерніи, и тогда только можно намѣтить и самое направленіе этого развитія. Вотъ почему мы обращаемся къ положенію смоленской губерніи почти за 10 лѣтъ до освобожденія крестьянъ, а именно ко времени 50-хъ годовъ, выбирая этотъ періодъ времени уже потому, что русская литература обладаетъ произведеніемъ, гдѣ сельско-хозяйственный бытъ смоленской губерніи за это время нашелъ себѣ болѣе или менѣе полное опредѣленіе. Произведеніе это—„Сельско-хозяйственная статистика смоленской губерніи", изданная въ 1855 году Я. Соловьевымъ. Пользуясь ею и другими источниками, мы сдѣлаемъ очеркъ положенія смоленской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ до-реформенное время.

Уже на первыхъ страницахъ своего труда Соловьевъ опредѣляетъ тогдашнее положеніе губерніи слѣдующими словами:—„малое приращеніе населенія, упадокъ городовъ, уменьшеніе пространства воздѣлываемыхъ земель, накопленіе недоимокъ, обѣднѣніе страны,—все это такія явленія, изъ которыхъ бо́льшая часть противорѣчитъ общему порядку—движенію впередъ". Причины такого неудовлетворительнаго положенія губерніи, по мнѣнію Соловьева, кроются не только въ экономическихъ условіяхъ, но и въ историческихъ фактахъ: опустошенія 1812 года оставили особенно глубокіе слѣды. Независимо отъ значительныхъ жертвъ въ отечественную войну людьми, хлѣбомъ и деньгами, по вычисленію Я. Соловьева, сумма потерь въ строеніяхъ и движимомъ имуществѣ, для жителей девяти уѣздовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія, простиралась до 74.372,844 рублей; сверхъ того, было расхищено разнаго скота до 500 т. головъ и осталось незасѣянною третья часть всѣхъ пахатныхъ земель, а именно 320 т. десятинъ; населеніе уменьшилось на 86,373, т.-е. на 8%. По словамъ Соловьева, общее благосостояніе было потрясено въ самомъ корнѣ; помѣщики и крестьяне, чтобы обратиться къ прежнему своему быту, должны были войти въ частные и казенные долги; чрезвычайные расходы вели за собой чрезвычайныя усилія къ возвращенію потеряннаго достоянія. Въ мѣстности, обильной источниками богатства, усилія эти увѣнчались бы успѣ-

хомъ; но смоленская губернія бѣдна этими источниками, которыхъ едва достаетъ на содержаніе жителей въ обыкновенное время. Изъ этого выходятъ два заключенія, изъ которыхъ каждое зависитъ отъ другого. Во-первыхъ, отечественная война до сихъ поръ (говорится о 50-хъ годахъ) оставила слѣды на смоленской губерніи. Во-вторыхъ, это именно доказываетъ бѣдность средствъ, которая въ теченіе 40 лѣтъ не позволила вознаградить потерь, причиненныхъ войною.

Обращаясь къ частностямъ сельско-хозяйственнаго быта губерніи въ 50-хъ годахъ, мы находимъ, что сельскіе жители составляли главную массу населенія, а именно: 1.024,960 душъ обоего пола, или 94% всего населенія; горожане только 6%, или 58,289 душъ. Въ числѣ сельскихъ жителей числилось: а) помѣщиковъ 15,955 душъ обоего пола; б) государственныхъ крестьянъ 197,999, и в) помѣщичьихъ крестьянъ 774,535 д., въ томъ числѣ дворовыхъ 57,616 д. Государственные крестьяне составляли 19%, а помѣщичьи крестьяне 75% общаго числа сельскихъ жителей. Крѣпостныя души распредѣлялись слѣдующимъ образомъ между помѣщиками: въ западныхъ, бѣлорусскихъ уѣздахъ [1]) на каждаго владѣльца приходилось отъ 36 до 81 души; въ четырехъ же восточныхъ или великорусскихъ уѣздахъ на каждаго владѣльца среднимъ числомъ приходилось:

Въ вяземскомъ. . . .	100	душъ	муж.	пола.
„ юхновскомъ . . .	139	„	„	„
„ сычевскомъ . . .	283	„	„	„
„ гжатскомъ. . . .	323	„	„	„

У сельскихъ обывателей считалось всей, удобной и неудобной, земли 4.843,913 дес., въ томъ числѣ казенныхъ земель 607,630 дес. Изъ этого числа, при генеральномъ межеваніи считалось пахатныхъ земель 1.837,575 дес. Но Соловьевъ уменьшилъ эту цифру до 1.462,907 дес., принявъ, при опредѣленіи количества пахатной земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что каждое рабочее тягло обработывало по 7 дес. въ господскихъ и крестьянскихъ поляхъ. Однако рецензентъ книги Соловьева, Ивановъ [2]), находилъ ее преувеличенной; онъ не оспаривалъ количества пахатной земли, положенной на каждое тягло, но самое число тяголъ находилъ невѣрнымъ въ томъ отношеніи, что Соловьевъ полагалъ на тягло по двѣ души, по его же соображеніямъ ихъ слѣдовало класть по 3 души. Такимъ образомъ,

---

[1]) Уѣзды: бѣльскій, дорогобужскій, духовщинскій, ельнинскій, краснинскій, порѣчьскій и рославскій.

[2]) С. Ивановъ. Статистич. очеркъ состоянія смоленской губ., „Русскій Вѣстникъ“ 1857 г.

можно признать, что послѣ генеральнаго межеванія запашки уменьшились значительнымъ образомъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій для веденія хозяйства. Скудость и истощеніе почвы были однимъ изъ этихъ условій, послѣдствія котораго выражались частыми неурожаями и малой производительностью почвы. Съ 1833 по 1855 годъ было 11 неурожайныхъ годовъ, т.-е. изъ общаго числа половина неурожайныхъ лѣтъ [1]); средніе же урожаи Соловьевъ опредѣлялъ для ржи въ 3 и $3\frac{1}{2}$ зерна и для овса въ 2 и $2\frac{1}{2}$ зерна. Болѣе обильное удобреніе могло бы возвысить плодородіе почвы; но скотоводство, которое дало бы удобреніе, было крайне недостаточно, отчасти по неимѣнію хорошихъ луговъ, отчасти по случаю частыхъ падежей. По вычисленію Соловьева, на одну десятину пашни приходилось немного болѣе полъ-десятины луга или 38 пудовъ сѣна; между тѣмъ, какъ, по мнѣнію хозяевъ, трехпольное хозяйство можетъ держаться только въ томъ случаѣ, когда на каждую десятину пашни приходится не менѣе 150 пудовъ хорошаго сѣна. Какъ ни ничтожно количество луговой земли, принятое Соловьевымъ, но можно думать, что и оно было преувеличено. Вильсонъ [2]) считаетъ въ смоленской губ. на 100 дес. пашни луговой земли 43,1 десят., т.-е. менѣе полъ-десятины. Съ теченіемъ времени количество кормовыхъ средствъ не только не увеличивалось, но, напротивъ, уменьшалось. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по объясненію Иванова [3]), покосныя земли, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, съ каждымъ днемъ исчезали, зарастая кустарниками. Въ связи съ этимъ, вѣроятно, шло и уменьшеніе количества скота. Такъ, въ 1851 году, по отчетамъ губернатора и свѣдѣніямъ статистическаго комитета, считалось въ губерніи:

Лошадей.	438,000	головъ.
Рогатаго скота . . .	479,000	„
Овецъ.	520,000	„
Свиней	204,000	„

а въ 1861 году, т.-е. черезъ 10 лѣтъ, было:

Лошадей.	368,000	головъ.
Рогатаго скота . . .	475,000	„
Овецъ	467,000	„
Свиней	177,000	„ [4]).

---

[1]) Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія изданы минист. внутр. дѣлъ, 1860 г.; неурожайные годы: 1833, 1840, 41, 44, 45, 46, 1850, 51, 52, 53 и 1855.

[2]) Вильсонъ. Объясненія къ сельско-хозяйственному атласу, изд. 1869.

[3]) Ивановъ. Очеркъ, стр. 614.

[4]) Матеріалы Высоч. утвержд. коммиссіи для изслѣдованія хозяйства, т. IV.

По вычисленію Соловьева, на каждую десятину парового поля приходилось около двухъ штукъ крупнаго скота (1,8 штуки), тогда какъ для поддержанія урожайности почвы необходимо, по крайней мѣрѣ, 6 штукъ крупнаго скота. У крестьянъ количество удобренія уменьшалось извозами; то же удобреніе, которое имѣлось, главнѣйшимъ образомъ употреблялось на коноплянники. При такихъ условіяхъ, истощеніе земли должно было усиливаться годъ отъ году, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаться и количество запашекъ, чтó и было въ дѣйствительности.

Недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ считался одной изъ главныхъ причинъ упадка помѣщичьихъ хозяйствъ; но кредитъ, который явился вслѣдствіе возможности залога имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ, не только не помогъ хозяйству, но даже способствовалъ къ уменьшенію средствъ и доходовъ съ имѣній, такъ какъ только немногіе воспользовались занятыми капиталами для улучшенія хозяйствъ, большинство же обременило долгами свои имѣнія и потому встрѣчало только затрудненія въ уплатѣ %, особенно въ неурожайные годы; часто владѣльцы должны были продавать за безцѣнокъ свои произведенія, не дожидаясь хорошихъ цѣнъ, какъ скоро подходили сроки платежей опекунскому совѣту [1]). Какъ велики были долги на помѣщичьихъ имѣніяхъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: къ 1-му іюля 1859 г. всѣхъ заложенныхъ имѣній было 2,338, съ 264,278 душами крестьянъ мужского пола, то-есть изъ общаго числа крестьянъ по 10-й ревизіи (343,433 помѣщ. крестьянина) въ залогѣ было 76% На означенныхъ имѣніяхъ числилось долгу 18.502,131 руб. и недоимокъ 611,966 руб., то-есть на каждомъ имѣніи было долгу 7,947 руб., а на каждой душѣ 70 руб. [2]). Но этимъ не ограничивались долги помѣщиковъ; по случаю неурожая 1846 г., имъ дана была ссуда изъ кредитныхъ установленій по 10 руб. на душу, а въ 1851 году дано заимообразно, для прокормленія крестьянъ, 386 т. Такимъ образомъ, на помѣщичьихъ имѣніяхъ накопился долгъ въ 2 или 3 милліона, единственно для прокормленія крестьянъ [3]).

Доходы, которые получали помѣщики при даровой обработкѣ земли, опредѣлялись Соловьевымъ сообразно средней урожайности, и среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ [4]), съ десятины ржаного поля,

---

1) Ивановъ. Очеркъ, стр. 606.

2) Цебриковъ. Смоленская губ. Матеріалы для статистики Россіи, собранные офицерами генерал. штаба, стр. 225.

3) Соловьевъ. Статистика, стр. 243.

4) Среднія цѣны: ржи 3 р. 15 к. за четверть, овесъ 1 р. 56 к., ячмень 2 р. 3 к. Статист. Соловьева, стр. 319.

въ 11 руб. 81 коп., и съ десятины ярового хлѣба въ 8 руб. 51 коп.; а такъ какъ рабочее тягло обработывало обыкновенно помѣщику 2 десятины земли, одну въ озимомъ, а другую въ яровомъ полѣ, то доходъ отъ рабочаго тягла составлялъ 20 руб. 32 коп. При такихъ доходахъ, земледѣліе, по мнѣнію Иванова, не могло представлять утѣшительныхъ явленій. Размѣръ оброковъ съ тягла, по свѣдѣніямъ Соловьева, составлялъ 20 руб., по свѣдѣніямъ же редакціонныхъ коммиссій, онъ опредѣлялся въ 25 руб. съ тягла [1]).

Низкому доходу съ имѣній соотвѣтствовали и низкія цѣны на имѣнія. По выводамъ Соловьева, средняя цѣна за душу при 13 дес. составляла, въ періодъ 1841—1850 годовъ, 117 руб.; такимъ образомъ, цѣна заселенной земли была 9 руб. за десятину; по уѣздамъ она измѣнялась отъ 6-ти до 14-ти рублей. Степень и густота населенія мѣстности вліяли на повышеніе цѣнъ; десятина незаселенной земли стбила, среднимъ числомъ, $5^1/_2$ рублей.

Въ пятилѣтіе, послѣ крымской войны, цѣны на хлѣбъ значительно повысились, такъ-что средняя цѣна ржи въ смоленской губ., въ 1857—1859 годахъ, была 4 руб. 86 коп. за четверть [2]), т.-е. на 53% выше цѣнъ, принятыхъ Соловьевымъ; это, въ свою очередь, вѣроятно повліяло на продажныя цѣны незаселенной земли, которыя въ 1854—1859 г. были значительно выше принятыхъ Соловьевымъ, а именно, въ западныхъ уѣздахъ отъ 6-ти до 13-ти руб., а въ восточныхъ отъ 11-ти до 23-хъ руб. за десятину [3]).

Такъ какъ работники, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія для обработки помѣщичьихъ полей доставлялись крестьянами, поэтому всѣ недостатки крестьянскаго хозяйства отзывались и на помѣщичьемъ. Положеніе же крестьянъ, не только помѣщичьихъ, но и государственныхъ, было крайне неудовлетворительно. Принятое дѣленіе губерніи на восточную и западную части имѣло не только этнографическое, но и экономическое значеніе. Въ восточныхъ уѣздахъ, населенныхъ великоруссами, имѣнія помѣщиковъ, какъ мы видѣли, по числу крѣпостныхъ душъ, были крупнѣе, чѣмъ въ уѣздахъ западныхъ, населенныхъ бѣлоруссами. Это обстоятельство вліяло какъ на положеніе хозяйствъ самихъ владѣльцевъ, которые имѣли болѣе средствъ для ихъ улучшенія, такъ и на положеніе крестьянъ, ибо можно признать, что крѣпостное право въ своихъ проявленіяхъ

---

[1]) Матеріалы редакц. ком. Томъ III, кн. 2. Также у Скребицкаго. Крестьянское дѣло. Т. III.

[2]) По отчетамъ министер. внутр. дѣлъ, въ объясненіяхъ къ Сел. Хоз. атласу Вильсона, стр. 212—217.

[3]) По свѣдѣн. хозяйственнаго департ. и земскаго отдѣла, въ прилож. къ докладу сельской коммиссіи, т. IV.

выражалось слабѣе въ большихъ имѣніяхъ, чѣмъ въ имѣніяхъ мелкихъ владѣльцевъ. Бо́льшая часть оброчныхъ крестьянъ находилась въ восточныхъ уѣздахъ; какъ это обстоятельство, такъ равно близость къ Москвѣ и этнографическія причины—бо́льшая предпріимчивость и смышленость великоруссовъ сравнительно съ бѣлоруссами обусловливали болѣе сильное развитіе промышленной дѣятельности въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ среди казенныхъ крестьянъ было вдвое болѣе промышленниковъ, чѣмъ въ уѣздахъ западныхъ. Выручка промышленниковъ и вообще цѣны на трудъ были выше въ восточныхъ уѣздахъ, чѣмъ въ западныхъ, вслѣдствіе этого хозяйство и бытъ крестьянъ восточныхъ уѣздовъ были удовлетворительнѣе.

Годовыя издержки семьи, состоящей изъ 8-ми душъ обоего пола, Соловьевъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ:

Въ великорусскихъ уѣздахъ:

На пищу	83	руб. 85	коп.
„ одежду	60	„ —	„
„ отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ строеній, домашнее обзаведеніе и церковныя требы	25	„ 66	„
А всего. . . .	169	руб. 51	коп.

Въ бѣлорусскихъ уѣздахъ:

На пищу.	75	руб. 32	коп.
„ одежду	42	„ —	„
„ отопленіе, освѣщеніе и проч.	18	„ 6	„
А всего: . . .	135	руб. 38	коп.

Какъ ни ничтожно, повидимому, количество означенныхъ издержекъ, однако выручить ихъ крестьянамъ было почти невозможно. Сопоставляя доходы крестьянъ отъ земли и заработковъ съ необходимыми расходами, мы лучше всего оцѣнимъ ихъ матеріальное положеніе. Съ этой цѣлью мы съ особенной подробностью остановимся на условіяхъ быта государственныхъ крестьянъ, какъ потому, что свѣдѣнія о нихъ, собранныя Соловьевымъ, отличаются значительной точностью, такъ и потому, что ихъ положеніе, оставшееся безъ существенныхъ измѣненій послѣ реформы 1861 года, можетъ служить весьма удобнымъ мѣриломъ для сравненія съ нимъ положенія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ до реформы, такъ и послѣ нея.

По свѣдѣніямъ 1852 года, государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ [1]), числилось 91,987 душъ мужского пола, съ 470,366 десятинами удобной земли. Среднимъ числомъ на

[1]) Кромѣ государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, числилось 2105 душъ, жившихъ на собственныхъ земляхъ въ количествѣ 16,065 дес.

душу приходилось по 5 десятинъ; цифра эта измѣнялась по уѣздамъ отъ $3^3/_4$ десят. для сычевскаго, до $5^1/_4$ д. для бѣльскаго уѣзда. Пахатной земли на каждую душу приходилось 2,5 десятины и коноплянника 133 квадр. саженъ [1]). Крестьяне, за исключеніемъ зажиточныхъ, почти не нанимали пахатныхъ земель; но за то нанимали въ значительномъ количествѣ луга у помѣщиковъ и ихъ крестьянъ, что̀ было вполнѣ необходимо для поддержанія ихъ хозяйствъ [2]). На семью въ 8 душъ обоего пола приходилось пахатной земли 10 дес. и огорода 732 кв. сажени, доходъ же отъ пахатной земли въ двухъ поляхъ составлялъ 67 руб. 73 коп. и отъ коноплянника 7 руб. 60 к., а всего 75 руб. 33 к. Такимъ образомъ доходъ отъ земли былъ недостаточенъ для одного прокормленія семьи, на что̀ требовалось отъ 83 р. 85 к. до 75 р. 32 к. Этотъ недостатокъ выражался тѣмъ, что крестьяне, хотя и продавали часть ярового урожая, а также коноплю и пеньку, но за то должны были прикупать ржи на большую сумму. Придерживаясь разсчетовъ Соловьева [3]), ежегодный недостатокъ въ хлѣбѣ для семьи составлялъ 3 четв. 2 четв. Опредѣленія дохода отъ земли и разсчетъ хлѣба, недостающаго на продовольствіе, если и грѣшатъ противъ дѣйствительности, то развѣ тѣмъ, что доходъ слишкомъ преувеличенъ, а количество хлѣба, необходимаго на продовольствіе, уменьшено. Дѣло въ томъ, что доходъ отъ земли Соловьевъ опредѣлялъ по урожаю ржи въ 3,5 зерна и овса въ 2,8 зерна; но въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣлялъ урожай ржи у государственныхъ крестьянъ въ 3,25 зерна [4]). По оффиціальнымъ же даннымъ за то же время онъ былъ еще ниже [5]). Разсчетъ ржи на продовольствіе уже потому можно считать уменьшеннымъ, что не было принято въ разсчетъ, что рожь идетъ въ кормъ и скоту (на посыпку).

Во всякомъ случаѣ доходъ отъ земли былъ недостаточенъ для прокормленія семьи; этотъ недостатокъ, а также всѣ остальные расходы семьи, считая, кромѣ того, и подати, должны были быть покрыты изъ заработковъ; отсюда видно, какое громадное значеніе

---

[1]) Свѣдѣнія о количествѣ казенныхъ земель у государственныхъ крестьянъ и о распредѣленіи ихъ по угодьямъ вполнѣ точны, такъ какъ основаны на измѣреніи, произведенномъ при оцѣнкѣ ихъ для опредѣленія повинностей.

[2]) Соловьевъ. Статистика, стр. 180.

[3]) За вычетомъ сѣмянъ, урожай съ $3^1/_3$ дес. ржаного поля составлялъ $12^1/_2$ четвертей; на продовольствіе 2-хъ взрослыхъ мужчинъ по 3 чет. каждому, 2-хъ взрослыхъ женщинъ по 2 чет. 2 мѣры, а для дѣтей и стариковъ вполовину, а всего 15 чет. 6 мѣръ.

[4]) Соловьевъ, стр. 300.

[5]) По отчетамъ смолен. губернаторовъ за 1847—1857 гг. урожай ржи 2,20 зерна, овса 2,04. Цебрикова, стр. 193.

имѣли заработки въ бытовой жизни крестьянъ. Но условія для заработковъ были крайне невыгодны: государственные крестьяне обработывали столько же земли, сколько обработывали ее и помѣщичьи барщинные крестьяне для себя; свободнаго же времени они имѣли вдвое больше, и потому могли отпускать на заработки половину работниковъ и работницъ; а между тѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Соловьевымъ, изъ 100 работниковъ въ великорусскихъ уѣздахъ промышляло заработками только 32, а въ бѣлорусскихъ всего 17. Нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, что число крестьянъ-промышленниковъ далеко не достигало числа лицъ, свободныхъ отъ земледѣлія, и что въ этомъ выражалось слабое развитіе промышленной дѣятельности губерніи. Къ тому же, господствующіе промыслы принадлежали къ числу мало-прибыльныхъ: извозы уменьшали средства къ удобренію полей; работники по земледѣлію и судорабочіе заработывали немного; выше другихъ были заработки плотниковъ и фабричныхъ. Годовыя прибыли за исключеніемъ расходовъ на содержаніе Соловьевъ опредѣлялъ для восточныхъ уѣздовъ отъ 17 руб. (для земледѣльческаго работника) до 35 руб. (для фабричнаго), и для западныхъ уѣздовъ отъ 13 до 30 рублей. Въ западныхъ уѣздахъ преобладали относительно невыгодные промыслы, преимущественно наемъ въ работники по земледѣлію; фабричныхъ между ними почти не было. Въ восточныхъ уѣздахъ крестьяне нанимались на фабрики и заводы, какъ мѣстные, такъ и столичные, и вообще заработывали больше.

Итакъ, благодаря существовавшимъ условіямъ заработокъ нашей семьи былъ настолько ничтоженъ, что едва ли могъ покрывать расходы на покупку хлѣба и уплату податей, которые составляли на душу 4 руб. 67 коп., а на семью 18 руб. 68 коп. Затѣмъ, всѣ остальные расходы семьи должны бы составить ежегодный, весьма значительный дефицитъ, и, только допуская, что крестьяне совсѣмъ не тратили денегъ на одежду и обувь, отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ построекъ и удовлетворяли расходамъ на эти потребности изъ домашнихъ средствъ, что въ пищу они употребляли не чистый, а пушной хлѣбъ, — мы будемъ въ состояніи объяснить, какимъ образомъ они сводили концы съ концами въ своихъ приходахъ и расходахъ и удовлетворяли тѣ потребности, которыя составляли *minimum* того, что̀ необходимо для самаго скуднаго и жалкаго существованія. Недостатокъ въ средствахъ и вообще тяжелыя условія жизни вынуждали государственныхъ крестьянъ, особенно изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они были надѣлены меньшимъ количествомъ или худшимъ качествомъ земли, переселяться за предѣлы губерніи [1]). Изъ всего вышеизложен-

[1]) Съ 1835 по 1852 годъ переселилось изъ смоленской губ. государств. крестьянъ 14,321 душа обоего пола. Соловьевъ, Статистика, стр. 102.

наго мы могли легко убѣдиться, что положеніе государственныхъ крестьянъ было далеко неудовлетворительно; несмотря однако на это недоимки на нихъ были незначительны. Такъ, въ 1858 году на нимъ числилось только по 40 к. на душу [1]). Затѣмъ, до 1867 года недоимки не превышали 63 коп. на душу [2]), и только послѣ неурожаевъ они увеличивались значительнымъ образомъ; такъ, послѣ неурожая 1850 года они составляли на душу по 10 руб. 41½ коп. [3]), а послѣ неурожая 1867 года и послѣдующихъ лѣтъ по 5 руб. [4]).

Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губ. представляло существенныя особенности сравнительно съ положеніемъ государственныхъ крестьянъ. Сколько они имѣли земли до изданія Положенія 19 февраля—сказать довольно трудно; какъ Соловьевъ, такъ и рецензентъ его, Ивановъ, считали у крестьянъ кругомъ по 11 десятинъ на душу мужского пола; но они дѣлали ту ошибку, что раскладывали всю помѣщичью землю и даже лѣса по числу душъ мужского пола. Въ матеріалахъ редакціонныхъ коммиссій надѣлъ считался только въ 4,1 десят. на душу [5]); но это, очевидно, невѣрно, такъ какъ, несмотря на значительныя отрѣзки земли при введеніи уставныхъ грамотъ, крестьяне все-таки получили среднимъ числомъ по 4 десят. на душу, какъ видно изъ отчетовъ о ходѣ выкупной операціи. Можно думать, что помѣщичьи крестьяне имѣли не меньше, если не больше земли, чѣмъ государственные крестьяне, и пользовались бóльшими удобствами относительно выгоновъ и пастбищъ. Ивановъ признаетъ, что помѣщичьи крестьяне имѣли земли несравненно болѣе, чѣмъ государственные, и этимъ объясняетъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ при переселеніяхъ число крестьянъ не только не убавилось, но, напротивъ, увеличилось [6]). Число пахатной земли у помѣщичьихъ крестьянъ было также не меньше, чѣмъ у государственныхъ; Ивановъ утверждалъ, что оно было больше [7]). Соловьевъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, опредѣлялъ количество пахатной земли на душу въ 2,4 дес., и этотъ разсчетъ вполнѣ подтверждался оффиціальными свѣдѣніями о количествѣ хлѣба, высѣвавшагося помѣщи-

---

1) „Статистическій обзоръ государст. имуществъ за 1858 годъ“. Изд. мин. госуд. имуществъ, 1861 г.

2) Извлеченіе изъ трудовъ коммиссіи, пріѣзжавшей въ 1870 году, подъ предсѣдат. т. с. Гирса, въ прилож. къ докладу сел. ком. Прил. 1, отд. III, стр. 26—36.

3) Соловьевъ, стр. 246.

4) Докладъ ком. Прилож. 1, отд. III, стр. 26—36.

5) „Военно-Статистическій Сборникъ“, т. IV, стр. 196.

6) Ивановъ, Очеркъ, стр. 606.

7) Тамъ же, стр. 795.

чьими крестьянами [1]). Средніе урожаи съ земель помѣщичьихъ крестьянъ Соловьевъ принималъ нѣсколько ниже, чѣмъ съ земель государственныхъ крестьянъ; но это едва ли было правильно, такъ какъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ урожаи у нихъ были даже выше [2]), что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что число рогатаго скота у помѣщичьихъ крестьянъ было не меньше, а число лошадей, вслѣдствіе отбыванія барщины, даже больше, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ [3]).

Изъ числа помѣщичьихъ крестьянъ передъ реформой было оброчныхъ крестьянъ 91,619 душъ муж. пола [4]), т.-е. почти столько же, сколько и государственныхъ крестьянъ; положеніе ихъ весьма мало отличалось отъ положенія казенныхъ крестьянъ; они также должны были испытывать недостатокъ въ средствахъ продовольствія, и также страдать отъ недостатка заработковъ. Оброкъ съ рабочаго тягла былъ 25 руб. 8 коп., а съ души 10 руб. 50 коп. [5]). Кромѣ того, приходилось съ души казенныхъ повинностей 1 р. 65 к., а всего 12 р. 15 к. Такимъ образомъ, помѣщичьи крестьяне платили значительно больше денежныхъ повинностей, чѣмъ государственные. По мнѣнію Иванова, эта разница уравнивалась бòльшимъ надѣломъ помѣщичьихъ крестьянъ и пользованіемъ владѣльческими лѣсами [6]). Нельзя также не принять въ разсчетъ того обстоятельства, что помѣщичьи оброчные крестьяне находились почти исключительно въ великорусскихъ уѣздахъ, гдѣ заработки были легче и выгоднѣе, тогда какъ большинство, а именно ³/₅ казенныхъ крестьянъ находились въ бѣлорусскихъ уѣздахъ, гдѣ помѣщичьи крестьяне, по мнѣнію Соловьева, за недостаткомъ заработковъ не могли бы вынести и самаго легкаго оброка [7]).

Большинство помѣщичьихъ крестьянъ, а именно 245,908 душъ мужского пола [8]), было на издѣльной повинности. Кромѣ казенныхъ податей въ количествѣ 1 р. 65 к. на душу, они не несли никакихъ денежныхъ повинностей въ пользу владѣльцевъ; но за то обработы-

---

[1]) По Соловьеву, помѣщичьи крестьяне должны были сѣять ржи 418,402⁶/₈ чет. (стр. 282). По отчетамъ губернатора за 1847—1857 гг., они сѣяли среднимъ числомъ по 422,783 четв. Цебриковъ, Смоленская губ., стр. 193.

[2]) По отчетамъ губернатора за 1847—1857 годы средній урожай у казенныхъ крестьянъ: ржи 2,20, ярового 2,04; у помѣщичьихъ крестьянъ ржи 2,66, ярового 2,23.

[3]) Ивановъ, Очеркъ, стр. 795.

[4]) Матеріалы редакц. коммиссіи, т. 3, кн. 2.

[5]) Тамъ же. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ считалось 337,527 душъ м. п.; тяголъ 141,800, т.-е. на тягло 2,38 души.

[6]) Ивановъ, Очеркъ, стр. 621.

[7]) Соловьевъ, стр. 194.

[8]) Матер. редакц. коммиссіи, т. III, кн. 2.

вали ихъ земли и вообще исполняли различныя работы по хозяйству. При этомъ существовало двѣ системы отбыванія работъ: или половина работниковъ постоянно находилась на господскихъ работахъ, или же вся господская запашка дѣлилась по тягламъ, которыя были обязаны обработывать земли. Первая система преимущественно преобладала въ западныхъ уѣздахъ. По мнѣнію Иванова, благосостояніе крестьянъ было выше тамъ, гдѣ повинности ихъ были опредѣлены не днями работы, а количествомъ обработываемой земли; въ этомъ случаѣ собственныя выгоды побуждали крестьянъ къ трудолюбію и дѣятельности, тогда какъ на барщинѣ крестьяне часто проводили время безъ работы и старались дѣлать какъ можно менѣе и какъ-нибудь [1]); хотя денежныя повинности барщинныхъ крестьянъ были не велики, но чтобы уплатить ихъ, а также купить недостающее количество хлѣба на продовольствіе, соли и проч. имъ также приходилось заработывать на сторонѣ, но ясно, что заработки для нихъ, по недостатку свободнаго времени, были крайне затруднительны и развѣ только зимой они могли промышлять извозами. Вотъ что́ по этому поводу говорится въ „Хозяйственномъ календарѣ смоленскаго помѣщика“ [2]): „Въ январѣ, а если зима установится, то и въ декабрѣ крестьяне отправляются въ дальніе извозы, въ чемъ не должно имъ препятствовать, напротивъ, надо поощрять, въ противномъ случаѣ они должны будутъ продать весь свой хлѣбъ для удовлетворенія своихъ необходимыхъ денежныхъ повинностей“. Тутъ же авторъ добавляетъ, „что отъ крестьянина, отправляющагося въ извозъ, должно требовать, чтобы онъ, вмѣсто себя, оставлялъ человѣка и по одной лошади на тягло для отправленія господскихъ работъ и поставки хлѣба, тѣмъ болѣе, что извозами занимаются лучшіе дворы“.

Сравнивая положеніе помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ смоленской губерніи въ до-реформенное время, мы видимъ, что ихъ хозяйства ничѣмъ не отличаются между собою; въ быту ихъ также едва ли была значительная разница. Правда, оброчные крестьяне платили больше денежныхъ повинностей, чѣмъ государственные крестьяне, но за то они пользовались бо́льшими удобствами въ земельныхъ угодьяхъ, не нанимали, подобно государственнымъ крестьянамъ, пастбищъ и луговъ и даже отдавали въ наймы луга государственнымъ крестьянамъ. Что же касается барщинныхъ крестьянъ, то хотя они имѣли вдвое меньше свободнаго времени, чѣмъ государственные крестьяне, однако вслѣдствіе затрудненія въ заработкахъ, особенно

---

[1]) Ивановъ. Очеркъ, стр. 617 и 623.

[2]) Хозяйств. календарь, Храповицкаго, 1844 г.

въ западныхъ уѣздахъ, этотъ излишекъ свободнаго времени почти пропадалъ даромъ, и барщина потому была удобнѣе самыхъ низкихъ оброковъ. По тому же самому крестьяне, по отзыву Соловьева, охотно отбывали казенныя повинности натурой и весьма неохотно соглашались на замѣну ихъ деньгами. Недоимки на помѣщичьихъ, даже въ тяжелые годы, были меньше, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ; такъ, послѣ неурожая 1850 г., когда на государственныхъ крестьянахъ было по 10 р. 41½ коп. недоимки на душу, на помѣщичьихъ крестьянъ было всего по 3 р. 50 на душу; это можетъ служить подтвержденіемъ, что бытъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ, во всякомъ случаѣ, не хуже быта государственныхъ крестьянъ.

Все, чтó было говорено до сихъ поръ о положеніи крестьянъ, мы полагаемъ, достаточно убѣждаетъ, какъ трудно было имъ заработывать средства для удовлетворенія самыхъ скудныхъ потребностей; о затратахъ на улучшеніе хозяйства, о сбереженіяхъ на черный день, конечно, не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ постоянное, хотя и незамѣтное оскудѣніе выпахиваемой земли должно было понижать средніе урожаи, увеличивать число неурожайныхъ лѣтъ, а съ ними неизбѣжныя затрудненія и бѣдствія. Лучшее доказательство постояннаго ухудшенія быта крестьянъ мы находимъ въ постепенномъ уменьшеніи ежегоднаго прироста населенія губерніи: съ 1816 г. (7-я ревизія) по 1835 годъ (8-я ревизія) населеніе ежегодно возрастало на ½%; съ 1835 г. по 1851 годъ (9-я ревизія) на ⅕%, а съ 1851 по 1859 г. на ⅛% [1]).

Оканчивая обзоръ сельско-хозяйственнаго быта помѣщиковъ и крестьянъ въ 50-хъ годахъ, мы считаемъ необходимымъ указать на тѣ мѣры, которыя въ то время признавались полезными для улучшенія хозяйства и быта населенія.

Первою мѣрою для улучшенія сельскаго хозяйства г. Ивановъ [2]) полагалъ временное уменьшеніе запашекъ съ цѣлью возстановить истощенное плодородіе почвы; по его мнѣнію, „при уменьшеніи пространства пахатныхъ земель будетъ возможность лучше удобрять оставшіяся поля, а вмѣстѣ съ тѣмъ запущенная подъ лугъ пашня дастъ средство прокормить бóльшее число скота; посѣвъ травъ по этимъ запускамъ еще болѣе увеличитъ массу кормовыхъ средствъ и улучшитъ состояніе почвы запущенныхъ пространствъ. При такихъ условіяхъ можно будетъ надѣяться на скорое возстановленіе плодородія оставшихся пахатныхъ земель, чтó также усилитъ скотоводство увеличеніемъ урожая соломы“. По достиженіи этого результата

---

1) Цебриковъ, Смоленская губ., стр. 139.

2) Ивановъ, Очеркъ, стр. 828—830.

можно будетъ снова увеличить запашку, но осторожно и постепенно: „не должно думать,—добавляетъ Ивановъ,—чтобы при истощенной почвѣ уменьшеніе запашки уменьшило доходъ; сосредоточенныя на меньшемъ пространствѣ средства удобренія и воздѣлыванія дадутъ съ меньшихъ полей ту же массу зеренъ и соломы, какая при бóльшемъ количествѣ труда получалась съ большого пространства". Второй мѣрой для экономическаго развитія мѣстности онъ считалъ устройство достаточнаго числа заводовъ и фабрикъ, для чего представлялись всѣ удобства—обиліе топлива и строительныхъ матеріаловъ, низкая заработная плата и пути сообщенія. Кромѣ того, онъ указывалъ на необходимость усилить сбытъ лѣса и сельско-хозяйственныхъ произведеній улучшеніемъ путей сообщеній. Всѣ эти мѣстныя мѣры должны были, по его мнѣнію, предоставить смоленской губерніи весьма значительное мѣсто въ общей производительной и промышленной дѣятельности нашего отечества.

II.

Отмѣна крѣпостного права произвела великую перемѣну въ условіяхъ сельскаго хозяйства; она, по выраженію доклада коммиссіи, изслѣдовавшей положеніе сельскаго хозяйства, *разсѣкла* существовавшую въ до-реформенное время хозяйственно-земельную группу угодій на двѣ отдѣльныя, другъ отъ друга независимыя группы—помѣщичью и крестьянскую. Помѣщичье хозяйство не-черноземной полосы въ особенности испытало на себѣ тяжесть наступившаго кризиса. Недостатокъ капиталовъ, отсутствіе поземельнаго кредита и необходимыхъ въ хозяйствѣ практическихъ свѣдѣній—сдѣлали переходъ отъ обязательнаго труда къ наемному крайне затруднительнымъ; оказалось, что многія земли, обработываемыя даровымъ трудомъ, вслѣдствіе ихъ малой урожайности не только не было выгодно, но даже убыточно обработывать наемнымъ трудомъ. Запашки стали сокращаться; это явленіе—общее для всѣхъ не-черноземныхъ губерній Россіи, за исключеніемъ остзейскаго края, котораго, впрочемъ, и не коснулась реформа 1861 г. Въ смоленской губерніи запашки, по общему мнѣнію, уменьшились у помѣщиковъ на половину и даже на двѣ-трети. Во многихъ мѣстахъ, по объясненію Чеславскаго [1]), земля была такъ истощена, что хозяйство и совсѣмъ нельзя было вести вольно-наемнымъ трудомъ.

Уменьшеніе запашекъ, какъ мы видѣли, предлагалось еще до

[1]) Докладъ ком. Прилож., т. VI, часть 1, стр. 80.

реформы, съ цѣлью возстановить плодородіе почвы, а потому нельзя не видѣть въ этомъ первый шагъ къ болѣе раціональной системѣ полеводства; затѣмъ требовалось увеличеніе кормовыхъ средствъ для развитія скотоводства, которое въ свою очередь дало бы необходимое удобреніе. Однако, въ десятилѣтіе послѣ реформы скотоводство не только не увеличилось, но значительно уменьшилось, такъ что въ 1871 году числилось:

Лошадей	308,000
Рогатаго скота	300,000
Овецъ	431,000
Свиней	125,000 [1])

Противъ 1861 года число лошадей уменьшилось на 37%, а число рогатаго скота на 17%; къ сожалѣнію, неизвѣстно, насколько именно уменьшилось число скота у помѣщиковъ. Можно предполагать, что уменьшеніе числа лошадей произошло исключительно у крестьянъ,—съ одной стороны, отъ недостатка выгоновъ и пастбищъ, и вообще упадка ихъ хозяйствъ, и съ другой стороны, отъ прекращенія извозовъ съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ; напротивъ, помѣщики съ переходомъ къ вольнонаемному труду должны были увеличить, а большинство даже вновь завести рабочихъ лошадей. Если предположить, что абсолютно число скота у помѣщиковъ уменьшилось, то во всякомъ случаѣ оно увеличилось въ отношеніи сократившихся запашекъ. По свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной коммиссіи, большинство помѣщичьихъ хозяйствъ въ смоленской губерніи находится въ упадкѣ отъ недостатка улучшеній, капиталовъ и слабаго развитія скотоводства; однако у иныхъ помѣщиковъ оно и улучшилось. Нельзя не признать, что существующія условія сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ таковы, что, конечно, не могутъ способствовать процвѣтанію хозяйства въ смоленской губерніи. Орловско-витебская желѣзная дорога, прорѣзавъ губернію, открыла сбытъ хлѣба въ балтійскихъ портахъ для черноземныхъ губерній, съ которыми соперничать смоленская губернія не въ силахъ. Главный продуктъ хозяйства—рожь—требуется теперь только для продовольствія мѣстныхъ жителей и на мѣстные винокуренные заводы, и только овесъ и ячмень идутъ еще къ балтійскимъ портамъ и заграницу; цѣны на хлѣбъ въ пятилѣтіе послѣ реформы хотя и повысились, но весьма не много [2]), а между тѣмъ цѣны на рабочія руки растутъ все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, смоленскимъ хозяевамъ приходится вести свое хозяйство при двойномъ дѣйствіи увеличиваю-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, свѣдѣнія изъ отчетовъ губернаторовъ.

[2]) Вильсонъ, Объясненія къ С. Х. атласу, стр. 212.

щейся конкурренціи хлѣбородныхъ губерній и постоянномъ возрастаніи цѣнъ на трудъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ самое улучшеніе хозяйства требуетъ величайшей осторожности и благоразумія; является также необходимость ввести культуру такихъ растеній, которыя могли бы давать наиболѣе дохода и имѣли бы болѣе легкій сбытъ; во многихъ мѣстностяхъ такимъ растеніемъ можетъ быть ленъ, который даетъ значительные доходы. Развитіе фабрикъ и заводовъ для переработки мѣстныхъ произведеній и улучшеніе быта и средствъ крестьянъ, мы полагаемъ, должны также помочь помѣщичьимъ хозяйствамъ. И теперь крестьяне охотно берутъ помѣщичью землю въ наемъ или съ половины, а также нуждаются въ выгонахъ и пастбищахъ; съ развитіемъ же ихъ хозяйствъ потребности въ землѣ и угодьяхъ сдѣлаются сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастетъ цѣнность и доходность помѣщичьихъ земель. Вліяніе развитія фабричной дѣятельности на цѣнность земель лучше всего доказывается примѣромъ владимірской губерніи, скудныя земли которой цѣнятся дороже плодородныхъ земель волынской губерніи [1]).

Винить реформу 19-го февраля за упадокъ благосостоянія смоленскихъ помѣщиковъ было бы крайне несправедливо. Въ видѣ выкупной суммы, не считая дополнительныхъ платежей, они получили не только хорошую цѣну за землю, поступившую въ надѣлъ крестьянъ, но и значительное вознагражденіе за отмѣну ихъ дарового, личнаго труда; съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ открылся сбытъ для лѣса, цѣны на который во многихъ мѣстахъ поднялись значительно; цѣнность земель также возвысилась, а это указываетъ на увеличеніе ея доходности. Упадокъ сельскаго хозяйства помѣщиковъ признавался еще до реформы, и причинами его считались истощеніе почвы и недостатокъ скотоводства; отмѣна крѣпостного права только приблизила тотъ кризисъ, который неминуемо долженъ былъ разрѣшиться вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя имѣютъ столь рѣшительное вліяніе на положеніе хозяйства въ губерніи въ настоящее время—экономическаго развитія хлѣбородныхъ губерній и постройки желѣзныхъ дорогъ, открывшихъ сбытъ для ихъ произведеній.

Хотя докладъ коммиссіи и признаетъ, что крестьянское хозяйство въ переходное время, слѣдовавшее за реформой 19-го февраля, было обстановлено лучше, чѣмъ хозяйство помѣщичье, тѣмъ, что оно не только не испытывало на себѣ какого-либо потрясенія, но, наоборотъ, благодаря этому потрясенію на другой половинѣ, землевладѣльческой, получило возможность располагать суммою удвоенныхъ

---

[1]) Прилож. къ докладу, т. IV, свѣдѣнія статистическія.

рабочихъ рукъ; однако же, по ея выводамъ, во всѣхъ центральныхъ, не-черноземныхъ губерніяхъ, восточныхъ и сѣверныхъ, за исключеніемъ сѣверо-западнаго края, ухудшились и даже иногда значительно, и хозяйство и бытъ крестьянъ. Въ быту оказался недостатокъ заработка, недостатокъ хлѣба, соли, топлива и всего, чѣмъ держится крестьянская жизнь; въ хозяйствѣ оказался недостатокъ земли, выгона, лѣса, сѣнокоса и рабочаго скота. Вслѣдствіе этого большинство крестьянъ обѣднѣло даже сравнительно съ до-реформенною бѣдностью. Нечего говорить, что все это выпало на долю и смоленскому крестьянину.

Полнѣйшее отсутствіе статистическихъ данныхъ относительно хозяйства и быта крестьянъ въ десятилѣтіе послѣ реформы 1861 года, дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе и самаго вопроса, которому посвящена наша статья; несмотря однако на это, мы будемъ держаться уже принятой нами методы и сравнимъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ послѣ введенія положенія 19-го февраля съ положеніемъ государственныхъ крестьянъ въ то же время.

Положеніе государственныхъ крестьянъ до 1861 года, какъ мы видѣли, если и нельзя было назвать удовлетворительнымъ, то по крайней мѣрѣ сноснымъ. Въ десятилѣтіе 1861—1871 г. въ ихъ хозяйствѣ и бытѣ не произошло никакой особой перемѣны. Если съ постояннымъ истощеніемъ почвы, возрастаніемъ населенія и повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ увеличились расходы на продовольствіе, то, съ другой стороны, повысились цѣны на трудъ; положеніе помѣщичьихъ крестьянъ до реформы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи размѣра хозяйственныхъ угодій, признавалось выгоднѣе положенія государственныхъ крестьянъ. Съ введеніемъ положенія 19-го февраля, помѣщичьи крестьяне, вслѣдствіе установленныхъ надѣловъ, лишились значительнаго количества земель; ихъ надѣлъ сразу понизился до 4 десятинъ и меньше, и сдѣлался гораздо менѣе надѣла государственныхъ крестьянъ; кромѣ того, они лишились пастбищъ, выгоновъ, пользованія лѣсомъ и прочихъ угодій. Между тѣмъ, освободившись отъ барщины, которая отнимала половину времени, крестьяне могли обработывать для себя вдвое болѣе земли, чѣмъ прежде. Это одновременное удвоеніе рабочихъ силъ и уменьшеніе орудій производства, составляющее столь существенное противорѣчіе въ принятой системѣ надѣловъ,—не могло не потрясти весьма сильно хозяйство, особенно барщинныхъ крестьянъ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ уменьшенію надѣла отчасти соотвѣтствовало и уменьшеніе оброковъ до 8 руб. съ души; кромѣ того, оброчные крестьяне уже привыкли употреблять свободное отъ хозяйства время на заработки, а потому происшедшая перемѣна могла быть для нихъ нечувствительной; со-

всѣмъ иное дѣло—барщинные крестьяне: имъ предстояло сохранить размѣръ хозяйства по крайней мѣрѣ въ прежнемъ видѣ, что отчасти и достигалось правомъ крестьянъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ удержать въ своемъ пользованіи, однако за особыя повинности, пашни и луга, подлежавшіе отрѣзкѣ; затѣмъ было необходимо кудалибо приложить всю сумму труда, сдѣлавшагося свободнымъ съ отмѣною барщины. Для этого же представлялось два пути: или расширить полевое хозяйство наймомъ помѣщичьихъ земель, или обратиться къ заработкамъ. Вопросъ о томъ, увеличились ли запашки помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи со времени реформы, представляетъ чрезвычайную важность; но для рѣшенія его не имѣется почти никакихъ данныхъ. По отчетамъ губернатора, въ трехлѣтіе 1864—1866 г. въ губерніи высѣвалось среднимъ числомъ на мужскую душу всѣхъ сословій:

Ржи	1,18 четверти.
Ярового хлѣба	2,24 „ [1])

До реформы, по свѣдѣніямъ изъ отчетовъ за 1847—1857 гг., высѣвалось:

Ржи	1,26 четверти.
Ярового.	4,50 „

и въ томъ числѣ одними помѣщичьими крестьянами, на душу:

Ржи	1,16 четверти.
Ярового.	2,29 „ [2])

Свѣдѣнія о посѣвахъ, извлеченныя изъ отчетовъ губернаторовъ, составленныхъ на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ отличаться достовѣрностью, и конечно, нуждаются въ тщательной провѣркѣ; но за неимѣніемъ другихъ мы поневолѣ должны придерживаться ихъ, тѣмъ болѣе, что самая однородность этихъ свѣдѣній за большое число лѣтъ уже придаетъ имъ извѣстное значеніе. Итакъ, на основаніи этихъ свѣдѣній мы никакъ не можемъ признать, чтобы посѣвы крестьянъ въ первое пятилѣтіе послѣ реформы увеличились, несмотря на то, что въ это пятилѣтіе урожаи были весьма удовлетворительны и крестьяне имѣли возможность сохранить тѣ земли, которыя подлежали отрѣзкѣ. Въ послѣдующіе годы, вслѣдствіе неурожаевъ, запашки значительно уменьшились, такъ что по свѣдѣніямъ 1870 года всѣми сословіями высѣвалось среднимъ числомъ на душу мужского пола:

Ржи	0,68 четв.
Ярового	1,46 » [3])

---

[1]) Военно-статистич. сборникъ, т. IV, стр. 252.

[2]) Цебриковъ, Смол. губ., стр. 193.

[3]) Докладъ ком., Прил., т. IV.

Вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ о количествѣ посѣвовъ, повидимому, противорѣчитъ тотъ фактъ, что крестьяне весьма охотно нанимаютъ или берутъ исполу земли помѣщиковъ и даже покупаютъ ихъ; но противорѣчіе тутъ только кажущееся: дѣйствительно, крестьяне охотно нанимаютъ земли у помѣщиковъ—въ этомъ выражается ихъ потребность, нужда въ землѣ; но слѣдуетъ предположить, что крестьяне, несмотря на это, все-таки не могутъ увеличить своихъ запашекъ выше того размѣра, который у нихъ былъ передъ изданіемъ положенія и отрѣзки земель. Въ гжатскомъ уѣздѣ, по отзыву одного изъ землевладѣльцевъ, крестьянскія запашки послѣ реформы сократились на четвертую часть [1]), а гжатскій уѣздъ одинъ изъ лучшихъ въ смоленской губ., гдѣ благосостояніе крестьянъ наиболѣе удовлетворительно.

Если мы допустимъ, что крестьянскія хозяйства послѣ реформы 19 февраля даже не измѣнились по количеству запашекъ, то несомнѣнно, что они измѣнились къ худшему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Количество собственной земли крестьянъ уменьшилось, и потому для поддержанія хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ нужно было нанимать земли, луга; въ большинствѣ случаевъ крестьяне лишились пользованія топливомъ изъ лѣсовъ помѣщиковъ и выгоновъ, за которые имъ приходится или платить деньги, или отработывать помѣщикамъ. Недостатокъ выгоновъ, по мнѣнію коммиссіи, пріѣзжавшей въ смоленскую губернію въ 1870 г., особенно чувствуется крестьянами западныхъ уѣздовъ, которымъ приходится за пользованіе выгонами платить по рублю и по два съ души; уменьшеніе скота у крестьянъ признается всѣми; мы уже видѣли, какъ уменьшилось количество лошадей за 10 лѣтъ; объ упадкѣ скотоводства у крестьянъ можно судить уже потому, что изъ числа 66,975 дворовъ въ западныхъ уѣздахъ въ 1870 году въ 5,433 дворахъ не имѣлось ни одной коровы, а въ 2615 ни одной лошади [2]); ничего подобнаго не было и не могло быть до реформы, такъ какъ собственный интересъ помѣщиковъ заставлялъ заботиться, чтобы крестьяне не оставались безъ рабочаго скота: съ уменьшеніемъ скота истощенная почва должна была еще болѣе истощиться, а средніе урожаи понизиться, хотя этого пока и нельзя вывесть изъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ.

Такъ какъ крестьянскія хозяйства послѣ реформы не расширились, а помѣщики, уменьшивъ свои запашки, требовали сравнительно съ

---

[1]) Тамъ же, прил. 1, извлеченія изъ весьма обширной записки гжатскаго землевладѣльца, фамилія котораго не названа.

[2]) Извлеченія изъ записки т. с. Гирса въ матер. коммиссіи С. х., т. I, отд. III, стр. 26.

прежнимъ гораздо меньше рабочихъ рукъ, то ясно, что масса свободнаго крестьянскаго труда должна была устремиться къ разнаго рода промысламъ и заработкамъ. Мы видѣли, что до реформы промышленная дѣятельность смоленской губерніи была ничтожна и что въ то время только небольшое число рабочихъ рукъ могло находить себѣ занятіе. Въ десятилѣтіе послѣ реформы въ этомъ отношеніи мало что́ измѣнилось; желѣзныя дороги хотя и открыли нѣсколько новыхъ видовъ заработковъ, но за то они убили извозъ и тѣмъ лишили крестьянъ возможности держать лошадей, которыхъ теперь они не въ состояніи прокармливать зимою. Заводская и фабричная дѣятельность хотя и расширилась нѣсколько въ отношеніи числа фабрикъ и суммы производства, но число рабочихъ послѣ 1851 года даже уменьшилось, что́, конечно, слѣдуетъ приписать введенію машинъ и вообще улучшенію способовъ производства. Въ 1851 году на смоленскихъ заводахъ и фабрикахъ числилось всего 2929 рабочихъ, а въ 1870 г. только 2381 [1]). Высокая рабочая плата, которую предлагаютъ наниматели изъ южныхъ губерній, весьма соблазняетъ крестьянъ; но отхожіе промыслы имѣютъ ту невыгоду, что они отвлекаютъ крестьянъ отъ хозяйства и семьи, пріучаютъ къ бродячей жизни, служатъ причиной распространенія заразительныхъ болѣзней; однимъ словомъ, ведутъ къ деморализаціи. Кромѣ того, часто случается, что только немногіе приносятъ заработанныя деньги домой, большинство же растрачиваетъ свои барыши на чужбинѣ, доставляя доходъ тамошнимъ кабакамъ.

„Въ не-черноземной полосѣ Россіи,—говоритъ г. Чеславскій,—заработки необходимы крестьянамъ для продовольствія и уплаты податей; гдѣ есть промыслы, крестьяне живутъ лучше; въ смоленской губерніи промысловъ нѣтъ" [2]). Мы знаемъ нѣсколько деревень въ рославльскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьянскій надѣлъ, состоящій изъ песчаной безплодной земли, даже въ хорошіе годы едва возвращаетъ сѣмена; дохода такая земля давать не можетъ; но она служитъ точкой опоры для крестьянской семьи, живущей, благодаря заработкамъ на сосѣднихъ фабрикахъ и отъ извозовъ, безбѣдно. Въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ издавна существуютъ промыслы, бытъ и хозяйство крестьянъ находятся, по мнѣнію коммиссіи, пріѣзжавшей въ смоленскую губернію въ 1870, въ болѣе удовлетворительномъ положеніи, чѣмъ въ уѣздахъ западныхъ, гдѣ промысловъ нѣтъ. Однако и въ восточныхъ уѣздахъ крестьяне послѣ реформы 19 февраля обѣднѣли; такъ,

[1]) Докладъ коммиссіи. Прилож., т. IV, свѣдѣнія статистическія.
[2]) Докладъ. Прилож., т. VI, часть I, стр. 80.

въ гжатскомъ уѣздѣ, по опредѣленію мѣстнаго землевладѣльца, въ 1860 году на сто душъ крестьянъ было:

Достаточныхъ крестьянъ . .	24%
Посредственныхъ	30 „
Бѣдныхъ	46 „

а въ 1872 году:

Достаточныхъ	10 „
Посредственныхъ	24 „
Бѣдныхъ	66 „ [1])

Ухудшеніе хозяйства и отсутствіе заработковъ на мѣстахъ, конечно, не могло не отразиться и на ухудшеніи быта крестьянъ. Если прежде крестьяне должны были прикупать хлѣбъ на продовольствіе, то теперь, вслѣдствіе бóльшаго истощенія почвы и меньшей урожайности и сокращенія запашекъ, если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ крестьянъ, они должны были прикупать его больше; кромѣ того, цѣны на хлѣбъ повысились, а это въ свою очередь не могло не отразиться на бытѣ смоленскихъ крестьянъ, которые производили его всегда меньше, чѣмъ нужно на ихъ продовольствіе. Правда, въ то же время цѣны на трудъ также повысились; но это имѣло и имѣетъ значеніе только для тѣхъ дворовъ, которые могли и могутъ отпускать на заработки своихъ членовъ; въ малорабочихъ дворахъ,—а число таковыхъ съ увеличеніемъ числа раздѣловъ составляетъ большинство,—повышеніе цѣнъ на хлѣбъ дѣйствуетъ прямо въ ущербъ крестьянъ; по нашему мнѣнію, это одна изъ причинъ, почему большинство крестьянъ, какъ удостовѣряетъ докладъ высочайше утвержденной коммиссіи, обѣднѣло даже сравнительно съ до-реформенною бѣдностью.

По изслѣдованіямъ коммиссіи, бывшей въ 1870 г. въ смоленской губерніи, доходъ отъ хозяйства крестьянъ въ западныхъ уѣздахъ, за исключеніемъ духовщинскаго и краснинскаго, не покрываетъ расходовъ на прокормленіе, на сумму въ 425,174 руб. 44 коп.; по ея же выводамъ оказывается, что если предположить, что въ каждой многорабочей семьѣ работникъ добудетъ заработкомъ 30 руб. въ годъ, а въ малорабочей 15, то, за отчисленіемъ расхода только на одно продовольствіе, на каждую ревизскую душу мужского пола изъ дохода отъ земли и промысла останется:

Въ бѣльскомъ уѣздѣ	3	руб.	54	коп.
„ смоленскомъ	4	„	18	„
„ порѣчьскомъ	5	„	40	„
„ рославльскомъ	10	„	54	„
„ ельнинскомъ	11	„	44	„
„ духовщинскомъ	11	„	75	„
„ краснинскомъ	16	„	75	„

[1]) Докладъ. Прилож., т. I, сводъ свѣдѣній о хозяйствѣ.

Изъ этихъ остатковъ должны быть покрыты всѣ остальные расходы семьи и уплачены повинности, которыя составляютъ при высшемъ надѣлѣ отъ 10 руб. 58 коп. до 11 руб. 4 коп. для оброчныхъ крестьянъ, и отъ 9 руб. 4 коп. до 9 руб. 44 коп. для крестьянъ-собственниковъ [1]). Бюджетъ отдѣльной крестьянской семьи показываетъ еще нагляднѣе недостаточность средствъ крестьянъ. Въ матеріалахъ, собранныхъ Высочайше утвержденной коммиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, приведенъ расходъ и доходъ крестьянской семьи въ смоленскомъ уѣздѣ, состоящей изъ 2-хъ работниковъ, 2-хъ работницъ и 4—6 не-рабочихъ, имѣющей полный надѣлъ на 4 души, считая на душу по $3^1/_2$ десятины:

Расходъ.

На уплату повинностей	38	руб.		
„ соль	8	„		
„ постное масло	6	„		
„ вино	9	„	60	коп.
„ одежду	15	„		
„ земледѣльческія орудія, желѣзо и проч.	5	„	50	„
„ церковныя требы	3	„		
Всего	85	руб.	10	коп.

Доходъ. — Кромѣ хлѣба, идущаго на продовольствіе при среднемъ урожаѣ:

5 пудовъ пеньки и 1 чет. конопли	18	руб.	50	коп.
Заработокъ лѣтомъ 2-хъ душъ, мужчины и женщины	42	„		
Всего	60	руб.	50	коп.

Недостаетъ 25 руб. [2]).

Если въ многорабочей семьѣ, несмотря на ограниченность расходовъ, несмотря на повинности въ размѣрѣ только 9 рублей на надѣлъ, несмотря на произвольное допущеніе, что средніе урожаи хлѣба достаточны для прокормленія семьи, — такъ великъ недостатокъ въ доходахъ, то, конечно, онъ долженъ быть еще болѣе въ малорабочей семьѣ. Вообще же, тѣ хозяйственныя условія жизни крестьянъ, на которыя мы указали, настолько неблагопріятны, что, конечно, потребности крестьянъ въ десятилѣтіе послѣ реформы не могли расшириться и бытъ ихъ улучшиться; напротивъ, дефицитъ въ доходахъ долженъ былъ выразиться въ ухудшеніи ихъ быта и въ накопленіи недоимокъ, которыя въ свою очередь оказали воздѣйствіе на ухудшеніе хозяйствъ и упадокъ благосостоянія. По мнѣнію сельско-хозяйственной коммиссіи, мѣстности не-черноземныя положительно бѣдствуютъ подъ бременемъ накопившихся недоимокъ. Послѣ голода

[1]) Докладъ ком. Прилож. т. III, отд. I, ст. 26—36.

[2]) Докладъ. Прилож. т. I, ст. 32.

1867 г. и послѣдующихъ неурожайныхъ лѣтъ, недоимки въ смоленской губерніи возросли особенно сильно. Мы видѣли, что до 1867 года на казенныхъ крестьянахъ числилось недоимокъ только по 60 к. на душу, а къ 15-му января 1870 года ихъ уже числилось по 5 руб. Къ этому же времени на помѣщичьихъ крестьянахъ числилось недоимокъ на душу:

Въ смоленскомъ уѣздѣ	22 руб.	20 коп.
„ краснинскомъ	17 „	73 „
„ духовщинскомъ.	16 „	4 „
„ рославльскомъ	9 „	33 „
„ порѣчьскомъ.	6 „	31 „
„ ельнинскомъ.	6 „	3 „
„ бѣльскомъ	3 „	4 „

Впрочемъ, цифры эти не выражаютъ дѣйствительнаго накопленія недоимокъ, потому что при этомъ не были приняты въ разсчетъ недоимки оброковъ, а недоимки выкупныхъ платежей разложены не на однихъ крестьянъ-собственниковъ, а на общее число помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ велики были недоимки послѣ неурожаевъ, можно судить по тому, что въ нѣкоторыхъ обществахъ крестьянъ краснинскаго, духовщинскаго и рославльскаго уѣздовъ, они достигали до 30 и 40 рублей на душу. Въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ условія хозяйства и быта крестьянъ, вслѣдствіе развитія промысловъ и заработковъ, лучше, недоимки сравнительно ничтожны; а именно: къ 15-му января 1870 года ихъ числилось на душу:

Въ вяземскомъ уѣздѣ. . . .	66 коп.
„ сычевскомъ	44 „
„ юхновскомъ	37 „
„ дорогобужскомъ	16 „
„ гжатскомъ	12 „

Всѣхъ же недоимокъ, за исключеніемъ оброчныхъ, на помѣщичьихъ крестьянахъ было къ 15-му января 1870 года 2.127,031 руб., въ томъ числѣ выкупныхъ платежей 1.741,492 р., т.-е. въ полтора раза болѣе годового оклада [1]). Кромѣ этихъ недоимокъ послѣдствіемъ неурожаевъ было накопленіе долговъ частнымъ лицамъ, и главнымъ образомъ въ продовольственный капиталъ. Такъ, въ 1868, 1869 и 1870 году роздано было въ ссуду на продовольствіе и обсѣмененіе полей 1.866,371 руб. 85 коп., въ счетъ которыхъ къ концу 1873 года было уплачено только 153,803 руб. [2]).

Мы видѣли какъ ничтожны доходы помѣщичьихъ крестьянъ семи

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія о недоимкахъ извлечены изъ записки т. с. Гирса, прилож. къ докладу, т. III, стр. 26—36.

[2]) Журналы смоленск. губ. собранія съ 4-го по 15-е декабря 1873 года, стр. 156.

западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи отъ земли и заработковъ, какъ не велики остатки отъ доходовъ за отчисленіемъ одного только расхода на прокормленіе; между тѣмъ, съ освобожденіемъ крестьянъ на нихъ палъ выкупъ за земли, отведенныя въ надѣлъ, и они должны были платить или выкупные платежи, или оброки; понятно, что весь ходъ крестьянскаго хозяйства сталъ естественнымъ образомъ въ зависимость отъ вопроса: въ какой мѣрѣ выкупные платежи и оброки соотвѣтствовали дѣйствительной доходности земель?

Къ 1 мая 1874 г. число крестьянъ, вышедшихъ на выкупъ, составляло 250,229 душъ, т.-е., 77,28% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ. Въ ихъ собственность поступило 1.004,753 дес. 995 кв. саж. земли, и на эту землю палъ долгъ въ количествѣ всей выкупной суммы, выданной помѣщикамъ, а именно 27.369,689 руб. 04 коп., что̀ составляетъ на десятину 27 руб. 34 к. [1]); ежегодный платежъ процентовъ и погашенія составляетъ съ десятины 1 руб. 63,4 коп.; платежъ оброчныхъ крестьянъ составляетъ на десятину 2 руб., а въ смоленскомъ уѣздѣ 2 руб. 28 коп. Средняя доходность земли для обложенія земскимъ сборомъ опредѣляется въ 86,5 коп.; такимъ образомъ выкупные платежи почти вдвое болѣе чистаго дохода отъ земли. Если допустить, что земскія оцѣнки ниже дѣйствительныхъ, то и тогда слѣдуетъ признать, что выкупные платежи чрезмѣрны съ дѣйствительной доходностью крестьянскихъ надѣловъ. Сельско-хозяйственная коммиссія въ своемъ докладѣ отнесла смоленскую губернію къ той группѣ губерній, гдѣ выкупные платежи крестьянъ отъ 30—50% выше дѣйствительной доходности земель, накопленіе недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ, въ послѣднее время, шло весьма правильно, указывая на ихъ чрезмѣрность; такъ—

въ 1868 году поступило менѣе оклада на $42^{7}/_{9}$%
„ 1869 „ „ „ „ на $27^{4}/_{5}$%
„ 1870 „ „ „ „ на $22^{1}/_{10}$%
„ 1871 „ „ „ „ на $28^{4}/_{5}$% [2])

Уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ послѣ реформы 19 февраля и чрезмѣрность выкупныхъ платежей, несомнѣнно, рѣшительнымъ образомъ повліяли на упадокъ благосостоянія помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи. Это доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что бытъ и хозяйство крестьянъ въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ также не существуетъ заработковъ и промысловъ, улучшились именно потому, какъ признаетъ сельско-хозяйственная коммиссія, что крестьяне получили большіе надѣлы и вслѣдствіе дешевизны выкупа. Съ другой стороны, тѣмъ, что бытъ и хозяйство государственныхъ кре-

[1]) „Правительственный Вѣстникъ“ 1874 г. № 111.

[2]) Ежегодникъ министерства финансовъ 1869—1873 г., 4 вып.

стьянъ, положеніе которыхъ до реформы, какъ мы видѣли, было вовсе не лучше положенія помѣщичьихъ крестьянъ, находится въ болѣе удовлетворительномъ состояніи и во всякомъ случаѣ не возбуждаетъ опасеній. Въ сосѣдней, могилевской губерніи крестьяне получили въ надѣлъ 5 десятинъ, и на каждую десятину палъ долгъ только въ 19 руб. 89 коп. [1]); ежегодный выкупной платежъ съ десятины составляетъ 1 руб. 19,3 коп., т.-е. на 34% менѣе того, что платятъ крестьяне-собственники смоленской губерніи. Это различіе настолько было важно по своимъ послѣдствіямъ, что хозяйство и бытъ крестьянъ могилевской губерніи, которые считались до реформы еще беднѣе крестьянъ смоленской губерніи, начали улучшаться; бытъ же и хозяйство крестьянъ смоленской губерніи стали ухудшаться.

Оброчная подать казенныхъ крестьянъ въ смоленской губерніи составляетъ всего 57,7 коп. съ десятины, а потому выкупные платежи на 183,1% болѣе платежей казенныхъ крестьянъ. Кромѣ выкупныхъ платежей, значительная часть крестьянъ-собственниковъ должна была уплачивать или отработывать помѣщикамъ дополнительный платежъ или такъ-называемую пятую копѣйку оброка же, выше платежей казенныхъ крестьянъ на 246—295%; послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что благосостояніе казенныхъ крестьянъ гораздо удовлетворительнѣе положенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если перенесть подушную подать крестьянъ на земли, то оказывается, что имъ приходится платить по 45,4 коп.; у казенныхъ же крестьянъ вслѣдствіе большого надѣла подушная подать падаетъ только въ количествѣ 32,2 коп. на десятину, т.-е. на 40,9% меньше, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ [2]). Въ смоленской губерніи кромѣ казенныхъ крестьянъ, платящихъ оброчную подать за земли, есть государственные крестьяне, которые были поселены на своихъ земляхъ и потому платили только подушныя подати; наконецъ, въ смоленской губерніи не мало однодворцевъ и дворянъ земледѣльцевъ, которые по размѣрамъ своей поземельной собственности не отличаются отъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Весьма важно изучить положеніе хозяйства и быта земледѣльцевъ каждой изъ этихъ группъ, съ цѣлью опредѣлить сравнительное вліяніе различнаго рода повинностей и въ различномъ размѣрѣ на состояніе этихъ земледѣльческихъ группъ. Къ сожалѣнію, подобнаго рода изслѣдованія, входящія въ область земской статистики, не были

---

[1]) „Правит. Вѣстникъ" 1874 г. № 111.

[2]) Податной вопросъ Л. Буха. „Вѣстн. Европы", 1874 г., февраль.

производимы въ смоленской губерніи, да и сама земская статистика еще не зарождалась въ нашемъ земствѣ.

По изслѣдованіямъ коммиссіи, пріѣзжавшей въ смоленскую губернію въ 1870 г. для изученія экономическаго состоянія крестьянъ, всѣ вообще подати и повинности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляли въ западныхъ уѣздахъ губерніи отъ 2 р. 48 к. до 3 руб. 28 коп. съ десятины, и въ восточныхъ уѣздахъ отъ 3 руб. 15 коп. до 3 руб. 35 коп., т.-е. больше средней доходности земли (86,5 коп.) отъ 186 до 287%; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они не только поглощаютъ, но и превышаютъ значительно валовой доходъ отъ земли. Никто бы не повѣрилъ, да этого и дѣйствительно нѣтъ, чтобы частный владѣлецъ, получающій отъ своей земли, положимъ, 1000 рублей чистаго дохода въ видѣ аренды, долженъ былъ уплачивать податей и повинностей отъ 2,860 до 3,870 рублей, а именно въ такомъ невозможномъ положеніи находятся бывшіе помѣщичьи крестьяне смоленской губерніи. На земли частныхъ владѣльцевъ подати падаютъ всего въ количествѣ отъ 8,8 до 9,5 коп. съ десятины въ западныхъ уѣздахъ и 12,5 коп. въ восточныхъ уѣздахъ, то-есть берутъ около 10% чистаго дохода [1]).

Такимъ образомъ очевидно, что повинности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи не только берутъ всю поземельную ренту, но и ложатся значительнымъ образомъ на трудъ, на заработокъ крестьянъ; размѣръ этого личнаго налога, при полномъ надѣлѣ крестьянъ въ западныхъ уѣздахъ, составляетъ для оброчныхъ крестьянъ до 7 руб. 58 коп., для крестьянъ-собственниковъ до 5 руб. 98 коп. съ мужской души [2]); съ взрослаго работника онъ будетъ отъ 12 руб. 67 коп. до 16 руб. 5 коп. [3]). Нужно припомнить, что и косвенные налоги на потребленіе, въ концѣ-концовъ, выплачиваются изъ заработковъ. Взявъ въ основаніе среднее потребленіе вина въ Россіи, можно принять, что каждый взрослый рабочій уплачиваетъ одного акциза 11 руб. 56,4 коп. [4]), всего же изъ заработ-

---

[1]) Докладъ Прилож. т. III, I отд., стр. 26.

[2]) На стр. 34 объяснено, что въ западныхъ уѣздахъ, при полномъ надѣлѣ, повинности оброчныхъ крестьянъ составляютъ до 11 р. 04 к., а собственниковъ до 9 руб. 44 к. Доходъ чистый съ надѣла въ 4 десятины, считая съ десятины 86,5 к., 3 руб. 46 коп.; остается непокрытыхъ повинностей отъ 5 руб. 98 коп. до 7 руб. 58 к.

[3]) По академику Буняковскому, въ 100 душ. муж. пола находится рабочихъ отъ 18 до 55 лѣтъ 47 человѣкъ,—это число и принято для опредѣленія личнаго налога работника.

[4]) По свѣдѣніямъ акцизнаго управленія, въ 1870 г. потреблялось въ Россіи на душу 0,98 ведра водки въ 40% по Траллесу; предполагая число мужчинъ въ половину общаго числа населенія (хотя оно въ дѣйствительности меньше), мы получимъ потребленіе водки въ 1,96 ведра; на душу мужского пола, а на каждаго рабочаго отъ 18 до 55 лѣтъ 4,13 ведра акцизъ съ ведра составляетъ 2 руб. 80 коп.

ковъ смоленскому рабочему, не считая налога на соль, приходится выплачивать отъ 24 руб. 23 коп. до 27 руб. 61 коп. И это при заработной платѣ отъ 28 до 50 руб. въ годъ [1]).

Мы разсмотрѣли главнѣйшія условія, въ которыхъ находится хозяйство и бытъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи; послѣ реформы 19 февраля мы не остановимся на второстепенныхъ факторахъ, какъ-то: безпорядкахъ въ крестьянскомъ самоуправленіи, эксплуатаціи крестьянъ различными міроѣдами, пьянствѣ, частыхъ прогулахъ, раздѣлѣ дворовъ и проч.; въ суммѣ причинъ, вредно вліяющихъ на благосостояніе крестьянъ, они конечно занимаютъ извѣстное мѣсто, но было бы неправильно приписывать имъ исключительное вліяніе на упадокъ благосостоянія крестьянъ уже потому, что означенныя причины не могли помѣшать улучшенію хозяйства и быта крестьянъ не только черноземныхъ губерній, но даже самыхъ бѣдныхъ губерній сѣверо-западнаго края.

Сводя все вышеизложенное, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Послѣ реформы 19 февраля 1861 г. положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи ухудшилось, въ особенности въ западныхъ уѣздахъ, гдѣ отсутствіе мѣстныхъ промысловъ лишаетъ крестьянъ возможности заработывать достаточныя средства для уплаты повинностей и покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ.

2) Ухудшеніе хозяйства крестьянъ обусловливается уменьшеніемъ надѣловъ, недостаткомъ луговъ и выгоновъ, оскудѣніемъ выпахиваемой почвы, уменьшеніемъ скота.

3) Ухудшеніе быта крестьянъ зависитъ отъ постояннаго уменьшенія средствъ продовольствія, доставляемыхъ надѣломъ; отъ всеобщей дороговизны и, въ частности, возвышенія цѣнъ на хлѣбъ; отъ недостатка и малоприбыльности заработковъ на мѣстахъ и низкихъ цѣнъ на трудъ и отъ значительныхъ налоговъ, падающихъ на трудъ и потребленіе крестьянъ.

4) Ближайшими причинами упадка хозяйства и быта бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ смоленской губерніи слѣдуетъ признать, кромѣ слабаго развитія промысловъ, главнѣйшимъ образомъ недостаточность земельныхъ надѣловъ и несоразмѣрность общихъ повинностей за землю съ ея доходностью.

---

1) Докладъ коммиссіи Прилож., т. I, св. свѣдѣній о положеніи хозяйства.

III.

Если упадокъ благосостоянія крестьянъ смоленской губерніи зависитъ отъ тѣхъ причинъ, которыя мы только-что указали, то не трудно назвать частныя мѣры, способныя улучшить хозяйство и бытъ крестьянъ. Это — увеличеніе земельныхъ угодій крестьянъ; уменьшеніе платежей за ихъ земли, соотвѣтственно ихъ дѣйствительной доходности, и развитіе фабричной и промышленной дѣятельности въ губерніи. Указывать на способы, которыми возможно практически осуществить означенныя мѣры, мы не будемъ, находя, что весь вопросъ объ улучшеніи быта смоленской губерніи, въ особенности послѣ тѣхъ заключеній, къ которымъ, какъ мы увидимъ ниже, пришло земство, нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ; мы позволяемъ себѣ по этому поводу сдѣлать только нѣсколько замѣчаній.

Недостатокъ крестьянскихъ надѣловъ и чрезмѣрныя повинности крестьянъ за земли, отведенныя въ ихъ пользованіе, безспорно составляютъ тѣ особенности въ принятой системѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, которыя въ не-черноземной полосѣ Россіи рѣшительнымъ образомъ подѣйствовали на упадокъ хозяйства и быта крестьянъ Поэтому, чтобы помочь бѣднѣющему населенію, необходимо сдѣлать такъ-сказать нѣкоторыя поправки въ ихъ положеніи; нѣтъ надобности доказывать, что поправки эти могутъ быть сдѣланы только правительствомъ и на его счетъ, такъ какъ нѣтъ ни теоретическихъ основаній, ни практической возможности отнесть ихъ на счетъ бывшихъ помѣщиковъ, большинство которыхъ уже прекратило свои отношенія къ крестьянамъ. Для правительства же весь вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы эти поправки не шли въ разрѣзъ съ главными основаніями положенія 19 февраля и не были убыточны для государственнаго казначейства. Хотя для исправленія вѣковыхъ несправедливостей крѣпостного права не слѣдовало бы останавливаться ни передъ какими жертвами, но, по счастью, тѣ поправки, о которыхъ мы говоримъ, даже вовсе не требуютъ жертвъ отъ правительства.

Прежде всего спѣшимъ объяснить, что подъ *увеличеніемъ земельныхъ угодій крестьянъ* мы вовсе не разумѣемъ надѣленія крестьянъ какимъ-либо дополнительнымъ надѣломъ: такой дополнительный надѣлъ въ настоящее время невозможенъ. Если въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, при обсужденіи вопроса объ устройствѣ крестьянъ, отыскивались нормы земельнаго надѣла для различныхъ мѣстностей; если въ то время размѣръ надѣла былъ опредѣленъ къ невыгодѣ крестьянъ, въ томъ отношеніи, что имъ не былъ предоставленъ суще-

ствовавшій надѣлъ, какъ это предполагалось первоначально, и отъ земель, находившихся въ ихъ пользованіи, сдѣланы значительныя отрѣзки,—то это вовсе не можетъ служить основаніемъ, чтобы этотъ вопросъ былъ возбуждаемъ снова. Для современнаго изслѣдователя положенія крестьянъ гораздо важнѣе вопроса о томъ, при какомъ количествѣ земли можетъ быть обезпеченъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, и то общее явленіе, что крестьянское населеніе, сидящее на землѣ, постоянно возрастаетъ, надѣлъ же по своимъ размѣрамъ остается все тотъ же, а по своему качеству дѣлается хуже отъ постояннаго выпахиванія. Такимъ образомъ, тотъ надѣлъ, который вчера былъ достаточенъ, обезпечивалъ существованіе семьи крестьянина, завтра можетъ оказаться недостаточнымъ, тѣснымъ. Правда, производительность крестьянскаго надѣла можетъ быть увеличена удобреніемъ и лучшей обработкой земли; но, при отсутствіи у крестьянъ средствъ и вообще при существующей у нихъ системѣ хозяйства, они охотнѣе расходуютъ свои сбереженія на покупку новыхъ земель, чѣмъ на улучшеніе старыхъ. Докладъ коммиссіи сельскаго хозяйства свидѣтельствуетъ, что крестьяне какъ черноземныхъ, такъ и не-черноземныхъ мѣстностей Россіи охотно, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ жадностью покупаютъ землю. Въ этомъ нельзя не видѣть потребности, нужды крестьянъ въ землѣ; нельзя также не признать, что въ тѣхъ не-черноземныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ у крестьянъ нѣтъ силъ своими средствами пополнить этотъ недостатокъ въ землѣ, правительство легко могло бы придти на помощь крестьянамъ съ слѣдующими мѣрами: 1) дозволить крестьянамъ переселяться на казенныя земли въ другія губерніи; 2) облегчить крестьянамъ выходъ изъ обществъ; 3) продавать казенныя земли сосѣднимъ крестьянамъ на льготныхъ основаніяхъ, и 4) выдавать долгосрочныя ссуды подъ залогъ тѣхъ земель, которыя крестьяне будутъ покупать съ вольной руки. Одна изъ упомянутыхъ мѣръ уже дарована въ видѣ особой льготы для семи западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи Высочайше утвержденнымъ, 13 іюля 1873 г., журналомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго сословія, а именно разрѣшено, по представленіямъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, переселеніе крестьянъ нѣкоторыхъ селеній на болѣе удобныя казенныя земли.

Гораздо важнѣе увеличенія земельнаго пользованія крестьянъ представляется пониженіе выкупныхъ платежей. Въ сельско-хозяйственной коммиссіи многія лица выразили мнѣніе, что узелъ вопроса объ улучшеніи хозяйства крестьянъ заключается въ податной реформѣ. „Я полагаю,—говорилъ губернскій предводитель дворянства петербургской губерніи, графъ А. П. Шуваловъ,—что въ настоящее время предъ податнымъ вопросомъ всѣ остальные являются ничтож-

ными, и что по этому предмету необходимо собрать полныя свѣдѣнія. Повинности, лежащія на частной поземельной собственности, довольно значительны: онѣ составляютъ, сколько мнѣ извѣстно, отъ 7 до 10, 12 и даже 16% съ доходности земли, въ средней сложности до 10%. Что же касается крестьянскаго надѣла, то для меня не подлежитъ сомнѣнію, что въ общей сложности налоги превышаютъ доходность (ренту) земли, такъ что даже невозможно признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными налогами; самъ же крестьянскій надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ соединенія—пріуроченья плательщиковъ къ одному мѣсту, для цѣлей фиска. Смѣю утверждать, что покуда, подъ предлогомъ поземельной собственности, налоги будутъ ложиться на трудъ, прикрѣпляя людей къ землѣ, и пока заработки отдѣльныхъ лицъ будутъ идти на уплату какихъ-то общихъ долговъ, то не предстоитъ возможности какими-либо мѣрами подвинуть впередъ наше хозяйство. Въ общинномъ владѣніи, равно какъ и въ круговой порукѣ, я не усматриваю настоящаго корня зла. Народы, общества могутъ процвѣтать и при владѣніи обществами значительнаго количества земли... Суть цѣли не въ томъ, кому принадлежитъ земля и существуютъ ли коллективныя тяжести для членовъ общества, а въ томъ, какъ великъ итогъ этихъ коллективныхъ тяжестей и каковъ порядокъ пользованія общественнымъ имуществомъ... Цифру платежей съ душевого надѣла вообще во всей Россіи можно принять 12—14 рублей. Я придаю мало вѣры всѣмъ отдѣльнымъ мѣрамъ поощренія, покровительства и т. п., съ цѣлью поднятія уровня сельскаго хозяйства, и считаю дѣйствительной только одну мѣру—скорое разрѣшеніе податного вопроса въ смыслѣ полнаго освобожденія рабочаго труда; но, признавая необходимымъ освободить крестьянскіе надѣлы отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, я не считаю однако возможнымъ перенесть ихъ на частную поземельную собственность..." Вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ находится въ настоящее время податной вопросъ, а слѣдовательно и вопросъ объ улучшеніи хозяйства крестьянъ; но если предположить, что податная реформа совершится весьма скоро, конечно, не въ смыслѣ полнаго освобожденія крестьянскаго труда, что̀ и не имѣется въ виду, а въ смыслѣ привлеченія всѣхъ сословій къ уплатѣ тѣхъ подушныхъ сборовъ, которые до сихъ поръ уплачиваютъ только одни крестьяне, то и тогда нельзя ожидать, чтобы она принесла существенныя облегченія сельскому сословію. Въ упомянутой выше статьѣ „Податной вопросъ", Л. К. Бухъ [1]) доказалъ весьма наглядно, что возмож-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1874 г., февраль.

ное сложеніе половины подушныхъ сборовъ съ крестьянъ и переложеніе ихъ на другія сословія выразятся только въ уменьшеніи крестьянскихъ повинностей на 15%, а такое уменьшеніе крайне ничтожно; напротивъ, пониженіе выкупныхъ платежей, соотвѣтственно дѣйствительной доходности земель въ такихъ губерніяхъ, какъ смоленская, сразу освободитъ крестьянскій трудъ отъ значительнаго налога, и притомъ оно можетъ быть произведено безъ увеличенія податныхъ тягостей другихъ сословій, на средства самихъ же крестьянъ. Извѣстно, что правительство, вслѣдствіе опасенія недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ, установило, вмѣсто 37-лѣтняго срока, въ теченіе котораго при уплатѣ 6% погашается выкупная ссуда, — 49-лѣтній срокъ. Ежегодный взносъ выкупного платежа въ количествѣ 6 руб. 40 к. за полный крестьянскій надѣлъ въ смоленской губ., въ теченіи 12 лишнихъ лѣтъ, считая и сложные проценты, составитъ 126 руб., т.-е. сумму болѣе той ссуды, которую получили отъ правительства помѣщики (106 руб. 67 коп.). А такъ какъ опытъ показалъ, что въ общей сложности недоимки по выкупу не достигаютъ и 10%, то ясно, что выкупной фондъ будетъ такъ значителенъ, что на его счетъ могутъ быть приняты, безъ всякаго ущерба для казны, не только накопившіяся недоимки, но и пониженіе въ такихъ губерніяхъ, какъ смоленская, выкупныхъ платежей, соотвѣтственно дѣйствительной доходности земель.

Бѣдственное положеніе смоленской губ., послѣ голода 1867 года и послѣдующихъ неурожайныхъ лѣтъ, обратило на себя вниманіе правительства, которое въ числѣ различныхъ льготъ, между прочимъ, согласно Высочайшему повелѣнію 13-го іюля 1873 года, разрѣшило для нѣкоторыхъ крестьянъ-собственниковъ 7-ми западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи разсрочки недоимокъ и отсрочки во взносѣ казенныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей. Высшій срокъ разсрочекъ недоимокъ 15-лѣтній, а высшій срокъ во взносѣ повинностей—10-лѣтній; причемъ выкупные платежи сокращены на половину или на одну треть. По истеченіи льготныхъ сроковъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію предоставлено войти съ представленіемъ о порядкѣ дальнѣйшаго взысканія недоимокъ и платежа окладовъ; ему же предоставлено входить съ представленіями о распространеніи упомянутыхъ льготъ на тѣ селенія, которыя не были указаны въ протоколахъ коммиссіи, по предположеніямъ которыхъ дарованы означенныя льготы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти льготы окажутъ серьёзную помощь тѣмъ крестьянамъ, которымъ онѣ дарованы; но онѣ все-таки льготы, и потому значеніе ихъ только переходящее: онѣ вызваны накопленіемъ недоимокъ и имѣютъ цѣлью временно облегчить населенію тѣ затрудненія, которыя происходятъ отъ этого;

между тѣмъ накопленіе недоимокъ только одно изъ послѣдствій упадка благосостоянія губерніи, а потому, чтобы устранить накопленіе недоимокъ, чтобы устранить вообще причины обѣднѣнія губерніи и поднять уровень благосостоянія населенія, необходимы не льготы, а мѣры—мѣры коренныя. Къ числу такихъ мѣръ мы главнѣйшимъ образомъ относимъ *пониженіе выкупныхъ платежей соотвѣтственно дѣйствительной доходности земель.*

Говоря о пониженіи выкупныхъ платежей, нельзя обойти молчаніемъ и оброковъ. Несомнѣнно, что они еще тяжелѣе выкупныхъ платежей; но вопросъ о пониженіи ихъ въ практическомъ отношеніи представляетъ значительныя затрудненія. Такъ какъ тутъ дѣло касается самыхъ существенныхъ интересовъ помѣщиковъ, то ясно, что здѣсь уже не можетъ быть установлена какая-либо общая норма пониженія, а потребуется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять, насколько оброки превышаютъ поземельную ренту; но, независимо отъ того, что означенныя опредѣленія потребуютъ весьма много времени, возникаетъ вопросъ, было ли бы справедливо понижать въ настоящее время оброки, когда положеніемъ 19-го февраля установленъ 20-лѣтній срокъ для переоброчекъ? Было ли бы справедливо съ пониженіемъ оброковъ выдавать тѣмъ немногимъ владѣльцамъ, крестьяне которыхъ еще на оброкѣ [1]), выкупную сумму въ значительно меньшемъ размѣрѣ; между тѣмъ, какъ земли въ ихъ имѣніяхъ, отошедшія въ надѣлъ крестьянъ, вѣроятно, не хуже, а быть можетъ и лучше земель, уже выкупленныхъ крестьянами, чѣмъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что владѣльцы не спѣшили предоставить ихъ въ собственность крестьянъ. Всѣ эти соображенія настолько серьёзны, что, мы полагаемъ, въ настоящее время было бы крайне несправедливо непосредственно понизить оброки временно-обязанныхъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ крестьяне, несмотря на очевидныя преимущества выкупа передъ оброкомъ, не соглашаются выходить на выкупъ только подъ вліяніемъ неосновательныхъ надеждъ, что уплаченные ими оброки будутъ зачтены, — пониженіе выкупныхъ платежей, мы думаемъ, подвинетъ ихъ къ переходу на выкупъ; но тамъ, гдѣ сами владѣльцы почему-либо не желаютъ выпускать крестьянъ на выкупъ, окончаніе крестьянскаго дѣла, вопреки интересамъ государства, можетъ затянуться на неопредѣленное время. Вотъ почему мы, съ своей стороны, полагаемъ, что обязательный выкупъ, съ выдачею помѣщикамъ всей суммы, былъ бы самымъ удобнымъ вы-

---

[1]) Къ 1 мая 1874 г. на выкупѣ были 77,28% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ; теперь ихъ, конечно, еще болѣе, а слѣдовательно временно-обязанныхъ крестьянъ не болѣе одной пятой части.

ходомъ для устраненія тѣхъ затрудненій, которыя существуютъ въ не-черноземной полосѣ Россіи къ улучшенію хозяйства крестьянъ и что онъ, вмѣстѣ съ пониженіемъ выкупныхъ платежей соотвѣтственно доходности земель, довершилъ бы устройство быта сельскаго сословія. Мы также думаемъ, что тѣ соображенія, которыя помѣшали правительству, въ 1861 году, принять на себя вполнѣ разсчеты съ бывшими помѣщиками, выдачею имъ выкупной суммы въ полномъ размѣрѣ, едвали могутъ имѣть силу въ настоящее время.

Мы уже говорили, что въ не-черноземныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ скудная почва даетъ ничтожные урожаи, гдѣ суровый климатъ сокращаетъ періодъ полевыхъ работъ, и гдѣ вообще крестьянскій надѣлъ недостаточенъ, чтобы покрыть расходы крестьянъ на продовольствіе и уплату повинностей,—посторонніе заработки вполнѣ необходимы для благосостоянія крестьянъ. Поэтому, развитіе промышленной и фабричной дѣятельности въ смоленской губерніи весьма желательно: но мы и не думаемъ, чтобы искусственное развитіе какихъ-либо отраслей промышленности, путемъ поощреній и привилегій, какъ это предполагаетъ смоленское земское собраніе, способно было упрочить развитіе фабрикъ и заводовъ губерніи. Напротивъ, мы думаемъ, что только вполнѣ свободное развитіе экономической жизни въ Россіи способно направить частную предпріимчивость на разработку и переработку нашего сырья въ тѣ мѣстности, которыя представляютъ къ тому наиболѣе удобства. Для развитія фабрикъ и заводовъ смоленская губернія имѣетъ всѣ необходимыя условія—дешевыя рабочія руки, обиліе топлива и хорошіе пути сообщенія.

Вотъ тѣ небольшія замѣчанія, которыя мы считали нужнымъ сдѣлать по поводу вопроса о мѣрахъ, необходимыхъ для подъёма уровня благосостоянія смоленской губерніи. Посмотримъ теперь, къ какимъ выводамъ пришло смоленское земство въ своихъ изслѣдованіяхъ о положеніи смоленской губерніи, и какими мѣрами предполагаетъ оно улучшить бытъ населенія.

IV.

Вопросъ о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія благосостоянія смоленской губерніи возникъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ; неудовлетворительное положеніе сельскаго населенія вообще послѣ неурожаевъ 1867 и 1868 г. сдѣлалось рѣшительно бѣдственнымъ; крайній недостатокъ въ средствахъ продовольствія и въ сѣменахъ на посѣвъ, какъ яровыхъ, такъ и озимыхъ хлѣбовъ, принудилъ земство не только израсходовать весь губернскій продоволь-

ственный капиталъ, но и сдѣлать значительныя позаимствованія изъ общаго продовольственнаго капитала имперіи; пришлось также ходатайствовать о различныхъ льготахъ для населенія. Правительство, кромѣ значительной ссуды для продовольствія и отсрочки въ уплатѣ податей, разрѣшило постройку московско-смоленской желѣзной дороги съ цѣлью открыть заработки нуждающемуся населенію. Однако, новый неурожай въ 1871 году сдѣлалъ положеніе населенія едва-ли не болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ въ голодъ 1868 г. Земство, имѣя въ виду, что выдача ссудъ „лишаетъ рабочее сословіе должной энергіи и предусмотрительности и обременяетъ его неоплатнымъ долгомъ“, отказалось выдавать какія-либо ссуды на продовольствіе. Правительство и тутъ пришло на помощь населенію: кромѣ отмѣны рекрутскаго набора, новыхъ отсрочекъ въ уплатѣ повинностей и разсрочки продовольственнаго долга, оно выразило готовность выдать въ ссуду для продовольствія населенія еще 400 т. руб. Принимая, скрѣпя сердце, эту ссуду, земство выразило убѣжденіе, „что безъ принятія коренныхъ мѣръ какъ къ улучшенію матеріальнаго быта, такъ и къ развитію умственнаго и нравственнаго состоянія сельскаго сословія никакія льготы правительства не только не обезпечатъ поступленіе ссудъ, но и не представляютъ никакой гарантіи, чтобы, можетъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ, не представилось опять необходимости въ чрезвычайныхъ пособіяхъ дѣйствительно нуждающемуся населенію. Такимъ образомъ, явилась впервые мысль о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи. Для изысканія означенныхъ мѣръ была тогда же (23-го марта 1872 г.) образована особая коммиссія, затѣмъ самый вопросъ о коренныхъ мѣрахъ, пройдя въ теченіе 2-хъ лѣтъ черезъ двѣ коммиссіи, послѣ нѣсколькихъ перипетій рѣшенъ окончательно въ чрезвычайномъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ февралѣ и началѣ марта 1874 г. [1]).

Твердое убѣжденіе земства о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи и тѣ тяжелыя условія, которыя выдвинули на очередь этотъ вопросъ, давали полное право предполагать, что земство съ особымъ вниманіемъ остановится на изученіи положенія сельскихъ обывателей и въ немъ будетъ искать необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса; прежде чѣмъ отыскивать лекарство, понятно, необходимо узнать свойство тѣхъ болѣзней, которыя необходимо излечить. Къ удивленію, ни земскія коммиссіи, ни само земское собраніе не считали нужнымъ составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о положеніи населенія: они не только не собрали для этой цѣли необходимыхъ статистическихъ данныхъ, но оставили безъ

[1]) Журналы чрезвыч. смоленскаго земскаго собранія за февраль и мартъ 1874 г.

вниманія даже тѣ готовыя свѣдѣнія, которыя уже имѣлись подъ руками. Поэтому, самые существенные вопросы о положеніи сельскаго хозяйства крестьянъ до реформы и послѣ, о доходахъ крестьянъ отъ земли и заработковъ, о различіи въ положеніи земледѣльцевъ, отбывающихъ различныя повинности и надѣленныхъ различнымъ количествомъ земли—не были даже затронуты; хотя отсутствіе различныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянъ смоленской губерніи и представляетъ весьма чувствительный пробѣлъ въ трудахъ смоленскаго земства, однако это одно еще далеко не можетъ объяснить, почему земство стало искать причины упадка губерніи не въ фактахъ, представляемыхъ дѣйствительнымъ положеніемъ ея жителей, а въ общихъ соображеніяхъ о неудовлетворительности условій сельской жизни вообще въ цѣлой имперіи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ гг. гласныхъ въ своихъ письменныхъ и устныхъ мнѣніяхъ весьма рѣшительнымъ образомъ указывали на неудовлетворительность экономическихъ и хозяйственныхъ условій губерніи, какъ на мѣстныя причины упадка хозяйства и быта сельскихъ обывателей. Еще менѣе можно объяснить то рѣзкое противорѣчіе, въ которое вступило смоленское земство съ самимъ собою. Высказавъ убѣжденіе о необходимости коренныхъ мѣръ для улучшенія матеріальнаго быта населенія, земство тѣмъ самымъ признало, что матеріальная сторона быта сельскихъ обывателей неудовлетворительна; и что же? не проходитъ послѣ того двухъ лѣтъ, какъ земство не только утверждаетъ, что причинами обѣднѣнія губерніи нельзя признать скудость почвы, недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, низкую заработную плату, вздорожаніе предметовъ потребленія, постоянное возвышеніе акциза на вино и несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ дѣйствительною доходностью земель,—но и старается доказать противное, находя, что смоленская губернія по своимъ условіямъ представляетъ чуть ли не обѣтованную землю, гдѣ должно бы процвѣтать сельское хозяйство и благоденствовать хлѣбопашецъ!

Всѣ разсужденія земства по этому поводу настолько интересны, и вся аргументація настолько своеобразна, что мы позволяемъ себѣ подольше остановить на нихъ вниманіе читателя.

Земство признаетъ, что скудость почвы не составляетъ причины обѣднѣнія губерніи, на томъ основаніи, что почва смоленской губерніи не хуже, а даже лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ, а въ особенности въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ; что неурожаи бываютъ вездѣ; что черноземная почва не спасаетъ отъ страшной бѣдности, какъ это доказалъ самарскій голодъ, и что вообще земля смоленской губерніи такова, что съ избыткомъ окупаетъ земледѣльческій трудъ. Если неурожаи бываютъ вездѣ, если послѣдствіемъ ихъ бываетъ голодъ и бѣдность даже въ чер-

ноземныхъ плодородныхъ губерніяхъ, то развѣ это говоритъ что-либо въ пользу почвы смоленской губерніи; это только указываетъ, какъ должно быть тяжело положеніе смоленской губерніи, гдѣ почва во всякомъ случаѣ менѣе плодородна, чѣмъ въ губерніяхъ черноземныхъ, и гдѣ неурожаи перестали уже быть исключительнымъ бѣдствіемъ, а сдѣлались явленіемъ почти хроническимъ. Что почва смоленской губерніи, быть можетъ, лучше почвы сѣверо-восточныхъ губерній— объ этомъ никто не споритъ; но это также ничего не доказываетъ. Всякому извѣстно, что природа и ея богатство вовсе не имѣютъ абсолютнаго вліянія на уровень благосостоянія населенія; оно обусловливается многими условіями: такъ, скудость почвы сѣверо-восточныхъ губерній съ избыткомъ выкупается промышленнымъ развитіемъ этихъ губерній; во владимірской губерніи, кромѣ кустарныхъ и домашнихъ промысловъ, мѣстныя фабрики даютъ занятія 73-мъ тысячамъ рабочихъ; въ смоленской же губерніи на мѣстныхъ фабрикахъ требуется только 2000 рабочихъ; что́ же удивительнаго, что бытъ жителей владимірской губерніи, независимо отъ качества ея почвы, гораздо лучше, чѣмъ во многихъ черноземныхъ мѣстностяхъ Россіи. Говорятъ, что земля смоленской губерніи съ избыткомъ окупаетъ земледѣльческій трудъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было бы землевладѣльцамъ сокращать свои запашки; вѣдь въ сосѣдней орловской губерніи, несмотря на болѣе низкія цѣны на хлѣбъ и болѣе высокія цѣны на рабочій трудъ, запашки все увеличиваются; ясная вещь, что скудость смоленской почвы такова, что землевладѣльцамъ не могутъ служить въ помощь ни относительно высокія цѣны на хозяйственные продукты, ни болѣе дешевый трудъ, и что урожаи отъ многихъ земель не покрываютъ издержекъ обработки. Само земство признаетъ однако, что малая производительность смоленской почвы обусловливается недостаткомъ удобрительныхъ средствъ и неумѣніемъ, а часто и нежеланіемъ обработывать ее, какъ слѣдуетъ. Кто споритъ, что значительныя затраты и улучшенная обработка земли способны увеличить производительность всякой почвы; но вѣдь вопросъ не въ томъ, можно ли улучшить производительность смоленскихъ земель, а въ томъ, выгодно ли дѣлать затраты и въ какомъ размѣрѣ на улучшеніе сельскаго хозяйства въ смоленской губерніи; а онъ, мы думаемъ, далеко не рѣшенъ практикой смоленскихъ хозяевъ, которыхъ трудно упрекать если не въ отсутствіи умѣнья, то по крайней мѣрѣ желанія обработывать земли, какъ слѣдуетъ.

Земство также признаетъ, что крестьянскіе надѣлы достаточны, мотивируя свое заключеніе тѣмъ, что недостаточность надѣла немыслима тамъ, гдѣ крестьяне не желаютъ пользоваться отрѣзными землями, гдѣ они не берутъ въ наймы земель окрестныхъ владѣльцевъ

и гдѣ они отказываются отъ обработки части своихъ собственныхъ полей; а подобныя явленія, по мнѣнію земства, почти повсемѣстны. За неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній о размѣрѣ крестьянскихъ запашекъ, земство пускаетъ въ ходъ доказательства чисто отрицательнаго свойства, особенность которыхъ та, что они чрезвычайно легко могутъ быть обращены противъ выводовъ земства. Въ самомъ дѣлѣ, если даже допустить, что крестьяне не берутъ въ наемъ помѣщичьихъ земель, то не значитъ ли это, что средства крестьянъ для веденія хозяйства послѣ отрѣзки земель уменьшились; еслибъ отрѣзка земель была произведена еще въ бóльшемъ размѣрѣ, то можно думать, что крестьянамъ не было бы возможности и совсѣмъ вести хозяйство: извѣстно, что положеніе крестьянъ, получившихъ въ даръ только четвертую часть надѣла, всюду самое бѣдственное. Въ дѣйствительности крестьяне, какъ мы видѣли, весьма охотно берутъ въ наймы или исполу земли помѣщиковъ, а также нанимаютъ у нихъ выгоны; правда, много помѣщичьихъ земель лежатъ все-таки впустѣ; но нельзя же требовать чтобы крестьяне обработывали такія земли, которыя не находятъ выгоды обработывать и сами владѣльцы. Несомнѣнно также, что послѣ неурожаевъ многія земли крестьянъ оставались незасѣянными; но это также не доказываетъ, чтобы надѣлъ крестьянъ былъ достаточенъ. Уже то обстоятельство, что крестьяне при крѣпостномъ правѣ имѣли земли болѣе, чѣмъ теперь, когда они имѣютъ вдвое болѣе свободнаго времени; что надѣлъ государственныхъ крестьянъ въ 5 десятинъ до реформы и послѣ не только не обезпечивалъ ихъ, но былъ недостаточенъ для доставленія однихъ средствъ прокормленія—рѣшительнымъ образомъ указываетъ на недостаточность надѣла помѣщичьихъ крестьянъ.

Не собравъ свѣдѣній о размѣрѣ крестьянскихъ заработковъ, о цѣнѣ на трудъ, о наемной платѣ за землю и проч., земство могло весьма свободно утверждать, что цѣна на рабочій трудъ весьма высока, что заработки прибыльны и что оброки и выкупные платежи соотвѣтствуютъ дѣйствительной доходности земель. Однако стóитъ сопоставить выводы земства хотя съ тѣми свѣдѣніями, которыя были собраны Высочайше утвержденной коммиссіей для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, чтобы придти къ противоположнымъ заключеніямъ. Земство находитъ заработную плату высокой, потому что признаетъ, что средняя стоимость обработки земли составляетъ 12 руб. за десятину; но такая цѣна не только не можетъ быть признана за среднюю, но едва ли гдѣ-либо существуетъ какъ исключеніе. Въ матеріалахъ сельской коммиссіи мы находимъ свѣдѣнія о цѣнахъ за обработку земли, которыя составляютъ отъ 3 руб. 50 коп. до

10 руб. [1]). Земство также указываетъ на то, что цѣны за пилку дровъ возрасли съ рубля до двухъ за сажень и что, соотвѣтственно тому, повысились цѣны за возку дровъ и вообще за поденныя работы; но вѣдь пилкой и возкой дровъ занимаются только крестьяне, живущіе близъ желѣзной дороги, да и для нихъ часто едва ли прибыленъ этотъ заработокъ. По вычисленію священника села Данкова, возка дровъ въ смоленскомъ уѣздѣ давала крестьянину на его харчахъ отъ 16 до 23 коп. въ день заработка [2]); а этого едва ли достаточно было для дневного продовольствія крестьянина и его лошади. Мы уже говорили, что цѣны рабочему въ смоленской губерніи доходятъ только до 50 руб. въ годъ; тому же рабочему при наймѣ его въ кіевскую и другія южныя губерніи даютъ вдвое болѣе. Что рабочія руки въ смоленской губерніи дешевы—это не возможно и оспаривать. А. Энгельгардтъ [3]), самъ смоленскій землевладѣлецъ, фактами доказалъ, что крестьянинъ, обработывая издѣльно господскія поля, еле-еле заработываетъ буквально корку хлѣба.

Мы уже говорили, что весь ходъ крестьянскаго хозяйства послѣ реформы сталъ въ зависимость отъ вопроса, въ какой мѣрѣ выкупные платежи соотвѣтствуютъ дѣйствительной доходности земель. И что̀ же: для рѣшенія столь важнаго вопроса единственнымъ матеріаломъ для земства послужили слова того изъ земскихъ ораторовъ, который доказывалъ, что валовой доходъ отъ 4-хъ-десятиннаго крестьянскаго надѣла составляетъ отъ 58 до 90 рублей. Такимъ образомъ, по его разсчетамъ, выкупной платежъ въ 6 руб. 40 коп. составляетъ только отъ $7^1/_9$ до $10^2/_3\%$ валового дохода. Если бы это было въ дѣйствительности такъ, то конечно не могло бы быть и рѣчи о несоразмѣрности выкупныхъ платежей. Но на чемъ же основалъ земскій ораторъ свои выводы о валовой доходности крестьянскихъ земель? На среднихъ урожаяхъ? Нѣтъ; данныя о среднихъ урожаяхъ онъ находитъ слишкомъ шаткими, и, чтобы придать своимъ выводамъ больше твердости, онъ привелъ слѣдующія соображенія: плата за обработку десятины земли составляетъ, по его удостовѣренію, отъ 12 до 20 руб. за десятину; а такъ какъ крестьяне охотно берутъ у помѣщиковъ земли съ половины, несмотря на то, что половину урожая имъ приходится ожидать 8 или 9 мѣсяцевъ послѣ весенняго посѣва, то ясно, что валовая доходность десятины, отдаваемой съ половины, составляетъ отъ 24 до 40 рублей. Крестьян-

---

[1]) Докладъ. Приложеніе, т. VI, опись имѣній заложенныхъ въ обществѣ позем. кредита.

[2]) Докладъ. Приложеніе 1, сводъ свѣдѣній о хозяйствѣ, стр. 156, 2 отд.

[3]) Отечеств. Записки, 1873 г., № 2, статья „Дороговизна рабочихъ рукъ составляетъ ли больное мѣсто нашего хозяйства“.

скій надѣлъ, по удостовѣренію его же, земскаго оратора, состоитъ изъ пахатной земли, *вѣками удабриваемой*, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что валовой доходъ отъ крестьянскихъ земель не можетъ быть ниже дохода помѣщичьихъ земель, отдаваемыхъ исполу. Въ крестьянскомъ надѣлѣ предполагаются двѣ десятины занятыми озимымъ и яровымъ хлѣбомъ, одна подъ паромъ и одна—лугомъ; доходъ съ двухъ десятинъ пашни будетъ отъ 48 до 80 руб., и валовая доходность десятины луга принимается въ 10 руб. Хотя эти разсчеты и не были оспорены въ земскомъ собраніи, но мы беремъ на себя смѣлость опровергать ихъ. Во-первыхъ, мы уже говорили, что цѣна за обработку земли въ 12 руб., а тѣмъ болѣе въ 20 руб. отъ десятины, составляетъ явленіе совершенно исключительное, а потому на ней нельзя основать прочныхъ выводовъ; но если мы даже допустимъ, что таковы въ дѣйствительности цѣны за обработку земли, то мы пріобрѣтемъ доказательство въ пользу того, что заработныя цѣны дѣйствительно высоки, но не въ пользу того, что валовой доходъ отъ земли таковъ, какъ его вычислили. Чтобы согласиться, что десятина какъ помѣщичьей запольной, такъ и крестьянской земли даетъ отъ 24 до 40 рублей валового дохода, нужно доказать, что среднія урожаи ржи достигаютъ отъ 5 до 7 зеренъ; но мы уже видѣли, что и въ прежніе годы среднія урожаи въ смоленской губерніи опредѣлялись для ржи въ 3 зерна, а для овса въ $2\frac{1}{2}$ зерна, а между тѣмъ исполу помѣщики отдаютъ свои худшія земли. Крестьянскія же земли всегда считались по урожайности ниже помѣщичьихъ, и это вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ что крестьянскія земли въ теченіи вѣковъ не удобрялись, а истощались отъ выпахиванія. Еслибы валовой доходъ съ помѣщичьихъ запольныхъ земель достигалъ 24 до 40 рублей, а рента съ нихъ составляла отъ 12 до 20 руб. отъ десятины, то мы могли бы поздравить землевладѣльцевъ смоленской губерніи съ такимъ поземельнымъ доходомъ, который не оставляетъ желать ничего лучшаго; но дѣло въ томъ, что само земское собраніе едвали ошибается на счетъ свойства этихъ утѣшительныхъ выводовъ. Да они и нужны не надолго: когда шла рѣчь о доходности крестьянскихъ земель, оказалось, что крестьяне весьма охотно берутъ исполу помѣщичьи земли; когда же нужно было доказать достаточность крестьянскихъ надѣловъ, оказалось, что крестьяне совсѣмъ не берутъ помѣщичьихъ земель и даже оставляютъ безъ обработки свои собственныя земли; когда нужно было доказать незначительность выкупныхъ платежей, тогда валовая доходность помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель достигла отъ 24 до 40 рублей съ десятины, и выкупной платежъ съ десятины въ 1 руб. 58 коп. (за надѣлъ 6 р. 40 к.) оказался ничтожнымъ; когда

же зашла рѣчь вообще о податяхъ, падающихъ на землю землевладѣльцевъ, то они оказались тяжестію, поражающей доходъ отъ земли, и одной изъ причинъ обѣднѣнія; а они, какъ мы видѣли, для частныхъ владѣльцевъ составляютъ отъ 8—12 коп. съ десятины. Сама метода, которую употребило земское собраніе при рѣшеніи вопроса о несоразмѣрности выкупныхъ платежей, въ высшей степени любопытна; собраніе всѣ крестьянскія повинности раздѣлило на двѣ части: меньшую—подати, земскіе сборы и проч., оно признаетъ тяжестью для поземельнаго дохода; бо́льшую же—выкупные платежи, оно находитъ не обременительной для земли.

Средніе урожаи хлѣбовъ и наемныя цѣны за землю—вотъ единственныя данныя для опредѣленія валовой и чистой доходности земли и для рѣшенія вопроса о соразмѣрности или несоразмѣрности оброковъ и выкупныхъ платежей съ доходностью земли. Правда, данныя эти часто недостаточны, чтобы опредѣлить насколько выкупные платежи превышаютъ доходность земли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; но это, какъ мы видѣли, вовсе и не требуется практическими цѣлями. Достаточно уже и того, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ въ общихъ чертахъ. Такъ докладъ Высочайше утвержденной коммисіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства относитъ смоленскую губ. къ той группѣ, гдѣ выкупные платежи на 30—50% выше доходности земель. Данными для этого коммисіи, конечно, послужили, какъ подробныя свѣдѣнія о чистомъ доходѣ, получаемомъ въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, такъ и вообще свѣдѣнія о наемныхъ цѣнахъ на землю. Въ отношеніи смоленской губерніи самыя подробныя свѣдѣнія имѣются о гжатскомъ уѣздѣ, благодаря обширной запискѣ одного изъ землевладѣльцевъ, котораго, судя по выпискамъ изъ его записки, вовсе нельзя обвинить въ пристрастіи къ крестьянамъ; по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ, наемная цѣна за замлю въ 25-ти имѣніяхъ составляетъ отъ 61—65 коп. съ десятины; а вѣдь гжатскій уѣздъ принадлежитъ къ числу лучшихъ въ смоленской губ. Какъ ничтоженъ валовой доходъ крестьянъ отъ земли, мы уже говорили,—онъ часто не покрываетъ однихъ повинностей крестьянъ.

Отмѣтимъ еще два противорѣчія, въ которыя впадаетъ земство при оцѣнкѣ матеріальныхъ условій жизни сельскихъ обывателей смоленской губерніи.

Всеобщая дороговизна самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія признается всюду однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій жизни въ настоящее время, которое слишкомъ тяжело отзывается на потребителяхъ и вообще людяхъ труда; между тѣмъ земское собраніе отрицаетъ ея значеніе въ упадкѣ благосостоянія сельскаго со-

словія, которому, вслѣдствіе его возрастанія и вслѣдствіе истощенія земель, приходится все болѣе и болѣе прикупать хлѣба на свое продовольствіе. Неужели же смоленская губернія такой счастливый оазисъ, который находится внѣ всякихъ экономическихъ условій?

Налогъ на соль смоленское земство признаетъ одной изъ причинъ обѣднѣнія населенія; что же касается повышенія акциза на вино, то оно не признаетъ его вліянія на упадокъ благосостоянія населенія. Между тѣмъ налогъ на соль даетъ государственному казначейству 12 мил., акцизъ же съ вина въ 1870 г. давалъ 138 мил. Возвышеніе акциза въ 1873 г. до 7 коп. съ градуса должно было увеличить доходъ на 23 мил., т.-е. сразу потребовать отъ населенія вдвое болѣе того, чтó даетъ весь налогъ съ соли. Въ интересахъ народнаго здравія и сельскаго хозяйства желательна была бы полная отмѣна налога съ соли; но нельзя также не признать, что постоянное возвышеніе акциза съ вина ложится страшной тяжестью на народное потребленіе. Употребленіе вина при суровомъ и холодномъ климатѣ Россіи, при скудной пищѣ и необходимости въ какомъ-либо физическомъ возбужденіи, представляется вполнѣ естественнымъ; размѣръ же потребленія въ 0,92 ведр. на душу является весьма умѣреннымъ, а между тѣмъ налогъ въ видѣ одного акциза съ вина, не считая патентнаго сбора, который выплачивается также потребителями, составляетъ для взрослаго рабочаго сумму въ 11 руб. 57 к. [1]), тогда какъ англійской рабочій при бóльшемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ и при высшей заработной платѣ платитъ, по Леону Леви, косвенныхъ налоговъ съ спиртныхъ напитковъ и пива только 16 франк. 25 сант. Пьянство въ Россіи зависитъ вовсе не отъ количества потребляемаго вина, а отъ безпорядочности въ его употребленіи, а потому вздорожаніе вина вслѣдствіе возвышенія акциза не только не могло его уменьшить, а скорѣе должно было увеличить, чтó отчасти и доказывается тѣмъ, что въ привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ акцизъ съ вина меньше, гдѣ употребленіе вина правильнѣе, оно значительно слабѣе. Послѣ всего вышесказаннаго едвали нужно доказывать, что постоянное возвышеніе акциза, отнимая отъ крестьянъ значительныя суммы, которыя бы пошли на улучшеніе ихъ хозяйства и быта, поражая чрезмѣрно потребленіе и вовсе не способствуя уменьшенію пьянства — составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, вредно вліяющихъ на упадокъ благосостоянія населенія такой бѣдной губерніи, какъ смоленская.

Если матеріальныя условія въ смоленской губерніи не только удовлетворительны, но и въ высшей степени благопріятны для раз-

[1]) См. стр. 340, примѣч. 4.

витія хозяйства сельскихъ жителей, то гдѣ же причины упадка ея благосостоянія?

Смоленское земство признаетъ причинами обѣднѣнія губерніи: 1) неблагопріятность условій, въ которыя поставлена поземельная собственность вообще; 2) тяжесть прямыхъ податей и повинностей, падающихъ преимущественно на землю и освобождающихъ отъ налоговъ мануфактурную промышленость и денежные капиталы; 3) деморализацію народа въ смыслѣ повальнаго пьянства, отсутствія добросовѣстности при исполненіи различнаго рода обязательствъ, пристрастія и подкупности волостныхъ судей и проч.; 4) пьянство; 5) отсутствіе промысловъ; 6) налогъ на соль; 7) широкія безконтрольныя права, которыми пользуются желѣзно-дорожныя компаніи какъ при постройкѣ, такъ и при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; 8) присутствіе значительнаго числа евреевъ. Всѣ эти причины, за исключеніемъ отсутствія промысловъ, какъ мы легко можемъ видѣть, существуютъ не для одной смоленской губ., а присущи всей Россіи. Обращаясь къ вопросу о томъ, насколько могли онѣ повліять на упадокъ именно смоленской губ., мы рѣшительно не можемъ приписать имъ ближайшаго, тѣмъ больше исключительнаго вліянія. Никто не станетъ спорить, что эксплуатація, въ чемъ бы она ни проявлялась, вредна для населенія; никто не станетъ также отрицать, что лѣнь, пьянство и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ въ средѣ нашего простонародія вліяетъ на ихъ матеріальный бытъ; но нужно быть узкимъ моралистомъ, чтобы считать ихъ единственными причинами обѣднѣнія извѣстной мѣстности. Наоборотъ, гораздо проще и естественнѣе видѣть въ нихъ только послѣдствія, результаты бѣдности и скудости средствъ населенія для удовлетворенія самыхъ насущныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей. Чтобы признать за ними значеніе исключительныхъ причинъ обѣднѣнія смоленской губерніи, нужно было бы доказать, что матеріальныя и экономическія условія губерніи вполнѣ благопріятны; но земство этого не сдѣлало и не могло сдѣлать, несмотря на все свое желаніе. Оно, какъ мы видѣли, впало только въ противорѣчія, допустило натяжки и преувеличенія; но если бы земство и доказало это, то нужно было бы доказать еще, что лѣнь, пьянство и недобросовѣстность смоленскихъ крестьянъ имѣютъ особыя специфически-зловредныя свойства, такъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не говоря уже о черноземныхъ, тѣ же пороки крестьянъ не мѣшаютъ имъ улучшать свое хозяйство и бытъ.

Бывшіе помѣщики смоленской губерніи весьма склонны видѣть въ теперешнихъ порядкахъ, и главнѣйшимъ образомъ въ нравственной испорченности крестьянина,—единственныя причины упадка хозяйства и вообще всѣхъ бѣдствій смоленской губерніи. Корреспон-

дентъ „Гражданина“ г. К—въ, въ своей корреспонденціи, которую онъ и назвалъ письмомъ помѣщика, съ большимъ искусствомъ вводитъ читателя въ глубь помѣщичьихъ воззрѣній по этому предмету [1]). Означенная корреспонденція появилась вскорѣ послѣ обсужденія вопроса о коренныхъ мѣрахъ для улучшенія быта губерніи, когда журналы земскаго собранія еще не были напечатаны; а такъ какъ въ ней мы встрѣчаемъ съ буквальной точностью тѣ воззрѣнія, которыя высказывались въ собраніи, но развитыя съ бóльшей подробностью и откровенностью, то вся эта корреспонденція можетъ служить весьма полезнымъ комментаріемъ къ вопросу о коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію быта губерніи и пролить свѣтъ на то направленіе, которое онъ получилъ при своемъ разрѣшеніи.

Развернувъ весьма мрачную картину тѣхъ неудобствъ, которыя представляетъ сельская жизнь, сгруппировавъ весьма тщательно тѣ факты изъ обыденной жизни, которые слишкомъ хорошо знакомы читателю изъ смоленскихъ хозяевъ, авторъ корреспонденціи весьма искусно попадаетъ въ тонъ читателя, который затѣмъ уже легко соглашается съ его выводами; но если вглядѣться въ эти выводы попристальнѣе, то не трудно убѣдиться, что это только туманъ, хотя и весьма тонкій, который разстилается передъ вашими глазами.

Перечисливъ всѣ возможные случаи „недобросовѣстности“ и „неуваженія къ чужой собственности“ крестьянъ, авторъ корреспонденціи утверждаетъ, что бороться съ этими неудобствами сельской жизни хозяину трудно, что противъ нихъ безсильна всякая энергія, не устоятъ никакіе капиталы и что, поэтому, нѣтъ охотниковъ затрачивать ихъ на сельско-хозяйственную промышленность. Еслибы это было въ дѣйствительности такъ, то, конечно, никто бы не покупалъ имѣній и земель въ смоленской губерніи, а, между тѣмъ, имѣнія покупаются весьма часто и по относительно высокимъ цѣнамъ. Покупщики, чуждые преданій крѣпостного права, хорошо знакомы съ нашими порядками и безпорядками; они не обманываются на счетъ качества почвы и прóчихъ хозяйственныхъ условій губерніи, но все-таки покупаютъ имѣнія, находя въ этомъ болѣе или менѣе выгодное помѣщеніе для своихъ капиталовъ. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ тѣхъ же неудобствъ авторъ корреспонденціи считаетъ уменьшеніе запашекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ помѣщиковъ, хотя климатическія, почвенныя и экономическія условія губерніи, по его мнѣнію, настолько удовлетворительны, что сомнѣніе въ этомъ онъ считаетъ непозволительной дерзостью. „Была полная увѣренность,—говоритъ корреспондентъ „Гражданина“,—что съ уничтоже-

---

[1]) „Гражданинъ“, за апрѣль 1874 г., № 15 и 16.

ніемъ крѣпостного права мы не только не уменьшимъ своихъ запашекъ, но увеличимъ ихъ, потому что свободный крестьянинъ долженъ бы, казалось, быть трудолюбивѣй". Въ этомъ былъ увѣренъ г. К—ъ, но едвали въ этомъ были увѣрены другіе, хоть, напримѣръ, г. Ивановъ, который своей полезной земской дѣятельностью оказалъ не мало услугъ смоленской губерніи; а онъ еще въ 1857 г. совѣтовалъ помѣщикамъ, вслѣдствіе крайняго истощенія земель, уменьшить запашки и сдѣлать хозяйство интенсивнѣе. То же самое совѣтуетъ теперь и докладъ сельско-хозяйственной коммиссіи. То же самое думаетъ и крестьянинъ, когда онъ говоритъ, что пахаря „кормитъ не поле—а нива". Но, къ сожалѣнію, эта агрономическая истина еще не находитъ практическаго осуществленія. Предполагать, что крестьяне, ради трудолюбія и искусства, пренебрегая своими выгодами, будутъ обработывать такія земли помѣщиковъ, которыя и при даровомъ трудѣ имъ совѣтовали оставить подъ выпуски и луга— это абсурдъ; а между тѣмъ главную вину крестьянъ и главную причину ихъ бѣдности корреспондентъ „Гражданина" видитъ въ томъ, что они пренебрегаютъ, вслѣдствіе лѣни и распущенности, подручнымъ заработкомъ, т.-е. не берутъ внаймы помѣщичьихъ земель. Авторъ корреспонденціи ждетъ спасенія для крестьянъ смоленской губерніи не отъ пониженія платежей и вообще улучшенія условій матеріальной жизни, а отъ точнаго исполненія законовъ, трезвости, добросовѣстности, трудолюбія и проч. добродѣтелей; въ награду за нихъ онъ рисуетъ вдали, въ легкихъ очеркахъ, свѣтлую картину того благополучія, которое наступитъ въ смоленской губерніи: „но,— добавляетъ онъ,—во всякомъ случаѣ, если земли нашей губерніи будутъ лежать невоздѣланными, какъ теперь, разстройство губерніи и ея полная несостоятельность неминуемы". Къ сожалѣнію, авторъ забылъ назвать ту коренную мѣру, которая бы заставила крестьянъ, конечно, въ ихъ интересѣ, обработывать всѣ земли помѣщиковъ.

Мы не менѣе автора корреспонденціи желаемъ нравственнаго преуспѣянія нашему простолюдину; но мы крѣпко сомнѣваемся, чтобы смоленскій крестьянинъ, будь онъ добродѣтельнѣе своихъ помѣщиковъ, уважай онъ законы и выполняй свои гражданскія обязанности добросовѣстнѣе любого корреспондента „Гражданина",—сталъ безплодно тратить свой трудъ на обработку истощенныхъ запольныхъ земель помѣщиковъ. Напротивъ, при его будущихъ добродѣтеляхъ, ему будетъ гораздо легче и выгоднѣе сохранить и принесть сполна домой тѣ сто рублей, которые онъ уже теперь получаетъ, какъ рабочую плату, въ южныхъ губерніяхъ, чѣмъ разсчитывать на валовой доходъ отъ помѣщичьей земли даже въ количествѣ 24—40 рублей отъ десятины; если же ему можно будетъ заработать на мѣстной

фабрикѣ даже менѣе ста рублей, то тѣмъ лучше. Мы думаемъ также, что не принесетъ пользы помѣщикамъ это хищническое выпахиваніе ихъ земель, которыя теперь или запускаются подъ лѣса, пріобрѣтающія день ото дня все бо́льшую цѣнность, или же отдаются, какъ выгоны, внаймы и на обработку тѣмъ же крестьянамъ.

Послѣ того, что́ мы уже говорили, намъ нѣтъ надобности доказывать, что самообольщеніе, какъ корреспондента „Гражданина“, такъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые надѣляютъ смоленскую губернію всѣми выгодными условіями для процвѣтанія хозяйства и блаженства крестьянина, крайне непрочно; но въ такомъ случаѣ къ чему же, спроситъ читатель, эти иллюзіи, которыя разрушить такъ легко? Для корреспондента „Гражданина“ все это, очевидно, нужно было, чтобы ополчиться на ту зловредную ересь, которая смущаетъ умы тѣхъ вольнодумцевъ, къ которымъ, къ несчастью, принадлежитъ и авторъ настоящей статьи и которые думаютъ, что помочь бѣднѣющему населенію можно главнѣйшимъ образомъ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей. Корреспондентъ не находитъ достаточно словъ, чтобы осмѣять и опорочить это мнѣніе. Въ пониженіи выкупныхъ платежей онъ видитъ передѣлку положенія 19-го февраля на счетъ помѣщиковъ; докладываетъ кому нужно, „что эта передѣлка дастъ крестьянамъ поводъ надѣяться на увеличеніе своего благосостоянія на счетъ помѣщиковъ“; пугаетъ „что она замутитъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ“ и проч. Въ доказательство же, что суть дѣла вовсе не въ низкихъ платежахъ, онъ приводитъ въ примѣръ— на что́ съ той же цѣлью ссылались и въ земскомъ собраніи—имѣніе г-жъ Вистицкихъ и Богуславскихъ, гдѣ крестьяне получили во владѣніе земли гораздо болѣе высшаго надѣла и гдѣ они обязаны уплачивать только по 1 руб. съ души на воспитаніе бѣдныхъ дворянъ, но и этой ничтожной суммы не вносятъ и бѣдствуютъ страшно. Выводъ изъ этого примѣра тотъ, что крестьяне бѣдны и несостоятельны тамъ, гдѣ надѣлы велики и повинности ничтожны; еще одинъ шагъ— и коренной мѣрой для улучшенія ихъ положенія слѣдуетъ признать уменьшеніе ихъ надѣловъ и возвышеніе повинностей. Всѣ доводы г-на К—а противъ пониженія выкупныхъ платежей рѣшительно поразили бы это зловредное мнѣніе, еслибы еще ранѣе появленія его корреспонденціи не былъ обнародованъ докладъ коммиссіи, который не только констатировалъ тотъ фактъ, что выкупные платежи въ большинствѣ не-черноземныхъ губерній Россіи выше доходности земель, но и распредѣлилъ эти губерніи на группы, смотря по тому, насколько именно % они выше доходности земель. Обвиненіе въ передѣлкѣ положенія было бы также весьма тяжкимъ обвиненіемъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла о ломкѣ коренныхъ основаній,

а не о поправкахъ, на которыя указалъ опытъ тринадцати лѣтъ. До появленія корреспонденціи, само правительство, какъ мы видѣли, Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го іюля 1873 г., хотя и въ видѣ временной льготы, уже уменьшило выкупные платежи для нѣкоторыхъ селеній западныхъ уѣздовъ губерніи. Мы уже говорили, что тѣ поправки, которыя необходимы къ положенію 19-го февраля, нѣтъ ни возможности, ни основаній относить на счетъ помѣщиковъ; но у страха глаза велики, и вотъ, корреспондентъ „Гражданина", въ порывѣ охранительныхъ чувствъ, хватается за свой собственный карманъ и бьетъ въ набатъ, пересыпая свою корреспонденцію всевозможными инсинуаціями.

Мы слишкомъ долго остановились на корреспонденціи „Гражданина", хотя она вовсе того не заслуживала; повторяемъ, что единственнымъ основаніемъ къ тому было не внутреннее достоинство самой корреспонденціи, но то обстоятельство, что авторъ ея, повидимому, взялъ на себя трудъ развить тѣ воззрѣнія, которымъ патронировало большинство земскаго собранія, при обсужденіи вопроса о коренныхъ мѣрахъ для улучшенія быта смоленской губ. Вернемся же къ нашему предмету.

Не открывъ въ мѣстныхъ условіяхъ (за исключеніемъ отсутствія фабрикъ и заводовъ) причинъ обѣднѣнія смоленской губерніи, земское собраніе совершенно послѣдовательно отрицаетъ частныя мѣры для улучшенія быта населенія; впрочемъ, еще ранѣе, т.-е. до подробнаго разбора причинъ обѣднѣнія губерніи, земское собраніе не нашло возможнымъ раздѣлить мѣры улучшенія быта губерніи на общія и частныя, на томъ-де основаніи, что ни одна изъ предлагавшихся мѣръ не можетъ считаться исключительно мѣстною, т.-е. полезною только для смоленской губ. и что, вообще, нельзя придумать такихъ мѣръ, которыя не были бы въ то же время и обще-государственными; причемъ было найдено, что уменьшеніе выкупныхъ платежей, болѣе чѣмъ какая-либо другая мѣра, имѣетъ характеръ обще-государственный. Не отвергая, что обще-государственныя мѣры необходимы и желательны для улучшенія условій сельской жизни, мы однако думаемъ, что задача земства заключалась вовсе не въ разработкѣ общихъ мѣропріятій, что́ и не входитъ въ кругъ вѣдомства земскихъ учрежденій, а именно въ изысканіи частныхъ мѣръ для устраненія мѣстныхъ причинъ упадка губерніи. Мнѣніе, что такихъ мѣръ нѣтъ и выдумать нельзя, опровергается дѣйствительнымъ положеніемъ населенія, еслибы земство обратило на него вниманіе; само земство, признавая необходимымъ привлеченіе капиталистовъ льготами и поощреніемъ къ учрежденію фабрикъ и заводовъ, именно указываетъ на одну изъ частныхъ мѣръ для смоленской губерніи, такъ какъ

никто не утверждаетъ, чтобы такая мѣра необходима была и для губерній московской или владимірской. Правительство, даровавъ различныя льготы преимущественно крестьянамъ западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи, еще ранѣе земства пришло на помощь населенію съ исключительными средствами, которыя при своемъ дальнѣйшемъ развитіи могли бы стать вполнѣ частными мѣрами для улучшенія быта губерніи.

Мы кончили обзоръ труда земства по вопросу объ упадкѣ быта губерніи и объ изысканіи коренныхъ мѣръ для его улучшенія; въ нашу задачу не входило исчислять и вообще останавливаться на общихъ мѣрахъ, на общихъ улучшеніяхъ, предлагаемыхъ земствомъ; къ тому же мѣры, указываемыя земствомъ, не представляютъ чего-либо новаго, оригинальнаго: все, что̀ обсуждалось земствомъ, еще раньше обсуждалось и разработывалось или въ правительственныхъ коммиссіяхъ, или въ нашей печати. Для насъ гораздо важнѣе вопросъ: чѣмъ можно объяснить всѣ выводы земства, достигнутые цѣною столькихъ противорѣчій и натяжекъ? Чѣмъ объяснить предвзятое отрицаніе частныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи? и спросить: къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ могли привесть изслѣдованія и отрицанія земства? Еслибы отъ помѣщиковъ требовалось надѣлить вновь крестьянъ дополнительнымъ надѣломъ или уменьшить ихъ оброки, тогда бы были еще понятны усилія доказать достаточность надѣловъ, отмѣнное плодородіе почвы и ничтожность повинностей за земли; но такія требованія, какъ мы видѣли, невозможны и могутъ тревожить только пугливое воображеніе тѣхъ изъ числа бывшихъ помѣщиковъ, представителемъ которыхъ можетъ считаться корреспондентъ „Гражданина“; но земское собраніе, состоящее изъ представителей всѣхъ сословій, повидимому, должно было отрѣшиться отъ сословныхъ предубѣжденій и неосновательныхъ страховъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ. Если корреспондентъ „Гражданина“, отрицая необходимость въ улучшеніи матеріальныхъ условій жизни крестьянъ смоленской губерніи, въ своемъ близорукомъ усердіи оказываетъ въ сущности только медвѣжью услугу тѣмъ, чьи интересы онъ беретъ подъ свою охрану, то для земства, кажется, должно было быть вполнѣ ясно, что только съ улучшеніемъ матеріальныхъ условій хозяйства и быта крестьянъ, которые составляютъ милліонное населеніе губерніи, возможно поднять уровень благосостоянія и всей губерніи, такъ какъ благосостояніе крестьянъ должно естественнымъ образомъ оказать вліяніе на улучшеніе дѣлъ землевладѣльцевъ и прочихъ сословій. Если крестьянская земля, трудъ и потребленіе будутъ облегчены отъ страшныхъ налоговъ, если для крестьянъ откро-

ются заработки на мѣстныхъ фабрикахъ, то ясно, что только тогда у нихъ явятся средства для улучшенія и расширенія хозяйства; тогда только они будутъ въ состояніи расширить размѣръ потребленія продуктовъ самой первой необходимости и тѣмъ улучшить свой бытъ. Все это, безъ сомнѣнія, дастъ толчокъ мѣстной промышленности и торговлѣ. Тогда же явится аккуратность и состоятельность крестьянъ, какъ въ отношеніи фиска, такъ и въ отношеніи землевладѣльцевъ, у которыхъ они будутъ арендовать хутора, земли и вообще различныя угодья, чѣмъ занимается теперь только небольшое число зажиточныхъ крестьянъ; тогда же явятся средства для народнаго образованія и нравственнаго развитія. До тѣхъ же поръ, пока матеріальныя условія крестьянскаго быта не улучшатся, безполезно читать сухую мораль и толковать о какихъ-либо улучшеніяхъ въ положеніи сельскаго населенія губерніи.

Къ какому же заключенію мы приходимъ о трудахъ смоленскаго земства? Не собравъ необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ для изученія дѣйствительнаго положенія населенія, не вникнувъ въ его нужды, допустивъ противорѣчія въ оцѣнкѣ матеріальныхъ условій его жизни, уклоняясь въ непринадлежащую ему область за поискомъ какихъ-то общихъ лекарствъ,—земство не только лишило себя твердой почвы для изслѣдованія положенія и упадка губерніи, не только не выполнило задачи относительно изысканія коренныхъ мѣръ для улучшенія быта губерніи, не только напрасно—oleum et laborem perdidit, но что̀ еще хуже, своимъ неожиданнымъ оптимизмомъ, своимъ отрицаніемъ мѣстныхъ улучшеній, оно способно было ввести въ заблужденіе правительство и общество, относительно дѣйствительнаго положенія и потребностей населенія и помѣшать къ дальнѣйшей разработкѣ тѣхъ мѣръ, начало которымъ само правительство положило въ льготахъ, дарованныхъ 13-го іюля 1873 г.

Заключимъ надеждою, что смоленское земство, ради собственныхъ интересовъ, вернется къ вопросу о положеніи хозяйства и быта сельскаго населенія, къ вопросу о частныхъ мѣрахъ для устраненія мѣстныхъ причинъ упадка губерніи, и изберетъ для рѣшенія своей задачи другіе способы.

Ив. Давыдовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1875.

Вопросъ о вліяніи духовенства на народную нравственность.—Проектъ коммиссіи объ уменьшеніи разгула въ народѣ.—Роль сельскихъ священниковъ.—Наставленіе преосвященнаго Хрисанѳа.—Взгляды въ печати на бытъ народа.—Необходимость экономическихъ реформъ, какъ противовѣса всякимъ вліяніямъ.—Отвѣтъ «досужихъ» журналистовъ «недосужимъ».

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ противодѣйствія распространенію разрушительныхъ идей и въ школѣ, и въ массѣ, не получившей образованія, — у насъ издавна указывалось усиленіе вліянія духовенства на школы всѣхъ степеней и усугубленіе дѣятельности сельскаго духовенства по духовному просвѣщенію народа и укрѣпленію въ немъ нравственныхъ основъ поученіемъ и примѣромъ. Убѣжденіе это въ настоящее время составляетъ одно изъ общихъ мѣстъ ходячаго консерватизма. При этомъ слишкомъ часто забывается, что обращеніе государства къ помощи духовенства спеціально съ цѣлью умственнаго обученія у насъ было бы далеко не новостью. Подобныя попытки были уже дѣлаемы; остатки отъ системы, ими созданной, и остатки весьма видные, существуютъ до сихъ поръ. Еще всѣмъ памятно время, когда для противодѣйствія вреднымъ началамъ въ средѣ академическаго юношества, въ университетахъ, студентамъ всѣхъ разрядовъ читалось въ теченіе всѣхъ курсовъ богословіе, догматическое и нравственное, психологія и логика преподавались священниками. Далѣе этого искусственныя средства къ умственному обузданію путемъ воспитанія уже не могутъ идти. А между тѣмъ, тѣ средства оказались положительно безполезными. Можно даже сказать съ увѣренностью, что они скорѣе противодѣйствовали предположенной цѣли, нежели вели къ ея достиженію, именно потому, что нельзя создать живой силы искусственными средствами, нельзя и замѣнить ими ея дѣйствія. Укажемъ на одинъ примѣръ прямого самопротиво-

рѣчія, въ какое становились подобныя мѣры. Въ основѣ богословія и религіознаго знанія вообще лежитъ вѣра, то-есть религіозное чувство. Богословіе не создаетъ религіознаго чувства, вѣры, но, наоборотъ, само утверждается на вѣрѣ,—въ ней его корень и основаніе. Между тѣмъ при преподаваніи духовными лицами въ университетахъ психологіи весь критерій достовѣрности человѣческаго познанія утверждался прямо на такихъ основаніяхъ, чтобы достовѣрнѣе всякаго личнаго наблюденія и мышленія представлялось священное писаніе, то-есть откровеніе. Не ясно ли, что для учениковъ, стоявшихъ на уровнѣ университетскаго преподаванія, такое смѣшеніе понятій, при которомъ достовѣрность познаванія, то-есть правильное дѣйствіе человѣческаго мышленія утверждалась на основѣ, этому мышленію недоступной, должно было скорѣе вредить утвержденію въ слушателяхъ вѣры, чѣмъ служить къ укрѣпленію ея? Не будь этого искусственнаго внесенія одной сферы понятій въ другую, совершенно различную, одна положительная наука не изгладила бы религіознаго чувства въ студентѣ, который воспринялъ его отъ родителей или живого слова проповѣдника, стоящаго внѣ университета.

При дѣйствіи на необразованныхъ людей, на массу, духовное слово можетъ имѣть успѣхъ точно также не тогда, когда оно искусственно призывается администраціею, какъ орудіе, и является въ видѣ административнаго пріема, но когда оно истекаетъ изъ внутренней потребности священника проповѣдывать божественное ученіе. Удивительно, какъ поразительные успѣхи нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ въ Россіи въ разныя времена доселѣ не убѣдили всѣхъ и каждаго, въ чемъ заключается важнѣйшее условіе для успѣха духовной дѣятельности среди народа. Дѣло не въ созданіи искусственныхъ средствъ къ поднятію вліянія церкви на общество и на весь народъ, не въ призывѣ свѣтской властью духовенства въ помощь себѣ для административныхъ цѣлей. Подобныхъ искусственныхъ средствъ у распространителей расколовъ нѣтъ, они не только не вызываются къ дѣятельности свѣтской властью и не находятъ въ ней поддержки, но, наоборотъ, ею преслѣдуются. А между тѣмъ, слово ихъ дѣйствовало неотразимо на народъ, и едва ли въ средѣ православныхъ сельскихъ священниковъ можно указать примѣры такого вліянія на умы народа и столь успѣшной пропаганды духовной истины, какія обнаруживались свободными проповѣдниками духовныхъ заблужденій. Отчего?—Оттого, что расколоучители, хотя преслѣдуемые властью, были свободны отъ административнаго руководства и подчиненія, отъ цензуры поучительнаго слова, были исполнены той внутренней жизни, которая дается независимостью и необходима для вліянія на религіозное чувство. У насъ, когда признавали или признаютъ полезнымъ

подчинять школу или общество наружному вліянію духовенства, какъ бы руководствуются въ этомъ прежнимъ примѣромъ государствъ католическихъ. Но дѣло въ томъ, что католицизмъ вступалъ въ союзъ съ государствомъ не иначе, какъ подъ условіемъ своего преобладанія надъ нимъ, подчиненія его себѣ, а не подчиненія своего государству. Такимъ образомъ, католическая церковь всегда оставалась независимою отъ государства, даже будучи въ союзѣ съ нимъ, и это обусловливало ея дѣйствительное вліяніе на общество. У насъ же призывалась для административныхъ цѣлей сила, которая силою не была, потому что положеніе церкви въ государствѣ было совершенно подчиненное. Мы уже не разъ указывали, какъ на одну изъ важнѣйшихъ потребностей и самой церкви, и общества,—на установленіе самостоятельныхъ отношеній между церковью и государствомъ.

Полнѣйшее подтвержденіе нашего взгляда встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ статьи профессора Горчакова, въ недавно-вышедшемъ второмъ томѣ „Сборника государственныхъ знаній“: „современная наука государственнаго права не только допускаетъ, но находитъ неизбѣжнымъ существованіе въ государствѣ обществъ, корпорацій, ассоціацій и разнаго вида общественныхъ союзовъ, состоящихъ подъ надзоромъ государства и пользующихся его покровительствомъ, но самостоятельныхъ въ достиженіи своихъ цѣлей, не противныхъ государству. Православная русская церковь, по своему догматическому ученію, духу и настроенію, по историческимъ преданіямъ и по заслугамъ передъ государствомъ и обществомъ, могла бы, намъ кажется, имѣть полное право на признаніе ея со стороны государства *общественнымъ союзомъ, самостоятельнымъ въ управленіи своими дѣлами и независимымъ отъ бюрократіи православнаго исповѣданія*“. Это—совершенно та точка зрѣнія, которой мы неуклонно держались всегда, какъ только намъ приходилось касаться церковной области и положенія нашего духовенства. Съ этой точки зрѣнія мы признавали, что въ вопросѣ о духовно-судебной реформѣ голосъ епископовъ долженъ имѣть полное преобладаніе надъ проектомъ коммиссіи и отзывами консисторій; предлагали учрежденіе особаго церковнаго фонда, съ предоставленіемъ іерархіи и представителямъ духовенства права составлять и провѣрять ежегодныя смѣты по церковному управленію; указывали на необходимость отмѣны свѣтскихъ законовъ, направленныхъ противъ раскольниковъ, и законовъ, карающихъ за такія нарушенія вѣроисповѣдныхъ требованій, которыя не подходятъ подъ свѣтско-уголовныя понятія. Съ той же точки зрѣнія, мы должны признать излишними и невыгодными для обѣихъ сторонъ всякія мѣры, направленныя къ смѣшенію двухъ началъ и искусственому употребленію духовнаго элемента съ цѣлями государственнаго благоустрой-

ства. Таковы, напримѣръ, требованія свѣтскаго закона объ ежегодномъ соблюденіи таинствъ покаянія и причащенія, усиленное преподаваніе вѣроисповѣдныхъ предметовъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и предписанія сельскому духовенству заботиться о народной нравственности. Когда церкви предоставлена была бы независимость отъ государства, когда въ ней возникла бы дѣятельная жизнь и самостоятельная сила, она могла бы исполнять свою священную миссію по нравственному вліянію на юношество, образованное общество и массу народа, съ гораздо болѣе вѣрнымъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, какой могутъ обусловливать для нея искусственныя свѣтскія мѣры къ употребленію ея вліянія съ цѣлями благоустройства.

Преподаваніе духовныхъ предметовъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ родовъ установлено именно для цѣлей благоустройства, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно не существуетъ ни въ одной странѣ, хотя бы при самомъ клерикальномъ направленіи внутренней политики. Въ странахъ католическихъ религіозное преподаваніе въ школахъ ограничивается предѣлами нашего краткаго катихизиса съ обзоромъ священной исторіи; въ странахъ протестантскихъ, изложеніе катихизиса еще кратче, также сопровождается „библейскою исторіею", но къ нему присоединяется еще изученіе нѣсколькихъ церковныхъ гимновъ, такъ какъ въ протестантскомъ богослуженіи участвуетъ народъ. У насъ же во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, классическихъ, реальныхъ, военныхъ и женскихъ проходятся: сперва молитвы и краткій катихизисъ, потомъ пространный катихизисъ, священная исторія, изложеніе и объясненіе богослуженія, а въ нѣкоторыхъ училищахъ еще и исторія церкви. Вся эта совокупность вѣроисповѣднаго преподаванія представляетъ курсъ весьма сложный и трудный, такъ что еслибы требовать изученія его съ полной строгостью, то большинство учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній, за недостаткомъ времени, положительно не выдерживало бы экзаменовъ изъ этихъ предметовъ. Если взять одинъ пространный катихизисъ Филарета, съ многочисленными его текстами, изъ которыхъ иные занимаютъ значительную часть печатной страницы, текстовъ, которые должны быть изучаемы наизусть буквально, безъ малѣйшаго измѣненія, то уже одинъ этотъ предметъ оказывается непосильнымъ для ученика, обремененнаго множествомъ другихъ предметовъ. Поэтому, какъ то обыкновенно бываетъ, при чрезмѣрной требовательности какого-нибудь правила, является неизбѣжная снисходительность въ надзорѣ за его исполненіемъ, но при этомъ размѣръ снисходительности, разумѣется, зависитъ отъ экзаменатора, а потому въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣроисповѣдные предметы, при относительной строгости экзаменаторовъ, и считаются

самыми трудными изъ всего учебнаго курса. Мы могли бы указать даже на такіе примѣры, что въ нѣкоторыхъ высшихъ спеціальныхъ училищахъ, несмотря на то, что при поступленіи въ нихъ требовалось уже знаніе гимназическаго курса, преподаваніе духовныхъ предметовъ продолжалось во всѣхъ классахъ, такъ что воспитанники считали ихъ въ числѣ своихъ главныхъ предметовъ, и имѣли въ виду меньшую требовательность по нѣкоторымъ предметамъ своей спеціальности, чѣмъ по предметамъ духовнаго обученія. Спрашивается, какая цѣль достигается такимъ преувеличеніемъ программныхъ требованій, за которымъ, въ большинствѣ случаевъ, слѣдуетъ послабленіе, то-есть нѣчто нераціональное, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляется полный просторъ для произвола экзаменаторовъ въ строгости, передъ которою въ дѣйствительности „никто оправдаться не можетъ"? При преувеличеніи требованій со стороны формалистики, при обремененіи учениковъ непосильнымъ затверживаньемъ наизусть, не ослабляется ли именно важнѣйшее религіозное вліяніе, вліяніе нравственное, сердечная воспріимчивость и любовь къ священному ученію? Не лучше ли было бы, для нравственнаго вліянія законоучителя, еслибы предметъ его не требовалъ крайняго, механическаго напряженія памяти, былъ бы посиленъ и привлекателенъ, а вмѣсто буквальнаго переспрашиванія немилосердно искажаемыхъ учениками трудныхъ текстовъ, законоучителю оставалось время пріобрѣтать нравственное вліяніе на учениковъ живымъ поученіемъ?

Обратимся къ другой сферѣ призыва государствомъ наружнаго содѣйствія духовенства для цѣлей благоустройства, къ сферѣ народнаго быта. Что пьянство у насъ весьма распространено — не подлежитъ сомнѣнію; что большое число праздниковъ въ году (число, доходящее до четвертой части всего числа дней въ году) способствуетъ поддержанію пьянства—весьма вѣроятно. Какое же однако средство предлагается для ограниченія этого зла? „Церковно-общественный Вѣстникъ" сообщаетъ, что въ скоромъ времени имѣетъ поступить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ, выработанный особою „коммиссіею, назначенною для уменьшенія числа праздничныхъ дней и разгула въ народѣ". Сообщаемыя названнымъ изданіемъ мѣры изъ предлагаемыхъ этимъ проектомъ, слѣдующія: 1) *возложить* на приходскихъ священниковъ, преподающихъ въ сельскихъ школахъ законъ Божій, обязанность обращать особенное вниманіе на четвертую заповѣдь и излагать *подробно и обстоятельно* ученіе православной церкви о значеніи праздниковъ и воскресныхъ дней; 2) при устройствѣ новыхъ храмовъ *располагать* мѣстныхъ прихожанъ къ тому, чтобы храмъ посвященъ былъ во имя угодниковъ и святыхъ, чти-

мыхъ не въ извѣстномъ только краѣ, а повсемѣстно; 3) земства могутъ, по своему усмотрѣнію, награждать крестьянъ, отличающихся благонравіемъ и правильнымъ веденіемъ хозяйства, деньгами, хлѣбомъ и другими сельско-хозяйственными принадлежностями.

Извѣстно, что благонравіемъ отличаются прежде всего волостные старшины и сельскіе старосты, иначе ихъ бы не выбрали въ эти званія; а правильнымъ веденіемъ хозяйства отличается не тотъ мужикъ, который одной лошадью больше вспашетъ или пойдетъ косить на другой день послѣ Петровà-дня, но тотъ, у кого лошадей больше и у кого косятъ работники, хотя онъ самъ, быть можетъ, соблюдаетъ праздники угодниковъ, чтимыхъ во всѣхъ окрестныхъ мѣстностяхъ. Стало быть, послѣдній пунктъ—если онъ только что-нибудь прибавитъ къ нынѣшнему положенію дѣлъ, такъ какъ никто не запрещалъ земствамъ и нынѣ награждать крестьянъ—поведетъ къ раздачѣ земскихъ денегъ и сельско-хозяйственныхъ принадлежностей старшинамъ и старостамъ или ихъ зятьямъ, по представленіямъ тѣхъ же старшинъ и старостъ.

Но ужъ если свѣтскіе законы будутъ не только возлагать на священниковъ духовныя поученія съ прямой цѣлью государственнаго благоустройства, а еще располагать, какимъ угодникамъ полезно посвящать храмы, и какимъ, въ тѣхъ же свѣтскихъ видахъ—не полезно, то это представитъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ характеристическое и послужитъ намъ новымъ примѣромъ, до чего можетъ доходить смѣшеніе обѣихъ властей. Не ясно ли, что то, чего священники не дѣлаютъ безъ предписаній закона, они не въ состояніи будутъ сдѣлать по его предписаніямъ; что, напротивъ, чѣмъ болѣе службъ будетъ возлагать на нихъ свѣтскій законъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ отказываться служить самъ чисто-церковнымъ цѣлямъ, какъ, напр., предписывать свѣтскія мѣры для поддержанія или распространенія православія среди раскольниковъ и иновѣрцевъ. Сверхъ того, возложеніе обязанностей предписаніями не можетъ не ослаблять въ духовенствѣ внутренней силы дѣйствія, тѣсно связанной съ свободнымъ выборомъ случаевъ и средствъ для поученія. Сошлемся на случай, недавно описанный газетами. Священнику въ мѣстности, гдѣ завелись „штундисты“, предписывалось „дѣйствовать увѣщаніями“. Если бы священникъ самъ пожелалъ дѣйствовать увѣщаніемъ, то, разумѣется, выбралъ бы для этого и случай и нашелъ бы въ себѣ искреннія, понятныя народу слова, какія можетъ внушить только собственная охота; а еслибы зналъ, что никакой надежды на успѣхъ увѣщанія въ такомъ-то мѣстѣ нѣтъ, то вовсе и не пошелъ бы туда. Но ему не было выбора; онъ долженъ былъ исполнить предписаніе, сообразуясь при томъ съ „существующимъ на сей предметъ настав-

леніемъ". И вотъ священникъ идетъ къ штундистамъ и, твердо помня, что „наставленіе" предписываетъ свѣтскія мѣры только противъ пропаганды и расколо-учителей, а не самихъ совратившихся, возстаетъ противъ ихъ „пропаганды" и угрожаетъ ихъ „коноводамъ". Обязанность на него возложенную онъ исполнилъ, но вотъ съ какимъ успѣхомъ: при проѣздѣ мѣстнаго архіерея, штундисты обратились къ нему съ жалобой на священника, утверждая, будто онъ говорилъ имъ „ваша вангелія—погана, пропагана",— и обзывалъ ихъ „коноводами", между тѣмъ, какъ они „никогда въ конокрадствѣ замѣчены не были". Вслѣдствіе такой жалобы епископъ предписалъ священникамъ, чтобы они въ своихъ увѣщаніяхъ употребляли общепонятныя народу слова, избѣгая выраженій, народу не понятныхъ. А между тѣмъ, кто же лучше самихъ сельскихъ священниковъ можетъ знать, что́ народу понятно или непонятно, что́ ему для его духовнаго просвѣщенія потребно или не потребно? Не легче ли бы и епископамъ и священникамъ дѣйствовать духовнымъ поученіемъ на народъ, если бы первые не получали предписаній отъ канцелярій, а вторые не были бы стѣсняемы инструкціями, составленными по этимъ предписаніямъ? Не бо́льшей ли пользы можно бы ожидать, еслибы духовенство не призывалось къ достиженію свѣтскихъ цѣлей, но руководствовалось бы внутреннимъ побужденіемъ къ духовной проповѣди, а свѣтская власть полагалась бы для уменьшенія такихъ явленій, какъ народный разгулъ, не на предписываемое ею дѣйствіе духовенства, но на собственныя свои свѣтскія мѣры къ улучшенію быта народа и къ распространенію въ немъ образованія?

Что церковь, предоставленная самой себѣ и пользуясь въ государствѣ самостоятельностью, какъ «общественный союзъ», по выраженію профессора Горчакова, съумѣла бы правильно избрать лучшія средства дѣйствія на народъ, способныя дать ей живое нравственное на него вліяніе, тому могутъ служить примѣромъ нѣкоторыя прекрасныя мысли, высказанныя епископомъ астраханскимъ Хрисанѳомъ, въ пастырскомъ наставленіи священникамъ его епархіи, напечатанномъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ". „Священникъ,—пишетъ преосвященный Хрисанѳъ,—есть не только совершитель таинствъ и обрядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и по этому самому, и руководитель нравственной жизни своихъ прихожанъ, *духовная власть и сила*, направляющая и устрояющая нравственный бытъ пасомыхъ„... Епископъ при этомъ замѣчаетъ: „не могу скрыть, что я встрѣчалъ священниковъ, которые выслушивали мои разсужденія съ ними по этому предмету—почти съ изумленіемъ, точно сообщалось имъ что-то новое." И дѣйствительно, не мудрено, что священникамъ привыкшимъ бояться всякаго собственнаго почина и дѣйствовать только для исполненія предписаній

могла казаться новою такая мысль, что они должны быть „духовная власть и сила“ и имѣть нравственное вліяніе на народъ. Далѣе епископъ дѣлаетъ весьма важное замѣчаніе: „необходимо нравственность понимать шире. Семейный бытъ, взаимныя отношенія членовъ семьи, воспитаніе дѣтей, даже отношеніе народной массы къ дѣламъ общественнаго характера, ихъ взглядъ на эти дѣла, ихъ отношеніе къ требованіямъ общественныхъ нуждъ, степень развитости въ нихъ чувства законности, ихъ сочувствіе или несочувствіе дѣлу общественной помощи и благотворительности, все это — проявленія нравственной жизни и нравственнаго быта“. Опредѣленіе прекрасное и, кажется, въ первый разъ провозглашаемое у насъ архипастыремъ съ такой ясностью и точностью. Дѣйствительно—вся сфера, въ которой проявляется нравственная жизнь человѣка, должна подлежать вліянію учителя нравственныхъ началъ, если только онъ не вооруженъ для вліянія свѣтскими средствами, потому что тогда онъ изъ учителя тотчасъ превратится въ чиновника, и чиновника тѣмъ болѣе тяжелаго, что сфера его вмѣшательства почти не имѣетъ предѣловъ, какъ сама область нравственной жизни. Если же священникъ въ самомъ дѣлѣ можетъ дѣйствовать только ученіемъ, не располагая никакими свѣтскими средствами, то вліянію его должна быть доступна именно вся область нравственной жизни, потому что иначе вліяніе его, замыкаясь въ одной церкви, будетъ ничтожно, такъ какъ человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ не въ церкви.

Но, спрашивается, возможно ли у насъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, подобное вліяніе священника? Вѣдь онъ принадлежитъ къ одному *вѣдомству*, а общественныя дѣла и нужды состоятъ въ другихъ вѣдомствахъ, общественная благотворительность находится также въ особомъ вѣдомствѣ. Какъ же можетъ членъ одного вѣдомства касаться, хотя бы словомъ, дѣйствій, относящихся къ предметамъ другихъ вѣдомствъ, ему постороннихъ? Священникъ потому и не „вторгается“ въ области, относящіяся къ другимъ вѣдомствамъ, что предвидитъ жалобы на себя своему вѣдомству за всякое слово, относящееся къ дѣйствіямъ въ областяхъ другихъ, „постороннихъ“ вѣдомствъ; а между тѣмъ, замыкаясь въ церкви, въ школѣ, если онъ преподаетъ въ ней,—онъ упускаетъ изъ виду всю жизнь взрослаго человѣка. Будь священникъ частнымъ лицомъ, стоящимъ внѣ всякихъ вѣдомствъ, онъ могъ бы, напримѣръ, сказать волостному старшинѣ, что такое, или такое его дѣйствіе несогласно съ нравственностью; всякій частный человѣкъ сказать это можетъ; но священникъ, служащій по вѣдомству, священникъ—оффиціальное должностное лицо, за такое слово можетъ иногда лишиться своего мѣста, потому что ни одно вѣдомство не терпитъ вмѣшательства другого вѣдомства въ свои

дѣла, и не можетъ быть такого вѣдомства, которому принадлежало бы право судить о дѣйствіяхъ всѣхъ прочихъ вѣдомствъ.

Относительно церковной проповѣди, важнѣйшаго средства вліянія церкви на народную нравственность, преосв. Хрисанѳъ говоритъ между прочимъ: „пусть каждый изъ священниковъ и въ храмѣ говоритъ тѣмъ простымъ наставительнымъ тономъ, какимъ говоритъ съ прихожанами дома въ назидательной бесѣдѣ... Самый способъ произношенія поученій, которому слѣдуютъ почти всѣ священники, т.-е. по тетради или по книгѣ—мертвъ, и требовалъ бы измѣненія на живую, *устную* рѣчь; устная, живая рѣчь всегда производитъ болѣе живое и сильное впечатлѣніе; тѣмъ болѣе нужно сказать это о простомъ народѣ, который живетъ больше впечатлѣніями, чѣмъ разсудочными соображеніями."

Изъ этихъ словъ явствуетъ, что преосв. Хрисанѳъ предвидитъ живое дѣйствіе только отъ устной проповѣди, которая была бы свободна отъ благочиннической цензуры. Столь же просвѣщенные и справедливые взгляды высказываетъ епископъ астраханскій на способъ дѣйствія священниковъ относительно раскола и въ качествѣ законоучителей въ школахъ: „необходимымъ также считаю замѣтить,—пишетъ онъ,—что многіе изъ священниковъ держатся ложнаго взгляда относительно обращенія сектантовъ, думая, что дѣло это прежде всего подлежитъ дѣйствію полицейской власти и что безъ содѣйствія послѣдней невозможенъ никакой успѣхъ въ немъ. Такова *бóльшая часть* отвѣтовъ, получаемыхъ мною отъ священниковъ на мои запросы о мѣрахъ къ ослабленію сектантства въ ихъ приходахъ. Пусть всѣ они знаютъ и примутъ къ свѣдѣнію, что не къ тому теперь направляется наше законодательство и не таковы требованія современной общественной жизни". Что „бóльшая часть" отвѣтовъ священниковъ были таковы, доказываетъ именно, что, пока будетъ существовать смѣшеніе властей духовной и свѣтской, священники будутъ полагаться на полицейскія мѣры, не чувствуя въ себѣ силы дѣйствія, даже не сознавая, что единственная, но за то огромная сила дѣйствія духовенства есть именно увѣщаніе лица, облеченнаго авторитетомъ священнымъ и независимаго отъ полицейскихъ внушеній. Взгляды, высказываемые преосв. Хрисанѳомъ, содержатъ въ себѣ полную программу дѣйствій для приходскаго духовенства и свидѣтельствуютъ, что православная іерархія съумѣла бы направить духовенство къ пріобрѣтенію имъ живого нравственнаго вліянія на народъ, еслибы духовная власть у насъ была совершенно отдѣлена отъ свѣтской. Но, съ другой стороны, самая программа дѣйствій, начертанная епископомъ астраханскимъ, можетъ быть дѣйствительно приведена въ исполненіе не иначе, какъ при томъ же условіи, то-есть

при снятіи съ духовенства бюрократическихъ правъ и обязанностей и предоставленіи ему самостоятельности.

Жалуются на нравственную запущенность массы народа, на преобладаніе въ самомъ образованномъ обществѣ въ Россіи матеріальныхъ инстинктовъ, на продолжающееся еще въ нашемъ національномъ характерѣ, несмотря на полтора вѣка европейской жизни, присутствіе элемента дикости. Но могло ли быть иначе при тѣхъ условіяхъ, которыя еще недавно сковывали бытъ массы народа, и при тѣхъ, какія тяготѣли надъ обществомъ въ до-реформенное время? Не очевидно ли, что раціональный путь къ изглаженію дикости, къ возвышенію нравственнаго элемента въ жизни общества и всего народа представляется не наложеніемъ узъ на всѣ нравственныя силы, на церковь, школу и печать, но наоборотъ—предоставленіемъ этимъ силамъ бóльшей самостоятельности, бóльшаго простора для дѣйствія, бóльшаго авторитета въ странѣ, немыслимаго при излишней бюрократической подчиненности? Извѣстный циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія отъ 24 мая указывалъ, какъ на прискорбное явленіе—на отсутствіе солидарности у насъ между семьею и школой. Но если школу можно передѣлать вдругъ, съ семьей нельзя сдѣлать того же. Стало быть, сблизить семью со школой можно только такимъ путемъ, чтобы сблизить школу съ семьею, заботиться не столько о такой или такой учебной системѣ—умственное и нравственное развитіе достигается не одной системой,—но о соотвѣтствіи школы потребностямъ общества и возвышеніи ея авторитета самостоятельностью. Въ послѣднее время слухи о пропагандѣ коммунистскихъ ученій въ народѣ молодыми людьми изъ образованнаго класса и произведенныхъ по этому поводу арестованіяхъ подали печати поводъ коснуться общаго вопроса о бытѣ и нравственномъ настроеніи массы народа. Мы обратимъ особенное вниманіе на статьи объ этомъ вопросѣ, появившіяся въ истекшемъ мѣсяцѣ въ газетѣ „Голосъ“.

Статьи „Голоса“ вообще представляютъ ходъ разсужденія болѣе правильный, чѣмъ нѣкоторыя латинскія выраженія, ихъ украшающія, и нѣкоторыя предположенія, допускаемыя въ нихъ, очевидно, только для бóльшей эффектности. Когда въ тѣхъ статьяхъ говорится, что въ нашемъ обществѣ есть элементы недовольства, и при этомъ ссылаются на разныя, весьма несходныя между собою причины недовольства, указываютъ на крайне-неудовлетворительное экономическое и нравственное положеніе массы нашего крестьянства и на необходимость улучшеній въ податной и паспортной системахъ и умноженія народныхъ школъ,—то противъ всего этого нельзя спорить, и въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Можно только замѣтить, что въ тѣхъ статьяхъ не

разъяснено, какую сравнительную численность и какое значеніе предполагается въ поименованныхъ разрядахъ недовольныхъ; не разъяснено, какое относительное значеніе можно придавать каждому изъ такихъ явленій, что „одни недовольны тѣмъ, что реформы пошли слишкомъ далеко"; другіе „недовольны тѣмъ, что реформы пошли недостаточно далеко"; а третьи „соболѣзнуютъ, что нѣкоторыя начала совершившихся уже реформъ ограничены, по ихъ мнѣнію, впослѣдствіи". Между тѣмъ, никакая политическая система не можетъ имѣть цѣлью удовлетворить *всѣхъ*, безъ всякаго, даже единичнаго исключенія, а потому для практическихъ государственныхъ цѣлей всего важнѣе было уяснить себѣ, въ какомъ разрядѣ „недовольныхъ" можно предполагать только ничтожные десятки, въ какомъ сотни, а въ какомъ, быть можетъ, и тысячи людей, и притомъ, какое вліяніе каждый изъ этихъ разрядовъ, по умственному своему развитію и степени искренности убѣжденія, можетъ оказывать на все общественное мнѣніе. Если допускать, какъ то дѣлаетъ „Голосъ", три весьма различныхъ разряда „недовольныхъ",—то необходимо спросить себя, который изъ нихъ можетъ быть ничтоженъ, а потому не стòитъ вниманія; который слабъ, и потому не можетъ служить поводомъ къ такому или другому направленію системы дѣйствій, и который, быть можетъ, представляетъ явленіе весьма важное для вниманія самого законодательства, соображающаго свои дѣйствія со всѣми крупными фактами народной жизни. Законодательство, строго говоря, вездѣ можетъ дѣйствовать независимо отъ всякихъ вліяній, посторонниxъ данной законодательной сферѣ, но оно нигдѣ не можетъ дѣйствовать безъ компаса.

Ходъ разсужденія въ упомянутыхъ статьяхъ, повторяемъ, правиленъ, но разсужденіе, во-первыхъ, не полно, потому что оно упускаетъ изъ виду весьма важный элементъ — среднее образованное русское общество, и останавливается преимущественно на пропагандистахъ, которые въ тѣхъ статьяхъ появляются неизвѣстно откуда, и на крестьянской массѣ, которой положеніе неудовлетворительно. Во-вторыхъ, разсужденіе „Голоса" уснащено для эффекта нѣкоторыми догадками и предположеніями, которыя совершенно невѣрны, окрашиваютъ самыя статьи весьма непривлекательнымъ цвѣтомъ и вызываютъ необходимость опроверженія. Таковы догадки, будто „ученія, проповѣдываемыя разными заграничными изданіями, имѣютъ огромный успѣхъ среди молодежи, бросающей ученіе и бросающейся въ народъ"; будто „аресты считаются сотнями и обвиняемые принадлежатъ ко всѣмъ сословіямъ и возрастамъ"; будто „благодаря оффиціальнымъ заявленіямъ, Европа теперь убѣждена, что Россіи грозитъ существенная опасность не отъ нелѣпой проповѣди нѣсколькихъ фа-

натиковъ, но отъ сочувствія, показываемаго этой проповѣди массой общества". Таково же предположеніе, будто „распространеніе дурныхъ ученій способно породить смуту въ крестьянствѣ"; будто нельзя имѣть увѣренности, что „пропаганда не можетъ имѣть вліянія на массу", и будто подъ вліяніемъ такой пропаганды „народъ можетъ сдѣлать сюрпризъ и лѣтъ черезъ двадцать оказаться воспитаннымъ въ иномъ духѣ". Всѣ эти дополненія „Голоса" къ тѣмъ безспорнымъ истинамъ, которыя составляютъ сущность его разсужденій, представляютъ рядъ произвольныхъ догадокъ о фактахъ, искаженій фактовъ и предположеній не-серьёзныхъ, короче—натяжекъ, сдѣланныхъ для того, чтобы придать разсужденію тонъ „суперлативный", который „Голосъ" вообще любитъ и считаетъ необходимымъ условіемъ убѣдительности. Для такой риторической цѣли непозволительно взводить напраслину и на Европу, и на русскую молодежь, и русское образованное общество, которое выставляется „равнодушнымъ ко всему, что выходитъ за предѣлы мельчайшихъ каждодневныхъ интересовъ", и на массу русскаго народа.

Начать съ того, что всѣ учебныя заведенія переполнены, что они могутъ вмѣщать только меньшую часть молодыхъ людей, являющихся на пріемные экзамены; если университеты составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, то на это есть своя особая причина. Число желающихъ поступать во всевозможныя школы ежегодно возрастаетъ поразительнымъ образомъ, и въ виду такихъ-то положительныхъ фактовъ намъ рѣшаются высказывать голословную догадку, будто „молодежь бросаетъ ученіе и бросается въ народъ", вслѣдствіе „огромнаго успѣха", какой имѣютъ будто бы въ ея средѣ „заграничныя изданія!" Допустимъ на минуту, что произведенные „аресты считаются сотнями", допустимъ даже, что всѣ арестованные виновны; но вѣдь изъ словъ „Голоса" же мы узнаемъ, что они принадлежатъ ко „всѣмъ возрастамъ", стало быть, не къ одной молодежи; да наконецъ и сотни молодыхъ людей, подвергшихся арестованію, еще не давали бы „Голосу" права говорить, что „молодежь бросаетъ ученіе и бросается въ народъ", потому что въ однихъ университетахъ и гимназіахъ, не говоря о всѣхъ другихъ высшихъ и среднихъ школахъ, состоитъ до 50-ти тысячъ учениковъ. Вѣдь если окажется, что число арестованныхъ молодыхъ людей стоитъ въ отношеніи къ общему числу учащихся какъ 1 : 1000, то взведеніе по этому поводу подозрѣнія на всю учащуюся молодежь должно будетъ назваться легкомысліемъ.

Пойдемъ далѣе. Берлинскій корреспондентъ газеты „Times", упомянувъ о томъ мѣстѣ извѣстнаго циркуляра 24-го мая русскаго министра народнаго просвѣщенія, гдѣ заявлялось о сочувствіи образо-

ванныхъ классовъ русскаго общества проповѣди коммунистовъ, спрашиваетъ себя: возможно ли такое явленіе,—и затѣмъ самъ положительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ, говоря, что если есть сочувствіе русскаго общества къ партіи враждебной порядку, то оно все-таки не есть сочувствіе къ разрушительнымъ теоріямъ, но послѣдствіе недовольства по совершенно другимъ причинамъ. Мы считаемъ лишнимъ доказывать, что русское общество сочувствія къ „разрушителямъ" не имѣетъ, считаемъ лишнимъ опровергать англійскаго корреспондента. Но, спрашивается, достаточно ли такого факта, какъ замѣчаніе одного корреспондента, который тутъ же оговаривается объ особомъ смыслѣ предполагаемаго „сочувствія", дабы сказать, какъ говоритъ „Голосъ", что, „благодаря оффиціальнымъ заявленіямъ, *Европа* теперь убѣждена, что Россіи грозитъ существенная опасность отъ сочувствія, показываемаго проповѣди (коммунистовъ) массой русскаго общества"? Не только слова одного корреспондента не представляютъ „убѣжденія Европы", но самый циркуляръ министра народнаго просвѣщенія не могъ сообщить такого убѣжденія Европѣ, которая вовсе не обязана слѣдовать въ своихъ убѣжденіяхъ циркулярамъ. Да и самому корреспонденту, наведшему на „Голосъ" такой страхъ, циркуляръ внушилъ убѣжденіе, едвали вытекающее изъ этого циркуляра, а именно: „не можетъ быть, чтобъ русскіе культурные слои прониклись соціалистическими ученіями; они хотятъ чего-то другого".

Натяжкою, сдѣланною для приданія разсужденію поразительности, слѣдуетъ признать и то предположеніе „Голоса", будто масса нашего крестьянства, вслѣдствіе неудовлетворительности своего экономическаго положенія, можетъ представить почву для насажденія коммунистическихъ началъ, такъ что лѣтъ черезъ двадцать русскій народъ можетъ „сдѣлать сюрпризъ", оказаться „воспитаннымъ въ иномъ духѣ". Предположеніе это—только полемическій пріемъ, послужившій автору статей „Голоса" для того, чтобы придать давно созрѣвшимъ въ обществѣ требованіямъ уменьшенія тягости подушныхъ податей, преобразованія паспортной системы и умноженія начальныхъ школъ—убѣдительность особаго рода, убѣдительность полицейскаго соображенія. „Голосъ" какъ будто говоритъ: надо-молъ поторопиться съ этими реформами потому, что иначе масса народа черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ можетъ оказаться проникнутой революціоннымъ духомъ, отъ котораго не можетъ спасти его приписываемый народу здравый смыслъ. Цѣль сама по себѣ хорошая, но средство, употребленное для ея достиженія, опять не совсѣмъ хорошо. Ускорить упомянутыя реформы слѣдуетъ просто потому, что онѣ необходимы для народа, и что онѣ созрѣли въ сознаніи образованнаго общества, какъ нѣкогда созрѣла отмѣна крѣпостного права; но вовсе не потому, что

только проведеніемъ этихъ реформъ можно предупредить успѣхъ пропаганды западнаго коммунизма въ массѣ русскаго крестьянства. Такое возраженіе сдѣлаетъ „Голосу“ всякій безпристрастный, самостоятельно мыслящій человѣкъ. Что же касается людей, смотрящихъ на общественные вопросы съ точки зрѣнія исключительно полицейской, то ихъ никакими „полицейскими соображеніями“ нельзя поймать на удочку либеральныхъ реформъ; они всегда предпочтутъ мѣры чисто-полицейскаго свойства. Еслибы полицейскій аргументъ „Голоса“ могъ подѣйствовать на нихъ, то-есть усилить въ нихъ неувѣренность въ благонадежности самой массы русскаго крестьянства, то повѣрьте, что они отсюда вывели бы заключенія, прямо противоположныя тѣмъ, къ какимъ пришелъ „Голосъ“: они сочли бы необходимымъ не отмѣну существующей паспортной системы и введеніе свободы переселеній, но напротивъ — усиленіе строгости паспортной системы и воспрещеніе всякихъ переселеній, безусловное прикрѣпленіе къ землѣ; не умноженіе народныхъ школъ для сообщенія народу „здравыхъ финансовыхъ понятій“, но наоборотъ—строжайшій контроль надъ народными школами, уже существующими, и даже уменьшеніе ихъ числа; и все это они сдѣлали бы, ссылаясь на то, что „Голосъ“ пророчитъ какія-то опасности въ самомъ непродолжительномъ времени—лѣтъ черезъ двадцать. Такихъ людей, на полицейскія воззрѣнія которыхъ разсчитывалъ аргументъ „Голоса“—предполагая, что они у насъ есть—нельзя было бы убѣдить имъ; они увидѣли бы въ немъ только ловушку. А на людей безпристрастно-мыслящихъ, этотъ аргументъ дѣйствуетъ непріятно, какъ натяжка, къ тому же натяжка, низводящая великую народную потребность на степень полицейскаго соображенія.

Масса русскаго крестьянства представляетъ въ умственномъ отношеніи поле невоздѣланное, а въ отношеніи экономическомъ поле бѣдное, неурожайное; значительная часть ея представляетъ даже особый видъ пролетаріата, пролетаріата прикрѣпленнаго къ бездоходной землѣ. Это — фактъ, фактъ, истекающій изъ того, что масса, всѣ вѣка своего національнаго существованія служившая государству, несшая на себѣ всѣ тягости его, приносившая ему въ жертву, не только пассивно, но и сознательно, всѣ свои силы, была совершенно забыта государствомъ, не получала отъ него ничего, кромѣ именно охраны ея національнаго существованія и затѣмъ созданія ея національнаго могущества. Что новгородская Русь не отпала отъ владимірско-московской; что Сибирь, покоренная горстью людей, недавно стоявшихъ внѣ закона, осталась въ связи съ Москвой; что Смоленскъ и Кіевъ тотчасъ по присоединеніи плотно пристали къ московскому государству; что сама Украйна сохранила понятіе о религіозной и племенной связи съ нимъ—это факты колоссальные, свидѣтельствующіе о безконеч-

ной преданности русскаго народа идеѣ національнаго существованія, то-есть идеѣ государства, которой онъ жертвовалъ и страданіями и отреченіемъ отъ мѣстныхъ стародавнихъ вольностей. Потребовались не только крайнее напряженіе централизаціонныхъ мѣръ въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, но еще и экономическій и церковный перевороты, установленіе крѣпостного права и Никоновская реформа, чтобы вызвать въ этомъ народѣ нѣкоторыя оппозиціонныя стремленія, которыя, впрочемъ, въ крупнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, все-таки принимали государственный же характеръ, свидѣтельствовали о вѣрности самаго бунта въ Россіи идеѣ государства.

Настало, наконецъ, для русскаго народа время извлечь и выгоды изъ той громадной машины, которую онъ строилъ себѣ въ теченіе вѣковъ, нерѣдко снося свои избы для поддержанія въ кузницѣ огня, затыкая своей одеждой трещины въ ковавшейся машинѣ, а порою смазывая и своей кровью ея колеса, когда они ржавѣли. Государство должно исполнить свое назначеніе, должно показать, что исторія русскаго народа не была ошибкой, что могущественнѣйшее въ свѣтѣ государство создано имъ для самого себя, для своего блага, для могущественнѣйшаго воздѣйствія на улучшеніе быта строившей его массы.

Великое начало тому положено. Государство, которое по мѣрѣ своего сплоченія и усиленія, вмѣсто того, чтобы принять подъ свою непосредственную опеку и прямое свое покровительство создавшую его массу, наоборотъ, слагало съ себя эту обязанность, возлагая ее на вотчинниковъ; вмѣсто того, чтобы улучшить бытъ своихъ строителей рабочихъ, укрѣпило ихъ за своими прикащиками, которые опеку превращали въ безпощадную эксплуатацію, будучи, по выраженію Посошкова, „крестьянамъ невѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель—Всероссійскій самодержецъ",—государство въ наше время начало свои реформы съ того, что устранило эту посредственную опеку-эксплуатацію, признало за крестьянами право на землю, которую они своими трудами отстояли русскому государству и своими же трудами обработали. Но этимъ, конечно, еще не исчерпано воздаяніе русскаго государства русскому крестьянству. Самый надѣлъ произвелъ во многихъ мѣстностяхъ отягощеніе земледѣльца и бездоходность пользованія имъ землею. Сверхъ того, освобожденіе совершилось только въ разграниченіи крестьянскихъ правъ и имуществъ съ правами и имуществами бывшихъ ихъ опекуновъ-владѣльцовъ. Затѣмъ, взятіе крестьянъ государствомъ подъ непосредственную опеку еще не успѣло выразиться почти ничѣмъ. Система податей сохранила характеръ крѣпостного времени—подушный, съ круговой порукой, а система пас-

портная, отъ которой зависитъ гражданская свобода, свобода личности въ пользованіи гражданскими правами, сохранила характеръ фискальный. Дальнѣйшія реформы на пользу массы необходимы, необходимы просто потому, что ихъ требуетъ очевидная справедливость, которая и есть народный интересъ, и лучшая политика. Но если мы уже непремѣнно хотимъ и впередъ раздѣлять эти три понятія и приписывать политикѣ особыя цѣли, ей самой присущія, независимо отъ интереса массы, то и такія спеціально-политическія цѣли указываютъ на необходимость помянутыхъ реформъ. Безъ нихъ, Россія какъ государство, съ теченіемъ времени, будетъ все болѣе и болѣе отставать отъ другихъ европейскихъ государствъ, которыя произвели у себя тѣ реформы въ первую половину текущаго столѣтія; съ упадкомъ быта массы населенія ослабѣетъ платежная въ государствѣ сила и сила производительная, упадутъ и земледѣліе и промышленность, а государство будетъ должать болѣе и болѣе—до ослабленія своего кредита. А такъ какъ функція капитала все возрастаетъ въ наше время, и не только въ производительности, но и въ вооруженной силѣ, то самое могущество государства въ тѣсномъ смыслѣ станетъ клониться къ упадку.

Вотъ каковы истинныя политическія соображенія въ пользу ускоренія реформъ для улучшенія быта массы, а не мелочное, къ тому же исторически невѣрное предположеніе, будто подобныя преобразованія необходимы для того, чтобы помѣшать десяткамъ или хотя бы сотнямъ пропагандистовъ западнаго коммунизма перевоспитать массу русскаго народа въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ!!... Здѣсь разумѣется перевоспитаніе въ смыслѣ политическихъ и соціальныхъ воззрѣній. Но и сами наши пропагандисты западнаго коммунизма „идя въ народъ“, и самъ „Голосъ“, допуская, въ видѣ полемическаго пріема, возможность пріобрѣтенія ими вліянія на міровоззрѣніе русскаго народа, забываютъ, что политическое и соціальное воспитаніе народныхъ группъ создается не по прихоти учителей, но тѣми бытовыми условіями, въ какія тѣ группы поставлены. Сами пропагандисты могутъ имѣть успѣхъ только тогда, когда они вызваны къ дѣятельности не своей прихотью или какими-либо „изданіями“, но бытовыми условіями или политическимъ кризисомъ, какой переживается народомъ, и пропагандируютъ только тѣ именно идеи, въ которыхъ условія эти отражаются. Тогда не требуется и „сотенъ“ пропагандистовъ; пропаганда какъ-бы сообщается самимъ воздухомъ, иногда нельзя даже услѣдить, какіе именно люди и сколько людей подготовляли смуту или настроеніе массъ въ извѣстномъ смыслѣ. Такъ, электричество не примѣтно, пока не блеснетъ молнія или не послышится громъ. Настроенія къ смутѣ и движенія

народныя бывали и въ Россіи не разъ. Но знаемъ ли мы, знали ли современники, кто подготовлялъ пугачевщину? Повидимому—никто; автору романа „Пугачевцы" пришлось сочинить какого-то благообразнаго и таинственнаго юношу, когда онъ хотѣлъ обрисовать начало движенія. Какіе пропагандисты „воспитывали" русское крестьянство къ протестамъ противъ злоупотребленій крѣпостного права, какіе пропагандисты смущали его безпрестанно возникавшими слухами объ освобожденіи и вызывали крестьянскіе бунты во всѣ царствованія, пока оно существовало? Такъ и теоріи о раздѣлѣ имущества, о правѣ вознагражденія сообразно потребности, о регламентаціи труда государствомъ, или хотя бы только о противодѣйствіи труда капиталу, тамъ, гдѣ теоріи эти въ самомъ дѣлѣ имѣли успѣхъ въ группахъ рабочей массы, были вызваны изъ книжекъ въ жизнь не прихотью нѣсколькихъ агитаторовъ, но бытовыми условіями. Тамъ, гдѣ вѣковое развитіе промышленности привлекло огромное большинство населенія (88% въ Англіи), или хотя бы въ половину его (51% во Франціи), въ города; гдѣ масса, стало быть, поставлена вся (какъ въ Англіи, включая и сельскихъ рабочихъ) или наполовину въ условія прямой зависимости отъ капиталистовъ; гдѣ рабочихъ изобиліе, а вслѣдствіе того они поодиночно были совершенно безсильны передъ фабрикантами; гдѣ накопленіе населенія, введеніе машинъ и промышленные кризисы вызывали по временамъ лишеніе многочисленныхъ группъ людей всякихъ средствъ къ существованію, а государственная власть давно отказалась отъ вмѣшательства въ бытовыя условія, такъ что въ моменты кризисовъ оставалось выбирать эмиграцію или голодную смерть; тамъ естественно могла возникнуть организованная борьба труда противъ капитала, искусственное поддержаніе заработковъ союзами рабочихъ, стачки въ отвѣтъ на отягощеніе условій работы. Тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, при сходныхъ условіяхъ для половины населенія, оно пріучено было видѣть вмѣшательство государственной власти во всѣ сферы дѣятельности проведеніемъ то той, то другой теоріи, гдѣ и политическая революція имѣла прежде всего характеръ борьбы противъ богатыхъ классовъ, злоупотреблявшихъ своими привилегіями, тамъ борьба рабочихъ съ капиталомъ должна была принять характеръ коммунизма революціоннаго, стремящагося овладѣть государственной властью для осуществленія той или другой теоріи. Пропагандисты при этомъ были, но не они вызывали извѣстное настроеніе народныхъ группъ: наоборотъ, оно само вызывало ихъ, оно подсказывало имъ слова, которыя они слагали въ теоріи и обращали въ клики возстанія. На одной сторонѣ стояли всѣ организованныя силы: государственный механизмъ, духовенство и капиталъ, на другой была сперва вся масса притѣсненная,

безправная. Оттого борьба, веденная противъ всѣхъ этихъ силъ, должна была произвесть цѣлое новое міровоззрѣніе; она направилась сперва противъ государственной власти, противъ привилегій и противъ религіи; потомъ, по мѣрѣ того, какъ политическая свобода была пріобрѣтена, но цѣлая половина населенія поступила въ прямую зависимость отъ капиталистовъ, борьба направилась противъ капитала, а вслѣдствіе неоднократныхъ пораженій его на полѣ вооруженнаго возстанія, обратилась, наконецъ, противъ самой идеи государства.

Теперь представимъ себѣ положеніе тѣхъ людей, которые единственно подъ вліяніемъ „заграничныхъ изданій“ „идутъ въ народъ“ у насъ, въ Россіи, и несутъ ему идеи западнаго коммунизма, идеи, возникшія изъ совершенно особыхъ, чуждыхъ ему бытовыхъ условій. На какой успѣхъ могутъ они разсчитывать? Вызваны ли они къ пропагандѣ народнымъ настроеніемъ, оно ли подсказало имъ слова, которыя имъ оставалось только сложить въ теорію, оно ли обѣщало имъ свою воспріимчивость къ революціоннымъ кликамъ и обѣщало свою силу для дѣйствія? Нѣтъ. Краснорѣчиво сознаніе самихъ публицистовъ, опасающихся успѣха этихъ людей, что они сперва должны „воспитать въ иномъ духѣ“ русскій народъ, и могутъ это сдѣлать лѣтъ въ двадцать! Они этого не сдѣлаютъ и во сто, въ сотни лѣтъ, если не повторятся у насъ тѣ самыя условія, какими вызвано ихъ ученіе, а многія изъ этихъ условій и не могутъ уже повториться у насъ никогда, потому что бытъ нашей народной массы уже теперь опередилъ бытъ французской массы въ XVIII столѣтіи, и ни власть, ни сословныя привилегіи, ни духовенство не стоятъ уже въ тѣхъ отношеніяхъ къ народу, въ какихъ они стояли во Франціи наканунѣ революціи.

Несть русскому крестьянину отрицаніе Бога на томъ основаніи, что духовенство во Франціи боролось съ аристократіею противъ народа, убѣждать русскаго крестьянина, котораго быть можетъ міръ обидѣлъ передѣломъ, а круговая порука лишила коровы, что собственность должна быть общая, а условія работы должны быть регулированы государствомъ, когда онъ еще живо помнитъ обязательный трудъ и отсутствіе собственности крѣпостного, и регулированіе работъ бывшими управителями государственныхъ имуществъ—предпріятіе по истинѣ безнадежное. Стараться убѣдить русскую массу, что не нужно государственной власти потому только, что такъ сказано въ теоріи, возникшей послѣ кровавыхъ расправъ съ рабочими въ Парижѣ и Ліонѣ, когда русское крестьянство въ продолженіи вѣковъ видѣло въ этой власти свой идеалъ, возлагало на нее, хотя и тщетно, долгое время, всѣ свои надежды, когда нѣтъ народа, бо-

лѣе крѣпкаго государственностью, чѣмъ народъ русскій, когда государственная власть, наконецъ, непосредственнымъ своимъ актомъ, освободила это крестьянство и признала за нимъ право на землю— не только попытка, которая „разобьется о здравый смыслъ русскаго народа“, какъ говорятъ иные, но попытка, противорѣчащая законамъ человѣческаго мышленія. Всѣ подобныя внушенія не смутятъ русскаго крестьянина, но просто покажутся ему „неподходящими“, словами непонятнаго языка, какъ еслибы ему внушать что по землѣ ходить— устанешь, да и сапоги износишь, а можно летать по воздуху, и вотъ-молъ, есть государства, въ которыхъ люди уже летаютъ. Таково приблизительное впечатлѣніе, какое могутъ производить „хитрыя механики“ на массу русскаго крестьянства. Нелишне сравнить и матеріальныя условія пропаганды на Западѣ и въ Россіи. Въ Россіи, населеніе, скученное въ городахъ и стоящее лицомъ къ лицу съ капиталистами, на которыхъ оно работаетъ, составляетъ едва 11% всего числа населенія; остальные 89% разбросаны по 318,267 сельскимъ поселеніямъ. Чтó общаго между такими условіями, какъ нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ клубахъ рабочихъ въ Лондонѣ, Бэрмингэмѣ и Лидсѣ, или въ Парижѣ, Ліонѣ и Сентъ-Этьеннѣ, и обходомъ Россіи, гдѣ и города-то отстоятъ въ среднемъ размѣрѣ на 90 верстъ одинъ отъ другого, и гдѣ пропагандѣ пришлось бы обойти сотни тысячъ селеній, чтобы о ней хотя бы только узналъ народъ.

Но главное, основное и положительное ручательство, что пропаганда западнаго коммунизма въ нашей массѣ не можетъ имѣть успѣха, заключается все-таки въ томъ, что она совершенно чужда бытовымъ условіямъ, не возникла изъ нихъ, а напротивъ, включаетъ въ себѣ основные элементы, прямо противоположные исторіи и духу русскаго народа. Ученія, которыя отражаютъ въ себѣ борьбу ручного труда съ капиталомъ производства, доселѣ не проникли въ земледѣльческую массу нигдѣ; а у насъ земледѣльческая масса—почти весь народъ. Но на Западѣ теоріи эти все-таки имѣютъ мѣстную окраску, у насъ же онѣ совершенно чужды. Тамъ, гдѣ большинство населенія сосредоточено на фабрикахъ, въ большихъ городахъ и по близости ихъ, гдѣ рабочая масса стоитъ лицомъ къ лицу съ капиталистами, есть въ самой жизни нѣкоторая подставка для подобныхъ теорій. Бэкстеръ, на основаніи данныхъ по сбору подоходнаго налога, полагаетъ, что весь годичный доходъ британскаго народа составляетъ 814 милліоновъ фунтовъ, и что изъ этого итога 489$^1/_2$ милл. фунтовъ приходится на долю высшихъ и среднихъ классовъ, представляя собой сложность дохода съ капиталовъ, барышей и окладовъ жалованья,—а только 324$^1/_2$ милл. приходится на долю рабочихъ, то-есть огромнаго большинства населенія, представляя сложность заработковъ во-

обще. При такомъ неравенствѣ, масса населенія, стоящая лицомъ къ лицу съ капиталистами, для которыхъ она работаетъ за плату, недостаточную вслѣдствіе дороговизны припасовъ и помѣщеній, существующей въ промышленныхъ центрахъ, работаетъ въ полной зависимости отъ временныхъ кризисовъ, хода дѣлъ фабрикантовъ и даже отъ произвола прикащиковъ, безъ надежды когда-либо выйти изъ этой зависимости, видя вокругъ себя всякую роскошь, вѣчно ее дразнящую и вѣчно ей недоступную,—можетъ имѣть мысль о борьбѣ. Навѣрное нѣтъ столь благоразумнаго рабочаго, который, среди такихъ въ высшей степени искусственныхъ условій быта, не спросилъ бы себя, когда-нибудь, въ часъ раздумья,—естественно ли это положеніе дѣлъ, и нѣтъ ли искусственныхъ средствъ для борьбы съ искусственными узами, его стѣсняющими.

Въ Россіи ничего подобнаго нѣтъ; всѣ бытовыя условія массы совершенно иныя. Пока у насъ масса крестьянства стояла лицомъ къ лицу съ владѣльцами, отягощенная искусственными узами еще болѣе тяжкаго характера, антагонизмъ къ владѣльцамъ постоянно таился и въ ней. Громадное развитіе побѣговъ, безпрестанно возникавшіе слухи объ „отписаніи крестьянъ на казну", и даже крестьянскіе бунты противъ помѣщиковъ, проходящіе длиннымъ рядомъ чрезъ исторію всѣхъ царствованій, начиная съ Петра I (хотя вѣроятно бывали и прежде), свидѣтельствуютъ, что извѣстнымъ бытовымъ условіямъ соотвѣтствовало и у насъ извѣстное расположеніе къ протесту; но у насъ протестъ имѣлъ иной характеръ, какъ иной характеръ имѣли и самыя условія, его вызывавшія. Во всякомъ случаѣ, условія эти нынѣ исчезли. Теперь нѣтъ класса, въ вѣчной зависимости котораго чувствовали бы себя наши крестьяне. Правда, и въ Россіи есть фабрики, есть рабочіе фабричные. Но они составляютъ не большинство населенія, какъ въ Англіи, а всего менѣе $1/2$ милліона, съ женщинами и дѣтьми, на $81^3/_4$-милліонное населеніе имперіи. Сверхъ того, большинство нашихъ фабричныхъ—фабричные временные, принадлежащіе къ сельскимъ сословіямъ. Но главное — у насъ не изобиліе рабочихъ, а недостатокъ; фабричный у насъ никогда въ работѣ нуждаться не можетъ,—вотъ что̀ даетъ ему бо̀льшую отъ фабриканта самостоятельность. Показаніе по дѣлу Долгушина, впрочемъ, обнаружило, какъ мало доступна пропагандѣ оказалась у насъ даже среда рабочихъ столичныхъ.

Но могутъ намъ сказать—вы сами признаете и нельзя не признать неудовлетворительности экономическаго и умственнаго положенія массы населенія въ Россіи; положимъ, бытовыя условія у насъ совсѣмъ иныя, чѣмъ тамъ, гдѣ возникли коммунистскія ученія; однако не могутъ ли самая бѣдность народа въ Россіи, его невѣжество и со-

отвѣтствующая распространенность пьянства представить у насъ все-таки такія условія, которыя вызовутъ въ массѣ настроеніе, благопріятное для пропаганды революціонныхъ ученій? И на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ. Конечно, тягость поборовъ, еслибы они оказались уже совершенно несообразными съ платежными средствами нѣкоторыхъ мѣстностей и еслибы притомъ взыскивались крутыми мѣрами, можетъ производить смуты, безпорядки въ тѣхъ мѣстностяхъ, но это были бы именно только безпорядки, безъ всякой революціонной идеи. Настроеніе революціонное въ смыслѣ политическомъ, а тѣмъ болѣе соціальномъ, всегда предполагаетъ въ своемъ основаніи, сверхъ матеріальныхъ причинъ, еще какой-нибудь нравственный мотивъ, которымъ и бываетъ всегда сознаніе какой-нибудь несправедливости, преимущественно—соціальной. Безъ такого мотива, одно матеріальное отягощеніе и нравственное запущеніе производятъ только упадокъ, и если способны порождать безпорядки, то только безпорядки, такъ-сказать, безыменные, механическіе, безцѣльные. Въ русской исторіи было не мало моментовъ безконечно-худшаго положенія народа, чѣмъ то, которое видимъ нынѣ, и большей нравственной распущенности, но никогда такіе моменты не вызывали въ народѣ настроенія, враждебнаго существовавшему политическому порядку. Не разъ въ Россіи бывали времена „запустѣнія и шатанія великаго", а что касается невѣжества и пьянства, то въ этомъ отношеніи прежніе вѣка далеко превосходили наше время; не далѣе, какъ въ прошломъ столѣтіи существовали даже особыя русскія вакханаліи, а именно почитаніе Ярилы, бога пьянства. Праздники Ярилы были днями чудовищнаго пьянства, о какомъ мы не можемъ себѣ составить понятія. Говорятъ о существующей акцизной системѣ, о томъ, что трудно серьёзное противодѣйствіе пьянству, когда водка даетъ главный источникъ доходовъ казны; недавно еще одна газета указывала на разъясненіе министерства финансовъ, направленное противъ запрещеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми городскими думами заводить кабаки иначе, какъ на землѣ, составляющей собственность города. Все это справедливо, но справедливо въ смыслѣ относительномъ. Акцизная система, какова бы она ни была, все же лучше откупной; а откупная система Канкрина была лучше откуповъ прошлаго вѣка. И въ двадцатыхъ годахъ боялись, что народъ въ скоромъ времени совсѣмъ сопьется. Карамзинъ писалъ, что въ старину на его памяти крестьяне „гуляли только въ одни большіе годовые праздники, а нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагаютъ имъ средство избавляться отъ денегъ, ума и здоровья". И въ старину еще болѣе отдаленную отъ насъ, если когда встрѣчалась съ

какой-либо стороны попытка противодѣйствовать пьянству, то блюстители казеннаго интереса, еще болѣе рѣзко останавливали эту попытку изъ опасенія ущерба для казны. Такъ, послѣдній по времени изъ святыхъ, признанныхъ нашей церковью, епископъ воронежскій св. Тихонъ въ XVIII в. выступилъ съ проповѣдью противъ крайняго пьянства и праздника Ярилы и по донесенію откупщиковъ былъ лишенъ управленія епархіею.

Нѣтъ, матеріальное отягощеніе и нравственное распущеніе, зависящее отъ невѣжества, никогда не произведутъ въ массѣ нашего народа настроенія, враждебнаго государственному порядку. Скорѣе все придетъ въ упадокъ: и народное хозяйство, и народное здоровье и національное могущество. Только крутой поворотъ къ возсозданію какой-либо соціальной несправедливости, къ поставленію вновь крестьянства въ зависимость отъ богатаго класса, могъ бы возобновить ту опасность, какая впрочемъ постоянно существовала до 1861 года, и вѣроятно въ усиленной степени. Народу не будетъ вреда отъ пропагандистовъ ученій, неимѣющихъ ничего ему близкаго, родного, мѣстно-реальнаго. Но если достовѣренъ фактъ, что такихъ пропагандистовъ, ушедшихъ изъ школы, есть нѣкоторое число, то фактъ этотъ важенъ опять не для массы народа, а только для той школы, изъ которой уходятъ люди отчаянные, и для того образованнаго русскаго общества, къ которому они принадлежатъ. Мы имѣемъ полное основаніе отвергать, что явленіе этихъ людей—продуктъ бытовыхъ условій массы народа; но мы не имѣемъ права отрицать положительнаго факта, что люди эти—болѣзненный продуктъ русскаго образованнаго общества. Что они „пошли въ народъ“—это намъ не важно, потому что появленіе ихъ не можетъ быть опасно для народа; но что они „вышли“ изъ русскаго общества, отреклись отъ его условій и объявили имъ войну, что они „ушли“ отъ ученія со злобой и намѣреніемъ безсильными, но несомнѣнными, противъ самого государства, — вотъ на что долженъ обратить вниманіе публицистъ, обсуждающій какъ условія, которыми обставлена школа, такъ и условія, опредѣляющія современную жизнь русскаго образованнаго общества. Само необыкновенное, почти фантастическое вліяніе, повидимому, оказанное на нихъ заграничной печатью на русскомъ языкѣ, ставитъ вопросъ о томъ, почему же русская печать оказалась въ ихъ глазахъ безъ авторитета и не могла предохранить ихъ отъ отчаянія, преступленія и несчастія?

Подъ предлогомъ возраженія на указанное въ предшествующемъ нашемъ обозрѣніи различіе между положеніемъ консервативныхъ и либеральныхъ органовъ печати вообще, а въ особенности въ Рос-

сіи, газета „Русскій Міръ“ сокрушается за либеральную печать о той участи, какая постигнетъ ее тогда, „когда съ либерализма снята будетъ спасающая его цензурная оболочка и когда онъ принужденъ будетъ выдти на свѣтъ Божій во всей неприкрашенной наготѣ своей“. „Либерализмъ оказался бы тогда нулемъ въ политическомъ смыслѣ“. Не знаемъ, скоро ли произойдетъ предусматриваемое „Русимъ Міромъ“ явленіе, но искренно желаемъ, чтобы консерваторы постоянно рекомендовали только это одно средство къ уничтоженію своихъ противниковъ. До тѣхъ же поръ, пока упомянутое явленіе не произошло, „Русскій Міръ“ извинитъ насъ, если мы откажемся послѣдовать его приглашенію „обратиться на путь болѣе рискованный“, чѣмъ тотъ, какой намъ указали обстоятельства, и не „ждать разрѣшенія начальства для высказыванія своихъ мыслей“, такъ какъ это было бы противно положительному закону, который прямо предписываетъ намъ въ теченіе узаконеннаго срока ожидать разрѣшенія начальства для выпуска нашихъ книгъ. Мы легко повѣримъ, что нѣкоторымъ консерваторамъ было бы весьма пріятно, — въ ожиданіи того времени, когда либерализмъ въ печати будетъ обращенъ въ нуль посредствомъ „снятія спасающей цензурной оболочки“, — увидѣть обращеніе въ ничто либеральныхъ органовъ инымъ, болѣе легкимъ средствомъ, какъ только они выступили бы на „болѣе рискованный путь“. Но если „Русскій Міръ“ дозволитъ русскому либерализму выборъ рода смерти, то мы предпочитаемъ быть обращенными въ нуль именно тѣмъ средствомъ, которое онъ указалъ сперва, то-есть „снятіемъ спасающей оболочки“. Съ другой стороны, входить въ препирательство съ „Русскимъ Міромъ“, чтб „способно доставлять хлѣбъ досужимъ журналистамъ“, — мы не видимъ надобности; если есть журналисты не-досужіе, но служащіе и кормящіеся на счетъ тѣхъ подушныхъ податей, о преобразованіи которыхъ они горячо разсуждаютъ, то очевидно—тѣмъ лучше для нихъ, тѣмъ самостоятельнѣе, независимѣе они могутъ быть отъ „увлеченій общественнаго мнѣнія“. Съ своей стороны, мы не посовѣтуемъ „Русскому Міру“ выступать на какой-либо рискованный путь; въ современной жизни слишкомъ много прискорбныхъ явленій, чтобы можно было легкомысленно рисковать тѣмъ, чтб доставляетъ публикѣ забаву и развлеченіе; а ничего, кромѣ забавы, не можетъ обѣщать такой органъ, который объявляетъ свое намѣреніе разработывать задачи общественной жизни одною „русской народностью, прямотой и трезвостью“, отрицая и либерализмъ, и консерватизмъ „въ западно-европейскомъ смыслѣ“, отвергая всякую связность политической мысли, какъ „предвзятую тенденцію“. Быть „русскимъ человѣкомъ“, хотя бы самымъ „прямымъ и самымъ трезвымъ“, недоста-

точно даже и для того, что бы „сапоги точать"; даже для этого дѣла знаніе и толкъ не менѣе нужны, какъ и трезвость. Что же касается нѣкотораго вліянія на общественное мнѣніе, то, чтобы пріобрѣсть его, необходимы не только знаніе и толковость, связность въ собственныхъ мысляхъ, но еще и нѣкоторая доля порядочности, о чемъ мы, къ сожалѣнію, вынуждены напомнить газетѣ „Русскій Міръ", послѣ помѣщенной въ ней выходки не-досужихъ журналистовъ противъ „досужихъ".

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 октября, 1875 г.

Армія и флотъ въ Англіи.

Не пугайтесь заглавія: въ немъ воинственны одни его слова; мнѣ даже кажется, что никогда Англія не думала меньше о войнѣ, чѣмъ въ настоящую минуту, и не столько герцеговинское возстаніе, сколько различныя катастрофы на морѣ, за послѣднее время, привлекли общественное вниманіе на состояніе, въ какомъ находятся морскія силы Англіи, а въ связи съ ними и сухопутныя. Судно перерѣзано пополамъ яхтой королевы, причемъ трое утонуло; одинъ изъ прекраснѣйшихъ кораблей англійскаго флота потопленъ своимъ собратомъ; отставленъ отъ должности командиръ; другой подвергся выговору; адмиралъ заслужилъ порицаніе; совѣтъ адмиралтейства заподозрѣнъ въ худомъ управленіи — этого слишкомъ уже достаточно, чтобы взволновать населеніе Сити, редакцію „Times", а за тѣмъ все общество и всю печать.

Что касается арміи, то хотя это и не столь животрепещущій вопросъ, однако не лишенъ интереса и находится въ связи съ вопросомъ о флотѣ. Организація и порядокъ набора войска въ Англіи вообще очень мало извѣстны. Кажущееся отсутствіе регулярности въ этой организаціи находится въ связи съ той подчиненностью воинскаго элемента гражданскому, какая всегда существовала въ Англіи, что̀ не мѣшало англійской арміи одерживать блистательныя и прочныя побѣды. Мы далеки отъ тѣхъ временъ, когда войска короля Эдуарда III, осаждавшія Калэ, получали жалованья по 3 денье (3 пенса) въ день среднимъ числомъ, рыцари получали 2 шиллинга, бароны 4, графы и епископъ Дергемскій 6 шил. 8 д. Совсѣмъ тѣмъ,

хотя цѣны возрасли, но сущность системы осталась та же самая, съ тою разницею, что вербовка происходитъ въ настоящее время болѣе добросовѣстнымъ и правильнымъ образомъ. Вопросъ о постоянной арміи былъ вѣчнымъ мотивомъ къ ссорѣ между парламентомъ и короной; и послѣ гражданскихъ войнъ первой революціи и пораженія короля, парламенты, несмотря на реставрацію, ревнивѣе, чѣмъ когда-либо, наблюдали за тѣмъ, чтобы войска, собираемыя на случай войны, распускались немедленно по заключеніи мира.

Конституція категорически запрещала содержать армію помимо разрѣшенія парламента. Но вотъ что случилось вскорѣ за тѣмъ (въ 1689 г.). Одинъ изъ полковъ возмутился и высказался въ пользу Іакова II, но былъ обезоруженъ. А такъ какъ содержаніе этого войска не было разрѣшено парламентомъ, то мятежныхъ солдатъ нельзя было судить какъ военныхъ, а какъ простыхъ гражданъ. Вильгельмъ III обратился къ парламенту, и вотъ тогда былъ изданъ первый „*Mutiny Act*“; возобновляемый съ тѣхъ поръ ежегодно, онъ составляетъ и по нынѣшнее время легальную фикцію, освящающую существованіе англійской арміи. Безъ этого закона, постоянно возобновляемаго, было бы совершенно невозможно поддержать воинскую дисциплину, а слѣдовательно и существованіе арміи было бы невозможно.

Кромѣ того, парламентъ, какъ и во всѣхъ другихъ конституціонныхъ государствахъ, вотируетъ ежегодно сумму, необходимую для содержанія войскъ, по представленію главнокомандующаго и военнаго министра. Что касается вербовки, то она совершается почти тѣмъ же путемъ, какъ и во времена Эдуарда III и битвы при Кресси. Англія—единственная страна, въ которой сохранилась изъ двухъ возможныхъ системъ набора: насильственнаго или конскрипціи и добровольной вербовки—послѣдняя. Злоупотребленія, въ которыхъ обвиняли эту систему: насильственное отторженіе молодыхъ людей отъ ихъ семей, невѣстъ, матерей, спаиваніе въ кабакахъ и пр. принадлежатъ теперь къ области легендъ или по крайней мѣрѣ составляютъ рѣдкое исключеніе. Недавній законъ „*Enlistment Act*“ 1870 г. регулируетъ условія вербовки. Въ солдаты принимаются молодые люди отъ 18—23 лѣтъ, неженатые, хорошо сложенные [1]). Послѣ вербовки—производимой черезъ посредство офицеровъ, уполномоченныхъ сержантовъ—новобранцу дается шиллингъ и приказъ явиться къ судьѣ въ теченіи сутокъ. Тамъ онъ вправѣ отказаться отъ своего обяза-

---

[1]) Ростъ, опредѣленный въ 1873 г., составляетъ 3 фута 3 дюйма (англійскихъ) для пѣхоты, 3 фута 8 дюймовъ для тяжелой кавалеріи, 3 фута 6 дюймовъ для легкой кавалеріи.

тельства, уплативъ штрафъ въ одинъ фунтъ стерлинговъ: сумму, конечно не превышающую его средствъ. Въ противномъ случаѣ онъ считается завербованнымъ въ армію на двѣнадцать лѣтъ: часть этого времени проводится имъ въ резервѣ. Въ настоящее время срокъ службы опредѣленъ въ 6 лѣтъ для пѣхоты и шесть остальныхъ для резерва. По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, солдатъ можетъ возобновить свое обязательство еще на девять лѣтъ; въ цѣломъ—21 годъ, по истеченіи которыхъ онъ имѣетъ право на отставку съ пенсіей. Каждый солдатъ получаетъ въ пѣхотѣ 1 шиллингъ въ день; въ кавалеріи 1 шил. 2 п. и, сверхъ того, раціонъ, оцѣненный въ 6 п., такъ что онъ получитъ въ годъ отъ 38 до 41 фунта стерлинговъ (капралы получаютъ 47, сержанты 70). Если принять во вниманіе, что крестьянинъ въ Англіи и въ Шотландіи заработываетъ отъ 35 до 43 фунтовъ стерлинговъ въ годъ—и гораздо меньше въ Ирландіи, — то надо признать, что положеніе солдата отнюдь не невыгодно, въ особенности въ виду того, что трудъ и усталость его менѣе велики.

Въ настоящее время, послѣ отмѣны продажи чиновъ въ 1871 г., офицеры набираются главнымъ образомъ путемъ конкурса. Первая категорія офицеровъ, это подпоручики (*sub-lieutenants*). Они назначаются послѣ экзамена, сдаваемаго передъ коммиссарами „*Civil service*". Кромѣ того, существуютъ еще знаменитыя коллегіи Вульвича и Сандгёрста. Затѣмъ повышеніе происходитъ, какъ и въ другихъ странахъ, частію по выбору, частію по старшинству.

Опредѣлить наличный составъ англійской арміи не очень легко, вслѣдствіе путаницы, существующей между регулярными войсками, индійскими и проч. Всего лучше принять оффиціальное раздѣленіе военныхъ силъ британской имперіи, причемъ мы получимъ 4 части:

1) *Регулярная армія*, распадающаяся на слѣдующія части:

Войска, служащія на британскихъ островахъ . .	103,434
„ „ въ Индіи	62,924
„ „ „ колоніяхъ	21,670

—включая сюда 23 тысячи лошадей и 674 пушки.

2) Резервъ и вспомогательныя силы:

1-й классъ резерва	7,993
2-й „ „	23,804
Милиція: артиллерія	13,735
„ пѣхота	123,283
Yeamanry кавалерія	13,086
Волонтеры: артиллерія	30,730
„ пѣхота	130,000
	342,651

„Милиція"—одно изъ учрежденій, свойственныхъ Англіи, этой странѣ либерализма и прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорной традиціи. Начало ея относится къ Альфреду-Великому, постановившему, что каждая семья или, лучше сказать, каждый родъ обязанъ доставлять извѣстный контингентъ защитниковъ отечества. Въ настоящее время каждое графство обязано поставить извѣстное число людей: они набираются вербовкой, какъ и регулярная армія. Но въ случаѣ недостатка въ людяхъ, жители графства, имѣющіе отъ 18—33 лѣтъ отъ роду, мечутъ жребій, причемъ существуютъ нѣкоторыя исключенія. Милиція ежегодно собирается мѣсяца на три для военнаго обученія.

Что касается волонтеровъ, составляющихъ, собственно говоря, національную гвардію (citizen-force) Великобританіи, то происхожденіе ихъ относится къ 1803 г., когда первый Бонапартъ угрожалъ Англіи: тогда насчитывалось до 463 тысячъ волонтеровъ. Вторичное движеніе этого рода произошло въ 1839 г., и съ тѣхъ поръ волонтеры не переставали быть значительной силой, которая при случаѣ можетъ оказать существенныя услуги.

3) Войска *Индіи* и *колоній*, насчитывающія 127,449. Они состоятъ изъ туземцевъ, сипаевъ и другихъ. Изъ нихъ 124,000 принадлежатъ Индіи.

4) Наконецъ, *колоніальныя милиціи* Австраліи, африканскихъ владѣній и проч., доходящія до 81,880 человѣкъ.

Эти двѣ послѣднія категоріи имѣютъ второстепенное значеніе и надо считать цифру 342,000 человѣкъ настоящей цифрой наличнаго состава англійской арміи: изъ 342,000 только 189 т. регулярныхъ войскъ въ собственномъ смыслѣ, и изъ нихъ 103,000 находятся въ Англіи. Что касается содержанія арміи, то суммы, вотируемыя на это, доходятъ 14.416,400 фунтовъ стерлинговъ.

Обратимся теперь къ флоту, который, по общему мнѣнію, представляется далеко не въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, принимая, разумѣется, во вниманіе претензіи и славное прошлое англійскаго флота. Извѣстно, что матросы набираются посредствомъ добровольной вербовки, какъ и солдаты: по этой части нельзя сказать ничего новаго или интереснаго. Броненосный флотъ, единственный, который отнынѣ можетъ имѣть значеніе, состоитъ или, лучше сказать, состоялъ изъ 62 кораблей до послѣдней катастрофы. Эти 62 корабля раздѣляются на семь классовъ. Первый классъ состоитъ изъ четырехъ громадныхъ *мониторовъ:* „Devastation" (*„Опустошеніе"*), „Thunderer" (*„Громовержецъ"*), „Inflexible" (*„Неумолимый"*) „Fury" (*„Ярость"*); этотъ послѣдній въ 10 тысячъ тоннъ. Можно сказать, что ихъ имена говорятъ за нихъ. 2-й классъ состоитъ только изъ

двухъ: „Rupert“ и „Hotspur“, предназначенныхъ главнымъ образомъ для абордажа. Къ 3-му классу причисляются семь кораблей, предназначенныхъ спеціально для обороны береговъ: „Cyclops“ и проч. Четыре остальныхъ класса заключаютъ корабли, предназначенные главнымъ образомъ къ плаванію: „l'Inflexible“, „Vanguard“ „Audacious“, „Iron Duke“ и проч.

Давно уже не существуетъ здѣсь ни „Морского адмирала англійскаго короля“, ни „Lord High Admiral“, хотя этотъ послѣдній титулъ былъ возобновленъ, съ 1827 по 1828 г., для герцога Кларанскаго, впослѣдствіи Георга IV. Со времени королевы Анны, управленіе флотомъ поручено совѣту „лордовъ адмиралтейства“, оффиціально извѣстныхъ подъ именемъ „Lords commissioners for executing the office of Lord High Admiral“. Ихъ всего пять. Первый лордъ адмиралтейства, въ настоящее время членъ кабинета, есть достопочтенный сэръ Уардъ Гентъ, и въ рукахъ его сосредоточивается общее управленіе флотомъ; второй, называемый „Senior naval Lord“, распоряжается движеніемъ флота; третій—доками и постройкой судовъ; четвертый, „Junior naval Lord“, распоряжается содержаніемъ экипажа. Пятый, „Civil Lord“, наблюдаетъ за счетной частью, а на „Financial secretary“ возложена покупка кораблей.

Все это, повидимому, прекрасно организовано, и что́ бы ни думали о коллегіальномъ управленіи вообще, это послѣднее до сихъ поръ шло безпрепятственно. Но вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ, началъ раздаваться глухой ропотъ неодобренія. Неодобреніе шло все *crescendo*, и въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ въ „Fraser's Magazine“ появилась статья, подписанная *A commander*, изъ которой я приведу слѣдующее мѣсто: „странное сопоставленіе возникаетъ въ нашемъ умѣ въ ту минуту, какъ мы пишемъ эту статью, между королевскимъ флотомъ Англіи и императорской арміей Франціи. И тотъ, и другая унаслѣдовали великую славу; и тотъ, и другая были главнымъ орудіемъ своей страны, которая ихъ считала, безъ всякой провѣрки, превосходными какъ по вооруженію, такъ и по наличному составу. И въ томъ, и въ другой офицеры одинаково отличались своимъ тщеславіемъ и хвастовствомъ; молодые офицеры исполнены безпечности; и въ томъ, и въ другой посредственность завладѣла самыми важными постами. Люди истинно-талантливые въ нихъ рѣдки, и зависть царитъ между офицерами высшихъ ранговъ. Имѣя на глазахъ жестокій и недавній разгромъ французской арміи, не пора ли нашимъ согражданамъ опомниться и изслѣдовать черезъ парламентъ или прессу, чего можно ожидать отъ флота, который является нашимъ единственнымъ оружіемъ въ случаѣ континентальной войны“ [1]).

---

[1]) Fraser's Magazine, June, 1875 (t. XI, p. 613).

Два зловѣщихъ происшествія придали нѣкоторое основаніе этимъ обвиненіямъ. 6/18 прошлаго августа, королева, по своему обыкновенію, оставила островъ Уайтъ и отправилась въ Шотландію. Переѣздъ отъ Осборна въ Портсмутъ совершался на яхтѣ „Альберта", командуемой оффиціально принцемъ Лейнингенъ, а на самомъ дѣлѣ однимъ изъ самыхъ опытныхъ капитановъ королевскаго флота, капитаномъ Вельхъ. Королевская яхта налетѣла на парусное судно, принадлежавшее одному манчестерскому банкиру, и буквально перерѣзало его пополамъ. Самъ банкиръ находился на своемъ суднѣ, съ нѣсколькими матросами и двумя невѣстками, изъ которыхъ одна утонула вмѣстѣ съ капитаномъ и однимъ матросомъ.

Первое слѣдствіе произведено было коронеромъ надъ трупомъ капитана „Mistletoe"—такъ называлось погибшее судно,—который былъ затѣмъ же найденъ: жюри никакъ не могли придти къ единодушному рѣшенію. Кажется, изъ 12-ти присяжныхъ 11 были того мнѣнія, что слѣдуетъ привлечь офицеровъ „Альберты" къ уголовному суду, какъ виновныхъ въ убійствѣ. Нѣсколько дней спустя новое слѣдствіе было произведено надъ трупомъ утонувшаго матроса. На этотъ разъ присяжные пришли къ соглашенію и, объявивъ, что все происшествіе есть дѣло чистаго случая, постановили: „что со стороны офицеровъ „Альберты" было сдѣлана ошибка, и что менѣе быстрый ходъ, особливо въ лѣтнее время, болѣе соотвѣтствовалъ бы требованіямъ общественной безопасности; что, наконецъ, было бы желательно, чтобы на будущее время выказывалось больше осмотрительности". Этотъ приговоръ былъ встрѣченъ свисткомъ и въ залѣ суда, и въ прессѣ: всѣмъ хотѣлось признанія офицеровъ виновными. Одинъ изъ офицеровъ „Альберты", неудачно выразился о корабляхъ, которые изъ любопытства приближаются слишкомъ близко къ королевской яхтѣ и стѣсняютъ ея движенія. Было доказано до очевидности, что жертвы катастрофы нисколько не думали приближаться затѣмъ, чтобы *поглядѣть на королеву*. Имя этой послѣдней, конечно, было устранено изъ преній, но публика находила самый фактъ потопленія паруснаго судна нахальнымъ со стороны офицеровъ ея величества. Въ немъ видѣли также доказательство ихъ неумѣлости. „Такъ какъ принцъ Лейнингенъ,—говорила одна газета,—будетъ въ непродолжительномъ времени адмираломъ, а капитанъ Вельхъ долженъ считаться человѣкомъ болѣе свѣдущимъ, чѣмъ большинство нашихъ флотскихъ офицеровъ, то надо надѣяться, что пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ Англія затѣетъ войну на морѣ".

Не успѣли еще умы успокоиться отъ этой катастрофы, даже слѣдствіе еще не было окончено, какъ пришло извѣстіе о другомъ столкновеніи, менѣе роковомъ—въ томъ отношеніи, что при немъ ни-

кто изъ людей не погибъ, но болѣе важномъ съ политической и морской точки зрѣнія. 20-го августа (1-го сентября) резервная эскадра покидала Кингстоунъ въ 10 часовъ утра, подъ командой вице-адмирала Тарльтоу. Флотилія дѣлала по семи узловъ въ часъ, какъ вдругъ наступилъ одинъ изъ тѣхъ густѣйшихъ тумановъ, какіе бываютъ только въ Англіи. Нѣсколько минутъ спустя, броненосный корабль „Iron Duke" налетѣлъ со всей силой на своего собрата „Vanguard" и пробилъ въ немъ большую дыру; черезъ часъ времени —что̀ позволило спасти экипажъ—пробитый корабль пошелъ ко дну.

Удачное нападеніе—нечего сказать, и можно было только поздравлять другъ друга съ успѣхомъ, съ какимъ таранъ „Iron Duke" исполнилъ свое назначеніе. Но, съ другой стороны, нельзя было не оплакивать, что „Vanguard" такъ худо выдержалъ столкновеніе: оба корабля были равны по количеству тоннъ и вооруженію (14-ть пушекъ); оба числились въ 5-мъ изъ вышеупомянутыхъ классовъ. Военному суду, немедленно созванному, приходилось основываться на слѣдующихъ трехъ несомнѣнныхъ фактахъ: первое, что адмиралъ не только не замедлилъ ходъ, несмотря на туманъ, но велѣлъ стрѣлять изъ пушки, въ знакъ того, что флотъ долженъ идти прежнимъ ходомъ; второе, что капитанъ Vanguard'а, Даукинсъ, не слыхавъ сигнала, самовольно замедлилъ ходъ; третье, что командиръ „Iron Duke" самовольно ускорилъ ходъ. Судъ рѣшилъ отставить отъ должности капитана Даукинса, объявивъ, кромѣ того, что первой причиной столкновенія былъ слишкомъ быстрый ходъ флотиліи среди тумана, и порицалъ командира „Iron Duke" за то, что онъ безъ всякаго резона ускорилъ ходъ.

Словомъ, изъ трехъ офицеровъ, притянутыхъ къ суду, трое — включая и адмирала—были признаны виновными въ важныхъ ошибкахъ и уличены въ очевидной неспособности. Этого не могли стерпѣть лорды адмиралтейства. Они, какъ высшая инстанція, кассировали рѣшеніе военнаго суда, оправдали командира „Iron Duke" и признали виновнымъ его лейтенанта, а главное — освободили адмирала отъ всякой отвѣтственности. Конечно, они думали спасти этимъ честь администраціи. Плохой разсчетъ, потому что насколько рѣшеніе военнаго суда было принято благосклонно, настолько ихъ приговоръ вызвалъ неудовольствія и жалобъ. „Одной глупостью стало больше,—говоритъ „Morning-Advertiser", отъ 14-го октября,—и страна, мы не сомнѣваемся, осудитъ ее со всей строгостью военнаго суда. Единственнымъ мотивомъ приговора адмиралтейства было желаніе оправдать вице-адмирала, которому въ противномъ случаѣ пришлось бы вѣдаться съ военнымъ судомъ. Къ тому же вице-адмиралъ, эксъ-лордъ адмиралтейства, пользуется большимъ вліяніемъ. Не-

ужели мы пришли къ тому, что послѣдуемъ примѣру китайцевъ, у которыхъ, говорятъ, существуетъ обыкновеніе казнить самыхъ незначительныхъ служителей, для искупленія преступленій, въ которыхъ провинились высокопоставленныя лица".

Адмиралтейству не везетъ въ послѣднее время, и положеніе сэра Уарда Гёнта не изъ завидныхъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ совѣтъ обнародовалъ циркуляръ, довольно безтолково написанный, но въ окончательномъ результатѣ запрещавшій командирамъ королевскаго флота принимать на свои корабли бѣглыхъ невольниковъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда имъ угрожаетъ смерть. Печать подняла громкій крикъ, и оставляя въ сторонѣ всякую сантиментальность, надо сознаться, что подобный циркуляръ былъ по меньшей мѣрѣ безтактенъ въ странѣ, которая носится съ своей пропагандой противъ невольничества. Кабинетъ уступилъ общественному мнѣнію, и циркуляръ былъ если не отмѣненъ, то пріостановленъ.

Другое затрудненіе, если не флотское, то колоніальное, произвело довольно сильное волненіе въ оффиціальныхъ сферахъ. Это дѣло „Наталя" и „Лангалибалеля". Всѣмъ извѣстно, что́ такое Наталь, англійская колонія (съ 1843 г.) на юго-западной оконечности Африки; губернаторъ его подчиненъ губернатору мыса Доброй Надежды, но пользуется извѣстной независимостью дѣйствій, и въ послѣднее время главнымъ городамъ даны муниципальныя учрежденія. Но, боюсь, что читателямъ менѣе извѣстно, кто такой Лангалибалель, и поэтому необходимы нѣкоторыя объясненія на этотъ счетъ. Надо знать, что съ нѣкоторыхъ поръ, особенно со времени открытія алмазныхъ копей, колонія Наталь приняла очень значительные размѣры. Цифра вывоза доходила въ 1871 г. до 300,000 фунтовъ стерлинговъ, а цифра ввоза до 400,000 фунтовъ стерлинговъ. Населенія насчитываютъ около 300,000, изъ которыхъ европейцы составляютъ только одну седьмую. Остальное населеніе состоитъ изъ каффровъ, остатковъ племени *зулу*. Въ 1848 г. племя *Элуби*, спасаясь отъ притѣсненій каффрскаго тирана, искало убѣжища въ Наталѣ, и губернаторъ отвелъ имъ довольно обширную территорію на границахъ колоніи. Онъ поручилъ ихъ вождю охранять границы: этого вождя звали Лангалибалель, что́, кажется, означаетъ „лучезарное солнце". Онъ привелъ съ собою 8 тысячъ головъ рогатаго скота и въ теченіе 23 лѣтъ успѣшно охранялъ границы отъ вторженія страшныхъ бушменовъ. Все шло хорошо до 1869 г., когда началась разладица изъ-за вопроса, которому суждено служить вѣчнымъ камнемъ преткновенія для человѣчества: изъ-за женщинъ. Впрочемъ, на этотъ разъ вопросъ поднялся въ очень оригинальной формѣ. Извѣстно, что каффры полигамисты: они покупаютъ себѣ женъ за нѣсколько штукъ рогатаго скота. Въ 1869 г.

правительство опредѣлило стоимость женщины въ 10 коровъ и 5 фунтовъ стерлинговъ. Но такая цѣна показалась слишкомъ дорогою, и Лангалибалель замѣтилъ, что женщины никогда не ходили по такой высокой цѣнѣ: шесть, восемь коровъ — вотъ была крайняя ихъ цѣна. Неудивительно, если его подданные ропщутъ.

Вскорѣ присоединилась новая причина къ неудовольствію. Съ нѣкоторыхъ поръ туземцы начали покупать въ большомъ количествѣ водку и ружья. Водку-то бы куда ни шло, и пожалуй, даже хорошо, потому что она содѣйствуетъ истребленію туземцевъ, но ружья могли имъ послужить противъ колонистовъ. И вотъ вышелъ указъ, предписывавшій занести въ списки всѣ ружья, купленныя туземцами. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ губернаторъ узнаетъ, что указъ не исполненъ: Лангалибалель, считающійся отвѣтственнымъ лицомъ, призывается въ Морицбургъ, столицу. Онъ путается и отказывается исполнить предписаніе, подъ какимъ-то предлогомъ; новое предписаніе остается безъ отвѣта. Элуби теряютъ голову и собираются покинуть колонію и увести свой скотъ. Они готовились привести въ исполненіе это намѣреніе, когда отрядъ волонтеровъ, изъ бѣлыхъ, занялъ проходы въ горахъ Дракенсбергъ, у подошвы которыхъ племя было поселено. Вопреки приказаніямъ своего вождя, элуби стали стрѣлять и убили трехъ волонтеровъ, и въ числѣ ихъ сына секретаря колоніи; остальные разбѣжались.

Вскорѣ затѣмъ племя было покорено и разгромлено. Скотъ былъ конфискованъ; та же участь постигла и сосѣднее племя путини, обвиненное въ сообщничествѣ. Лангалибалель былъ осужденъ на пожизненную ссылку, а 13 тысячъ каффровъ лишились всего своего имущества и доведены до нищенства. Мѣстный епископъ, знаменитый богословъ Коленэо, авторъ смѣлыхъ комментарій на библію, былъ возмущенъ несправедливостью и жестокостью бѣлыхъ, и отправился въ Лондонъ; благодаря его заступничеству, племя путини получило если не весь свой скотъ обратно, то извѣстное за него вознагражденіе, и новый губернаторъ былъ назначенъ въ колонію. Этотъ губернаторъ не кто оной какъ сэръ Гарнетъ Уолселей, побѣдитель ашантіевъ. Корреспонденція, напечатанная въ „Times“ отъ 21 августа и по всей вѣроятности написанная подъ вліяніемъ новаго губернатора, намекаетъ на то, что самымъ лучшимъ средствомъ разрѣшить затрудненіе была бы „война съ каффрами“. Надо сказать, что бѣлые были бы очень рады такому исходу. Они очень худо встрѣтили епископа Коленэо по его возвращеніи въ колонію: они немногочисленны, ихъ всего 20 тысячъ, между тѣмъ какъ каффровъ 200 тысячъ, и имъ кажется вполнѣ простымъ и практичнымъ прибѣгнуть къ истребленію туземцевъ. Но въ данномъ случаѣ это и не прак-

гично, и глупо: каффры сравнительно народъ интеллигентный, способный цивилизоваться и оказать значительныя услуги колоніи, которая не можетъ процвѣтать съ какими-нибудь двадцатью тысячами бѣлыхъ. Какъ бы то ни было, дѣло на этомъ остановилось, и будущее совсѣмъ неопредѣленно и шатко, а министру колоній, лорду Карнарвону, заботъ и хлопотъ не меньше, чѣмъ первому лорду адмиралтейства.

За то кабинету посчастливилось въ столкновеніи съ Китаемъ и Бирманской имперіей, и война, грозившая-было одну минуту возгорѣться, теперь совсѣмъ устранена. Я уже писалъ объ этомъ столкновеніи въ послѣднемъ письмѣ [1]). Переговоры по этому дѣлу окончились къ обоюдному удовольствію: телеграфъ сообщилъ съ недѣлю тому назадъ, что назначается слѣдствіе въ той мѣстности, гдѣ былъ убитъ англійскій подданный, и одинъ изъ членовъ британскаго посольства будетъ наблюдать за ходомъ всей процедуры. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что убійцы не будутъ розысканы, но англійскія газеты напираютъ на тотъ фактъ, что китайское правительство уступило публично и въ глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ справедливымъ требованіямъ англійскаго правительства. Такимъ образомъ Небесная Имперія, грозившая сдѣлаться недоступной европейцамъ, остается по прежнему доступной имъ. „Англія,—говоритъ „Saturday Review“,—первой посчастливилось открыть доступъ въ Китай, и она всегда занимала первое мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ, ставшихъ доступными и для всѣхъ другихъ европейцевъ. На этотъ разъ другія торговыя націи снова воспользуются уступками, полученными отъ китайскаго правительства. Ссора съ Китаемъ и Бирманской имперіей были тѣсно связаны, и принятіе правительствомъ послѣдней страны условій, поставленныхъ вице-королемъ Индіи, обусловливалось главнымъ образомъ неготовностью послѣдняго къ вооруженному сопротивленію. Будущія сношенія съ западными провинціями китайской имперіей будутъ идти черезъ бирманскую территорію подъ прикрытіемъ военной силы, и право торговать съ Китаемъ опять формально признано. Между тѣмъ, какъ успѣхи русскаго владычества въ центральной Азіи постоянно ограничиваютъ поле свободныхъ торговыхъ сношеній, эти сношенія, недавно завязавшіяся съ новыми провинціями Китая, могутъ получить со временемъ большое значеніе“ [2]).

Кажется, что съ англійской точки зрѣнія центръ восточнаго вопроса рѣшительно перемѣстился изъ Константинополя въ Самаркандъ. Недавняя экспедиція въ Коканъ опять разбередила рану, хотя об-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, августъ, 1875 г.

[2]) „*Saturday Review*“, октябрь, 1875.

щее заключеніе такое, „что благоразумно будетъ допустить то, чему никакъ не можешь помѣшать". Должно быть, изъ тѣхъ же соображеній Англія съ такой сдержанностью относится къ послѣднимъ событіямъ въ Турціи. Я приводилъ въ послѣднемъ письмѣ одну звучную фразу „Times" отъ 21 іюля, заявлявшую, „что Россія и Англія уже ссорились изъ-за Турціи, и весьма возможно, что снова поссорятся. Мы надѣемся, прибавлялъ редакторъ, что этого не случится, но дипломатія и стратегія занимаются тѣмъ, что́ есть и что́ служитъ для безопасности, а не тѣмъ, что́ желательно" и пр. Нѣсколько времени спустя вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ, а тонъ „Times" и остальной прессы далеко не соотвѣтствовалъ этимъ надменнымъ словамъ: пробужденіе, которое я предсказывалъ, еще не совершилось.

Правительство Дизраэли стушевывается въ виду турецкихъ усложненій. Одна изъ наиболѣе авторитетныхъ французскихъ газетъ, „Journal des Débats", указывая на это обстоятельство, обвиняетъ Англію въ томъ, что она измѣнила свое отношеніе къ восточному вопросу, и потому именно, что не можетъ больше разсчитывать на Францію и на Наполеона III. Такое рѣзкое обвиненіе заставило „Times" выдти изъ обычной сдержанности и дать довольно сбивчивое объясненіе, которое резюмируетъ современную политику британскаго кабинета. Органъ Сити замѣчаетъ прежде всего, что лишнихъ двадцать лѣтъ значительно мѣняютъ положеніе дѣлъ, и прибавляетъ затѣмъ: „единственный пунктъ, на которомъ мы должны теперь настаивать и который имѣетъ важное значеніе для всеобщаго мира и для нашихъ интересовъ, — чтобы турецкое правительство не было низвергнуто внезапно и чтобы его провинціи не стали жертвой сосѣднихъ державъ. Англійскіе принципы въ дѣлѣ внѣшнихъ сношеній съ Турціей, какъ и съ Китаемъ, заключаются въ томъ, чтобы какъ можно менѣе тревожить правительство и вводить реформы черезъ ихъ посредство, а не помимо ихъ желанія. Между тѣмъ, что́ бы ни говорили, а въ Турціи все еще существуетъ правительство, пользующееся значительнымъ авторитетомъ. Весьма возможно и даже вѣроятно, что важныя преобразованія совершаются въ средѣ христіанскаго населенія, находящагося подъ его владычествомъ; но мы не должны путаться въ эти преобразованія, которыя совершаются естественнымъ путемъ, разрушая внезапно традиціонную организацію страны: мы не должны допускать населенія, предоставленныя самимъ себѣ, истощаться въ разрѣшеніи задачи *self-government*, или же броситься въ объятія первой державы, которая предложитъ избавить ихъ отъ анархіи".

Вотъ общее настроеніе всей англійской прессы, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ радикальныхъ журналовъ, которые, какъ „Exami-

ner", объявляютъ, что „турка" надо изгнать изъ Европы, гдѣ его терпѣли достаточно долго; да за исключеніемъ еще лорда Джона Росселя, недавняя манифестація котораго подняла цѣлый гвалтъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, благородный лордъ, присутствуя на собраніи у одного именитаго вига (лорда Фицъ-Уилльяма) подписалъ 30 фунтовъ стерлинговъ въ пользу освобожденія Греціи. „Узнавъ,— говоритъ одна газета,—что другіе инсургенты дерутся съ турками въ Герцеговинѣ, лордъ Россель ничего не придумалъ умнѣе, какъ подписать другіе 30 фунтовъ стерлинговъ, не принимая во вниманіе, стóитъ ли вниманія все дѣло и не сообразуясь ни съ интересами Англіи, ни съ усложненіями европейской политики".

Поступокъ лорда Росселя не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ политикой, такъ какъ Англія рѣшилась поддерживать *statu-quo*, и при существующихъ условіяхъ это самое разумное, чтó она можетъ сдѣлать, и никто не можетъ упрекать ее за это.

Когда я говорю „никто", то забываю про владѣльцевъ акцій турецкихъ займовъ, которые съ охотой допустили бы Турціи провалиться сквозь землю, лишь бы только имъ возвратили ихъ деньги. На этой недѣлѣ происходило собраніе этихъ злосчастныхъ акціонеровъ, на которомъ говорились самыя забавныя вещи. Нѣкто Галлоуэй, у котораго этихъ акцій на 130,000 фунтовъ стерлинговъ, объявилъ, „что мало ли декретовъ отмѣняется въ наше время, и что еслибы съ султаномъ поговорили какъ слѣдуетъ, то онъ бы отмѣнилъ этотъ злополучный декретъ, изданный по недосмотру (!). Что касается его самого (т.-е. м-ра Галлоуэй), то онъ знаетъ турковъ и знаетъ, что они могутъ и хотятъ заплатить". Вслѣдъ за этимъ раздались ярыя рукоплесканія, среди которыхъ послышался рѣзкій голосъ, провозгласившій, „что нельзя выдавить крови изъ камня". Все это завершилось голосованіемъ и адресами правительству, которое просятъ вмѣшаться въ дѣло тѣмъ или инымъ способомъ, путемъ дипломатіи или оружія, и заставить турокъ возвратить деньги. „Отдай мнѣ мои деньги, мошенникъ! — кричитъ Гарпагонъ у Мольера. — Увы! мои бѣдныя денежки! Мои милые друзья! меня лишили васъ! Я лишился своей опоры, своего утѣшенія, своей радости! Скорѣе зовите коммиссаровъ, полицейскихъ, солдатъ, судей, палачей! Ставьте висѣлицы!" И присовокупляетъ: „они всѣ глядятъ на меня и хохочутъ!" То же самое происходитъ въ настоящую минуту въ Англіи: конечно, я вовсе не желаю сравнивать бѣдныхъ акціонеровъ съ Гарпагономъ, но денежныя потери обыкновенно трогаютъ лишь тѣхъ, кто отъ нихъ страдаетъ, и вся англійская пресса хохочетъ надъ „Turkish bondholders".

Изъ всего этого явствуетъ, что турецкія дѣла не особенно инте-

ресуютъ въ настоящую минуту общественное мнѣніе и оно спокойно выжидаетъ дальнѣйшихъ событій.

А пока—общественное вниманіе привлечено послѣдними уголовными процессами, которые взбудоражили всѣ слои общества, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Быть можетъ, въ настоящую минуту уже несвоевременно толковать о процессѣ полковника Беккера, но онъ надѣлалъ такого шума, что невозможно пройти о немъ молчаніемъ въ хроникѣ, имѣющей претензію служить вѣрнымъ отголоскомъ общественной жизни, столько же, сколько и политической, англійскаго народа. Этотъ процессъ самъ по себѣ не важенъ, но получилъ важное значеніе только отъ званія обвиняемаго, занимавшаго видное мѣсто въ англійской арміи и брата знаменитаго путешественника, сэра Самуила Беккера.

Несчастное приключеніе съ нимъ извѣстно, и излишне было бы сообщать о немъ въ подробности. Извѣстно, что этотъ офицеръ, высшаго ранга, женатый и отецъ семейства, насчитывающій пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, имѣлъ несчастіе ѣхать наединѣ въ вагонѣ 1-го класса съ молодой и очень хорошенькой англичанкой: какъ эта особа по имени, Ребекка Дикинсонъ, имѣла неосторожность вступить въ бесѣду съ незнакомымъ путешественникомъ, какъ этотъ послѣдній мало-по-малу оказался въ двусмысленномъ положеніи и его рука очутилась около ботинокъ дѣвицы (*about my boots*, показывала она на судѣ; не правда ли, это напоминаетъ Тристрама Шанди?); какъ наконецъ — эта новая Лукреція открыла дверцу и проѣхала нѣсколько миль на подножкѣ вагона, причемъ ее поддерживала въ этомъ положеніи рука соблазнителя — обстоятельство, котораго не слѣдуетъ забывать. Результатомъ всего этого для галантнаго полковника вышло: одногодичное тюремное заключеніе. Безполезно прибавлять, что онъ уволенъ отъ службы, разоренъ, и карьера его испорчена.

Одна часть прессы возмутилась „мягкостью" приговора. Съ другой стороны, извѣстный англійскій романистъ, Чарльзъ Ридъ, напечаталъ въ „Daily Telegraph" письмо, въ которомъ сѣтуетъ на строгость наказанія. И несомнѣнно, что на континентѣ полковникъ былъ бы оправданъ: во Франціи уже пошли въ ходъ *„корсеты Дикинсонъ"*.

Другой процессъ, о которомъ мнѣ остается сообщить, ужасенъ и представляетъ диковинный примѣръ вліянія поэзіи на развитіе сердца, если не ума. Въ половинѣ прошлаго столѣтія странное событіе произошло въ небольшомъ городкѣ Йоркшира. Одинъ башмачникъ, по имени Кларкъ, пропалъ безъ вѣсти и въ теченіе 14 лѣтъ о немъ ничего не было слышно. Общественное мнѣніе объясняло его исчезновеніе преступленіемъ, какъ вдругъ открыли въ рощѣ, близъ

города, скелетъ, который тотчасъ же былъ признанъ за башмачниковъ. Это повело къ арестованію одного школьнаго учителя, жившаго на мѣстѣ преступленія, въ эпоху его совершенія. Этотъ школьный учитель, по имени Евгеній Арамъ, былъ человѣкъ необыкновенный. Сынъ простого садовника, онъ забралъ себѣ въ голову, что сдѣлается ученымъ и одинъ, безъ помощи учителя, научился латинскому, греческому, еврейскому и кельтскому языкамъ; онъ оставилъ недоконченнымъ сравнительный словарь этихъ языковъ. Онъ самъ защищалъ себя съ необыкновеннымъ талантомъ, но былъ признанъ виновнымъ, сознался въ преступленіи и, послѣ неудавшейся попытки самоубійства, былъ повѣшенъ 33 лѣтъ отъ роду въ Йоркѣ, въ 1739 г. Таковъ герой романа сэра Бульвера Литтона и одного знаменитаго стихотворенія Томаса Гуда, озаглавленнаго: *Сонъ Евгенія Арама*, не считая драмы, весьма популярной въ Лондонѣ и во всей Англіи.

Съ мѣсяцъ тому назадъ полиція арестовала въ извощичьей каретѣ одного господина, довольно хорошо одѣтаго, ѣхавшаго вмѣстѣ съ молодой женщиной. Въ ногахъ у нихъ лежали два довольно объемистыхъ тюка, и очень зловонныхъ. Это происходило не далеко отъ Лондонскаго моста, въ предмѣстьѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *Мѣстечка* и у дверей необитаемаго дома, украшеннаго пасторальной вывѣской: *Насѣдка съ цыплятами* (*Hen and chikens*). Господинъ готовился снести тюки въ этотъ домъ, когда констэбли схватили его, несмотря на то, что онъ предлагалъ имъ 100 фунтовъ стерлинговъ. Когда они раскрыли тюки, то нашли въ нихъ трупъ молодой женщины, разрѣзанной на куски.

Этотъ субъектъ, котораго зовутъ Генри Уэпрайтъ—имя отнынѣ знаменитое въ судебныхъ анналахъ—забралъ эти тюки изъ другого необитаемаго дома, находящагося на Уайтъ-Чэпель-Родъ и принадлежащаго ему. Онъ пригласилъ къ себѣ на помощь молодого человѣка, бывшаго у него въ услуженіи когда-то. Они вдвоемъ снесли связанные тюки на тротуаръ, и тамъ Уэпрайтъ ушелъ за извощичьей каретой, оставивъ тюки подъ охраной своего товарища.

Послѣднему вздумалось полюбопытствовать, что̀ находится въ тюкахъ, и онъ чуть не упалъ въ обморокъ,—по его словамъ,—увидѣвъ руку, отрѣзанную и высохшую. Однако онъ ничего не сказалъ, усадилъ своего патрона въ карету вмѣстѣ съ двумя тюками и пустился бѣжать вслѣдъ за кэбомъ, сзывая всѣхъ полисменовъ, попадавшихся ему на дорогѣ и сообщая имъ о своемъ открытіи. Всѣ смѣялись надъ нимъ, пока наконецъ двое констэблей согласились освидѣтельствовать, что̀ въ нихъ содержится.

Нѣсколько дней спустя инспекторъ полиціи получилъ увѣдомленіе объ исчезновеніи нѣкоей миссисъ Кингъ, жившей въ Мапль-

Эндѣ, другомъ предмѣстьѣ Лондона, и которую не видали уже годъ. Имя Кингъ было вымышленное. Настоящее имя молодой женщины было Гарріэтъ Ленъ. Она была очень хороша собой, съ чудесными бѣлокурыми волосами, была любовницей Уэпрайта, называвшаго себя Кингомъ въ томъ кварталѣ, и имѣла отъ него двоихъ дѣтей.

Ее видѣли въ послѣдній разъ 11-го сентября 1874 г., а годъ спустя въ тотъ самый день арестовали Уэпрайта. Это не романъ, а настоящее происшествіе, и остатки человѣческаго тѣла, найденные въ тюкахъ обвиненнаго, были признаны тѣломъ несчастной Гарріетъ Ленъ. Уэпрайтъ женатъ, у него пять человѣкъ дѣтей; предполагаютъ, что онъ убилъ свою вторую и незаконную жену, потому что она ему надоѣла и, разрѣзавъ ее на куски, зарылъ ее въ погребѣ, но вынужденъ былъ вырыть ее оттуда, потому что полиція обратила вниманіе на зловоніе, царствовавшее въ окрестностяхъ этого мѣста.

Этотъ Уэпрайтъ человѣкъ съ нѣкоторымъ положеніемъ въ обществѣ. Сынъ одного почтеннаго коммерсанта, онъ получилъ довольно хорошее образованіе и поступилъ въ члены одного изъ „*debating societies*“, столь многочисленныхъ въ Лондонѣ. Тамъ онъ выказалъ большой талантъ къ декламаціи, сдѣлался членомъ *клуба Шеридана* и занимался публичными чтеніями въ Лондонѣ и въ провинціи. Онъ называлъ ихъ: „*вечеръ съ Диккенсомъ*“ „*вечеръ съ Гудомъ*“, и пр. Любимымъ стихотвореніемъ его, и которое онъ читалъ съ наибольшимъ успѣхомъ, было: „*Сонъ Евгенія Арама*“ Томаса Гуда. Поэтъ заставляетъ Евгенія Арама разсказывать своимъ ученикамъ кошемаръ, въ которомъ ему грезилось о совершенномъ имъ преступленіи. Убійца старается скрыть свою жертву и бросаетъ ее въ прудъ; но на другой день прудъ высыхаетъ и трупъ видѣнъ на днѣ. Онъ уносить его въ лѣсъ и прикрываетъ грудой сухихъ листьевъ, но вѣтеръ развѣваетъ листья и трупъ обнаруживается. И тогда, говоритъ убійца, я заплакалъ, потому что увидѣлъ, что земля отказывается схоронить трупъ:

Ay! through he's buried in a cave
And trodden down with stones
And years have rotted off his flesh
The world shall see his bones! [1]).

Говорятъ, Уэпрайтъ былъ великолѣпенъ, произнося эти стихи, и у слушателей волосы становились дыбомъ на головѣ. Но на него, надо полагать, стихи эти не производили такого сильнаго впечатлѣнія, если только не признать, что ему хотѣлось доставить *pendant* къ исторіи Евгенія Арама. Тутъ философамъ и криминалистамъ представляется интересный вопросъ для изученія.

---

[1]) „Увы! хотя бы онъ былъ зарытъ въ погребѣ или заваленъ камнями, и хотя бы время уничтожило его истлѣвшее тѣло, міръ увидитъ его кости!“

Молодая дѣвушка, арестованная въ каретѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ тѣхъ поръ уже выпущенная на свободу, знакомая ему танцовщица, которую онъ встрѣтилъ въ то время, какъ ѣхалъ и пригласилъ съ собой, изъ фанфаронства или изъ разсчета, неизвѣстно.

Дѣло это будетъ разсматриваться въ ближайшихъ ассизахъ и, конечно, представитъ значительный интересъ. Мнѣ нравится послѣ этого замѣчаніе „Lloyd", воскреснаго журнала, расходящагося въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ экземпляровъ, который, говоря объ убійствахъ въ Римѣ, восклицаетъ съ самодовольствомъ: „въ Англіи по крайней мѣрѣ мы не дошли до этого: у насъ нѣтъ наемныхъ убійцъ".

Наемные или нѣтъ,—а я нахожу, что когда обладаешь Уэпрайтомъ, то можешь соперничать съ кѣмъ угодно.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

VIII *).

Флоберъ и его сочиненія.

I.

Я неоднократно говорилъ вамъ о современномъ французскомъ романѣ. Недавно еще, по случаю новаго изданія сочиненій гг. Жюля и Эдмона де-Гонкуръ, мнѣ представилась возможность написать разборъ ихъ сочиненій. Въ настоящее время, правда, у меня нѣтъ никакого предлога подъ руками, но тѣмъ не менѣе я не могу не говорить о личности и произведеніяхъ Гюстава Флобера: я закончу Флоберомъ замѣтки, которыя я уже набросалъ вамъ, о реалистическомъ движеніи во Франціи. Я покажу во главѣ этого движенія знаменитаго писателя, талантъ котораго закрѣпилъ побѣду за этимъ движеніемъ.

У гг. де-Гонкуръ я отмѣтилъ, какъ характеристическую черту, нововведенія въ формахъ языка, нервное изложеніе самыхъ мимолетныхъ впечатлѣній. У Флобера же выступаетъ на первый планъ

*) См. „В. Е." мартъ, 441 стр.; май, 432; іюнь, 874; іюль, 381; авг., 825; сент., 400; октябрь, 857 стр.

новый методъ сочиненія, и это ставитъ его во главѣ цѣлой школы, какъ изобрѣтателя новыхъ законовъ въ искусствѣ слова.

Когда появилась „Madame Bovary", она произвела настоящій литературный переворотъ. Казалось, что формулы новѣйшаго романа, разсѣянныя въ колоссальномъ твореніи Бальзака, резюмированы и ясно изложены на четырехъ-стахъ страницахъ новаго романа. Кодексъ новѣйшаго искусства былъ написанъ. „Madame Bovary" отличалась ясностью и мастерствомъ, дѣлавшими этотъ романъ типомъ, образцомъ этого рода. Романистамъ оставалось только идти по указанному пути, удерживая свой личный характеръ и пытаясь дѣлать личныя открытія. Конечно, второстепенные разсказчики продолжали колотить деньгу своими скучными исторіями; писатели, избравшіе себѣ спеціальность развлекать дамъ, продолжали фабриковать приторные разсказы, но всѣ мало-мальски талантливые дебютанты получили неизгладимое впечатлѣніе. И никто изъ тѣхъ, чей талантъ въ настоящую минуту созрѣлъ, не можетъ не признать учителя во Флоберѣ. Онъ, повторяю, расчистилъ и освѣтилъ непроходимый лѣсъ Бальзака. Онъ произнесъ вѣрное и правдивое слово, котораго всѣ дожидались.

Я не хочу проводить здѣсь параллели между Бальзакомъ и Флоберомъ. Мы слишкомъ близки къ тому и другому, чтобы судить о нихъ съ должнымъ безпристрастіемъ; къ тому же ихъ качества слишкомъ различны, чтобы такой приговоръ могъ состояться, не увлекая въ слишкомъ сложныя соображенія. Но, избѣгая пространной параллели, укажу лишь на характеристическія черты произведеній Флобера, и тогда его новая метода станетъ понятнѣе.

Первая черта реалистическаго романа, образцомъ котораго является „Madame Bovary", это—точное воспроизведеніе жизни и безусловное отсутствіе всякаго романическаго вымысла. Сочиненіе романа состоитъ теперь лишь въ выборѣ сценъ и извѣстнаго гармоническаго порядка ихъ развитія. Сцены сами по себѣ могутъ быть первыя попавшіяся; но справедливо сказать, что авторъ старательно выбираетъ и уравновѣшиваетъ ихъ, такъ чтобы сдѣлать изъ своего произведенія памятникъ науки и искусства. Это—реальная жизнь, вдвинутая въ искусно созданныя рамки. Всякій вымыселъ изгнанъ изъ нея. Въ ней не встрѣчаешь дѣтей, отмѣченныхъ при рожденіи, затѣмъ потерянныхъ, чтобы быть найденными при развязкѣ. Нѣтъ рѣчи о мебели съ секретными ящиками, о документахъ, являющихся въ самый критическій моментъ, чтобы спасти угнетенную невинность. Нѣтъ даже никакой, хотя бы даже самой простой интриги. Романъ развертывается самъ собою, сообщаетъ явленія изо-дня въ день, не готовитъ никакихъ сюрпризовъ, и когда его дочитаешь, то кажется, будто съ улицы вернулся къ себѣ домой. Бальзакъ въ своихъ мастерскихъ произведеніяхъ: „Eugènie Grandet", „Les Parents pauvres", „Le

Père Goriot", тоже далъ страницы безъ всякихъ прикрасъ, въ которыхъ воображеніе его довольствовалось тѣмъ, что изображало правду. Но прежде чѣмъ дойти до стремленія изображать правду, онъ долго блуждалъ въ самыхъ диковинныхъ выдумкахъ, гонялся за лживыми страхами и величіемъ. Можно даже сказать, что онъ никогда не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ пристрастія къ чрезвычайнымъ происшествіямъ, что̀ придаетъ бо̀льшей части его произведеній характеръ лихорадочнаго сновидѣнія, которое мерещится человѣку на-яву.

Но гдѣ разница сказывается особенно рельефно, такъ это во второй чертѣ реалистическаго романа. Роковымъ образомъ романистъ убиваетъ героевъ, если не признаетъ обычнаго хода человѣческой жизни. Подъ героями я подразумѣваю личностей не въ мѣру раздутыхъ, деревянныхъ куколъ, превращенныхъ въ колоссовъ. Когда не заботишься о логикѣ, объ отношеніяхъ вещей между собою, о точныхъ пропорціяхъ всѣхъ частей произведенія, то вскорѣ теряешь мѣру и начинаешь преувеличивать характеры, къ которымъ испытываешь особенную симпатію. Напротивъ того, дѣйствующія лица умаляются и получаютъ свой настоящій видъ, когда задашься цѣлью дать правдивое изображеніе жизни. Если ухо вѣрно, то первая страница уже задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ, устанавливается гармоническая тональность, и пренебрегать ею нельзя больше, не рискуя произвести ужасную фальшь. Захотѣлъ рисовать будничную жизнь—ну, и держись ея. Красота произведенія заключается уже не въ преувеличеніи какого-нибудь лица, которое перестаетъ быть скупцомъ, обжорой и проч., и становится воплощеніемъ скупости, обжорства и пр. Красота его заключается въ правдѣ изображенія, въ безусловной реальности картины, въ которой всѣ детали занимаютъ свое мѣсто, и только свое мѣсто. Что̀ почти всегда обезображиваетъ романы Бальзака—это страшное преувеличеніе его героевъ. Ему все кажется, что лица его еще недостаточно громадны, и онъ постоянно стремится создавать колоссы. Реалистическая формула естественно осуждаетъ этотъ избытокъ, эту прихоть творчества, благодаря которой лица сверхъестественнаго роста прогуливаются среди карликовъ. Нивеллирующая черта проводится надъ всѣми головами, потому что рѣдко представляется случай вывести на сцену человѣка дѣйствительно возвышающагося надъ уровнемъ.

Укажу, наконецъ, третью черту. Реалистическій романистъ старательно исчезаетъ позади дѣйствія, которое изображаетъ. Онъ скрытый двигатель всей драмы. Никогда не заявляетъ онъ о своемъ существованіи какой-нибудь фразой. Не слышно, чтобы онъ смѣялся или плакалъ вмѣстѣ съ своими лицами, или бы позволялъ себѣ судить объ ихъ поступкахъ. И даже отличительной чертой его является

это кажущееся нравственное безпристрастіе. Напрасно было бы искать вывода, морали или нравоученія изъ фактовъ. Дается одно лишь изложеніе фактовъ, похвальныхъ или непохвальныхъ. Авторъ не моралистъ, но анатомъ, который довольствуется тѣмъ, что̀ сообщаетъ о томъ, что̀ онъ нашелъ въ человѣческомъ трупѣ. Читатели сами сдѣлаютъ выводъ, если пожелаютъ, извлекутъ мораль, почерпнутъ нравоученіе изъ книги. Что касается романиста, то онъ держится въ сторонѣ, изъ уваженія къ искусству, чтобы сообщить своему произведенію характеръ полной объективности. Онъ полагаетъ, что его личное чувство только стѣснитъ чувство дѣйствующихъ лицъ, что его сужденіе ослабитъ гордый урокъ, даваемый фактами. Это совсѣмъ новая поэтическая доктрина, измѣняющая характеръ романа. Сто̀итъ только вспомнить романы Бальзака, его вѣчное вмѣшательство въ разсказъ, его авторскія замѣчанія, прорывающіяся безпрестанно, всякаго рода мораль, которую онъ извлекаетъ изъ своихъ произведеній. Онъ безпрестанно объясняется съ читателями. Ужъ я не говорю объ отступленіяхъ по поводу различныхъ вещей. Иные изъ его романовъ настоящая болтовня съ публикой, если ихъ сравнить съ реалистическими романами, появившимися за послѣднія двадцать лѣтъ, такими строгими и чопорными въ этомъ отношеніи.

Бальзакъ, повторяю, составляетъ у насъ еще силу, съ которой не разсуждаютъ. Въ немъ, какъ и въ Шекспирѣ, есть творческій духъ, создавшій цѣлый міръ. Его произведенія, несмотря на ихъ смѣшанный характеръ, на частые переходы отъ превосходнаго къ самому плохому, все же остаются гигантскимъ усиліемъ самаго крупнаго ума нынѣшняго вѣка. Но, не унижая его, я могу показать, что̀ Флоберъ сдѣлалъ послѣ него для романа: онъ подчинилъ его неизмѣннымъ правиламъ наблюденія надъ жизнью, избавилъ его отъ фальшивой надутости дѣйствующихъ лицъ и превратилъ въ произведеніе искусства, гармоническое, объективное и прекрасное въ самомъ себѣ, какъ прекрасная мраморная статуя. Вотъ какой переворотъ произвелъ авторъ „Madame Bovary“. Послѣ литературнаго разсвѣта, послѣ плодовитой производительности 1830 г. онъ нашелъ средство изобрѣсти новый родъ и положить основаніе новой школѣ.

Его произведенія въ особенности отличаются безукоризненной формой и мастерскимъ выполненіемъ. Послѣ періода лихорадочной дѣятельности, послѣ ужасающаго потока книгъ, написанныхъ небрежно, онъ явился какъ-бы затѣмъ, чтобы напомнить писателямъ о красотѣ формы, о медленной выработкѣ, о произведеніяхъ, наполняющихъ цѣлую жизнь человѣка. И такимъ образомъ онъ стоитъ во главѣ современныхъ романистовъ, и въ его произведеніяхъ въ яркихъ краскахъ изложены законы натуральной школы.

II.

Гюставъ Флоберъ родился въ Руанѣ. Ему за пятьдесятъ лѣтъ. Это широкоплечій, очень высокій нормандецъ, съ великолѣпными голубыми глазами. Онъ живетъ въ безусловномъ уединеніи; проводитъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, остальное время работаетъ въ помѣстьѣ, которымъ владѣетъ близъ Руана, на берегу Сены. Но мнѣ кажутся лишними даже тѣ немногія подробности, которыя я сообщаю объ его личной жизни. Флоберъ весь высказывается въ своихъ книгахъ; напрасно было бы искать его внѣ ихъ. У него нѣтъ страстей; онъ не собираетъ рѣдкостей; не любитъ охоты и даже не гастрономъ. Онъ пишетъ свои книги, и больше ничего. Онъ вступилъ въ литературу, какъ въ былыя времена поступали въ какой-нибудь монашескій орденъ, чтобы сосредоточить на немъ всѣ свои радости и въ немъ умереть. Такимъ образомъ, онъ осудилъ себя на уединеніе; пишетъ одну книгу лѣтъ десять сряду и кладетъ въ нее всю свою душу. Я не знаю человѣка, который бы болѣе заслуживалъ титулъ писателя; онъ всю свою жизнь отдалъ своему искусству.

Надо, значитъ, какъ я уже сказалъ, искать его въ книгахъ. Человѣкъ, живущій степеннымъ буржуа, не представляетъ ничего интереснаго. Въ наши дни великіе труженики устраиваютъ свою жизнь возможно простѣйшимъ и безхитростнымъ образомъ, чтобы имѣть весь день въ своемъ распоряженіи и работать съ утра до ночи, какъ какіе-нибудь методическіе коммерсанты, засѣдающіе за конторкой. Работа въ опредѣленные часы является первымъ условіемъ для созданія выработаннаго и цѣльнаго произведенія.

Флоберъ трудится какъ какой-нибудь бенедиктинецъ. Онъ пишетъ лишь на основаніи точныхъ данныхъ, которыя имѣлъ возможность лично провѣрить. Если ему понадобится справка въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль будетъ посѣщать библіотеки, пока, наконецъ, не найдетъ желаемаго свѣдѣнія. Чтобы написать, напримѣръ, десять страницъ, эпизодъ романа, гдѣ онъ выведетъ лица, занимающіяся земледѣліемъ, онъ не отступитъ передъ скукой прочитать двадцать-тридцать сочиненій, трактующихъ объ этомъ предметѣ, и будетъ, кромѣ того, разспрашивать компетентныхъ людей, станетъ даже ходить на поле, чтобы вставить свой эпизодъ съ полнѣйшимъ знаніемъ дѣла. Если дѣло коснется какого-нибудь описанія, онъ отправится на мѣсто и будетъ тамъ жить. Такимъ образомъ, ради первой главы „Éducation sentimentale“, для которой, какъ извѣстно, рамкой служитъ пароходъ, поднимающійся вверхъ по Сенѣ между Парижемъ и Монтеро, онъ проѣхалъ вдоль берега рѣки въ кабріолетѣ, такъ какъ пароходъ уже давно тутъ не

ходитъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ избираетъ какой-нибудь воображаемый уголокъ сцены для своего романа, то ищетъ въ природѣ такого уголка, который бы вполнѣ подходилъ къ тому, который ему мерещится. И такимъ образомъ онъ старается почерпнуть изъ дѣйствительности малѣйшую подробность. Онъ справляется съ гравюрами, съ журналами, книгами того времени; изучаетъ людей и предметы той эпохи. Каждая страница стóитъ ему неимовѣрныхъ трудовъ, потому что описанiе костюмовъ, историческихъ событій, всякiе техническiе вопросы влекутъ за собой безконечныя справки. Чтобы написать книгу, ему приходится перерыть вселенную. Въ „Madame Bovary“ онъ помѣстилъ наблюденiя своей молодости, уголокъ Нормандiи и людей, которыхъ онъ встрѣчалъ въ первыя тридцать лѣтъ своей жизни. Когда онъ написалъ „Éducation sentimentale“, то двадцать лѣтъ передъ тѣмъ занимался политической и нравственной исторiей нашего общества; онъ собралъ громаду матерiаловъ, доставленныхъ цѣлымъ поколѣнiемъ людей. Наконецъ, чтобы написать „Salammbô“ и „La Tentation de Saint-Antoine“, трудъ былъ еще значительнѣе: онъ путешествовалъ по Африкѣ и на Востокѣ, тщательно изучалъ древность, отряхивалъ пыль многихъ вѣковъ.

Такая добросовѣстность составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ таланта Флобера. Онъ, повидимому, не хочетъ ничѣмъ быть обязаннымъ своему воображенiю. Онъ рисуетъ только съ натуры. Когда онъ пишетъ, то больше всего заботится о выработкѣ; онъ любитъ быть у себя дома и говорить только о томъ, чтó ему извѣстно вдоль и поперекъ. И эта литературная честность проистекаетъ отъ страстнаго желанiя совершенства, составляющаго его индивидуальность. Онъ не допускаетъ ни малѣйшей ошибки, хотя бы самой незначительной. Ему нужна увѣренность, что произведенiе его по возможности безукоризненно. Малѣйшее пятнышко сдѣлало бы его несчастнымъ человѣкомъ; преслѣдовало бы его угрызенiемъ совѣсти, какъ дурной поступокъ. Онъ вполнѣ спокоенъ только тогда, когда увѣренъ въ безусловной правдѣ всѣхъ подробностей, находящихся въ его трудѣ.

Понятна роковая медленность такого рода труда. Это объясняетъ, почему Флоберъ, будучи такимъ ретивымъ работникомъ, написалъ всего четыре книги, появившiяся въ длинные промежутки: „Madame Bovary“ въ 1856 г.; „Salammbô“ въ 1863 г.; „l'Éducation sentimentale“ въ 1869 г. и „La Tentation de Saint-Antoine“ въ 1874 г. Онъ двадцать лѣтъ работалъ надъ этой послѣдней книгой, откладывалъ ее на время, снова принимался, передѣлывалъ по пяти-шести разъ цѣлые отрывки.

Что касается слога, то онъ такъ же тщательно выработываетъ и его. Мнѣ всегда какъ-то совѣстно подсматривать за процессомъ

творчества какого-нибудь писателя; но при этомъ бываютъ поучительныя открытія, составляющія достояніе исторіи литературы. Флоберъ, прежде чѣмъ написать первую страницу своей книги, припасаетъ матеріала на цѣлыхъ три, въ видѣ замѣтокъ, приведенныхъ въ полную ясность и полный порядокъ. Зачастую цѣлая страница справокъ даетъ ему всего одну строчку. Онъ работаетъ по плану, зрѣло обдуманному и подробно выработанному во всѣхъ частяхъ. Что касается остального, т.-е. самой методы редакціи, то я думаю, что онъ редактируетъ сразу и сравнительно быстро нѣсколько страницъ сряду, цѣлый отрывокъ. Затѣмъ возвращается къ нему, передѣлываетъ, измѣняетъ неудачныя выраженія, не пропускаетъ ни малѣйшей небрежности, прибираетъ наиболѣе подходящія слова. Такимъ образомъ первый набросокъ бываетъ зачастую черновымъ, надъ которымъ онъ работаетъ цѣлыя недѣли. Онъ хочетъ, чтобы страница выходила изъ его рукъ, какъ-бы высѣченная въ мраморѣ безупречной правильности и безсмертной красоты. Вотъ мечта, терзаніе, потребность, заставляющая его долго обсуждать каждую строчку, по цѣлымъ мѣсяцамъ ломать голову надъ неудачнымъ выраженіемъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся замѣнить его болѣе подходящимъ.

Перехожу къ слогу Флобера; онъ самый отборный изъ всѣхъ, какіе я знаю; не то, чтобы авторъ отличался классическимъ пошибомъ, застывшимъ въ узкой грамматической правильности; но, какъ я уже сказалъ, онъ вырабатываетъ его до послѣдней запятой и сидитъ надъ страницей по цѣлымъ днямъ, если нужно, для того, чтобы выработать ее. Онъ употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы избѣжать малѣйшихъ стилистическихъ неровностей. Я часто слышалъ отъ него, что страницу хорошей прозы гораздо труднѣе написать, чѣмъ страницу хорошихъ стиховъ. Проза сама по себѣ отличается неопредѣленностью контуровъ, необыкновенной растяжимостью, благодаря которой ее очень трудно вылить въ опредѣленную форму. Онъ хотѣлъ бы, чтобы она была крѣпка, какъ бронза, ярка, какъ золото.

Говоря о Флоберѣ, вы всегда возвращаетесь къ идеѣ о безсмертіи, къ мощному честолюбію создать вѣчное твореніе. И только онъ одинъ умѣетъ бороться съ гибкимъ языкомъ, постоянно готовымъ ускользнуть изъ рукъ. Я знаю молодыхъ людей, которые, доводя стремленіе создать мраморную прозу до маніи, доходятъ до того, что начинаютъ бояться языка. Слова ихъ пугаютъ; они не знаютъ, за которыя ухватиться; отступаютъ передъ всѣми выраженіями и создаютъ себѣ свои собственныя эстетическія теоріи, въ силу которыхъ отвергаютъ тѣ или другія выраженія; они высказываютъ большую строгость на счетъ нѣкоторыхъ выраженій и не замѣчаютъ, что впадаютъ въ страшную небрежность относительно другихъ. Это вѣчное напряженіе ума, это строгое преслѣдованіе малѣйшихъ уклоненій

мера приводитъ, въ концѣ-концовъ, людей съ ограниченнымъ умомъ къ безплодію и лишаетъ ихъ всякой оригинальности. Флоберъ же, который съ этой стороны представляется образцомъ, весьма опаснымъ для подражанія, пріобрѣлъ на этомъ свое значеніе непогрѣшимаго писателя. Строгость, погоня за совершенствомъ составляютъ его величіе. Его мечтой, безъ сомнѣнія, было бы написать всего одну книгу въ жизни: онъ бы безпрестанно ее передѣлывалъ, безпрестанно улучшалъ; онъ не прежде рѣшился бы представить ее на судъ публики, какъ при послѣднемъ издыханіи, когда перо выпало бы изъ его окоченѣвшихъ рукъ, и онъ бы не могъ его далѣе передѣлывать. Онъ повторяетъ иногда, что одинъ человѣкъ можетъ написать всего одну книгу въ жизни.

Главнымъ достоинствомъ Флобера при такой работѣ, естественно, является его сдержанность. Всѣ его усилія клонятся къ тому, чтобы сдѣлать коротко и полно. Въ своихъ пейзажахъ онъ довольствуется тѣмъ, что указываетъ главныя линіи и цвѣтъ; но хочетъ, чтобы линіи рисовали, а цвѣтъ живописалъ весь пейзажъ. Такъ точно и относительно своихъ лицъ, онъ желаетъ охарактеризовать ихъ однимъ жестомъ, однимъ словомъ. Чѣмъ зрѣлѣе становился онъ, тѣмъ больше стремился создать такъ-сказать алгебраическія формулы въ литературѣ. Онъ старается обойти второстепенныя дѣйствія, идетъ прямо къ концу книги и никогда не повторяется. Кромѣ того, такъ какъ онъ относится объективно къ ея содержанію, никогда лично не вмѣшивается въ ходъ дѣйствія, не выдаетъ своего чувства, то наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы слогъ былъ вездѣ ровенъ и такъ же прозраченъ, какъ зеркало, отчетливо отражающее его мысль. Это сравненіе съ зеркаломъ очень вѣрно, потому что честолюбіе его, конечно, заключается въ томъ, чтобы отразить въ своей книгѣ вещи и людей точно такими, какими онъ ихъ видѣлъ. Замѣтьте, что одной ясности Флоберу мало: онъ хочетъ еще вдохнуть жизнь въ свои произведенія. Прозрачная, сухая и жесткая форма восемнадцатаго столѣтія ему не по вкусу. Вмѣстѣ съ ясностью, онъ стремится придать цвѣтъ, оживленіе, силу своимъ произведеніямъ. Тутъ мы сталкиваемся съ личностью Флобера, съ сущностью его таланта и новой формулой, которую онъ принесъ съ собой.

Флоберъ родился въ самый разгаръ романтизма. Ему было пятнадцать лѣтъ въ періодъ наибольшей славы Виктора Гюго. Вся его молодость прошла озаренная лучомъ плеяды 1830 г., и на немъ остался какъ-бы отблескъ отъ той эпохи лирической поэзіи, которую онъ пережилъ. И даже у него должно храниться гдѣ-нибудь въ ящикахъ множество стиховъ, въ которыхъ трудно было бы признать строгаго и щепетильнаго прозаика „Éducation sentimentale“. Позднѣе, въ тотъ часъ, когда оглядываешься на себя и на окружающую жизнь,

онъ понялъ въ чемъ заключалась его оригинальность, и сталъ великимъ романистомъ натуральной школы, неумолимымъ живописцемъ людской глупости и пошлости. Но двойственность осталась въ немъ. Лирикъ не умеръ, онъ живетъ рядомъ съ романистомъ, и заявляетъ подъчасъ о своихъ правахъ, но впрочемъ настолько благоразуменъ, что не суется не впопадъ. На этой двойственности природы, на этой потребности въ пламенной поэзіи и холоднаго наблюденія выросъ оригинальный талантъ Флобера. Я охарактеризую его слѣдующими словами: это—поэтъ, который однако настолько хладнокровенъ, что видитъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Мнѣ надо углубиться еще дальше въ разборъ этого интереснаго темперамента. Флоберъ ненавидитъ только глупость; но за то крѣпко ненавидитъ ее. Онъ, конечно, пишетъ романы, чтобы удовлетворить этому чувству. Наклонный къ ипохондріи, онъ видитъ все въ черномъ цвѣтѣ, и ему хочется окунуть публику въ грязь. Глупцы для него личные враги, которыхъ онъ старается поразить. Каждая изъ его книгъ приводитъ къ заключенію о глупости и пошлости человѣческаго рода вообще. Самое бо̀льшее, если онъ выкажетъ порою нѣкоторую мягкость къ женщинѣ; женщину онъ любитъ и относится къ ней съ отеческой нѣжностью. Когда онъ наводитъ свое увеличительное стекло на какое-нибудь лицо, то не пренебрегаетъ ни одной бородавкой, не обойдетъ самой небольшой ранки. Долгіе годы онъ осуждаетъ себя созерцать безобразіе вблизи, не разставаться съ нимъ, ради удовольствія изобразить его и насмѣяться надъ нимъ, выставить его на позоръ передъ цѣлымъ свѣтомъ. И, несмотря на удовлетворенное мщеніе, несмотря на радость, съ какой онъ бичуетъ безобразное и глупое въ своихъ произведеніяхъ, это все же бываетъ подчасъ тяжкимъ бременемъ для него, потому что лирикъ, живущій въ немъ, его другое *я*, плачетъ отъ отвращенія и грусти, что ему приходится влачиться съ обрѣзанными крыльями въ толпѣ тупыхъ и пошлыхъ буржуа. Когда авторъ пишетъ „Madame Bovary“ или „l'Éducation sentimentale“, лирикъ огорчается ничтожествомъ дѣйствующихъ лицъ, невозможностью создавать великіе характеры въ средѣ этихъ смѣшныхъ карликовъ, но довольствуется только тѣмъ, что пуститъ тамъ-и-сямъ огненное слово, размашистую фразу. Затѣмъ иногда, въ нѣкоторыя роковыя минуты, романистъ натуральной школы соглашается отступить на задній планъ. Тогда забьетъ чудный родникъ свѣта и поэзіи. Авторъ пишетъ „Salammbô“ или „La Tentation de Saint-Antoine“; онъ перенесся въ древній міръ, далеко отъ современной жизни, отъ нашей тѣсной одежды, отъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и сѣраго неба, которое онъ ненавидитъ. Подъ руками у него пурпурныя ткани и золотыя ожерелья. Онъ не боится больше дать волю своему воображенію, не взвѣшиваетъ каждой фразы изъ боязни вложить въ

уста деревенскаго аптекаря живописные образы восточнаго поэта. Но возлѣ лирика остается романистъ натуральной школы; онъ держитъ перваго на уздѣ и требуетъ правды даже въ самомъ блескѣ.

Понятна теперь оригинальность слога Флобера, такого сдержаннаго и такого яркаго. Онъ составленъ изъ вѣрныхъ и великолѣпныхъ образовъ. Это—правда, наряженная поэтомъ. Съ нимъ всегда ходишь на твердой почвѣ, чувствуешь подъ ногами твердую землю, но ходишь легко и плавно. Когда онъ нисходитъ до самой вульгарной фамильярности, въ погонѣ за правдой, то все-таки сохраняетъ какое-то благородство, скрашивающее самую намѣренную небрежность. Всегда чувствуешь, слѣдуя за нимъ въ самую пошлую среду, что идешь возлѣ писателя и поэта — къ тому же нѣтъ ничего противнаго въ этомъ постоянномъ изображеніи у него людского безобразія. Дойдешь до уличной грязи, а картина все будетъ сіять красотой отдѣлки. Я говорилъ, что Флоберъ расчистилъ непроходимый, зачастую, лѣсъ Бальзака и прорубилъ въ немъ широкую просѣку, черезъ которую все стало видно. Прибавлю, — онъ выразилъ въ своей формулѣ двухъ геніевъ 1830 г.: точный анализъ Бальзака и яркость слога Виктора Гюго. Онъ первый осуществилъ это чудо: живо писать и не лгать.

III.

Перехожу къ произведеніямъ Флобера, и естественно группирую ихъ попарно: „Madame Bovary“ и „l'Éducation sentimentale“, „Salammbô“ и „La tentation de Saint-Antoine“, не обращая вниманія на порядокъ изданія.

Я уже говорилъ, что появленіе „Madame Bovary“ было крупнымъ событіемъ, между тѣмъ сюжетъ книги, интрига совсѣмъ не романичны. Его можно высказать въ двадцати строкахъ. Шарль-Бовари, посредственный деревенскій врачъ, женится вторично на дочери фермера, Эммѣ, получившей образованіе выше своего класса; она настоящая дама, играетъ на фортепіано, читаетъ романы. Чета поселяется въ Йонвиллѣ, небольшомъ мѣстечкѣ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Руана. Тамъ мадамъ Бовари овладѣваетъ страшная скука женщины, выбитой изъ своей колеи. Она видитъ, какой ничтожный человѣкъ ея мужъ, она томится сѣрой провинціальной жизнью, ею овладѣваетъ смутная и непонятная тоска. Само собой разумѣется, оканчивается это незаконной любовью. Однако она борется; она любитъ сначала молодого человѣка, Леона Дюпюи, клерка йонвильскаго нотаріуса, любитъ его скромно и даже не помышляетъ о паденіи. Только позднѣе, когда Леонъ уѣзжаетъ, она внезапно отдается другому человѣку, Рудольфу Буланже, окрестному помѣщику.

Тутъ она точно съ ума сходитъ. Она чувствуетъ себя торжествующей и отмщенной; она становится такой требовательной, такой надоѣдливой, мечтаетъ о бѣгствѣ съ своимъ любовникомъ, о приключеніяхъ, вѣчной любви, что Рудольфъ приходитъ въ ужасъ и бросаетъ ее. Она внѣ себя, разыгрываетъ роль мученицы своей любви, бросается, хотя безплодно, въ религію, до того дня, какъ встрѣчаетъ Леона въ Руанѣ. Новая незаконная любовь, и на этотъ разъ съ бòльшимъ пыломъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока она не надоѣла и не напугала въ свою очередь Леона. Эмма надѣлала долговъ; когда любовникъ бросаетъ ее, она отравляется мышьякомъ. Горемыка мужъ оплакиваетъ ее. Позднѣе онъ узнаетъ объ ея безпорядочномъ поведеніи, но все-таки продолжаетъ ее оплакивать. Въ одно прекрасное утро онъ встрѣчаетъ Рудольфа, распиваетъ съ нимъ бутылку пива и говоритъ ему: „я на васъ не сержусь“.

Вотъ все. Въ газетѣ это заняло бы десять строкъ подъ рубрикой *faits divers*. Но надо прочитать самую книгу, всю животрепещущую жизнью. Въ ней есть знаменитыя мѣста, мѣста, ставшія классическими: замужство Эммы, земледѣльческій съѣздъ, на которомъ Рудольфъ ухаживаетъ за молодой женщиной, смерть и похороны m-me Бовари, нарисованныя съ такой страшной правдой. Къ тому же, все произведеніе, до малѣйшихъ подробностей, отличается живымъ интересомъ, интересомъ новымъ, незнакомымъ до этой книги, интересомъ правды, интересомъ драмы, ежедневно созерцаемой въ жизни. Оно захватываетъ васъ съ непобѣдимой силой, какъ зрѣлище чего-то такого, чтó дѣйствительно совершается передъ вашими глазами. Тѣ факты, которые въ немъ описываются,—вы двадцать разъ бывали ихъ свидѣтелемъ; дѣйствующія лица—да это все ваши хорошіе знакомые. Вы точно у себя дома въ этомъ произведеніи, и все, чтó въ немъ происходитъ, напоминаетъ вамъ о средѣ, васъ окружающей. Этимъ объясняется то волненіе, которое вами овладѣваетъ. Прибавьте къ этому изумительное искусство писателя. Во всемъ у него вѣрный тонъ и глубокая правда. Дѣйствіе идетъ такъ, какъ бываетъ въ жизни, безъ всякихъ скачковъ воображенія, безъ всякихъ вымысловъ. Движеніе, краски производятъ иллюзію. Писатель совершаетъ чудо: вполнѣ стушевывается и однако во всемъ даетъ чувствовать свое искусство.

Личность m-me Бовари, типъ безъ сомнѣнія наблюденный и выхваченный изъ жизни Флоберомъ, поступила въ разрядъ великихъ типовъ человѣческаго творчества. „Это Бовари“—говорятъ подобно тому, какъ въ семнадцатомъ столѣтіи говорили; „это Тартюфъ“. А это потому, что m-me Бовари, несмотря на всю ея характерность, представляетъ общій типъ. Ее вездѣ встрѣчаешь во Франціи, во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ обществахъ. Она—женщина, выбитая изъ

своей колеи, недовольная своей судьбой, испорченная вздорной сантиментальностью, выбитая изъ роли жены и матери. Она—женщина роковымъ образомъ осужденная на позорную любовь. Наконецъ она типъ беззаконной любви, паденія, сперва робкаго и поэтическаго, затѣмъ торжествующаго и наглаго. Флоберъ употребилъ тщательныя усилія, чтобы не пропустить ни одной черты этого типа; онъ прослѣдилъ за нимъ съ дѣтства, и сколько смягчающихъ обстоятельствъ нашелъ авторъ: вы чувствуете, что онъ поясняетъ и прощаетъ! Всѣ вокругъ Эммы столько же виновны, сколько и она. Она умираетъ отъ глупости своей среды. Только въ дѣйствительности драма не всегда служитъ развязкой такого рода исторіямъ: незаконная любовь, чаще всего, умираетъ своей смертью, спокойно и мирно.

Личность Шарля выполнена еще съ бóльшимъ, быть можетъ, мастерствомъ. Надо самому быть писателемъ, чтобы знать, какъ трудно ярко охарактеризовать дурака. Ничтожество само по себѣ безцвѣтно. А между тѣмъ этотъ горемыка Шарль вышелъ невѣроятно рельефенъ. Онъ наполняетъ книгу своимъ ничтожествомъ; его видишь на каждой странице жалкимъ врачомъ, жалкимъ мужемъ, жалкимъ и злополучнымъ всегда и во всемъ. И это безъ всякаго нелѣпаго преувеличенія. Онъ остается крайне правдивъ и естественъ. Онъ даже симпатиченъ, бѣдняга. Онъ внушаетъ подъ конецъ жалость и нѣжность. Онъ только глупъ, тогда какъ оба любовника Эммы, Рудольфъ и Леонъ, жестокіе эгоисты. Какъ далеки они отъ влюбленныхъ идеалистической школы! Вотъ любовь, какою ее видѣлъ авторъ; вотъ она молодость, чувственность, случай—все, чтó наталкиваетъ на незаконную любовь, изъ десяти разъ девять. Сколькимъ мужчинамъ, будь они откровенны, пришлось бы сознаться, что они сходились въ жизни съ одной или двумя Эммами? Все въ этихъ связяхъ, слѣдующихъ одна за другой, плоско и удивительно; это документъ изъ людской жизни поразительной правды, страница, вырванная изъ исторіи нашего общества. Этотъ Рудольфъ, этотъ Леонъ, — да это типичный мужчина, дюжинный мужчина, если хотите. Наша новая литературная школа, утомясь героями и ихъ лживостью, сообразила, что ей стóитъ только нагнуться, разоблачить перваго встрѣчнаго, чтобы создать нѣчто страшное и великое. Я не знаю ничего страшнѣе сцены, гдѣ Рудольфъ обсуждаетъ, увлечься ли ему Эммой, или нѣтъ, затѣмъ бросаетъ ее, когда она ему надоѣдаетъ. Или еще той, гдѣ Леонъ, робкій влюбленный въ первыхъ главахъ романа, дѣлается преемникомъ Рудольфа, утопаетъ по уши въ наслажденіяхъ до той минуты, когда страхъ испортить свою будущность и просьба дать денегъ обращаютъ его въ серьёзнаго человѣка.

Точно такъ, какія страшныя и трогательныя слова, слова, сказанныя Бовари Рудольфу, по смерти жены: „я не сержусь на васъ“.

Въ этомъ высказался весь горемыка. Въ нашей литературѣ не существуетъ слова, болѣе глубокаго, болѣе обнажающаго бездну слабости и доброты, нѣдрящихся въ сердцѣ человѣческомъ. Откровенное признаніе фактовъ такими, каковы они въ дѣйствительности, и вѣрная оцѣнка каждой подробности—вотъ въ чемъ заключается весь секретъ могучаго обаянія, производимаго этимъ произведеніемъ, сильнѣе захватывающаго духъ, чѣмъ всевозможныя фикціи.

Къ несчастію, у меня нѣтъ мѣста для подробной оцѣнки каждаго изъ его романовъ. Я невольно долженъ быть неполонъ. Такія книги—цѣлые міры. Въ „Madame Bovary" есть цѣлый рядъ второстепенныхъ лицъ, которыхъ нельзя забыть: сельскій патеръ, облѣнившійся въ своемъ ремеслѣ; провинціальные маніаки, ведущіе существованіе моллюсковъ; необыкновенное общество, крайне любопытное для изученія, какъ семейство мокрицъ или таракановъ. Но особенно выдается фигура аптекаря Голіе, олицетвореніе нашего Жоржа Прюдомма. Голіе выражаетъ собой провинціальную спѣсь, ученость захолустья, самодовольную глупость цѣлаго края. Съ этимъ вмѣстѣ онъ прогрессистъ, свободномыслящій человѣкъ, врагъ іезуитовъ. Онъ даетъ своимъ дѣтямъ знаменитыя имена: Наполеонъ и Аталія. Онъ публиковалъ брошюру: *О сидрѣ, его производствѣ и его качествахъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ размышленій объ этомъ предметѣ*. Онъ пишетъ въ „Руанскомъ Маякѣ". Типъ до того рельефенъ, что имя Голіе стало нарицательнымъ, оно характеризуетъ извѣстный классъ глупцовъ. Я, съ своей стороны, не могу войти въ деревенскую аптеку безъ того, чтобы не искать позади прилавка величественнаго г. Голіе, въ туфляхъ, въ фригійскомъ колпакѣ, перебирающаго свои медикаменты съ снисходительной важностью человѣка, которому знакомы ихъ латинскія и греческія названія.

Въ массѣ публики одно обстоятельство придало „Madame Bovary" громкую извѣстность. Прокуратура вздумала преслѣдовать автора по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности и религіи. Тогда свирѣпствовала чопорность первыхъ годовъ имперіи. Я не могу умолчать объ этомъ процессѣ, принадлежащемъ къ исторіи нашей литературы. Шумъ преній наполнялъ всѣ журналы, и Флоберъ вышелъ изъ этого испытанія прославленнымъ, популярнымъ, признаннымъ главою новой школы. Вотъ одинъ изъ удачныхъ походовъ правосудія. Обвинительный актъ наполеоновскаго прокурора, Эрнеста Пинара, весьма любопытный документъ. Флоберъ публиковалъ его при послѣднемъ изданіи своего романа, и въ настоящее время нельзя читать его безъ глубокаго удивленія. Мастерское произведеніе нашей литературы признается въ немъ преступленіемъ. Наполеоновскій адвокатъ пишетъ на него жалчайшую и шутовскую критику, нападаетъ на прекраснѣйшія страницы, барахтается въ искусствѣ, какъ

сбитый съ толку чиновникъ, и высказываетъ по поводу литературы рѣзкія осужденія, которыя ему слѣдовало бы приберечь для случаевъ грабежа и убійства. Нѣтъ ничего потѣшнѣе серьёзнаго человѣка, берущагося не за свое дѣло, воображающаго, что ему слѣдуетъ летѣть на помощь нравственности, на которую никто не думаетъ нападать. Эрнестъ Пинаръ, игравшій позднѣе довольно жалкую политическую роль, навѣки опозорился. Потомство будетъ помнить о немъ только одно: что онъ пытался вычеркнуть изъ нашей литературы одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній нынѣшняго столѣтія. Флоберъ, послѣ блистательной защиты Сенара, былъ оправданъ. Искусство вышло торжествующимъ изъ этой борьбы. Но, высказавъ оправдательный приговоръ, шестая палата исправительнаго суда въ Парижѣ сочла необходимымъ высказать свое мнѣніе о натуральной школѣ и современномъ романѣ. Вотъ одна изъ заключительныхъ статей приговора: „принимая во вниманіе, что не позволительно, подъ предлогомъ изображенія характера или мѣстныхъ нравовъ, воспроизводить въ ихъ уклоненіяхъ дѣйствія, слова и манеры лицъ, которыхъ писатель поставилъ себѣ задачей описать; что подобная система, примѣняемая къ произведеніямъ ума, равно какъ и къ произведеніямъ искусства, привела бы къ реализму, который былъ бы отрицаніемъ красоты и добра, и который, порождая творенія, равно оскорбительныя для взоровъ, какъ и для ума, наносилъ бы непрестанныя оскорбленія общественной нравственности и добрымъ нравамъ...“

Итакъ, реализмъ осужденъ судомъ исправительнаго трибунала. Слава Богу! все наше поколѣніе писателей перешло черезъ него, все дальше и дальше шло на пути изысканія истины, анализа человѣка, изображенія страстей. Такіе приговоры не могутъ задержать развитія человѣческой мысли.

Я заговорился о „Madame Bovary“ и отведу гораздо меньше мѣста „Éducation sentimentale“. Въ этомъ второмъ романѣ Флоберъ расширилъ свои рамки. Сюжетомъ его была уже не одна жизнь женщины, и дѣйствіе происходило не въ уголку Нормандіи. Авторъ описывалъ цѣлое поколѣніе и охватывалъ историческій періодъ времени отъ 1840 г. по 1852 г. Рамками ему служили медленная и тревожная агонія іюльской монархіи, лихорадочное существованіе республики 1848 г., перемежаемое ружейными выстрѣлами въ февралѣ, іюнѣ и декабрѣ. Среди этихъ декорацій онъ помѣстилъ людей, съ которыми сталкивался въ юности, своихъ современниковъ, цѣлую толпу, озабоченную, живущую жизнью той эпохи. Это сочиненіе—единственный истинно-историческій романъ, какой я знаю, единственный правдивый, точный, законченный, гдѣ воскрешеніе прошлаго произведено не на живую нитку. Для тѣхъ, кто знаетъ, какую тщательность вноситъ

Флоберъ въ изученіе малѣйшихъ подробностей, такая попытка представляется колоссальной. Но планъ самой книги дѣлалъ исполненіе еще затруднительнѣе. Флоберъ не хотѣлъ вводить никакой романической фикціи, вокругъ которой бы вертѣлось все дѣйствіе. Онъ хотѣлъ изобразить жизнь день за день, такою, какою она представляется со всей цѣпью мелкихъ, будничныхъ явленій, изъ которыхъ въ концѣ-концовъ слагается сложная и страшная драма. Нѣтъ эпизодовъ, искусно подготовленныхъ, а кажущаяся разрозненность фактовъ, обычная сумятица событій, лица попадаются на встрѣчу, затѣмъ теряются изъ виду, потомъ снова попадаются, пока не скажутъ своего послѣдняго слова; все фигуры прохожихъ, толкающихся на ближайшемъ тротуарѣ. Это было однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ, самыхъ смѣлыхъ, самыхъ трудныхъ для выполненія замысловъ, какіе только проявлялись въ нашей литературѣ, у которой не было недостатка въ смѣлости. Флоберъ довелъ свой планъ до конца съ тѣмъ мастерствомъ, которое составляетъ его силу.

Но это не все. Самое большое затрудненіе въ „Éducation sentimentale“ происходило отъ выбора дѣйствующихъ лицъ. Флоберъ захотѣлъ изобразить въ немъ то, что происходило у него на глазахъ въ описываемые имъ годы, постоянное разложеніе человѣчества, непроходимое и нескончаемое царство глупости. Настоящимъ заглавіемъ книги было: „Les Fruits secs“. Всѣ его лица дѣйствуютъ въ пустотѣ, вертятся, какъ флюгарки, бросаютъ добычу въ погонѣ за тѣнью, мельчаютъ съ каждымъ новымъ приключеніемъ и идутъ къ ничтожеству;—кровавая сатира по сущности, страшное изображеніе растеряннаго, сбитаго съ толку общества, живущаго со дня на день, грозная книга, гдѣ пошлость принимаетъ эпическіе размѣры, гдѣ человѣчество пріобрѣтаетъ значеніе муравейника, гдѣ безобразное, мелкое, ничтожное царитъ и мечется въ глаза. Это храмъ изъ чуднаго мрамора, возведенный въ честь ничтожества. Изъ всѣхъ произведеній Флобера, это безъ сомнѣнія самое субъективное, всего шире задуманное, то, которое стóило ему наибольшаго труда и которое долго будетъ оставаться непонятымъ.

Разборъ „Éducation sentimentale“ невозможенъ. Нужно было бы прослѣдить дѣйствіе, страница за страницей; въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ фактовъ и лицъ. Однако я могу объяснить въ нѣсколькихъ строкахъ то, что подало автору мысль озаглавить—и надо сознаться довольно неудачно—такъ свое произведеніе. Его герой—если только это герой — молодой человѣкъ, Фредерикъ Моро, натура мелкая и слабая, съ сильно развитой чувственностью, но съ слабой волей, которая не позволяетъ ему удовлетворять ей. Четыре женщины содѣйствуютъ его сантиментальному воспитанію: одна честная женщина, которая замужемъ и у ногъ которой онъ расходуетъ всѣ свѣжія и

юныя силы свои; куртизанка, не могущая его удовлетворить и которой онъ отдаетъ свои зрѣлые годы; знатная дама, тщеславная мечта, отъ которой онъ пробуждается съ отвращеніемъ и презрѣніемъ; маленькая дикарка, фантастическое существо, которое одинъ изъ его друзей перебиваетъ у него. И послѣ того какъ всѣ эти четыре любви: истинная, чувственная, тщеславная и инстинктивная пытались образовать изъ него мужа, онъ въ одинъ прекрасный вечеръ сидитъ, постарѣвшій, у камина вмѣстѣ съ товарищемъ своего дѣтства, Делорье. Этотъ послѣдній добивался власти такъ же безплодно, какъ и Фредерикъ счастливой любви. Тогда оба, оплакивая отлетѣвшую молодость, вспоминаютъ, какъ о лучшемъ днѣ своей жизни, одно весеннее утро, когда они отправились къ публичнымъ женщинамъ, но не осмѣлились переступить за ихъ порогъ. Сожалѣніе о желаніяхъ и цѣломудріи шестнадцатилѣтняго возраста—вотъ единственный результатъ этого любовнаго воспитанія.

Я едва успѣю указать въ толпѣ лицъ нѣсколько силуэтовъ: Арну, дѣлецъ той эпохи, поочередно продавецъ картинъ, фабрикантъ фаянса, торговецъ священными предметами, бѣлокурый провансалецъ, лгунишка, милый человѣкъ, обманывающій жену съ умиленіемъ, разоряющійся, изобрѣтая самые хитрые проекты къ обогащенію. Дамбрёзъ, крупный землевладѣлецъ, банкиръ и политическій дѣятель, олицетворяющій собою всѣ низости и безсовѣстность денежныхъ людей. Мартинонъ—торжество глупости, надутое и прилизанное ничтожество, будущій сенаторъ, не изъ щекотливыхъ, ухаживающій за тетками, чтобы жениться на племянницахъ. Кежинбаръ, политикъ задняго двора, шутовская и зловѣщая фигура господина въ толстомъ пальто, неизвѣстно откуда взявшагося, который торчитъ въ однѣхъ и тѣхъ же кофейняхъ, въ одни и тѣ же часы, напуская на себя молчаливую хандру и пріобрѣтающій славу человѣка весьма глубокаго ума, благодаря двумъ-тремъ фразамъ, которыя онъ произноситъ иногда о положеніи дѣлъ въ странѣ. Я вынужденъ ограничиться этимъ. А сколько сценъ, сколько картинъ законченныхъ, характеризующихъ эпоху съ ея искусствомъ, политикой, нравами, удовольствіями, пороками! Тутъ есть вечера въ большомъ свѣтѣ и въ полу-свѣтѣ; дружескіе завтраки, дуэль, прогулка на скачки, клубъ 1848 г., баррикады, уличная схватка, взятіе Тюльери, очаровательный эпизодъ любви въ лѣсу Фонтенбло, внутренняя буржуазная обстановка очаровательной женщины, жизнь цѣлаго народа.

Въ „Éducation sentimentale“ Флоберъ съ наибольшей опредѣленностью выразилъ новыя литературныя правила, введенныя имъ: отрицаніе романтическаго элемента въ интригѣ, низведеніе героевъ съ пьедестала, вѣрность оцѣнки мельчайшихъ явленій; въ этомъ произведеніи онъ оригиналенъ до послѣдней степени; я увѣренъ, что

оно стóило ему наибольшихъ усилій, потому что здѣсь онъ всего усерднѣе занялся изображеніемъ человѣческаго безобразія, и никогда лирику, живущему въ немъ, не приходилось вѣроятно такъ тяжко. Въ этомъ длинномъ трудѣ, самомъ длинномъ изъ всѣхъ, написанныхъ имъ, онъ ни разу не вышелъ изъ опредѣленныхъ границъ. Онъ прямо шелъ къ цѣли, несмотря на всю скуку задачи, не вставлялъ, какъ Бальзакъ, цѣлыя разсужденія, въ которыхъ еще можно облегчить свою душу, а велъ непрерывную нить повѣствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ также безжалостенъ къ самому себѣ, какъ и къ глупымъ людямъ, которыхъ изображалъ.

IV.

Приступаю теперь къ „Salammbô“ и „La Tentation de Saint-Antoine“, двумъ произведеніямъ, гдѣ представлялась для лирическаго поэта полная возможность развернуться. Флоберъ—восточный поэтъ, перенесенный въ чуждый ему край. Чувствуешь, что онъ особенно счастливъ тогда, когда можетъ писать яркими красками, не прибѣгая ко лжи. Произведенія особенно для него дорогія, тѣ, которыя онъ создавалъ безъ всякаго утомленія, несмотря на громадныя изслѣдованія, какія они должны были повлечь за собою,—это „Salammbô“ и „La Tentation de Saint-Antoine“.

Въ одномъ письмѣ къ Сентъ-Бёву онъ даетъ драгоцѣнное указаніе по поводу перваго изъ этихъ произведеній.

„Я хотѣлъ дать крѣпкую форму миражу, — говоритъ онъ,—примѣнивъ къ древности правила современнаго романа“. Ходъ дѣйствія, дѣйствительно, какъ и въ „Madame Bovary“, состоитъ изъ цѣлаго ряда картинъ, эпизодовъ, гдѣ дѣйствующія лица сами характеризуютъ себя своими словами и поступками. Но только изученіе среды выступаетъ на первый планъ, драма стѣснена великолѣпіемъ рамокъ, описанія занимаютъ больше мѣста, чѣмъ анализъ. Тутъ мы также имѣемъ дѣло съ человѣчествомъ, вывернутымъ наизнанку; но только это люди иного міра, иной цивилизаціи, описаніе которой должно было соблазнить такого живописца, какъ Флоберъ.

Въ нашей литературѣ не существуетъ вступленія которое могло бы соперничать съ первой главой „Salammbô“. Это какое-то волшебство. Наемныя войска пируютъ въ садахъ Гамилькара, празднуя годовщину побѣды при Эриксѣ. Грубость и обжорство солдатъ, великолѣпіе стола, странныя блюда, убранство сада съ мраморнымъ дворцомъ въ глубинѣ и четырьмя террасами, пріобрѣтаютъ удивительный блескъ въ этомъ мощномъ и колоритномъ слогѣ, гдѣ каждое слово

производитъ должное впечатлѣніе. Но вотъ появляется Саламбô, спускающаяся съ лѣстницы дворца и идущая оплакивать священныхъ рыбъ, убитыхъ въ садахъ наемниками. Тутъ возникаетъ ревнивое соперничество ливійца Мато и нумидійскаго военачальника Наргаваса, до безумія влюбляющихся въ дочь Гамилькара. Я не могу, къ несчастію, даже вскользь привести великія страницы романа, и самое бóльшее, если могу себѣ позволить разсказать въ нѣсколькихъ строкахъ общій планъ. Карѳагенъ, ослабѣвшій, боится наемныхъ войскъ, помогавшихъ ему въ послѣднія войны; ему нечѣмъ заплатить имъ, и онъ не знаетъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Гамилькаръ, полководецъ ихъ, куда-то скрылся. Тогда послѣ пира, которымъ начинается романъ, Карѳагенъ посылаетъ ихъ въ Сикку, и запираетъ за ними ворота. И вотъ тутъ-то Спендіусъ, невольникъ грекъ, котораго освободилъ Мато, изъ мщенія направляетъ наемниковъ на городъ. Въ то же самое время онъ поощряетъ страсть ливійца, котораго Саламбô околдовала. Онъ проводитъ его въ Карѳагенъ, черезъ каналъ одного акведука, и убѣждаетъ украсть священный плащъ Таниты, который дѣлаетъ невидимымъ. Мато, укутанный въ плащъ, видится съ Саламбô; она отталкиваетъ его, проклинаетъ, и онъ проходитъ по городу подъ прикрытіемъ плаща, среди жителей, которые смотрятъ, какъ уходитъ ихъ счастіе. Наемники разбиваютъ градоправителя Ганнона, республика наканунѣ своей погибели, когда возвращается Гамилькаръ. Онъ одерживаетъ надъ мятежными солдатами побѣду при Мадарѣ, но усилія его остались бы тщетными быть можетъ, еслибы Саламбô, подстрекаемая Шахобаримомъ, великимъ жрецомъ евнухомъ Таниты, не отдалась бы Мато въ его палаткѣ. Затѣмъ, во время его сна, она убѣгаетъ, унося съ собой священный плащъ. Тѣмъ временемъ Спендіусъ снова грозитъ погубить городъ, отведя отъ него воду. Тутъ находится великолѣпный эпизодъ, человѣческое жертвоприношеніе Молоху, съ цѣлью умилостивить бога; у Гамилькара требуютъ его сына Ганнибала, котораго онъ воспитываетъ въ тайнѣ и котораго ему удается спасти. Затѣмъ идетъ дождь; Наргавасъ измѣняетъ Мато, съ которымъ было-заключилъ союзъ; Карѳагенъ спасенъ. Въ заключеніе Гамилькаръ загналъ наемниковъ въ ущелье Гашъ и моритъ ихъ тамъ съ голоду; страшная агонія цѣлой арміи составляетъ одно изъ удивительнѣйшихъ мѣстъ книги. Мато, взятый въ плѣнъ, приговоренъ къ тому, чтобы пройти весь городъ нагимъ, подъ ударами жителей, выстроенныхъ на его пути, и приходитъ весь окровавленный, избитый, умереть у ногъ Саламбô, которой торжествующій Наргавасъ подаетъ брачный кубокъ. Саламбô падаетъ помертвѣлая и окоченѣвшая съ полуоткрытыми губами.

„Такъ умерла дочь Гамилькара за то, что притронулась къ плащу Таниты".

Личность Саламбô одна изъ странностей книги. Въ письмѣ, о которомъ я говорилъ, Флоберъ пишетъ Сентъ-Бёву, упрекавшему его за то, что онъ повторилъ кареагенскую madame Бовари: „вовсе нѣтъ! M-me Бовари волнуема разнообразными страстями; Саламбô, напротивъ того, вся поглощена одной *idée fixe*. Она маніакъ, нѣчто въ родѣ св. Терезы".

И это прекрасно сказано: Саламбô, дѣйствительно, вѣрна одной идеѣ: мы видимъ ее на террассѣ, съ поднятыми къ лунѣ руками, къ этой Танитѣ, которой она поклоняется. Если она отдается Мато, то лишь по совѣту жреца Шахобарима. Она желаетъ спасти свою родину и боговъ, больше ничего. Позднѣе она остается вѣрна тому, кто ею обладалъ. Ее преслѣдуетъ воспоминаніе о немъ, и она чувствуетъ, что отнынѣ принадлежитъ ему, и умираетъ на его трупѣ, отъ ужаса и отчаянія, и спасается такимъ образомъ отъ объятій Наргаваса. Этотъ характеръ такимъ образомъ остается какъ-бы типомъ языческаго мистицизма. Впрочемъ, Флоберъ сознается, что этотъ типъ всецѣло принадлежитъ его фантазіи. „Я не увѣренъ въ его реальности, — говоритъ онъ, — потому что ни вы, ни я, и никто изъ древнихъ или новѣйшихъ людей не можетъ знать восточной женщины, потому что невозможно съ нею познакомиться".

Остальныя лица также всѣ вѣрны себѣ. Мато — животное, поглощенною любовью; она держитъ его въ тискахъ, ослѣпляетъ его и всѣ его поступки совершаются подъ ея вліяніемъ. Спендіусъ хитеръ, какъ грекъ, и злопамятенъ. Гамилькаръ—величественная фигура, нѣсколько мрачная; Наргавасъ очерченъ вскользь; градоправитель Ганнонъ, страдающій проказой, одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ портретовъ книги, трусливый, жестокій, подлый. Сентъ-Бёвъ, упрекавшій Флобера за сложный характеръ его варваровъ, читалъ книгу какими-то странными глазами. Я ихъ нахожу, напротивъ того, цѣльными, руководимыми своими инстинктами, идущими къ одной цѣли. Мы далеки отъ тысячи мелочей въ анализѣ современнаго міра. Мато, сраженный любовью, на первой страницѣ, оглушенъ ею въ теченіе всей книги и наконецъ умираетъ отъ нея. У остальныхъ подобнаго же рода побужденія, всецѣло отдающія ихъ во власть инстинктовъ.

Но сколько великолѣпныхъ сценъ, сколько изумительныхъ описаній! Я уже говорилъ о пирѣ; упомяну еще о воззваніи Саламбô къ лунѣ, посѣщеніи храма Таниты Мато и Спендіусомъ, когда они идутъ похищать священный плащъ, посѣщеніи Гамилькаромъ подземелья, гдѣ онъ прячетъ свои сокровища, битву при Мадарѣ, гдѣ

есть аттака слоновъ, ставшая знаменитой, сцена въ палаткѣ, Саламбô, бросающаяся въ объятія ливійца, жертвоприношеніе Молоху, агонія наемныхъ войскъ въ ущельи Гашъ, наконецъ, безумный бѣгъ Мато, преслѣдуемаго ударами цѣлаго города, но ничего не видящаго, кромѣ Саламбô, и прибѣгающаго умереть у ея ногъ. Эти картины очерчены не съ лирическимъ опьянѣніемъ, съ какимъ набросалъ бы ихъ Викторъ Гюго. Какъ я уже говорилъ, Флоберъ постоянно остается точнымъ писателемъ, владѣющимъ мельчайшими подробностями красокъ, накладываемыхъ имъ. Поэтому онъ придаетъ неподражаемый блескъ всему, что̀ изображаетъ. Золото, драгоцѣнныя каменья, пурпурныя ткани, мраморъ возникаютъ подъ его перомъ, но безъ всякаго излишества. Самыя необыкновенныя вещи: аллеи распятыхъ львовъ, градоправитель Ганнонъ, макающій руки въ крови убитыхъ плѣнныхъ, чтобы вылечиться отъ проказы, пиѳонъ, обвивающій нагіе и прелестные члены Саламбô, цѣлая армія, умирающая съ голода—кажутся естественными и не колятъ глазъ. Все произведеніе написано съ чрезвычайнымъ мастерствомъ, подъ которымъ угадываешь старательное изученіе данныхъ, полное знакомство съ тѣми вещами, которыя авторъ берется описывать. Въ эпоху появленія Саламбô, нѣкто Фрёнеръ, кажется нѣмецъ, напалъ на книгу, обвиняя ее въ невѣрности бо̀льшей части историческихъ подробностей. Флоберъ разсердился, говоря, что предоставляетъ критикѣ разбирать литературную сторону его произведенія, но что намѣренъ отстаивать его историческую и научную сторону. Тогда онъ привелъ списокъ всѣхъ своихъ источниковъ. Списокъ вышелъ чудовищный. Онъ перерылъ всю древность, греческихъ, латинскихъ писателей, все, что̀ хоть сколько-нибудь касалось Карѳагена. Онъ съ такой же тщательностью воспроизвелъ эту отжившую цивилизацію, съ какой описывалъ въ „Éducation sentimentale" февральскіе дни, 1848 г., событія которыхъ проходили у него на глазахъ.

„La Tentation de Saint-Antoine"—послѣдняя книга, изданная Флоберомъ. Она вышла всего года полтора тому назадъ. Это самое странное и блестящее изъ его произведеній. Онъ двадцать лѣтъ положилъ на этотъ трудъ. Постараюсь въ краткомъ разборѣ дать понятіе объ этомъ произведеніи.

Св. Антоній стоитъ на порогѣ своей хижины, на вершинѣ горы, въ Ѳиваидѣ. День погасаетъ. Отшельникъ утомленъ дневными лишеніями, постомъ и трудомъ. И вотъ, въ сумеркахъ онъ изнемогаетъ. Дьяволъ, стерегущій его, убаюкиваетъ его и навѣваетъ ему грѣшные сны. Онъ переживаетъ долгую ночь жестокаго кошмара и жгучаго соблазна. Сначала св. Антоній сожалѣетъ о своемъ дѣтствѣ, о своей невѣстѣ, Аммонаріи, которую онъ нѣкогда любилъ, и вотъ мало-по-малу онъ начинаетъ сѣтовать на свою судьбу; ему хотѣлось

бы быть грамматикомъ и философомъ, солдатомъ, мытаремъ, взимающимъ пошлину у какого-нибудь моста, богатымъ и женатымъ купцомъ. Голоса, несущіеся изъ мрака, предлагаютъ ему женщинъ, груды золота, столы, уставленные кушаньями. То первый приступъ соблазна, грубыя наслажденія, удовлетвореніе животнаго. Онъ мечтаетъ, что онъ довѣренное лицо императора, что онъ всемогущъ. Затѣмъ, видитъ себя въ освѣщенномъ дворцѣ, на пиру Навуходоносора, и, пресытившись яствами и всякими наслажденіями, испытываетъ желаніе превратиться въ животное, ходить на четверенькахъ и мычать, какъ быкъ! Затѣмъ, когда онъ кончилъ бичевать себя за это видѣніе, ему представляется другое: онъ видитъ царицу Сабу, предлагающую ему свои сокровища и свою особу. Потомъ все исчезаетъ, дьяволъ принимаетъ образъ Илларіона, его бывшаго ученика, и колеблетъ въ немъ вѣру. Онъ доказываетъ ему неясность и противорѣчія стараго и новаго завѣта. Онъ проноситъ его черезъ длинный рядъ религій и боговъ: сначала онъ созерцаетъ религіи, сотни ересей, одна чудовищнѣе другой, всѣ формы безумія и неистовства людского; послѣ того появляются боги, цѣлый рядъ боговъ, отвратительныхъ и шутовскихъ, одинъ за другимъ исчезающихъ въ ничтожествѣ, начиная съ кровожадныхъ боговъ первыхъ вѣковъ и кончая поэтическими и великолѣпными богами Греціи. Путешествіе оканчивается въ пространствѣ среди обломковъ міровъ, среди неба современной науки, которую дьяволъ показываетъ отшельнику, сидящему у него на спинѣ и которая ужасаетъ его своей безконечностью. Сатана выросъ и сталъ наукой. Св. Антоній, упавшій на землю, слышитъ ужасающій споръ между Сладострастіемъ и Смертью, между Сфинксомъ и Химерой. Наконецъ онъ исчезаетъ въ толпѣ баснословныхъ животныхъ, земныхъ чудовищъ; онъ спускается все ниже; онъ въ самыхъ нѣдрахъ земли, онъ вселяется въ растенія, которыя суть живыя существа, въ камни, которыя суть растенія. И вотъ его послѣдній крикъ: „я желалъ бы летать, плавать, лаять, мычать, выть. Я желалъ бы имѣть крылья, щитъ, кору, извергать дымъ, носить хоботъ, извивать свое тѣло, распасться на безконечныя части, быть во всемъ, испариться вмѣстѣ съ благоуханіями, развиваться, какъ растенія, течь какъ вода, звучать какъ звукъ, блестѣть какъ свѣтъ, принимать всѣ формы, проникать каждый атомъ, спуститься до самой сущности матеріи—быть матеріей!"

Поэма кончена, ночь наступила. Это не что иное, какъ кошмаръ, разсѣявшійся вмѣстѣ съ мракомъ. Солнце выходитъ и въ его дискѣ сіяетъ образъ Христа. Св. Антоній крестится и снова становится на молитву.

Никто еще не давалъ такой пощечины человѣчеству. Мы теперь далеко оставили за собой скромную сатиру и скрытый смѣхъ „Madame Bovary" и „l'Éducation sentimental". Флоберъ описываетъ уже глупость

не одного какого-нибудь общества, а цѣлаго міра. Взять человѣчество съ колыбели, показать его во всѣ эпохи его существованія въ крови и въ грязи, тщательно отмѣтить каждый его ложный шагъ, доказать его безсиліе, неразуміе и ничтожество—вотъ долго лелѣянная и тщательно подготовленная цѣль автора. Глава, гдѣ онъ показываетъ различныхъ еретиковъ, ужасна; нѣтъ такой мерзости, такого безумія, такой жестокости, которой бы они не выдумали; краткость переходовъ, быстрота разсказа, столько мерзостей и глупостей, скученныхъ на нѣсколькихъ страницахъ, возбуждаютъ головокруженіе и тошноту. А глава съ богами еще ужаснѣе, этой процессіи нѣтъ конца; человѣкъ все обоготворилъ; боги валятся въ грязь, толкая другъ друга; проносятся цѣлыя тысячелѣтія нелѣпыхъ и кровавыхъ вѣрованій, идолы, состоящіе изъ одного чрева, идолы съ звѣриными головами, идолы деревянные, мраморные и картонные, обкрадывая другъ друга и присвоивая себѣ чужія ученія и догматы, борятся со смертью, роковой смертью, уносящей общества съ ихъ религіями—необъятное зрѣлище, безпримѣрная картина безпрерывнаго разрушенія религіозныхъ представленій человѣка. Затѣмъ еще послѣдняя глава, это—успокоеніе Антонія въ матеріи, этотъ вопль желанія въ виду черныхъ и глубокихъ нѣдръ земли, этотъ выводъ о всеобщей боли, о вѣчномъ обманѣ жизни. Даже когда святой снова становится на молитву, то это является только новой ироніей, въ виду міра, опустѣвшаго отъ боговъ; онъ преклоняется по привычкѣ и внушаетъ только безконечную жалость! Флоберъ весь высказался въ этомъ произведеніи. Онъ уступилъ желанію отрицанія, безусловнаго сомнѣнія, осудивъ всѣ религіи въ равной степени, и выказавъ, быть можетъ, нѣкоторую нѣжность только къ греческимъ богамъ красоты. Если онъ остановился на легендѣ св. Антонія, чтобы отвести душу и показать людямъ глупость безумія, въ которомъ они вращаются съ первыхъ дней своего созданія, то это потому только, что тутъ онъ сталкивался лицомъ къ лицу съ древнимъ міромъ, съ Востокомъ, который онъ такъ любитъ и гдѣ ему можно развернуться, и создавать колоссальные и яркіе образы. Избравъ современныя рамки, пришлось бы все умалить и написать комедію вмѣсто поэмы.

„La Tentation de Saint-Antoine" содержитъ мѣста красоты неподражаемой. Я говорилъ объ эпизодѣ съ королевой Саба, насквозь пропитанномъ восточной нѣгой, и гдѣ фразы звучатъ странной музыкой, звукомъ кимваловъ, скрытыхъ за пурпурными драпировками. Я упомянулъ также о пиршествѣ Навуходоносора, гигантской оргіи, залѣ, гдѣ яства возвышаются горами, гдѣ животное, осыпанное драгоцѣнностями, царитъ. Слѣдуетъ прибавить описаніе Александріи, поразительной исторической вѣрности; это—страница, выхвачен-

ная изъ исторіи Египта, гдѣ эта страна оживаетъ съ своими храмами, своими благоуханіями, всей своей угасшей цивилизаціей; наконецъ споръ Сфинкса и Химеры, двухъ чудищъ безпрерывно терзающихъ человѣка, мрачной загадки, прикованной къ землѣ крылатой фантазіи, ударяющейся лбомъ о звѣзды.

Такое произведеніе, — я говорю только о художественномъ замыслѣ и выполненіи, не касаясь философской стороны, которая бы увлекла меня слишкомъ далеко—могло выдти изъ-подъ пера великаго писателя, величайшаго, какого только насчитываетъ въ настоящую минуту наша литература. Флоберъ, несмотря на колебанія публики и недоумѣніе критики, высказался въ немъ еще крупнѣйшимъ талантомъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

V.

Не могу окончить настоящаго этюда, не приведя нѣсколькихъ страницъ изъ сочиненій Флобера. Надо подтвердить мой разборъ примѣромъ. Это пополнитъ тотъ пробѣлъ, какой я могъ все-таки оставить.

Я выбралъ изъ „Éducation sentimêntal" довольно длинный эпизодъ о наводненіи Тюльери народомъ въ февралѣ 1848 г. Читатели увидятъ, какимъ живымъ языкомъ пишетъ авторъ исторію. Въ этомъ отрывкѣ отразился весь современный романъ, съ его точностью, его превосходной формой, его искуснымъ анализомъ людей, явленій и вещей.

„Фредерикъ поневолѣ остановился передъ Пале-Рояльской площадью. Ее наполняли вооруженныя группы, роты пѣхоты занимали улицы Сентъ-Томá и Фромантю. Громадная баррикада запирала улицу Валуа. Дымъ, носившійся надъ ея верхушкой, разсѣялся; люди бѣгали по ней, махая руками; затѣмъ исчезали; затѣмъ ружейный огонь возобновился. Гауптвахта отвѣчала на нихъ, хотя никого не было видно внутри, потому что ея окна, защищенныя дубовыми ставнями, были пробиты бойницами; а монументъ, съ его двумя этажами, двумя флигелями, его фонтаномъ внизу и маленькой дверцой посрединѣ, начиналъ пятнаться маленькими бѣлыми пятнышками подъ градомъ пуль. Его крыльцо изъ трехъ ступенекъ было пусто.

„Возлѣ Фредерика человѣкъ въ фригійской шапкѣ и съ патронташемъ, переброшеннымъ поверхъ вязаной куртки, ссорился съ женщиной, повязанной платкомъ. Она ему говорила:

— Да пойдемъ домой! пойдемъ же!

— Оставь меня въ покоѣ!—отвѣчалъ мужъ.—Ты и одна можешь управиться въ сторожкѣ. Граждане, спрашиваю васъ, развѣ это справедливо? Я всегда выполнялъ свой долгъ и въ 1830 г. и 1832 г., и въ 1834 и 1839 г. Сегодня дерутся! и я долженъ драться!—Убирайся.

„Привратница уступила, наконецъ, его доводамъ и доводамъ на-

ціональгарда, стоявшаго возлѣ нихъ, восьмидесятилѣтняго старика, добродушное лицо котораго окаймлялось узкой бѣлой бородой. Онъ заряжалъ ружье и стрѣлялъ, разговаривая вмѣстѣ съ тѣмъ съ Фредерикомъ, такой же спокойный среди возстанія, какъ садовникъ въ своемъ саду. Между тѣмъ молодой мальчикъ, одѣтый въ дерюгу, умолялъ его дать ему патроновъ, чтобы пустить въ дѣло ружье, красивый охотничій карабинъ, данный ему однимъ „господиномъ“.

— Возьми ихъ въ моемъ патронташѣ и уходи! тебя убьютъ!

„Барабаны били приступъ. Раздавались пронзительные крики, слышалось восторженное ура! Толпа постоянно прибывала. Фредерикъ, притиснутый съ обѣихъ сторонъ, не трогался съ мѣста, очарованный; ему было очень весело. Раненые, падавшіе около него, мертвецы, лежавшіе тутъ же, не походили на настоящихъ раненыхъ или мертвецовъ. Ему казалось, что онъ присутствуетъ на какомъ-то спектаклѣ.

„Среди всей этой массы людей, надъ всѣми этими головами виднѣлся старикъ, одѣтый въ черное, верхомъ на бѣлой лошади и на бархатномъ сѣдлѣ. Въ одной рукѣ у него была зеленая вѣтвь, а въ другой бумага, и онъ упорно махалъ обѣими. Наконецъ, отчаявшись добиться слова, удалился.

„Линейныя войска ушли, и одни муниципальные солдаты оставались для обороны гауптвахты. Толпа храбрецовъ бросилась на крыльцо; ихъ положили на мѣстѣ; другіе заняли ихъ мѣсто, и дверь затрещала подъ ударами желѣзныхъ ломовъ; муниципальные солдаты не сдавались. Но вотъ подкатили къ стѣнамъ коляску, наложенную сѣномъ и пылавшую какъ громадный факелъ. Притащили поспѣшно дровъ, соломы, боченокъ съ водкой. Огонь принялся лизать камни; зданіе задымилось и пламя съ трескомъ прорывалось между стропилъ террассы. Первый этажъ Пале-Рояля былъ занятъ національгардами. Изъ всѣхъ оконъ, выходившихъ на площадь, стрѣляли; пули свистали; вода разбитаго фонтана смѣшалась съ кровью и образовала лужи на землѣ; ноги скользили по грязи, натыкались на обломки, обрывки платья, каски и оружіе. Фредерикъ почувствовалъ подъ ногою что-то мягкое; то была рука сержанта въ сѣрой шинели, лежавшаго лицомъ въ грязи. Но новыя толпы народа постоянно прибывали, толкая осаждающихъ въ дверямъ. Перестрѣлка становилась торопливѣе. Винные погребки открылись; время отъ времени сражающіеся уходили въ нихъ выкурить трубку, выпить кружку пива, потомъ снова уходили драться. Заблудившаяся собака выла. Это смѣшило нѣкоторыхъ.

„Фредерикъ едва удержался на ногахъ; на него навалился человѣкъ, сраженный пулей; голова его упала ему на плечо, и онъ захрипѣлъ. Этотъ выстрѣлъ, направленный быть можетъ въ него, разъ-

арилъ его; онъ бросился-было впередъ, но его остановилъ одинъ націоналистъ.

— Безполезно! король уѣхалъ.—Ахъ! если вы мнѣ не вѣрите,—такъ ступайте поглядите!

„Это заявленіе угомонило Фредерика.

„Площадь Карусели приняла спокойный видъ. На ней по прежнему одиноко стоялъ Нантскій отель; и домà позади него, крыша Лувра напротивъ, длинная деревянная галерея направо и все пространство вплоть до балагановъ торговцевъ какъ-бы утопало въ сѣроватой дымкѣ, и отдаленный говоръ смѣшивался съ сумерками,—между тѣмъ какъ по другую сторону площади, рѣзкій свѣтъ, пробивавшійся сквозь облака и падавшій на фасадъ Тюльери, озарялъ его окна бѣлымъ свѣтомъ. Возлѣ тріумфальной арки валялась мертвая лошадь. Позади рѣшетки группы въ пять-шесть человѣкъ разговаривали. Двери дворца были раскрыты; слуги, стоявшіе на порогѣ, пропускали всѣхъ.

„Внизу, въ маленькой залѣ, подавали стаканы кофе. Нѣсколько зѣвакъ шутливо разсѣлись; другіе стояли, и между ними какой-то извозчикъ. Онъ схватилъ обѣими руками стаканъ съ мелкимъ сахаромъ и, безпокойно оглядѣвшись вокругъ себя, принялся жадно ѣсть сахаръ.

„Въ сѣняхъ парадной лѣстницы кто-то вписывалъ свое имя въ книгу. Фредерикъ узналъ его.

— Это ты, Гюссоне?

— Я самый!—отвѣчалъ гуляка.—Я представляюсь ко двору. Вотъ забавная штука, неправда ли?

— Пойдемъ наверхъ.

„И они вошли въ залу маршаловъ.

„Портреты этихъ знаменитостей, за исключеніемъ портрета Бюжó, проткнутаго въ животъ, были нетронуты. Они опирались на сабли,—позади нихъ возвышался лафетъ пушки, — въ грозныхъ позахъ, не подходившихъ къ настоящей обстановкѣ. Большіе стѣнные часы показывали двадцать минутъ втораго.

„Но вдругъ раздалась Марсельеза. Гюссоне и Фредерикъ перегнулись черезъ перила. То былъ народъ.

„Онъ бросился вверхъ по лѣстницѣ; показался одуряющій потокъ обнаженныхъ головъ, касокъ, красныхъ шапокъ, штыковъ, плечъ, въ которомъ нельзя было ничего разобрать; отдѣльныя лица терялись въ этой клокочущей массѣ, все прибывавшей, подобно рѣкѣ, гонимой морскимъ приливомъ, съ продолжительнымъ ревомъ и съ неудержимой силой. Затѣмъ, дойдя до верху, она разлилась по покоямъ и пѣніе замолкло.

„Слышался только топотъ ногъ и говоръ голосовъ. Безобидная толпа довольствовалась тѣмъ, что глядѣла.

„Но время отъ времени въ давкѣ кто-нибудь придавливалъ локтемъ стекло въ окнѣ или же какая-нибудь ваза или статуэтка скатывалась на полъ. Деревянныя перегородки трещали. Всѣ лица были красны; потъ катился градомъ; Гюссоне замѣтилъ:

— Герои не хорошо пахнутъ!

— Ахъ! какой вы несносный!—возразилъ Фредерикъ.

„И, увлекаемые толпой, они вошли въ покой, гдѣ съ потолка спускался красный, бархатный балдахинъ. На тронѣ, стоявшемъ подъ нимъ, сидѣлъ пролетарій съ черной бородой, съ растегнутой рубашкой, съ улыбающимся и глупымъ, какъ у глиняной куклы, лицомъ. Другіе всходили по ступенькамъ, чтобы сѣсть на его мѣсто.

— Вотъ миѳъ!—сказалъ Гюссоне.—Передъ нами самодержавный народъ!

„Кресло было подхвачено нѣсколькими руками и пронесено по залѣ, причемъ сильно качалось.

— Ишь ты! какъ качается! Кормило правленія стало игрушкой бурнаго моря! Эхъ! какъ оно подпрыгиваетъ, вотъ такъ подпрыгиваетъ!

„Кресло поднесли къ окну и среди свистковъ выкинули вонъ.

— Бѣдный старина!—произнесъ Гюссоне, видя, какъ оно упало въ садъ, гдѣ его живо подхватили, чтобы донести до Бастиліи и тамъ сжечь.

„Тогда вдругъ раздались крики буйной радости, точно на мѣсто трона взошла заря безграничнаго счастія, и народъ, не столько изъ мести, сколько затѣмъ, чтобы заявить о своемъ владычествѣ, перебилъ зеркала, порвалъ занавѣсы, поколотилъ люстры, канделябры, поломалъ столы, стулья, табуреты, всю мебель и даже альбомы съ рисунками и рабочія корзинки съ канвовымъ шитьемъ. Развѣ побѣдителямъ нельзя позабавить себя! Чернь съ ироніей нарядилась въ кружева и кашемиры. Золотая бахрома болталась вокругъ рукавовъ блузъ, шляпы съ страусовыми перьями красовались на головахъ кузнецовъ. Ленты Почетнаго Легіона послужили поясомъ для проститутокъ. Каждый удовлетворялъ своему капризу; одни плясали, другіе пили. Въ комнатѣ королевы одна женщина помадила себѣ волосы за ширмами; два любителя играли въ карты. Гюссоне показалъ Фредерику на субъекта, курившаго трубку на балконѣ. И опьянѣніе все росло; слышался непрерывный трескъ разбитаго фарфора и хрусталя, звенѣвшаго какъ пластинки гармоники.

„Вскорѣ народная ярость приняла болѣе мрачный характеръ. Съ циничнымъ любопытствомъ принялась толпа шарить всѣ углы, всѣ закоулки, отпирала всѣ ящики. Каторжники запускали голыя руки въ постели принцессъ и валялись на нихъ. Другіе, съ болѣе зловѣщими лицами, молчаливо бродили, ища что-нибудь украсть; но толпа была слишкомъ велика. Въ раскрытыя двери виднѣлось, вдоль анфилады

покоевъ, темная масса народа, среди позолоты, въ облакѣ пыли. Грудь тяжело вздымалась; жара становилась все удушливѣе, и оба друга, боясь задохнуться, вышли вонъ.

„Въ передней, на грудѣ платья, стояла публичная женщина, изображая статую свободы,—неподвижная, съ широко-раскрытыми глазами, страшная.

„Они прошли всего какихъ-нибудь три шага, когда имъ встрѣтился отрядъ муниципальныхъ сержантовъ въ шинеляхъ; они, снявъ свои полицейскія шапки и обнаживъ слегка плѣшивыя головы, низко поклонились народу. При этомъ заявленіи почтенія оборванные побѣдители пріосанились. Самимъ Гюссоне и Фредерику это доставило нѣкоторое удовольствіе.

„Ими овладѣло какое-то волненіе. Они вернулись въ Пале-Рояль. Передъ улицей Фроманто, трупы солдатъ лежали на соломѣ. Они безстрастно прошли мимо, гордясь, что не робѣютъ.

„Дворецъ былъ биткомъ набитъ. Во внутреннемъ дворѣ пылали семь костровъ. Въ окна выбрасывали фортепіано, комоды и часы. Пожарныя трубы накачивали воду до самыхъ крышъ. Нѣсколько шелопаевъ пытались перерѣзать рукава саблями. Фредерикъ убѣждалъ одного политехника вмѣшаться. Но политехникъ не понялъ, да и вообще казался совсѣмъ глупъ. Кругомъ чернь, завладѣвъ погребами, упивалась до безконечности. Вино текло ручьями; мочило ноги; мазурики пили его прямо изъ горлышекъ бутылокъ и изрыгали ругательства.

— Пойдемъ вонъ,—сказалъ Гюссоне,—этотъ народъ мнѣ противенъ.

Вдоль Орлеанской галлереи раненые лежали на полу на матрацахъ, покрытые вмѣсто одѣялъ пурпуровыми занавѣсками, и женщины приносили имъ бульонъ, бѣлье.

— Нужды нѣтъ! — произнесъ Фредерикъ, — я все-таки нахожу народъ великимъ.

„Большія сѣни кишили свирѣпыми лицами; толпа хотѣла пробраться въ верхніе этажи, чтобы окончательно все разрушить тамъ; національгарды на ступеняхъ старались удержать ихъ. Самымъ неустрашимымъ казался какой-то егерь, съ обнаженной головой, взъерошенными волосами, въ разорванномъ мундирѣ. Рубашка просовывалась между его панталонами и мундиромъ, и онъ съ остервенѣніемъ рвался впередъ. Гюссоне, очень дальнозоркій, издали узналъ Арну.

„Послѣ этого они прошли въ Тюльерійскій садъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ.

„Они сѣли на скамейку и просидѣли нѣсколько минутъ съ полуоткрытыми глазами, одурѣвъ такъ, что не имѣли силы говорить.

„Вокругъ нихъ толпились прохожіе. Герцогиня орлеанская провозглашена была регентшей; все было кончено и всѣми овладѣвало

то чувство успокоенія, которое наступаетъ вслѣдъ за быстрыми развязками, когда въ каждой изъ дворцовыхъ мансардъ показались лакеи, разрывавшіе свои ливреи. Они бросали ихъ въ садъ, въ знакъ того, что отрекаются отъ прежней роли. Народъ ихъ освисталъ. Они скрылись".

VI.

Мнѣ остается указать, какъ относится публика къ Флоберу.

Я говорилъ, что успѣхъ „Madame Bovary" былъ поразительный. Въ какую-нибудь недѣлю Флоберъ сталъ извѣстенъ, знаменитъ, популяренъ. Нельзя привести другого примѣра, чтобы въ нашъ вѣкъ, когда двадцать произведеній съ трудомъ доводятъ имя автора до свѣдѣнія публики, человѣку сразу удалось составить себѣ имя. И то была не одна популярность, но слава. Его поставили въ первомъ ряду, во главѣ современныхъ романистовъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двадцати лѣтъ онъ сохранялъ вокругъ чела ореолъ этого перваго успѣха.

Но публика выместила на немъ эту славу. Можно подумать, что она захотѣла наказать его за откровенный, неудержимый восторгъ, возбужденный „Madame Bovary". Каждая новая книга его встрѣчала самую рѣзкую критику, и эта злопамятность, эта враждебность критики все усиливалась съ каждымъ новымъ произведеніемъ. „Salammbô" произвела еще громкій шумъ, среди котораго уже слышалось много насмѣшекъ. „L'Éducation sentimentale"—это произведеніе, столь сложное и столь глубокое, вышедшее въ эпоху предсмертной агоніи имперіи—прошло почти незамѣченнымъ среди отупѣлаго равнодушія. Наконецъ, въ послѣднее время „La Tentation de Saint-Antoine" встрѣтило ожесточенныя нападки, и не нашлось ни одного серьёзнаго критика, который бы осмѣлился разобрать произведеніе серьёзно и указать на его дивныя красоты. Печальная истина заключается въ слѣдующемъ: произведенія Флобера проникнуты слишкомъ глубокимъ убѣжденіемъ и слишкомъ оригинальны для парижской публики. Легкомысленные читатели бульварныхъ журналовъ усматриваютъ въ нихъ только сюжеты для забавы. Каррикатура искажаетъ все произведеніе и вскорѣ поднимается всеобщій хохотъ по поводу вещей, нисколько несмѣшныхъ.

Надо знать эту удивительную публику, насчитывающую всего какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ человѣкъ, но которая шумитъ такъ, какъ будто бы ея нѣсколько сотъ тысячъ, чтобы получить понятіе о необычайныхъ сужденіяхъ, произносимыхъ ею. Писатель двадцать лѣтъ трудился надъ своимъ произведеніемъ; какой-нибудь баринъ пробѣжитъ его въ какихъ-нибудь двадцать минутъ и броситъ, говоря: „какая скука"—и кончено: книга осуждена!

Надо сказать и то, что свободное развитіе таланта Флобера не можетъ привлечь ему симпатій толпы. У него требуютъ второй „Madame Bovary“, не желая понять, что писатель мельчаетъ, когда проходитъ зады. Онъ повиновался требованіямъ своего таланта, расширилъ свой анализъ. Каждое изъ его произведеній представляетъ новую попытку, осмысленную, выполненную съ удивительной твердостью. Прибавлю, что каждое изъ нихъ было шагомъ впередъ, новымъ фазисомъ этого таланта вполнѣ характернаго и добросовѣстнаго. Мнѣніе критики объ „Éducation sentimentale“ и „La Tentation de Saint-Antoine“ должно еще измѣниться. Необходимо, чтобы публика созрѣла для ихъ пониманія. Несмотря на нападки, которымъ подвергается Флоберъ со стороны критики, онъ занимаетъ самое видное мѣсто въ современной французской литературѣ. Всѣ относятся къ нему съ почтеніемъ, а молодое поколѣніе литераторовъ признаетъ въ немъ учителя. Но поглядите, какая странность: Флоберъ живетъ въ уединеніи, окруженный всего лишь нѣсколько друзьями, безъ шума, не таская за собою толпу поклонниковъ, между тѣмъ какъ другой писатель, который не можетъ написать письма, не надѣлавъ шуму на весь Парижъ, драматическій писатель, впавшій въ тихое безуміе, котораго я не хочу называть, собираетъ вокругъ себя цѣлый дворъ, даетъ совѣты дебютантамъ, занимаетъ собой общественное мнѣніе и стяжалъ заграницей славу представителя французскаго генія. Въ этомъ заключается гигантскій подлогъ, который меня безконечно досадуетъ. Геній французскій, въ настоящую минуту французскій языкъ въ его чистотѣ и красотѣ, составляютъ достояніе отшельника, покинутаго всѣми; надъ нимъ смѣются, и имя его журналы не упомянутъ и разъ въ мѣсяцъ. А между тѣмъ именно онъ долженъ былъ бы возбуждать восторгъ публики, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ честь и славу Франціи.

Эм. Зола.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА

Матеріалы для русскаго обычнаго права.

Обычное право. Выпускъ первый. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. Е. Якушкина. Ярославль, 1875. XXXXVI и 249 стран.

Вопросъ о народномъ юридическомъ бытѣ, или обычномъ правѣ, возникъ въ нашей литературѣ съ различныхъ сторонъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше долженъ привлекать къ себѣ вниманія. Сначала онъ явился, какъ одна изъ частностей въ томъ изученіи „народно-

сти", которое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ стало живымъ интересомъ литературы. Въ ряду народныхъ преданій и обычаевъ, изслѣдователи стали замѣчать и обычаи юридическіе, какъ образчикъ народныхъ воззрѣній, или еще памятной старины. Первые примѣры вниманія къ народнымъ обычаямъ, въ смыслѣ нравоописательнаго любопытства, представила еще литература прошлаго столѣтія. Но съ распространеніемъ этнографическихъ изученій, болѣе внимательный взглядъ на предметъ открылъ, что эти обычаи могутъ быть не только предметомъ случайнаго любопытства; научная этнографія вскорѣ указала въ нихъ, во-первыхъ, чрезвычайно важный историческій источникъ; во-вторыхъ, въ изученіи ихъ указала средство для серьёзнаго знакомства съ современной народной жизнью: въ обычаяхъ сберегалось давнее народное воззрѣніе, пережившее вѣка исторіи и гнётъ чуждой народному быту администраціи; это воззрѣніе заключало въ себѣ живые слѣды народнаго чувства юридической правды, — которые заслуживають полнаго вниманія людей, изучающихъ народную жизнь, и вниманія самого законодательства.

Въ этомъ серьёзномъ смыслѣ, между прочимъ, поняло вопросъ наше Географическое Общество, которое къ своей этнографической программѣ, еще въ 50-хъ годахъ, прибавило и программу изученія юридическихъ обычаевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, программа Общества была возобновлена въ болѣе подробной формѣ и съ болѣе точными требованіями.

Съ другой стороны, вопросъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ поставила сама практическая жизнь. Народный юридическій обычай съ древнѣйшихъ временъ держался въ быту сельскаго населенія— въ тѣхъ отношеніяхъ, за которыми не могла услѣдить мѣстная власть, или о которыхъ забывало законодательство; гдѣ только было можно, народъ издавна предпочиталъ свой юридическій обычай, избѣгая чиновничьей или дворянской юстиціи. Такъ шло многіе годы, цѣлыя столѣтія. Въ послѣднее время реформа коснулась народной жизни и въ этой области. Масса крѣпостного народа получила гражданскія права и требовала къ себѣ иного вниманія; при новомъ образованіи судоустройства, естественно представился вопросъ о формахъ суда для сельскаго населенія, въ извѣстныхъ границахъ его мѣстныхъ отношеній. Этнографическій интересъ къ народному обычаю дѣлался и интересомъ правительственнымъ. Особо назначенная коммиссія. изучавшая на мѣстѣ дѣйствія волостныхъ судовъ, собрала обширный матеріалъ въ извѣстныхъ „Трудахъ", которые, кромѣ своей важности для законодательныхъ опредѣленій, представляютъ и великій научный интересъ.

До настоящаго времени накопилось, такимъ образомъ, много любопытнаго матеріала для изученія народныхъ понятій въ области

юридическихъ и общественно-нравственныхъ отношеній. Это—цѣлое обычное право, распространяющееся на самыя разнообразныя явленія и случаи народной жизни, и идущее отчасти изъ отдаленной древности. Наша наука, обратившись къ этому предмету, уже вскорѣ умѣла оцѣнить его археологическое и историческое значеніе. И здѣсь, какъ во множествѣ другихъ изученій, опору дала европейская наука. Знаменитыя „Rechtsalterthümer" (1828) Якова Гримма указали, какой драгоцѣнный историческій источникъ заключается въ народномъ обычаѣ, и съ своей стороны внушали сочувствіе къ народной старинѣ.

Для юридическихъ обычаевъ у славянскихъ народовъ до сихъ поръ есть только одно цѣльное изслѣдованіе, принадлежащее Богишичу (1867—1874).

Въ нашей литературѣ о народномъ обычаѣ собралось до настоящей минуты множество матеріала, но почти исключительно въ частныхъ замѣткахъ и описаніяхъ, которыя относятся или къ отдѣльнымъ подробностямъ обычнаго права, или къ спеціальнымъ мѣстностямъ. Лучшей попыткой объясненія народныхъ обычаевъ въ историко-археологическомъ смыслѣ остаются до сихъ поръ извѣстныя статьи К. Д. Кавелина („Современникъ", 1848), въ которыхъ онъ предпринялъ научную обработку матеріала, собраннаго въ вышедшей тогда книгѣ Терещенка „Бытъ русскаго народа". Другой трудъ, въ которомъ съ большимъ знаніемъ фактовъ затронуты нѣкоторыя стороны вопроса, была книга покойнаго Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу". Но затѣмъ литература этого предмета состоитъ, какъ мы сказали, или въ изданіяхъ матеріала, частныхъ описаніяхъ, или частныхъ изслѣдованіяхъ, въ числѣ которыхъ были и труды съ большими достоинствами. Таковы работы гг. Калачова, Тарновскаго, Чубинскаго, Костомарова, Муллова, Ефименки и др. Г. Калачову принадлежитъ и та заслуга, что онъ не одинъ разъ напоминалъ этнографамъ и юристамъ о необходимости этихъ изученій.

Итакъ, этотъ любопытный и важный предметъ еще ожидаетъ изслѣдователя, который понялъ бы его въ цѣломъ составѣ. При нынѣшнемъ состояніи нашей науки, и особенно при положеніи этого вопроса, трудно еще было бы ожидать цѣльнаго изслѣдованія, которое начертало бы полную картину нашего обычнаго права, въ его главнѣйшихъ сторонахъ; но нельзя не желать, чтобы собранъ былъ уже пріобрѣтенный матеріалъ, указано и то, что̀ сдѣлано и что̀ остается сдѣлать. Обобщеніе уже становится возможнымъ,—и даже необходимымъ для того, чтобы самая разработка частностей могла найти прочное раціональное основаніе.

Поэтому мы встрѣтили съ большимъ интересомъ книгу г. Якушкина, которая, повидимому, должна быть именно трудомъ, обнимаю-

щимъ въ цѣлости предметъ, настолько требующій къ себѣ вниманія и въ научномъ, и въ общественно-практическомъ смыслѣ. Трудъ г. Якушкина состоитъ изъ двухъ частей: введенія и библіографическаго обзора того матеріала, какой представляетъ въ настоящую минуту литература по обычному праву русскаго народа и также по обычаямъ инородцевъ. Довольно обширное введеніе авторъ посвятилъ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ о практическомъ и историческомъ значеніи обычаевъ, сохраняющихся доселѣ въ народномъ быту, объясненію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, указанію правильной точки зрѣнія. Въ этихъ замѣчаніяхъ есть много поучительнаго, и вообще введеніе свидѣтельствуетъ о большихъ знаніяхъ автора въ русской и иностранной литературѣ предмета, о близкомъ знакомствѣ съ нашимъ обычнымъ правомъ не изъ однѣхъ книгъ, но и изъ личнаго наблюденія, о серьёзномъ и сочувственномъ отношеніи къ дѣлу.

Относительно библіографіи, занимающей въ книгѣ до 200 страницъ, авторъ указываетъ въ самомъ началѣ книги на неблагопріятныя условія, въ которыя поставлена библіографическая работа въ провинціальномъ городѣ и которыя могутъ служить извиненіемъ недостатковъ его труда. И безъ этихъ обстоятельствъ, неполнота можетъ быть очень естественна въ библіографической работѣ по новому, мало разработанному предмету; она есть, вѣроятно, и въ настоящемъ трудѣ. Но, съ другой стороны, книга г. Якушкина представитъ для занимающихся предметомъ другія выгоды,—рѣдко представляемыя у насъ подобными изслѣдованіями. Въ концѣ книги, авторъ помѣстилъ внимательно составленные указатели: во-первыхъ, систематическій, гдѣ весь матеріалъ, собранный въ библіографіи подъ общими отдѣлами („Значеніе обычнаго права“, „Гражданское и уголовное право“, „Свадебные обычаи“, „Обычное право инородцевъ“ и проч.), указанъ до самыхъ частныхъ фактовъ по подробнымъ рубрикамъ управленія, суда, гражданскаго и уголовнаго права и т. д.; во-вторыхъ, указатель этнографическій, гдѣ матеріалъ приведенъ по народностямъ; въ-третьихъ, указатель географическій—по мѣстностямъ; наконецъ, указатель сочинителей.

Такимъ образомъ авторъ даетъ не сырой матеріалъ книжныхъ указаній, но матеріалъ, уже значительно разобранный и подготовленный. Понятно, до какой степени это облегчитъ работу тѣмъ, кто предпринялъ бы изученіе той или другой стороны предмета, и какимъ серьёзнымъ трудомъ русская этнографическая литература обязана г. Якушкину. Остается пожелать, чтобы авторъ не замедлилъ продолженіемъ своего почтеннаго труда.

А. Н.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

По поводу смерти гр. А. К. Толстого.

Буживаль (возлѣ Парижа), 5-го (17) октября, 1875.

Любезнѣйшій М. М.,—третьяго дня вечеромъ получилъ я вашу телеграмму: горестной скорбью наполнила она мое сердце.—Я зналъ и прежде, что Толстому не суждено было долго жить на землѣ: не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ его докторъ въ Карлсбадѣ сказывалъ мнѣ, что нашему бѣдному другу не просуществовать и года; но трудно сразу примириться даже съ ожиданной потерей, особенно съ потерей такого человѣка, каковъ былъ Толстой. — Я далекъ отъ намѣренія представить теперь же его полную оцѣнку, опредѣлить его мѣсто и значеніе въ современной русской словесности: это—дѣло будущихъ его біографовъ;— мнѣ хочется только высказать нѣсколько мыслей, внушенныхъ воспоминаніемъ о симпатической личности отошедшаго въ вѣчность поэта.

Я сказалъ: поэта. Да; онъ былъ имъ несомнѣнно, вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рожденъ поэтомъ—а это въ наше время, вездѣ—и пуще всего въ Россіи—большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ—(извѣстно, что у насъ въ нынѣшнее время *молодыхъ* поэтовъ не имѣется) опредѣляются также его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія.—Положеніе Толстого въ обществѣ, его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что̀ такъ цѣнится большинствомъ людей;—но онъ остался вѣренъ своему призванію—поэзіи, литературѣ; онъ не могъ быть ни чѣмъ инымъ какъ только именно тѣмъ, чѣмъ создала его природа; онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи слова. Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что̀ одно даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ—а именно: собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физіономіей; онъ свободно, мастерской рукою распоряжался роднымъ языкомъ, лишь изрѣдка поддаваясь то искушеніямъ виртуозности — желанію пощеголять архаическими — правда, иногда весьма счастливыми — оборотами; то другимъ, мгновеннымъ соображеніямъ, въ сущности чуждымъ, какъ вообще все политическое — его сердцу и уму.—Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотвореній, которые—въ теченіе долгихъ лѣтъ—стыдно бу-

детъ не знать всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода—исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ—и въ послѣдней изъ нихъ, помѣщенной въ октябрьскомъ № „Вѣстника Европы" (въ день извѣстія о его смерти!),—онъ достигаетъ почти Дáнтовской óбразности и силы.—Наконецъ—и какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго выше о многосторонности его дарованія, кто же не знаетъ, что въ его строго-идеальной и стройной натурѣ била свѣжимъ ключомъ струя неподдѣльнаго юмора—и что графъ А. К. Толстой, авторъ „Смерти Іоанна Грознаго" и „Князя Серебрянаго" — былъ въ то же время однимъ изъ творцовъ памятнаго всѣмъ „Кузьмы Пруткова"?

Вотъ поэтъ, котораго мы лишились—и который едва ли скоро будетъ замѣненъ. И пусть тѣ, которымъ эти строки попадутся на глаза, не пожимаютъ плечами и не думаютъ, что эта утрата преувеличена мною; смѣю увѣрить ихъ, что проложить и оставить за собою слѣдъ будетъ со временемъ въ состояніи только тотъ, кто пойметъ и признáетъ эту утрату...

Я попытался набросить нѣсколько чертъ физіономіи Толстого, какъ поэта; чтó сказать о немъ, какъ о человѣкѣ?—Всѣмъ, знавшимъ его, хорошо извѣстно, какая это была душа, честная, правдивая, доступная всякимъ добрымъ чувствамъ, готовая на жертвы, преданная до нѣжности, неизмѣнно вѣрная и прямая. „Рыцарская натура"—это выраженіе почти неизбѣжно приходило всѣмъ на уста при одной мысли о Толстомъ; я бы позволилъ себѣ употребить другой, въ наше время нѣсколько заподозрѣнный—но прекрасный, и въ данномъ случаѣ самый умѣстный—эпитетъ. Натура гуманная, глубоко гуманная!—вотъ чтó былъ Толстой—и какъ у всякаго истиннаго поэта, жизнь котораго неуклонно переливается въ его творчество—эта гуманная натура Толстого сквозитъ и дышетъ во всемъ, чтó онъ написалъ.

Мнѣ бы не хотѣлось кончить это письмо чѣмъ-нибудь касающимся до моей личности; но передъ этой еще свѣжей могилой чувство благодарности заставляетъ умолкнуть всѣ другія: графъ А. К. Толстой былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, способствовавшихъ прекращенію изгнанія, на которое я былъ осужденъ въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ...

Миръ праху твоему, незабвенный русскій человѣкъ и русскій поэтъ!...

Я знаю, что вы глубоко сочувствуете нашему общему горю—и въ силу этого сочувствія крѣпко и дружески жму вашу руку. — Преданный вамъ—

Ив. Тургеневъ.

НЕКРОЛОГЪ

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Въ воскресенье вечеромъ 28-го сентября скончался, на 59-мъ году жизни, графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, въ своемъ черниговскомъ имѣньи, Красный Рогъ, близъ города Почепа; покойный родился въ Петербургѣ, 24-го августа 1817 года. Его образованность, обширныя и основательныя свѣдѣнія въ новѣйшихъ иностранныхъ литературахъ,—все это говоритъ въ пользу того домашняго воспитанія которое онъ получилъ въ домѣ своего дяди А. А. Перовскаго; оно оказалось достаточнымъ и для оффиціальныхъ программъ того времени, такъ какъ юноша могъ приступить прямо къ окончательному университетскому экзамену, и выдержалъ его въ Москвѣ. Положеніе въ свѣтѣ и родственныя связи предназначили его къ дипломатической и придворной службѣ; во время крымской кампаніи онъ изъ церемоніймейстеровъ перешелъ майоромъ въ стрѣлковый полкъ, и въ началѣ нынѣшняго царствованія былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ, какъ дѣлопроизводитель, въ устроенномъ тогда комитетѣ для изученія вопроса о раскольникахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, А. К. Толстой устранился отъ всякой практической дѣятельности; онъ только носилъ до своей смерти придворное званіе егермейстера, но затѣмъ пользовался своимъ временемъ совершенно свободно и проводилъ его бо́льшею частью за границей... Вотъ все, что́ мы можемъ привести изъ свѣтской карьеры покойнаго: но какъ ни скудны эти извѣстія, ими можно удовлетвориться, когда дѣло идетъ о жизни *поэта*...

Итакъ, конецъ пятидесятыхъ годовъ былъ вмѣстѣ концомъ и тѣхъ слабыхъ отношеній къ „злобѣ дня", въ которыхъ А. К. Толстой находился до того времени. Его дальнѣйшее и уже настоящее поприще къ тому времени опредѣлилось впрочемъ ясно: первыя стихотворенія А. К. Толстого, появившіяся въ „Современникѣ", въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, обратили сразу вниманіе на него отличнымъ знаніемъ народнаго быта и его исторической судьбы. Болѣе крупныя его произведенія той эпохи, появившіяся въ „Русской Бесѣдѣ" и „Русскомъ Вѣстникѣ", какъ поэма „Іоаннъ Дамаскинъ" и драма „Донъ-Жуанъ",—свидѣтельствовали уже о крупномъ талантѣ, обѣщавшемъ еще многое впереди...

Съ начала шестидесятыхъ годовъ А. К. Толстой всецѣло посвя-

щаетъ себя служенію литературы, и онъ очень скоро успѣлъ занять въ ней мѣсто, достойное его таланта. Въ 1861 г. Толстой былъ авторомъ историческаго романа „Князь Серебряный“, напечатаннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; въ 1866 г.—авторомъ драмы „Смерть Іоанна Грознаго“, напечатанной тогда же въ прежнихъ „Отечественныхъ Запискахъ“ и вскорѣ поставленной на сцену [1]).

Съ 1868 года, когда нашъ журналъ присоединилъ къ своей спеціальной программѣ отдѣлъ литературы, начались и наши личныя сношенія съ А. К. Толстымъ, которыя не прерывались и для журнала, можно сказать, до послѣдняго дня жизни поэта, такъ какъ послѣднее его произведеніе появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ мѣсяцъ тому назадъ, въ одинъ день съ печальнымъ извѣстіемъ объ его кончинѣ. Одинъ простой перечень трудовъ покойнаго въ нашемъ журналѣ покажетъ, какъ много мы обязаны ему въ недавнемъ прошедшемъ и сколько мы потеряли въ будущемъ. Изъ нижепомѣщеннаго письма къ намъ А. К. Толстого видно, что смерть остановила его жизнь среди новыхъ литературныхъ плановъ, осуществленіе которыхъ было бы важнымъ вкладомъ въ литературу и вмѣстѣ новымъ украшеніемъ для нашего журнала.

Вотъ перечень трудовъ А. К. Толстого въ „Вѣстникѣ Европы“:

1868 г. — 1) **Былина:** „Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ“.. (февр., 425 страница).
2) **Коринеская невѣста,** изъ Гёте (мартъ, 1 стр.).
3) **Царь Ѳедоръ Іоанновичъ.** Трагедія (май, 5 стр.).
4) **Проектъ** постановки на сцену трагедіи: „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ (дек., 506 стр.).
1869 г. — 5) **Пѣсня** о Гаральдѣ и Ярославнѣ (апр., 789 стр.).
6) **Пѣсня** о трехъ побоищахъ (май, 154 стр.).
7) **Пѣсня** о походѣ Владиміра (сент., 5 стр.).
1870 г. — 8) **Царь Борисъ.** Трагедія (мартъ, 196 стр.).
1871 г. — 9) **Ругевитъ** (мар. 5 стр.).
10) **Гаконъ Слѣпой** (мар., 8 стр.).
11) **Ушкуйникъ** (мар., 9 стр.).
12) „Въ монастырѣ пустынномъ близъ Кордовы“... (мар., 11 стр.).

---

[1]) По этому поводу мы должны сдѣлать возраженіе неизвѣстному намъ составителю некролога гр. А. К. Толстого, помѣстившему свои воспоминанія о немъ въ „Спб. Вѣд.“, № 266, за подписью Б., и присланныя имъ изъ Краснаго Рога. Описанныя имъ подробности перваго представленія на сценѣ „Смерти Іоанна Грознаго“ болѣе чѣмъ невѣрны. Смыслъ словъ покойнаго совершенно искаженъ; мы знаемъ отъ весьма уважаемыхъ свидѣтелей, что эти слова не относились къ приведенному г-мъ Б. факту; по редакціи г-на Б., покойный Толстой является съ такимъ характеромъ, какого онъ вовсе не имѣлъ. Мы не имѣемъ права возстановлять искаженное у г-на Б., но мы думаемъ, что было бы лучше не приводить факта вовсе, если нельзя было привести его такъ, какъ то слѣдовало.

1871 г. — 13) „То было раннею весною“... (дек., 603 стр.).
14) **На тягѣ** (дек., 604 стр.).
15) „Удара тяжкаго далекіе раскаты“... (дек., 605 стр.).
1873 г. — 16) **Эдвардъ**. Шотландская баллада (янв., 257 стр.).
17) „Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца“... (янв., 260 стр.).
18) „Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь“ (янв., 261 стр.).
19) **Канутъ**. Легенда (мар., 249 стр.).
20) **Слѣпой**. Былина (май, 158 стр.).
1874 г. — 21) **Портретъ**. Повѣсть въ стихахъ (сент.. 73 стр.).
1875 г. — 22) „Ты почто́, злая кручинушка“... (янв., 157 стр.).
23) „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье“... (янв., 158 стр.).
24) **Драконъ**. Разсказъ въ стихахъ (окт., 581 стр.).

Въ январѣ нынѣшняго года,—послѣдняго года своей жизни,—А. К. Толстой напечаталъ въ журналѣ одно изъ поименованныхъ стихотвореній, гдѣ онъ какъ бы съ поэтическимъ предвидѣніемъ изобразилъ обстановку осени, среди которой ему суждено было покончить жизнь, и обратился къ самому себѣ съ послѣднимъ вопросомъ:

. . . . Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былины
Опутываетъ сѣть летучей паутины;
Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ нихъ паденіи безшумномъ:
— Всему насталъ покой, прими-жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, покинутыя всѣми,
По совѣсти-ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

Намъ кажется, что нельзя не признать вполнѣ справедливымъ утвердительный отвѣтъ на главные вопросы,—въ вышепомѣщенномъ письмѣ, которое Ив. С. Тургеневъ прислалъ намъ, по поводу перваго извѣстія о смерти А. К. Толстого. Наши многолѣтнія личныя сношенія съ покойнымъ могли бы представить также не одно доказательство безусловной справедливости той характеристики его, какъ человѣка, какую даетъ намъ почтенный авторъ письма. Друзья могли быть

всегда увѣренными въ искренности и беззавѣтности дружбы покойнаго; но чтб еще важнѣе и рѣже: при встрѣчахъ съ противнымъ мнѣніемъ, онъ обнаруживалъ всегда всю свою правдивую и вмѣстѣ незлобивую натуру. Этими качествами обусловливалась его людскость, крайняя довѣрчивость, неизмѣнно веселый и всѣмъ одинаково пріятный нравъ, котораго не могла поколебать даже послѣдняя, продолжительная и подчасъ тяжкая своими припадками болѣзнь.

Теперь еще не время приводить его письма, — прекрасный матеріалъ для будущаго его біографа; — но мы позволимъ себѣ остановиться на одномъ изъ его послѣднихъ писемъ къ намъ, именно потому, что это письмо служитъ комментаріемъ къ „Дракону", помѣщенному въ предыдущей книгѣ журнала, и вмѣстѣ вызываетъ въ насъ воспоминанія о нашемъ послѣднемъ съ нимъ свиданіи лѣтомъ, въ іюнѣ нынѣшняго года, въ Карлсбадѣ.

Въ этотъ день А. К. Толстой былъ такъ веселъ, разговорчивъ, что только медикъ могъ бы отнестись недовѣрчиво къ состоянію его здоровья. Между прочимъ, рѣчь зашла о „Драконѣ", лежавшемъ на столѣ въ черновыхъ спискахъ. Чтеніе было отложено до прихода Ив. С. Тургенева, который вскорѣ и явился. До него мы обсуждали вопросъ, хорошо ли называть переводомъ съ несуществующаго итальянскаго подлинника то, чтб собственно было оригинальнымъ произведеніемъ.

— Пусть Анджело де-Губернатисъ (извѣстный профессоръ итальянской литературы во Флоренціи и нашъ общій знакомый),—засмѣялся весело Толстой:—поломаетъ себѣ голову и пороется въ старыхъ изданіяхъ, отыскивая оригиналъ!

Однако, авторъ все-таки нашелъ болѣе удобнымъ вычеркнуть слово: *переводъ*, и оставилъ одно: *съ итальянскаго*, чтб въ самомъ дѣлѣ было почти вѣрно: до такой степени поэтъ усвоилъ себѣ Дантовскую манеру.

На слѣдующій день послѣ свиданія, мы уѣхали въ Киссингенъ, а Толстой обѣщалъ прислать туда на-дняхъ списокъ, который онъ уже заказалъ одному изъ причетниковъ русской церкви въ Карлсбадѣ... Мы объясняемъ всѣ эти подробности, чтобы сдѣлать болѣе яснымъ содержаніе письма Толстого къ намъ изъ Карлсбада въ Киссингенъ.

19-го іюня ст. ст., рукопись пришла въ Киссингенъ; при свободномъ времени на водахъ, она была тотчасъ же просмотрѣна, и автору послано короткое извѣщеніе о благополучномъ ея прибытіи и нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, съ обѣщаніемъ писать подробнѣе уже въ Красный Рогъ. Пока было замѣчено то, что рукопись писана не авторомъ, а въ то же время не подписана имъ, такъ что, — приба-

вили мы, — нельзя имѣть увѣренность, что переписчикъ переписалъ до конца, или авторъ могъ забыть на столѣ послѣдній листъ; наконецъ,—говорили мы,—послѣдній стихъ разсказа остается единственнымъ въ новой терцинѣ: какъ съ нимъ поступить — примкнуть ли его къ предыдущей или сдѣлать изъ него новую терцину, 194-ю, —но она будетъ состоять изъ одного только стиха? Наше письмо было отправлено въ тотъ же день; 22 іюня, Толстой получилъ письмо и въ тотъ же день отвѣчалъ на него, перемѣшивая по своему обычаю серьёзное съ шуткой, безъ которой онъ рѣшительно не могъ жить. Вотъ это письмо, съ небольшими пропусками мѣстъ совершенно личнаго интереса:

„*Carlsbad*, Marienbaderstrasse, Haus „Stadt Wien“.
4 іюля (22 іюня). Свящ. муч. Евсевія. Мц. Юліаніи, Зины.
(Ап. Рим. V, 1—10; Ев. Мат. VI, 22—23). Отъ Р. Х.
1875.—Отъ сотвор. міра 7383.—Отъ основанія Рус. госуд.
1013.—*Отъ употребленія морфины 1-й*.

„Стараюсь, любезный и многоуважаемый М. М., хотя издали уподобиться вамъ аккуратностью (Толстой говоритъ такъ по случаю скорости отвѣта)... Еслибы жившій на рѣкѣ Ловати родъ Богумила, а на рѣкѣ Надьѣ родъ Борислава, а на рѣкѣ Волховѣ родъ Гостомысла состояли изъ васъ, то, конечно, не пришлось бы имъ звать варяговъ, а напротивъ, варяги позвали бы ихъ къ себѣ. Сейчасъ получилъ я ваше письмо изъ Киссингена. Дѣйствительно, я забылъ подписать *Дракона*, и прошу васъ сдѣлать это за меня; а если останется еще чернило на перѣ, то взять на себя трудъ измѣнить первый стихъ 30-й строфы слѣдующимъ образомъ:

„Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я...“

„*Шлемъ* какъ-то проще, чѣмъ *шеломъ*. Что касается до послѣдней строфы, отъ которой есть только первый стихъ, позвольте—faire un petit étalage d'érudition, которую я этой зимой (въ Италіи) пріобрѣлъ отъ Michel Angelo Gaetani, duca di Sermonata. Терцинами писали въ Италіи и до Данта, но Данте первый сталъ заканчивать свои главы *четвертымъ* стихомъ, безъ котораго или послѣдняя строфа осталась бы безъ риѳмы, или бы, по сложности и безпрерывности *терцинной цѣпи*, никогда нельзя было бы кончить, ибо одна строфа требуетъ непремѣнно другую. Въ изданіяхъ Данта, которыя мнѣ случалось видѣть, этотъ четвертый стихъ (единственный четвертый въ концѣ каждой главы) стоитъ какъ у меня; или же онъ слитъ съ послѣдней строфой, или поставленъ послѣ нея уступомъ, но безъ нумераціи. Ставить точки я считаю неудобнымъ, ибо это предполагало бы неоконченность стихотворенія. Я думаю, лучше выпустить послѣднюю цифру и примкнуть стихъ:

„Обычные тамъ ведшей разговоры“

—къ строфѣ 193-й, сдѣлавъ небольшой уступъ, или, говоря правильнѣе, немного отступя.

„.....Въ Красномъ Рогу я буду черезъ десять дней. Былъ бы и ранѣе, но мы съ Тургеневымъ затѣяли публичное чтеніе въ пользу жителей Моршанска, что̀ совершится въ будущую субботу (какъ извѣстно, это чтеніе имѣло блестящій результатъ).

„Мы, т.-е. я съ женой, предполагаемъ ѣхать въ Парижъ въ концѣ сентября...

Быть можетъ, въ теченіе зимы я предложу вамъ въ „Вѣстн. Европы“ новую работу, а именно: „Охотничьи воспоминанія“, въ прозѣ, которыя я уже началъ набрасывать. Туда войдетъ, сверхъ настоящихъ охотничьихъ приключеній, которыми я очень богатъ, множество анекдотовъ о живыхъ и мертвыхъ, и вообще все, что̀ взбредетъ въ голову. Оно, если удастся, можетъ выдти характерно и интересно...

„Крѣпко жму вашу руку и остаюсь искренно вашъ—

Ал. Толстой.

Доскажемъ до конца исторію рукописи „Дракона“, которой пришлось быть концомъ всей поэтической дѣятельности Толстого. Экземпляръ, посланный въ Киссингенъ, не увидѣлъ печати. Авторъ, возвратившись въ Красный Рогъ, снова пересмотрѣлъ весь текстъ и переработалъ его въ такой степени, что нельзя уже было ограничиться сообщеніемъ однѣхъ перемѣнъ; черезъ мѣсяцъ было получено письмо отъ Толстого съ просьбою истребить карлсбадскую рукопись; взамѣнъ ея была выслана изъ деревни новая, подписанная авторомъ, но переписанная не имъ,—если не ошибаемся, женскою рукою, быть можетъ, рукою того, теперь осиротѣвшаго, лица, которое съ такой преданностью и съ такимъ самоотверженіемъ окружало больного, можно сказать, материнскими заботами и попеченіемъ, за все продолжительное время его страданій и мучительныхъ припадковъ, возвращавшихся къ нему безпрестанно въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ; это, конечно, обязанность жены,—но честь исполненія обязанностей принадлежитъ всецѣло лицу и можетъ служить ему единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелую минуту воспоминаній о невозвратной утратѣ...

„Да будетъ нашему поэту, — по древнему выраженію, — земля легка“, какъ навсегда останется легкою и доброю память о немъ среди друзей и почитателей его таланта и его человѣческаго достоинства...

М. С.

18-го октября, 1875.

М. Стасюлевич

въ Государственнаго Совѣта. Т. IV, ч. 1-я и 2-я. Спб. 1875. Стр. 588 и 1030.

го изданіе, въ высшей степени важное для й государственной исторіи, началось еще 369 г., когда былъ отпечатанъ первый томъ ива", обнявшій собою все царствованіе Екаы II-й въ двухъ отдѣленіяхъ: 1) историче—касается военныхъ дѣйствій, дипломатиче- сношеній и важнѣйшихъ внутреннихъ со; 2) юридическое—посвящено движенію заательства, суду и управленію. Настоящій состоя также изъ двухъ частей, обни- собою послѣднія пятнадцать лѣтъ царанія Александра I-го, а именно отъ 1810 г., государственный совѣтъ собственно обрася въ нынѣшнемъ его значеніи, и до 19-го я 1825 г. Въ интересахъ науки нельзя не ствовать изданія, которое распростра- гласность, хотя бы историческую, на дѣяость такого важнаго органа нашей госувенной жизни. Подобный починъ дѣлаетъ нную честь нашему времени; отъ быстроты ѣховъ дальнѣйшихъ работъ будетъ зависѣть иженіе этой гласности къ новѣйшему време- къ пролитію свѣта на дѣятельность высшаго ній нашихъ государственныхъ людей, такъ предполагалось послѣдующіе томы посвяправленію императора Николая I-го и нынѣвующаго Государя Императора. Вся первая тома IV-го занята главнѣйшею задачею разованнаго въ 1810 г. государственнаго а, а именно, разсмотрѣніемъ проектовъ уло- гражданскаго, уголовнаго и торговаго; во й мы находимъ составленіе, разсмотрѣніе ержденіе уставовъ по разнымъ частямъ заательствъ. Въ концѣ приложены алфавиты: той, мѣстный и предметный; вообще, это іе, редактируемое Н. В. Калачовымъ, можно ть образцовымъ, по ясности распредѣленія й и строго выдержанной системѣ.

на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ, *Б. Ауэрбаха.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Перев. съ нѣм. Три тома: стр. 509, 43 и 415. Спб. 1876. Ц. 6 руб.

аши читатели были знакомы съ содержа- этого романа, напечатаннаго въ журналѣ и 69 гг., когда вышелъ и подлинникъ. Это—днее произведеніе знаменитаго романиста, енное имъ наканунѣ франко-прусской войны, ому его можно назвать также послѣднимъ, аннымъ имъ съ полною свободою творческаго анія отъ постороннихъ искусству цѣлей и нію минутѣ дня. Однимъ словомъ, въ этомъ ѣ Ауэрбахъ явился еще такимъ, какимъ характеризовалъ въ предисловіи къ переромана И. С. Тургеневъ. Послѣ радикальеремѣны въ житьѣ-бытьѣ нѣмецкаго обще- послѣдовавшаго за войной, романъ пріоѣтъ новый интересъ, какъ вѣрный слѣпокъ, нный дѣйствительно мастерской рукой. Розамѣчателенъ и по широтѣ плана: дѣйствіе ходитъ на обоихъ полушаріяхъ; и по раззію задачъ: темою романа служатъ во- историческіе, философскіе, педагогичеоціальные, а потому содержаніе его отвѣ- самымъ разнообразнымъ интересамъ, и ъ интересамъ, которые никогда не утрасвоей силы и своего обаянія.

Курсъ гражданскаго судопроизводства. Соч. *Кон. Малышева*, доц. спб. унив. Т. II. Спб. 1875. Стр. 355. Ц. 2 р. 25 к.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ мы указывали на появленіе перваго тома этого труда, а при второмъ находимъ уже объявленіе о скоромъ выходѣ второго изданія перваго тома. Такой успѣхъ въ обществѣ подтвердилъ одобрительные отзывы критики, которыми было встрѣчено появленіе начала труда г. Малышева. Въ составъ второго тома вошло ученіе о заочномъ рѣшеніи, о отзывѣ и о производствѣ во всѣхъ инстанціяхъ. Этимъ авторъ закончилъ систему судопроизводства, такъ-называемаго, ординарнаго процесса, отложивъ особыя его формы до слѣдующей книги. Задача автора въ настоящемъ томѣ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать къ созданію „практической теоріи" процесса и къ постепенному укрѣпленію и развитію ея на реальной почвѣ, такъ какъ „судебное право не замкнуто въ книгахъ закона, какъ въ мертвой, неподвижной формѣ, и не оканчивается за предѣлами его буквы; оно живетъ и дѣйствуетъ въ быту народа, растетъ и совершенствуется по мѣрѣ развитія юридическаго сознанія и культуры народа",—съ чѣмъ нельзя не согласиться.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб. 1875. Стр. 60. Ц. 75 к. съ перес.

Настоящая брошюра, вызванная обстоятельствами времени, не утратившими своего значенія и до настоящей минуты, имѣетъ въ виду послужить обществу распространеніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о краѣ, сосредоточивающемъ на себѣ вниманіе всей Европы. Читатели найдутъ здѣсь, сверхъ историческаго очерка, бытовую картину положенія населенія, которую можно считать микрокозмомъ общаго положенія всего христіанскаго населенія Турціи. Довольно сказать, что въ Герцеговинѣ поселянинъ изъ 120 рублей дохода издерживаетъ на правительственный механизмъ, въ видѣ всякихъ податей и налоговъ, 85 руб., и имѣетъ затѣмъ 35 руб. на годовое содержаніе. Такое отношеніе къ податной силѣ подрываетъ прежде всего самое существованіе оттоманской порты въ ближайшемъ будущемъ. Приложенная къ брошюрѣ карта даетъ удобство слѣдить за всѣми перипетіями возстанія.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. *Д. Иванова.* Спб. 1875. Стр. 110. Ц. 2 р.

Солдатское житье, сдѣлавшись общею участью, должно теперь занимать каждаго. Авторъ, имѣя въ виду такую потребность минуты, напалъ на счастливую мысль, въ формѣ разсказовъ и картинъ, познакомить съ бытомъ нашего солдата, и избралъ для того пережитое и видѣнное имъ самимъ во время стоянокъ и походовъ въ Туркестанѣ. Разсѣянные прежде по страницамъ „Военнаго Сборника", эти очерки являются теперь дополненными и исправленными. Особенную цѣну этихъ очерковъ и ихъ общее значеніе, независимо отъ мѣстности, къ которой они привязаны, составляетъ именно то, что авторъ болѣе всего обратилъ вниманіе на домашнюю, такъ-сказать, жизнь солдата и на сторону умственнаго и нравственнаго его развитія наканунѣ реформы воинской повинности.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр. Академ. пер., 9.